

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Калмыцкий государственный университет»

В. И. Рассадин

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ИЗБРАННОЕ

Элиста 2013

ББК Ш163
УДК 811.512.1
Р 244

Рассадин, В. И.

Тюркологические исследования: избранное [Текст] / В. И. Рассадин. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. – 215 с.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет»*

Издание представляет собой подборку исследований автора по современным тюркским языкам Южной Сибири, выполненных им за полувековой период, начиная с 1963 г., когда он начал запись и изучение для того времени мало кому известного тофаларского языка, языка одного из самых малочисленных тюркских народов, обитающих в горах Восточного Саяна и ведущего редкий для тюрков охотничье-оленоводческий образ жизни. В статьях освещаются различные области строя тофаларского языка: его звуковой состав, грамматика, лексика, его сравнительное изучение, связь с другими тюркскими и нетюркскими языками, дана история изучения тофаларского языка, история создания его письменности. Кроме того, помещён очерк открытого сойотского языка, приведены образцы тофаларского и сойотского фольклора, исследования по фонетике и лексике языка турок-месхетинцев.

Книга предназначена исследователям тюркских языков, специалистам по младописьменным языкам, тем, кто занимается сравнительно-историческим изучением тюркских языков и всем, кто интересуется тофаларским и сойотским языками.

Рецензент:

доктор филологических наук,
профессор ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет»
С.М. Трофимова

ПРЕДИСЛОВИЕ

История исследований, составивших тематику данного сборника, началась достаточно давно. Прошло ровно полвека с того времени, когда я, будучи аспирантом Новосибирского госуниверситета, в 1963 г. приступил к изучению тофаларского языка, о котором к тому времени было мало что известно. В прессе было лишь несколько публикаций очерков журналистов и писателей, побывавших в горах Восточного Саяна и посетивших этот своеобразный малочисленный тюркоязычный народ, живущий лишь в трёх посёлках в Нижнеудинском районе Иркутской области РФ и продолжающий вести охотничье-оленоводческий образ жизни, весьма редкий у тюркских народов. Эти посёлки – Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара – располагаются высоко в горах и не имеют регулярного дорожного сообщения, связь только самолётом или вертолётom. Поэтому данная территория вследствие её малодоступности долгое время была изолирована от внешнего влияния, что в какой-то мере способствовало сохранению самобытности этого народа.

В научной литературе сведений об этом народе и его языке было мало. Так, прежде всего следует упомянуть работу М.А. Кастрена (Castrén M.A. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre), опубликованную в Санкт-Петербурге в 1857 году, в которой помещён карагасско- (т.е. тофаларско-) немецкий словарь на полторы тысячи слов. Далее следует издание В.В. Радловым карагасских текстов, записанных Н.Ф. Катановым во время посещения им карагасов (тофаларов) в 1890 году (Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племён. Часть IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведённые Н.Ф. Катановым (СПб, 1907, с. 614-657). И, наконец, в 1963 году в научном сборнике «Тюркологические исследования» (М.-Л., с. 5-24) была опубликована статья Н.П. Дыренковой, написанная ею в 1933 году на основе материалов по языку, полученных в Ленинграде от тофаларских студентов тогдашнего Института народов Севера, с которыми она в 1930-1931 гг. проводила занятия по тофаларскому языку. За рубежом тофаларским языком занимался Карл Менгес (Das Sojomische und Karagassische von Karl Menges // Philologicae Turcicae Fundamenta. 1. Wiesbaden, 1959), построивший своё исследование целиком на материалах М.А. Кастрена и Н.Ф. Катанова.

Перед тем как поехать к тофаларам и начать сбор словарных материалов по их языку, поскольку темой моей кандидатской диссертации была избрана лексика, которую предполагалось рассмотреть в разных аспектах – как в плане синхронии, так и диахронии, мне пришлось тщательно образом проработать все указанные языковые материалы. Кроме того, я внимательно ознакомился и подробно изучил звуковой строй, грамматику и словарный состав тувинского языка, поскольку Н.А. Баскаковым было высказано предположение, что тофаларский язык по сути дела может считаться диалектом тувинского языка. Находясь под этим убеждением, я впервые летом 1964 г. приехал в экспедицию к тофаларам в село Алыгджер и приступил к сбору лексического материала по семантическим пластам. С первых же встреч с тофаларами выяснилось, что им почти непонятен тувинский язык, а материалы М.А. Кастрена, Н.Ф. Катанова и Н.П. Дыренковой противоречивы и не совсем точны. Уже беглое сопоставление материалов этих авторов с фактическими данными из современного тофаларского языка показало, что в них нет единства в фиксации звуковой стороны тофаларских слов. Например:

М.А. Кастрен	Н.Ф. Катанов	Н.П. Дыренкова	Совр.тоф. яз.	Значение
ihî	ihî	ihî	иъһи	два
ûîš	ûš	ûš	үш	три
beîš	pâš	běš	беш	пять
sehes	câric	sehes	сeъһес	восемь
köfei	kövâi	köbei	кeъфey	много
kiši	kiži	kiži	киши	человек
ham	кам	ham	һам	шаман.

Разумеется, возник закономерный вопрос, каким же в действительности является звуковой состав тофаларского языка? Оказалось, что ближе всего к современному тофаларскому произношению стоят материалы М.А. Кастрена и Н.П. Дыренковой. Записи Н.Ф. Катанова по сути дела не отражают специфики тофаларского языка, и в представленных им как тофаларские текстах фактически зафиксирован другой язык. Тофалары его не признали за свой. Почему в 1857 году М.А. Кастрен говорит о чередовании *š* и *h*, правда, отмечая это как диалектное явление, например: *baš* «голова» - *bahim* «моя голова», *taš* «волосы» - *tahem* «мои волосы» (ср. соврем. тоф. *баъһи* «голова» - *баъһим* «моя голова», *чеъһи* «волосы» - *чеъһим* «мои волосы»), Н.П. Дыренкова в 1933 году (почти через 100 лет) тоже отмечает переход *š* в *h*, а Н.Ф. Катанов в 1890 году

(примерно в середине этого срока) в этих и тому подобных случаях в интервокальном положении на месте *и* фиксирует *ж'* (мягкий *ж*): *на ж'ым* «моя голова», *ча ж'ым* «мои волосы». Значительные расхождения выявились и в отношении других звуков. В целях установления истины пришлось сразу же во время записи тофаларского языка обратить особое внимание на его звуковую сторону, чтобы выяснить специфику его фонетической системы, установить правила поведения звуков в потоке речи, определить закономерности чередования звуков, выявить особенности морфологии, слоговой акцентуации и т.д. и т.п. Ради объективности я побывал в 1964 г. в Тофаларии на территории расселения западной группировки тофаларских родов (это роды *һааш* и *сары-һааш*), т.е. там же, где производил свои записи Н.Ф. Катанов, и разыскал среди местных жителей тофаларских стариков, которые либо были рождены до его приезда, либо родились в год его приезда (это, например, А.А. Саганов 1879 г. рожд., житель с. Верхняя Гутара, И.Е. Кокуев 1890 г. рожд., житель с. Верхняя Гутара). С этими и другими стариками я проверил и перезаписал все тексты Н.Ф. Катанова. Поскольку все эти люди и в старости продолжали говорить на том же языке, на каком научились говорить в детстве, то от них я слышал подлинный тофаларский язык, наминавший язык, представленный М.А. Кастреном и Н.П. Дыренковой. Фактически тофаларский язык мне пришлось начинать записывать и изучать с нуля, ибо все материалы, имевшиеся в научной литературе, не были надёжны. Кроме того, поскольку тувинский язык был для тофаларов малопонятен, пришлось попутно выяснять, в каких отношениях состоят эти два языка, насколько они близки, является ли в действительности тофаларский язык диалектом тувинского языка, являются ли тофалары (т.е. карагасы, как их раньше называли) по происхождению самодийцами, усвоившими тюркский язык от тувинцев в XVII веке. Только самое тщательное исследование фонетики, грамматики и лексики, выполненное в сравнительно-историческом аспекте, могло дать ответ на эти вопросы. Начатое в 1963 году наше изучение тофаларской лексики вылилось в записи и исследование тофаларской фонетики, морфологии, синтаксиса, лексической семантики, а также в сравнение строя тофаларского языка со строем других тюркских языков как древних, так и современных. На основе полевых материалов в 1967 г. нами была защищена кандидатская диссертация на тему «Лексика современного тофаларского языка», в 1971 г. издана монография «Фонетика и лексика тофаларского языка» (Улан-Удэ), в 1978 г. опубликована монография «Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении» (М.: Наука), в 1983 г. защищена докторская диссертация на тему «Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков», в 1995 г. издан «Тофаларско-русский, русско-тофаларский словарь» (Иркутск), в 1996 г. опубликован сборник тофаларского фольклора «Легенды, сказки и песни седого Саяна» (Иркутск).

В этих исследованиях, таким образом, был установлен истинный звуковой строй современного тофаларского языка, определена роль фарингализации гласных звуков и её влияние на характер чередования согласных в потоке речи, был определён статус тофаларского языка как самостоятельного тюркского языка и выявлен особый таёжный ареал среди саянских тюркских языков, объединяющий тофаларский, сойотский, уйгуро-цаатанский и уйгуро-урянхайский языки. Этот ареал существует параллельно со степным ареалом саянских тюркских языков, в который входит тувинский язык Тувы, язык кёк-мончаков и цэнгельских тувинцев Монголии.

Эти исследования послужили также надёжной научной базой, опираясь на которую стало возможным создание письменности для тофаларского языка, написание букваря и других школьных учебников, подготовка школьных учителей и начало в 1989 г. преподавания тофаларского языка в начальных классах тофаларских школ.

Помимо отмеченных выше крупных проблем, нашедших своё решение в указанных работах, в процессе исследований появлялось множество более мелких вопросов и проблем, требующих своего освещения. Эти вопросы и проблемы решались в специальных научных статьях, опубликованных в различных подчас редких изданиях и мало доступных широкому кругу тюркологов. Поскольку представленные в этих исследованиях материалы новы и составляют определённый интерес для науки, мы сочли необходимым собрать эти статьи в одном месте в специальном сборнике, в котором приведены материалы не только по языку тофаларов, но также фактические данные по смежным тюркским языкам как Саяно-Алтайского нагорья, так и Монголии. В частности, несомненный научный интерес представляют наши исследования по недавно открытому языку сойотов Бурятии, а также наши материалы по языку турок-месхетинцев, который мы наблюдали в 2010 году.

При подаче материалов, вошедших в данный сборник, мы по возможности сохраняли характер оформления статей, принятый для времени публикации, особенно форму сносок-ссылок, подачу переводов, фактического материала. В круглых скобках указан источник, в котором опубликован приведённый материал.

Автор

ИСТОРИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТОФАЛАРОВ

Тофалары (по-старинному карагасы), обитающие на северо-восточных склонах Саянского хребта, — один из немногих тюркоязычных народов, занимающихся помимо промысловой охоты также разведением северных оленей. Их оленеводство выючно-верхового направления вместе с оленеводством тоже тюркоязычных тувинцев-тоджинцев исследователи выделяют в самостоятельный саянский тип (1). Из литературы известно, что оленеводство подобного же типа знают и в других районах, прилегающих к Саянам: на территории МНР — цаатаны (2) и дархаты (3), в состав которых вошли многие тюркоязычные этнические группы, родственные саяно-алтайским тюркам; в Окинском аймаке Бурятской АССР — группа бурят, ведущая свое происхождение от тувинцев и называющая себя *сойот* ~ *хойот* (4). По мнению специалистов, данный тип оленеводства в некоторых чертах совпадает с оленеводством, представленным у самодийских народов (5), и оба типа имеют реальные исторические связи (6).

Алтай и Саяны — территория, на которой с древнейших времен соприкасались тюркские, самодийские, кетские, тунгусо-маньчжурские и монгольские племена и их культуры. Поэтому изучение народов, обитающих на Саяно-Алтайском нагорье и сохраняющих своеобразные реликтовые формы хозяйства, такие, как оленеводство и т.п., которые исчезают в настоящее время под натиском цивилизации XX в., представляет большой научный интерес. Вопросы и проблемы этногенеза и глоттогенеза указанных выше народов можно решить, лишь комплексно используя данные археологических, исторических, этнографических, лингвистических, фольклористических и антропологических исследований. К сожалению, не все народы Саяно-Алтайского нагорья изучены во всех этих аспектах в одинаковой мере.

Наименее изученными являются тофалары. Давно назрела необходимость в обобщающей монографии историко-этнографического типа, такой, как, например, посвященные тувинцам-тоджинцам (7), башкирам (8) и многим другим народам. Если в исследовании языка тофаларов в последние годы произошел некоторый сдвиг, о чем будет сказано ниже, то в отношении собирания и изучения этнографических и иных материалов дело обстоит неудовлетворительно. Положение усугубляется еще тем, что носителями и хранителями традиционной материальной и духовной культуры тофаларского народа в настоящее время являются лишь лица старшего поколения, родившиеся в начале века еще при кочевом образе жизни. Таких же лиц, при общей небольшой численности тофаларов (по данным переписи 1959 г., их насчитывалось всего 560 человек), совсем немного, и они, разумеется, не вечны. Поэтому следует торопиться с проведением среди тофаларов широких этнографических исследований.

Дореволюционная литература по этнографии и истории тофаларов представляет собой в основном небольшие статьи и заметки общего характера. Пожалуй, одной из первых научных работ, в которой говорится о карагасах (9), является труд П.С. Палласа (10). В нем он пишет, что карагасы говорят на самодийском языке. В доказательство этого П.С. Паллас привлекает сравнительный лексический материал по языкам «самоедским, койбальским, моторским и карагасским» (11). Например, он приводит такие карагасские слова: *kale* «рыба», *charga* «мех», *sira* «снег», *merge* «ветер», *obtida* «волосы», *dimi-da* «зубы», *chu* «дерево», *gide* «два», *negur* «три», *šumbyla* «пять», *tuk-tut* «шесть», *schud-ob* «одиннадцать» (ср. соответственно современные тофаларские слова: *балык* «рыба», *кеши* (12) «шкурка», «мех», *кар* «снег», *кат* «ветер», *чеши* «волосы», *диш* «зубы», *неш* «дерево», *иъһи* «два», *уш* «три», *беш* «пять», *алты* «шесть», *он бряа* «одиннадцать»).

Весьма общие и скудные сведения о карагасах мы находим также в труде другого крупного ученого XVIII в., Иоганна Георги. Он так писал о карагасах: «Карагасы принадлежат к небольшим остаткам красноярских народов самоедского племени. Статьею может, что они во время воинственных беспокойствий собрались из беглецов; по крайней мере, не упоминается о них с уважением в истории о завоевании Сибири. Ныне платит сие поколение подушной оклад только за 22 семейных человека. Они кочуют при Тассеве, вышедшей из Верхней Тунгуски реке, в гористой несколько стране и приписаны к Удинскому острогу. Подушной их оклад (яса́к) расположен по деньгам: но они сверх того исправляют еще и некоторые казачьи службы при монгольской границе.

Язык их самоедское наречие, и притом не столько испорченное, как у многих других остатков самоедского племени.

Они бедны и, кроме нескольких оленей, ничего доброго у себя не имеют. Юрты, которые составляют из колышков, покрывают звериными кожами. Одевание делают себе из разных звериных

кож на самоедский вкус. Вместо чулок обертывают ноги жимолостной корой. Зимой носят теплые шапки, летом же ходят мужчины простоволосы, а женщины покрывают голову летними шляпками, нарочито пригожо из тростника выплетенными. В зимнее время питаются от одного звериного промысла, летом же диким кореньем и рыбной ловлей. Как для того, так и для другого переключиваются они летом по большей части через каждые три дня к другим речкам и озерам.

Они, правда, все крещены, но держатся больше, нежели другие обращенные к православной вере сибиряки, прародительского своего суеверия, которое есть шаманское. Теперь нет у них ни священнослужителей, ни волшебников. Всяк молится про себя Солнцу и Небесной Тверди с воздыханием и приносит в жертву от убитого медведя и красной дичи голову да сердце, вознося то и другое к солнцу на куске коры; причем просит об удовлетворении его нужд и съедает напоследок жертву. Знатным горам и рекам оказывают они, как и другие сибиряки, почтение и дарят или жертвуют им, когда к ним приближаются, понемногу табаку, привезенную с собой древесную веточку, лоскуток меха или иную какую дрянцу, причем отвешивают и низкие поклоны.

Теперь они покойников своих хоронят. В прежние же времена оставляли их для нетления на голой земле, положи головою к востоку, или клали на сделанный из колышков костер, либо и на дерева: причем покрывали их всегда хворостом; сожигали же токмо тех, которых особенно почитали» (13).

Здесь мы видим типичный образчик описания незнакомых народов в научной литературе того времени. Описание карагасов, данное Степановым (14), также не отличается полнотой и разнообразием.

Подлинно же научное изучение карагасов, как и ряда других народов Сибири, было начато великим ученым середины XIX в., труды которого до сего времени не утратили своего научного значения, известным лингвистом и этнологом М.А. Кастреном. Предприняв свое знаменитое путешествие по Сибири с целью изучения языков местных народов и племен, он посещает в 1849 г. и карагасов. В его письмах и отчетах о путешествии 1845—1849 гг., изданных академиком А. Шифнером (15), содержится немало сведений о карагасах, которых он застал тюркоязычными. Привлекая большой сравнительный материал, добытый им самим во время этого путешествия, М.А. Кастрен проводит анализ родового состава тофаларов, находя в нем самодийские элементы (роды *Irgä, Tarak, Tjogde, Bogosche*) (16). На основе сопоставления и анализа языкового материала М.А. Кастрен пришел к выводу, что карагасы, койбалы и сойоты имеют общее происхождение, а их языки якобы происходят от качинского. К сожалению, М.А. Кастрен в своих заметках все внимание уделяет этнологии и почти не дает описания материальной культуры виденных им карагасов.

Несколько восполняет этот пробел современник М.А. Кастрена действительный член Русского географического общества Ю.П. Штубендорф. В небольшой статье (17) он дает очерк быта, духовной культуры, верований, хозяйства карагасов. Впервые в литературе он приводит официальные названия родов (и их локализацию), сопоставляя с самоназванием. Так, по его материалам «род карагасский разделяется на пять улусов»: 1) карагасский — самоназвание *ссарыхъ хаишъ* (ср. совр. *сарыг хааш*); 2) шельбегорский, или сильпагурский, — самоназвание *акъдьяуда* (ср. совр. *чогды*); 3) кангасский, или кангатский, — самоназвание *хаишъ-таръ* (ср. совр. *хааш*); 4) удинский, или судинский, — самоназвание *карадьяуда* (ср. совр. *кара чогды*); 5) маллерский, или манжурский, — самоназвание *дептейлерръ* (ср. совр. *четтэй*) (18). В работе Ю.П. Штубендорфа приводятся также названия месяцев, созвездий, мер (все эти названия почти без изменений сохранились у современных тофаларов). Так, например, мы находим следующие названия 13 месяцев, на которые делится год у тофаларов: 1) *шомрай* (с 7 мая по 4 июня) — совр. *шомур ай* (<шомур «начинающая расти трава»); 2) *дозарай* (с 7 июня по 2 июля) — совр. *дозаар ай* (<доза- «сдирать бересту»); 3) *айкылай* (с 2 по 30 июля) — совр. *ай кызар ай* (букв. «месяц покраснения сараны»); 4) *айнарай* (с 30 июля по 27 августа) — совр. *айнаар ай* («месяц копания сараны»); 5) *эптынхай* (с 27 августа по 24 сентября) — совр. *эттинг ай* (<эттинг «колот для сбивания кедровых шишек»); 6) *джаррытерай* (с 24 сентября по 28 октября) — совр. *чары этэр ай* («месяц гона оленей»); 7) *кыштерай* (с 22 октября по 19 ноября) — совр. *алдылаар ай* («месяц охоты на соболя»); 8) *ыргелерай* (с 19 ноября по 17 декабря) — совр. *өрүглээр ай* (<өрүглэ- «заплетать косу»; как объясняли нам старики, месяц так назван потому, что дни настолько коротки, что женщина едва успевает заплести косу, как он кончается); 9) *соогай* (с 17 декабря по 15 января) — совр. *агай* («белый месяц») или *соог ай* («холодный месяц»); 10) *улуссоогай* (с 15 января по 12 февраля) — совр. *улуг соог ай* («месяц больших холодов»); 11) *хругоогъ* (с 12 февраля по 12 марта) — совр. *куруг ног* («пустое распугивание зверей»); 12) *торбытай* (с 12 марта по 9 апреля) — совр. *тоорбаи ай*

(«тоорбаи» «бревнышко, которое ночью горит в юрте для обогрева»; месяц назван так потому, что в это время снег липкий и облепляет все это бревнышко, которое намокает и потом плохо горит); 13) *ытталларай* (с 9 апреля по 7 мая) — совр. *ыталаар ай* («ытала- «охотиться с собаками по насту»). Здесь же приводятся названия мер: *кулашъ* «расстояние между средними пальцами при распростертых руках» (ср. совр. *кулаш* «сажень»), *харыи* «четверть» (ср. совр. *харыи* id.), *ыргэкъ* «дюйм» (ср. совр. *эргек* «палец»), *дэртъ-ыргэкъ* «ладонь» (ср. совр. *дэрт эргек* «четыре пальца»); названия созвездий: *тведэгаръ* «Большая Медведица» (ср. совр. *чеди ган*), *ыргаръ* «Плеяды» (совр. *урһер, уһер*). Кроме того, в работе есть довольно большой по тому времени список карагасских слов, о чем будет сказано ниже. Хронологически это первая публикация тофаларского лексического материала (грамматика карагасского языка М.А. Кастрена, к которой приложен словарь, вышла тремя годами позднее) (19). Слова и фразы записаны Ю.П. Штубендорфом у карагасов шельбигорского улуса. Весь этнографический материал также дан на основе его собственных наблюдений, что весьма ценно. Этнографическое описание произведено по традиционной схеме того времени. Ученый сообщает о внешнем виде карагасов, их жилище, одежде, причёске, пище, детях, браке, болезнях и их лечении, охотничьем промысле, оленеводстве, административном и социальном устройстве и верованиях. Он, единственный из всех, кто когда-либо занимался тофаларами, приводит образец нотной записи самой популярной у них мелодии. Хотя его очерк и краток, но он дает некоторое представление почти о всех сторонах жизни тофаларов. Однако, будучи буржуазным ученым, стоящим на позициях великодержавного шовинизма, Ю.П. Штубендорф отказывает карагасам в праве иметь собственную историю. Он пишет с презрением: «...народ, не принадлежащий истории, не может и иметь историю. Живя в непрерывных заботах о настоящем, он мало заботится о прошедшем. Довольствуясь жилищами, основанием которых служат лиственничные жерди, он оставляет памятники, свидетельствующие о существовании народа до сгниения жердей» (20). Действительность же показала всю нелепость и несостоятельность этих воззрений.

Среди работ этнографического характера заслуживает упоминания статья Н. Кострова (21), который подвел в ней некоторые итоги описания карагасов, присовокупив также свой материал. Касаясь родового состава карагасов, он опирается на исследования М.А. Кастрена. В этой работе имеется много нового, по сравнению с трудом Ю.П. Штубендорфа, материала о культуре и быте карагасов, приводится описание одежды шамана, процесса камлания. Впервые приводятся тофаларские слова, поясняющие некоторые реалии, т.е. из этой статьи можно почерпнуть и некоторый лексический материал.

Заметный след в изучении карагасов оставил Н.Ф. Катанов, который в 1890 г. совершил к ним путешествие и произвел большие текстовые записи. В дневнике этого путешествия (22) и особенно в записанных им карагасских текстах (23) имеется много сведений этнографического характера. Работы Н.Ф. Катанова содержат много материала и по антропологии карагасов.

Большой вклад в этнографическое изучение тофаларов вносит работа В.Н. Васильева (24), посетившего их кочевья в 1908 г. Его статья о карагасах впервые хорошо иллюстрирована (16 фотоснимков). Описание построено по той же традиционной схеме: даны сведения о местах обитания, о их названии и отношении к другим народам, о их физическом типе и внешнем облике, о характере, численности, ассимиляции, образе жизни, жилище, одежде, пище, ремеслах, о семейной жизни, рождении и воспитании детей, играх детей, сватовстве, свадьбе, о положении вдов и вдовцов, об административном управлении и родовом строе, о верованиях. Как видим уже из одного только перечня затрагиваемых вопросов, эта работа выгодно отличается от предыдущих большой широтой охвата исследуемого материала, который целиком получен путем личных наблюдений. Неоценимы с научной точки зрения приведенные фотоснимки, ставшие теперь уникальными.

Все эти сведения в какой-то мере дополняет последняя из дореволюционных работ о тофаларах — брошюра хорошего знатока их жизни, красноярского этнографа И.А. Евсенина (25). В ней также говорится обо всем понемногу: об их местообитании и соседних народах, их типе, численности, делении по улусам и управлении, о суде, промысле и занятиях, о жилище, одежде и обуви, о пище, характере, детях и детских играх, о перекочевках, религии, сказках и песнях. Эта брошюра принадлежит к типу популярных работ по краеведению.

Таким образом, все дореволюционные исследователи, за исключением М.А. Кастрена и Н.Ф. Катанова, стремились дать описание сразу всех особенностей быта и хозяйства карагасов. Поэтому, придерживаясь постоянной схемы, они и писали обо всем понемногу. Из этих работ мы узнаем, что тофалары в XVIII—XIX вв. официально назывались карагасами, хотя было известно их

самоназвание: тофа — туфа. Они были кочующим народом, разводили северных оленей, ездили на них верхом и использовали под выюк. Олень также одевал и кормил их, давал шкуры для постройки жилищ — конических юрт, которые летом крылись полосами вываренной бересты, а зимой оленьими шкурами. Летом карагасы находились с оленями в Белогорье, зимой занимались промыслом соболя и белки. Пушнина была основным товаром их хозяйства, который шел в уплату ясака и благодаря которому они могли приобретать другие нужные им товары и продукты питания. Основной пищей были мясо диких зверей, изредка домашнего оленя, коренья сараны и кандыка, кирпичный чай с оленьим молоком и ржаная лепешка, испеченная в золе костра. Охотились в основном с ружьем и собакой, луки давно вышли из употребления. Единственным средством передвижения по тайге служил олень, на котором ездили так же, как на коне, используя седло со стремянами, с нагрудной и подхвостной шлейей. Использовали также и лыжи. Перекочевки носили сезонный характер. Одежду составляли меховые шубы — у мужчин до колен, у женщин до пят. У женщин шубы в талии и по вороту были со сборками. Борта, обшлага и подол женских шуб были оторочены лентами из цветного сукна и опушены мехом. На поясе у карагасов были ножи в ножнах и кисеты с табаком, огнивом и трубкой. Обувь шилась зимой из камысов, летом из ровдужги. После развития торговли и общения с русскими стали широко использовать покупную матерчатую одежду. Брак совершался в результате предварительного сговора родителей и выплаты калыма. Кочевали группами юрт, объединяющимися по родственным признакам. Административно делились на пять родов, во главе всех их стоял выборный шуленга, во главе каждого рода был дарга. Ежегодно в декабре все собирались на суглан, где уплачивался ясак, священниками производились разные требы и устраивалась большая ярмарка. Хотя все были давно крещены, сохранялось шаманство. Шаманы имели большую силу. Одевание шаманов состояло из ровдужной куртки, увешанной железками, лоскутками, лентами, ровдужных сапог и шапки из птичьих перьев. Умерших хоронили как в земле, так и на поверхности в особых срубках. В гроб клали вещи покойного и закалывали оленя, на котором он ездил при жизни.

Таким оставался быт и образ жизни тофаларов и в первые годы советской власти, до того как начался их переход к оседлости, переход к новым формам хозяйствования, овладению грамотностью и созданию новой социалистической культуры. В это время начинается и новый этап их изучения, поставленный на подлинно научную основу. С ним связано имя профессора Иркутского университета Б.Э. Петри, под руководством которого были проведены организованные Обществом Красного Креста и Комитетом Севера научные экспедиции к малым народам тогдашней Иркутской губернии — окинским сойотам, тунгусам и карагасам. Экспедиции должны были изучить на месте материальную культуру этих народов, их бюджет, перспективы развития и наметить конкретные меры для их социального и культурного возрождения. Результатом экспедиции 1925 г. к тофаларам явилась целая серия небольших монографий, каждая из которых была посвящена какому-либо конкретному вопросу (26), что позволило более глубоко и всесторонне рассмотреть целый ряд проблем, касающихся этнографии тофаларов.

Кроме Б.Э. Петри тофаларами в это время занимались также и другие исследователи, например профессор Иркутского университета К.Н. Миротворцев, давший очерк экономики тофаларского хозяйства (27); С.В. Керцелли, написавший статью об оленеводстве у тофаларов (28); Д. Соловьев, исследовавший соболиный промысел (29); Ю. Кудрявцев, осветивший положение в Центральном Саяно-Карагасском охотничьем хозяйстве (30), которое было создано в 1927 г. с целью упорядочения охотничьего промысла и сохранения численности промысловых животных.

Перу этнографа М.А. Сергеева принадлежат работы о переходе тофаларов к новой жизни (31), а также общий историко-этнографический очерк о тофаларах в коллективной монографии «Народы Сибири» (32).

С.В. Ивановым была впервые сделана попытка рассмотреть изобразительное искусство тофаларов (33), хотя и по скудным материалам музейных коллекций.

Видным советским этнографом Б.О. Долгих на широком сравнительном материале проведено подлинно научное исследование этногенеза тофаларов, истории сложения их родо-племенной структуры (34). М.Г. Левин в 1950-х годах произвел антропологическое обследование тофаларов и установил принадлежность их вместе с тувинцами-тоджинцами и некоторыми группами звенков к байкальскому типу (35). Антропологические исследования среди тофаларов с анализом групп крови, резус-факторов и т.п. проводились группой московских специалистов в 1964 г. (36)

Родо-племенной структуре и социальной организации тофаларов, а также вопросам, связанным с их типом оленеводства, посвятил ряд работ этнограф С.И. Вайнштейн (37), известный своими исследованиями по этнографии тувинцев. Автором настоящей статьи была сделана по-

пытка наметить основные вехи истории тофаларов, исходя из сравнительно-исторического анализа их языка (38). Им же дано описание культа медведя у тофаларов на основе собранного им самим полевого материала (39).

Большую и весьма ценную в научном отношении работу проделал венгерский этнограф В. Диосеги по сбору и изучению материалов по шаманству у тофаларов, которых он посетил в июле 1958 г. Результатом этой научной поездки явился труд о проблеме этнической однородности тофаларского шаманства (40), иллюстрированный фотографиями и цветными рисунками, которые дают представление о различиях между тофаларскими родами в деталях шаманского костюма. Автор включил в свою работу также большой лексический материал (названия тех или иных вещей или деталей одежды и иного снаряжения шамана), что стало хорошей традицией этнографов. Помимо сведений о самом шаманстве, полученных В. Диосеги от самих тофаларов, в работе дано описание всех процессов обработки различных материалов и изготовления шаманского костюма и снаряжения, т.е., по сути дела, получило квалифицированное научное описание домашнее ремесло тофаларов. Эту работу по праву можно считать значительным вкладом в изучение этнографии тофаларов.

Тофаларский шаманский костюм привлек внимание и этнографа из ГДР В. Хартвига, написавшего об этом статью (41), в которой он анализирует заметки И.А. Евсенина.

Вопросы фольклора тофаларов, к сожалению, мало исследованы. Первым и, пожалуй, единственным, кто записал на тофаларском языке и издал с переводом образцы различных жанров устного творчества тофаларов, был Н.Ф. Катанов. Он записал 67 песен (536 стихов), 26 устных рассказов, 9 преданий о племени, 9 загадок, 29 сказок. Все они опубликованы в его вышеупомянутых трудах. Отрадно отметить, что эта сторона духовной культуры тофаларского народа не выпала из поля зрения современных исследователей. Мы имеем в виду небольшую монографию иркутского фольклориста Р.А. Шерхунаева (42). В качестве приложения к своей работе он приводит тексты тофаларских сказок, которые, к сожалению, сразу были записаны в переводе на русский язык. В книге находим обстоятельный очерк, посвященный состоянию изученности тофаларского фольклора и истории Тофаларии, в особенности современной, о чем никто еще до сих пор не писал.

Некоторые этнографические подробности и детали содержатся в работах популярного характера, принадлежащих журналистам, путешественникам и другим лицам, посещавшим тофаларов и наблюдавшим их в повседневной жизни (43).

Лингвистическое исследование тофаларов не может, к сожалению, похвастать обилием литературы. Из дореволюционных исследователей лишь четыре приводят сведения о тофаларском языке: Ю.П. Штубендорф, Н. Костров, М.А. Кастрен и Н.Ф. Катанов. Речь идет именно о тюркском языке тофаларов, близком к современному. То обстоятельство, что в XVIII в. П.С. Паллас находил карагасский род самодийским по языку, объясняется, видимо, тем, что тофалары представляли собой гетерогенное племя, среди которого растворились более мелкие самодийские племена; одно из них и описывал П.С. Паллас.

Как уже упоминалось, хронологически самый ранний языковой материал по тофаларам мы находим в указанной выше работе Ю.П. Штубендорфа. Записи сделаны им самим у представителей рода ак-чогду. Записи М.А. Кастрена, произведенные примерно в те же годы, были опубликованы три года спустя. Ю.П. Штубендорф приводит в своей статье около 200 лексических единиц, включая названия месяцев, мер, созвездий, родов (см. выше, с. 192—193). Его написание карагасских слов в основном совпадает с написанием их у М.А. Кастрена и очень близко к современному произношению. Например: у Штубендорфа — *дунгма*, у Кастрена — *tuŋma* (совр. *duŋma* «младший брат или сестра»); у Штубендорфа — *аланъ*, у Кастрена — *alen* (совр. *alyn* «лицо», «лоб»); у Штубендорфа — *хай*, у Кастрена — *hai* (совр. *hã:j* «нос», «морда», «клюв»); у Штубендорфа — *ихтъ*, у Кастрена — *et* (совр. *eŋt* «мясо»); у Штубендорфа — *тохось*, у Кастрена — *tohos* (совр. *toŋhos* «девять») и т. д.

Ю.П. Штубендорф и М.А. Кастрен верно подметили некоторые характерные особенности фонетики тофаларского языка, например среднеязычный характер аффрикаты *č* и ее звонкого варианта *ž*. В современном языке слабая среднеязычная аффриката реализуется как в глухом — *č*, так и в звонком — *ž* оттенках. Один и тот же человек произносит то *č*, то *ž*, так как глухость — звонкость для слабых согласных тофаларского языка — оттенковые признаки, зависящие целиком от комбинаторных условий (44). Поэтому-то у Ю.П. Штубендорфа находим то *чаи*, то *дьяи* «волосы» (аналогичные примеры есть и у М.А. Кастрена). Точно так же у М.А. Кастрена наблюдаем варианты и с *t*, и с *d*: *talai-dalai* «море», *tajak-dajak* «посох», *tora-dora* «поперек», *tiŋ-diŋ* «белка». У Штубендорфа находим в одном случае *дунгма* (ср. у Кастрена *tuŋma*) «брат», а в другом —

кастумам «младшая сестра» (< *кыс дунгма*, где *д* перед *с* оглушается). По этой же причине Штубендорф приводит *данза*, а Кастрен — *taṇsa* «трубка» и т. д.

Следующей особенностью фонетики тофаларского языка является произнесение фарингально-звонкого *h* после сонантов (45). У Штубендорфа, находим *болхаиш* «болото», у Кастрена — *balhaš* «грязь» (ср. совр. *balhaš* «жидкая грязь»), у Штубендорфа — *бурхан*, у Кастрена — *burhan* (ср. совр. *burhan* «бог»), у Штубендорфа — *талан*, у Кастрена — *talhan* (ср. совр. *talhan* «мука»). В произношении иногда звонкий *h* после *l*, *m*, *n* настолько ослабевает, что почти не слышится, поэтому люди другой национальности слышат вместо тофаларского *tamhy* «табак», *anhai* «теленоч», *talhan* «мука» и т. п. соответственно *tamy*, *anai*, *talan*. Поэтому и Штубендорф воспринял *talhan* как *talan* (видимо, эта особенность существовала в тофаларском языке уже в то время).

М.А. Кастрен, к сожалению, не услышал в тофаларском языке фарингализованных гласных, поэтому у него не различаются *ot* «огонь» (совр. *od*) и *ot* «травы» (совр. *oŋt*), *keset* «узкий», «тесный» (совр. *qysyl*) и *kešel* «красный» (совр. *qyzyl*), хотя он приводит вариант *kešel* «красный». О наличии фарингализации уже в то время свидетельствуют различия в подаче некоторых слов у Штубендорфа и Кастрена. Например: у Штубендорфа — *охть*, у Кастрена — *öt*, *et* (совр. *yŋt* «собака»); у Штубендорфа — *буштъ*, у Кастрена — *bört* (совр. *böŋrt* «шапка»); у Штубендорфа — *ихть*, у Кастрена — *et* (совр. *eŋt* «мясо»); у Штубендорфа — *аритэкъ*, у Кастрена — *artek* (совр. *aŋrtuq* «лишний»).

В современном языке эти слова произносятся приблизительно так, как записал их Ю.П. Штубендорф. Из-за фарингализации гласных в первом слоге слышится как бы придыхание, а после нее согласный *r* перед *t* всегда произносится очень глухо. Поэтому этот *r* и был воспринят Ю.П. Штубендорфом как *ш*. М.А. Кастрен, не услышав фарингализованных гласных, все-таки чувствовал разницу в произношении гласных с фарингализацией и без нее. Особенно эта разница заметна перед звуком *š*, который в тофаларском языке всегда очень палатализован, поэтому Кастрен дает *baš* «голова» (совр. *baŋš*) и *baš* «рана» (совр. *baš*). Под влиянием сильной палатализации звука *š* при переходе от гласного *a* нижнего подъема к этому *š* язык проходит положение, характерное для гласного *i*, вследствие чего при быстрой смене артикуляции от *a* к *š* перед *š* иногда слышится скользящий *i*-образный призвук, что М.А. Кастрен принял за дифтонг. После фарингализованного *a*, артикуляция которого глубоко заднеязычна, почти увулярна, такого не происходит. М.А. Кастрен отмечает дифтонг *s i* во многих словах: *taš* «камень» (совр. *daš*), *tüš* «он» (совр. *düš*), *böš* «кедр» (совр. *böš*), *eš* «спутник» (совр. *eš*), *üš* «три» (совр. *üš*), *šoška* «свинья» (совр. *šoška*), *keiškerarmen* «кричать» (совр. *qyšqyr-*) и т. п. Ю.П. Штубендорф также слышит в ряде слов дифтонг: *yüš* «три», *beüš* «пять» (совр. *beš*), *dyüš* «грудь» (у Кастрена — *töš*, *döš*; совр. *döš*), *byüš* «кедровник». Интересно, что Н.Ф. Катанов, записывавший свой материал в тех же краях спустя всего сорок с небольшим лет, уже нигде не фиксирует в этих словах дифтонга: *näš* «пять», *yüš* «три», *n'äš* «дерево», *kyškyr-* «кричать», *nöš* «кедр». В современном языке здесь везде чистые краткие гласные.

Первым, кто дал довольно подробное и правильное, хотя и схематичное, описание морфологической структуры тофаларского языка, был М.А. Кастрен (46). В приложенном к грамматике словаре дано свыше тысячи тофаларских слов. Н.Ф. Катанов, собравший большой текстовый и словарный материал по тофаларскому языку, использовал его в своей знаменитой грамматике тувинского языка (47). Отдельные весьма интересные замечания о тофаларском языке, а также выборка русских заимствованных слов содержатся в его письмах к В.В. Радлову, отправленных во время путешествия в Сибирь и Восточный Туркестан (48). Бесценным вкладом Н.Ф. Катанова в тюркологию являются его записи фольклора сибирских народов, в том числе и тофаларов. К сожалению, Н.Ф. Катанов несколько «отувинил» тофаларский язык, о чем нами уже говорилось (49). Н.Ф. Катанов производил записи в 1890 г. Нами же опрашивались тофалары, которые родились еще до приезда Катанова, например А.А. Саганов из с. Верхняя Гутара (1879 г. рожд.) и Е.М. Кангараева из с. Алыгджер (1870 г. рожд.). Те же тексты, которые были записаны Н.Ф. Катановым, они произносят иначе. Их произношение ближе к зафиксированному Кастреном (правда, у Кастрена не отмечена фарингализация, но она не была уловлена и Катановым). Поэтому материалы Н.Ф. Катанова нельзя использовать для сравнительно-исторических фонетических исследований.

Следующими по времени являются записи тофаларского языка, произведенные Н.П. Дыренковой в 1930-х годах в Институте народов Севера в Ленинграде, где она вела занятия с группой учащихся-тофаларов. Результаты ее работы получили отражение в статье, которая была опубликована лишь в 1963 г. (50). Помимо общих сведений о тофаларах в этой статье подробно освещена фонетическая сторона их языка. Звуки даны во всех их оттенках. Но, к сожалению, фарингали-

зация гласных, столь существенно влияющая на поведение последующих консонантов в потоке речи, осталась не замеченной и ею. Поэтому Н.П. Дыренкова вынуждена иногда просто констатировать явление, не объясняя причин, по которым в одних случаях оно наблюдается, а в других нет (51). В статье Н.П. Дыренковой дан также сжатый, но достоверный очерк морфологии с элементами словообразования, причем охвачены почти все части речи. Эти материалы значительно дополняют грамматическую схему М.А. Кастрена. Кроме того, в статье произведен краткий анализ словарного состава и приложены два текста в фонетической записи с подстрочным переводом. Ее записи во многом совпадают с записями М.А. Кастрена, более реально представляя звучание тофаларской речи, нежели у Н.Ф. Катанова.

Исследование тофаларского языка, выполненное К. Менгесом (52), основано на материалах Кастрена и Катанова и представляет собой сравнительно-исторический анализ фонетики, грамматики и лексики тофаларского языка. При этом он принимал тувинский и тофаларский языки за один язык туба и рассматривал их вместе.

С 1964 г. тофаларским языком начал заниматься автор данной статьи. Им была исследована фонетическая система, причем выявлены специфические фарингализованные гласные и увязано с ними поведение согласных в потоке речи, благодаря чему стал ясен механизм чередований фонем. Были произведены записи словарного материала и текстов, собран материал по грамматике тофаларского языка. Часть этих исследований опубликована в виде статей и монографии (53). Составлена картотека тофаларского словаря в объеме около 15 тыс. лексических единиц. Начато описание морфологии тофаларского языка.

Исследование фонетики тофаларского языка экспериментальными методами, как традиционными (кимографирование, палатографирование и др.), так и современными (с применением спектрографа, пневмоосциллографа, кинорентгена и др.), проводится В.М. Надеяевым. Результаты этих исследований опубликованы (54). Целиком разделяя выдвинутую В.М. Надеяевым точку зрения о разделении тофаларских согласных на сильные, слабые и сверхслабые (по нашей терминологии — сонанты), хотелось бы возразить против отнесения фарингализации гласных к оттенковому признаку: как же быть в таком случае с парами слов типа *ašta:r* «голодать» и *aʃšta:r* «числить», *qasta:r* «охотиться на гусей» и *qaʃšta:r* «закинуть поводья за луку седла стоящей лошади», *et:ar* «бить» и *eʃt:ar* «идти за мясом», *at:ar* «имена» и *aʃt:ar* «лошади» и т.п.? Такие слова различаются только гласным — фарингальным или нефарингальным. Кроме того, именно фарингализация обуславливает чередование согласных в потоке речи. Если же фарингализация — оттенокный признак, то она должна быть факультативной. В действительности же, если заменить фарингализованный гласный нефарингализованным, слово меняет смысл. Например, *aʃq* с фарингализованным гласным означает «теки» (и звук *q*, попав между гласными, переходит под влиянием фарингализации в *h*: *aʃhar* «потечет»); это слово с нефарингальным — *aq* — означает «белый» (*q* чередуется с *y*: *ayu* «его белый»). Поскольку фарингализация вообще относится к редким языковым явлениям и в тюркских языках отмечается лишь в тувинском и тофаларском (при этом в тувинском она ведет себя иначе, чем в тофаларском), нам кажется, имело бы смысл специально исследовать явление фарингализации в тофаларском языке и ее влияние на соседние согласные экспериментальным методом.

Отдельно хотелось бы остановиться на сравнительно большом лексическом материале, данном в указанной выше работе В. Диосеги. Дело в том, что автор этой работы, этнограф, не обладая специальной фонетической подготовкой, допустил ряд ошибок в передаче звуковой стороны тофаларских слов. Так, тофаларский фарингальный *h* везде передан как *x*, что неверно (например, *tāxā* «черный козел» в м. *teʃh'e*, *bāxā* «его голова» в м. *beʃh'e*, *baʃh'i*); не обозначена долгота гласных (например, *xaš* в м. *ha:š* — название рода, *ärgus* «рябина» в м. *ε:rgü:s*, *ök* «пуговица» в м. *ö:k*); некоторые слова расслышаны неверно (например, *qaty söskä* «*salix*» в м. *qatyy sö:skən* «таволга», *biš* «кедр» в м. *böš*, *xon jutu* «коленный сустав» в м. *hon'žusu* «его голенище»). Подобных неточностей много, поэтому весь лексический материал, приведенный В. Диосеги, нуждается в проверке.

В 50-е годы изучением тофаларов и их языка занималась преподаватель кафедры турецкой филологии Ленинградского университета А.И. Маркой, материалы которой (фольклорные записи и наброски грамматики тофаларского языка) хранятся в Архиве востоковедов ЛО ИВАН СССР (55).

Недавно в Иркутске был организован этнографический музей под открытым небом. Хочется надеяться, что сотрудники этого музея в скором времени ликвидируют тот пробел, который еще существует в изучении тофаларов.

Примечания

1. См.: Г.М. Василевич, М.Г. Левин. Типы оленеводства и их происхождение. — СЭ. 1951, № 1, с. 76—77.
2. См.: С. Бадамхатан. Хөвсгөлийн цаатан ардын аж байдлын тойм. Улаанбаатар, 1962, с. 7—9.
3. См.: С. Бадамхатан. Хөвсгөлийн дархат ястан. Улаанбаатар, 1965, с. 113—114.
4. См.: В.И. Рассадин. О тюркизмах в бурятском языке. — К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969, с. 131.
5. См.: Г.М. Василевич, М.Г. Левин. Типы оленеводства, с. 77.
6. Там же, с. 78.
7. См.: С.И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961.
8. См.: С.И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955.
9. Так в дореволюционное время и в первые годы Советской власти официально назывались тофалары, хотя еще в середине XIX в. в литературе приводилось слово туфа' ~ тофа' в качестве их самоназвания.
10. П.С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Т. 3. СПб., 1788.
11. Там же, с. 524—526.
12. Твердый знак (ъ) обозначает фарингализацию гласного.
13. И. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... Ч. 3. О народах самоедских, маньчжурских и восточных сибирских... СПб., 1799, с. 19—20.
14. См.: Степанов. Енисейская губерния. Ч. 2. СПб., 1835, с. 37, 45 и сл.
15. См.: М.А. Castren. Reiseberichten und Briefe aus den Jahren 1845—1849, hrsg. von A. Schiefner. St.-Pbg., 1856, с. 383, 388—392.
16. Там же, с. 389.
17. См.: Ю.П. Штубендорф. О карагассах. — «Вестник ИРГО». Ч. 12. Отд. 2. 1854, с. 229—246.
18. Там же, с. 229—230.
19. См.: М.А. Castrén. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre... St.-Pbg., 1857.
20. См.: Ю.П. Штубендорф. О карагассах, с. 245—246.
21. См.: Н. Костров. Карагасы. — «Иллюстрированная газета». СПб., 1871, № 43, с. 685—868; № 44, с. 698—699.
22. См.: Н.Ф. Катанов. Поездка к карагасам в 1890 г. — ЗИРГО по отд. этнографии. Т. 17. Вып. 2. 1891, с. 133—230.
23. См.: Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым. Ч. 9. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. Тексты. СПб., 1907.
24. См.: Н.В. Васильев. Краткий очерк быта карагасов. — «Этнографическое обозрение». Кн. 84—85. № 1—2. М., 1910, с. 46-76.
25. См.: И.А. Евсенин. Карагассы (краткий очерк). Красноярск, 1919.
26. См. работы Б.Э. Петри: Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (Предварительные данные). — Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского гос. ун-та. Вып. 12. Педагогич. фак-т. 1927; Карагасский суглан. Иркутск, 1926; Охотничьи угодья и расселение карагас. Иркутск, 1927; Оленеводство у карагас. Иркутск, 1927; Промыслы карагас. Иркутск, 1928; Бюджет карагасского хозяйства. — «Изв. Биолого-географического научно-исследовательского ин-та при гос. Иркутском ун-те». Т. 4. Вып. 1. 1928; Черты родового быта карагасов. Иркутск, 1928.
27. См.: К.Н. Миротворцев. Карагасы. (Статистико-экономический очерк). — Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского гос. ун-та. Отд. 1. Вып. 2. Иркутск, 1921, с. 1—25.
28. См.: С.В. Керцелли. Карагасский олень и его хозяйственное значение. — «Северная Азия». М., 1925, № 3, с. 87—92.
29. См.: Д. Соловьев. Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем. Пг., 1920 (Труды экспедиции по изучению соболя и исследованию соболиного промысла, Сер. 2. Саянская).
30. См.: Ю. Кудрявцев. Центральное Саяно-Карагасское охотничье хозяйство. М., 1927.
31. См.: М.А. Сергеев. Тофалары сегодня. (К истории национального строительства). — Советская этнография. Т. 4. М.—Л., 1940, с. 55—57; он же. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. — ТИЭ. Новая серия. Т. 27. 1955.

32. См.: М.А. Сергеев. Тофалары. — Народы Сибири. Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.—Л., 1956 (Народы мира. Этнографические очерки. Под общей ред. С.П. Толстова), с. 530—539.
33. С.В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. — ТИЭ. Новая серия. Т. 22. 1954, с. 677—679.
34. См.: Б.О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — ТИЭ. Новая серия. Т. 55. 1960, с. 252, 254—256.
35. См.: М.Г. Левин. К антропологии Южной Сибири. — КСИЭ. Вып. 20, 1954, с. 18—21.
36. См.: Ю.Г. Рычков и др. К популяционной генетике коренного населения Сибири. Восточные Саяны. — «Вопросы антропологии». Вып. 31. М., 1969, с. 3—32.
37. См.: С.И. Вайнштейн. Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов (до начала XX в.). — СЭ. 1968, № 3, с. 60—67; он же. Социальная организация саянских оленеводов-охотников (тофалары). — Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII — начало XX в.). М., 1970, с. 300—312; он же. К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении. — КСИЭ. Вып. 34. 1960; он же. К вопросу о происхождении оленеводства. (Об одной параллели в материальной культуре киргизов и саянских оленеводов). — История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
38. См.: В.И. Рассадин. Этапы истории тофаларов по языковым данным. — Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Вып. 1. Новосибирск, 1969, с. 223—226; то же в сб. «Происхождение аборигенов Сибири и их языков». Материалы межвузовской конференции, 11—13 мая 1969 г. Томск, 1969, с. 34—37.
39. См.: В.И. Рассадин. О культе медведя у тофаларов. — «Известия Сибирского отделения АН СССР». Серия общественных наук. Вып. 3. № 11. Новосибирск, 1973, с. 122—125.
40. V. Diószegi. Zum Problem der ethnischen Homogenität des tofischen (karagassischen) Schamanismus. — Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker. Budapest, 1963, с. 261—357.
41. W. Hartwig. Gedanken über erne Schamanenkostüm (nach Notizen von I.A. Jewsenin). — Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Bd 15. 1957.
42. Р.А. Шерхунаев. Сказки и сказочники Тофаларии. Кызыл, 1975.
43. См.: Б. Чудинов. Путешествие по Карагассии. М., 1931; Ал. Смирнов-Сибирский. В стране карагас. М., 1932; Б. Чернышев. В краю оленьих троп. Иркутск, 1962; он же. В стране Тофаларии. — «Байкал». Улан-Удэ, 1970, № 2; В. Распутин. Край возле самого неба. Очерки и рассказы. Вост.-Сиб. кн. изд-во. 1966.
44. См.: В.И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 41.
45. Там же с. 63, 93.
46. M.A. Castrén. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussinischen Kreises. St.-Pbg., 1857.
47. Н.Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.
48. Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. — ЗИАН. Т. 73. Прил. № 8. СПб., 1893.
49. См.: В.И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 13—14.
50. Н.П. Дыренкова. Тофаларский язык. — Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 5—23.
51. Там же, с. 9—10.
52. K.H. Menges. Das Sojonische und Karagassische. — PhTF. Т. 1. Wiesbaden, 1959, с. 640—670; он же. Die türkischen Sprachen Süd-Sibiriens, III: Tuba (Sojon und Karagas). Zur Charakteristik einer einzelnen sibirisch-türkischen Gruppe. — «Central Asiatic Journal». Vol. 4. № 2. 1959, с. 90—129; Vol. 5. № 2, с. 97—150.
53. В.И. Рассадин. О тофаларской лексике. (Предварительные данные поездки к тофаларам). — Исследования по языку и фольклору. Вып. 1. Новосибирск, 1965, с. 171—183; он же. Лексика современного тофаларского языка. Автореф. канд. дисс. Улан-Удэ, 1966; он же. Бурятские лексические заимствования в тофаларском языке. — Исследование бурятских говоров. Вып. 2. Улан-Удэ, 1968, с. 187—191; он же. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 1—251; он же. О развитии тофаларско-русского двуязычия. — Проблемы двуязычия и многоязычия. М.,

1972, с. 332—334; Л.Д. Шагдаров, В.И. Рассадин. Об употреблении тофаларами бурятского языка. — Исследование бурятских говоров. Вып. 2. Улан-Удэ, 1968, с. 176—186.

54. В.М. Надеяев. Особенности звуковой системы языка тофов. — Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Вып. 1. Новосибирск, 1969, с. 235—236.

55. Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР, ф. 140.

Список литературы по этнографическому и лингвистическому изучению тофаларов

Ангарский И. Записки о карагасах. — «Восточное обозрение». СПб., 1891, № 6.

Аристов И.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. — ЖС. Т. 6. Вып. 3—4. 1896.

Астырев Н.М. О численности и промыслах племени карагасов. — ИВСОРО. Т. 20. № 2. 1889.

Астырев Н.М. Очерк быта племени карагасов Нижнеудинского округа. — Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2. Вып. 2. Прил. № 1. М., 1890.

Вайнштейн С.И. К вопросу о происхождении оленеводства (Об одной параллели в материальной культуре киргизов и саянских оленеводов). — История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

Вайнштейн С.И. К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении. — КСИЭ. Вып. 34. 1960.

Вайнштейн С.И. Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов (до начала XX в.). — СЭ. 1968, № 3.

Вайнштейн С.И. Социальная организация саянских оленеводов-охотников (тофалары). — Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII — начало XX в.). М., 1970 (гл. X).

Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение. — СЭ. 1951, № 1.

Васильев Н.В. Краткий очерк быта карагасов. — «Этнографическое обозрение». Кн. 84—85. № 1—2. М., 1910.

Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... Ч. 3. О народах самоедских, маньчжурских и восточных сибирских... СПб., 1799.

Демченко В.Н. Колхоз «Красный охотник» Тофаларского района Иркутской области. Иркутск, 1939.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — ТИЭ. Новая серия. Т. 55. 1960.

Дыренкова Н.П. Тофаларский язык. — Тюркологические исследования. М.—Л., 1963.

Евсенин И. Буряты о карагасах. — «Сибирская летопись». Красноярск, 1916, №9—10.

Евсенин И.А. Карагасы. (Краткий очерк). Красноярск, 1919.

Залесский Н.В. К этнографии и антропологии карагасов. — «Труды Антропологического о-ва при Военно-медицинской академии». Т. 3. СПб., 1898.

Заметка о карагасах. — «Сибирь». Иркутск, 1877, № 8.

Ив. Е. К вопросу о положении карагасов. — «Земский журнал, издаваемый Нижнеудинским Уездным Земством...». 15 мая 1919 г., № 10.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. — ТИЭ. Новая серия. Т. 22. 1954.

Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Т. 1. Урянхайский край. Пг., 1914.

Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 г. — ЗИРГО по отд. этнографии. Т. 17. Вып. 2. 1891.

Катанов Н.Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях. — Сборник в честь 70-летия Г.Н. Потанина. СПб., 1909 (ЗИРГО по отд. этнографии. Т. 34).

Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен. — ИРГО. Т. 29. 1893.

Керцелли С.В. Карагасский олень и его хозяйственное значение. — «Северная Азия». М., 1925, № 3.

Клеменц Д.А. Предварительные сведения об экскурсии в Ачинский и Канский округа. — ИВСОРО. Т. 20. 1889.

Козьмин Н.И. Туба. — «Сибирские записки». Красноярск, 1918, № 4.

Кон Ф. Экспедиция в Сойотию. — Собрание сочинений. Т. 3. М., 1934.

Костров Н. Карагасы. — «Иллюстрированная газета». СПб., 1871, №43—44.

Кудрявцев Ю. Центральное Саяно-Карагасское охотничье хозяйство. М., 1927.

- Левин М.Г. К антропологии Южной Сибири. — КСИЭ. Вып. 20. 1954.
- Миротворцев К.Н. Карагасы (Статистико-экономический очерк). — Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского гос. ун-та. Отд. 1. Вып. 2. Иркутск, 1921.
- Наделяев В.М. Особенности звуковой системы языка тофов. — Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Вып. 1. Новосибирск, 1969.
- О карагассах. — Этнографический сборник. Вып. 4. СПб., 1858.
- Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым. Ч. 9. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. СПб., 1907.
- Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым. Ч. 9. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. Перевод. СПб., 1907.
- Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Т. 3. СПб., 1788.
- Первухин И. Карагасы. — «Советский Север», М., 1930, № 2.
- Петри Б.Э. Бюджет карагасского хозяйства. — «Известия Биолого-географического научно-исследовательского ин-та при гос. Иркутском ун-те». Т. 4. Вып. 1. 1928.
- Петри Б.Э. Карагасский суглан. Иркутск, 1926.
- Петри Б.Э. Оленеводство у карагас, Иркутск, 1927.
- Петри Б.Э. Охотничьи угодья и расселение карагас. Иркутск, 1927.
- Петри Б.Э. Промыслы карагас. Иркутск, 1928.
- Петри Б.Э. Черты родового быта карагасов. Иркутск, 1928.
- Петри Б.Э. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (Предварительные данные). — Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского гос. ун-та. Вып. 12. Педагогич. фак-т. 1927.
- Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. — ЗИАН. Т. 73. Прил. №8 СПб., 1893.
- Попов И. Записки о карагасах. О первых приемах физического воспитания детей у разных народностей, населяющих Иркутскую губернию. Иркутск, 1879.
- Преловский П. Нижнеудинские карагасы. — Записки и труды Губернского Статистического Комитета. Вып. 4. Иркутск, 1868—1869.
- Радлов В.В. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. Пер. с нем. Томск, 1887.
- Распутин В. Край возле самого неба. Очерки и рассказы. Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966.
- Рассадин В.И. О тофаларской лексике (Предварительные данные поездки к тофаларам). — Исследования по языку и фольклору. Вып. 1. Новосибирск, 1965.
- Рассадин В.И. Лексика современного тофаларского языка. Автореф. канд. дисс. Улан-Удэ, 1966.
- Рассадин В.И. Лексика современного тофаларского языка. Канд. дисс. Новосибирск, 1966.
- Рассадин В.И. Бурятские лексические заимствования в тофаларском языке. — Исследование бурятских говоров. Вып. 2. Улан-Удэ, 1968.
- Рассадин В.И. Этапы истории тофаларов по языковым данным. — Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Вып. 1. Новосибирск, 1969; то же в сб. «Происхождение аборигенов Сибири и их языков». Материалы межвузовской конференции, 11—13 мая 1969 г. Томск, 1969.
- Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
- Рассадин В.И. О развитии тофаларско-русского двуязычия. — Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
- Рассадин В.И. О культе медведя у тофаларов. — «Известия Сибирского отделения АН СССР». Серия общественных наук. Вып. 3. № 11. Новосибирск, 1973.
- Риттер. Землеведение Азии. Ч. 3. СПб., 1860.
- Рычков Ю.Г. Особенности серологической дифференциации народов Сибири. — «Вопросы антропологии». Вып. 21. М., 1965.
- Рычков Ю.Г. и др. К популяционной генетике коренного населения Сибири. Восточные Саяны. — «Вопросы антропологии». Вып. 31. М., 1969.
- Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. — ТИЭ. Новая серия. Т. 27. 1955.

- Сергеев М.А. Тофалары. — Народы Сибири. Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.—Л., 1956 (Народы мира. Этнографические очерки. Под общей ред. С.П. Толстова).
- Сергеев М.А. Тофалары сегодня (К истории национального строительства). — Советская этнография. Т. 4. М.—Л., 1940.
- Смирнов-Сибирский Ал. В стране карагас. М., 1932.
- Смирнов-Сибирский Ал. Среди карагасов. — «Вестник знания». Л., 1932, №11.
- Соловьев Д. Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем. Пг., 1920 (Труды экспедиции по изучению соболя и исследованию соболиного промысла. Сер. 2. Саянская).
- Среди инородцев. У карагасов. — «С.М. Мирской вестник». 1885, № 3.
- Степанов. Енисейская губерния. Ч. 2. СПб., 1835.
- Тофаларский район. — Иркутская область. Экономико-статистический справочник. Под ред. П. Силинского. Иркутск, 1941.
- Firma Ripes. Карагасы. — «Сибирь». Иркутск, 1885, № 48; 1886, № 15 и 16.
- Ходукин Я.Н., Золотарев М.Е. Карагасия. Материалы Иркутского Местного Комитета Севера. 1926.
- Чернышев Б. В краю оленьих троп. Иркутск, 1962.
- Чернышев Б. В стране Тофаларии. — «Байкал». Улан-Удэ, 1970, № 2.
- Чудинов Б. Путешествие по Карагассии. М., 1931.
- Чудовский В. Историко-этнографический очерк Иркутской губернии. — «Записки Сибирского отд. ИРГО». Кн. 8. Ч. 2. Иркутск, 1865.
- Шагдаров Л.Д., Рассадин В.И. Об употреблении тофаларами бурятского языка. — Исследование бурятских говоров. Вып. 2. Улан-Удэ, 1968.
- Шерхунаев Р.А. Сказки и сказочники Тофаларии. Кызыл, 1975.
- Шл-р К. У карагасов. — «Восточное обозрение». СПб., 1888, № 49.
- Штубендорф Ю.П. О карагассах. — «Вестник ИРГО». Ч. 12. Отд. 2. 1854.
- Castrén M.A. Ethnologische Vorlesungen über die Altaischen Völker. St.-Pbg., 1857.
- Castrén M.A. Reiseberichten und Briefe aus den Jahren 1845—1849, hrsg. von A. Schiefner. St.-Pbg., 1856.
- Castrén M.A. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnis aus den tatarischen Mundarten des Minussinischen Kreises. St.-Pbg., 1857.
- Diószegi V. Bericht über ein Forschungsreise nach Südsibirien. — «Sociologus». Bd. 9. Budapest, 1959.
- Diószegi V. Zum Problem der ethnischen Homogenität des tofischen (karagassischen) Schamanismus. — Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker. Budapest, 1963.
- Hartwig W. Gedanken über eine Schamanenkostüm (nach Notizen von I.A. Jewsenin). — Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Bd. 15. 1957.
- Kolm A. Die Karagasen des kleinen Altaigebirges. — «Globus». 1873, № 4.
- Menges K.H. Das Sojonische und Karagassische. — PhTF. T. 1. Wiesbaden, 1959.
- Menges K.H. Die türkischen Sprachen Süd-Sibiriens, III: Tuba (Sojon und Karagas), 1. Zur Charakteristik einer einzelnen sibirisch-türkischen Gruppe. — «Central Asiatic Journal». Vol. 4. № 2. 1959.
- Menges K.H. Die türkischen Sprachen Südsibiriens, III: Tuba (Sojon und Karagas), 2. Zur Charakteristik einer einzelnen sibirisch-türkischen Gruppe. — «Central Asiatic Journal». Vol. 5. № 2. 1959.
- Radloff W. Aus Sibirien. Lpz., 1884.

(Тюркологический сборник. 1975. М.: Наука, 1978. С. 189-208).

СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА И ФОЛЬКЛОРА

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 г. №115. «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера», в котором названы и тофалары, обязывает расширять научные исследования по малым народам Севера не только в области социально-экономических и медико-биологических наук, но и лингвистики, особенно по проблемам создания и развития письменностей на языках народов Се-

вера, не имеющим ее, разработке учебных пособий по этим языкам и составлению словарей различных типов.

Тофалары (или по-другому тофы, а по дореволюционной терминологии – карагасы) – одна из самых малочисленных тюркских народностей (по данным переписи 1970 г. их насчитывалось 620 человек) – до сих пор не имеют своей письменности на родном языке.

До революции тофы вели кочевой образ жизни. Их кочевья располагались на северо-восточных склонах горного хребта Восточный Саян в бассейнах рек Ии, Уды, Бирюсы, Гутары, Агула, Кана. С 1930 г. они перешли на оседлость и живут теперь в трех поселках: Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара, располагающихся на территории современного Нижнеудинского района Иркутской области РСФСР. Занимаются тофы традиционными видами хозяйственной деятельности – оленеводством выючно-верхового типа и промысловой охотой. Трудятся они в коопзверопромхозе. Поселки их вполне современные. Там есть электричество, почта, больница, магазины, детские ясли и сады, две начальные и одна средняя школа 10-летка с интернатом, дети тофов взяты на государственное обеспечение во время учебы, т.е. имеются все условия, необходимые для нормальной жизни.

До недавнего времени язык тофов был слабо изученным и мало известным широкому кругу специалистов. Имевшиеся публикации, в разной степени, освещавшие те или иные стороны строя тофаларского языка, были буквально единичны и относились в основном к дореволюционному времени. Среди них наиболее крупными следует считать исследования М.А. Кастрена и Н.Ф. Катанова. Труд С.А. Кастрена, изданный в 1857 г. на немецком языке и названный «Опыт койбальской и карагасской грамматики со словарем из татарских диалектов Минусинского края», содержит наряду с фонетикой также схему тофаларского склонения и спряжения, иллюстрированную парадигмами нескольких слов, а кроме того, свыше 1000 слов, данных в словарной части работы вперемешку с койбальскими и иными. Основное внимание М.А. Кастрен уделил здесь койбальскому языку, т.к. тофаларского материала, видимо, было мало. Тексты он приводит тоже только койбальские. При описании морфологии и фонетики койбальского и карагасского языков Кастрен придерживается схемы, применяемой при описании европейских языков. Хотя данные по грамматике тофаларского языка, приведенные Кастреном, и схематичны, тем не менее мы имеем довольно стройное и последовательное описание, дающее в общем-то достаточное представление о морфологической и звуковой системе тофаларского языка и его словарном составе. Труд Кастрена по праву явился крупной вехой в истории изучения тофаларского языка.

Н.Ф. Катанов, посетивший кочевья тофаларов в 1890 г., записал у них большой фольклорный материал: 67 песен (536 стихов), 26 устных рассказов, 9 преданий о племени, 9 загадок, 29 сказок. Весь этот материал был опубликован в 1907 г. Б.В. Радловым в его «Образцах народной литературы тюркских племен», часть IX. Катанов, к сожалению, не написал тофаларской грамматики. Весь собранный лингвистический материал он использовал лишь как сравнительный в своей знаменитой грамматике тувинского (урянхайского по его терминологии) языка. Разумеется, многие специфичные тофаларские формы, не имеющие параллелей в тувинском языке, у него не были учтены, поэтому приведенный в его работе тофаларский материал не мог составить целой исчерпывающей системы.

Следующим, довольно крупным исследованием языка тофаларов является статья «Тофаларский язык», написанная Н.П. Дыренковой уже в советское время в 1930-х годах, но опубликованная по ряду причин лишь в 1963 г. Хотя статья относительно небольшая (всего 18 стр.), в ней достаточно подробно освещена звуковая сторона языка, дан сжатый очерк морфологии тофаларского языка с некоторыми элементами словообразования, причем охвачены почти все части речи. Эти материалы в какой-то мере дополнили схему Кастрена.

Вот, пожалуй, и все исследования и материалы по тофаларскому языку, вводящие в науку и новые факты, имевшиеся в распоряжении тюркологов, когда в 1960-х годах возродился интерес к этому языку и на повестку дня встал вопрос о его изучении и уточнении его статуса и места в системе тюркских языков. Решение этих вопросов сдерживала не только неполнота имевшихся сведений, но и противоречивость фиксации звуковой стороны данного языка. Поэтому пришлось фактически заново произвести запись языка и проверить у носителей старшего возраста материалы, опубликованные указанными выше авторами. Причем для объективности была использована точная фонетическая транскрипция по методу акад. Л.В. Щербы, которой был записан весь собранный материал. Запись и исследование тофаларского языка велись нами непрерывно с 1964 по 1979 гг. включительно. В итоге был выявлен его строй, а именно: система фонем, система частей

речи с элементами словоизменения и словообразования, лексическая система. Уточнен его статус и определено место в системе тюркских языков. Произведены большие текстовые записи.

Проведенное сравнительно-сопоставительное исследование показало, что тофаларский язык самостоятельный и по своим строевым элементам близок как к тувинскому, так и к хакасскому языкам, но все же по основным классификационным признакам входит в саянскую подгруппу тюркских языков, в которую вместе с ним объединяются также тувинский и уйгуро-уряхайский языки.

Таким образом, можно утверждать, что современный тофаларский язык сейчас неплохо изучен в синхронном плане. Его строй получил максимальное отражение в монографиях «Фонетика и лексика тофаларского языка» (Улан-Удэ, 1971; 19,2 п.л.), «Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении» (М.: Наука, 1978; 19,7 п.л.) в кандидатской диссертации «Лексика современного тофаларского языка» (защищена в 1967 г.) и докторской диссертации «Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков» (защищена в 1983 г.) Кроме того, лексика тофаларского языка в объеме около 13000 слов сведена в словаре, находящемся пока в рукописи.

Короче говоря, сейчас уже имеется достаточная научная база, позволяющая приступить к решению вопроса о создании письменности для тофаларского языка. Нами предпринимались некоторые шаги в этом направлении. Во-первых, разработана практическая транскрипция на основе русского алфавита с добавлением недостающих знаков из алфавитов других тюркских народов СССР. В этой транскрипции приведен весь материал в монографии, посвященной морфологии. Во-вторых, сделана попытка разработать на основе этой апробированной транскрипции вариант письменности для тофаларского языка, который был представлен нами в докторской диссертации. В ней же в порядке эксперимента весь материал был подан в этой письменности. При защите этот вариант нашел поддержку у тюркологов.

Следует отметить, кроме того, что сами тофы в свое время предпринимали попытки фиксировать свой язык русскими буквами. Так, например, в 1950 г. тоф Саганов В.Н. перевел на тофаларский язык и записал русским алфавитом две одноактные пьесы («Наша девушка» Мариенгофа и «Настаськин санаторий» Новикова), которые затем в 50-е годы ставились кружком художественной самодеятельности на сцене клуба села Верхняя Гутара. Переводы хранились в сельском совете с. Верхняя Гутара. Однако, ввиду отсутствия в те годы научной грамматики тофаларского языка, этот опыт не имел научной базы и поэтому не получил развития и распространения, хотя желание тофов писать на своем языке не угасло до сих пор.

Тофаларский фольклор зафиксирован и изучен сейчас гораздо хуже языка. Наиболее крупной публикацией фольклора на тофаларском языке, пожалуй, следует считать упомянутые выше записи Н.Ф. Катанова, изданные В.В. Радловым. После них публикаций такого рода не было. Имелись, правда, отдельные попытки. Так, в 1971 г. в приложении к монографии «Фонетика и лексика...» нами были опубликованы 2 сказки на тофаларском языке в шербовской транскрипции с переводом. В 1980 г. А. Стоянов опубликовал около 100 тофаларских народных песен с образцами нотной записи.

Следует упомянуть также монографию Р.А. Шерхунаева «Сказки и сказочники Тофаларии» (Кызыл, 1975; 11,2 п.л.), в которой даны прекрасные очерки истории края, истории изучения тофаларского фольклора, история и описание жизни и творчества отдельных сказителей, приведены 36 текстов сказок, легенд и преданий. Книга имела в Туве и Тофаларии большой успех и была издана повторно. Основным недостатком данной книги является то, что тексты записывались автором сразу в изложении на русском языке и изданы поэтому только их пересказы. Осталось неизвестным, как сказки звучали в оригинале.

В ближайшее время положение с изучением тофаларского фольклора может быть несколько улучшено в связи с подготовкой к изданию отдельного тома «Тофаларские сказки и песни» в объеме 20 а.л. в серии «Памятники фольклора народов Сибири и дальнего Востока». Том будет включать тексты сказок, легенд, преданий, мифов, песен на тофаларском языке с переводом на русский язык. Все тофаларские тексты в целях их доступности широким массам тофов и других тюркоязычных народов СССР предполагается дать в практической транскрипции либо в письменности, если таковая к моменту публикации тома будет принята.

Таким образом, подводя итоги всему сказанному выше, следует отметить, что в настоящее время имеются все условия для создания тофаларской письменности и публикации на ней образцов фольклора и составленного словаря. Есть научная база для разработки практических школьных учебников тофаларского языка для начальных классов.

(Статья не опубликована, написана в 1984 году).

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ТОФАЛАРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Тофалары – один из самых малочисленных народов России со статусом народа Севера (по переписи 1989 г. их насчитывалось всего 731 чел., причем в РФ – 722, в самой Тофаларии в то время их было 636 чел.). Язык тофаларов – тюркский, близкородственный языку тувинцев России и Монголии, языку сойотов Окинского района Бурятии, а также языкам уйгуров-цатанов и уйгуров-урианхайцев Монголии. Все эти языки объединяются в одну Саянскую подгруппу и связаны своим происхождением с древним уйгурским языком VII-IX вв. н. э. [Рассадин 1982, с. 33-34]. При этом самым архаичным из них, сохранившим наибольшее количество древних языковых элементов, является именно тофаларский язык, поскольку его носители – тофалары – вот уже много веков живут в относительной территориальной изоляции от других тюркоязычных народов, в том числе и от тувинцев, развиваясь самостоятельно, контактируя в основном с нижеудинскими и окинскими бурятами и русскими (с последними с XVII в.).

Являясь аборигенами края, тофалары проживают ныне оседло с 1930-х гг. в трех поселках – Алыгджере, Нерхе и Верхней Гутаре – на территории трех сельских администраций: Тофаларской – центр пос. Алыгджер, Нерхинский – центр пос. Нерха и Верхнегутаринской – центр пос. Верхняя Гутара с административным подчинением их Нижнеудинской районной администрации Иркутской области РФ. Тофалария – место, где живут тофалары, – локализуется на северо-восточных склонах Восточно-Саянского горного хребта и верховьях рек Уды, Кара-Бурени, Бирюсы, Канна, Гутары, Ии, левых притоков р. Оки. До революции кочевья тофаларов простирались дальше на запад – в верховья рек Агула и Тагула. Тофалария представляет собой горную страну, на территории которой находятся одни из самых высоких пиков Восточного Саяна: пик Грандиозный (высота 2742 м над уровнем моря) и пик Триангуляторов (высота 2875 м). Вся Тофалария целиком расположена в горах, покрытых в основном лиственницей и кедром. Вершины отрогов Восточно-Саянского хребта и высокогорные плато покрыты альпийскими лугами и горными тундрами с богатыми ягельниками. Это идеальное место для оленеводства. Северо-западная и юго-западная части территории Тофаларии представляют собой предгорьцовую и горьцовую зоны, где почти нет растительности и на вершинах гор лежит вечный снег и лед. Высота многих гор колеблется от 2200 до 2600 м. Климат Тофаларии типичен для горных районов Южной Сибири и обусловлен высотой гор. Чем выше в горы, тем холоднее и резче климат. В летнее время, особенно при большой жаре, часты разливы горных рек. Эти места издавна были освоены человеком, о чем могут свидетельствовать как находки археологами в Саянах, в частности в Тофаларии, стоянок неолитического времени [Мельникова 1994, с. 11], так и открытие здесь наскальных рисунков каменного века [Окладников 1980, с. 96-116].

Самоназвание *тофа* зафиксировано Ю.П. Штубендорфом еще в 1854 г. [с. 229] и восходит к древнему племенному названию «дубо», которое упоминается в китайских исторических хрониках начиная с V в. н.э. [Бичурин 1950, с. 348]. В форме *туба* оно встречается в хронике «Сокровенное сказание монголов» (1240 г.) [Козин 1941, с. 175]. Этноним сохранился в виде *тыва* – самоназвание тувинцев Республики Тыва РФ, *дыва* – самоназвание тувинцев Цэнгэльского сомона Монголии и кёк-мончаков Монголии и Китая, *туба* – имя этнической группы северных алтайцев и родового подразделения хакасов-качинцев, *туһа* – самоназвание уйгуров-цатанов и уйгуров-урианхайцев Монголии.

Как свидетельствуют научные изыскания, тюркоязычный тофаларский этнос сложился из трех групп. Северо-западная – гутаринская – группа состоит из родов *һааш* и *сары-һааш*, еще недавно существовал род *кара-һааш*, по которому, кстати, как утверждали еще в XIX в. М.А. Кастрен и В.В. Радлов, тофалары были названы *карагасами*. Это их название, данное им русскими, продержалось как официальное вплоть до 1930-х гг., когда тофалары были переведены на оседлость. Тогда было принято за основу официального названия народа их этническое самоназвание *тофа*, т.е. их стали называть *тофалары*, а район, где они проживали, – *Тофаларским*, потом это был *Тофаларский сельсовет*, а ныне – *Тофаларская сельская администрация*.

Этноним *һааш* связан своим происхождением с хакасским этнонимом *хаас-хааш* – названием качинцев – одного из основных племен хакасов. М.А. Кастрен предполагал, что эта группа тофаларов происходит от качинцев.

Юго-восточная – алыгджерская – группа состоит из родов *чогды*, *ак-чогды*, *кара-чогды* и связана своим происхождением с тувинской этнической группой *чооду*, а также с родами *чооды* у монгольских уйгуров-цатанов и *ак-чооду*, *кара-чооду* у дархатов Монголии. Н.Ф. Катанов за-

фиксировал в 1890 г. у тофаларов предание о том, что предки рода *кара-чогды* когда-то давно прикочевали с берегов озера Каса (так тофалары называли ранее озеро Хубсугул в Монголии).

Центральная – нерхинская – группа тофаларов состоит из рода *чептэй*, который происходит от нижнеудинских бурят рода *маальжираг~мааньжираг*, что объясняет название улуса чептеев в царское время как Маньжирский улус.

До перехода на оседлость тофалары жили строго родовым строем, который регулировал как территориально-общественные, так и семейно-брачные отношения.

В научной литературе утвердилось мнение, что историческими предками тофаларов были жившие в Восточных Саянах кетоязычные племена коттов, ассанов и аринцев, а также саянские оленеводы-самодийцы. О субстрате этих племен свидетельствует кетская и самодийская топонимика, бытующая в Тофаларии, например, кетские названия рек Решет, Элгашет, Агул, Тагул, самодийские по происхождению гидронимы Яга, Боран-Чага, Ий, Тээрий, Кукшир, Кариир и т.п. О кетском субстрате говорят заметные элементы, выявленные в фонетике и лексике тофаларского языка, такие как фарингализация гласных, позволяющая различать многие слова, например, *аът* «лошадь» – *ат* «имя», *оът* «трава; портянки» – *от* «огонь; костер», *уъш* «лети» – *уш* «конец, кончик», сочетания согласного *h* с другими согласными, что не характерно для тюркских языков, но является обычным для кетского языка, например, в тофаларском часты слова с такими сочетаниями: *таъһан* «мука; изделие из теста; лепешка», *маъһһан* «палатка», *аъһһай* «оленок», *иърһек* «самец медведя и соболя», ср. также кетские по происхождению слова в тофаларском: *ишичек* «маленькая птичка», *сак* «оранжевое пятно на груди соболя, куницы», *кустер* «корова (грубое название)», *ий* «южный склон горы», *шегер* «сани» [Рассадин В. 1971, с. 93-94].

Тюркизация аборигенного населения Саян произошла еще в древнетюркское время, о чем свидетельствуют сохранившиеся в современном тофаларском языке огузские и особенно древнеуйгурские элементы, ср. например, огузские слова *дээмин* «недавно, только что», *төһнү* «вьюга», *дуи* = «встретиться», *элдик* «рукавицы», *уйаик* «дикий голубь, горлица»; уйгурские слова *эт* = «закрыть дверь», *оор* «ступа», *суген* «рыболовная морда», *чода* «голень», *сылтыс* «корень», *ээш* «самка медведя или соболя» [Рассадин В. 1971, с. 82]. Есть немало и грамматических архаизмов древнеуйгурского характера, присущих лишь тофаларскому языку, например, форма условного наклонения типа *бардым эрсе* «если я уйду» (< др.-уйг. *bardym erse id.*) вместо тув. *бар-зымза*, тувинского тоджинского *барсам* и ряд других, что подтверждает древность тюркского языка древнеуйгурского типа у тофаларов, а не заимствование ими своего тюркского языка у тувинцев, как утверждают некоторые историки [Потапов 1957, с. 227].

До 1929-30 гг. тофалары вели исключительно кочевой образ жизни. Основным жилищем у них был чум. Традиционным занятием издавна являлось оленеводство, табунное коневодство и охота, а также рыболовство и собирательство. Стационарных поселков у них не было. После перехода в 1929-1930 гг. на оседлость, проживая в стационарных поселках, в которых с момента их постройки стало жить смешанное население, тофалары освоили новые для них виды хозяйственной деятельности, связанные с разведением коров, крестьянских лошадей, огородничеством и сенокосением, промышленной заготовкой кедровых орехов. Сначала они были колхозниками, в 1960-х гг. – рабочими промхоза. В поселках были построены начальные школы. При этом в самом большом селе – Алыгджере – школа 10-летка с интернатом. В школах все преподавание велось на русском языке [Рассадин И. 2005].

Тофаларский язык всегда был только устным и никогда в своей истории не имел письменной формы. В советское время тофалары давно ставили перед властями вопрос о преподавании родного языка их детям в школах Тофаларии. Но вопрос этот стал решаться только после того, как было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 115 от 07.02.1980 г. «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера», в котором были названы и тофалары. Постановление обязывало расширять научные исследования по малым народам Севера не только в области социально-экономических и медико-биологических наук, но и лингвистики, особенно по проблемам создания и развития письменностей на языках народов Севера, не имеющих ее, разработки учебных пособий по этим языкам и составлению словарей различных типов. Реализация данного Постановления, особенно в отношении создания письменности для тофаларского языка, составления букваря и прочих школьных учебников, подготовки учителей тофаларского языка и т. п., представляла собой в то время значительные трудности. Это было связано в первую очередь с недостаточной изученностью строя тофаларского языка, да и вообще самих тофаларов в историческом, этнографическом и культурологическом аспектах. До недавнего времени о них мало что было известно широкой обществен-

ности, даже научной. Знали в общих чертах, что это – немногочисленный тюркоязычный народ, родственник тувинцам, ведший до 1930-х годов кочевой охотничье-оленоводческий образ жизни в горной Саянской тайге.

До революции о них иногда писали члены Российского Императорского географического общества, изредка посещавшие их кочевья и проводившие там свои наблюдения, например Ю.П. Штубендорф [1854], Н. Костров [1871] и др. В своих статьях и заметках они писали вообще о жизни тофаларов, или *карагасов*, как их тогда называли официальные российские власти. В этот период тофаларов посетили лишь два лингвиста – финский ученый М.А. Кастрен в середине XIX в. [Castrén 1856] и тюрколог из Казанского университета Н.Ф. Катанов [Катанов 1891; 1909]. Уже после смерти М.А. Кастрена в 1857 г. была издана в академическом издании на немецком языке его грамматика койбальского (один из диалектов хакасского языка – В.Р.) и карагасского языков [Castrén 1857]. Самим карагасам (тофаларам) эта грамматика, разумеется, была недоступна, да они и не подозревали о ее существовании. Материалы Н.Ф. Катанова, представлявшие собой этнографические заметки и фольклорные записи, были опубликованы в научных изданиях. Так, записанные им в 1890 г. и переведенные на русский язык образцы тофаларского фольклора были изданы в 1907 г. академиком В.В. Радловым в его известной серии «Образцы народной литературы тюркских племен» [Образцы 1907, с. 614–668].

В советское время историки, этнографы и лингвисты тоже не особенно баловали тофаларов своим вниманием. Известно немного этнографических статей и заметок научного характера. В основном это работы проф. Б.Э. Петри. О тофаларах писали больше всего журналисты и путешественники, приезжавшие в Тофаларию в поисках экзотики и экстрима. Из лингвистических материалов была лишь небольшая статья о тофаларском языке, написанная в 1930-х гг. Н.П. Дыренковой [1963], которая вела непродолжительное время в Пединституте им. Герцена (тогда это был Институт народов Севера) занятия с группой тофаларов, отправленных туда учиться. Статья по ряду причин была опубликована лишь в 1963 г. в научном сборнике «Тюркологические исследования».

В 1960-х гг. научным изучением тофаларского языка занялся автор данных строк. Им были исследованы фонетика (звуковой строй), грамматика и лексика (словарный состав) данного языка. Его звуковой строй и лексика были подробно описаны в книге «Фонетика и лексика тофаларского языка», опубликованной в Улан-Удэ в 1971 г. Тофаларская грамматика получила подробное описание в книге «Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении», вышедшей в свет в 1978 г. в Москве в академическом издательстве «Наука». Вот собственно и все, что было опубликовано по тофаларскому языку до выхода данного Постановления. При этом следует отметить, что поскольку в природе не существовало никакой письменности для тофаларского языка, все исследователи пользовались при подаче тофаларского языкового материала различного рода транскрипциями. М.А. Кастрен и Н.П. Дыренкова использовали латинский алфавит с диакритическими знаками, Н.Ф. Катанов – транскрипцию на основе кириллицы, применявшуюся В.В. Радловым. В первой своей книге мы тоже использовали транскрипцию на основе латинского алфавита (так называемый МФА – международный фонетический алфавит). При издании «Морфологии тофаларского языка...» весь материал по тофаларскому языку был дан в практической транскрипции, основанной на кириллице с добавлениями букв, принятых практическими алфавитами тюркских языков для народов тогдашнего СССР. Нами была разработана и апробирована в этой книге особая система транскрипции, точно отражающая реальное произношение тофаларского языка и в то же время предельно простая и удобная для технического исполнения. При необходимости эта транскрипция могла составить основу тофаларской письменности. Таким образом, в 1980 г. современный тофаларский язык, его звуковой и грамматический строй в какой-то мере уже были изучены нами и была также выработана практическая транскрипция на основе русского алфавита – основа будущей письменности. Поэтому, когда в 1986 г. представители тогдашнего Иркутского облоно обратились к нам за помощью в деле создания письменности для тофаларского языка и написания тофаларского букваря и иных учебных пособий, мы были практически готовы выполнить этот заказ.

При создании тофаларского алфавита были учтены все недостатки других тюркских алфавитов, в том числе и тувинского. Дело в том, что тувинский язык один из самых близких тофаларскому, и поэтому были предложения просто взять тувинский алфавит и с его помощью писать тофаларские слова, используя тувинскую же и орфографию. Однако проведенное нами сравнительное исследование тофаларского и тувинского языков [Рассадин В. 1983] показало, что хотя они и близки, но в то же время имеют и принципиальные различия, особенно в системах соглас-

ных и в принципах чередования этих согласных в одинаковых позициях в словах. Так, например, на произношение и чередования тофаларских согласных сильное влияние оказывает фарингализация предыдущих гласных, в тувинском же языке этого не наблюдается: там фарингализация гласных имеет иное качество звучания и не оказывает никакого действия на согласные при изменении форм слов. Так, например, если в тофаларском языке, как и в тувинском, при помощи фарингализации гласных различается произношение таких слов, как *баһи* «голова» и *баи* «рана; язва», *аһт* «лошадь» и *ати* «имя», *оһт* «трава как подножный корм» и *оти* «огонь», *ыһт* «собака» и *ыт* «отправь», *аһк* «теки» и *ак* «белый», *уһс* «черпай воду ведром» и *ус* «мастер», то при наращении к этим и им подобным словам различных суффиксов картина принципиально меняется. Ср. тоф. *баһи* «его голова» – *бацы* «его рана, язва», *аһты* «его конь» – *ады* «его имя», *аһһар* «потечет» – *агы* «его белок», *оһту* «его трава» – *оду* «его огонь», *ыһты* «его собака» – *ыдар* «отправит», *уһсар* «будет черпать воду ведром» – *узу* «его мастер», в тувинском же соответственно *баһжы* – *бажы*, *аһды* – *ады*, *аһгар* – *агы*, *оһду* – *оду*, *ыһды* – *ыдар*, *уһзар* – *узу*. Особенно резко отличают тофаларский язык от тувинского чередования согласных *ш – һ*, *к – һ* после фарингализованных гласных и *ч – ц* после кратких чистых и долгих гласных. Это правило срабатывает автоматически. Так, если два тофаларских глагола *аи* «перевали гору» и *аһи* «открой» звучат почти одинаково, различаясь лишь фарингализацией, то дальнейшие чередования в словоформах резко отличают эти и подобные им слова – *ацар* «перевалит гору» и *аһһар* «откроет». Во многих случаях лишь обозначив на письме фарингализацию гласного (на письме в тофаларском языке для этого используется твердый знак ь), можно различить исходные словоформы, а следовательно и указать тем самым характер чередования. Например, тофаларские слова типа *қаһи* «схвати ртом» и *қаи* «мешок», *қаһстаар* «закинуть поводья за луку седла (при выстойке коня)» – *қастаар* «охотиться на гусей», *эһттаар* «ехать за убитым зверем, оставленным в тайге» – *эттаар* «бить, колотить, избивать» и т.п. Поэтому тувинский алфавит и принцип тувинской орфографии, которая не обозначает фарингализацию гласных, оказался неприемлем для тофаларской письменности. Тувинские лингвисты рекомендовали нам учесть этот недостаток тувинской орфографии и обозначать фарингализацию во всех случаях при записи тофаларского языка. Эта рекомендация была учтена в тофаларской орфографии. Есть и другие особенности тофаларской письменности, отличающие ее от тувинской, но они имеют сугубо профессиональный характер. Так, широко использовались черточки поперек буквы (например, перечеркнутая буква *з*, как в алфавитах башкир, казахов, хакасов и др.), хвостики, присоединенные к букве наподобие тех, что используются в русском алфавите у букв *ц* и *ш* (например, у тофаларских букв *қ* и *һ*, как в алфавитах башкир, казахов, хакасов и др.), чтобы различить похожие слова. Например, *һ* с хвостиком (представляющее слитное произношение звуков *н* и *з*) отличается от обычного *н*, ср. тофаларские слова *он* «десять» и *оһ* «правый», *дон* «шуба» и *доһ* «мерзлый», *анны* «его лицо» и *аһны* «зверя» и т.п. Таким образом, созданный тофаларский алфавит в какой-то мере подобен алфавитам многих современных тюркских языков бывшего СССР, но при этом достаточно полно и адекватно отражает реальное произношение тофаларского языка. Созданный тофаларский алфавит был рецензирован и одобрен многими лингвистами-тюркологами СССР.

В 1989 г. тофаларская письменность и правила орфографии были утверждены на одном из заседаний Иркутского областного Совета депутатов трудящихся. В этом же году Восточно-Сибирским издательством был издан первый тофаларский букварь «Тоһфа букварь», утвержденный Иркутским областным ГУНО [Рассадин, Шибкеев 1989]. Букварь составлен нами с помощью тофа Шибкеева Вадима Николаевича, получившего свое педагогическое образование в стенах Ленинградского Пединститута им. Герцена. Впоследствии он стал одним из первых школьных учителей родного языка в Верхнегитарской тофаларской школе. Этот же авторский коллектив, т.е. В.И. Рассадин и В.Н. Шибкеев, составили и первую книгу для чтения «Звездочку» («Сылтысчык»), снабженную небольшим тофаларско-русским словариком, изданную в Иркутске же в следующем году [Рассадин, Шибкеев 1990]. В 1994 г. нами [Рассадин В. 1994] была выпущена в Иркутске книга для чтения во 2-м классе «Родное слово» («Төрөөн соот»), в 1995 г. это же книжное издательство опубликовало составленный нами «Тофаларско-русский, русско-тофаларский словарь», каждая часть которого содержит около 5 тыс. самых употребительных слов тофаларского языка [Рассадин В. 1995]. В 1996 г. Иркутский областной дом народного творчества издал составленный нами том тофаларского фольклора «Легенды, сказки и песни седого Саяна» [Рассадин В. 1996], содержащий не только легенды, мифы, сказки, песни, но и загадки, пословицы и пого-

ворки, записанные нами у тофаларов в разное время. При этом примечательно то, что удалось опубликовать в одном месте лучшие образцы тофаларского фольклора сразу на двух языках – к каждому тофаларскому тексту, напечатанному тофаларским алфавитом, тут же дан перевод на русский язык.

В 1989 г. при Нижнеудинском РайОНО были организованы и проведены краткосрочные двух-месячные курсы, на которых нами были подготовлены первые учителя тофаларского языка для начальных тофаларских школ. Их имена тофаларский народ должен знать и помнить. В Алыгджерской школе с 1989 г. до сих пор тофаларский язык преподает Кангараева Татьяна Николаевна, выпускница тех курсов. В Нерхе долгое время до ухода на пенсию тофаларский язык преподавал Унгуштаев Прокопий, в Верхней Гутаре – Шибкеев Вадим. Иркутский Институт повышения квалификации учителей регулярно проводил семинары по переподготовке учителей тофаларского языка.

Таким образом, создание тофаларской письменности, букваря и других пособий по тофаларскому языку, подготовка учителей из числа самих тофаларов, имеющих базовое педагогическое образование и владеющих родным языком, введение преподавания родного языка в начальных классах всех тофаларских школ, а также в старших группах детских садов, явились фактически теми мероприятиями государственной поддержки, благодаря которым тофаларский язык удалось спасти от исчезновения. Ведь перепись населения 1989 г. показала, что в качестве родного языка назвали тофаларский лишь 43% от общего числа тофаларов, а свободно владели им только 14 человек, т.е. 1,9%.

Теперь вот уже почти 20 лет тофаларский язык изучается в начальных классах тофаларских школ, при этом его учат не только юные тофы, но и все, кто сидит в классе. Русские дети учат его с неменьшим интересом и даже получают пятерки.

Функции родного и русского языков в настоящее время устоялись. Областью применения тофаларского языка остались домашнее общение, традиционные хозяйственные отрасли – оленеводство и охота, если складываются однопациональные коллективы. За счет внедрения изучения в школе и в детском саду у родного языка расширяется функция воспитания и образования. Тофаларский язык не используется в таких сферах, как художественная литература, наука, образование, искусство, кино, радио, телевидение, газеты, почта, больница, сфера производственная и культурно-просветительская. Все это обслуживается русским языком.

После создания письменности и начала преподавания тофаларского языка в начальной школе, т. е. после получения государственной поддержки, интерес к тофаларскому языку, к тофаларской культуре стал возрастать. Не только старшее поколение, но и тофаларская молодежь стала шире использовать родной язык в общении между собой. Особенно это заметно в тех поселках, где тофаларское население численно преобладает, как например, в Нерхе, Верхней Гутаре.

Таким образом, сохранение и развитие тофаларского языка в настоящее время полностью зависит от степени государственной поддержки, обеспеченности школы учебными и наглядными пособиями по родному языку, финансовой обеспеченности публикаций на тофаларском языке и подготовки учителей родного языка, а также от уровня развития привычных форм традиционного хозяйствования в местах проживания тофаларов.

Есть надежда, что положение с финансовой поддержкой в отношении преподавания тофаларского языка в последнее время начнет улучшаться. Об этом свидетельствует тот факт, что со стороны Иркутского областного Института повышения квалификации работников образования регулярно проводятся семинары учителей тофаларского языка, на которые приглашаются не только учителя начальных классов, но и воспитатели старших групп детских садов, которые обучают тофаларскому языку дошкольников. Кроме того, Министерством образования и науки России профинансировано переиздание тофаларского букваря в новом, исправленном и улучшенном варианте [Рассадин В. 2005а; 2005б], а также переиздание для нужд школы тофаларско-русского и русско-тофаларского словаря [Рассадин В. 2005в]. Эти переиздания осуществляются издательством «Дрофа», которое планирует также издать «Пособие по развитию устной тофаларской речи», предназначенного для добукварного периода, картинный словарь тофаларского языка для этих же целей и ряд других учебных пособий, в том числе учебники родного языка для 2, 3 и 4-го классов и хрестоматии для чтения в 3 и 4-м классах тофаларских школ. После издания в профессиональном издательстве всех этих учебников и учебных пособий школьные учителя тофаларского языка и воспитатели детских садов, школьники и дошкольники, а также их родители получат в руки новое поколение более качественных и разнообразных учебников и пособий по родному языку. Всё это должно поднять на новую, более высокую ступень степень государственной поддержки тофа-

ларского языка – языка одного из самых малочисленных тюркских народов России – и будет способствовать не только его сохранению, но и развитию.

Библиография

- Бичурин Н.Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Ч. 1.
- Дыренкова Н.П.** Тофаларский язык // Тюркологические исследования. М.-Л., 1953. С. 5-24.
- Катанов Н.Ф.** Поездка к карагасам в 1890 году // Зап. ИРГО по отд. этнографии. СПб., 1891. Т. XVII. Вып. 2. С. 133-230.
- Катанов Н.Ф.** Предания присаянских племён о прежних делах и людях // Сб. в честь 70-летия Г.И. Потанина. СПб., 1909. (Зап. ИРГО по отд. этнографии. Т. 34). С. 284-286.
- Козин С.А.** Сокровенное сказание монголов. Анонимная монгольская хроника 1240 года. М.-Л., 1941.
- Костров Н.** Карагасы // Иллюстрированная газета. СПб., 1871. № 43. С. 685-868; № 44. 698-699.
- Мельникова Л.В.** Тофы: Историко-этнографический очерк. Иркутск, 1994.
- Окладников А.П.** Звери и знаки Ярминского порога // Звери в камне. Новосибирск. 1980. С. 96-116.
- Потапов Л.П.** Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.
- Рассадин В.И.** Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
- Рассадин В.И.** Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука. 1978.
- Рассадин В.И.** Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Автореф. докт. дисс. М., 1982.
- Рассадин В.И.** О фонетических системах тувинского и тофаларского языков // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983.
- Рассадин В.И.** Төрээн соот. (Родное слово): Книга для чтения во 2-м классе тофаларских школ. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994.
- Рассадин В.И.** Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995.
- Рассадин В.И.** Легенды, сказки и песни седого Саяна. Тофаларский фольклор. Иркутск, 1996.
- Рассадин В.И.** Букварь: Учебник для 1 класса тофаларских школ. СПб.: «Издательство “Дрофа” Санкт-Петербург», 2005а.
- Рассадин В.И.** Прописи. Рабочая тетрадь к букварю для 1 кл. тофаларских школ. СПб.: «Издательство “Дрофа” Санкт-Петербург», 2005б.
- Рассадин В.И.** Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский: Учеб. пособие для уч-ся ср. шк. СПб.: «Издательство “Дрофа” Санкт-Петербург», 2005в.
- Рассадин В.И., Шибкеев В.Н.** Тоъфа букварь. Тофаларский букварь для первого класса тофаларских школ. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989.
- Рассадин В.И., Шибкеев В.Н.** Сылтысчык. (Звёздочка): Книга для чтения в 1-м классе тофаларских школ. Иркутск, 1990.
- Рассадин И.В.** Хозяйство, быт и культура тофаларов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.
- Штубендорф Ю.П.** О карагасах // Вестник ИРГО. 1854. Ч. 12. Отд. 2. С. 229-246.
- Castrén M.A.** Reiseberichten und Briefe aus den Jahren 1845-1849, hrsg. von A. Schiefner. St.-Pb., 1856. S. 383, 388-392.
- Castrén M.A.** Koibalischen und karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussinischen Kreises. St.-Pb., 1857.

(Проблемы монголоведных и алтаистических исследований, международная науч. конф. (2009; Элиста). Международная научная конференция «Проблемы монголоведных и алтаистических исследований», 11-13 ноября 2009 г. [Текст]: [посвящ. юбилею профессора В.И. Рассадина: материалы]. – Элиста: Изд-во Калмыцкого университета, 2009. С. 6-10).

ОБ ОДНОМ АРЕАЛЬНОМ ЯВЛЕНИИ ФОНЕТИКИ ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА

Современный тофаларский язык, как известно, является тюркским языком. Наиболее близок к нему язык тувинцев-тоджинцев (В.И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 6). Будучи слабо изученным в синхронном плане, он почти не исследовался в сравнительно-историческом отношении.

При сравнении тофаларского языка с другими тюркскими и нетюркскими языками нами выявлены некоторые ареальные явления в его фонетике. Рассмотрим подробнее одно из них.

Прежде всего тофаларский язык характеризуется наличием в анлауте носового среднеязычного смычного сонанта *n'* в довольно большом количестве исконно тюркских слов. В тувинском языке в этих словах представлена везде аффриката *ч*, которая соответствует киргизскому *жс*, древнетюркскому *j* и т.д. Например: тоф. *n'a*: «новый» = тув. *чаа*, кирг. *жаңы*, др.-тюрк. *jaŋi* id.; тоф. *n'o:n* «толстый» = тув. *чоон*, кирг. *жоон*, др.-тюрк. *joŋin* id.; тоф. *n'ata* = «латать», «класть заплату» = тув. *чама* =, кирг. *жама* =, др.-тюрк. *jata* = id.; тоф. *n'uturha* «яйцо» = тув. *чуурга*, кирг. *жумуртка*, др.-тюрк. *jumutŋa* id.; тоф. *n'an* = «возвращаться» = тув. *чан* =, кирг. *жан* =, др.-тюрк. *jan* = id. Этот среднеязычный *n'* заметно отличает тофаларский язык от тувинского. Из всех тюркских языков только хакасский и северные диалекты алтайского языка имеют, как тофаларский, носовые сонанты *n* или *n'* в аналогичной позиции. Например: хак. *наа* =, шор. *наа* =, куманд. *наа* =, туб. *ньама* = «латать»; хак. *нымырха*, куманд. *нымыртка*, *ньымыртка*, *ньуртка*, туб. *нымыртка* «яйцо»; хак. *нан* =, шор. *нан* =, куманд. *ньан* =, туб. *ньан* = «возвращаться».

Есть мнение, что появление носовых *n* и *n'* на месте *j* или *жс*, *ч* и других отмечается в тех случаях, где в основе слова имеются другие носовые звуки, под их ассимилирующим влиянием (А.М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., «Наука», 1970, с. 160). Но это происходит не всегда, имеется немало отклонений. Например: тоф. *n'o:n*, туб. *ньоон*, хак. *чоон*, шор. *чоон* «толстый»; хак. *нитке*, тоф. *čitke* «затылок», туб. *дыитке* «затылок»; туб. *ньун* =, тоф. *čun* =, хак. *чун* = «мыть», шор. *чун* = «мыть», «стирать»; хак. *нинди* =, шор. *ненди* =, тоф. *ši n'zi* =, тув. *чинди* = «обыскать».

В то же время в тофаларском языке в ряде слов *n'* появляется там, где в основном исторически не было носовых звуков. Например, тоф. *n'i:t* «молодой» = др.-тюрк. *jigit*, кирг. *жигит*, тув. *чиит*, хак. *чиит* id.; тоф. *n'asyj* «обжора» = тув. *чазый* «жадный», «прожорливый»; тоф. *n'a:ry* = «покрываться ссадиной», «сбиться (о спине верхового или выючного животного)» = др.-тюрк. *jaŋry* =, тув. *чара* =, кирг. *жору* =, якут. *соруй* = id. Эти примеры свидетельствуют, что не одно лишь ассимилирующее влияние соседних носовых согласных обусловило развитие инициального среднеязычного *n'* в тофаларском языке. Почему же в других языках, хотя бы в том же соседнем тувинском или в киргизском языке, во всех этих позициях не развились носовые сонанты? Видимо, кроме комбинаторных условий, немалую роль сыграли здесь какие-то иные, возможно экстралингвистические факторы.

Аффриката *ч*, представленная в тувинском языке в анлауте на месте древнетюркского *j*, имеет в отличие от тофаларского языка переднеязычную артикуляцию. С аналогичной артикуляцией произносится соответствующее *ч* в хакасском и шорском языках. В тофаларском же языке, как и во всех, особенно в северных диалектах алтайского языка, аффриката, произносимая в анлауте, имеет среднеязычную артикуляцию и существует в глухом (*hś*) или звонком (*hž*) оттенках. На месте переднеязычной аффрикаты в хакасском и шорском языках развился переднеязычный же несмягченный носовой *n*, а на месте среднеязычной аффрикаты в тофаларском языке и северных алтайских диалектах - среднеязычный *n'*. Таким образом, устанавливается прямая связь артикуляции носового согласного с артикуляцией исходной аффрикаты.

Но в то же время ясно, что *n* прямо из *ч* развиваться не может, необходимы какие-то промежуточные ступени. Нам представляется вполне вероятным предположение, что и в хакасском и в шорском языках на каком-то прошедшем этапе их развития артикуляция аффрикаты *ч*, корреспондирующей в анлауте с древнетюркским *j* (кстати тоже среднеязычным по артикуляции звуком), тоже была среднеязычной. Переход среднеязычной аффрикаты (*hś*) в среднеязычный носовой *n'* происходит довольно легко, если *hś* произносится вариативно ближе к звонкому среднеязычному смычному *hž*. Звук же *n'* отличается от *hž* только дополнительной работой носового резонатора. А если допустить, что в предполагаемый период в этих языках, как в современном тофаларском языке, была развита назализация вообще всей артикуляции, то переход под влиянием соседних носовых сонантов анлаутного *hž* в *n'* становится понятным и вполне объяснимым.

При утрате среднеязычной артикуляции аффрикаты *hʃ* комбинаторный вариант *h'* стал восприниматься как смягченный *h'*, а затем и как обычный твердый *h*. Назализация артикуляции, видимо, имела в языках разную степень интенсивности, поэтому не во всех словах развилось *h* из *h'*. В то же время и в тофаларском языке и в алтайских северных диалектах вследствие этого сосуществуют до сих пор варианты типа: тоф. *n'inggi~hinggi* «каток»; *n'ytzaq~hʃytzaq* «мягкий»; туб. *дьун* = ~ *ньун* = «мыть»; туб. *дьан* = ~ *ньан* = ~ *йан* = «возвращаться»; туб. *дьымытка~ньмыртка* «яйцо»; куманд. *дьаман~ньаман* «плохой», *дьень* = ~ *ньень* = «победить».

Назализация артикуляции и такое широкое развитие *h'* в тофаларском, *h* в хакасском, шорском языках и северных алтайских диалектах стали возможными, вероятно, под влиянием самодийского субстрата. Только самодийский субстрат мог вызвать и закрепить носовой анлаутный *h* и *h'*. Дело в том, что для тюркских языков вообще начальный носовой звук *h* или *h'* не был характерен. (М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., ИЛ, 1955; с. 176).

В соседних же языках – угорских, самодийских, тунгусо-маньчжурских и монгольских, начальные *h* и *h'* представлены довольно широко. В кетском языке, как и в тюркских, начальный носовой *h* встречается редко (А.П. Дульзон. Очерки по грамматике кетского языка. Томск, изд. ТГУ, 1964, с. 37). Наиболее вероятным является для тюркских народов Саяно-Алтая самодийский и кетский субстрат, о чем неоднократно упоминалось в работах по этногенезу шорцев, алтайцев, хакасов. Данные языки свидетельствуют, что самодийский субстрат был довольно силен у шорцев, хакасов, северных алтайцев и тофаларов. Южные те алтайцы и тувинцы, хотя и испытывали его влияние, но в гораздо меньшей степени в силу своего географического положения. Факты языка, таким образом, как будто подтверждают мнение этнографов и антропологов о том, что тюркский язык распространился в северной, таежной зоне Саяно-Алтая в основном в результате культурного влияния тюрков при сохранении аборигенного населения (В.П. Алексеев. Антропологические данные и проблема происхождения шорцев. Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, вып. 9, 1965).

(Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы Всесоюз. конф., 3-5 июня 1976 г. – Томск, 1976. – С. 57-60).

О ФОНЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ ТОФАЛАРСКОГО И ТУВИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Как известно, тофаларский язык, согласно классификации Н.А. Баскакова [1969, с. 313], включается в состав уйгуро-тукуюской подгруппы уйгуро-огузской группы тюркских языков. Н.А. Баскаков считает, что тофаларский язык «... по своим фонетическим, грамматическим и лексическим признакам ... наиболее близок к тувинскому языку и, по существу, может считаться одним из его диалектов» [1969, с. 323]. Сравнительные исследования, основывающиеся на многолетних полевых записях тофаларского языка привели нас к выводу, что тофаларский язык не диалект какого-то другого языка, а вполне самостоятельный язык, имеющий во всех ярусах множество специфических черт, резко отличающих его от других тюркских языков, в том числе и от тувинского. Достаточно сказать, что в морфологии тофаларский язык примерно только наполовину совпадает с тувинским языком. Другая половина сближает тофаларский язык с хакасским языком и северными алтайскими диалектами, а также приходится на ряд признаков, либо присущих вообще только тофаларскому языку, либо представляющих собой законсервированные в нём некоторые древнетюркские черты. Такую же картину являет собой и лексический состав тофаларского языка. Обо всём этом мы уже писали ранее [Рассадин 1971, с. 71-147; 1978].

Здесь хотелось бы остановиться на некоторых результатах сравнительного изучения фонетики тофаларского и тувинского языков, чтобы показать их сходства и различия в звуковом составе.

В области вокализма существенных различий по составу гласных фонем между двумя рассматриваемыми языками нет. Так, для них характерно наличие восьми простых кратких гласных фонем, противопоставляемых по твёрдому и мягкому рядам в четырёх парах: *a* – *э* (с вариантом *э* в тофаларском), *o* – *ө*, *y* – *ү*, *ы* – *и* (с вариантом *i* в тофаларском), причём для тувинского языка без указанных вариантов. Как и в тувинском языке, в тофаларском гласные противопоставляются также и по степени длительности. В них тоже имеется восемь долгих гласных фонем, сводимых в четыре пары: *aa* – *ээ* (с вариантом *эд*), *oo* – *өө*, *yy* – *үү*, *ыы* – *ии* (с вариантом *ii*). Кроме того, эти

языки характеризуются противопоставлением чистых кратких и долгих гласных фонем особым кратким гласным, произносимым с участием фаринкса, так называемым фарингализованным гласным фонемам, которых тоже восемь: *аъ* – *эъ* (с вариантом *эъ*), *оъ* – *өъ*, *уъ* – *үъ*, *ыъ* – *иъ* (с вариантом *иъ*). Таким образом, краткость без фарингализации, краткость с фарингализацией и долгота – вот характерные признаки гласных фонем тувинского и тофаларского языков. Только этим различаются, например, слова типа *аът* «лошадь» – *ат* «имя» – *аат* «укачивай ребёнка», *ыът* «собака» – *ыт* «отправь» – *ыыт* «звук; голос» и т.п. Такого нет больше нигде в тюркских языках.

В тофаларском языке, как и в тувинском разговорном [Исхаков, Пальмбах 1961, с. 9], имеются, кроме того, долгие гласные с носовым оттенком. Но они представляют собой в тофаларском лишь варианты долгих гласных. Для тофаларского языка вообще присуща некая гнусавость произношения. Замечена только пара слов с явно выраженной назализацией долгих гласных в них, противопоставленных долгим чистым, благодаря чему различается смысл этих слов. Так, слово *ээрер* в тофаларском языке, произнесённое с чистым долгим *ээ*, означает «крутить», но с назализованным *ээ* уже означает «лаять», слово *саат* с чистым долгим *аа* означает «препятствие, задержка», а с назализованным *аа* означает «жевательная сера». Других слов пока не замечено. В тувинском языке назализация выступает как признак полноправных фонем. Так, например, если сказать по-тувински слово *чаа* с чистым долгим гласным, то это будет означать «война», если же с долгим назализованным гласным *аа*, то означать уже будет «новый». И такое различие проходит по многим словам тувинского языка, хотя на письме никак не обозначено. Только контекст приходит на помощь. Тофаларский язык использует другой способ различения подобных слов. Так, в нём слово *чаа* означает «война», а *няа* – «новый».

Существенным отличием тофаларского языка от тувинского в области вокализма является наличие наряду с *ээ* долгого гласного *ээ*, равно как и кратких *э* и *эъ*, вместо тувинских *ээ*, *э* и *эъ*, особенно в непервых слогах многосложных слов и в односложных словах с долгим гласным, например, тоф. *хүдээ* – тув. *хүдээ* «зять», тоф. *бирээ* – тув. *бирээ* «один», тоф. *хераам чоқ* – тув. *херээм чоқ* «мне не нужно», тоф. *тишектээр* – тув. *бишектээр* «употреблять нож», тоф. *бээр* – тув. *бээр* «даст», тоф. *бээрдэ* – тув. *бээрдэ* «когда даст» и т.п.

Кроме того, для тофаларского языка характерно особое явление опереднения (типа умлаута) твёрдорядных долгих гласных или дифтонгов, появляющихся и в корневых словоформах и на стыке морфем, если при этом образуется двоеслог с интервокальным среднеязычным сонантом **й* (*j*). Так, на месте двоеслога *айы* появляются либо *ээ*, либо *аэ~эи*, либо *эй*, например, тоф. *ай* «луна; месяц» – *ээ~аэ* «его луна; его месяц» (< **айы*), тоф. *чээнды* – тув. *чайынды* «наледь», тоф. *һээнды* – тув. *хайынды* «вскипел (напр. чай)». Двоеслог *ойы~ойу* дал *өө~өэ*, например, тоф. *мөөн~мөөн* – тув. *моюн* «шея», тоф. *өөн~өэн* – тув. *оюн* «игра», но обязательной нормы произношения здесь нет и возможны варианты типа *оин~оэн* – тоф. *оин~оэн* «игра». Двоеслог *уйу* дал *үү*, например, тоф. *буй* «пах» – *бүү* «его пах» (< **буу*), тоф. *үүдар* «грустить» (< **уйудар* < монг. *уидаах* id.). Двоеслог *ыйы* дал *ии*, например, тоф. *миис* – тув. *мыйыс* «рога», тоф. *миит* – тув. *мыйыт* «ленок», тоф. *һиштыры* – тув. *хыйыштыр* «нанаскошь». Двоеслог *уйы* дал либо долгий гласный *ии*, либо дифтонг *үи*, например, тоф. *чории берген* «уехал» из **чоруйы берген* (< *чору* = «уезжать»), тоф. *чүи берген* «вымыл» из **чуйы берген* (< *чу* = «мыть»). Для тофаларского языка вообще характерно появление опереднённых долгих гласных или дифтонгов на месте подобных двоеслогов, оказавшихся на стыке морфем. Это происходит автоматически, как было показано в последнем случае, и не имеет исключений. Так, например, только по этой причине аффикс отрицательного деепричастия всегда звучит как *=бейн* и в мягкорядных, и в твёрдорядных словах (ср. тоф. *аңнавейн туру* «не охотится» < **аңнабайын туру*, тоф. *барбейн туру* «не уходит» < **барбайын туру*). Здесь двоеслог **айы*, появившийся в твёрдорядном варианте этого аффикса *-*байын* – закономерно дал мягкорядный дифтонг *ей*. Такие двоеслоги в тофаларском языке обычно возникают при образовании форм личной принадлежности у существительных, оканчивающихся на *-й*, или при присоединении деепричастия на *=йы* (ср. др.-тюрк. *=jī~=ji*) к глагольным основам, имеющим на конце гласную, например, тоф. *ай* «луна; месяц» – *ээ~аэ* «его луна; его месяц» < **айы* (ср. тув. *айы* id.), тоф. *аңна* = «охотиться» – *аңнээ берген* «стал охотиться» < **аңнайы берген* (ср. тув. *аңнай берген* id.), тоф. *чору* = «уезжать» – *чории берген* «уехал» < **чоруйы берген* (ср. тув. *чоруй берген* id.).

Происходит в тофаларском языке и опереднение кратких (чистых и фарингализованных) гласных под влиянием соседних среднеязычных и палатализованных согласных, например, тоф. *чеш*

(< **чаи*) «новорожденный», ср. тув. *чаи* «младенческий, молодой»; тоф. *чеши* (< **чаши*) «волосы на голове человека», ср. тув. *чаши* «женская коса на голове»; тоф. *неи* (< **няи* < **ыняи*) «дерево; дрова», ср. тув. *ыаи* id.; тоф. *неньчык* (< **нянчык* < *нян* «бок») «маленькая сумочка для мелких вещей», ср. тув. *чанчык* «кисет, футлярчик» < *чан* «бок»; тоф. *шэй* (< **шай*) «чай», ср. тув. *шай* id.

Указанные выше особенности вокализма, проявляющиеся массово, придают тофаларскому языку заметное своеобразие, хотя по составу гласных фонем, по противопоставлению чистых кратких, фарингализованных кратких, долгих чистых и назализованных гласных тофаларский язык в общем сближается с тувинским языком, равно как и другие тюркские языки таёжного ареала саянской подгруппы – соётский в Бурятии, цаатанский уйгурский и урянхайско-уйгурский в Монголии, а также степного ареала саянской же подгруппы – язык кёк-мончаков и тувинцев Ценгельского сомона в Монголии, как это нам приходилось наблюдать.

В области консонантизма тофаларский и тувинский языки имеют коренные, если не сказать принципиальные различия. Так, для системы согласных тувинского языка характерно их деление на шумные согласные и сонанты. Шумные в свою очередь делятся на сильные и слабые согласные. Сонанты являются сверхслабыми согласными. Вся система согласных построена, таким образом, на противопоставлении сильных, слабых и сверхслабых фонем. При этом сильные и слабые противопоставляются только в анлауте, например, тув. *нар* «тигр» – *бар* «есть, имеется», *наи* «чугунный котёл» – *баи* «язва», *най* «летающая мишень» – *бай* «богатый», *тараа* «зерно» – *дараа* «следующий», *тус* «отдельный» – *дус* «соль» и т. п. Для инлаута и ауслаута характерны слабые согласные фонемы. В положении между гласными и после сонорных они озвончаются, а в сочетании с другими шумными всегда выступают глухие варианты. В ауслауте же шумные используются всегда в глухом варианте. Попад при морфологическом изменении слова в интервокальное положение, этот конечный глухой слабый озвончается, например, тув. *ат* «имя» – *ады* «его имя», *аът* «лошадь» – *аъды* «его лошадь», *аат* «укачивай ребёнка» – *аадар* «будет укачивать ребёнка»; *наи* «котёл» – *нажы* «его котёл», *баи* «язва» – *бажы* «его язва», *баши* «голова» – *баъжы* «его голова»; *ас* «заблудись» – *азар* «заблудится», *аъс* «повесь» – *аъзар* «повесит» и т. п. Закономерности озвончения таковы: *с* – *з*, *ш* – *ж*, *к* – *г*, *п* – *в* (через *б*), *т* – *д* и т. д.

Тофаларский же язык даёт иную систему согласных. Хотя и в нём представлены шумные (сильные и слабые) и сонанты (сверхслабые), но организованы они в систему совсем по другому принципу. Здесь в анлауте, можно сказать, нет противопоставления сильных и слабых согласных, как это наблюдается в тувинском языке. Встречаются буквально единичные случаи противопоставления слов по качеству согласных анлаута, например, тоф. *наи* «котёл» – *баи* «язва», *таң* «нет, не знаю» – *даң* «утренняя заря». При этом слова *баи* и *даң* могут произноситься и с глухими вариантами – *наи* и *таң*, если эти слова попадают в позицию после глухих. У слов же *наи* «котёл» и *таң* «нет, не знаю» анлаут никогда не озвончается. Следует признать, что в основном в анлауте тофаларских слов представлены либо всегда глухие сильные шумные согласные, никогда не озвончающиеся, как например, *сен* «ты», *сан* «число», *шэй* «чай» и т. п., либо только слабые, могущие произноситься как в глухих, так и звонких вариантах в зависимости от позиции, например, *чору-чору* «идёт, едет», *чер-чер* «земля», *қан-ган* «кровь», *қайда-гайла* «где», *балық-палық* «рыба», *көөр-гөөр* «увидит», *кеши-геши* «шкура», *таи-даи* «камень».

Противопоставление же согласных, причём такое, на котором строится вся система согласных, в тофаларском языке происходит в конце корневых основ, при этом оно сохраняется даже в тех случаях, когда эти согласные попадают на стыке морфем в интервокальное положение. Сильные согласные всегда сопровождаются в первом слове фарингализованными гласными (у нас они обозначены твёрдым знаком), а слабые всеми остальными – краткими чистыми, долгими и дифтонгами. Слабые согласные, попав в интервокальное положение, как правило, озвончаются или чередуются с другими звонкими, но могут произноситься и полувонко, например, тоф. *қат* «кожаный мешок» – *қабы* «его мешок», *қат* «ягода» – *қады* «его ягода», *ас* «заблудись» – *азар* «заблудится», *ақ* «белый, белок» – *агы* «его белок», *баи* «язва» – *бацы* «его язва». Сильные же согласные в положении между гласными частью сохраняются без изменения, иногда лишь слегка геминируя – это согласные *т*, *с*, например, *қат* «слой» – *қатты-қатты* «его слой», *аъс* «повесь» – *аъсар-аъсар* «повесит», частью же претерпевают некоторые изменения, чередуясь по схеме *к* – *һ* (*аъқ* «теки» – *аъһар* «потечёт»), *к* – *һ* (*төк* «пролей» – *төһер* «прольёт»), *ш* – *һ* (*баши* «голова» – *баһи-беһи* «его голова»), *п* – *п-ф* (*қатп* «поймай ртом» – *қатпар-қатфар* «поймает ртом»).

Из-за этих закономерностей тофаларские слова в потоке речи становятся для носителя тувинского языка, ухо которого настроено на другую систему консонантизма, не узнаваемыми. Так, например, тувинские слова *агар* «потечёт» и *ажар-ажыгар* «откроет» в тофаларском языке различаются только палатализацией согласного *h*, а именно *h* – *hʲ*: *ӑ̣h̆ар* «потечёт» – *ӑ̣h̆яр* «откроет», тувинские словоформы *бажы* «его язва» и *бӑ̣жы* «его голова» различаются фари́нгализацией гласного, в тофаларском же языке не только гласным, но и согласным – *бӑ̣цы* «его язва» – *бӑ̣h̆и-бӗ̣h̆и* «его голова» и т. п.

Кроме того, среди сонантов в тофаларском языке широко представлен инициальный смычный среднеязычный носовой *h̆* на месте тувинской аффрикаты *ч*, например, тоф. *ниит* – тув. *чиит* «молодой», тоф. *нян* – тув. *чан* «иди домой», тоф. *н̆он* – тув. *чоон* «толстый» и т. п. Появление *h̆* связано, по нашему убеждению, со среднеязычной артикуляцией тофаларской анлаутной аффрикаты *ч~ц* (< *j), имеющей варианты *т̆~д̆*, и с влиянием общей назализованностью произношения, так называемой гнусавостью. Наличие носового сонанта *h̆~н* вместо ртовой аффрикаты *ч~ц~д̆* (< *j) во многих словах проходит своеобразной ареальной полосой по ряду языков Саяно-Алтая – тофаларскому, соётскому, хакасскому, шорскому, алтайским северным диалектам. При этом в хакасском и шорском языках на месте среднеязычного *h̆* представлен обычный переднеязычный носовой сонант *н* типа *нан* «бок», *наа* «новый». В соётском языке и в алтайских северных диалектах здесь стоит среднеязычный сонант *h̆*, как и в тофаларском языке, например, тоф. *няа*, соёт. *няа*, тубал. *ня̣̆ы* «новый». Среднеязычный характер *h̆* в тубаларском диалекте алтайского языка, например, поддерживается среднеязычной артикуляцией аффрикаты *д̆* (< *j), из которой он и развился, о чём мы уже писали ранее [Рассадин 1976, с. 57-60].

По нашим наблюдениям, систему согласных, аналогичную тофаларской, имеют тюркские языки таёжного ареала саянской подгруппы, в которую входят помимо тофаларского также ещё соётский, цаатанский уйгурский и уйгуро-урянхайский языки. Таковую же систему консонантизма, что и в тувинском языке, имеют языки кёк-мончаков и тувинцев Ценгельского сомона Монголии.

Таким образом, проведённое выше сравнительное исследование фонетики тофаларского и тувинского языков позволяет заключить, что тофаларский язык в своём звуковом составе помимо ряда сходств с тувинским языком имеет значительные принципиальные расхождения, не позволяющие согласиться, как мы уже говорили выше, с мнением Н.А. Баскакова, что тофаларский язык может считаться диалектом тувинского языка. Материал приводит нас к тому, что тофаларский язык самостоятельный язык и образует вместе с языком соётов Бурятии, цаатанов уйгуров и уйгуро-урянхайцев Монголии отдельный таёжный ареал. Тувинский же язык объединяется с языками кёк-мончаков и тувинцев Ценгельского сомона Монголии в другой, степной ареал. Оба эти ареала имеют определённые схождения не только в звуковом составе, но и в грамматике и лексике, позволяющие объединить их в одну подгруппу саянских тюркских языков, существующую самостоятельно и параллельно с уйгуро-тукуюской подгруппой древних тюркских языков и с подгруппами хакасской и якутской современных тюркских языков. Объединять древние уйгурский и огузский языки и современные тувинский и тофаларский языки в одну подгруппу, которая якобы существует параллельно с современными якутской и хакасской подгруппами, было бы не совсем корректно, поскольку современные якутский и долганский языки по многим признакам сближаются как с древними уйгурским и огузским языками, так и с современными саянскими. Поэтому классификация сибирских тюркских языков требует своего уточнения в связи с появлением новых материалов.

По нашему мнению, уточнённая классификация сибирских тюркских языков может выглядеть следующим образом.

II. Уйгуро-огузская группа.

1. Уйгуро-тукуюская подгруппа - древнеуйгурский язык
древнеогузский язык

2. Саянская подгруппа - степной ареал:

тувинский язык
язык кёк-мончаков
язык тувинцев Ценгельского
сомона

- таёжный ареал:

тофаларский язык
соётский язык

язык уйгуров цаатанов
уйгуро-урянкайский язык

3. Якутская подгруппа - якутский язык
долганский язык
4. Хакасская подгруппа - хакассский язык
шорский язык
чулымско-тюркский язык
язык тубаларов
язык челканцев
язык кумандинцев.

Предложенная классификация не является окончательной. Здесь особняком стоят южные диалекты алтайского языка, сближающиеся с современным киргизским языком. Более расширенный и углублённый сравнительный анализ строя сибирских тюркских языков позволит найти более точное, оптимальное решение данной проблемы.

Библиография

Баскаков 1969 - Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. Издание второе. - М., 1969.

Исхаков, Пальмбах 1961 - Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. - М., 1961.

Рассадин 1971 - Рассадина В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. - Улан-Удэ, 1971.

Рассадин 1976 - Рассадина В. И. Об одном ареальном явлении фонетики тофаларского языка // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. - Томск, 1976.

Рассадин 1978 - Рассадина В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. - М.: Наука, 1978.

Принятые сокращения языков

др.-тюрк.	-	древнетюркский язык
монг.	-	монгольский язык
тоф.	-	тофаларский язык
туб.	-	тубаларский язык
тув.	-	тувинский язык

(Российская тюркология. 2012. № 1(6). С. 7-13).

К СОПОСТАВЛЕНИЮ ТОФАЛАРСКОГО И ТУВИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Относительно современного тофаларского языка высказывалось мнение, что его следует считать одним из диалектов тувинского языка. Однако, при изучении тофаларского языка на основе записей выявились заметные его отличия от тувинского в фонетике, лексике и морфологии, которые не позволяют согласиться с этим мнением. В целях установления истины нами было проведено тотальное сравнение тофаларского и тувинского языков на всех уровнях.

Принципиальное отличие фонетических систем этих языков состоит в том, что в тувинском сильные и слабые согласные противопоставлены в начале слова (например, *пак* «глоток» – *бак* «дурной», *тараа* «зерно» – *дараа* «следующий»), а в тофаларском сильные и слабые противопоставлены в конце первого слога основы, при этом сильные согласные всегда стоят после фарингализованного гласного (например: *кап* «мешок» – *каъп* «клюй», *ат* «имя» – *аът* «лошадь», *ас* «заблудись» – *аъс* «повесь», *баи* «язва» – *баъи* «голова»). Попад между гласными сильные согласные *с, п, т* всегда остаются глухими (*къапар* «клюнет», *аъты* «его лошадь», *аъсар* «повесит»), *ш* переходит в палатализованный *h* (*баъһи* «его голова», *аъш* «открой» – *аъһяр* «откроет»), *к* переходит в *h* (*аък* «теки» – *аъһар* «потечет», *соък* «распори шов» – *сеъһер* «распорет шов»). Слабые согласные всегда в этой позиции озвончаются (при этом *ш* переходит в среднеязычную аффрикату *чж*): *баъжы* «его язва», *ады* «его имя», *азар* «заблудится», *кабы* «его мешок», *ак* «белый» – *агы* «его белизна».

В тофаларском в начале очень многих слов развится среднеязычный смычный носовой согласный *нь*, там, где в тувинском представлено *ч*, а в др.-тюрк. *й*. Например: тоф. *ньаа* – тув. *чаа*, др.-тюрк. *йаңы* «новый», тоф. *ньиит* – тув. *чиит*, др.-тюрк. *йигит* «молодой», тоф. *ньоон* – тув. *чоон*, др.-тюрк. *йогун* «толстый». Это сближает тофаларский язык с хакасским, шорским и с северными диалектами алтайского языка. Тофаларский также обычно сохраняет более полный фонетический облик слов, видоизмененный и редуцированный в тувинском языке: тоф. *чеьһенек* – тув. *шенек* «локоть», тоф. *теьһе* – тув. *те* «козел», тоф. *сеьһес* – тув. *сес* «восемь», тоф. *тоьһос* – тув. *тос* «девять», тоф. *ньумурһа* – тув. *чуурга* «яйцо».

Лексический состав обоих сравниваемых языков тоже обнаруживает существенные различия. Кроме общетюркских слов типа *беш* «пять», *суз* «вода», *мен* «я», *кызыл* «красный», *бар* «уйди», *кел* «приходи», *тур* «стой», *киши* «человек», *ата* «отец» и ряда общих тофаларско-тувинских слов (например, *дубек* «корни сараны», *дэскин* «кружиться», *безин* «даже», *азы* «или», *беьсил* «налим», *аан* «немного погода»), имеется довольно много слов с взаимно измененной семантикой, напр.: тоф. *каас* «рисунки, узор» – тув. *каас* «нарядный», тоф. *аьһы* «кожаное покрытие юрты» – тув. *аьгы* «кожа как товар», тоф. *достак* «лоб» – тув. *достак* «выпуклость, шишка». Много слов имеет в обоих языках совершенно разную семантику, хотя их фонетический облик совпадает, напр.: тоф. *ольшаңгы* «простой, обыкновенный, даровой» – тув. *олчаңгы* «очень похожий», тоф. *оода* «очень» – тув. *оода* «хотя бы, хоть», тоф. *черлик* «жизнь» – тув. *черлик* «дикий», тоф. *чараши* «маленький» – тув. *чараши* «красивый». Очень многие тофаларские слова вообще не имеют параллелей в тувинском языке, например: *өскен* «дождь», *агды* «лестница», *кеьһин* «перелетные птицы», *бариша* «все», *кыьсыл* «ущелье», *батагана* «комар», *бааба* «дедушка», *бечэжик* «колыбель», *шедэрген* «искра», *шооза* «тезка».

В области морфологии довольно заметные различия проходят буквально через все части речи. В тофаларском языке нет тувинского направительного падежа на *=че/дыве*, а в тувинском нет тофаларского частного падежа (партитива) на *=та*, который есть также в якутском языке. Тофаларские прилагательные выражают ослабление степени качества аффиксами *=сыңгы*, *=сыг*, *=сың*, а тувинские – аффиксом *=зымаар* и частицей *аарак*. Собираательные числительные в тофаларском языке образуются аффиксом *=ышкы*, а в тувинском – *=кы* или словом *дугаар*, тофаларские разделительные числительные имеют аффикс *=лар*, *=ар* (*иһилер* «по два», *онар* «по десять»), которого нет в тувинском. В тофаларском языке нет притяжательных форм личных местоимений типа тув. *мээңиң* «мой», существенно различаются тофаларское и тувинское склонения указательных местоимений *бо* «этот», *ол* «тот». В тувинском языке нет наречных аффиксов *=ша*, *=ды*, широко представленных в тофаларском языке, и нет тофаларских служебных слов *кылы* «как, в качестве» и *чылачы* «как, подобно», образующих наречия от имен. В тофаларском и тувинском совпадает ряд послелогов, но значительные различия в составе частиц, союзов, междометий. Весьма много различий в системе словоизменения глаголов. В тофаларском нет тувинского прошедшего повествовательного времени на *=п=тыр*, нет причастия на *=калак*, деепричастия предела *=кала* (в тофаларском *=гыша*). В тувинском нет тофаларского причастия настоящего времени на *=у*, *=ы* (*туру киши* «стоящий сейчас человек», *олыры киши* «сидящий человек») и аналитической формы прошедшего времени *=у иик* (*киши туру иик* «человек стоял»). В тофаларском широко употребляется в аналитических формах служебный глагол *иик* (< *э= «быть» + *йук*). В тувинском *иийик* – модальная частица. Условное наклонение в тофаларском образуется аналитически (*бардым эрсе* «если пойду»), а в тувинском – аффиксально (*барзымза id.*).

Все выше названные основные различия этих языков создают известные трудности в понимании тофами тувинской речи.

(Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР». Алма-Ата, 1976.).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОРФОЛОГИИ ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА

Многолетние наблюдения, которые мы проводили над тофаларским языком (с 1964 по 1974 гг. включительно), позволяют сейчас с большой долей уверенности сделать некоторые обобщения относительно морфологии этого языка. Материал показывает, что тофаларский язык имеет сле-

дующие части речи: имена существительные, прилагательные и числительные, местоимения, глаголы, наречия, служебные части речи, междометия и звукоподражательные слова. В составе каждой части речи нами изучены процессы словообразования, формообразования и словоизменения. Общеизвестные материалы М.А. Кастрена, Н.Ф. Катанова и П.П. Дыренковой, а также данные по современному тофаларскому языку, полученные нами, указывают на тюркский тип всех этих процессов. При этом нам удалось выявить ряд особенностей, главным образом в словообразовании и формообразовании, которые или отсутствуют в современных тюркских языках, или не имеют широкого распространения по тюркским языкам и носят сугубо локальный характер. Разберем это подробнее отдельно по частям речи.

Существительные имеют как аффиксальное, так и неаффиксальное словообразование. Так, в тофаларском языке мы находим все те же аффиксы -г: *одаг* «ночлег с костром в тайге» < *ода* = «разводить огонь»; -к: *ырык* «щель» < *ыр* = «разрывать»; -кы: *кыгыныскы** (* «твердый знак» означает фарингализацию гласного) «лучинка для прикуривания от костра» < *кыгыныс* = «зажигать»; -кыш: *багыкыш* «шаг» < *багс* = «ступать, шагать»; -м: *алым* «долг» < *ал* = «брать»; -ма: *кыгысытта* «шипцы» < *кыгысыт* = «позволить, заставить сжать»; -мак: *салбак* «жердь-лежень, к которой привязывают оленей» < *сал* = «класть»; -лык: *ыштык* «копильня» < *ыш* «дым»; -шы: *аңшы* «охотник» < *аң* «зверь», что и во всех других тюркских языках. Кроме того, довольно многочисленны производные с аффиксом -ды: напр., *агды* «лестница», ср. др.-тюрк. *ау* = «взбираться наверх»; *шапты* «щепка, стружка», ср. др.-тюрк. *сар* = «рубить»; *алды* «соболь» (первоначально «добыча») < *ал* = «получать, добывать, брать»; *кагысты* «скорлупа ореха» < *кагс* = «грызть, шелкать орехи»; *тамды* «капля», ср. др.-тюрк. *тат* = «капать»; *билди* «известие, слух» < *бил* = «ведать, знать»; *кагыарты* «затес на дереве» < *кагыяр* = «белеть»; *чарты* «полено», ср. др.-тюрк. *яр* = «раскалывать», с которым связывают происхождение формы претерита в тюркских языках [1]. Лишь в тувинском языке имеют параллели аффиксы -лышкы (образующий слова с собирательным значением от терминов родства): *убалышкы* «старшие сестры» < *уба* «старшая сестра», *агыалышкы* «братья» < *агъа* «старший брат», *бачжалышкы* «свои» < *бачжа* «свой», *худалышкы* «сватовья» < *худа* «сват»; -аашкын (с фонетическими вариантами -эшикин, -ыышкын, -ишикин, -уушкун, -үүшкүн), образующий от глаголов существительные со значением результата, процесса действия или инструмента: *билишикин* «познание, узнавание» < *бил* = «знать», *хемнээшикин* «весы, измерение, взвешивание» < *хемне* = «взвешивать, измерять», *ойнаашкын* «игрушка» < *ойна* = «играть», *дуушкун* «затычка», ср. др.-тюрк. *ти* = «закупоривать, преграждать», *манаашкын* «ожидание» < *манна* = «ожидать», *түрүшүшкүн* «трение» < *түрүш* = «тереть». Последний аффикс очень активен и придает тофаларскому языку заметное своеобразие.

Для категории склонения, кроме общетюркских именительного, винительного, родительного, дательно-направительного, местно-временного и исходного падежей, характерно наличие особого частного падежа [2] с аффиксом -та, -те-, -да, -де: *сугда хал* «принеси воды», *нешта хан* «дай дров», *шейда иш* «выпей чаю», который употребляется только с повелительным наклонением глагола. Аналогичный падеж с подобным же аффиксом отмечается еще в якутском языке [3], и его происхождение в нем связывают с орхонским местно-исходным падежом -да [4]. Эта точка зрения, на наш взгляд, не лишена основания.

Особенностью словообразования прилагательных является большая продуктивность аффикса -кыры (с фонетическими вариантами -кири, -куру, -күрү, -гыры, -гири, -гуру, -гүрү), образующего практически от любого существительного и глагола, если допускает их семантика, прилагательные со значением свойства и активной способности к какому-либо действию (например, от глаголов: *сезиңгири* «чуткий» < *сезин* = «чувствовать»; *өткүрү* «пронзительный – о голосе» < *өт* = «проникать»; *дыңнаңгыры* «послушный» < *дыңнан* = «слушаться»; *келиңгири* «часто приходящий» < *кел* = «приходить») или со значением обилия какого-либо признака, качества каких-либо предметов (например, от существительных: *дагыры чер* «гористое место»; *сүткүрү инек* «корова, дающая много молока»; *оьккуру мен* «у меня много патронов»; *лимон чыткыры* «лимон имеет сильный запах»; *иыкири идиш* «емкая, вместительная посуда»).

В тофаларском языке нами выявлена довольно многочисленная своеобразная группа прилагательных, имеющаяся из других тюркских языков лишь в якутском [5] и тувинском языках, образованная от так называемых образных глаголов при помощи аффикса -гар, -гер, -гыр, -гир, -гур, -гүр и выражающая статичный признак, присущий какому-либо образу. Например: *кылагар* «блестящий» < *кылай* = «быть блестящим»; *шыбыгыр* «с редкими волосами – о хвосте» < *шыбый* = «быть с редкими волосами — о хвосте»; *сеглегер* «косматый» < *сеглей* = «торчать вверх — о космах»; *сеьтигир* «косматая — о собаке» < *сеьтий* = «быть косматой — о собаке»; *килегер* «гладкий»

< *килей* = «быть гладким и скользким». С. Калужинский считает эти прилагательные для якутского языка монгольскими заимствованиями [6]. Мы тоже придерживаемся мнения, что этот аффикс в тофаларском, тувинском и якутском языках имеет монгольское происхождение.

Специфику тофаларских прилагательных составляет также особая, больше похожая на флексию, форма для выражения усиления признака [7]. Например: *узоон* «очень длинный» < *узун* «длинный»; *бичии* «очень маленький, малюсенький» < *биче* «маленький»; *чылээг* «очень теплый» < *чылыг* «теплый»; *чариши* «очень маленький, малюсенький» < *чараш* «маленький»; *семеес* «очень жирный» < *семис* «жирный». Ослабление признака выражается аффиксами *-сыг*, *-сым*, *-сын*-, *-сыңгы* (с соответствующими фонетическими вариантами), которые могут взаимозаменяться. Например: *иъсигсиг*, *иъсигсим*, *иъсигсиң*, *иъсигсиңги* «слегка горячий, чуть горячий»; *сарыгсыг*, *сарыгсым*, *сарыгсың*, *сарыгсыңгы* «слегка, чуть желтый»; *дүлейсиг*, *дүлейсиң* «глуховатый»; *семиссиңги* «слегка, чуть жирный, средней упитанности — о скоте»; *аксың*, *аксыңгы* «беловатый». Пожалуй, единственным своеобразием тофаларских числительных является переосмысление и переход в разряд количественных числительных собирательного по происхождению числительного *брээ* «один» [8], а также образование всех без исключения десятков за счет сложения основ, обозначающих единицы, с числительным *он* «десять»: *иъһён* «20», *удьён* «30», *дөртөн* «40», *бедьён* «50», *алтон* «60», *чедон* «70», *сеъһезон* «80», *тоъһозон* «90». Это сближает тофаларский язык с желтоуйгурским, в котором отмечен аналогичный тип образования всех десятков [9].

Среди местоимений выделяются особые местоименные глаголы *канъча* = «как делать, поступить?», *ынъча* = «так делать, поступить», *мынъча* = «этак делать, поступить», в которых прослеживаются супплетивные формы *кан*-, *ын*- и *мын*- от местоимений *кай* «какой?», *ол* «тот», *бо* «этот», а также глагол *чоон* = «что делать?», в котором прослеживается вопросительное местоимение *чу* «что?». Из других тюркских языков лишь в тувинском отмечаются эти местоименные глаголы [10], и авторы «Грамматики тувинского языка» тоже производят их от местоимений *кай*, *ол*, *бо* [11]. Древнетюркские формы *anđir* [12] и *inđir* [13] в значении «так, таким образом» (ср.: тоф. *ынъчап*, тув. *ынчап* id.) можно в связи с этим рассматривать как деепричастия на *-р* от местоименного глагола **anđi-// *inđi-* «так делать, поступить», другие формы которого просто не попали в памятники древнетюркского письма. Если это предположение верно, то тофаларские и тувинские местоименные глаголы *канъча* =, *ынъча* = и *мынъча* = являются реликтами древних тюркских местоименных глаголов.

Тофаларские глаголы в системе словообразования тоже являют собой общетюркский тип. Здесь мы находим те же аффиксы: *ла*- — *ырла* = «петь» < *ыр* «песня»; *аңна* = «охотиться, промышлять» < *аң* «зверь»; *а*- — *ада* = «называть» < *ат* «имя»; *ойна* = «играть» < *өэн* < *ойун* «игра»; *кар*- — *немгер* = «кормить» < *нем* «пища»; *баъшкар* = «руководить» < *баъш* «голова»; *к*- — *бирик* = «объединяться» < *бир* «один»; *эчжик* = «подружиться» < *эш* «друг»; *турук* = «отстояться» < *тур* = «стоять»; *каътык* = «затвердеть, закалиться» < *каът* = «затвердеть, засохнуть», что и в других тюркских языках.

Для тофаларского, как и для тувинского глагола, характерна особая модальная форма желания, намерения совершить действие, образуемая аффиксом *-кса*-, *-ксе*-, *-ыкса*-, *-иксе*-, *-укса*-, *-үксе*-, имевшая распространение в древнетюркском языке [14]. Примеры: *барыкса* = «хотеть пойти», *келликсе* = «хотеть прийти», *аңнакса* = «намереваться промышлять», *туътукса* = «хотеть поймать», *каттакса* = «намереваться собирать ягоды».

Нами зафиксировано также большое количество так называемых образных глаголов, основа которых имеет в конце как характерный признак согласный *-й* (например: *килей* = «быть гладким», *кылай* = «быть блестящим», *сирней* = «быть лохматым, взъерошенным», *далбай* = «быть широким и плоским») и которые имеют, по-видимому, монгольское происхождение [15]. Большое количество образных глаголов отмечено и в якутском языке [16], где их «общей и постоянной приметой ... является конечный *-й*» [17]. Их можно найти также в словарях тувинского, хакасского, алтайского, киргизского, казахского, каракалпакского и ряда других тюркских языков. При этом в сибирских тюркских языках их намного больше, чем в среднеазиатских и иных тюркских языках, т.е. их больше в языках, испытавших большее монгольское языковое влияние. Эти основы широко и повсеместно представлены как в древних, так и в современных монгольских языках, причем с этим же показателем *-й*.

Для всех монгольских глаголов вообще, а для образных в особенности характерно довольно широкое употребление специальных аффиксов для образования различных видовых форм, указы-

вающих на характер протекания действия (мгновенность, ритмичность, длительность и др.) [18]. Например, в старомонгольском языке этими аффиксами являются: *-ski* < глагольное имя на *-s* + глагол *ki* = «делать», *-sge* < глагольное имя на *-s* + глагол *ge* = «говорить, издавать звук», образующие мгновенный вид; *-ηna* < *ηla* < отглагольное имя на *-η* + отыменной глаголообразующий аффикс *-la*, *-lza*, *-balza*, *-yalza*, *-ṗana*, образующие ритмичный вид; *-čiga*, *-čike*, образующие интенсивно-завершенный вид. При этом аффикс ритмичного вида *-ηna* присоединяется преимущественно к основам образных глаголов, с образными же глаголами чаще употребляется и сложный аффикс мгновенного вида *-ski*, *-sge*. Почти все эти аффиксы монгольских видовых форм представлены в якутском языке (например, якутские аффиксы *-галдьый* < монг. *-yalza*, *-лдьый* < монг. *-lza*, *-ннаа* < монг. *-ηna* для выражения ритмичности действия, *-с гын-* < *-s ki-* для выражения мгновенности, однократности действия) [19], причем С. Калужинский считает эти аффиксы монгольскими заимствованиями в якутском языке [20]. Аффикс ритмичного вида *-нна*, но лишь от звукообразоподражательных глаголов и глаголов чувствования-ощущения, отмечен также в тувинском языке [21]. В словарях других тюркских языков тоже можно найти глаголы с аффиксом *-нна*, производные от образных глаголов. Напр.: ног. *ыржай* = «осклабиться» > *ыржаңла* = «скалить зубы, гримасничать», каз. *ыржый* = «осклабиться» > *ыржаңда* = «глупо смеяться, зубоскалить», кирг. *ыржай* = «осклабиться» > *ыржаңда* = «осклабиться», хак. *ырчай* =, *ырсай* = «оскалить зубы» > *ырсаңна* = «улыбаться, оскалив зубы». Однако в этих языках данный аффикс имеет скорее словообразующее значение, нежели видовое, и поэтому не включается в видовое формообразование. Да и вообще для тюркских языков наиболее характерны аналитические способы выражения различных видовых форм. Довольно ясно это сказано в отношении казахского языка: «В казахском языке отсутствует аффиксальное выражение глагольного вида» [22]. Поэтому широкое развитие аффиксального оформления видов в некоторых тюркских языках, как, например, в якутском, уже само по себе можно связывать с сильным монгольским влиянием, а материальное совпадение основных видовых аффиксов только усиливает это предположение.

Систему видовых форм у образных глаголов, почти полностью аналогичную якутской, мы обнаружили и в тофаларском языке. Так, наш материал позволил выявить следующие видовые формы.

1. Моментально-однократная форма. Создается аналитически по монгольской модели: от основы образного глагола образуется отглагольное имя путем прибавления к основе глагола аффикса *-с*, при этом конечный *-й* основы образного глагола выпадает. Получившаяся производная основа на *-с* в сочетании с глаголом *кын* = «делать» (< *кылын* = — возвратный залог от *кыл* = «делать»), а иногда и *кыл* = «делать» выражает моментальную однократность действия или протекания во времени зрительного восприятия образа. Например: *кылай* = «быть блестящим, сверкающим» → *кылас кын* = «сверкнуть быстро и один раз»; *ыракта от кылас кынды* «вдали блеснул огонь»; *шимей* = «иметь прищурившийся вид» → *шимес кын* = «подмигнуть»; *һальчжай* = «быть лысым» → *һальчжас кын* = «мелькнуть — о лысине», *малай* = «быть с задранной вверх лицом» → *малас кын* = «мелькнуть на миг — о человеке с задранной вверх лицом».

2. Раздельная кратность. Формируется аналитически путем повтора указанной выше производной основы на *-с* в сочетании с глаголами *кын* = или *кыл* = «делать». Эта форма обозначает действие, которое совершалось мгновенно, но несколько раз подряд. Например: *дээрй оду кылас кылас кынды* «несколько раз подряд сверкнула молния»; *ол киши шимес шимес кынды* «тот человек несколько раз подмигнул».

3. Ритмичность. Эта форма выражает действие, которое совершается небыстро, равномерно, через определенные промежутки времени. Образуется синтетически путем подстановки к основе образного глагола вместо конечного *-й* аффикса *-нна*, *-нне* (состоящего из отглагольного имени на *-η* + словообразовательный глагольный аффикс *-ла-*) и аналитически — сочетанием глагола *кыл* = или *кын* = «делать» с именной основой, получившейся прибавлением к основе образного глагола вместо конечного *-й* аффикса *-η*. При этом именная основа чаще употребляется повторенной дважды. Примеры: *инек маймың маймың кылып кегженип туру* // *инек маймыңнап кегженип туру* «корова жуёт жвачку, равномерно двигая вбок челюстями» (< *маймый* = «иметь вид с отведенной вбок челюстью»); *далайда от кылаңнап туру* «на море равномерно мерцает огонь (маяк)»; *шимең; шимең кын* // *шимеңне* = «часто моргать»; *аът чели сеглең сеглең кынып чору* // *аът чели сеглеңнеп чору* «грива лошади трясется, лохматаясь (на скаку)» (< *сеглей* = «быть с косматой, торчащей вверх гривой»).

4. Учащенная ритмичность (часто в движении). Образуется аналитически путем сочетания отглагольного имени на *-н* с глаголом *гайын-* (аорист — *гайнир*), самостоятельно ныне не употребляющимся (но, возможно, имеющим этимологическую связь с общетюркским глаголом *кайна-* «кипеть», отмеченным у В.В. Радлова [23] также в значении «шуметь, толпиться, кишеть», ср. тоф. *Һээн* = *Һайын* = «кипеть»). При этом имя на *-н* может быть удвоенным. Эта форма обозначает очень частое повторение действия или появление какого-либо образа при очень частом движении предмета или лица, носителя этого образа. Примеры: *шимең гайын* // *шимең шимең гайын* = «очень часто моргать»; *сеглең гайын* = «развеваться — о косматой гриве на скаку лошади»; *молтуң гайын* // *молтуң молтуң гайын* = «быстро раскачиваться от ветра — о камыше» < *молтуй* = «быть с утолщением на конце — о камыше и т.п.».

Вызывает интерес наложение этой системы видовых форм также и на обычные глаголы движения, состояния, чувствования и т.д., что позволяет говорить о развитии категории этих видовых форм вообще у тофаларского глагола. Практически от любого глагола, если только позволяет его семантика, можно образовать и употребить отмеченные выше видовые формы. Так, например, скажут: *мен барыс кындым* «я быстренько сходил» < *бар* = «пойти»; *мен чорус кындым* «я быстренько съездил» < *чору* = «ехать»; *мен коорытка уһяс кындым* «я быстренько слетал (на самолете) в город» < *уһс* = «лететь»; *мен эчжик аһяс кындым* «я быстро открыл (и тут же закрыл) дверь» < *аһс* = «открывать»; *мен каттас кындым* «я немного собирал ягоды» < *ката* = «собирать ягоды»; *мен турас кындым* «я на миг остановился (и пошел дальше)», *тураңна* = «часто делать остановки во время движения», *тураң гайын* = «останавливаться еще чаще» < *тур* = «останавливаться, стоять», *уһяңна* = «часто летать» (например, на самолете), *уһяң гайын* = «часто взлетать, порхать» (например, птицы, бабочки), *барыңна* = «часто ходить». Аналогичное употребление отдельных видовых форм образных глаголов с некоторыми глаголами действия-состояния отмечается и в якутском языке [24]. В других тюркских языках подобного явления не наблюдается.

Совершенно неожиданно нами было обнаружено в тофаларском языке причастие настоящего времени с аффиксом *-у, -ы*, который строго дифференцирован от аффикса деепричастия *-а*. Например: *ында туру киши тамһылауас* «человек, стоящий там, не курит», но *аът тура удуур чуме* «лошадь спит стоя»; *ында олыры киши миң аһам* «человек, сидящий там, мой старший брат», но *ол киши олыра удый дыры* «тот человек спит сидя». Аффикс этой причастной формы непосредственно к своей основе принимают лишь глаголы *тур* = «стоять», *чор(у)* = «идти», *олур* = // *олыр* = «сидеть», *чыгът(ыр)* = «лежать». От всех прочих глаголов она образуется только аналитически путем сочетания деепричастия на *-и* значимого глагола и одного из названных выше глаголов, выполняющих здесь служебную функцию, принявших этот аффикс. Например: *киши черлеп туру өг* «дом, в котором сейчас кто-то живет»; *шей ишип олыры киши мону соодады* «это сказал человек, который сейчас пьет чай»; *ибиниң чазын үнүп чору миисын кысыбиттим* «я обрезал распушие весной рога оленя».

Это причастие участвует в образовании финитной формы настоящего времени, отражающей действие, которое началось, происходит в настоящей момент и еще не завершилось. Например: *мен туру мен* «я стою»; *бо киши чору* «тот человек идет»; *неш үнүп чору* «дерево растет»; *киши шей ишип олыры* «человек пьет чай»; *сен һынъэк санап чыгътыры сен* «ты читаешь книгу».

Как и всякое причастие, форма на *-у, -ы* может принимать окончания личной принадлежности и склоняться. Например: *кишиниң чорусун көр дур мен* «я вижу, что идет человек»; *ол һепте турум чок* «на той фотокарточке меня нет»; *аът турусу бар* «конь стоит (и все это видят)»; *оларың туруларда* «когда они стояли»; *олурумда* «когда я сижу»; *ол киши чоруда* «когда тот человек идет».

Наречие тофаларского языка характеризуется особым аффиксом *-ды, -ди*, образующим адвербы от прилагательных (например, *кагътыгды* «крепко», *кагътыг* «крепкий», *экиди* «хорошо» < *эки* «хороший» и т.д.) [25] и в то же время вычлениющимся у довольно большого числа наречий глагольного происхождения, в которых он, по-видимому, представляет собой застывшую деепричастную форму. Совершенно справедливо заметил об этом Э.В. Севортян: «Мы имеем в данном случае в виду аффикс *-ды* // *-ты*, который был, по-видимому, общим для наречия и деепричастия, образуя первые от имен, а вторые от глаголов» [26]. В тофаларском языке этот аффикс довольно продуктивен. Например: *кыгскалады соода* «говори кратко» < *кыгскала* = «укоротить»; *чоьктады чораан* «поехал вверх по реке» < *чоькта* = «подниматься вверх по течению»; *сыылады чаг дыры* «беспрерывно идет дождь» < *сыыла* = «хлестать — о дожде»; *чагны чугалады чаган* «намазал масло тонким слоем» < *чугала* = «уточнить».

В тофаларском языке вообще отсутствует своеобразный синкретизм основ наречий и прилагательных, так как наречие в нем обязательно должно оформляться либо синтетически, аффиксально, либо аналитически, посредством сочетания именных основ с деепричастными формами глагола *кыл* = «делать». Например: *бо кысты саьтыгышы кылы алганнар* «эту девушку взяли продавцом».

Отдельными приведенными здесь формами некоторых частей речи мы, разумеется, не исчерпали всех своеобразных и характерных черт морфологии тофаларского языка. Но и то, что нам удалось показать, безусловно, свидетельствует о самобытности тофаларского языка, о сохранении им ряда архаичных черт и выработке в процессе исторического развития своих собственных.

Примечания

1. См.: Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, с. 287.
2. См.: Дыренкова Н.П. Тофаларский язык. — В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 11.
3. См.: Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, с. 107.
4. Там же, с. 108.
5. Там же, с. 138—139.
6. См.: Kaluzynski S. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961, p. 79—80.
7. См.: Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка, Улан-Удэ, 1971, с. 56-57.
8. О тофаларских числительных см.: Дыренкова Н.П. Тофаларский язык, с. 15; Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 79—80.
9. См.: Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. М., 1967.
10. См.: Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с. 230—231, 238.
11. Там же, с. 271.
12. ДТС, с. 44.
13. Там же, с. 219.
14. См.: A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig. 1950, § 97; ДТС, Прил. II, с. 653-654.
15. См.: Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 105.
16. См.: Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.—Л., 1954, с. 200—201.
17. Там же, с. 231.
18. См. об этом: Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Ч. 2. Глагол. М., 1963, с. 65—71, 249—250; Ramstedt G.J. Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen. Helsingfors, 1902, S. 118-119; Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951, с. 112—122; Beffa M.-L., Hamayon R. Suffixes de modalite verbale. Etudes mongoles. Cahier 2. Paris, 1971, p. 32—33, 38—42, 45.
19. См.: Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М.—Л., 1960, с. 143—155, 157—160.
20. См.: Kaluzyński S. Mongolische Elemente..., p. 98—99, 102-103, 104—105.
21. См.: Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка, с. 410.
22. Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, с. 275.
23. РО II, ч. 1, ст. 14—15.
24. См.: Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида ..., с. 171—174.
25. См. об этом: Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 79.
26. Севортян Э.В. Из истории прилагательных в тюркских языках. — В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 67.

(Turcologica: К 70-летию акад. Кононова. — Л., 1976. — С. 133-141).

СИСТЕМА СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ И ФОРМООБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА

К частям речи, имеющим в современном тофаларском языке формы словоизменения и формообразования, относятся имена существительные, прилагательные и, глаголы, а из местоимений субстантивные и вербальные.

У имён выявлены формы числа, принадлежности, падежа, диминутива и качественной характеристики признака (у прилагательных).

Имя существительное в тофаларском языке в форме своей основы не содержит указаний на число и в зависимости от лексического значения и конкретной ситуации может означать как единичный предмет или лицо, так и их некую совокупность в целом. Особенно ярко это выражено у некоторых лексико-семантических групп существительных, таких, например, как названия животных, растений и т.п. (ср. напр., *балық* «рыбина/рыбы; рыба», *көк* «травянистое растение/трава; сено»). В тофаларском языке отсутствует категория числа как грамматическая категория с её функциональным противопоставлением единственного числа множественному и согласованием по числу в атрибутивных словосочетаниях. Формальное выражение получила лишь неопределённая множественность, показателем которой является аффикс *-лар*. В то же время есть ряд слов, которые в речи обычно не употребляются в форме множественности. К ним относятся, например, названия предметов и явлений, существующих в природе единично, названия металлов, минералов, дискретных веществ, названия парных предметов и частей тела, названия некоторых процессов, результатов действия, отвлечённые имена.

Грамматическая категория принадлежности, устанавливающая отношение конкретной принадлежности между обладателем и предметом обладания, находит в тофаларском языке морфологическое выражение в виде специальных посессивных аффиксов. Аффиксы эти следующие: для единственного числа – 1-е лицо *-м*, 2-е лицо *-ң*, 3-е лицо *-(с)ы*. Например: *атам* «мой отец», *атаң* «твой отец», *атасы* «его (её, их) отец», *атаңар* «ваш отец»; *голум* «моя рука», *голун* «твоя рука», *голу* «его (её, их) рука», *голунар* «ваша рука».

Показатели принадлежности ставятся после формы множественности и предшествуют падежным окончаниям.

В современном тофаларском языке, представлены следующие грамматические и пространственные падежи и их показатели:

1) основной – без показателя; 2) генитив – *-ның*; 3) аккузатив – *-ны*; 4) датив-адитив – *-га*; 5) локатив – *-да*; 6) аблатив – *-дан*; 7) партитив – *-да*; 8) просекутив *-ша*.

При этом генитив выражает здесь только принадлежность конкретного лица, предмета или явления другому конкретному лицу, предмету или явлению, например: *бо кишиниң аты* «конь этого человека», *бо боо аһамның* «это ружьё моего старшего брата». Аккузатив является объектным падежом и всегда оформляет прямое дополнение, выражающее конкретный объект, например: *он бо кишини көрүбүттү* «он увидел этого человека». Датив-адитив оформляет косвенное дополнение, выражающее объект, на который направлено действие, а также направленность действия в пространстве, цель, причину действия, срок, цену, эквивалент, например: *өге* «домой, в дом», *қатқа* «на ветру, из-за ветра, на ветер», *он соһлоовайга* «за десять рублей», *үш айга* «на три месяца». Локатив оформляет обстоятельство места и времени, например: *өгдэ* «в доме, дома», *бо айда* «в этом месяце». Аблатив выражает исход, удаление, изымание, а также сравнение, например: *өгдэн* «из дома», *мендэн* «от меня», *аһт ибидэн улуг* «конь крупнее оленя». Партитив выражает частичность охвата объекта действием, например: *шейда иш* «выпей чаю», *сугда һал* «принеси воды». Просекутив употребляется только для выражения продолжности распространения действия или движения по поверхности предмета, например: *бо оруқша* «по этой дороге», *аң изинше* «по следу зверя», *миң һөнүмше* «по моему желанию».

К окончаниям личной принадлежности падежные показатели присоединяются в общем порядке, то есть используется фонетический вариант показателя, соответствующий сингармоническому ряду слова и конечному звуку слова, например: *аһтымның* «моего коня», *аһтыңда* «у твоего коня», *аһтыбысқа* «нашему коню». Особые окончания имеет лишь аккузатив, который в 3-м лице оформляется показателем *-н*, напр.: *аһтын* «его коня», *атасын* «его отца», а в 1-м и 2-м лицах ед. числа двояко: либо обычным показателем *-ны*, либо *-ын*, напр.: *аһтымны/аһтымын* «моего коня», *уруумну/уруумун* «моего ребёнка», *мүннү/мүнүн* «твой суп».

Из форм диминутива у имён существительных в тофаларском языке продуктивны аффиксы -чык, -чык, напр., *оолчуқ* «сыночек», *аътчык* «лошадка». Эти формы могут осложняться постановкой к ним в постпозицию уменьшительной частицы *қыня*, которая не гармонирует, напр., *оолчуқ қыня* «сынулечка», *аътчык қыня* «лошадушка», *һүрүнекчик қыня* «лопаточка». Данная частица может употребляться и самостоятельно, напр., *оол қыня* «сынок», *аът қыня* «лошадка».

К употребительным формам качественной характеристики признака относятся формы ослабления качества с показателями -сыг, -сым, -сың, -сыңгы, которые могут взаимозаменяться, например: *сарыгсыг*, *сарыгсым*, *сарыгсың*, *сарыгсыңгы* «желтоватый» (*сарыг* «жёлтый»). Ослабление качества выражается и аналитически при помощи препозитивных слов *шалаа* и *бичиңге*, означающих «немного, слегка, чуть-чуть», например: *шалаа қыгьса* «коротковатый», *бичиңге узун* «длинноватый».

При выражении усиления качества у относительных прилагательных происходит замена афф. -лыг на афф. -қыры. Имея одно значение – показ обладания чем-либо, эти два аффикса отличаются именно различным отношением к количественному содержанию признака. Так, например, *даглыг чер* означает «место, где есть гора», но *дагыры чер* – это «место, изобилующее горами»; *чыттыг* «имеющий запах», но *чытқыры* «имеющий сильный запах». Усиление качества выражается и аналитически при помощи постановки в препозицию частиц *оода*, *қорһуньчуғ* «очень», *ацыры* «чересчур» и др., например: *оода эки* «очень хороший», *қорһуньчуғ улуг* «очень большой», *ацыры узун* «чересчур длинный». Используется, хотя и ограниченно, усечённая редупликация типа *сап-сарыг* «очень жёлтый», *қап-қара* «очень чёрный».

Превосходная степень выражается аналитически при помощи препозитивной частицы *эң*, например: *эң эки* «наилучший», *эң узун* «наидлиннейший». В этой связи представляет интерес и привлечение для этих целей синтаксиса: ср., напр., формы типа *бичедэн биче* и *бичениң бичеси* «самый маленький».

Наиболее же многочисленны и разнообразны в тофаларском языке словоизменительные формы глагола.

При помощи грамматических показателей здесь выражаются следующие залоги: возвратный – показатели -н, -тын, -ттын, -дын, напр.: *көрүн* = «осматривать себя», *алдын* = «братся», *дуглаттын* = «закупориваться»; страдательный – показатель -л, напр.: *узул* = «быть оторванным, оторваться», *оқтал* = «быть заряженным, заряжаться»; совместно-взаимный – показатель -и, напр.: *көрүш* = «видеть друг друга», *оқташ* = «помогать заряжать, вместе заряжать»; повелительный – показатели -т, -тыр, -ыс, -гыс, -қыр, напр.: *оқтат* = «заставить заряжать», *бардыр* = «заставить уйти», *өлүр* = «убить», *алыс* = «заставить взять», *турғус* = «остановить», *чыгьтыр* = «уложить». Основной залог не имеет показателя.

Из видов в тофаларском языке сложились два: завершённый, указывающий на законченность всего действия в прошлом или предполагаемую законченность в будущем, он имеет показатель – (ы)выт, напр.: *алывыттым* «я взял», *барывыдар* «уйдёт», и аналитическую форму -а бер=, где -а – показатель деепричастия, бер= вспомогательный глагол, напр.: *алы берді* «он взял», *туьта баар* «схватит», а также незавершённый вид, выражающий идею незаконченности, неопределённой длительности действия и оформляющийся аналитически путём сочетания деепричастия на -а значимого глагола со вспомогательными глаголами *тур*= «стоять», *чору*= «идти», *олур*= «сидеть», *чыгьт*= «лежать», которые здесь почти утрачивают своё основное лексическое значение, получив служебную функцию, напр.: *мен салдап туру мен* «я плыву на плоту», *неш үнүп чору* «дерево растёт», *чыдыг мүн чылгап чыгьтыры* «собака лакает суп».

Большое развитие в тофаларском языке получили формы характера протекания действия, выражаемые как синтетически, так и аналитически, напр.: *болгуда* = «побывать» (< *бол* = «быть»), *қағқыда* = «поколачивать» (< *қағ* = «колотить, бить»), *ырлап үн* = «запеть» (< *ырла* = «петь»), *шимес қын* = «подмигнуть» (< *шимей* = «прищуриваться, мигать»), *турас қын* = «остановиться на миг» (< *тур* = «останавливаться, стоять»), *тураңна* = «часто останавливаться».

Грамматическое оформление в тофаларском языке в системе глагола получили и некоторые модальные формы, как например, форма субъективного желания, намерения совершить действие с показателем -қса: *барықса* = «хотеть уйти», *келиксе* = «хотеть придти» и т.п.; форма, выражающая объективную необходимость совершения действия, образуемая по аналитической модели -гы дэг, напр.: *баргы дэг* «надо бы пойти», *алгы дэг болган* «надо было взять»; форма невозможности совершения действия, образуемая по модели -н чада=, напр.: *алып чададым* «я не смог взять», *гелип чадады* «он не смог придти»; форма симулятивности, имитации действия, показателем ко-

торой является аналитическая конструкция *-қысы бол=*, напр.: *барықсы болған мен* «я сделал вид, что ухожу».

Отрицание в глаголе выражается аффиксом *-ба* с фонетическими вариантами *-бе*, *-ва/-ве*, *-па/-пе*, *-ма/-ме* присоединяемыми непосредственно к глагольной основе, напр.: *барба* «не уходи», *барбадым* «я не ушёл», *барбейн* (< *барбайын*) «не уходя», *нянма* «не уходи домой, не возвращайся».

Из неличных форм глагола в тофаларском языке представлены причастия и деепричастия.

Из причастий выделяются: 1) причастие прошедшего времени с показателем *-ган* в положительной и *-баан* в отрицательной формах, напр.: *алган* «бравший, взявший», *албаан* «не бравший, не взявший»; 2) причастие настоящего времени с показателем *-у*, *-ы*, которое непосредственно к своей основе принимает только глаголы *туру*= «стоять» (*туру* «стоящий»), *чору*= «идти» (*чору* «идуший»), *олур*=~*олыр*= «сидеть» (*олуру*~*олыры* «сидящий»), *чыгт*= «лежать» (*чыгтыры* «лежащий»). Все же прочие глаголы образуют форму этого причастия аналитически путём сочетания деепричастия на *-н* значимого глагола с причастием одного из указанных выше вспомогательных глаголов, напр.: *иштэннп туру* «работающий», *үнүп чору* «растущий», *тыңнап чыгтыры* «слушающий». Отрицательный аспект данного причастия образуется либо показателем *-бас*, напр.: *чүнү тэ билбес киши* «ничего не понимающий человек», либо сочетанием деепричастия на *-бейн* значимого глагола с одним из указанных выше вспомогательных глаголов, напр.: *иштэнбейн туру* «не работающий»; 3) причастие будущего времени с показателем *-ар*, напр.: *алыр* «тот, который возьмёт», *туьтар* «тот, который схватит», отрицательный аспект данного причастия образуется аффиксом *-бас*, напр.: *албас* «тот, который не возьмёт; не беруший», *туьтпас* «тот, который не схватит; не хватающий».

Из деепричастий выделяются: 1) соединительное на *-н*, напр.: *алып* «беря», *иштэннп* «работая»; 2) слитное на *-а*, *-йы*, напр.: *алы* «беря», *туьта* «держа; хватая», *аңнээ* (< *аңнайы*) «охотясь»; 3) прошедшее на *-гаи*, напр.: *алгаи* «взяв», *туьтқаи* «схватив»; 4) сопроводительное на *-бышааңга*, напр.: *неш қыптышааңга туьштү* «дерево упало, горя»; 5) предела на *-гыша*, напр.: *алгыша* «пока не возьмёт», *туьтқуша* «пока не схватит»; 6) отрицательное на *-бейн*, напр.: *албейн* «не беря», *туьтпейн* «не держа», *аңнавейн* «не охотясь», *гөрбейн* «не видя», *гелбейн* «не приходя».

Из личных форм в тофаларском глаголе получили выражение формы в составе категорий времени и наклонения.

Здесь рассмотрены личные формы следующих времён.

Формы настоящего времени: а) настоящее обычное с показателем *-(а)дыр(ы)*, напр.: *бардыр мен* «я иду», *алдыры* «он берёт», *туьтадыры* «он держит»; б) настоящее конкретное, образуемое на базе причастия настоящего времени, напр.: *туру мен* «я стою», *чору сен* «ты едешь», *иштэннп туру мен* «я работаю (сейчас)», *оң аңнап чору* «он охотится (сейчас)»; в) настоящее продолженное, образуемое показателем *-бышааңга* как в сочетании со вспомогательными глаголами *туру* и т.п., так и без них, напр.: *мен ол дайгада аңнавышааңга (туру) мен* «я всё ещё охочусь в той тайге».

Формы прошедшего времени: а) прошедшее категорическое, образуемое афф. *-ды*, напр.: *гелдм* «я пришёл», *алдың* «ты взял», *туьттуңар* «вы схватили»; б) прошедшее перфективное с показателем *-ган*, напр.: *барган мен* «я ушёл», *туьтқан сен* «ты схватил»; в) прошедшее субъективное, имеющее показатель *-чық*, напр.: *аьсчық* «он повесил», *барчық мен* «я ушёл», *туьтчуқ сен* «ты схватил».

Формы будущего времени: а) будущее категорическое с показателем *-ар*, напр.: *алыр мен* «я возьму», *туьтар сен* «ты схватишь»; б) будущее предположительное, образуемое афф. *-гай*, напр.: *мен алгай мен* «я (видимо) возьму», *сен баргай сен* «ты (вероятно) пойдёшь».

Из наклонений выделены и рассмотрены следующие: 1) повелительное (императив); 2) желательное (оптатив); 3) опасительное (дубитатив); 4) условное (кондиционалис); 5) уступительное (концессив); 6) сослагательное (конъюнктив).

Императив имеет в 1 л. ед. ч. показатели *-ээйн*, *-ыгын*, напр.: *алээйн* «возьму-ка я», *чориийн* «пойду-ка я», *удыгын* «лягу-ка я спать»; в 1 л. мн. ч. - показатели *-аалың(ар)*, *-ылың(ар)*, *-уулуң(ар)*, напр.: *алаалың-алаалыңар* «давайте возьмём», *чоруулуң-чоруулуңар* «давайте поедем»; 2 л. ед. ч. совпадает с основой глагола, напр.: *ал*= «бери, возьми», *чору*= «иди, поезжай»; 2 л. мн. ч. представлено афф. *-ңар*, напр.: *алыңар* «берите, возьмите», *чоруңар* «поезжайте»; 3 л. ед. ч. имеет показатель *-сын*, напр.: *алсын* «пусть берёт, пусть возьмёт», *чорусун* «пусть едет», во мн. ч.

тот же показатель, могущий осложняться афф. *-лар*, напр.: *алсын(нар)* «пусть берут, пусть возьмут», *чорусун(нар)* «пусть поедут». Кроме того, в тофаларском языке в императиве имеется двойственное число, но только для 1 л., которое оформляется показателем *-аалы*, *-ыылы*, *-уулу*, напр.: *алаалы* «давай возьмём (вдвоём)», *чоруулу* «давай поедем (вдвоём)».

Оптитив передается следующими формами: 1) формой с показателем *-гай*, к которому при спряжении присоединяются соответствующие лично-предикативные частицы, напр.: *алгай мен* «хорошо бы мне взять», *баргай сен* «хорошо бы тебе пойти». В данном случае эта форма омонимична форме будущего предположительного времени: 2) формой с неспрягаемым и негармонизирующим показателем *-сэиз*, который употребляется практически лишь в 3 л. ед. и мн. чисел, напр.: *оң өөндэ болсэиз* «хорошо бы он был дома», *аңшылар бо хүндүс келсэиз* «хорошо бы охотники сегодня приехали».

Дубитатив передается формой прошедшего категорического времени на *-ды* с соответствующим личным окончанием, сопровождаемой зачастую междометиями *һөй!*, *һалақ!*, *һөй-һалақ!*, *һө-һө!*, напр.: *һөй, чуулдуң!* «смотри, как бы ты не упал!», «смотри, упадешь!», *һөй-һалақ, уттуңар!* «смотрите, не забудьте!», «как бы Вы не забыли!».

Кондиционалис образуется следующим путём: в 3 л. ед. ч. при помощи афф. *-са*, во мн. ч. — *-са(лар)*, во всех же остальных лицах обоих чисел используется аналитическая конструкция, состоящая из формы прошедшего категорического времени на *-ды* с соответствующим личным окончанием и неизменяемого служебного слова *эрсэ* (< *эр= «быть» + *-се*), напр.: *мен алдым эрсэ* «если я возьму», *сен гелдің эрсэ* «если ты придёшь», *оң барса* «если он уйдёт», *туъттубус эрсэ* «если мы схватим».

Концессив выражается сочетанием формы условного наклонения с уступительной частицей *тайтэ*, напр.: *мен алдым та эрсэ* «хоть я и возьму», *сен гелдің тэ эрсэ* «хоть ты и придёшь», *оң барса та* «хотя он и уйдёт».

Конъюнктив образуется аналитически из сочетания формы причастия будущего времени на *-ар* (отриц. *-бас*) со служебным словом *иик* (< *эр= «быть» + *-йүк*), к которому присоединяются при спряжении личные предикативные частицы, напр.: *алыр иик сен* «если бы ты взял», *гелир иик сен* «если бы ты пришёл», *соодаар иик мен* «если бы я рассказал».

Словоизменительные формы у местоимений представлены лишь у субстантивных и вербальных местоимений, замещающих имена существительные и глаголы. При этом субстантивные и субстантивированные адъективные местоимения так же, как и имена существительные, обладают формами числа, принадлежности и падежа, напр.: *кумуң?* «кто твой?», *чулер?* «что? (о многих)», *бом* «это моё», *босы* «это его», *монуң* «этого», *мону* «это, этого», *маңа/маа* «этому; сюда», *мында* «у этого; здесь», *мунуун/мындан* «от этого; отсюда». Вербальные же местоимения, как и глаголы, имеют залоговые и модальные формы, деепричастные и причастные, формы времени и наклонения, отрицание глагольного типа, напр.: *ыньца* «сделай так», *ыньцава* «так не делай», *ыньцаныр* «так сделает», *ыньцанган* «так сделавший», *ыньцап* «так делая», *ыньцады* «он так сделал», *ыньцадым эрсэ* «если я так сделаю».

Таким образом, даже этот краткий беглый обзор форм словоизменения и формообразования частей речи современного тофаларского языка показал его заметное своеобразие и самобытность.

(Материалы Международной научной конференции «Наследие хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Николая Федоровича Катанова», посвященной 150-летию ученого (16-19 мая 2012 г.). – Абакан, 2012. С. 97-101).

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗЬЮ В ТОФАЛАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Тофаларский язык, как известно, до недавнего времени был малоизученным языком. И хотя дело с исследованием его фонетики, лексики и морфологии в последние годы несколько улучшилось (1), синтаксиса его до сих пор так никто и не касался. Тофаларский язык – один из немногих языков, которые не получили письменности и продолжают бытовать только в традиционной устной форме. Это делает исследование его синтаксиса весьма актуальным. С другой стороны, изу-

чение тофаларского синтаксиса необходимо проводить еще и потому, что это представляет большой научный интерес с общетюркологической точки зрения, поскольку в тофаларском языке бесписьменном, а поэтому свободным от позднейших новообразований, появившихся в литературных тюркских языках под влиянием переводов с индоевропейских языков, могли сохраниться более архаичные формы синтаксических связей. Интересно также проследить, как современный тофаларский язык справляется с передачей все более усложняющихся понятий и мыслей, предлагаемых современной высокоразвитой общественной жизнью и хозяйственной деятельностью.

В данном сообщении подвергнуты предварительному анализу, пока в чисто описательном синхроническом аспекте, такие полипредикативные предложения, в которых один из компонентов носит зависимый характер и подчинен другому компоненту, т.е. выполняет дополнительно пояснительную функцию по отношению к другой части. Компонент, который носит подчиненный характер, в составе таких сложноподчиненных предложений является придаточным предложением, а компонент, который носит подчиняющий характер, является главным предложением.

На данном этапе исследования синтаксиса сложноподчиненных предложений тофаларского языка нас пока интересует не типы придаточных предложений, а сама их организация, т.е. виды связи придаточных предложений с главными, которые представлены и используются в современном тофаларском языке.

Материал дает следующие типы связей компонентов сложноподчиненных предложений.

I. Бессоюзный тип связи. Отношения между придаточным и главным предложениями выражены только непосредственным примыканием двух простых предложений. Это, как известно, наидревнейший общетюркский способ выражения синтаксических отношений, который характерен и для сложносочиненных предложений (2).

В тофаларском языке простым примыканием могут быть организованы различные сложноподчиненные предложения. Так, например:

1. Примыканием могут быть переданы объектные отношения (так называемые дополнительные придаточные предложения). Примеры:

Оң бары чыгыры иик, мен гөрген мен – Я видел, (что) он шел туда; *О киши үттэн көрүп чыгган, улус келип коньбытканнар* – Тот человек видел из пещеры, (что) пришли люди и расположились на ночлег; *Көргөнім, ол киши бээрі чоруб олуру* – Я видел, (что) тот человек идет сюда; *Дуун мен көргөнім, ол киши ында иштэнип туру иик* – Я видел вчера, (что) тот человек там работал.

2. Примыканием передается временное соотношение действий:

Мында аң дуру иик, каньжааш боолаваан сен? – (Когда) здесь стоял зверь, ты почему не стрелял?; *Дэрең һемнә кышкенім, коьлтук оьрта болган* – (Когда) я переправлялся через глубокую реку, было до подмышек; *Һайа һырындан һамнааным, иресаң гелгеи, һайаны ачжа берген* – (Когда) я шаманил на горе, пришел медведь и упал с горы; *Ол киши часы біле дуду аьтып көрген, согун дудуну өьтпаан* – (Когда) он попробовал выстрелить в сгнившую березу, стрела бересту не пробила.

3. Во многих случаях примыкание передает причинно-следственные отношения. Примеры:

Суг улуг, бо һүндүс кышпес бис – Вода большая, (поэтому) сегодня переправляться не будем; *Ынаары барбаңарнам, һоруглуг* – Не ходите туда, (так как) опасно; *Ийнэ сыьпталбас болы берген, карам гөрбес болы берген* – (Так как) мои глаза стали плохо видеть, иголка не вдевается; *Бо өге кишилерге келдінбес болу берген суг ачжыры улуг болу берген* – В этот дом людям не попасть, (так как) река чересчур разлилась; *Тура чер бузу дэгдэйідірі, айас болыр* – Утром пар от земли поднимается, (следовательно) будет ясно; *Илээ кулаштаары та чжок, киши көрүбідэр* – Открыто и идти нельзя, (так как) люди увидят; *Баякка олырганым, өөрһам шылады* – Я неловко сидел, (поэтому) спина у меня устала.

4. Примыкание может передавать условно-уступительные отношения. Примеры:

Эьт чәәнім, эьтсведі – (Хотя) ел мясо, а мясом и не пахло; *Талһан чәәнім, тадыглываан* – (Хотя) ел печенье, не было вкусно.

II. Синтетический тип связи. Он тоже весьма распространен в тофаларском языке, если не является преобладающим. Суть его, как и в других тюркских языках, состоит в том, что сказуемое придаточного предложения представляет собой либо причастие в одном из пространственных или объектных падежей или с послелогом, либо деепричастие. В организации сложноподчиненных предложений с этим типом связи участвуют все три причастия: настоящего, прошедшего и буду-

щего времени, причем как с аффиксами личной принадлежности, так и без них. Пока зафиксированы в тофаларском языке в данном употреблении следующие падежные формы:

1. Местно-временной падеж с показателем $=da/=dэ$, $=ta/=тэ$ (дает наибольшую частотность). Этой формой выражаются в основном временные отношения между главным и подчиненным действиями. Ср. например:

а) у причастия настоящего времени (со всеми вспомогательными глаголами):

Боришка, кас-өдрек, үшүл соодачжып турда (~ туруда), нек тыңнаан эрген – Когда глухарь и рябчик разговаривали с гусями и утками, кукушка, оказывается, слышала; *Оларың ынъчжап туруларда, кыс ыглаз берді* – Когда они так стояли, девочка заплакала; *Кудуруктуглар тогышта улучжув олырда (олырыда), кудуруктары тогышка чыгышына доңа берген* – Когда волки сидели так на льду и выпли, их хвосты примерзли (ко льду); *Чогду кызы чорусунда, чоруктуг аът чоруунаан шик* – Когда ехала девушка из рода чогду, за ней не (мог) угнаться быстрый конь; *Аьтын мунгаи, ыгьттарын ділеп чорыда, ыгьттары дэгдгаи, дээрідэ үш мыгакты ээрип чыгьткан* – Когда он, сев на коня, искал своих собак, его собаки, вознесясь, облаивали на небе трех маралух; *«Мээ хүн хүн болган, мен эьшитп чорумда», - дэйидірі мырнезика* – «Когда я плыла, мне помогало солнце», - говоритмышь;

б) у причастия будущего времени. При этом встретилось много случаев с употреблением аффиксов личной принадлежности, наряду с безличным использованием причастия. Временной фон зависит от времени сказуемого главного предложения. Примеры на безличное употребление этих причастий:

Оң чжоруурда, мону кылыр бис – Мы сделаем это, когда он поедет; *Коду бле будун каьнарда, буду төдү батарэйи берді* – Когда он ударил руками по ногам, те все рассыпались; *Һөөруктүң орусунга чьтэрдэ, һөөрук ында олурган* – Когда медведь достиг норы бурундука, тот там сидел; *Ол ашняк келп көөрдэ, аьты өлү берген чыгьткан* – Когда тот мужик пришел и посмотрел, его конь лежал мертвым; *Ыньчжааңаи, чаа болы вээрдэ, чжаага талыйган мен* – Потом, когда началась война, я ушел на фронт.

Употребление же данных причастий с аффиксами личной принадлежности придает высказыванию оттенок большей конкретности, определенности. Например:

Оңгуда олура чимизээримдэ, аң гөргөиш талыйар – Когда я, сидя в скрадке, пошевелюсь, зверь увидит и уйдет; *Бүрү шылыр гайныдыры, буьтук сизьһишримдэ* – Листья шуршат, когда я трясую ветку; *Бис кечже нянарывыста, дуглап кагаиш талыйган бис, нянып* – Когда мы вечером уезжали домой, то перед уходом заткнули берлогу; *Нешты кеьсеривистэ, төьһөчжү лэ аьрта вээр* – Когда мы срубим дерево, останется лишь пень; *Силер какыршырыңарда, аьт туьпулаарда, коьрһынаам чжайлып таьс тоң болу берді* – Когда вы смеялись и конь забился, моя жена, упав, разбилась насмерть; *Иресаң кедээрі чыгьтарында: «Чыгьтар аайы чжок», - дэйидірі* – Когда медведь отодвигался, то говорит: «Дальше двигаться некуда»; *Аң боолаарында, чжаспас киши болган* – Когда он стрелял в зверей, то не промахивался.

в) у причастий прошедшего времени, например:

киши келгендэ, барып көрезйн – Когда кто-либо придет, схожу посмотрю; *Ол улус мында черлеп каанда, эккі чжүме гөрвээн* – Когда те люди жили здесь, то хорошего ничего не видели; *Кіргенимдэ, оларың олырганнар шик* – Когда я заходил, они сидели; *Мен ибилерні туьтканымда, аңшылар нянып келгеннэр* – Когда я уже поймал оленей, вернулись охотники.

2. Дательно-направительный падеж с показателем $=ga/=ге$, $=ka/=ке$. С этим падежом употребляется причастия будущего и прошедшего времени. Здесь тоже может быть использовано оформление причастий афигированными показателями личной принадлежности наряду с безличным употреблением. При этом различаются два вида значений:

а) временные значения. Примеры:

Оң чжоруурга, кылыр бис – Когда он уедет, тогда сразу и сделаем; *Кыстар келірге, дейдірі ол ашняк ...* – Когда девушка пришла, ... мужик и говорит ...; *Ибилер сунуп келірге, Каляй ибилернің тэьтірі изинише барган* – Когда прибежали олени, Каляй пошла по их обратному следу; *Ам ол буруңгу үдүндэн гөөрүбиске, гөзүлбес болган* – Когда мы заглянули в ту первую нору, то ничего не было видно; *Кадыр тагдан һараарымга, караң гайнып турусу чжок. Бедік тагдан һараарымга, беэрэң гайнып турусу чжок* – Когда я наблюдаю с крутой горы, (в лесу) ничего не чернеет. Когда я смотрю с высокой горы, (в воде) ничего не мелькает.

Значение дательно-направительного падежа в данном употреблении в какой-то мере совпадает со значением местно-временного, тоже применяемого для выражения временных отношений. Разграничить употребление этих двух падежей в данном случае весьма трудно. Но в отдельных слу-

чаях носители языка ощущали все же некоторую разницу в смысле. Так, фразу «*Оң чжоруурда кылыр бис*» осмысляет как «Сделаем в тот самый момент, когда он поедет», а фразу «*Оң чжоруурга кылыр бис*» – «Сделаем сразу же, как только он уедет». Во всяком случае нужны дополнительные наблюдения над поведением этих двух форм, чтобы уловить какую-либо определенную закономерность в различии их употребления. Из других тюркских языков данная конструкция, когда используется падеж на =га вместо =да, представлена лишь в тувинском языке (3).

б) причинно-следственные значения:

Бо һемни мен уѣстун кеѣштѣм, кеѣһер чер чок болырга – Эту реку я переходил в верховье, так как не было брода; *Иштѣнгенимге мѣңгун берген* – За то, что я работал, дали денег.

3. Винительный падеж. В этой функции встретился пока только показатель аккузатива 3-го лица поссесивного склонения =н. Данный тип связи оформляет объектные отношения (дополнительные придаточные предложения). Зафиксированы причастия настоящего, прошедшего и будущего времени. Примеры:

Ол кишиниң чорусун көрдүр мен – Я вижу, что идет тот человек; *Ол кишиниң бары чыгытырысын көрдүм* – Я увидел, что ходит тот человек; *Ам киши кандыг һерек болганын, соодаан* – Теперь человек рассказал, какое у него было дело; *Ол кишиниң ыңгай баарын көрдүм* – Я увидел, что он пошел туда.

4. Исходный падеж встретился только в конструкции с послелогом *бээрѣ* «с тех пор как ...» для оформления временных отношений. Например:

Ол чжаса болгандан бээрѣ, бис баѣкка чжерлейѣ берген бис – С тех пор как началась та война, мы стали плохо жить.

5. Основной падеж зафиксирован в конструкции с послелогом *соң, соонда* «после», поскольку он управляет этим падежом. Примеры:

Оң чжораан соң, кылыр бис – Сделаем после того, как он уедет; *Ол иресаң болып алгаш талыйган соң иѣһи аѣһасы аѣрткан болган* – После того как он, став медведем, убежал, его два брата остались; *Ам, советска болган соң, эккѣдѣ черлейѣ берген бис* – Теперь, после того как настала советская власть, мы стали хорошо жить; *Ырлаvas дѣгѣш чоонуруй сен, ырасы ындыг болган соонда?* – Что сделаешь, чтобы не петь после того, как стал такой обычай?

Встречается также сочетание основного падежа причастий со служебными именами, играющими в данной ситуации роль послелога. Вопрос этот, к сожалению, до конца не изучен, так как мы располагали ограниченным в объеме текстовым материалом, в котором встретились лишь несколько примеров.

Чогду кызы чору шаамда, чоруктуг аѣт дѣмнѣшпаан иик – Когда была я, девушкой из рода чогду, не смог за мной угнаться конь-бегунец; *Өлген кишинѣ каар шаанда, баѣһин кун баѣта баар чериңе каар* – Когда хоронят умершего, то кладут его головой на запад.

Здесь в роли послелога выступает слово *шаг* «время, пора» в местно-временном падеже в форме принадлежности 1-го и 3-го лиц, т.е. *шаамда, шаанда*. Конструкция с этим служебным именем весьма употребительна в тофаларском языке.

Синтетический тип связи сложноподчиненных предложений охватывает также некоторые деепричастия и наклонения. В настоящее время зафиксированы в этой функции:

1. Деепричастие предела на =кыша. Например:

Оларың клуѣттѣн өге нянып келгѣше(лер), сен мында манап олыр – Ты сиди здесь и жди, пока они не вернутся домой из клуба.

2. Условное наклонение, которое наряду с условностью (реальной и ирреальной) может передавать и временные отношения:

Ам гѣрсе, ол һек эрген – Когда посмотрели, то это оказалась кукушка; *Менѣ ытпаса, мен барбас иик мен* – Если бы меня не послали, я бы не пошел; *Оң эѣсѣрѣбесе, эккѣ болыр* – Если он не опьянеет, будет хорошо; *Сѣлер какырбас улус болдыңар эрсе, бо аѣт тѣриг болыр иик* – Если бы вы не смеялись, этот конь был бы жив.

III. Аналитический тип связи тоже представлен в современном тофаларском языке, хотя и не так широко, как первые два. Материал позволяет выделить несколько настоящих подчинительных союзов:

1. *аан* «поэтому» – происхождение его неизвестно. Употребляется так же, как и союзы в европейских языках. Например:

Туѣтуш эѣштѣп чорумда, һун уун көрүп чоруур мен, аан мен һѣлну кеѣһе берген мен – Когда я плыву, я всегда смотрю на солнце, поэтому я переплыла озеро; *Суг ачжыры улуг болган, аан бо һундус кеѣшпес бис* – Вода большая, поэтому сегодня не будем переправляться.

2. *Болса* «если» – условная форма глагола *бол*= «быть, стать». Оформляет условные придаточные предложения, занимая в них финитную позицию, никогда не изменяется по лицам. Примеры:

Ийсиг болса, кедээрі чыгт – Если жарко, то ляг подальше (от костра); *Һөөллүг болса барсын, һөңнү иок болса барбасын* – Если есть желание – пусть идет, если нет – пусть не уходит; *Сен эмес болса, аа кум та барбаан болыр ишк* – Если бы не ты, то туда никто не пошел бы.

3. *Эрип* «хотя, хоть» – застывшая форма соединительного деепричастия на =*ып* архаичного вспомогательного глагола **эр*= «быть», которые уже самостоятельно не употребляются. Оформляет уступительные придаточные предложения, занимая в них финитную позицию. Примеры:

Көһшпес эрип, орук чаһсаан,

Көһһеп турар меңэ көскү.

Конбас эрип, конаш чаһсаан,

Конуп турар меңэ көскү.

– Хотя сам не кочует, наладил дорогу,

И мне, кочующему, это видно.

Хотя сам и не ночует, наладил стоянку,

И мне, ночующему, это видно.

Ындыг чжарачжэ эрип, шынныг болдың – Хотя ты и маленькая, оказалась права; *Келбес эрип, телеграам каһккан, чолукиуп алсын дээш* – Хотя сам не приехал, дал телеграмму, чтобы встретили.

4. *Дээш* «чтобы» – застывшая форма деепричастия на =*каш* глагола *дэ*= «говорить». Используется для оформления придаточных предложений цели. Употребляется:

а) в сочетании с причастием будущего времени в положительной и отрицательной формах. Например:

Бис мында улуг һерек чарар дээш чыылдывыс – Мы здесь собрались, чтобы решить большое дело; *Ол айны курудуп алып болганнар, кыһтин чжиир дээш* – Ту сарану сушили, чтобы есть зимой; *Ыглавас дээш, чоонуруй сен? Ырасы ындыг чүме ийнаан!* – Что сделаешь, чтобы не петь? Таков ведь обычай!; *Тура эртэ тургаш, нештап кагаш, кечжэ гелип нештавас дээш ...* – Утром рано встав и заготовив дрова, чтобы вечером, вернувшись домой, не заниматься этим.

б) в сочетании с повелительными формами 1-го и 3-го лиц (показатели =*эйн*, =*сын*). Например:

Уруг мүдүрвезин дээш, доньңга иресаң салбарын даарап каар болган – Чтобы ребенок не спотыкался, ему на шубу пришивали фаланги медвежьей лапы; *Чолукиуп алсын дээш, телеграам каһккан* – Отбил телеграмму, чтобы встретили; *Оолны ұптағн, эккіді өөрөңсін дээш* – Убедил мальчика, чтобы он хорошо учился; *Ырак чердэн келірімдэ, ырлачжээйн дээш келдім ийнаан!* – Я приехал издалека, чтобы вместе попеть!

5. В качестве союзного слова употребляется также *дэп* (деепричастие на =*п* от глагола *дэ*= «говорить») для оформления различных придаточных предложений. Примеры:

Билир болган бис, оң гелир дэп – Мы знали, что он придет; *Өлген инэкті ветеринаарлар келип, кеһсип, көрдүлөр, каньчжасп аараан эмиш дэп* – Ветераны пришли, разрезали и посмотрели корову, отчего она умерла.

Хотя и редко, но встречаются, кроме указанных выше типов связи, особый тип с относительными местоимениями. Возник он, видимо, под влиянием русского языка. Например:

Мен чүнү соодайыдыр мен, ону толдыр – Что я говорю, то и выполняй; *Ол ұттэ ак чырыкта кишилер чүнү чаһсаан бодының колы біле, сагычжы біле, төді ында болган* – В той пещере было все, что на белом свете люди сделали своими руками, своим умом.

Часто встречаются комбинации из разных типов связи. Главным образом употребление падежной формы причастия и относительное местоимение по типу русского. Данное явление обычно встречается во временных придаточных предложениях, в которых вместо русского *когда* используется тофаларское вопросительное местоимение *каһтин*, буквально означающее «когда». Примеры:

Каһтин кырган киши сооданып тоозып каарда, ол үш оол-кыс: «Турай бо дагга үнэр бис», – дэп соодашканнар – Когда старик закончил рассказывать, те трое ребят договорились: «Завтра пойдем на эту гору»; *Каһтин мен кырыйи бээримдэ, сен мені немгербес болы берген сен* – Когда я состарилась, ты перестал меня кормить.

Эти примеры свидетельствуют о том, что русский язык начинает оказывать заметное влияние на синтаксический строй тофаларского языка.

Анализ типов синтаксической связи сложноподчиненных предложений показал таким образом, что современный тофаларский язык использует в основном три типа: 1) бессоюзный (примыкание простых предложений); 2) синтетический с использованием падежных форм и послеложных конструкций причастий, а также деепричастий и наклонений; 3) аналитический, основанный на употреблении настоящих союзов, которые по происхождению представляют в основном застывшие словоизменительные формы вспомогательных глаголов. В тофаларском языке, следовательно, система организации полипредикативных предложений с подчинительной связью предстает достаточно развитой. В ней сосуществуют как архаичная бессоюзная связь, так и самая развитая союзная, хотя основу ее составляют все же причастия и деепричастия.

Литература и примечания

1. См.: Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971. 251 с.; его же. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978. 287 с.
2. См.: Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973. С. 207-212.
3. См.: Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961. С. 127-128.

(Полипредикативные конструкции в языках разных систем. - Новосибирск, 1985. - С. 3-11).

О МЕСТЕ ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Чтобы определить статус тофаларского языка и его место среди тюркских языков, необходимо провести сопоставление фонетической системы, систем словообразования и словоизменения тофаларского языка с таковыми других современных и древних тюркских языков. Прежде всего следует привлечь для сравнения материалы из соседних тюркских языков Саяно-Алтайского нагорья – тувинского, хакасского, алтайского и шорского языков. Кроме того, учесть данные якутского языка и языка близких по происхождению уйгуро-уряньхайцев и желтых уйгуров. Поскольку предполагается, что в этногенезе тофаларов принимали участие близкий тувинцам род *чогду* и родственный хакасам род *хааш*, мы сочли необходимым в первую очередь сравнивать тофаларский материал с тувинским и хакасским языками.

Рассмотрение фонетической системы тофаларского языка в сравнительном плане проводилось дифференцированно по линиям вокализма, консонантизма и поведения фонем в потоке речи.

Сравнение тофаларского вокализма с системами гласных других тюркских языков позволило установить следующее.

Представленная в тофаларском языке корреляция гласных фонем по долготе и краткости, а кратких по фарингализованности и нефарингализованности имеет свою аналогию из всех тюркских языков лишь в тувинском и уйгуро-уряньхайском (тюркский язык, недавно открытый в МНР и описанный монгольским тюркологом Л. Болдом [1978]). Слова в этих языках тоже различаются по данным признакам, например: тоф., тув., уйг.-ур. *ол* «тот» – *оол* «сын», *от* «огонь» – *оът* «трава»; тоф., тув., уйг.-ур. *ат* «имя» – *аът* «лошадь» – *аат* «укачивай ребенка».

Оппозиция же гласных по долготе ж краткости распространена гораздо шире. По этому признаку гласные противопоставляются также в хакасском, шорском, алтайском и киргизском языках. Здесь тоже развилась однотипная вторичная долгота гласных и стали различаться слова типа *ол* «тот» – *оол* «сын» хотя в алтайском и киргизском развитие долготы происходило не всегда, а развившийся долгий гласный иногда совершенно иного качества, например: тоф., тув., хак., шор. *аал* «двор» – алт., кирг. *айыл* «двор; аул»; тоф., тув., хак., шор. *аар* – алт. *уур*, кирг. *оор* «тяжелый». Долгие и краткие гласные различаются еще в якутском, туркменском, халаджском языках, но в этих языках долготы относятся к так называемым первичным и не совпадают с тофаларским и другими саяно-алтайскими и киргизской.

Качество тофаларских кратких гласных основной артикуляции в общем то же, какое восстанавливается в древнетюркском языке и представлено в современных тюркских языках Саяно-Алтая (за исключением хакасского) и в тюркских языках других ареалов, кроме чувашского, татарского, башкирского и якутского языков. Хакасский язык отличается, например, от тофалар-

ского наличием гласного и вместо э в корневых основах, ср. хак. *чир* «земля» вм. тоф. *чер.*, хак. *элик* «косуля» вм. тоф. *элик* и т.п.

Кроме того, тофаларский язык сближается с тувинским также развитием гласного *ы* на месте *а* в корневых основах нескольких десятков слов, чего не наблюдается в хакасском и других тюркских языках Саяно-Алтая. В пределах Сибири типологически сходное явление отмечается в якутском языке, а за пределами – в чувашском. Примеры: тоф., тув. *ындыг* – др.-тюрк., хак. *андаг*, шор. *эндиг*, алт., кирг. *андай*, як. *оннук* «такой»; тоф., тув. *чыгът* =, як. *сыт* = – др.-тюрк. *йат* =, хак., шор. *чат* =, алт. *јат* =, кирг. *жат* = «лежать»; тоф., тув. *тыгърт* = – др.-тюрк., хак., шор., алт., як., кирг. *тарт* = «тянуть». По этому признаку к тофаларскому и тувинскому языкам примыкает уйгуро-уряньхайский, в котором тоже зафиксированы формы с *ы*: *ындыг* «такой», *чыгът* = «лежать», *дыгърт* = «тянуть».

В то же время, хотя вокалические системы тофаларского и тувинского языков внешне совпадают, между ними есть и различия. Так, при ближайшем рассмотрении оказалось, что фарингализация гласных в этих языках имеет различную функциональную нагрузку. Если в тофаларском языке фарингализованные гласные предшествуют сильным согласным, сохраняющим свою силу и глухость и при попадании на стыке морфем в положение между гласными (особенно это касается сильных *п*, *т*, *с*), то в тувинском они предшествуют слабым согласным, озвончающимся в интервокальном положении. Ср., напр., тоф., тув. *аът* «лошадь» – тоф. *аъты*, тув. *аъды* «его лошадь». В тофаларском языке фарингализация несет полную фонологическую нагрузку лишь в односложных словах, когда противопоставляются пары типа *ак* «белый» – *аък* «теки», *баи* «язва» – *баъи* «голова», *кат* «ягода» – *каът* «слой», *кап* «мешок» – *каъп* «схвати ртом», *ас* «заблудись» – *аъс* «повесь». Поэтому в тофаларских глаголах фарингализация наиболее явственно слышна в императиве. В тувинском же языке фарингализация в повелительных формах таких глаголов факкультативна.

Совершенно иную функциональную нагрузку получает фарингализация в тофаларском языке, когда согласный ауслаута подобных квазиомонимов попадает в интервокальное положение. В этом случае словоформы начинают различаться не только качеством гласных, но и согласных, ибо в этом положении наиболее явственно проявляется различие между сильными и слабыми согласными. Ср., например: *ас* «заблудись» – *азар-асар* «заблудится», но *аъс* «повесь» – *аъсар-аъссар* «повесит»; *баи* «язва» – *бачжы* «его язва», но *баъи* «голова» – *баъһи* «его голова». Иначе говоря, фонологическая нагрузка в такого рода случаях распределена поровну между фарингализацией гласного и качеством согласного.

В тувинском же языке слова в таких случаях полностью различаются только фарингализацией гласных, ср. тув. *ат* «имя» – *аът* «лошадь», *ада* «его имя» – *аъды* «его лошадь»; *ас* «заблудись» – *аъс* «повесь», *азар* «заблудится» – *аъзар* «повесит». Процесс озвончения согласных в интервокальном положении, проводимый в тувинском языке неукоснительно, не вызывает здесь излишней омонимии, так как ее устраняет фарингализация, которая, несет в таких ситуациях полную фонологическую нагрузку.

Принципиально иную картину наблюдаем в аналогичных случаях в других тюркских языках Саяно-Алтая, где такие пары слов не различаются согласными в интервокальном положении, а также гласными. Ср. напр., алт., хак., шор. *ат* «имя» – *ада* «его имя», *ат* «лошадь» – *ада* «его лошадь»; алт., хак., шор. *ас* «заблудись» – *азар* «заблудится», *ас* «повесь» – *азар* «повесит». Подобные омоформы различаются здесь контекстом.

Тофаларский язык резко отличается от тувинского, да и от остальных тюркских языков тем, что в нем широко действует тенденция опереднения твердоядных гласных в комплексах -ГЙГ- (гласный + й + гласный), на месте которых образуются либо опереднённые долгие монофтонги, либо опереднённые дифтонги. Это нарушает сингармонизм. Конкретное развитие этих комплексов следующее: *айы* дает *ээ-эи* (ср. тоф. *чээнды* – тув. *чайынды* «наледь», тоф. *һээнды* < *һэинды* – тув. *хайынды* «вскипел»); *ойы*, *оюу* дают *өө-өэ* (ср. тоф. *мөөн-мөөн* «шея» – тув. *моюн*, тоф. *өөн-өөн* – тув. *оюн* «игра»); *уйу* даёт *үү* (ср. тоф. *үүдар* < **уйудар* < монг. *уйида* = «грустить», тоф. *бүү* «его пах» < **бууу* < *буй* «пах»); *уйы* даёт *иһ-һи*, *уи* (ср. тоф. *чории берген* «уехал» < **чоруиы берген* < *чору* = «ехать» – тув. *чоруй берген* «уехал», тоф. *удуи берген* «заснул» < **удуиы берген* < *уду* = «спать» – тув. *удуй берген* «заснул» < тоф. *чуи берген* «вымыл» < **чуйы берген* < *чу* = «мыть» – тув. *чуй берген* «вымыл»); *ийы* дал *ии* (ср. тоф. *миис* – тув. *мийыс* «рога», тоф. *миит* тув. *мийыт* «ленок», тоф. *һиштыры* – тув. *хыйыштыр* «наискось»). Эта тенденция в тофаларском языке не знает исключений и проявляется автоматически, едва на стыке морфем образуется подобный комплекс.

Происходит в тофаларском языке и опереднение кратких (чистых и фарингализованных) гласных под влиянием соседних среднеязычных и палатализованных согласных, тоже нарушающее сингармонизм, например: тоф. *неш* < **няш* < ***ыняш* («дерево» – тув. *ыяш*; тоф. *чеш* < **чаш* («новорожденный» – тув. *чаш* «младенческий; молодой»; тоф. *чеъш* < **чаъш* («волосы на голове» – тув. *чаъш* «женская коса»; тоф. *неньчжык* (< **нянчжык* < *нян* «бок») («маленькая сумочка для мелких вещей» – тув. *чанчык* «кисет, футлярчик» < *чан* «бок»); тоф. *шей* < **шай* – тув. *шай* «чай».

Проявляющиеся массово, эти отличия в области вокализма придают тофаларскому языку заметное своеобразие, выделяя его из соседних тюркских языков.

Из особенностей тофаларского консонантизма можно отметить следующие.

Организация системы согласных на основе оппозиции шумных по силе и слабости из всех сибирических тюркских языков имеет аналогию только в тувинском языке, а за их пределами отмечена в азербайджанском. Сходная система оппозиций представлена также в языке желтых уйгуров и саларов, хотя там как основной выдвинут признак аспираторности и неаспираторности. Однако, сравнение показало, что между системами согласных тофаларского и тувинского языков имеется в то же время существенное расхождение, заключающееся в том, что в тувинском сильные и слабые шумные согласные противопоставляются только в анлауте, сильные дальше анлаута не идут, ср. напр., тув. *нар* «тигр» – *бар* «имеется», *тараа* «зерно» – *дараа* «следующий», а в тофаларском языке сильные и слабые противопоставляются в ауслауте и инлауте, но наиболее отчетливо это проявляется в интервокальном положении. В тувинском же языке в данной позиции только звонкие слабые. Это обстоятельство заметно отличает тувинские и тофаларские словоформы, например: тоф., тув. *аък* «теки» – тоф. *аъһар*, тув. *аъгар* «потечет»; тоф., тув. *аъш* «открой» – тоф. *аъһар*, тув. *аъжар* «откроет»; тоф., тув. *паш* «котелок» – тоф. *пачжы*, тув. *пажы* «его котелок»; тоф., тув. *баъш* «голова» – тоф. *баъһи*, тув. *баъжы* «его голова»; тоф., тув. *аът* «лошадь» – тоф. *аъты-аътты*, тув. *аъды* «его лошадь»; тоф., тув. *сыъп* «стебель» – тоф. *сыъпы-сыъфы*, тув. *сыъвы* «его стебель» и т.п.

Наличием глухих в инлауте вместо тувинских звонких уйгуро-уряньхайский язык напоминает тофаларский (ср. напр., уйг.-ур. *бүтүн*, тоф. *бүътүн* – тув. *бүдүн* «целый»; уйг.-ур. *алтон*, тоф. *аълтон* – тув. *алдан* «шестьдесят»; уйг.-ур. *сылтыс*, тоф. *сыълтыс* – тув. *сылдыс* «звезда») и, видимо, имеет аналогичный тофаларскому принцип организации системы согласных фонем. Сравнительный материал показывает также, что тофаларская, уйгуро-уряньхайская и тувинская системы согласных, похожие в какой-то мере на желто-уйгурскую и саларскую, возможно, являются рудиментами той древнеуйгурской системы согласных, которая была унаследована предками тофаларов и тувинцев от древних уйгуров восточного ареала, чья система консонантизма, как считает Э.Р. Тенишев [1963, с. 132], была похожа на желто-уйгурскую и саларскую.

Своеобразное развитие получил в тофаларском языке древний анлаутный *й*. Так, в большом количестве случаев (зафиксировано свыше тысячи слов) на его месте представлен *ч*, могущий озвончаться. Произнесение *ч* вместо *й* является отличительной чертой также тувинского, хакасского и шорского языков, ср. напр., тоф., тув., шор. *чок*, хак. *чох* – алт. *жок*, як. *суох*, кирг. *жок*, др.-тюрк. *йок* «нет». *Ч* в этих языках развился, видимо, из *дж* в результате действия тенденции оглушения анлаута (ср., напр. хак. *палых*, шор. *палык*, тоф. *палык* ~ *балык* «рыба» < др.-тюрк. *балык*).

Кроме того, в тофаларском языке в отличие от тувинского в двух с лишним сотнях слов на месте древнего *й* и тувинского *ч* произносится среднеязычный носовой *нь*, который развился здесь под влиянием соседних носовых сонантов. Типологически сходное с тофаларским развитие *й* в *н* или *нь* в подобных словах наблюдается еще в хакасском и шорском языках и в северных алтайских диалектах. Примеры: тоф. *няа*, хак., шор. *наа*, сев.-алт. *ньяңы* – тув. *чаа*, юж.-алт. *јаңы*, як. *саңа*, кирг. *жаңы*, др.-тюрк. *йаңы* «новый»; тоф. *нең*, хак. *ниң*, шор. *ниик*, сев.-алт. *нең* – тув. *чең*, юж.-алт. *јең*, як. *сиэх*, кирг. *жең*, др.-тюрк. *йең* «рукав».

Но в тофаларском языке этот *нь* представлен в гораздо большем количестве случаев, чем в хакасском, шорском языках и северных алтайских диалектах, что говорит о неравномерности действия этой тенденции, которая наибольшее развитие получила в тофаларском языке.

Кроме того, выявилось несколько слов, в которых на месте *й* произносится сибилянт *с*, что находит в этих случаях полную аналогию в тувинском и якутском языках. Ср. напр., тоф. *сыстык*, тув. *сыртык*, як. *сыттык* – хак. *частых*, шор. *частык*, алт. *јастык*, кирг. *жастык*, др.-тюрк. *йастуқ* «подушка»; тоф. *сылтыс*, тув. *сылдыс*, як. *сулус* – хак., шор. *чылтыс*, алт. *јылдыс*, кирг. *жылдыз*, др.-тюрк. *йулдуз* «звезда».

По развитию *й* тофаларский язык, таким образом, стоит между хакасским и тувинским языками.

Судя по имеющимся материалам (ср. уйг.-ур. *чэсер* «земля», *няа* «новый», *сылтыс* «звезда»), развитие *й*, аналогичное тофаларскому, произошло и в уйгуро-уряньхайском языке.

Тофаларский язык характеризуется также спирализацией *к* в начале и середине слова. При этом *к* дал *һ* не во всех случаях. Часто он сохраняется в виде слабого *к*, могущего озвончаться в *г*, что наблюдается в анлауте. Но в интервокальном положении и после сонорных *к* почти всегда перешел в *һ*. В тувинском языке *к* в инлауте озвончился в *г*, а в анлауте тоже частично перешел в спирализант *х*. Однако, при этом конкретные факты спирализации анлаутного *к* в тофаларском и тувинском языках не совпадают. Переход *к*→*х* наблюдается из сибирских языков еще в хакасском и якутском, отмечен он и в уйгуро-уряньхайском языке, но и в них имеются ограничения в развитии этого процесса, факты свидетельствуют, что тенденция спирализации *к* в каждом из этих языков проявилась самостоятельно. Примеры: тоф. *кан-ган*, *шор.*, *алт.*, *кирг.*, др.-тюрк. *кан*, уйг.-ур. *ган* – *хак.*, тув. *хан*, *як. хаан* «кровь»; тоф. *һылын*, *хак. халын*, *як. халың* – тув. *кылын*, *шор. калын*, *алт.*, *кирг. калың*, др.-тюрк. *калын* «толстый»; тоф. *һун*, тув. *хун* – *хак.*, *шор.*, *алт. кун*, *як.*, *кирг.*, др.-тюрк. *кун* «солнце; день»; тоф. *чаһһа* – тув., *шор. чага*, *хак. чага*, *алт. јака*, *як. сага*, *кирг. жака*, др.-тюрк. *йақа* «воротник».

Развитием древнего *ч* в *ш* тофаларский язык напоминает кыпчакские, в частности казахский, и объединяется по этому признаку с тувинским, шорским и уйгуро-уряньхайским. Ср. например, тоф., тув. *аһш*, *шор. аш*, *каз. аш* – *хак.*, *як. ас*, *алт.*, *кирг.*, др.-тюрк. *ач* «открой»; тоф., тув., *шор. шериг*, *каз. шеру* – *хак. сиріг*, *алт. черү*, *як. сэрин*, *кирг. черүү*, др.-тюрк. *чериг* «войско».

Сохранением древнего *д* в инлауте и ауслауте, который в других тюркских языках перешел в *т*, *з*, *р*, *й* ..., тофаларский сближается с древнетюркским, тувинским, уйгуро-уряньхайским и халаджским. Ср. напр., тоф. *бедік*, тув. *бедик*, др.-тюрк. *бедүк* «высокий», халадж. *бидго* «большой» – *хак. пöзік*, *шор. мөзүк*, *алт.*, *кирг. бишик*, уйг. *бүйүк*, *тат. биек* «высокий»; тоф., тув. *уду*, уйг.-ур., др.-тюрк. *уды* «спать» – *хак. узу*, *як. утуй*, *тур. уйу* «спать».

Древний конечный *г* сохраняется в тофаларском, как и в тувинском, уйгуро-уряньхайском, хакасском, шорском, желто-уйгурском, халаджском языках и частично в уйгурском и турецком языках. Например: тоф. *каһтыг*, тув. *каһдыг*, *хак. хатыг*, *шор. кадыг*, *ж.-уйг. қатыг*, халадж. *қаттыг*, др.-тюрк. *қатыг* – *алт. катуу*, *як. кытаанах*, *кирг. кату*, *каз. қатты*, уйг. *қаттиқ*, *тур. каты* «твердый»; тоф., тув., уйг.-ур. *даг*, *хак.*, *ж.-уйг. таг*, *шор. таг*, уйг. *таг*, *тур. даг*, халадж. *тааг*, др.-тюрк. *таг* «гора» – *алт. туу*, *кирг. тоо*, *каз.*, *тат. тау* «гора», *як. тыа* «лес».

В потоке речи в тофаларском языке происходит своеобразное явление сложной переассимиляции согласных, вызванное выпадением узких беглых гласных при словоизменении, напр.: *төһһүл* «пролейся» – *төһктүр* «прольется», *саһын* «думай» – *сактыр* «будет думать», *алын* «лицо» – *анны* «его лицо» и т.п. По этому признаку тофаларский язык объединяется с тувинским и якутским, в которых тоже широко представлено это явление, ср. напр.: тув. *саһын* «думай» – *сактыр* «будет думать», *як. аһын* «упоминай» – *ахтар* «вспомнит, вспоминает». Можно предположить, что в этих языках получила дальнейшее развитие тенденция оглушения конца слога и слова и сочетаемости в инлауте только глухих шумных. Эта тенденция, видимо, действовала в свое время во всех тюркских языках Саяно-Алтая, чем и объясняется наличие в них словоформ типа *кускун* «ворон», *өске* «другой», *кыска* «дочери», *кыстар* «девушки» вместо искони тюркских *кузгун*, *өзге*, *кызга*, *кызлар* и т.п.

Существенным отличием тофаларского языка от тувинского является сохранение более полных форм слов, подвергшихся в тувинском языке стяжению. Ср. напр., тоф. *тоһһос* – тув. *тос* «девять», тоф. *сеһһес* – тув. *сес* «восемь», тоф. *саһһал* – тув. *сал* «борода», тоф. *тэһһе* – тув. *те* «горный козел», тоф. *чеһһерге* – тув. *шерги* «кузнечик».

Отличительной же чертой тофаларского языка в области консонантизма, отсутствующей во всех остальных тюркских языках, является сочетаемость фарингального *һ* с сонантами: *мһ*, *нһ*, *ңһ*, *лһ*, *рһ*, *йһ*, например: *таһһан* «мука», *тоһһо* «бочка», *аһһай* «оленок», *доңһөр* «бык дикого северного оленя», *каһһия* «удивляйся», *чырымһа* «болонь». Для тюркских языков это необычное явление, как редок и сам *һ*. Такая характерная черта тофаларского языка могла остаться в нем от кетского субстрата, поскольку в соседних кетских языках такие сочетания *һ* с сонорными вполне обычная вещь [Дульзон 1961, с. 152-189].

Сравнительное исследование тофаларской фонетики показало, что вокализм тофаларского языка по составу фонем совпадает с тувинским и уйгуро-уряньхайским и отличается от хакасского. Но в то же время он имеет ряд существенных отличий и от тувинского, показывая самостоятель-

ность. Консонантизм же тофаларского языка по ряду признаков совпадает с тувинским и уйгуро-урянхайским, по некоторым же признакам расходится с тувинским и несколько сближается с хакасским, обнаруживая в целом собственное развитие предположительно древнеуйгурского прототипа. Отдельные же признаки, носящие классификационный характер, все-таки позволяют объединить в отношении звукового состава тофаларский язык в одну подгруппу с тувинским и уйгуро-урянхайским. Существенным объединяющим моментом здесь является наличие фарингализованных гласных как фонем, корреляция согласных по силе и слабости, сохранение *ð*, переход *a* в *ы*.

Сравнительный анализ словообразовательной системы показал, что она представляет в целом общетюркский тип.

Но и здесь, особенно в конкретных формах, тофаларский язык имеет много отличий как от тувинского, так и хакасского языков. Так, путем сложения основ тофаларский язык образовал все названия десятков у количественных числительных, например: *иъһён* «двадцать», *үчжөн* «тридцать», *дөртөн* «сорок», *бечжөн* «пятьдесят», *аьлтон* «шестьдесят» и т.п., которые сложены из названий соответствующих единиц и числительного *он* «десять». В сибирских тюркских языках такое образование числительных в общем тоже представлено, но не полностью, так как для первых десятков в них имеются другие слова, напр.: тув. *чээрби*, хак. *чибіргі*, шор. *чегирбе*, алт. *јирме*, як. *сүүрбэ* «двадцать»; хак. *отыс*, шор. *окус*, алт. *одыс*, як. *отут* «тридцать» и т.п. Полностью все десятки образованы по той же модели, что и в тофаларском, еще лишь в уйгуро-урянхайском и желто-уйгурском языках. Ср. напр., уйг.-ур. *хи он*, ж.-уйг. *ишкон* «двадцать»; ж.-уйг. *үчөн* «тридцать», *түртөн* «сорок» и т.п.

В составе словообразовательных аффиксов тофаларского языка выявлены следующие особенности.

Сравнение показало, что аффиксы, образующие существительные, в общем совпадают в тофаларском, тувинском, хакасском и древнетюркском языках, если не принимать в расчет фонетическую разницу, например: тоф. *-шы* – тув. *-чы*; тоф. *-гышы* – тув. *-кчы*; тоф. *-няк* – тув., др.-тюрк. *-йак*, хак. *-чак*; тоф., др.-тюрк. *-мак*, хак. *-мах* – тув. *-нак*. Ряд аффиксов характерен лишь для тофаларского и тувинского языков, и их нет в хакасском, например: тоф., тув. *-аикын*, *-лышкы*, *-бы*; тоф. *-гышы*, тув. *-кчы*; тоф. *-мчжы*, тув. *-мчы*. В тофаларском же и хакасском нет тувинских *-дал*, *-лга*, *-лда*, *-мал*, *-ндак*, *-кыыш*. С хакасским совпадает тоф. *-кыш* (хак. *-хыс*), которого нет в тувинском. Для тофаларского языка характерен аффикс *-нчжы*, совпадающий с древнетюркским *-нчы* и являющийся в тофаларском, видимо, архаизмом.

Основные аффиксы, при помощи которых образуются прилагательные в тофаларском языке, представлены и в тувинском, и в хакасском, а также в древнетюркском. С тувинским тофаларский язык сближается здесь наличием общих аффиксов *-май*, *-гар*, *-аи*, *-ңгы*, *-нчыг*, *-мык*, *-аачал*, *-кыры* (*-ңгыры*), *-сыт*. С хакасским языком его роднит продуктивный афф. *-чжаң*, которого нет в тувинском. Специфически тофаларскими аффиксами среди этих трех языков являются *-киш*, *-глыг*, *-кал*, *-сырак*, *-сыңгы*. При этом *-глыг*, *-сырак* больше нигде в сибирских тюркских языках не представлены. Тоф. *-глыг* соответствует др.-тюрк. *-глы* и является в тофаларском языке архаизмом. Афф. *-сыңгы* находит свою параллель в якутском *-тыңы*. Тоф. *-нчжыг*, тув. *-нчыг*, тоф., тув. *-сыт* на Саянах и Алтае больше не встречаются, за исключением алт. *-су/-сы*, и соответствуют древним *-нчыг* и *-сыг*.

Отсутствие привативного аффикса *-сыз* сближает тофаларский язык со всеми тюркскими языками Саяно-Алтая и якутским и отличает от всех остальных тюркских языков. Вместо *-сыз* здесь употребляется сочетание существительного с отрицанием *чок* (тув., шор. *чок*, хак. *чох*, алт. *јок*, як. *суох*), напр.: *кол чок* «безрукий», *суг чжок* «безводный».

Порядковые, собирательные и разделительные числительные образуются в тофаларском языке аффиксами, из которых ни один полностью не совпадает с тувинским. Лишь тоф. *-аан* для собирательного числительного совпадает с тувинским тоджинским *-аан*. Другой вариант аффикса для тофаларских собирательных числительных *-аалын* фонетически несколько отличается от тувинского *-аала(н)* и хакасского *-олаң*, хотя и имеет с ними, вероятно, одно происхождение. Кроме того, тофаларский аффикс *-ар/-арлап* для разделительных числительных идентичен хак. *-ар/-арлап* и не имеет параллелей в тувинском языке. Полностью специфичен для тофаларского языка аффикс *-(ы)ишкы* для порядкового числительного (напр., тоф. *аьлтышкы* «шестой», *онышкы* «десятый»), который не имеет больше нигде аналогий. Произшел этот аффикс из сложения общетюркского афф. *-кы*, передающего значение принадлежности, с афф. *-(ы)и*, который представляет собой закономерное в тофаларском языке фонетическое развитие древнего аффикса порядкового

числительного *-нч*, оказавшегося в ауслауте, где сочетание согласных *-нч* дает *-ш*, то есть тоф. *аьтышыкы*, например. развилось из *алтыш* + *кы*, где *алтыш* < др.-тюрк. *алтынч*. Ср. аналогичное развитие: тоф. *тыш* «отдых» < др.-тюрк. *тынч*, тоф. *шээш* «вонзай» < др.-тюрк. *санч*, тоф. *неэш* «разомни» < др.-тюрк. *йанч*.

Тофаларские глаголообразующие аффиксы почти все имеют параллели как в тувинском языке, так и в хакасском и древнетюркском языках. В тувинском нет афф. *-лан*, представленного в тофаларском и хакасском. В тофаларском нет тувинских аффиксов *-шаа*, *-ча*, *-кайын*.

Вместо тув. афф. *-кайын* в тофаларском бытует вспомогательный глагол *кайын*=, образующий аналитические видовые формы ритмичности от глаголов как образных, так и обычных, напр., *ишмең гайын*= «часто и ритмично мигать» < *ишмей*= «мигать». Довольно активен в тофаларском языке афф. *-ньчжы*, при помощи которого в тувинском языке образовано относительно немного слов. Особенностью является то, что в тофаларском и тувинском очень продуктивны и активны афф. *-са*, *-он*, *-сын*, *-сыра*, чего нельзя сказать о них в других тюркских языках Сибири.

Сравнение также показало, что в области аффиксального образования наречий тофаларский язык имеет элементы как общие с тувинским и хакасским языками (напр., *-гаары*, *-да*, *-дан*, *-ын*, *-тын*), так и роднящие его то с тувинским (напр., *-дыры*), то с хакасским (напр., *-лап*, *-да*). В то же время тофаларский язык имеет здесь и свою специфику. Так, он как и древний тюркский язык, обрадует при помощи афф. *-да* (ср. др.-тюрк. *-ты/-ды*) наречия и от прилагательных (напр., *эккіді* «хорошо», *каьтыгды* «крепко»), и от глаголов (напр., *чугалады* «тонко», *чоруду* «на ходу»), чего больше нет нигде в сибирских тюркских языках.

Подытоживая данный раздел, следует сказать, что словообразование в тофаларском языке носит в общем и целом общетюркский тип. Лишь по составу словообразовательных моделей и словообразовательных элементов наблюдаются некоторые особенности, связанные главным образом с сохранением более архаичных показателей. Многие словообразовательные аффиксы являются общетюркскими, ряд из аффиксов роднит тофаларский язык с тувинским, а некоторые – с хакасским. В то же время тофаларский язык обнаруживает самостоятельное развитие аффиксов от общих прототипов.

Сравнительный анализ словоизменительных и формообразовательных элементов тофаларского языка показал следующее.

Показателем неопределенной множественности выступает общетюркский афф. *-лар*. Общетюркскими же являются и аффиксы личной принадлежности. Особенностью тофаларского языка здесь, как и тувинского и хакасского, можно считать употребление показателя *-ңар/-ңер* для 2-го лица мн. числа вместо *-гыз*, *-ңыз* ... других тюркских языков (ср. напр., тоф. *аьтыңар*, тув. *аьдыңар*, хак. *адыңар*, алт. *адыгар*, кирг. *атыңыз*, тат. *атыгыз* «ваш конь»). Как указывал Н.К. Дмитриев, аффикс *-ңар* развился из *-ң* + *-лар*, то есть *-*ңлар* → *-*ңнар* → *-ңар*. Промежуточная форма *-ңнар* сохранилась в чулымско-тюркском языке и идентична новоуйгурской и древнеуйгурской *-ңлар*.

Заметное отличие тофаларского языка от тувинского и хакасского выявилось в системе склонения. Так, в этих трех языках совпадают лишь общетюркские падежи: родительный (*-ның*), винительный (*-ны*), дательный (*-га*), местный (*-да*), исходный (*-дан*). Кроме них в каждом из этих языков развились еще дополнительные падежи, не совпадающие друг с другом: в тофаларском – частный (*-да*) и продольный (*-ша*), в тувинском – направительный (*-ча*, *-дыва*, в тоджинском диалекте *-гыды*), в хакасском – направительный (*-зар*), орудийный (*-наң*), а также причинно-следственный (*-даңар*) и продольно-направительный (*-ча*). Все это свидетельствует, что падежные системы в этих трех языках складывались на общетюркской основе самостоятельно и независимо друг от друга. При этом частный падеж сближает тофаларский язык с якутским, тоже имеющим аналогичный падеж с тем же показателем *-да*, восходящим к древнетюркскому аблативу на *-да*. Совпадает с якутским и древнетюркским также тофаларский показатель аккузатива в посессивном склонении *-ын*, который употребляется в нем наряду с *-ны*, ср. напр., тоф. *аьтымын/аьтымыны* «моего коня», як. *аттын* «моего коня», др.-тюрк. *сабымын* «мою речь».

У качественных прилагательных специфически тофаларскими являются показатели ослабления качества *-сыт*, *-сым*, *-сын*, *-сыңгы*, которые развились здесь самостоятельно из древнего уподобительного аффикса *-сы*. Хотя в других языках и есть аффикс прилагательных *-сыг* с уподобительным значением, но в данной функции он не употребляется. В тофаларском языке у прилагательных нет формообразовательных аффиксов типа тувинских *-ыл*, *-ылдыр*, *-аарак*, хакасских *-илбей*, *-амдых*, *-арах*. Не употребляется в тофаларском языке афф. *-кыры* для образования интен-

сива от качественных прилагательных, что развито в тувинском языке, то есть формы типа тув. *кызылгыр* «очень красный» в тофаларском языке недопустимы.

Словоизменение и формообразование глагола в тофаларском языке тоже имеет свои особенности. Так, среда общетюркских залоговых аффиксов, представленных здесь, имеется показатель возвратного залога *-дын/-ттын...*, употребляющийся наряду с *-н*. Сравнение показало, что подобный аффикс имеется еще в тувинском языке. Несомненно, что он сложного происхождения и, возможно, генетически связан с якутским *-ылын* и киргизским *-лын*, а также с зафиксированным у Махмуда Кашгарского *-лын*.

Тофаларский показатель совершенного вида *-ывыт* совпадает по форме и значению с тувинским *-ывыт* и хакасским *-ывыс*. Все они развились из аналитической формы *-ыт ыт=*, где *ыт=* – вспомогательный глагол со значением «посылать» (хак. *ыс=* «посылать»). Незавершенный длительный вид, образуемый при помощи вспомогательных глаголов *тур=*, *чору=*, *олур=*, *чыгт=*, является общетюркским.

Из форм актионсанта среди тюркских языков Саяно-Алтая только в тофаларском и тувинском представлены формы типа моментально-однократной (напр., тоф. *кылас кын=* «сверкнуть» < *кылай=* «сверкать»), раздельно-кратной (напр., *кылас-кылас кын=* «несколько раз быстро сверкнуть»), ритмичной (напр., *кылаңна=*, *кылаң-кылаң кын=* «посверкивать»), учащенной ритмичности (напр., *кылаң гайын=* «часто сверкать в разных местах»). Спецификой тофаларского языка в данном случае является то, что в нем эти формы образуются не только от изобразительных глаголов, как в тувинском, но и от глаголов действия-состояния, напр., тоф. *герус кыным* «я быстро взглянул», *каттас кыным* «я быстро пособираю ягоду», *тураңнаэдыры* «он часто останавливается». Частичную аналогию эти формы имеют из других тюркских языков лишь в якутском, в котором видовые формы представлены богаче. Для якутского языка С. Калужинским [1961] установлено их монгольское происхождение. Вероятно, из монгольских же языков они проникли в тофаларский и тувинский языки.

Модальность желания на *-кса* имеет параллель лишь в тувинском языке и восходит к аналогичной древнетюркской форме на *-кса*. В других тюркских языках она не сохранилась. Тофаларской модальной форме на *-гы дэг*, означающей объективную необходимость совершить действие, аналогий в современных языках нет. Ее можно сопоставить с древней модальной формой возможности на *-гу тэг*. В тувинском и хакасском языках из этой формы развилось будущее предположительное причастие *-гадаг*, *-гыдаг*. Тофаларская модальная форма имитатива на *-ксы бол=* не имеет аналогий в тюркских языках.

Сравнение причастий показало, что причастия прошедшего и будущего времен (*-кан* и *-ар*) являются общетюркскими. Собственно тофаларским в данном регионе выступает причастие настоящего времени на *-у (-ы)* напр., тоф. *туру* «стоящий», *олыры* «сидящий». Тувинский язык по составу причастий стоит ближе к хакасскому языку и оба эти языка в данном отношении отличаются от тофаларского. Ср. причастия на *-ыган*, *-аачы*, *-кчы*, *-калак*, *-гыдаг* в тувинском языке и на *-иган*, *-чатхан*, *-дарган*, *-халах*, *-чаң*, *-гадаг* в хакасском, отсутствующие в тофаларском.

Деепричастия в тофаларском языке носят в целом общетюркский характер. Специфичным здесь является сопроводительное деепричастие на *-бышааңга*, имеющее аналогию лишь в тувинском *-бышаан*. Хотя в хакасском и представлено подобное по значению деепричастие, но его показателем выступает *-абас*. В то же время тофаларский язык отличается от тувинского и хакасского языков аффиксом деепричастия предела *-кыша* (ср. кирг. *-гыча*, уйг. *-гичэ*), которому в этих языках соответствуют тув. *-кала*, хак. *-хала*. В хакасском отсутствует тофаларское и тувинское прошедшее деепричастие на *-каш*. Сравнение показало, что система тофаларских деепричастий складывалась на общетюркской основе самостоятельно.

Сравнительный анализ системы времен индикатива показал, что она в каждом из этих трех сравниваемых языков имеет свои особенности, отличающиеся друг от друга. Так, тофаларский язык имеет будущее предположительное на *-гай*, в других же языках это показатель только желательного наклонения. Тувинский развил будущее ожидаемое на *-галах*, в то время как в хакасском *-халах* – это показатель прошедшего времени не осуществленного действия. Кроме того, хакасский язык развил свои специфичные формы: прошедшее обычное на *-чаң*, прошедшее определенное на *-чатхан* и отрицательную форму настоящего времени на *-ар чогул*. Специфически тофаларской и тувинской является форма настоящего продолженного времени с показателями: тоф. *-бышааңга*, тув. *-бышаан*. В тофаларском языке нет тувинской и хакасской формы прошедшего повествовательного на *-нтыр*. В то же время во всех этих трех языках представлены общетюркские формы *-адыр*, *-ыт тур=*, *-ды*, *-ган*, *-ар (-бас)*, что их объединяет. Но специфичной формой,

тоже объединяющей лишь эти три языка, является форма прошедшего времени на *-чык* (хак. *-чых*), отсутствующая в других сибирских тюркских языках. Восходит она, видимо, к древнеуйгурской аналогичной форме на *-йук*. Таким образом, и система форм индикатива тофаларского языка показывает свою самостоятельность.

Косвенные наклонения в тофаларском языке основаны в целом на общетюркских показателях *-гай*, *-да*, *-са*, *-ар*, частице *та*. Спецификой тофаларского языка является показатель желательного наклонения *-сэиг*, не имеющий нигде аналогий и, возможно, сложившийся в самом тофаларском языке из *-са иик*. Специфична также аналитическая форма условного наклонения *-ды(-м, -ң, -быс, -ңар) эрсе* «если я (ты, мы, вы) приду», аналогичная древнеуйгурской *-дым эрсе* и употребляемая в тофаларском в 1-м и 2-м лицах обоих чисел. Эту тофаларскую форму напоминают западнотувинская *-дым изе* и центрально-тувинская *-зымза*. В тоджинском же диалекте представлен афф. *-са* для всех лиц. Показатель сослагательного наклонения аналогичен тувинскому, ср. напр., тоф. *алыр иик мен* – тув. *алыр ийик мен* «взял бы я».

Сравнение форм словообразования и словоизменения показало, таким образом, что сложение их происходило в тофаларском языке самостоятельно на общетюркской основе, хотя и имеются некоторые общности то с тувинским языком, то с хакасским. Все же по ряду признаков тофаларский язык в отношении этих форм стоит ближе к тувинскому языку, сохраняя в то же время своеобразие и отдельные архаичные черты.

Общий сравнительный анализ выявленных систем фонем, словообразования и словоизменения тофаларского языка, подкрепленный данными сравнительного исследования лексики, полученными нами ранее [Рассадин 1971, с. 71-147], позволил определить, что строй тофаларского языка свидетельствует о его самостоятельности. Об этом же говорят и факты экстралингвистического характера, к которым относятся, например, такие, как осознание тофаларами себя как самостоятельного народа со своим языком, своей территорией, своим типом хозяйства и самобытной культурой, хотя и схожей в ряде черт с культурами других сибирских народов. Хотя их язык в некотором отношении и близок к тувинскому, но взаимопонимание между тофами и тувинцами, даже тоджинцами, затруднено, о чем свидетельствуют как сами тофы, бывавшие в Туве, так и тувинцы, приезжавшие в тофаларские села и общавшиеся с тофами.

Можно предположить, что имеющаяся близость между тофаларским и тувинским языками, а также, судя по фонетике, и уйгуро-уряньхайским является следствием того, что эти языки образовались за счет обособления и длительного самостоятельного развития осколков распавшегося некогда их единого языка-предка. Сейчас эти три языка сохраняют ряд общих черт в строе, позволяющих объединить их в одну подгруппу на правах самостоятельных языков, которую мы предлагаем назвать саянской. Эта подгруппа сосуществует с другими подгруппами сибирских тюркских языков – хакасской и якутской. Уйгуро-тукуюскую подгруппу древних тюркских языков (принимая классификацию Н.А. Баскакова) следует выделять как самостоятельную и не сливать с саянской, поскольку классификация древних языков должна быть иной. Все эти подгруппы самостоятельно входят в уйгуро-огузскую группу восточно-хуннской ветви тюркских языков.

Библиография

1. Болд Лувсандоржийн. Особенности уйгуро-уряньхайского языка // Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Батор, 1978.
2. Дульзон А.П. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям // Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та. Т. XIX. 1961.
3. Рассадина В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
4. Тенишев Э.Р. Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу // Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. III. Баку, 1963.
5. Kalużyński St. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961.

(Из автореферата докторской диссертации. М.: Институт языкознания АН СССР, 1982. С. 18-34.)

О ТОФАЛАРСКОЙ ЛЕКСИКЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ПОЕЗДКИ К ТОФАЛАРАМ)

В недавнем прошлом тофалары – охотники и оленеводы – вели кочевой образ жизни; их кочевья охватывали обширные таежные пространства по северному склону восточных Саян, в верховьях рек Уды, Бирюсы, Кана, Гутары, Ии и отчасти по верховьям левых притоков реки Оки. В настоящее время в хозяйстве и быте тофаларов произошли коренные изменения. Еще в 1932 году был завершен переход тофаларов к оседлости. Сейчас они проживают в селениях Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара, которые входят в Нижнеудинский район Иркутской области. Эти селения – современные новые поселки – являются центрами 3-х колхозов, объединяющих тофаларов. В русской дореволюционной литературе, в советской литературе довоенного времени, а в зарубежных изданиях до сих пор широко распространено название карагасы (1). Под этим названием этот народ и был известен. И только в последнее время все большее распространение в советской литературе получило название тофалары.

Самоназвание тофаларов – *тофа* (*tofa*) – восходит к древнему племенному названию *дубо-туба*, которое сохранилось также в родоплеменных названиях тувинцев, шорцев, у хакасов и алтайцев. Тофалары представляют собой малочисленную тюркоязычную этнографическую группу, насчитывающую около 560 человек (по данным переписи 1959 года). Они являются потомками населения, входившего в XVII в. в 5 административных улусов «Удинской земли» Красноярского уезда: Карагасский (род Сарыг-Каш), Кангатский (род Каш), Югдинский (род Карачогду), Манжирский (род Чептей), Сильпигурский (род Чогду или Ак-Чогду) (2). В настоящее время тофалары помнят свою принадлежность к одному из 5 родов: *sary-hā:š*, *hā:š*, *qara-joydy*, *čoydu*, *čeptej* (3).

По языку и родовому составу тофалары близки к тувинцам-олeneводам, своим южным соседям, известным также под названием тувинцы-тоджинцы. Различия в их исторической судьбе обусловили те отличия, которые существуют между тофаларами и тувинцами-тоджинцами. Начиная с XVII века, когда в районе расселения тофаларов был построен на р. Уде Покровский острог (1648 г.), тофалары вступили в общение с русскими и испытали их заметное влияние, тогда как тувинцы-тоджинцы оставались под властью маньчжурских чиновников и почти не общались с русскими.

Тофалары в прошлом не имели своей письменности, нет её и в настоящее время, однако их язык давно уже привлекал внимание исследователей. Начало его изучению положил М.А. Кастрен (4).

В 1890 году Н.Ф. Катанов совершил поездку к тофаларам, материалы поездки были опубликованы Радловым В.В. (5). В своем капитальном труде «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главных родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» [Казань 1903], Н.Ф. Катанов использует также материалы и по тофаларскому языку. В советское время тофаларским языком занималась Н.П. Дыренкова, написавшая небольшой грамматический очерк (6). Несмотря на наличие этих работ, язык тофаларов остается пока мало изученным. Такое состояние объясняется отчасти труднодоступностью района расселения тофаларов в прошлом.

Тофалары длительное время жили вне тесных контактов с тюркоязычным миром и сохранили в своем языке многие архаичные черты. Исследование этого языка имеет большое значение для сравнительно-исторического изучения тюркских языков.

Летом 1964 года Отделом гуманитарных исследований Института экономики СО АН СССР была организована лингвистическая экспедиция, ставившая своей целью и задачей сбор материалов по языку и фольклору народов Сибири. Автор принимал участие в Саянском отряде этой экспедиции и проводил сбор материалов по лексике тофаларского языка с целью изучения словарного состава.

По своим классификационным признакам и, в частности, по характерному для тюркских языков соответствию согласных *ñ – ð / t – ʒ / c – p* в середине и в конца слов тофаларский язык относится вместе с древними тюркскими языками (уйгурским, тукуюским, языком орхоно-енисейских памятников) и современным тувинским языком к уйгуро-тукуюской подгруппе (или д-подгруппе) северо-восточной, или уйгурской, группы тюркских языков (7).

Предварительный анализ собранных автором материалов по лексике тофаларского языка показывает наличие значительного количества слов, близких древнетюркским. Аналогичное явление наблюдается ещё в якутском и тувинском языках. В других тюркских языках эти слова бытуют в несколько ином фонетическом оформлении. Но есть ряд слов, сохраняющих свою древнюю фор-

му в тофаларском языке. Напр.: др.-тюрк. *amtī* «теперь, сейчас» (8) в тофаларском сохранилось в форме *амды* «теперь, сейчас», в тувинском же в форме *ам* «теперь, сейчас».

Сравним ниже некоторые тофаларские слова с древнетюркскими и тувинскими:

тоф.	др.-тюрк.	тув.
<i>alyt</i> «лицо; склон горы»	<i>alın</i> «лоб»	<i>арын</i> «лицо»
<i>амды</i> «теперь»	<i>amtī</i> «теперь»	<i>ам</i> «теперь»
<i>ындыу</i> «такой, так»	<i>anday</i> «такой»	<i>ындыг</i> «такой, так»
<i>bedik</i> «высокий»	<i>bādük</i> «высокий»	<i>бедик</i> «высокий»
<i>bod</i> «сам», «тело»	<i>bod</i> «тело»	<i>бот</i> «сам»
<i>ыд=</i> «посылать»	<i>id=</i> «посылать»	<i>ыт=</i> «посылать»
<i>qabaq</i> «брови»	<i>qabaq</i> «веко»	<i>хавак</i> «лоб»
<i>сарыу</i> «торговля»	<i>satıy</i> «торговля»	<i>садыг</i> «торговля»
<i>ötügen</i>	<i>ötükän</i>	—
«широкая долина на гольцах, где летом пасутся олени»	«горы возле Орхона, может быть часть Хангая»	
<i>тарыу</i> «любое культурное, прочное»	<i>tarıy</i> «урожай, зерно»	<i>тара</i> «зерно, злак»
<i>qatıy</i> «твердый, прочный»	<i>qatıy</i> «твердый, прочный»	<i>кадыг</i> «твердый, прочный»
<i>tyt</i> «лиственница»	<i>tīt</i> «лиственница»	<i>дыт</i> «лиственница»
<i>öl</i> «сырой, мокрый»	<i>öl</i> «сырой, мокрый»	<i>өл</i> «сырой, мокрый»
<i>оруq</i> «дорога»	<i>оруq</i> «дорога»	<i>орук</i> «дорога»
<i>idiş</i> «посуда»	<i>idiş</i> «посудина»	<i>идиш</i> «кадка деревянная»

Количество примеров может быть увеличено, но и эти немногие достаточно убедительно иллюстрируют наличие в тофаларском языке большого пласта древнетюркской лексики, причем по различным семантическим группам.

В силу исторических условий тофалары уже в XVII веке столкнулись с русской культурой и русским языком, а с монголоязычными племенами они имели хозяйственные и торговые связи значительно раньше. У бурят тофалары покупали продукты ремесленного производства, необходимые им в их охотничье-оленьеводческом кочевом хозяйстве. Этими изделиями были войлок, овчинные шубы, кожи, седла для верховой езды на оленях и т.п. Через Бурятию и Монголию к тофаларам пришли и сделались предметами первой необходимости чай, табак и китайская бумажная ткань «далемба». От русских позднее пришло много новых хозяйственных предметов и продуктов – хлеб (мука), дешевый листовый табак, новое огнестрельное оружие, ткани. Всё это не могло не найти отражения в языке тофаларов. Вместе с новыми вещами появлялись и новые слова, называвшие их.

Попытаемся кратко рассмотреть некоторые семантические группы лексики тофаларского языка, чтобы получить представление о том, в какой степени сохранились исконно тюркские слова, и насколько глубоко и широко проникли иноязычные лексические элементы. Для анализа возьмем семантические группы лексики, отражающие наиболее характерные особенности хозяйственной деятельности, а также группы, представляющие собой названия частей тела и животных, названия металлов и другие.

Основное занятие тофаларов – охотничий промысел и оленеводство – обусловило появление в языке большого количества слов для дифференцированного названия различных возрастно-половых групп домашних оленей и промысловых животных.

Начнем с оленеводческой терминологии, которая, кроме тофаларского, представлена ещё лишь в немногих тюркских языках. Общее название домашнего оленя в тофаларском языке – *ibi* (*ibi*). Это слово есть ещё только в тувинском языке, звучит также – *«ibi»*. Имеются попытки этимологизации слова *ibi*. Например, А.М. Щербак возводит его к слову *ibik*, зафиксированному в словаре Махмуда Кашгарского в значении «дикий зверь, живущий в степях», а в словаре Ибн-Муханны – «олень, лань» (9).

В тофаларском языке для названия возрастно-половых групп домашних оленей употребляются следующие слова:

<i>аьһај</i>	«общее название теленка оленя до 1 года»
	(ср. тув. <i>анай</i> «козленок до 1 года», <i>иви анайы</i> «оленьенок»).
<i>һо:һај</i>	«бычок оленя от 1 года до 2 лет», (возможно от <i>qı:</i> «серый» + <i>аьһај</i>).

<i>qu:daɟ</i>	«кастрированный бык для вьючного транспорта» (возможно от <i>qu:</i> + <i>daɟ</i> , ср. баш. <i>тай</i> «жеребенок 2-х лет»; ср. тув. <i>куудай</i> «кастрированный бык оленя»).
<i>tunduɣʒaq</i>	«нетель от 2 до 3 лет» (возможно от <i>tundu</i> + <i>ɣʒaq</i> , где <i>-ɣʒaq</i> уменьшительный суффикс. Ср. тув. <i>мынды</i> «самка оленя»).
<i>er aɣnhaj</i>	«бычок от 1 года» (<i>er</i> «мужчина; самец животного»).
<i>epʃe aɣnhaj</i>	«телка до 1 года» (<i>epʃe</i> «женщина; самка животного»).
<i>ɣeʃ munduɣʒaq</i>	«нетель от 1 до 2 лет» (<i>ɣeʃ</i> «молодой»).
<i>ɣeʃ aɣnhaj</i>	«бычок от 1 до 2 лет».
<i>ɣeʃ qu:daɟ</i>	«бычок в возрасте между 2-м и 3-м годом».
<i>ɟarɣy</i>	«кастрированный, обученный ездовой олень» (ср. тув. <i>чары</i> «олень-производитель»; монг. <i>шар</i> «вол»).
<i>eter ɟarɣy</i>	«бык-производитель» (<i>eter</i> «кричать»).
<i>iŋgen</i>	«важенка» (ср. тув. <i>эңгин</i> «верблюдица», каз. <i>иңген</i> «верблюдица», монг. <i>ингэ(н)</i> «верблюдица»).
<i>aŋ ibi</i>	«одичавший домашний олень» (<i>aŋ</i> «дикий зверь; дикий»).

Не менее разветвленную сеть имеют названия и промысловых копытных животных. Например:

<i>sarɣy-aŋ</i>	«общее название изюбра» («букв. <i>sarɣy</i> «желтый» + <i>aŋ</i> «зверь»).
<i>myɣʒaq</i>	«взрослая самка изюбра» (ср. тув. <i>мыйгак</i> «самка марала», др.-тюрк. <i>tiɣʒaq</i> «самка марала»).
<i>ɣeʃ toʃ</i>	«теленка изюбра до 1 года» (ср. тув. <i>тош</i> «годовалый марал самец; лось»).
<i>ɣyr toʃ</i>	«бычок изюбра по 2-му году» (ср. башк. <i>кур мал</i> «фондовое поголовье», <i>кур</i> «фонд, запас»; тув. <i>кур</i> «запасной, резервный»).
<i>sarɣha:daq</i>	«телка изюбра по 2-му году» (ср. тув. <i>сарадак</i> «годовалый марал»).
<i>ɟölögö</i>	«взрослый бык изюбра» (этимология не ясна).
<i>uluɣ-aŋ</i>	«общее название лося» (букв. <i>uluɣ</i> «большой» + <i>aŋ</i> «зверь»).
<i>iniɣ</i>	«взрослая самка лося» (ср. <i>inek</i> «корова»).
<i>das</i>	«взрослый бык, лось».
<i>aq-aŋ</i>	«общее название дикого северного оленя» (букв. <i>aq</i> «белый» + <i>aŋ</i> «зверь»).
<i>doŋɣhor</i>	«дикий бык, олень» (ср. тув. <i>доңгур</i> «годовалый олень самец и самка»).
<i>iŋgen aŋ</i>	«самка дикого северного оленя».
<i>ʃubaraʃ</i>	«общее название кабарги» (ср. монг. <i>доорго</i> «барсук»).
<i>ʃubar-o:l</i>	«детеныш кабарги от 1 до 2 лет».
<i>eʃki</i>	«взрослая самка кабарги» (ср. монг. <i>шинг</i> , бур. <i>эишэгэ(н)</i> «козленок»).

Пушные промысловые звери также имеют возрастно-половые названия. Например:

<i>alɖy</i>	«общее название соболя».
<i>e:ʃ</i>	«самка соболя».
<i>biʃe-e:ʃ</i>	«молодая самка соболя» (букв. <i>biʃe</i> «маленький, -ая» + <i>e:ʃ</i> «самка соболя»).
<i>iɣrhek</i>	«самец соболя» (ср. башк. <i>иркэк</i> «самец у млекопитающих», каз. <i>еркек</i> «самец»).
<i>biʃe-iɣrhek</i>	«молодой самец».
<i>dɪ:ŋ</i>	«общее название белки».
<i>er dɪ:ŋ</i>	«самец белки».
<i>epʃi-dɪ:ŋ</i>	«самка белки».

Кроме того, пушные звери имеют и свои особые, табунистические названия, что исторически связано с древними верованиями тофаларов. Особенно большим количеством табуизмов наделен медведь. В языке уже утрачено общетюркское слово для названия медведя и вместо него упот-

реблюются только табуизмы – *irezan* букв. «дядя-зверь», *čorhanıy-aŋ* букв. «зверь с одеялом», *qaŋhırarlıy-aŋ* букв. «зверь с салом» и ряд других. Для названия соболя имеются следующие табуизмы – *čaraŋzaŋ* букв. «маленький зверек», *uluŋ-di:ŋ* букв. «большая белка». Для белки – *syq:ırar* «цокающая», *čaraš-di:ŋ* букв. «маленькая белка». Для волка – *quduruqtuı* «хвостатый». Аналогичное явление наблюдается и в других тюркских языках, например, в якутском, долганском, тувинском. Медведя якуты называют *эһэ* «дедушка» и десятками других названий, волка долгане называют *кутуруктмах* «хвостатый», а тувинцы соболя называют *чараи аң* «красивый зверек».

Хотя тофалары никогда ранее не имели ни коров, ни лошадей, ни овец, тем не менее в их языке есть слова, называющие данных животных также по возрастно-половым группам. Например:

<i>aŋt</i>	«лошадь (общее название)»
<i>asqır-aŋt</i>	«жеребец»
<i>be:</i>	«кобылица»
<i>hulun</i>	«жеребенок»
<i>üre:</i>	«молодая лошадь по 3-му году»
<i>inek</i>	«корова»
<i>buŋa</i>	«бык»
<i>tuŋul</i>	«теленоч (устаревшее слово, часто заменяется словом <i>aŋnhaj</i>)»
<i>hoqaš</i>	«теленоч до 1 года»
<i>munduŋzaq</i>	«нетель»
<i>hoj</i>	«овца»
<i>hurayan</i>	«ягненок»

Как видно из примеров, большинство этих слов имеется и в других языках. Кроме того, ряд терминов имеет прямую связь с монгольскими языками. Это слова: *tuŋul* «теленоч» (ср. монг., бур. *тугал* «теленоч»), *hurayan* «ягненок» (ср. монг. *хурга(н)*, бур. *хуриган* «ягненок»), *üre:* «лошадь 3-х лет» (ср. монг. *үрээ* «лошадь 3-х, 4-х лет», бур. *үреэ* «лошадь 3-х, 4-х лет»).

Если рассмотреть термины орудий охоты:

<i>ča</i>	«лук» (ср. тув. <i>ча</i> , башк. <i>йәйә</i> , тат. <i>жәя</i> «лук», як. <i>саа</i> «ружье», др.-тюрк. <i>ja</i> «лук»)
<i>aŋa</i>	«самострел» (ср. тув. <i>ая</i> , як. <i>айа</i> «самострел»)
<i>kiriš</i>	«тетива» (ср. башк., тат. <i>кереш</i> , тув. <i>кириш</i> «тетива»)
<i>soŋun</i>	«стрела» (ср. тув. <i>согун</i> «стрела»)
<i>bo:</i>	«ружье» (ср. тув. <i>боо</i> , монг., бур. <i>буу</i> «ружье»)
<i>karabi:n</i>	«карабин»
<i>to:sqa</i>	«малокалиберная винтовка» (ср. областное русское слово <i>то'ска</i> , <i>тозовка</i> «малокалиберная винтовка»)
<i>hara:l</i>	«прицельное приспособление ружья» (ср. тув., монг., бур. <i>хараал</i> «прицел»)
<i>patro:n</i>	«патрон»
<i>oŋq</i>	«пуля» (ср. тув. <i>ок</i> «пуля», башк., тат. <i>ук</i> «стрела, пуля», др.-тюрк. <i>ok</i> «стрела»)
<i>darı</i>	«порох» (ср. тув., башк., тат. <i>дары</i> , каз. <i>дәрі</i> , монг. <i>дарь</i> , бур. <i>дари</i> «порох»)
<i>dro:bi</i>	«дробь»,

то оказывается, что многие термины для названия огнестрельного оружия заимствованы из русского языка. Названия же ружья, прицела, пороха являются тоже заимствованиями, но из других языков. Название ружья пришло в тофаларский язык, видимо, из тувинского, в который оно пришло из монгольского *буу* (произносится «*бо:*»), в монгольский оно пришло из маньчжурского ... *поо* «пушка, баллиста». Название прицела с названием ружья пришло через тувинский язык из монгольского. А персидское слово для названия пороха проникло как в тюркские, так и в монгольские языки. К тофаларам оно пришло вместе с названием ружья.

Земледелие, сенокосение и другие сельскохозяйственные работы появились у тофаларов сравнительно недавно, после перехода их на оседлость. Посмотрим, как это отразилось в лексике:

<i>darı=</i>	«сеять» (ср. тув. <i>тары</i> = «сеять, сажать», др.-тюрк. <i>tari</i> = «возделывать землю», монг., бур. <i>тари</i> = «сеять»)
<i>darıy</i>	«злаковые культурные растения» (ср. др.-тюрк. <i>tariŋ</i>)

	«урожай, жатва»)
<i>dara:</i>	«хлебные посевы на корню» (ср. тув. <i>тараа</i> «хлеб, зерно; злак», монг. <i>тариа</i> , бур. <i>таряа</i> «посевы»)
<i>horto:pqa</i>	«картофель» (ср. бур. <i>хартаабха</i> «картофель»)
<i>olurt=</i>	«сажать (картофель)»
<i>qas=</i>	«копать (картофель)»
<i>keʷs=</i>	«собирать (посевы)»
<i>haḥžu:r</i>	«коса» (ср. бур. <i>хажуур</i> «коса», монг. <i>хадуур</i> «коса»)
<i>lito:βke</i>	«коса» (ср. русск. <i>литовка</i>)
<i>βi:le</i>	«вилы»
<i>saro:t</i>	«стог» (ср. областное русск. <i>зарод</i> «стог, скирда»)
<i>kök</i>	«сено, трава» (ср. монг. <i>ногоо</i> «зеленый; зелень, овощи, трава», хак. <i>көк</i> «зелень, трава; зеленый»)
<i>dara: geʷser</i>	«серп» (букв. «железина для
<i>demir</i>	срезания посевов»).

Как видно, язык использовал для называния новых реалий в памяти народа древнетюркские слова, так и заимствования из русского и бурятского языков, кальки и описательные названия.

У тофаларов не было своего ремесленного производства, связанного с добычей и обработкой металлов. Орудия из металлов приобретали в готовом виде посредством торгового обмена. Так что с различными металлами тофалары сталкивались в виде готовых изделий. Посмотрим, какое отражение это получило в языке.

demir «железо». Слово это общетюркское. Ср. др.-тюрк. *tāmir*, тат. башк. *тимер*, каз., кирг. *темир*, азерб. *демир* и др. Имеется оно и в монгольских языках, правда в несколько иной форме – монг. *төмөр*, калм. *төмр*, бур. *түмэр*;

bolat «сталь». Слово имеется в других тюркских языках в форме *болат*, *булат* и в монгольских языках в форме *болд*, *булад*. Это персидское слово ... «пулад» усвоено тюркскими и монгольскими языками давно и сейчас невозможно сказать, пришло оно к тофаларам от монголов, или сохраняется как тюркское заимствование из персидского языка;

ḥžes «красная медь». Это слово имеется в других тюркских языках в форме *жез*, *ез*, правда, со значением «желтая медь, латунь». В тувинском же языке *чес* означает «красная медь». В монгольском языке тоже имеется слово *зэс* со значением «красная медь». В бурятском – *зэд* «красная медь». Возможно, это слово относится к разряду так называемой тюрко-монгольской лексики;

qu:li «желтая медь, латунь». Это слово пришло к тофаларам от бурят, т.к. в бурятском языке желтая медь называется *гуули*, произносится «*qu:li*». В монгольском же языке – *гууль* произносится «*qo:l*». Тувинское *хола* «желтая медь, латунь» ближе по произношению к монгольскому слову;

hüler «бронза». Это слово имеется в тувинском языке в форме *хүлер* со значением «бронза», и в монгольском языке в форме *хүрэл*. В бурятском языке оно отсутствует. В тофаларский язык оно пришло, вероятно, из монгольского через тувинский;

mönggün «серебро». В тофаларский язык это слово проникло из бурятского языка, в котором серебро называется *мүнгэн*. В монгольском же языке серебро называется *мөнгө(н)*, к нему по произношению ближе тувинское слово *мөңгүн* «серебро»;

altan «золото». Это слово имеется как во всех тюркских, так и в монгольских языках. Причем для тюркских языков характерна форма *алтын*, ср. др.-тюрк. *altın*, тув. *алдын*, а для монгольских языков – монг. *алт(ан)*, калм. *алтн*, бур. *алтан*. Тофаларская форма ближе к монгольской. Возможно, это внешнее совпадение произошло в результате смены узкого гласного на широкий в слове **altyn* → *altan* в тофаларском языке. Аналогичное явление наблюдается в якутском языке, где есть слово *алтан* «медь», возникшее из *алтын* «золото» (смена значения в пределах одного семантического поля);

qoryolḥžin «свинец». Это слово явно монгольское, т.к. в монгольском языке свинец называется *хорголж(ин)*, произносится «*qoryolḥžin*», а тофаларское произношение этого слова идентично монгольскому. В тувинском языке свинец называется *коргулчун*, в бурятском языке это слово отсутствует, там свинец называется *туулга(н)*.

Краткий анализ названий металлов в тофаларском языке показывает, что с некоторыми металлами тофалары знакомились через бурят, с некоторыми через монголов, сохраняя в то же время в своем языке исконно тюркские названия ряда металлов.

До сих пор речь шла о семантических группах, в которых возможны заимствования. Теперь обратимся к названиям различных частей тела человека и животных, так как данная семантическая группа менее всего подвержена иноязычному лексическому влиянию. Это подтверждается и в тофаларском языке, в котором большинство частей тела имеет общетюркские названия, за исключением некоторых заимствованных и имеющих неясную этимологию. Это относится, например, к слову *hā:j* «нос, клюв, морда некоторых животных», которое имеется ещё в тувинском языке, правда, в другом немного звучании: «ка:ʃ» и этимология которого не ясна.

Общетюркскими являются названия основных частей тела:

baʃʃ «голова», *möen* «шея», *bod* «тело», *but* «нога», *qol* «рука», *döʃ* «грудь», *o:rha* «спина», *tiʃiq* «копыто», *haryn* «лопатка», *hyryn* «желудок», *toʃriq* «коленная чашечка», *sö:k* «кость» и т.п. Тофаларский язык имеет четко и подробно разработанную систему для названия всевозможных частей живого организма. Например, части кожи имеют следующие названия: *keʃʃ* «кожа; шкура (общее название)»; *qyrtyʃ* «мездра», *keʃʃ* «средняя часть кожи», *hörösön* «внешняя часть кожи» (ср. монг. *xөрс(өн)* «верхний слой почвы»). Дифференцированы названия волос: *tük* «волос на коже», *hyl* «конский волос», *heʃʃ* «волосы на голове у человека».

Из краткого предварительного анализа приведенных ниже некоторых семантических групп слов можно видеть, что они весьма неоднородны по своему составу: имеются слова общие как для всех современных, так и древних тюркских языков; имеются заимствования из соседних языков – русского, бурятского и монгольского, и калькированные названия, а также слова неизвестной этимологии, – возможно, остатки дотюркского субстрата. Характер заимствований и калек определяется тем, откуда и когда проникали к тофаларам те или иные виды хозяйственной деятельности и орудия производства, связанные с ними. Так, названия огнестрельного оружия и боеприпасов, названия металлов в большинстве своем заимствования. В новых видах хозяйственной деятельности – сельхозработах и животноводстве – также множество заимствований и калек, наряду с сохранением древнетюркской лексики. Названия же домашнего оленя, всевозможных промысловых животных и названий частей тела человека и животных представлены широко и многообразно, среди них почти нет заимствований, но имеются слова неизвестной этимологии, описательные и табуистические названия.

Таким образом, краткий анализ некоторых семантических групп слов тофаларского языка показывает своеобразие лексики этого языка, отразившей весь путь исторического развития народа, его хозяйственную деятельность и взаимоотношения с различными соседними народами.

Дальнейшее, более подробное изучение лексики тофаларского языка с опорой на фонетические отношения, пока еще не установленные, позволит получить более четкую картину ее развития.

Примечания

1. Das Sojonische und Karagassische von Karl Menges. Philologicae turcicae fundamenta. 1959. t. I.
2. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, стр. 252, 254.
3. Транскрипции по Л.В. Щербе.
4. Castrén M.A. Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre. St.-Pb. 1857.
5. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Часть IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. СПб., 1907.
6. Дыренкова Н.П. Тофаларский язык. Сб. «Тюркологические исследования». М.–Л., 1963.
7. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962, стр. 280, 311.
8. Древнетюркские примеры взяты из глоссария книги «Altürkische Grammatik von A. Gabain». Leipzig, 1950.
9. Щербак А.М. Названия домашних и диких животных. Сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 134.

(Исследования по языку и фольклору. Новосибирск, 1965. Вып. I. С. 171-183).

АНТРОПОНИМЫ У ТОФАЛАРОВ

Как уже ранее нами сообщалось (1), современные тофалары представляют собой небольшую тюркоязычную народность численностью немногим более 500 человек (по данной переписи 1959 г.). Живут они оседло в трех селах: Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара, которые административно входят в Нижнеудинский район Иркутской области. Географически это северные склоны Восточного Саяна, бассейны рек Бирюсы, Уды, Гутары, Ии, отчасти Оки. Работая в коопзверопромхозе, тофалары сохраняют традиционные занятия – оленеводство выючно-транспортного направления и пушной промысел, попутно занимаются добычей кедрового ореха. Раньше они вели кочевой образ жизни. Причем кочевание носило сезонный характер: летом со стадами оленей находились в гольцовой зоне, где много ягеля, встречаются участки вечных снегов и нет докучливой мошки, а на зиму спускались ниже, в зону тайги, где вели промысел. Кочевали обычно на той территории, которая была закреплена за тем или иным родом. К моменту революции у тофаларов имелось 5 родов: *һайиш*, *сары-һайиш*, *чогды*, *кара-һогды* (*кара-чогды*) и *ченгэй*. По свидетельству стариков у них был еще род *кара-һайиш*, который вымер во время эпидемии до революции, и который дал основание царской администрации называть всех тофаларов карагасами (искаженно от *кара-һайиш*). Кочевья тофаларских родов соседствовали с поселениями русских крестьян и с улусами нижнеудинских, тулунских и окинских бурят. Тесному и постоянному общению с тувинцами-тоджинцами, которые населяют юго-западные склоны Восточного Саяна, препятствовал сам хребет, отдельные вершины которого в этом месте едва не достигают 3000 метров над уровнем моря. Постоянные же контакты у тофаларов были лишь с русскими и бурятами, что обуславливалось географическим положением территории обитания тофаларов, а также социально-экономическими причинами. Эти контакты нашли свое отражение и в языке тофаларов в виде большого количества русских и бурятских заимствованных слов, а также в развитии тофаларско-русского двуязычия (2), которое окрепло и стало массовым после перехода на оседлость (3). Сейчас сохранились только немногие старики, владеющие бурятским разговорным языком в его нижнеудинской или окинской диалектной форме (4).

Хотя тофаларами и их языком ученые начали интересоваться давно (5), однако и по настоящее время очень многие аспекты как языка, так и их истории и этнографии не только не изучены, но и даже не описаны достаточно полно. Рядом же моментов вообще никто до сих пор не касался. Тофаларские антропонимы как раз и являются таким «обойденным» вниманием исследователей фактом языка.

Во время полевых записей тофаларского языка с 1964 по 1974 гг. включительно мы обращали внимание на антропонимику тофаларов. Накопленный материал уже сейчас позволяет нам специально заняться этим вопросом и сделать некоторые обобщения.

Из истории известно, что общение тофаларов с русскими началось с XVII в., когда на реке Уде, по соседству с кочевьями тофаларов был построен в 1648 году Удинский острог (ныне г. Нижнеудинск). Тофалары, став подданными российского царя, стали платить ясак пушминой. Позднее они были обращены в христианство. При крещении каждый получал, разумеется, новое, христианское, в данном случае, русское имя. А как обстояло дело с их исконными традиционными именами? Задавшись целью получить ответ на этот вопрос, мы выясняли у тофов старшего в основном поколения, не помнят ли они своих прежних тофаларских имен. Оказалось, что, хотя поголовно все тофы, независимо от возраста, имеют сейчас русские имена и отчества, сохраняя во многих случаях еще свои традиционные фамилии, большинство из них, особенно лица старших возрастов, известны в бытовом общении под другим именем, по происхождению тофаларским. Например: Изотова Анна Даниловна (село Верхняя Гутара) имеет тофаларское имя *Чарачж-уруг*, Амостаева Екатерина Михайловна (село Алыгджер) – *Һоттайанг*, Баканаев Николай Сергеевич (село Алыгджер) – *Һөөрүк*, Баканаев Иван Сергеевич (ныне покойный, с. Алыгджер) – *Һугу*. Таким образом, традиция называния человека своим национальным именем в какой-то мере у тофаларов пока еще сохраняется. Официально же каждый имеет русское имя и отчество. Аналогичная картина отмечается у всех малых народов, принявших в свое время христианство, например, у нижнеудинских бурят (6), эвенков (7), эвенов, юкагиров (9), нанайцев (10), якутов (11), удмуртов (12) и т.д. Свои национальные имена оказываются народу привычнее. Поддерживается это еще и тем, что у тофаларов как правило свои имена не повторяются, каждый имеет по сути дела уникальное имя. Но это касается только плана синхронии. Такое положение возможно лишь у таких немногочисленных народов, каковыми являются тофалары. Уникальность имени создает известные удобства. Например, когда в разговоре упоминается имя *Сыынай*, все знают, что речь идет о

Егоре Семеновиче Андалаеве, живущем в селе Алыгджер, и ни о ком ином. Официально же имя Егор может иметь любой другой человек.

По сообщениям стариков раньше свои имена были в большем ходу, чем сейчас. Нынешняя молодежь, как правило, не имеет своего тофаларского имени. Поэтому традиция двойных имен, можно сказать, изживает себя. Пожилые же тофы и сейчас имеют в бытовом общении свои полные старинные имена типа *Сыынай Бардай оглу* (т.е. Сыынай, сын Бардая) (Андалаев Егор Семенович) или *Хоттайанг Шыпшыр кызы* (т.е. Хоттаян, дочь Шыпшыра) (Амостаева Екатерина Михайловна). Кроме личного имени и имени отца каждый знал свою патронимию (по-тофаларски *аал*) и свой род (по-тофаларски *нён*). Упоминавшиеся выше пять тофаларских родов *һайиш*, *сары-һайиш*, *чогду*, *кара-һогду* и *чептэй* состояли в свою очередь каждый из патронимий. Так, из распросов стариков, нам удалось установить, что род *һайиш* включал патронимии *Торгой аалы*, *Һүндүмөй аалы*, *Буктурбай аалы*; род *сары-һайиш* – *Сагаан аалы*, *Шуурлар аалы*, *Конзоктар аалы*; род *чогды* – *Амыстай аалы* (или *Уда аалы*, т.к. кочевали по р. Уде), *Коокуй аалы*, *Түүтэй аалы*, *Тобылай аалы*, *Андалай аалы*, *Адамов аалы*, *Киштэй аалы*; род *кара-һогды* – *Һогоо аалы*, *Кыгьсыл аалы* (или *Тайга аалы*), *Мууһай аалы* (или *Эйз аалы*, т.к. кочевали по р. Ие), *Токуй аалы*, *Шипкей аалы*, *Отурум аалы*; род *Чептэй* – *Туулай аалы*, *Кусай аалы*, *Алаштайга аалы*. В каждую патронимию входила одна или несколько фамилий. Так, например, в патронимию *Һогоо аалы* входили Кангараевы (предок *Кангырай*), Баканаевы (предок *Баканай*), Изотовы (предок *Изот*), Арактаевы (предок *Арактай*); в патронимию *Кыгьсыл* (или *Тайга*) *аалы* – Унгуштаевы и Киштеевы (предок *Киштей*); в патронимию *Конзоктар аалы* – Болхоевы (предок *Болһой*), в патронимию *Шуурлар аалы* – Ходогоновы (предок *Һодаган*), в патронимию *Һүндүмөй аалы* – Мамыкеевы (предок *Һүндүмөй*), в патронимию *Түүтэй аалы* – Тутаевы (предок *Түүтэй*), в патронимию *Тобылай аалы* – Тоболлаевы (предок *Тобылай*) и т.д. Как явствует из примеров, тофаларские фамилии содержат в себе имя предка, основателя ее. Были патронимы, включавшие одну фамилию, были такие, которые объединяли несколько фамилий. Браки внутри одной патронимии, так и между патронимиями одного рода были запрещены. Разрешались браки лишь между представителями разных родов. Патронимия (*аал*) имела свой постоянный район кочевок и обитания, так называемую родовую тайгу. Название патронимии состоит, как правило, из имени предка, основателя той или иной фамилии. Иногда патронимия названа по какому-либо географическому признаку. Например, *Кыгьсыл аалы* происходит от слова *кыгьсыл* «теснина, ущелье», т.е., местность, где кочевал этот *аал* изобилует ущельями. Или, например, патронимии *Уда аалы* и *Эйз аалы* получили свои названия потому, что их кочевья были по рекам Уда и Ия. Патронимия *Алаштайга аалы* названа из-за того, что ее члены кочевали в местности, носящей имя *Алаш Тайга* (в бассейне р. Уды).

Аал представлял собой стойбище из нескольких юрт, в которых жили семьи, принадлежавшие обычно к одной фамилии. Но совместно с ними могли быть и юрты, в которых обитали представители других фамилий, могущие принадлежать даже другой патронимии. Так, например, старики вспоминают, что Торгоевы кочевали всегда вместе с Токуевыми и их юрты стояли в одном стойбище. Торгоевы представляют собой патронимию *Торгой аалы* рода *һааиш*, или, как их дразнили члены других родов, *тырык һааиш* (букв. *һааиш* «страдавший запором»), что между прочим ошибочно дало повод этнографам выделять особый род *тырык һааиш*. (13) Токуевы же входят в патронимию *Токуй аалы* рода *кара-һогды*. Совместное кочевание разных патронимий обусловлено уже экономическими причинами, о чем правильно заметил С.И. Вайнштейн (14).

В старину, как вспоминают старики, каждый человек у тофаларов был известен больше под кличкой, которая называлась *шола*. Поскольку существовал особый запрет, согласно которому взрослого человека нельзя было называть прямо по его имени, то называть приходилось или по какой-то кличке, закрепившейся за человеком, или по имени предка, основателя его фамилии (патронимии). Например, Николая Сергеевича Баканаева (с. Алыгджер) называют обычно *Һөөрүк*, что означает «бурундук». Это прозвище получил он с самого детства, когда бурундук, за которым он гонялся, прыгнул на него с дерева, забрался ему под шубу и сильно его поцарапал. Другой человек получил прозвище *Чагьтымай*, потому что любил драться поленом, которое называется *чагьты*. Мужчину по имени *Бабейчжанг* из фамилии Киштеевых из-за обычая запрета на имя называли *Киштей*; мужчину по имени *Эпиимей* из фамилии Буктурбаевых по той же причине звали обычно *Буктурбай*. И *Һөөрүк*, и *Чагьтымай*, и *Киштей*, и *Буктурбай* в данном случае выступают как *шола*. Настоящее имя человека по-тофаларски называется словом *чагьнит ат*, т.е. «тайное, скрытое имя». Это прямо указывает на явление табуирования имени. Если общение происходит между родственниками, то здесь обычно выходят из положения проще, не применяя *шола*. В данном случае идет в ход соответствующая родственная терминология. Например: *таай* –

родня со стороны матери, *бааба* – дедушка по матери, *ире* – дедушка по отцу, *энэ* – прабабушка, *кырган аба* – бабушка, *аъһа* – старший брат, *уба* – старшая сестра, *чээн* – сын или дочь младшей сестры отца, *эзэ* – тетка и т.д. Аналогичное явление отмечается и у тувинцев (15). В прошлом у тофаларов вообще, видимо, было сильно развито явление табу, что было связано с охотничьим промыслом и культовыми представлениями. Нами уже упоминалось, что в связи с этим ряд животных и особенно медведь получили множество подставных иносказательных названий (16). Но вот материал, связанный с антропонимией, показывает, что явление табу было связано и с личным именем человека. Табуированы были, оказывается, также слова «муж», «мужчина», «жена», «женщина». Вместо этих слов употребляли иносказательные названия. Так, например, женщин называли, да и сейчас называют словосочетанием *пылааттыг улус*, что означает «люди в платках», женатого мужчину – *коърһыняктыг* «имеющий жену», или *этичилиг* (с оттенком пренебрежения), жену называли словом *өгдээки* или *өгдээси*, что значит «находящаяся в доме», или *эрлиг* – «имеющая мужа».

В настоящее время, в связи с тем, что все имеют официальное, русское (христианское) по происхождению имя, в качестве вторых, обиходных, по сути дела являющихся по функции *шюла*, выступают тофаларские имена, которые генетически представляют собой как настоящие клички, так и настоящие старинные имена. Сейчас они смешались между собой. Кличка часто становилась именем и воспринимается сейчас по сути дела как второе имя. Таким образом, кличка становится мотивированным именем. В какой-то мере это находит объяснение в самом обычае наречения новорожденного. Особенность его в том, что не всегда ребенку давали имя сразу же после рождения, бывало, что он какое-то время жил без имени. Родители называли мальчика *огдун* «мой сын», а девочку *кызым* «моя дочь», или словом *уруум* «моё дитя». Они могли обходиться так потому, что обычно кочевали небольшими *аалами*, включавшими, как уже отмечалось выше, несколько юрт (три или четыре), а зимой, когда вели пушной промысел, то и вовсе семьи кочевали поодиночке. Имя давали потом или в честь какого-либо почетного гостя, или тот гость давал ребенку какое-либо красивое имя, иногда давали мотивированное имя, в связи с каким-либо событием, случавшимся при рождении ребенка, или по какой-либо черте его характера. Так, например, Ивана Сергеевича Баканаева (с. Алыгджер) называли *Һүгү* «филин» потому, что он, будучи маленьким, сидел, всегда молча, и только вертел во все стороны головой, как сова, и тарашил на всё глаза. Мальчик получил имя *Бораан* «пушистый рыхлый снег», так как он родился осенью в первый снегопад. Одну девочку называли *Эдерһе* (*эдер* = «гоняться, следовать за кем-либо, увязаться за кем-либо») потому, что она очень гонялась за матерью. Мальчика называли *Этишмей* (*этиш* «женщина»), потому что, когда он родился, в его *аал* приехала в гости женщина. Другую девочку называли *Батагана* «комар», потому что, когда она родилась (в мае), был массовый вылет комаров. Давали имя *Арык-оол* «исхудавший мальчик», так как ребенок при рождении был худ и слаб. Существовали и свои традиционные настоящие имена, которые не поддаются этимологии. И невозможно расшифровать, ни опираясь на данные самого тофаларского языка, ни на данные других тюркских и нетюркских языков. Хотя это все относительно и говорить о невозможности этимологизировать имя следует говорить, разумеется, только условно.

Нам удалось выявить около 200 мужских и женских тофаларских имен (17), которые употребляются сейчас и употреблялись в недалеком прошлом как вторые имена в устном общении наряду с христианскими именами и отчествами, получаемыми раньше при крещении, а сейчас даваемыми в силу традиции при регистрации новорожденных в сельском совете.

Лингвистический анализ этих имен позволяет разделить их на имена заимствованные, имена, объясняемые из тофаларского языка и имена пока неясного происхождения. Рассмотрим их подробнее.

Займствованные имена.

Тофаларские имена этой группы по своему происхождению представляют собой русские и бурятские имена. Выявлены следующие русские имена, давно усвоенные тофаларами, адаптированные по нормам фонетики тофаларского языка и воспринимаемые сейчас как свои собственные:

Мужские:

Йэрмылай, с вариантами *Йармылай*, *Нярмылай* < Ермолай;

Мизһишишка < *Микишка*, русская просторечная пренебрежительная форма от имени Никита;

Мизһоола < *Микола*, просторечная форма от имени Николай;

Мыһһылай < *Миколай*, просторечная форма от имени Николай;

Морһоотка < морковка; мальчика называли так потому, что ему очень понравилась морковь, когда его семья приезжала в русскую деревню;

Палааһа < *Палаха* < Палладий;

Петрушка < Петрушка, русская уменьшительно-уничижительная просторечная форма имени Петр;

Пуускэ, возможно, что это имя происходит от русского просторечного Кузька < Кузьма;

Семезн < Семён;

Сергей < Сергей;

Стирһа < Спирька, русская уменьшительно-уничижительная просторечная форма имени Спиридон;

Стэпаан < Степан;

Ыйбаан < Иван;

Эһезндэй < Иннокентий.

Женские:

Аага < Ага, сокращенная форма имени Агафья;

Варваара < Варвара;

Ийииса, возможно, от русского Анфиса;

Огдооття < Авдотья;

Оойа < Оля, уменьшительно-ласкательное от Ольга;

Оольга < Ольга;

Федоос < Федосья;

Элезнэ < Елена.

С именем *Элезне* оказалось две женщины, их позднее стали различать по внешним признакам, т.к. обе были разного роста: за высокой женщиной закрепилось имя *Улуг Элезнеэ* «большая Елена», а за женщиной маленького роста – *Биче Элезнэ* «маленькая Елена».

Из имен предположительно бурятского происхождения выявлены следующие:

Мужские имена:

Аңгырбан – в основе своей совпадает с эхиритским именем *Ангырдан* (18) (литературная форма *Ангырдаан*). Общую основу *Ангыр* можно сопоставлять с древнемонгольской формой слова *ангир* в значении «турпан», давшей впоследствии в бурятском и других монгольских языках форму *ангир* в том же значении. В имени *Ангырдаан* могла законсервироваться древняя форма. О возможности выступления этой основы в качестве имени в древнее время свидетельствует современное бурятское имя *Ангир* в значении «турпан» (19). Ср. Также халха-монгольское имя *Ангар* (20). Это имя бытует также у тувинцев в виде *Аңгырбан* и *Аңгыр-оол*. Как заимствование из монгольского языка в тувинском языке слово *ангыр* «турпан».

Аңгыт, ср. эхиритское имя *Ангат*, халха-монгольское имя *Ангио* (21).

Байың, ср. лит.-бур. *Баян*, эхир. *Баин* – мужское имя, восходящее к общемонгольскому слову *баян* «богатый». У калмыков это имя (*Байн*) отмечено как женское. Имя *Паянз* как мужское встречается в хакасском языке, а имя *Баян* как мужское и женское – в тувинском. Хотя во всех тюркских языках есть слово *бай/най* в том же значении «богатый», что и общемонгольское слово *баян*, за монголоязычное (в том числе и бурятское) происхождение тофаларского имени *Байың* может свидетельствовать сохранение конечного согласного –*ң*, характерного для именных (существительных и особенно прилагательных) основ в монгольских языках.

Бардай, ср. эхиритское мужское имя *Мардай* и монгольское имя *Бардай-сэгэн* (22). Н.Б. Алдарова считает имя *Мардай* производным от бурятского слова *мардайха* «иметь большой живот», как антропоним, отражающий экспрессивную оценку физических качеств личности с отклонениями во внешнем облике (23). Образный глагол *мардайха* дан в бурятско-русском словаре (24) в значении «быть прямым и сухошавым». С этим бурятским словом может быть сопоставлен и калмыцкий глагол *бардах* «быть толстым, жирным и неуклюжим – о человеке» (25). Чередование звуков *б/м* по языкам и диалектам общераспространенное и общеизвестное явление как в тюркских, так и в монгольских языках.

Боһлой. Хотя нам не удалось отыскать в источниках прямо совпадающего с тофаларским бурятского имени *Болхой* (возможно оно и есть в жизни), а только *Болхоон*, которое возводится к образному глаголу *болхойхо* «выпуклый, вздувшийся, припухлый» (26), равно как и имя *Марлай* к глаголу *мардайха* (см. выше). Во всяком случае, возведению и тофаларского имени *Боһлой*, как и бурятского *Болхоон*, к основе *болхойхо* не препятствует типология. Ср. образование бурятских имен от основ образных глаголов: *Ардай* < *ардайха* «быть щупленьким, плюгавеньким», *Борсой* <

борсойхо «сжежиться, скорчиться, сжаться», Марзай < марзайха «иметь крупные черты лица», Хантай < хабтайха «быть плоским» (27) и т.д.

Дулгурак восходит к бурятскому имени Дулгар, Долгор, являющемуся в свою очередь тибетским именем *sgrol-dkar* «богиня Белая Тара» (28). В бурятском языке это имя употребляется как женское. Окончание *-ак* в тофаларском имени можно рассматривать как древнейший по своему происхождению тюркский уменьшительный аффикс (29).

Кангырай, ср. эхиритское мужское имя Ханхарай.

Көк Тарба. Первый элемент этого составного имени является тофаларским словом тюркского происхождения и означает «синий, голубой, зеленый, трава» (30). Второй элемент можно сопоставить с бурятским мужским именем Тарба.

Куса восходит к бурятскому мужскому имени Хуса, которое произошло от бурятского слова хуса «баран-производитель». В прошлом у бурят были распространены имена, восходящие к названиям домашних животных (31).

Кусай, производное от Куса (см. выше).

Мөңһө, ср. бурятское мужское имя Мунхэ, восходящее к бурятскому слову мунхэ «вечный» (32), и халха-монгольское имя Мөнх с тем же значением. Имя Мөнге бытует также в тувинском языке как мужское и женское. В тувинском языке имеется слово мөнге «вечный, бессмертный» как монгольское заимствование. В тюркских языках бытует сходное слово, но только в несколько ином фонетическом оформлении: ср. тат. *мәнгә*, башк. *мәнгә*, др.-тюрк. *mängü* «вечный, вечность». В тувинском и тофаларском языках тоже есть слово менги, только означает оно «вечный снег, лед в горах». Таким образом, фонетический признак свидетельствует о монголо-бурятском происхождении тофаларского имени Мөңһө и тувинского Мөнге.

Муука, ср. бурятские имена Муухан, Муха, восходящие к бурятскому слову муухай «грязный, запачканный; некрасивый» и муухан «плохонький» < муу «плохой».

Мууһай < бур. Муухай «некрасивый, грязный, запачканный». Ср. халха-монгольское имя Муухай (33).

Сагаан, ср. бурятское мужское имя Сагаан, восходящее к бурятскому слову сагаан «белый» (34). Мужское имя Сагаан бытует также у тувинцев. Ср. халха-монгольское имя Цагаан (35).

Тобылай можно сопоставить с алтайским мужским и женским именем Таблай. И тофаларское и алтайское имена, вероятно, представляют собой более раннее заимствование монгольского слова туулай «заяц» в его древней форме **tawlai id.*, которая в процессе исторического развития монгольских языков дала: **tawlaj* → *taulai* → *tūlai*.

Туулай можно сопоставить с алтайским мужским и женским именем Туулай и хакасским мужским именем Толай. Все эти имена восходят к монголо-бурятскому слову туулай «заяц». Ср. халха-монгольское имя Туулай.

Хаазуут представляет собой название одного из родов сойотов-оленоводов Окинского аймака Бурятской АССР, непосредственных соседей тофаларов. Этот этноним записан в виде *хаасуут* научным сотрудником Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР И.Д. Бураевым, совершившим в 1966 г. экспедиционную поездку в Окинский аймак. Род *хаазыт* отмечен также у тувинцев-тоджинцев (36). С ним можно сопоставить название тофаларских родов *хааш* и *сары-хааш*, а также самоназвание хакасских качинцев – *хаас*. Данные фонетики убеждают в бурятском происхождении тофаларского имени *Хаазуут*.

Ходуган, ср. эхиритское мужское имя Ходогон.

Чаһар. Это имя можно предположительно сопоставить с монгольским этнонимом чахар, названием крупного племени у монголов. Имя Чакаар зафиксировано также у тувинцев. Ср. халха-монгольское имя Цахар, Чахар-гурген (37).

Шингильтэй. В основе этого имени лежит монгольское слово *ᠰᠡᠩᠭᠡᠯᠡᠢ* «веселый, радостный, счастливый» в звуковой форме, характерной для средних веков, когда везде в монгольских языках произносилась шипящая аффриката *ᠰ*, давшая в тофаларском языке *š*. В современных же монгольских языках на месте *ᠰ* развились свистящие звуки: бур. *сэнгэлтэй*, халха-монг. *цэнгэлтэй*, калм. *ценгэлт* «веселый, радостный». Слово восходит к общемонгольской основе *ᠰᠡᠩᠭᠡ* (бур. *сэнгэ*, халха-монг. *цэнгэ*, калм. *ценгэ*) «радоваться, веселиться; наслаждаться». Аналогичную этимологию имеет, по-видимому, и название горы Шингэлтэ, находящейся в Хоринском районе (38) Бурятской АССР. За монгольское происхождение этого тофаларского имени говорит также имя известного монгольского лингвиста из Внутренней Монголии Чингэлтэя (*ᠴᠢᠩᠭᠡᠯᠡᠢ*). Тувинские мужские имена Сенгил и Сенгилдиг имеют в основе своей слово сенгил < монг. *цэнгэл* «радость, счастье, веселье, наслаждение». Ср. современное халха-монгольское имя Цэнгэлтэй (39).

Женские имена:

Аңыт (ср. мужское имя *Аңгыт*), ср. эхиритское имя *Ангат*.

Айаң, ср. бурятское мужское имя *Аян*, восходящее к бурятскому слову *аян* «дальний путь, путешествие». В тофаларском языке тоже имеется слово, произносящееся *айан* и означающее «дальняя дорога, путешествие», заимствованное из монгольского языка (40). Как женское имя *Аян* бытует также у тувинцев. В алтайском языке тоже есть имя *Айан*, но уже как мужское, и значение для алтайского языка определяется как «альпийский луг, лужайка» (41).

Баъсыгың восходит к бурятскому слову *басаган* «девочка». Ср. халха-монгольское имя *Бацган* (42).

Дулгур является бурятским женским именем *Дулгар*, *Долгор* (см. выше, среди мужских имен).

Сандаң, ср. бурятское мужское имя *Зандан*, восходящее к бурятскому слову *зандан* «санда́л – название ценной породы дерева». Имя *Сандан* как мужское употребляется также у тувинцев.

Тааһышы. По утверждению тофаларов это имя происходит от бурятского слова *тааһы* «курительная трубка» (ср. западно-бурятское слово *дааһа(н)* id.).

Тондук является бурятским мужским именем *Дондог* тибетского происхождения.

Уука. Хотя в источниках нами не найдены бурятские эквиваленты этого имени, мы относим его к бурятским на основании утверждения тофаларов, что это имя взято ими у соседствующих с ними бурят. Ср. халха-монгольское имя *Ухай* (43).

Һазыгээ можно сопоставить с бурятским именем *Хазагай*, восходящим к бурятскому слову *хазагай* «кривой, искривленный; перекошенный – о лице» (44).

Шубуудаң. В основе данного имени лежит бурятское слово *шубуу(н)* «птица», от которого образовано также бурятское женское имя *Шубуухай* «птичка» (45).

Имена, объясняемые из тофаларского языка

Многие из записанных нами антропонимов находят все же удовлетворительное объяснение из самого тофаларского языка, что позволяет их считать собственно тофаларскими именами. Зачастую они представляют собой просто названия различных животных и птиц. Это мужские имена: *Сааскан* «сойка», *Тугульжук* «теленочек» (*тугул* «теленек»), *Һартыга* «ястреб», *Һөөрүк* «бурундук», *Һүгү* «филин»; женские имена: *Ак-һодан* «белый заяц», *Батагана* «комар», *Кара-һодан* «черный заяц», *Кезрһэн* «кедровка», *Көптэгэнэ* «поползень», *Кускунак* «вороненок» (уменьшительное от *кускун* «ворон»), *Саһһаргы* «клещ», *һодан* «заяц». Аналогичные имена мы находим и у соседних тюркских народов: у алтайцев мужское имя *Уку* «филин», женское имя *Койон* «заяц», у хакасов женское имя *Саасхан* «сорока». Обычай называть детей именами, связанными с растительным и животным миром, с природой (46), как общеизвестно, был широко распространен у всех народов.

Ряд имен представляет собой родоплеменные названия, например: мужское имя *Һаазуут* (см. выше) – род хазут у окинских сойотов, женские имена: *Чогду* – тофаларский род чогды, *Чоода кызы* «тувинка». Типологически подобное явление находим, например, у алтайцев: мужские имена – *Казакуул* «русский мальчик», *Ойрот* «ойрат», женские – *Сойонг* «тувинка» (47).

Встретились имена, являющиеся названиями предметов украшения, например, женское имя *Сырга* «серьга» (ср. алтайское *Сырга* и хакаское *Ызырга* – женские имена, с тем же значением «серьга»); качественные прилагательные – мужское имя *Беъке*, означающее «крепкий» (ср. хакаское мужское имя *Пеке*); атрибутивные словосочетания – мужские имена: *Арык оол* «худенький мальчик», *Кара оол* «черный мальчик», *Семис оол* «жирный мальчик», женские имена: *Чарачж уруг* «маленький ребенок», *Чараш кыс* «маленькая девочка», *Чеш кыс* «маленькая девочка», дающие некоторую информацию о внешнем облике ребенка. Некоторые имена трудно расклассифицировать, например: женские имена *Козунды* «отвергнутая, брошенная» (< *козу* = «бросить, покинуть, отвергнуть» + *-нды* – словообразовательный суффикс существительного), *Һеймер* «последыш, последний ребенок в семье», *Уунаккыш* «крошка» (< *уунак* «мелкий; крошка, крупинка»).

Отдельные имена

В то же время существуют и настоящие имена, образованные от знаменательных слов путем специальных аффиксов, служащих только для создания антропонимов. Причем аффиксы эти одинаково употребляются как в мужских, так и в женских именах. Нам удалось выявить следующие аффиксы:

-бан (-пан) – очень продуктивный аффикс, наблюдается в мужских именах: *Аңгырбан* (< *Аңгыр*, см. выше), *Арыкпан* (< *арык* «худой, тощий»), *Чаһһарбан* (< *Чаһһар*, см. выше), *Чурукпан*

(< чурук «поскут кожи»), *Шырышпан* (< *шырыш* «ольха»); в женских именах: *Арыкпан* (см. выше) и *Чешпан* (< *чеш* «маленький, новорожденный – о ребенке»). Этот аффикс встречается у соседних с тофаларами народов – у алтайцев (редко): мужское имя *Байбан* (< *бай* «богатый»); у хакасов (редко): мужское имя *Тойбан* (< *той* «свадебный пир»); у тувинцев (употребителен): мужские имена *Аңгырбан*, *Шырбан*, *Хүлербен* (< *хүлөр* «бронза»), женские имена *Анайбан* (< *анай* «козленок»), *Далайбан* (< *далай* «море»), *Мокайбан*, *Сонайбан*; у бурят (употребителен): мужские имена *Агбаан*, *Ирбаан*, *Түбаан*, *Урбаан*, *Шойбоон*;

-*май* (-*мей*) – очень продуктивный аффикс, наблюдается в мужских именах: *Һүндүмей* (< *һүндү* «почести, уважение»), *Чартымай* (< *чарты* «полено»), *Чоотымай* (< *чоода* «тувинец»), *Этишмей* (< *этиш* «женщина»), в женских именах: *Козоомай* (< *козу* = «отвергать, бросать», ср. женское имя *Козунды*). Этот аффикс также имеется у алтайцев (употребителен): мужские имена: *Аргымай*, *Барамай*, *Дырмай*, *Очумай*, *Эркемей* (< *эрке* «нежный»), женские имена: *Бакамай*, *Бултумай*, *Кызымай* (< *кыз* «девочка»), *Саамай*, *Эрчимей*; у тувинцев (употребителен): мужские имена *Бичемей* (< *биче* «маленький»), *Диңмей* (< *диң* «белка»), *Хөвөңмей* (< *хөвөң* «вата»), женские имена *Аалчымай* (< *аалчы* «гость»), *Ичиңмей*, *Күскемей* (< *күске* «мышь»); у хакасов (редко): мужское имя *Кичемей* (*киче* «маленький»), женское имя *Хыдымай*; у халха-монголов: имена *Аралмай*, *Мархмай*, *Татимай*, *Халзаамай* (48);

-*тай* – единичные случаи – мужское имя *Арыктай* (*арык* «худенький, тощий»);

-*(а)й* – единичные имена: мужские *Сыынай* (< *сын* «изюбрь»), *Туккуй* (< *тукку* «собака»). Этот аффикс встречается у алтайцев: мужские имена *Үреней* «семечко» (< *үрен* «семя»), *Дьымжаай* «мягонький» (*дьымжак* «мягкий»), *Күчүкей* «щеночек» (< *күчүк* «щенок»), женские имена *Балай* «дитятко» (< *бала* «дитя»), *Танай* (< *тана* «перламутровая пуговка»), *Такай* «подковка» (< *така* «подкова»); у хакасов: мужские имена *Апсой*, *Кадай*, *Каңной*, *Көлей*, *Олчай* (< *олча* «добыча»), женские имена *Азай* (< *ах* «белый»), *Катуй*, *Кодай*, *Маңный*. Аффикс -*й* образует в тюркских языках имена с оттенком ласкательности (49);

-*и* – единичные имена: мужское *Эмдигеи* (< *эмдик* «дикий»). В других тюркских языках это употребительный аффикс, например, у алтайцев: *Калбагаи* (мужское имя < *калбак* «ложка»), *Дыламаи* (мужское имя < *дылама* «ленточка»), *Эркеи* (мужское имя < *эрке* «ласковый»), *Танаи* (женское имя < *тана* «перламутровая пуговка»);

-*ң* – образует имена от основ образных глаголов, например, женские имена – *Мосраң* «круглолицая» (< *мосрай* = «быть круглым»), *Кочжоң* (< *кочжой* = «торчать вверх о чем-либо остроконечном, или сужающемся кверху»), *Соьпсоң* (< *соьпсой* = «иметь сдвинутую вбок челюсть»);

-*ыынай* – единичные имена: мужское имя *Һартыынай* (< *һартыга* «ястреб»), женское имя *Арыынай* (< *ары* «пчела», а, возможно, и от *арыг* «худенькая, тощая»). Типологически похожий аффикс наблюдается, например, в бурятских мужских именах *Балтуунай* (< *балта* «молот, кувалда»), *Борбооной* (< *борбой* «быть всклоченным»); ср. тувинское женское имя *Борбаанай* (< *борбай* «округлять, принять шарообразную форму»);

-*чың* – единичные имена: мужское имя *Һараальчың* (< *һараал* «прицел у ружья», так называли мальчика, желая, чтоб он вырос метким стрелком). Подобный аффикс выделяется также в единичных именах хакасов, например: мужское имя *Тарчың* (< *тар* «порох»), алтайцев: женское имя *Байчаң* (< *бай* «богатый»);

-*даң* – единичные имена: женское имя *Шубуудаң* (< бурятское *шубуун* «птица»). Этот аффикс встречается также у алтайцев: мужское имя *Бардаң* (< *бар* «есть, имеется»); у хакасов: *Айдаң* (< *ай* «луна»), *Тайдаң* (< *тай* «жеребенок»); у бурят (50): *Ангардаан*, *Ламадаан*, *Дугардаан*, *Мухардаан*, *Хорлуудаан*;

-*жык* – по происхождению является уменьшительным аффиксом, образует единичные имена: мужские – *Муукажык* (< *Муука*, см. выше), *Тугульжык*, *Эңмәәжык* (< *эңмек* «дужка у детской люльки»). Ср. тувинское мужское имя *Хунажык* (< *хуна* «козел»), женское имя *Өргөжык* (< *өрге* «суслик»); алтайское женское имя *Сускучак* «ковшичек» (< *суску* «ковш»), *Таначак* «перламутровая пуговичка» (< *тана* «перламутровая пуговица»).

Имена неизвестного происхождения

Кроме перечисленных выше имен, заимствованных из бурятского и русского языков, а также имен, объяснимых из тофаларского языка, имеется еще некоторое количество мужских и женских имен, происхождение, этимология которых остается для нас пока неясной. Это такие мужские имена как *Аһнибас*, *Монзокон*, *Чечтан*, *Шынтыр*, хотя имя *Монзокон* можно сопоставить с западно-бурятским именем *Монзоо*, тоже необъяснимым в бурятском языке (51), а имя *Чечжан*

вывести от основы *чеи* «молодой, маленький». Женские имена такие – *Гелеңге* (~ *Элеңге*), *Төөкү*, *Таасээ*, *Чаачча*, *Чашка*, *Чезэже*, *Эреһе*.

Ряд имен этой группы, хотя и имеет этимологически затемненную основу, все-таки позволяет выделить следующие характерные окончания, видимо аффиксы:

- бан* (-*мен*) – мужское имя *Бодугбан* (ср. мужское имя с похожей основой *Бодуган*), *Кузүмен*;
- май* (-*най*, -*бай*) – мужские имена *Буктурбай*, *Кууламай*, *Соготнай*, женское имя *Кыъсыт-най*;
- жык* – мужское имя *Сыйбыльжык*, женские имена: - *Губульжук*, *Сыпкажык*;
- аин* (-*оин*) – мужское имя *Гартчааин*, женское имя *Огдооин* (ср. халха-монгольское имя *Огд* (52));
- к* – мужские имена *Дэрдзик*, *Койнок*, *Шодок*, женские имена – *Маймайак*, *Костайак*;
- ң* – мужские имена – *Кааняң*, *Кеһиң*, женские имена – *Агыяң*, *Ойяң* (ср. хакасское мужское имя *Ояң*), *нуутаң*, *хоттайаң*;
- даң* – мужское имя *Талгыыдаң*;
- лаң* – мужское имя *Койһоолаң* (ср. хакасское мужское имя *Когооң*);
- чыгын* – мужское имя *Огдачыгын* (ср. женское имя *Огдооин*, см. выше);
- жсаң* – мужские имена – *Бабейчжсаң*, *Аңгыльчжсаң*;
- жсүң* – женское имя *Өөчжөөчжсүң*;
- й* – мужские имена – *Бүүчтей*, *Колсанай*, женские имена *Котей* (ср. халха-монгольское имя *Хэтэй* (53)), *Каляй* (~ *Галаяй*);
- най* – женское имя *Караңнай* (ср. халхасское мужское имя *Хараң*);
- лай* – мужское имя *Андалай*, возможно от монгольской основы *анда* «пообратим», ср. халха-монгольское имя *Андалай* (54);
- тай* – мужские имена – *Амыстай*, *Киштэй*, *Таттай*, *Түүттэй*;
- дай* – женское имя *Бульшуудай*;
- кай* – мужские имена – *Бачжааккай*, *Мөмэккэй*, *Коокуй* (ср. хакасское мужское имя *Когай*, алтайское мужское имя *Көкүй*, западно-бурятское мужское имя с неясной этимологией *Хоогой* (55), халха-монгольское имя *Хоохой* (56), *Кааккый* (ср. алтайское женское имя *Каака*), *Тамыккай* (ср. алтайское мужское имя *Тебекей*, *Тимекей*, тувинское мужское имя *Таваккай*), *Тооккуй*, *Шипкей*, *Гыккый*;
- туз* (аффикс прилагательного с семантикой обладания) – мужское имя *Уйуктуз*;
- лык* – мужское имя *Кытлык* (возможно, происходит от древнетюркского слова *qitlyu* со значением «счастливый» и выступающего у древних тюрков и как собственное имя, ср. также болгарское имя *Котлог* (57), женское имя *Сандылык*);
- т* – мужское имя *Шиңгит*;
- ччы* – мужские имена – *Мийгааччы*, *Баатыччы*.

Как видно из примеров, и в этой группе имен употребляются те же аффиксы, что и в этимологизируемой группе. Новые аффиксы тоже имеют параллели в соседних языках. Так, например, широко известен аффикс *-кай*: алтайские имена *Таскай*, *Ялакай*, *Катчыкай*, *Дымекей*, *Тебекей*; тувинские имена *Амдакай*, *Баракай*, *Дамдакай*, *Серекей*, *Уйнукай*, *Белеккей*, *Чечеккей*, *Чыртакай*; хакасские имена *Торысхай*, *Чолагай*, *Маскай*, *Морхай*, *Топтахай*; бурятские имена *Арзуухай*, *Тархай*, *Табхай*, *Мархай*, *Бацуухай*, *Ангархай*; халха-монгольские имена *Ашихай*, *Бардухай*, *Машхай*, *Өөдхэй*, *Эвэхэй* (58). Не менее распространен и аффикс *-най*: например, алтайские имена *Кичинай* (< *кичи* «маленький»), *Сазнай*, *Яжнай*; тувинские имена *Дажыңнай*, *Ортунай* (< *орту* «середина»), *Сүрүңней* (< имя *Сүрүң*), *Калчанай*; хакасское имя *Хызынай* (< *хыс* «девушка»); бурятские имена *Агнай* (ср. имя *Агбаан* с той же основой *аг*, восходящей, возможно, к тюркскому слову *ак* «белый»), *Аханай* (< *аха* «старший»), *Буханай* (< *буха* «бык»), *Борной* (< *боро* «серый»), *Табинай* (< *таби* «пятьдесят»), *Бужанай*; халха-монгольские имена *Ажинай*, *Булнай*, *Борной*, *Харнай*, *Тодной*. Этот же аффикс *-най* считается древнейшим аффиксом, образующим мужские имена в тунгусо-маньчжурских языках, например: чжурчженьские имена *Агунай* (X в.), *Угунай* (XI в.), *Дигунай* (XII в.), эвенкийские имена XVII века *Иркиней*, *Ургуней*, *Аланей* (59). Коль скоро речь зашла об эвенкийских аффиксах личных имен, следует упомянуть еще один аффикс, характерный для тунгусо-маньчжурских языков, аффикс *-нга* (60), который можно выделить в тофаларском женском имени *Гелеңге* (~ *Элеңге*) с неясной основой. Этот же аффикс, по-видимому, следует выделить в эхиритских мужских именах типа *Бянга*, *Ойлонго*, *Унга*, *Бюсанга*. Широко распространен также аффикс *-лай*: например, алтайские имена *Бекелей* (< *беке* «крепкий»), *Күндүлей* (< *күндү* «почести, уважение»), *Мөңкүлей* (< *мөңүн* «серебро»), *Эркелей* (< *эрке* «нежный»), тувинские

имена *Аржаалай, Бирлей, Даваалай, Хандыылай, Шончалай*; хакасские имена *Ансалай* (ср. имя *Ансай*), *Күскелей* (ср. имя *Күске*), *Маңдалай, Самолай*; бурятские имена *Борлой, Ангаалай, Баглай, Батаалай, Бахлай, Пэглэй*; халха-монгольские имена *Маилай, Мухалай, Мөнхлэй, Түшлэй* (61); эвенкийские имена *Доголей, Тамбелей, Чакулай, Каркалей* (62).

Таким образом, вырисовывается какая-то типологическая общность в ряде имен, захватывающая эвенков, бурят, халха-монголов и тюрков Саяно-Алтайского нагорья. Анализ тофаларских имен, сохранившихся, правда, в весьма пережиточном виде и с разрушенной системой все же показывает, что и тофалары обладают той же типологией личных имен, что и указанные выше народы. Весьма перспективным, на наш взгляд, явилось бы сравнительное изучение антропонимов тюрков Саяно-Алтайского нагорья с личными именами бурят, особенно западных, сохранивших много архаичных имен, монголов и эвенков, что позволило бы пролить свет еще на одну сторону взаимоотношения этих народов.

Ниже приводим в алфавитном порядке списки тофаларских мужских и женских имен, какие нам удалось записать.

Мужские имена		
Амыстай	Коокуй	Тобылай
Андалай	Коххоолан	Тоокуй
Аңгырбан	Куса	Тугульчук
Аңгыт	Кусай	Туккуй
Аңгильчжан	Кууламай	Туулай
Арык оол	Кытлык	Түүттэй
Арыкпан	Мийһиишка	Уйуктуг
Арыктай	Мийһоола	Һаазуут
Аһнибас	Мийгааччы	Һараальчжын
Баатыччи	Монзокон	Һартчаан
Бабейчжаң	Моххоотка	Һартынай
Бачжааккай	Мөмэккэй	Һодуган
Байың	Мөңһө	Һодугбан
Бардай	Муука	Һөөрүк
Бейке	Муукачжык	Һүгү
Бөһһой	Мууһай	Һүндүмөй
Бораан	Мыһһылай	Һыккый
Буктурбай	Оғдаччың	Чаһар
Бүүчжей	Палааһа	Чаһарбан
Быттығбай	Петруушка	Чартымай
Дулгурак	Пүүскэ	Чечжан
Дэрдэйэк	Сааскан	Чоода кызы
Йармылай	Сагаан	Чоотымай
(~ Нямылай)	Сарығ дарга	Чурукпан
Кааккый	Семезн	Шингильтэй
Кааняң	Семис оол	Шингит
Кангырай	Сергей	Шипкей
Кара-оол	Соғотпай	Шодок
Кара саһһал	Спиирһа	Шыпшыр
Кеһһин	Стэппаан	Шырышпан
Киштэй	Сыйбыльчжык	Ыйбаан
Көк Тарба	Сыынай	Эмдигеш
Күзүмен	Талгыыдаң	Эпшимей
Көһһок	Тамыккай	Эһһеэндэй
Колсанай	Таттай	

Женские имена

Аага	Маймайак	Һеленге
Агыйаң	Мосраң	Һодан
Айаң	Оғдооття	Һоттайаң
Ак-Һодан	Оғдооин	Һубульчжук
Аңгыт	Оойа	Һуутааң
Арыкпан	Оойаң	Чаашка
Арыынай	Өөчжөөчжүң	Чаачча
Баъсығың	Паасээ	Чарачж-уруғ
Батағана	Сааскан	Чараш-кыс
Бульшуудай	Сандан	Чеш-кыс
Варваара	Сандылык	Чешпан
Дулгур	Саъһаргы	Чеччиинай
Ийиниса	Сояпсон	Чезчже
Каляй (~ Һаляй)	Сыпкачжык	Чоғду
Караннай	Сырға	Чоода-кызы
Кара-Һодан	Тааһышы	Шодок
Кетэй	Тондук	Шубуудан
Кезрһэн	Төөкү	Эдэрһэ
Козоомай	Тугульчжук	Элэнгэ
Козунды	Уука	(~Һеленге)
Костайак	Уунаккыш	Элеэнэ
Кочжон	Федоос	Энмезчжик
Көптэгэнэ	Һазыгээ	Эреһе
Кускунак	Һеймер	

Примечания

1. См.: В.И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, стр. 4-5.
2. При подаче тофаларского языкового материала использованы по техническим причинам знаки русского алфавита. При этом сохранено обозначение палатализации согласных мягким знаком или йотированной гласной буквой. Для обозначения звуков, специфичных для тофаларского языка, взяты соответствующие знаки из бурятского алфавита – *h, ø, y*. *Ң* обозначает заднеязычный смычный носовой согласный и произносится как один звук; сочетание букв *чж* обозначает среднеязычную звонкую шипящую аффрикату и тоже произносится как один звук. Долгота звука обозначена удвоением соответствующей буквы. Знак тильды ~ над буквой обозначает назализацию. Твердый знак в сочетании с гласной буквой обозначает фарингализованный гласный звук.
3. См.: В.И. Рассадин. Бурятские лексические заимствования в тофаларском языке. «Исследование бурятских говоров», вып. 2, Улан-Удэ, 1968, стр. 187-191; его же. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, стр. 114-125.
4. См.: В.И. Рассадин. О развитии тофаларско-русского двуязычия. «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., «Наука», 1972, стр. 332-333.
5. См.: Там же.
6. Л.Д. Шагдаров, В.И. Рассадин. Об употреблении тофаларами бурятского языка. «Исследование бурятских говоров», вып. 2, Улан-Удэ, 1968, стр. 177.
7. О степени и состоянии изученности тофаларов и их языка. См.: В.И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, стр. 6-7.
8. См.: А.А. Дарбеева. Параллельные формы личных имен бурят. «Антропонимика». М., «Наука», 1970, стр. 205-211.
9. См.: Г.М. Василевич. Собственные имена эвенков. «Личные имена в прошлом, настоящем, будущем». М., «Наука», 1970, стр. 230.
10. См.: М.К. Шарашова. Русские имена у народов крайнего северо-востока Сибири. «Личные имена в прошлом, настоящем, будущем». М., «Наука», 1970, стр. 174.
11. См.: А.В. Смолян. Личные имена нанайцев. «Личные имена в прошлом, настоящем, будущем». М., «Наука», 1970, стр. 168-169.

12. См.: А.И. Рудных. Вторые имена у якутов. «Антропонимика». М., «Наука», 1970, стр. 221, 226.
13. См.: Т.И. Тепляшина. Двойные имена удмуртов. «Личные имена в прошлом, настоящем, будущем». ..., стр. 163.
14. См.: Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII – начало XX в. М., «Наука», 1970, стр. 306-307, 311. Аналогичное положение с выделяемым там же родом Тенек-хаш, к которому принадлежит фамилия Буктурбаевых. Патронимия же Буктурбай аалы входит в состав рода хааш, а сородичи из-за тугодумства некоторых членов этого аала дразнят их, называя Тенек-хааш, что значит «глупый хаш».
15. См.: С.И. Вайнштейн. Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов (до начала XX в.). «Советская этнография», 1968, №3, стр. 66.
16. См.: С.И. Вайнштейн. Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев. «Ономастика». М., «Наука», 1969, стр. 129-131.
17. См.: В.И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, стр. 140-145; его же. О культе медведя у тофаларов. «Известия СО АН СССР», серия общественных наук», №11, вып. 3, 1973, стр. 122-124.
18. При сборе и записи антропонимического тофаларского материала большую помощь нам оказал тоф Баканаев Николай Сергеевич (тофаларское имя һөөрүк, 1911 г. рожд., род кара-йогды, патронимия Һогоо аалы, житель села Алыгджер), за что, пользуясь случаем, приносим ему нашу глубокую сердечную благодарность.
19. Бурятские имена в литературной форме взяты из «Справочника личных имен народов РСФСР» (Изд-во «Сов. энц.», М., 1965), в эхиритской форме – из рукописи Д.И. Алтаева «Родословные первого абазаевского рода» (Улан-Удэ, 1973 г.), а также из устных сообщений эхиритов; источником по калмыцким, тувинским, алтайским и хакасским именам также послужил указанный справочник личных имен, по хакасским именам, кроме того, список личных имен, приложений к Хакасско-русскому словарю Н.А. Баскакова и А.И. Инкижековой-Грекул (М., ШС, 1953). Если имена взяты из этих источников, ссылок приводиться не будет.
20. См.: Н.Б. Алдарова. О некоторых исконно бурятских личных именах. «Вопросы бурятской филологии», вып. 2, Улан-Удэ, 1973, стр. 82.
21. См.: Ч. Содном. Монгол хүний нэрийн тухай. «Монголын судлалын зарим асуудал», т. IV, Улаанбаатар, стр. 70.
22. Там же.
23. См.: Ч. Содном. Указ. соч., стр. 73.
24. См.: Н.Б. Алдарова. Об основательных антропонимах в бурятском языке. «Вопросы бурятской филологии», вып. 2, Улан-Удэ, 1973, стр. 65.
25. К.М. Черемисов. Бурятско-русский словарь. М., Изд-во «Сов. энц.», 1973, стр. 293 а.
26. J.J. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935, s. 34 а.
27. См.: Н.Б. Алдарова. Об основательных антропонимах в бурятском языке. «Вопросы бурятской филологии», вып. 2, Улан-Удэ, 1973, стр. 65.
28. См.: Н.Б. Алдарова. Указ. соч., стр. 65.
29. См.: Ц.Б. Цыдендамбаев. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972, стр. 506.
30. См.: Древнетюркский словарь. Л., Изд-во «Наука», 1969, стр. 650.
31. См.: В.И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, стр. 204.
32. См.: И.Д. Будаев, Л.Д. Шагдаров. О бурятских личных именах. «К изучению бурятского языка», Улан-Удэ, 1969, стр. 107.
33. То же, стр. 111.
34. См.: Ч. Содном. Указ. соч., стр. 90.
35. См.: Н.Б. Алдарова. Об описательных антропонимах в бурятском языке ..., стр. 63.
36. См.: Ч. Содном. Указ. соч., стр. 107.
37. См.: Б.Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929, стр. 255.
38. См.: Ч. Содном. Указ. соч., стр. 100.
39. См.: С.И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., Изд-во вост. лит-ры, 1961, стр. 21.
40. См.: Ч. Содном. Указ. соч., стр. 109.

41. По устному сообщению научного сотрудника БИОН БФ СО АН СССР Д.Ш. Дамбаевой.
42. См.: Ч. Содном. Указ. соч., стр. 108.
43. См.: В.И. Рассадин. Указ. соч., стр. 152.
44. См.: О.Т. Молчанова. Мотивированные личные имена у алтайцев. «Личные имена в прошлом, настоящем, будущем». М., «Наука», 1970, стр. 191.
45. См.: Ч. Содном. Указ. соч., стр. 74.
46. См.: Ч. Содном. Указ. соч., стр. 102.
47. См.: Н.Б. Алдарова. Об описательных антропонимах в бурятском языке ..., стр. 68.
48. См.: Н.Б. Алдарова. О некоторых исконно бурятских личных именах ..., стр. 82.
49. См., например: О.Т. Молчанова. Мотивированные личные имена у алтайцев. «Личные имена в прошлом, настоящем, будущем». М., «Наука», 1970, стр. 191; И.Д. Бураев, Л.Д. Шагдаров. О бурятских личных именах. «К изучению бурятского языка», Улан-Удэ, 1968, стр. 107-108.
50. См.: О.Т. Молчанова. Мотивированные личные имена у алтайцев ..., стр. 192.
51. См.: Ч. Содном. Указ. соч., стр. 48.
52. См.: например: Г.Ф. Сатаров. Категория ласкательности в татарских личных именах. «Антропонимика». М., «Наука», 1970, стр. 215.
53. См.: И.Д. Бураев, Л.Д. Шагдаров. Указ. соч., стр. 113.
54. См.: И.Д. Бураев, Л.Д. Шагдаров. Указ. соч., стр. 107.
55. См.: Ч. Содном. Указ. соч., стр. 92.
56. См.: Ч. Содном. Указ. соч., стр. 107.
57. См.: Ч. Содном. Указ. соч., стр. 71.
58. См.: И.Д. Бураев, Л.Д. Шагдаров. Указ. соч., стр. 107.
59. См.: Ч. Содном. Указ. соч., стр. 105.
60. См.: Древнетюркский словарь. Л., «Наука», 1969, стр. 473.
61. См.: Г.В. Юсупов. Антропонимы в болгаро-татарской эпиграфике. «Личные имена в прошлом, настоящем, будущем». М., «Наука», 1970, стр. 250.
62. См.: Ч. Содном. Указ. соч., стр. 51.
63. См.: Ч. Содном. Указ. соч., стр. 49.
64. См.: Г.М. Василевич. Собственные имена эвенков. «Личные имена в прошлом, настоящем, будущем». М., «Наука», 1970, стр. 227.
65. См.: Ч. Содном. Указ. соч., стр. 47.
66. См.: Г.М. Василевич. Указ. соч., стр. 229.

(Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976.)

О РАЗВИТИИ ТОФАЛАРСКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Проблема двуязычия у малых бесписьменных народов, насчитывающих в ряде случаев лишь несколько сотен человек, представляет определенный интерес. К таким народам относятся тофалары, живущие на северных склонах Восточных Саян в Иркутской области. Язык их тюркский, письменности на нем не было и нет. В качестве письменного языка они используют русский язык. По данным переписи 1959 г., тофаларов насчитывалось 560 человек. В настоящее время они проживают в трех селах: Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара. Вместе с русскими и представителями других национальностей трудятся в коопзверопромхозах, занимаясь промысловой охотой и разведением домашних северных оленей. До конца 20-х годов они вели кочевой образ жизни. Контакты с соседними народами — русскими, бурятами и тувинцами носили лишь маргинальный характер. Когда в 1929—1930 гг. началась постройка названных сел, в строительстве наряду с русскими участвовали и тофалары, овладевая новыми для них профессиями плотников, столяров, каменщиков, печников и т.п. Русское население в этих селах помогало тофаларам в овладении навыками оседлой жизни. В процессе совместного проживания тофаларов, русских и лиц других национальностей в этих селах возникает внутрорегиональное контактирование тофаларов с другими национальностями. В связи с этим исторически у тофаларов можно различать два типа двуязычия: 1) двуязычие в условиях кочевой жизни и 2) двуязычие в условиях оседлой жизни начиная с 1929—1930 гг.

На первом этапе контакты тофаларов с соседними народами, как указывалось выше, носили маргинальный характер. При этом у тофаларов (как свидетельствуют старики) существовало не-

сколько видов двуязычия и даже трехязычия. Так, у представителей родов *нааши* и *сары-нааши*, кочевавших по рекам Бирюсе, Гутаре, Агулу, Тагулу (территория современного Верхнегутаринского сельсовета), было в основном тофаларско-русское двуязычие, так как они кочевали по соседству с Сергиевским и Покровским золотыми приисками. Тофалары этих родов частично даже работали на этих приисках, занимались извозом, перевоза на своих оленях различные грузы. У представителей же родов *чогды*, *кара-йогды* и *четтэй*, кочевавших в районе рек Уды, Кана, Ии и левых притоков Оки (территория современного Тофаларского сельсовета), по соседству с нижнеудинскими, унгинскими и окинскими бурятами, тувинцами-тоджинцами и русскими существовали тофаларско-русское и тофаларско-бурятское двуязычие и даже иногда тофаларско-бурятско-русское трехязычие. Дialect соседних с тофаларами тувинцев-тоджинцев в силу близости к тофаларскому языку в какой-то степени понятен тофаларам, и они общаются, говоря каждый на своем языке. Для данного этапа развития двуязычия у тофаларов были характерны следующие моменты: 1) родным языком владело не все население, а лишь та часть, преимущественно мужская, которая имела возможность совершать дальние поездки и общаться с другими народами; 2) владение вторым языком, бурятским и особенно русским, было неполным, частичным, этими языками пользовались лишь при общении с русскими или бурятами.

На втором этапе в условиях оседлой жизни и внутрирегионального контактирования с русскими и представителями других национальностей языком межнационального общения стал русский язык. Благодаря знанию русского языка тофалары получали и получают школьное образование, среднее техническое и высшее, среди них появилась своя интеллигенция, хотя и немногочисленная. Вот уже сорок лет сосуществуют тофаларский и русский языки в условиях внутрирегионального общения, и в настоящее время их социальные функции распределились следующим образом: тофаларский язык — средство бытового общения, русский — язык делопроизводства, обучения, частной переписки, межнационального общения. В большинстве своем тофалары сейчас хорошо владеют русским языком, в основном разговорным. И на первый взгляд, кажется, что все они двуязычны. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что не все в одинаковой степени владеют родным языком и русским. Как правило, лица старше 50 лет знают русский язык слабо. Молодежь и лица среднего возраста владеют русским языком в достаточной степени, но и они между собой предпочитают говорить по-тофаларски. Дети же дошкольного и школьного возраста в основном плохо владеют родным языком, используя почти во всех случаях жизни русский язык. Иногда приходится наблюдать, как ребенок отвечает родителям по-русски, в то время как родители обращаются к нему по-тофаларски. Объясняется это тем, что часть тофаларских детей, находясь в круглосуточных яслях, садах и школе-интернате совместно с русскими детьми, привыкает общаться все время на русском языке. Но все же часть детей, воспитываясь в домашних условиях, активно владеет родным языком и плохо — русским. Кроме того, в селах Верхняя Гутара и Нерха, где тофаларского населения по количеству не меньше, чем русского, дети, как правило, лучше владеют родным языком.

Таким образом, современный тофаларский народ двуязычен. При оценке степени двуязычности народа необходим дифференцированный подход к различным возрастным и социальным группам. Школьное обучение, особенно в начальных классах, необходимо строить с учетом этого обстоятельства.

(Проблемы двуязычия и многоязычия. — М.: Изд-во «Наука», 1972. С. 332-334).

ЭТАПЫ ИСТОРИИ ТОФАЛАРОВ ПО ЯЗЫКОВЫМ ДАННЫМ

История тофаларов, их происхождение, взаимосвязи с другими народами остаются почти неизученными, как и их язык. Населяя веками обширные таежные пространства по северным склонам Восточного Саяна, тофалары вели кочевой образ жизни и были изолированы горно-таежными пространствами от остальной массы тюркоязычных народов, за исключением тувинцев-тоджинцев. До революции тофалары были известны под названием карагасы. Изучение их истории, происхождения и взаимосвязей с другими народами могло бы пролить свет на некоторые сложные, недостаточно изученные вопросы истории и этногенеза народов Южной Сибири. В настоящее время тофалары тюркоязычны, но их еще в XVIII веке Паллас и Георги заставляют самодоязычными. В XIX в. М. Кастрен находит карагасов тюркоязычными, их язык по его записям,

почти не отличается от современного тофаларского, родовой состав тот же. В чем же причина столь противоположных явлений? Историками высказывалась точка зрения, что карагасы в XIX в. уже целиком перешли на тюркский язык, взятый ими от тувинцев. Разрешить в какой мере этот сложный вопрос поможет анализ языка тофаларов в историческом аспекте. Исходя из положения, что в языке отражается история народа – носителя этого языка, мы пытались путем выявления в лексике исторических пластов наметить общие основные этапы истории тофаларов, их взаимосвязей с другими народами как тюркскими, так и нетюркскими.

Имеющийся в нашем распоряжении материал по тофаларскому языку, собранный нами во время экспедиции к тофаларам за период с 1964 по 1968 гг., показывает наличие в нем, кроме фактов общетюркского характера, также древнетюркские черты, влияние огузского, уйгурского и киргизского языков, лексические и фонетические элементы кетских наречий, заимствования из средневекового монгольского языка, заимствования из бурятского и русского языков, а также слова неизвестного происхождения.

Бытование ряда древнетюркских слов и слов, общих с огузскими языками, отсутствующих в тувинском языке, а также совершенно другая фонологическая система тофаларского языка и лексические различия свидетельствуют против того, что предки тофаларов взяли свой тюркский язык у тувинцев. Скорее всего предки тофаларов восприняли тюркский язык во времена тюркского каганата в VI-VIII вв., при господстве тюрков-тукюз, предков огузов, отсюда древнетюркские слова и огузские черты в фонетической системе тофаларского языка. Пребывание в составе уйгурского каганата и государства кыргызов тоже нашло свое отражение как в лексике, так и в фонетических явлениях, наиболее характерным из которых является опереднение гласных в некоторых словах по уйгурскому типу, напр., тоф. *баыш* «голова» — *беһем* «моя голова», *һейнды* «вскипела (жидкость)» и проявление губной гармонии гласных киргизского типа, напр., тоф. *һөндөрө* «напрямик».

В то же время в фонетической системе тофаларского языка, в обоих его говорах алыгджерском и гутаринском, наблюдаются черты, присущие кетским языкам: наличие фарингализованных гласных, сочетание сонорных с *h* — *nh*, *lh*, *ph*, *mh*, *nh*, а также лексические параллели, восходящие к коттскому и ассанскому языкам, напр., асс. *ий* «гора» и тоф. *ий* «южный склон горы», асс., котт. *чегар* «нарта» и тоф. *шегер* «сани». На территории Тофаларии зафиксированы коттские гидронимы Элгашет, Решет, Туманшет и ассанские — Агул, Тагул. В этой связи возможно предположить, что первоначальным ядром предков тофаларов явились какие-то кетоязычные роды, воспринявшие язык древних тюрков и отразившие его своей фонологической системой, затем к этим родам в процессе исторического развития примкнули другие роды, некоторые из которых были и самодоязычными, которых застали еще Паллас и Георги.

Наличие в тофаларском языке нескольких сотен заимствований из средневекового монгольского языка, относимых к XIII—XIV вв., напр., *һиргэ* «пила», *болчжа* = «обусловиться», *һалчжан* «лысый», *чыда* «пика», *һерик* «обрывистый берег» и др. свидетельствуют о том, что с монголами тофалары столкнулись еще в средние века. Наличие ряда монголизмов, отсутствующих в тувинском языке, а также звуковой облик и семантика тофаларских монголизмов, более близких к монгольскому оригиналу, убеждают в том, что тофалары с их тюркским языком сложились, видимо, еще до монгольского завоевания, до XIII в., и монголизмы заимствовали самостоятельно, а не получили их вместе с тувинским языком.

Наличие с полусотни бурятских слов в тофаларском, напр., *һаң* «казна», *һаршы* «плаха, доска», *таһалга* «перегородка» др. говорит о том, что с бурятами у тофалар также давние связи. По историческим сведениям, русские казаки нашли в XVII в. карагасов данниками западных бурятских князей.

С середины XVII в., когда тофалары входят в состав русского государства, начинается все усиливающееся русское влияние, нашедшее отражение в языке в виде двух сотен заимствованных русских слов, прочно вошедших в лексическую систему тофаларского языка.

Слова неизвестного происхождения обозначают местные географические особенности, в основном это названия некоторых растений, животных, специфических черт материальной культуры.

Исторический анализ тофаларского языка приводит к выводу о том, что тюркским он стал уже давно, где-то в VI-VIII вв. и сложился в результате тюркизации тюрками-тукюз, вероятно, кетоязычных родов. Затем попали в сферу влияния уйгурского каганата и государства кыргызов, входили в состав монгольской империи и позднее стали кыштымами западных бурятских князей.

О СВЯЗИ ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Основу словарного состава современного тофаларского языка (до революции 1917 г. называвшегося *карагасским*, поскольку тофаларов тогда называли *карагасами*) составляют тюркские по происхождению слова. Большинство этих слов в тофаларском языке носит общетюркский характер, то есть они присущи современным огузским, кыпчакским, киргизскому, уйгуро-карлукским и болгарскому языкам, а также представлены в сибирских тюркских языках, они зафиксированы в памятниках древнетюркской письменности и представляют общее лексическое достояние тюркских языков. В лексико-грамматическом отношении эти слова в тофаларском языке относятся ко всем частям речи. По своей структуре они являются как неприменимыми, так и применимыми словами, образованными в тофаларском языке в основном по общетюркским словообразовательным моделям. Эти слова как раз и составляют ту лексическую базу, на которой происходит дальнейшее словообразование и словоизменение.

В то же время при наличии общетюркской лексики в тофаларском языке обнаружилось слова, корреспондирующие с отдельными группами современных тюркских языков, ряд этих слов зафиксированы в памятниках древнетюркской письменности. Некоторые слова, кроме тофаларского, бытуют и в других тюркских языках Сибири. Наличие лексики, общей для тофаларского и других языков Сибири, можно объяснить взаимовлиянием языков или происхождением её из одного источника. Но существование специфичных общих слов тофаларского и других сибирских тюркских языков и, например, турецкого, объясняется только тем, что в древности огузские племена расселились в Центральной Азии и оказали своё влияние на формирование тюркских народов Сибири и соответственно их языков. Аналогично можно объяснить наличие общей лексики для тофаларского и других сибирских тюркских языков и языков уйгуро-карлукской, киргизской и кыпчакской групп. Это тоже результат древних влияний и контактов.

Большой интерес представляют тофаларские слова, отсутствующие в других сибирских тюркских языках, но в то же время имеющие параллели в отдельных указанных выше группах современных тюркских языков. Это свидетельствует о каких-то самостоятельных связях носителей тофаларского языка с огузами, уйгурами, киргизами и кыпчаками, существовавшими, по-видимому, ещё во времена тюркского, уйгурского и киргизского каганатов, так как исторически позднейших контактов тофаларов с указанными тюркскими народами не было.

В каждом из современных сибирских тюркских языков имеется слой лексики, характерный для той или иной группы тюркских языков – огузской, уйгурской, киргизской или кыпчакской. При этом количество таких слов в разных языках неодинаково, зависит от степени влияния языков указанных выше групп. Всё это указывает на то, что процесс сложения тюркского пласта тофаларской лексики протекал в том же направлении и под тем же влиянием, что и в других тюркских сибирских языках.

Огузская лексика тофаларского языка включает слова, характерные для современных языков огузской группы – азербайджанского, турецкого, туркменского и ряда других. Часть этих слов бытует, кроме тофаларского, и в иных тюркских языках Сибири. Ср., например, тофаларские слова *дээмин* 'недавно, только что', *дүүн* 'вчера', *баарсық* 'кишки', *баш* 'язва, рана', *бус* 'пар', 'туман над незамерзшей рекой в зимнее время', *төһпө* 'метель, пурга', *сүксүк* 'напёрсток', *шүнчүк* 'бедренный сустав', *тырық* 'запор (медиц.)', *таң* 'нет' (усиливает отрицание при глаголе, когда говорят: *таң, билбес мен* 'нет, не знаю'), *көгүрһен* 'дикий лук', *энік* 'щенок', *ығысыр* = 'кусать (о животных)', *оқша* = 'целовать', *шары* = 'бинтовать', *душ* = 'встретиться (по дороге)'. Некоторые же слова представлены лишь в тофаларском языке, являясь собственнотофаларскими огузизмами, например, *белді* 'известно', 'известный', *қас* = 'тебеневать, разгребать копытами снег, доставая корм', *дэл* = 'продырявить', *дэлик* 'просвет среди ветвей дерева', *уунақ* 'раскрошенный на мелкие части', *уйаик* 'дикий голубь, горлинка'.

Уйгурская лексика тофаларского языка состоит из слов, присущих современным языкам уйгуро-карлукской группы – уйгурскому, узбекскому, жёлто-уйгурскому. Эти слова также разделяются на две части – одни встречаются только в тофаларском языке, как, например, *эт* = 'за-

крыть дверь', *оор* 'ступа, ступка', часть же и в других сибирских тюркских языках, например, *суген* 'рыболовная морда', *чода* 'голень', *өрген* 'колышек', *маң* 'прыжок, скок (*животного, когда он несётся, скачет*)', *мыняк-мыйак* 'помёт, навоз', *сыгыттыс* 'боковые корни', *чурук* 'лоскут кожи', *эши* 'самка медведя или соболя', *мөң* = 'тянуть (*о коне, олене*)', *каъс* = 'грызть орехи', *уъс* = 'черпать жидкость мелким сосудом (*напр. кружкой*)', *чүдүр* = 'выючить', *чыры* = 'светить', 'улыбаться'.

Киргизская лексика в тофаларском языке представлена словами, отсутствующими в других современных тюркских языках, кроме сибирских и имеющих лишь в киргизском языке. Например: *аьтырган* 'белка-летя-га', *эримдши* 'детское седло', *нюмур* 'сычуг', *кечир* 'хрящ; хрящевой', *олут* 'сиденье; место', 'жизнь', *шөө* 'годовалая лиса', 'шакал', *шулу* 'здо-ровый, крепкий', *көшү* = 'одеревенеть, застыть', *кыды* = 'обшить край одежды', *кушкаш* = 'садиться верхом вдвоём на одну лошадь', *төн* = 'кончиться, иссякнуть', *тырыш* = 'сморщиться'. Отдельные слова из этой группы встречаются лишь в тофаларском языке и в некоторых отдалённых от Саян тюркских языках Сибири, например, *быр* 'сажа, копоть', *кеълшин* 'перелётные птицы', *сер* 'твёрдая шишка, намятая седлом, на спине верхового животного', *өң* = 'подкрадываться'.

Кыпчакская лексика в тофаларском языке характеризуется словами, бытующими в языках современной кыпчакской группы – казахском, ногойском, кара-калпакском, а также татарском, башкирском и других языках, например, *даг* 'большой, крупный, огромный', *оода* 'очень', *кыгп* = 'гореть', *тэг* = 'нагружать (воз)', *неңмек* 'темя ребёнка, родничок', *тэйлиген* 'коршун', *ышык* 'место, защищённое от ветра и дождя', *ыңгай* 'дальше, туда подальше'. Представляет интерес наличие общих слов лишь для тофаларского, татарского и башкирского языков, например, *пыъс* 'снежная пороша', *очум* 'всходы растений', 'зародыши кедровых шишечек будущего урожая', *бырышы* 'шрам; струп', *кыгрны* 'мелкий и редкий лес на вершине горного хребта'.

Древнетюркская лексика в тофаларском языке представлена довольно большим количеством слов, бытующих как в памятниках древнетюркской письменности, так и в тюркских языках Сибири. В других тюркских языках они не встретились, например, *азы* 'или', *аьлыг* 'широкий', *балыг* 'рана', 'раненый', *һеш* 'колчан для стрел', *һуньчуг* 'свекровь', *маньцак* 'ленты на шаманском костюме', *устуг мун* 'жирный суп', *өштүген* 'заросший кратер древнего потухшего вулкана', *иби* 'домашний олень', *кат* 'ветер', *уруң* 'ядро кедрового ореха', *ыдык* 'священный'. Кроме того, в тофаларском языке выявились слова, восходящие к древнетюркским языкам и сохранившиеся лишь в тофаларском языке, например, *кыгсыл* 'ущелье, теснина', *калып* 'доисторическое время', *чаъс сөөк* 'берцовая кость', *тукку* 'собака (*грубо*)', *дырыа* = 'двигаться быстро', *өли* = 'мокнуть', *улду* = 'сбивать копыта'.

Наличие древнетюркских слов, сохранившихся в сибирских тюркских языках, свидетельствует о том, что эти языки относятся к языкам-наследникам древнетюркского языка. Собственно тофаларские древние слова говорят о каких-то своих связях и отношениях носителей тофаларского языка с носителями древнетюркского.

Тюрко-монгольская лексика составляет довольно большой пласт слов тофаларского языка. Эти слова, бесспорно, являются тюркскими по происхождению и в значительной степени общетюркскими по бытованию, но в то же время все они имеют параллели в монгольских языках, как древних, так и современных, являясь общемонгольскими словами. Вполне вероятно, что большинство из них при ближайшем рассмотрении окажется тюркскими заимствованиями в монгольских языках. Но поскольку пока не выявлены все монгольские тюркизмы, на наш взгляд, целесообразно ограничиться отнесением этой группы тофаларской лексики к разряду тюрко-монгольских слов.

В лексико-грамматическом аспекте все эти слова представляют собой имена существительные, прилагательные и глаголы, например, *аң* 'дикий зверь', 'изюбрь', *бага* 'лягушка', *булак* 'замёрзшая наледь у родника', *бодуг* 'краска', *мал* 'скот', *тэбе* 'верблюд', *чүрек* 'сердце', *күш* 'сила', *аьһа* 'старший брат', *эр* 'мужчина', *шериг* 'войско, армия', *өш* 'месть', 'вражда', *чыл* 'год', *шаг* 'время', *тушаг* 'пути на передние ноги коня', *эм* 'лекарство', *ала* 'пегий', *кара* 'чёрный', *меңгі* 'вечный', *дэң* 'равный', *каътыг* 'твёрдый', *буътун* 'целый', *қада* = 'приколачивать', *сор* = 'всасывать', *таны* = 'опознать', *төле* = 'платить', *қон* = 'ночевать' и т.п.

В составе нетюркской лексики в тофаларском языке выявляется группа слов, сопоставимых с самодийской, кетской и тунгусо-маньчжурской лексикой. Она представляет собой небольшую группу слов, имеющих параллели в указанных языках. Не исключено, что данные слова окажутся результатом каких-то древнейших связей, отголосками которых они и явились. Любопытно, что к

выводу о причастности самодийских, кетских и тунгусо-маньчжурских племён к формированию тюркоязычного населения Саян приходит С.И. Вайнштейн в результате многолетних исследований по проблемам этногенеза и этнокультурной истории тувинцев и связанных с ними своим происхождением народов (тофаларов и других) [2: 1969]. Он пишет, что «дотюркское население Саян было довольно сложно по своему этническому составу, включая, по всей вероятности, тунгусские, самодийские и кетские этнические компоненты» [там же: 9]. И далее он утверждает, что «в происхождении восточных тувинцев наряду с тюркоязычными племенами, участвовавшими в этногенезе западных тувинцев, важную роль сыграли самодийские, и в меньшей мере кетские и монгольские, а на раннем этапе, вероятно, и тунгусские компоненты» [там же: 15].

Таким образом, в свете этих данных результаты, полученные после диахронического анализа лексики тофаларского языка, могут представить некоторый интерес для истории сложения и развития как самих тофаларов, так и их языка и позволят сделать предположение, что самодийские, кетские и тунгусские этнические группы оказали какое-то влияние и на тофаларов.

Соответствия в самодийских языках находит тофаларское слово *ире* 'предок, прадед', 'медведь', оно совпадает с ненецким [19] *ири* '1) дед, дедушка; 2) прадедушка; 3) старший брат отца или матери; 4) свёкор; 5) старший брат мужа; 6) все мужчины из рода мужа старше его; 7) перен. медведь, волк'. У нганасан [20] слово *ири* также означает 'дед'. В селькупском языке [14] слово *ира* означает 'старик'. Тофаларское слово *соо* 'маленькое ведёрко из бересты, предназначенное для доения оленей' совпадает со словом *со* 'береста' из самодийского койбалского языка [17]. Ср. также ненецкое слово *хо* 'берёза' и моторское *ку* 'берёза' [там же]. Названиями основных тофаларских родов являются *һааш* и *чоғды*, но ещё В.В. Радлов [22: 205] считал название «чоғды» бесспорно самодийским по происхождению, а этноним «каш» или «каса» Б. О. Долгих [7: 239] считал тоже самодийским. О том, что это не случайные совпадения, а, по-видимому, реликтовая лексика, говорит, кроме этнонимии, также наличие на территории расселения тофаларов ряда гидронимов, имеющих в своём составе южно-самодийские компоненты *-яха*, *-чага*, *-ба*, *-ма*, *-бы* [10: 289-295], ср., например, реки *Йага*, *Дээр-Йага*, *Бораан-Чага*, *Тайба*, *Йоорма*, *Догульма*, *Үңгүрбей*, *Қара-Биш*, *Сарығ-Биш* и т.п.

Кетских элементов в тофаларском языке значительно больше, чем самодийских. Они проявляются в лексике, но более всего в фонетике, создавая специфику звукового состава тофаларского языка. В этом плане фонетическая система тофаларского языка характеризуется наличием особых фарингализованных кратких гласных, фонологически противопоставленных долгим и чистым кратким гласным. Эти фарингализованные краткие гласные в обязательном порядке предшествуют сильным глухим согласным, имеющим своё чередование при попадании в интервокальное положение, например, *ыгът* 'собака' – *ыгыты* 'его собака', *ыт* 'отправь' – *ыдар* 'от-правит', *ыыт* 'голос' – *ыыды* 'его голос'; *эыи* 'гребни веслом' – *эыһер* 'будет гребсти веслом', *эи* 'друг' – *эци* 'его друг', *эиш* 'медведица', 'самка соболя' – *ээци* 'его медведица', 'его самка соболя'. Этим тофаларский язык отличается от тюркских языков других групп, даже от тувинского, хотя в нём тоже имеются фарингализованные гласные, но они связаны с согласными совсем иными отношениями. В нём все согласные, попав в интервокальное положение озвончаются (ср., например, тув. *ыгът* 'собака' – *ыгды* 'его собака'). На слух тофаларские фарингализованные гласные заметно отличаются в произношении от тувинских и напоминают скорее краткие фарингализованные гласные кетских диалектов [5: 8; 88], в которых они звучат кратко и отрывисто, даже с каким-то придыханием, если судить о них по утверждению Г.К. Вернера, высказанному в личной беседе с ним. В силу такой особенности фарингализации гласных в тофаларском языке наблюдается некоторое начальное придыхание у глухих сильных согласных, которым эти гласные предшествуют, чего, кстати, нет в тувинском языке. Кетским влиянием, по-видимому, объясняется и сочетаемость в тофаларском языке звука *h* с сонорными: *mh*, *nh*, *ŋh*, *lh*, *ph*, *ʔh*. Например: *тагъһы* 'табак', *агъһай* 'олёнок', *кагъһа* 'лыжи-голицы', *тагъһан* 'лепёшка', *тогъһо* 'бочка', *кагъһһа* 'удивляйся'. Аналогичное явление отмечено исследователями только в кетских языках [9], например, имб. *еемһи* 'белка-летяга', имб. *до:нгһой* 'омуль', имб. *ойһе* 'смородина', ар. *кыльһан* 'ложка', ар. *кальһона* 'маленький', ар. *пһин'анг* 'песок', пумп. *пһалла* 'мальчик' и т.п.

В тофаларском языке имеется также ряд лексических элементов, корреспондирующих с кетскими, причём чаще всего с ассанскими или коттскими, например, тоф. *шегер* 'сани' ср. асс. *чегар*, *чогар*, котт. *чогар* 'нарты'; тоф. *аза* 'чёрт' ср. асс. *аса*, котт. *аша*, *аса* 'дьявол'; тоф. *һамашы* 'камасинец; камасинский' ср. ар. *хангма'ше* id.; тоф. *ий* 'южный склон горы' ср.

асс. *ий, иши* 'гора'; тоф. *сақ* 'оранжевое пятно на груди соболя' ср. имб. *са.к, сак*, ост. *сак*, елог., кур. *сак* 'белка'; тоф. *күспер* 'корова' (старинное грубое название) ср. имб. *ку.с. кусь*, кур. *кус* 'корова', ар. *кус*, асс. *һуш*, пумп. *кус* 'конь' [9], тоф. *ишичек* 'маленькая птичка' ср. симско-кетское *чичик* 'трясогузка' [5: 14]. Кроме того, в тофаларском языке сохранились некоторые ассанские (*Агул* 'р. Агул', *Тагул* 'р. Тагул') и коттские (*Элгашет* 'р. Алгашет', *Решет* 'р. Решет', *Туманшет* 'р. Туманшет') гидронимы [8: 109, 110-111].

Единичные тофаларские слова имеют параллели и в тунгусо-маньчжурских языках [3]. Так, тофаларское слово *мезрэн* 'запястье' можно сопоставить с эвенк. *мйрэ*, эвен. *мйр*, маньчж. *мэйрэн* 'плечо', тоф. *сыран* 'опорный шест чума' (ср. тув.-тодж. *сыран* id.) - с эвенк. *сёранг*, *хёранг*, *шёранг*, эвен. *һёраң* 'жердь остова юрты'; тоф. *һаақ* 'лыжи, подбитые камусом' (ср. тув. *хаак* 'лыжи') - с эвенк. *хăкрэ*, *хăксэ*, *хăктэ* 'лыжи'; тоф. *чук* 'древесная смола' (ср. тув. *чук*, хак. *чух* id.) - с эвенк. *чуксэ* 'древесный сок', 'смола'; тоф. *киик!* 'возглас, который троекратно выкрикивают после добычи медведя на берлоге' (ср. як. *ках* id.) - с эвенк. *кйк* 'крик охотника, подходящего к дому после удачной охоты на медведя'. Других соответствий с этими языками в тофаларском языке пока обнаружить не удалось. Исторически эвенки проживали в Приангарье, территория их расселения когда-то соприкасалась с территорией расселения предков тофаларов, поэтому данные слова можно рассматривать как остатки былых контактов.

В современном тофаларском языке обнаружилось довольно большое количество, порядка нескольких сотен слов, лексики монгольского происхождения. При этом все эти слова отчётливо характеризуются признаками средневекового монгольского языка XIII-XIV вв. Так, например, в тофаларских монголизмах средневекового периода сохраняются основные черты, зафиксированные в старописьменном монгольском языке (материал по старописьменному монгольскому и халха-монгольскому языку взят из «Большого академического монгольско-русского словаря» [1], по бурятскому языку - из «Бурятско-русского словаря» [21], по калмыцкому языку - из «Калмыцко-русского словаря» [11]): 1) наличие шипящих аффрикат *ʃ* (дж) и *ʈ* (ч): тоф. *һальчан* 'лысый' < монг. *qalʃan*, ср. х.-монг. *халдзан*, бур. *халзан*, калм. *һалзн* 'лысый'; тоф. *шугулда* = 'сердиться' < монг. *ᠱuqulda* =, ср. х.-монг. *цухалд* =, бур. *сухалда* =, калм. *цухлд* = 'сердиться'; 2) наличие в первом слоге гласного *i* (и), не подвергнувшегося перелому: тоф. *чыраа* 'иноходец' < монг. *ᠵiruᠠ*, ср. х.-монг. *джороо*, бур. *жороо*, калм. *жора* 'иноходец'; тоф. *һирээ* 'пила' < монг. *kirüge*, ср. х.-монг. *хөрөө*, бур. *хюрөө*, калм. *көрэ* 'пила'; 3) наличие в неизменённом виде аффикса существительных *-sun/-sün*: тоф. *наъсын* 'возраст' < монг. *nasun*, ср. х.-монг. *нас*, бур. *наһан* 'возраст', калм. 'наһн' id.; тоф. *һүнэсин* 'продовольствие' < монг. *künesün*, ср. х.-монг. *хүнс*, бур. *хүнэһэн* 'продукты питания' и ряд других более мелких признаков.

Все выявленные в тофаларском языке среднемонгольские заимствования в лексико-грамматическом отношении представляют собой существительные, прилагательные, наречия, глаголы и междометия. Они подразделяются на ряд лексико-семантических групп. Примерами тофаларских средневековых монголизмов можно назвать: *итэгел* 'вера', 'надежда', *һеречи* 'свидетель', *ольца* 'добыча', *цайаачы* 'творец (бог)', *һаңгай* 'небо как божество', *муьһур сөөм* 'короткая пядь', *селеме* 'сабля', *серээ* 'острога', *мағыһян* 'палатка', *суучамбуу* 'вид шелковой ткани', *мөндүр* 'град', *қоргольцин* 'свинец', *бора* 'серый', *буурул* 'седой', *балар* 'небрежный', *чиьһе* 'прямо', *дааре* 'лучше', *амса* = 'пробовать', *чоба* = 'мучиться', *килей* = 'быть гладким' и т.п.

Общий облик средневековых монгольских слов в тофаларском языке в основном сохранился, изменения коснулись лишь отдельных звуков, заменившихся сходными звучаниями.

Наличие в тофаларском языке такого значительного количества средневековых монгольских лексических элементов (особенно прилагательных, наречий и глагольных основ) свидетельствует о древности, глубине и широте связей предков тофаларов со средневековыми монголоязычными группами. Особенно интенсивными эти связи, особенно влияние монгольского языка, культуры и экономики, были в период с XIII по XVII вв., когда территория Саяно-Алтайского нагорья, а соответственно и жившие там народы, входила в состав монгольской, а затем Джунгарской империи.

Среди монголоязычных лексических заимствований, проникших в тофаларский язык в различные исторические эпохи, достаточно явственно выделяются заимствования из бурятского языка, точнее из западно-бурятского говора, носители которого занимали ранее и занимают теперь

территорию, непосредственно граничащую с территорией расселения тофаларов. На северо-востоке их соседями являются нижеудинские буряты, на юго-востоке – окинские. О том, что указанные группы бурят издавна являются соседями тофаларов, свидетельствуют сообщения путешественников XVIII в. П.С. Палласа [12] и И. Георги [6], а также хронологически более ранние сообщения русских казаков, совершавших в XVII в. походы в Сибирь. В отписках московскому царю они сообщали о карагасах как о соседях и данниках бурят [13: 137]. При кочевой жизни тофаларов их кочевья соприкасались с поселениями нижеудинских бурят – сёлами Солонцы и Сангарок. По воспоминаниям тофаларских стариков, в тот период почти все их взрослые мужчины владели либо бурятским нижеудинским, либо окинским говорами [15; 16]. С бурятами тофалары поддерживали тесные торговые и хозяйственные связи. Все эти отношения с бурятами не могли не найти отражения в тофаларском языке. Здесь выявилось свыше сотни слов, имеющих бесспорные признаки бурятского языка, каковыми являются, например, наличие *h* на месте монгольского *s*, отсутствие аффрикат, произнесение в первом слоге гласного *y* вместо монгольского *ö*, семантика слова, характерная для бурятского языка, и ряд других, более мелких признаков. Примерами лексических бурятизмов могут послужить такие тофаларские слова, как *таһалга* ‘комната’ (< бур. *taһалга*, ср. х.-монг. *тасалгаа* ‘комната’), *һазаар* ‘конская узда’ (< бур. *хазаар*, ср. монг. *qajayar*, х.-монг. *хадзаар* ‘узда’), *шүдэр* ‘конские пути’ (< бур. *шүдэр*, ср. монг. *šidür*, х.-монг. *чөдөр* ‘пути’), *сэргэ* ‘коновязь’ (< бур. *сэргэ* ‘коновязь в виде столба’), *һуцу* ‘всегда’ (< бур. *хужа* ‘всегда’), *һайрһа* = ‘хвастать’ (< бур. *һайрха* =, ср. монг. *sayirqa* =, х.-монг. *сайрха* = ‘хвалиться’) и т.п.

Наличие монгольских и бурятских заимствований в тофаларском языке показывает, что на культуру и различные стороны хозяйственной деятельности тофаларов значительное влияние оказали гораздо более развитые экономически соседи – монголы и буряты. От бурят пришла к тофаларам религиозная буддийская лексика, от бурят и монголов – слова, связанные с общественно-политическими явлениями, а также многие общие понятия. У монголов заимствованы названия основных инструментов. От монголов и бурят к тофаларам попали названия ряда растений, домашних и диких животных, частей тела человека и животных, многие названия предметов домашнего обихода.

Заимствования из русского языка начали проникать к тофаларам с середины XVII в., когда на реке Уде в районе расселения предков современных тофаларов и нижеудинских бурят был построен в 1648 г. Удинский острог (теперь город Нижнеудинск), а тофалары стали данниками русского царя. Позднее, с появлением русских переселенцев и с основанием русских деревень, у тофаларов начинают налаживаться культурно-хозяйственные и торговые связи с русскими. Тофалары усваивают от русских новую для них оседлую культуру, новые виды хозяйственной деятельности, от русских купцов и мелких торговцев покупают товары русского производства.

Со второй половины XIX в., с развитием капитализма в России, начинается более интенсивное освоение Сибири, расширяется поток русских переселенцев. Увеличивается количество русских деревень, расположенных как по соседству с тофаларами, так и в районе их расселения. В этот период открываются на территории Тофаларии Сергиевский и Покровский золотые прииски. Связи тофаларов с русским населением всё более расширяются. Этому способствовало и обращение тофаларов в христианскую веру.

В 20-е годы XX столетия, когда в Иркутской области установилась Советская власть, тофалары были уже тесно связаны хозяйственными и торговыми отношениями с жителями русских деревень и отдельных заимок, расположенных на территории тофаларских кочевий.

С 1929 г. началось строительство стационарных посёлков Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара, в которых тофалары начали новую для них оседлую жизнь, образцы которой они видели в соседних русских деревнях. До сих пор продолжается влияние на тофаларов русской культуры и русского языка, который подчас вытесняет из устного общения родной язык.

Все эти тофаларско-русские связи и отношения нашли своё отражение и в тофаларском языке в виде многочисленных лексических заимствований из русского языка, которые подразделяются на ранние, дореволюционные заимствования и русизмы советского времени. К первым относятся, например, тофаларские слова типа *маһмаар* ‘амбар’, *һиринсэг* ‘крыльцо’, *гершөөк* ‘чайник’, *оскоовор* ‘сковорода’, *ностоол* ‘стол’, *ырмаақы* ‘рубаха’, ‘платье’, *сабытықы* ‘сапоги’, *соһһоовой* ‘рубль, целковый’ и т.п., подвергшиеся фонетической деформации, что неизбежно при их адаптации и подчинении звуковому строю и фонетическим законам языка-реципиента. Ко вторым – *тоосқа* ‘малокалиберная винтовка, тозовка’, *столоовой* ‘столовая’, *буука-бууква* ‘буква’, *тет-*

раатка 'тетрадь', *ышкоол* 'школа', *бригаада* 'бригада', *қоълхоос* 'колхоз', *қыраамытты* 'грамота', *киноо* 'кино', *машиин* 'автомашина', *траақтыр* 'трактор' и т.п. Эти слова уже почти не деформировались, поскольку сами тофалары уже в достаточной степени овладели русским языком, чтобы не допускать интерференции родного языка в русских словах. Старые русские слова, освоенные тофаларским языком и произносимые по нормам родного языка, воспринимаются как свои собственные.

Таким образом, представленный выше краткий беглый обзор лексического состава современного тофаларского языка по происхождению позволил проследить всю историю тофаларского народа, начиная с древнетюркского времени и до современности. На примере истории сложения словарного состава удалось показать следы огузской, уйгурской, киргизской и кыпчакской лексики, древнетюркского языка, выявить элементы самодийского, кетского и тунгусо-маньчжурского происхождения, осветить значительное влияние на тофаларский язык средневекового монгольского языка, а позднее бурятского, показать роль русского языка и соответственно русского влияния на современную жизнь тофаларов.

Библиография

1. Большой академический монгольско-русский словарь. М., 2001-2002. Т. I-IV.
2. Вайнштейн С. И. Происхождение и историческая этнография тувинского народа. Автореферат докторской дисс. М., 1969.
3. Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
4. Вернер Г.К. Звуковая система сымского диалекта кетского языка // Автореферат канд. дисс. Томск, 1966.
5. Вернер Г.К. Слоговая акцентуация кетских говоров // Вопросы диалектологии и языкознания / Уч. зап. Омского ГПИ им. А. Горького. Омск, 1969. Вып. 44.
6. Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Часть третья – о народах самоедских, маньчжурских и восточных сибирских ... СПб., 1799.
7. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
8. Дульзон А.П. Кетские топонимы Западной Сибири // Уч. зап. ТГПИ. Томск, 1959. Т. XVIII.
9. Дульзон А.П. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям // Уч. зап. ТГПИ. Томск, 1961. Т. XIX.
10. Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // Труды XXV международного конгресса востоковедов, Москва 1960 год. М., 1963. Т. III.
11. Калмыцко-русский словарь. М., 1977.
12. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Т. III.
13. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.
14. Прокопьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л., 1935.
15. Рассадин В.И. Бурятские лексические заимствования // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2.
16. Рассадин В.И., Шагдаров Л.Д. Об употреблении тофаларами бурятского языка // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2.
17. Спасский Г. Словарь койбальского языка (Приложение к статье Л.П. Потапова. Происхождение и этнический состав койбалов) // Советская этнография. 1956. № 3.
18. Спасский Г. Словарь языка моторского, собранный в 1806 г. (Приложение к монографии Л.П. Потапова. Происхождение и формирование хакасской народности). Абакан, 1957.
19. Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М., 1965.
20. Файнберг Л.А. Терминология родства нганасан как исторический источник // Сибирский этнограф. М., 1962. Вып. IV.
21. Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. М., 1973.
22. Radloff W. Aus Sibirien. Leipzig, 1884.

Принятые сокращения языков и говоров

асс.	- ассанский язык кетской группы языков
ар.	- аринский язык кетской группы языков
бур.	- бурятский язык
елог.	- елогуйский говор кетского языка

имб.	- имбатский говор кетского языка
калм.	- калмыцкий язык
котт.	- коттский язык кетской группы языков
кур.	- курейский говор кетского языка
маньчж.	- маньчжурский язык
монг.	- старописьменный монгольский язык
ост.	- остяцкий язык (старое название кетского языка)
пумп.	- пумпокольский говор кетского языка
тоф.	- тофаларский язык
тув.	- тувинский язык
тув.-тодж.	- язык тувинцев-тоджинцев
хак.	- хакасский язык
х.-монг.	- халха-монгольский язык
эвен.	- эвенский язык
эвенк.	- эвенкийский язык
як.	- якутский язык.

(Статья не опубликована).

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ТОФАЛАРОВ

Самоназвание тофаларов - *тофа* - зафиксировано в научной литературе XIX в. [Штубендорф 1854, с. 229]. Оно восходит, как уже доказано специалистами, к древнему племенному названию *дубо*, которое встречается в китайских летописях Вэйской (V в.) и Танской (VI-X вв.) династий [Бичурин 1950, с. 348; Вайнштейн 1961, с. 6, 15-16; 1994, с. 335; Рассадин 1971, с. 4] и относится к одному из поколений уйгуров-теле, бывших в подчинении у тюрков-тугю (огузов) [Вайнштейн 1980, с. 83-84]. Изыскания историков свидетельствуют о бесспорной древности расселения данного этноса в Саянах. Например, исследователь этнографии и этногенеза саянских тюрков С.И. Вайнштейн [1980, с. 86] пишет по этому поводу: "Итак, историко-этнографический анализ письменных источников позволяет сделать вывод, что тюркоязычные туба, этнически близкие уйгурам, проникнув на территорию Саян еще в I тысячелетии н. э., оказались в чуждой им, главным образом самодийской и кетоязычной, этнической среде и постепенно приспосабливали свой быт и хозяйство к новым условиям".

В форме *туба* этот этноним встречается в хронике "Сокровенное сказание монголов" (1240 г.) в § 239, применительно к одному из саянских народов, сохранился он в виде *тыва* – самоназвания тувинцев Республики Тыва РФ, *дыва* – самоназвания тувинцев Цэнгэльского сомона Монголии, кёк-мончаков Монголии и Китая, *туба* – названия этнической группы северных алтайцев и родового подразделения хакасов-качинцев, *туһа* – самоназвания уйгуров-цаатанов и уйгуров-урианхайцев Монголии.

Этот этноним специалистами по этногенезу саянских тюрков отождествляется с лесными урянкатами, упомянутыми Рашид-ад-Дином в "Сборнике летописей". С.И. Вайнштейн [1980, с. 85] так пишет об этом: "Очевидно, лесными урянкатами персидский историк назвал этот народ из-за их этнической связи со степными урянкатами, которые, судя по его описанию, были тюркоязычны и этнически близки уйгурам". В связи с этим весьма показателен тот факт, что соседние с ними нижеудинские буряты называют тофаларов *урианкад* – урианхайцы, а окинские буряты, тоже соседи тофаларов, называют их либо *урианхад* – урианхайцы, либо *уйгар* – уйгуры, либо *уйгар хэлтэн* – уйгуроязычные, либо *зугдэ* -- по названию одного из тофаларских родов *дэгды* ~*чогды*, кочевавшего в прошлом непосредственно возле окинских бурят и контактировавшего с ними. Кстати, названия *урианхад*, *уйгар*, *уйгар хэлтэн* окинские буряты применяют и к тувинцам. Это свидетельствует о тех далеких временах, когда продвинувшиеся в Прибайкалье в IX в. монголоязычные предки бурят столкнулись на Саянах с уйгуроязычными племенами, вошедшими позднее в состав тувинцев и тофаларов, а также хакасов, шорцев и северных алтайцев.

Историки, специалисты по народам Саяно-Алтая, как например Л. П. Потапов [1957, с. 227], утверждают, что тюркоязычные тофалары образовались в результате тюркизации со стороны ту-

винцев самодийских племен и родов, обитавших на Саянах. Тюрколог-лингвист Н. А. Баскаков [1969, с. 317], опираясь на материалы Н. Ф. Катанова, отнес тофаларский язык к диалектам тувинского языка. Мы [Рассадин 1969, с. 37] в результате проведенного нами сравнительно-исторического анализа тофаларского языка пришли к выводу, что этот язык образовался в результате тюркизации еще в древнетюркское время, в VI-VIII вв., орхонскими тюрками и уйгурами кетоязычных родов. Присоединившиеся позднее к уже тюркоязычным предкам тофаларов самодийские роды воспринимали тюркский язык у них, а не у тувинцев.

В научной литературе и в официальных источниках тофалары вплоть до 1934 г. назывались *карагасами*. В 1934 г. Карагасский туземный Совет был переименован в Тофаларский национальный Совет, было устранено название *карагасы* и официально утверждено название *тофалары*. в личных документах стали писать национальность *тофа*.

Тофалары издавна контактировали с различными соседними народами. На севере и северо-востоке ареала расселения их соседями были кетские племена ассанов и коттов (по-тофаларски *ходуг*), на востоке - нижеудинские буряты (*Аьлтыы Уда быраат*), на юго-востоке - окинские буряты (*Аьһа быраат*) и сойоты (*һаазуут*), на северо-западе - самодийские племена камасинцев (*һаңмашы*), моторов (*мотоор*), карагасов, а также тюркоязычные хакасы-качинцы, на западе и юго-западе - тувинцы-тоджинцы (*чооду*). Знали тофалары русских (*орус*), монголов (*адай*) и китайцев (*қытат*). Известны некоторые названия тофаларов, бытующие у соседних народов. Так, тувинцы-тоджинцы называют их *хаашитар*, что означает "гнусавые" (поскольку назализация – общий и весьма характерный признак тофаларского языка), нижеудинские буряты, как уже говорилось выше, зовут их *уряанкад*, окинские буряты используют разные названия: *уряанхад*, *уйгар*, *уйгар хэлтэн* и *зугдэ*.

Тофалары являются потомками населения, входившего в XVII в. в пять административных улусов "Удинской земли" Красноярского уезда: Карагасский (род Сарыг-Каш), Кангатский (род Каш), Югдинский (род Кара-Чогду), Сильпигурский (род Ак-Чогду или просто Чогду) и Манчжурский (род Чептей), возникший на месте распавшегося Кубалитского улуса [Долгих 1960, с. 252, 254]. Население этих улусов составляли представители различных тофаларских родов. Род, как удалось установить, состоял из более мелких подразделений, объединявших близких кровных родственников, ведущих свое происхождение от общего предка, – патронимии, называвшихся по-тофаларски *аал*. Каждая патронимия имела свою определенную территорию кочевания, как и род. Род назывался словом *нён*, но тот же род вместе с территорией, на которой он обитал, носил название *аймак*. Каждый *аал* входил в состав определенного *нёна* и *аймака*. Старики-тофалары до сих пор помнят свои роды и патронимии. Нам удалось зафиксировать у них названия следующих тофаларских родов: *һааш*, *сары-һааш*, *чогды* (*чогду*), *ақ-чогды* (*ақ-чогду*), *қара-чогды* (*қара-чогду-қара-йогды-қара-йогду*), *чептэй*. Был у них еще род *қара-һааш*, который прекратил свое существование незадолго до революции. Как утверждали старики, этот род вымер в результате большой эпидемии оспы в 1911 году.

Роды *чогды*, *ақ-чогды* и *қара-чогды* составляли единую группировку, называвшуюся *буруңгуу ааллар* (букв. "восточные аалы"), кочевавшую в бассейне рек Уды и Кара-Бурени; роды *һааш*, *сары-һааш* и бывший *қара-һааш* объединялись в группировку, носившую название *соңғуу ааллар* (букв. "западные аалы") и кочевавшую в бассейне рек Гутары и Бирюсы. Между ними локализовалась группа аалов, входивших в род *чептэй*, называвшаяся *оьртаа ааллар* (букв. "срединные аалы"). Это деление на группировки нашло в какой-то мере отражение и при переходе тофаларов на оседлость в 1930-х гг. Так, представители родов западной группы были поселены в пос. Верхняя Гутара, восточной – в пос. Алыгджер, срединной – в пос. Нерха.

Современные тофалары продолжают жить в этих же трех поселках – Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара – на территории Нижнеудинского района Иркутской области Российской Федерации. Население их смешанное, тофалары по численности составляют около половины (здесь тофаларов немногим более 600 чел.).

Тофалары всегда были малочисленным народом. Так, Ю.П. Штубен-дорф [1854, с. 230] определил их число в 1851 г. в 543 чел. Он же [1854, с. 237] утверждал, что некогда их численность была намного больше и доходила до нескольких тысяч человек, но из-за оспы, свирепствовавшей у них, их численность значительно сократилась. В то же время приведенная Л.В. Мельниковой [1994, с. 35-36] подборка сведений о численности тофаларов в разные годы (с 1675 по 1930 гг.), взятых ею из разных достоверных источников, показывает, что их численность все эти годы была относительно стабильной и составляла в среднем немногим более 400 чел. Рост численности тофаларов стал наблюдаться с 1950-х гг. XX в. Так, перепись 1959 года установила их численность

в 586 чел., 1970 г. - 763, 1979 г. - 763, 1989 г. - 731 чел. В самой Тофаларии тоже наблюдается рост численности тофаларов. Например, динамика их численности здесь выглядит следующим образом: в 1979 г. их было 476 чел., в 1985 г. - 596, в 1989 г. - 636, в 1993 г. - 649, в 1995 г. - 697, в 1998 г. - 669 чел.

Лингвисты [Баскаков 1969, с. 323] включают тофаларский язык вместе с тувинским языком в уйгуро-тукуюскую подгруппу уйгуро-огузской группы тюркских языков. К этой же группе относят хакасскую и якутскую подгруппы. В то же время есть мнение [Рассадин 1982, с. 33-34], что тофаларский язык, будучи самостоятельным языком, входит в саянскую подгруппу тюркских языков, объединяясь вместе с языками цаатанов и уйгуро-урянхайцев Монголии, а также окинских сойотов Бурятии в её таёжный ареал [Рассадин 2002, с. 186], к которому можно отнести и язык тувинских оленеводов-тоджинцев. Большая близость языков этого ареала между собой говорит о том, что у них был один язык-предок. Степной ареал саянской подгруппы образуют языки тувинцев Республики Тыва РФ, языки тувинцев Цэнгэльского сомона Монголии и кёк-мончаков Монголии и Китая. Очень большая близость языков степного ареала между собой свидетельствует о том, что у него тоже был один язык-предок. Языки таёжного и степного ареалов имеют значительные расхождения принципиального характера. В то же время они имеют между собой много общих черт, сближающих их и отделяющих от других тюркских языков Сибири – алтайской, хакасской и якутской подгрупп. Общность языков этих ареалов говорит об этнической общности их носителей.

Сравнение в общетюркологическом плане [Рассадин 1971 с. 71-87] показало, что тофаларский язык иногда сам, а иногда вместе с другими тюркскими языками Саяно-Алтая и якутским сохраняет ряд архаичных черт, отдельные из которых сопоставимы как с древнеогузским, так и с древнеуйгурским языками. Изучение фонетики, морфологии и лексики тофаларского языка в сравнительном плане [Рассадин 1982] показало, что этот язык является самостоятельным тюркским языком, а не диалектом тувинского языка. Он имеет как специфические черты, так и признаки, объединяющие его либо со всеми тюркскими языками, либо с их отдельными группами и подгруппами, но больше всего с саянскими. Главным образом по фонетическим и лексическим признакам тофаларский язык подразделяется на алыгджерский и гутаринский говоры [Рассадин 1971, с. 8-9], причем алыгджерский говор больше сближается с тувинским языком, гутаринский – с хакасским, что обусловлено, по всей вероятности, особенностями этногенеза алыгджерской и гутаринской групп тофаларов. Первые, носящие общий этноним *чогоды*, связаны своим происхождением с тувинским этносом *чооду*, вторые – *хаши* – с хакасскими качинцами *хаши*.

История изучения тофаларов в историко-этнографическом и этнолингвистическом отношении относительно невелика. Менее всего изучены вопросы их этногенеза. Специально этим вопросом никто не занимался, имеются лишь попутные замечания различных исследователей, как историков, этнологов, так и лингвистов. Обобщая их, можно установить следующее.

Прежнее название тофаларов *карагасы* впервые было зафиксировано в научной литературе в XVIII в. в трудах П.С. Палласа [1788, с. 524-526] и И. Георги [1799, с. 19-20]. Причем оба при этом единодушно утверждали, что это самодийское племя с чистым самодийским языком, не столь испорченным, как у других саянских самодийцев. Приводимый ими языковой материал достаточно убедительно аргументирует это их утверждение. В то же время источники XIX в. говорят о карагасах как о тюрках. Их тюркский язык, зафиксированный Ю.П. Штубендорфом и М.А. Кастреном, почти ничем не отличается от современного тофаларского языка [Рассадин 1978, с. 200-201]. Их самоназвание *тофа*, как уже отмечалось выше, фиксировалось Ю.П. Штубендорфом в середине XIX в., равно как и деление их на пять родов: *хаши*, *ссарых хаши*, *акдяуда*, *карадяуда*, *дептей*, которые расселились в пределах пяти улусов: 1) карагасский – род *ссарых хаши*; 2) шельбегорский, или сильпагурский, – род *акдяуда*; 3) кангасский, или кангатский, – род *хаши*; 4) удинский, или судинский, – род *карадяуда*; 5) маллерский, или манжурский, – род *дептей* [Штубендорф 1854, с. 229-230].

М.А. Кастрен [1856, с. 389] приводил названия почти тех же родов: *каши*, *сарыг каш*, *кара каш*, *тьогды*, *кара тьогды*, *тептей*, добавив к ним *ирге*, *тарак*, *богожы*. При этом он производил название народа *карагас* от этнонима *кара каш* (т. е. "черный каш"). Кастрен считал роды *каши*, *сарыг каш*, *кара каш* тюркскими, произошедшими от хакасов-качинцев, роды *тьогды*, *кара тьогды* – монгольскими, род *тептей* – выходцем из Тунки, а роды *ирге*, *тарак*, *богожы* – самодийскими. На основе сопоставления и анализа языкового материала он пришел к выводу, что карагасы, койбалы и сойоты имеют общее происхождение, а их языки развились якобы из качинского. Большой интерес здесь вызывает то, что П.С. Паллас и И. Георги, побывавшие у карагасов буквально за 50

лет до М.А. Кастрена, утверждают, что карагасы "самоеды" (самодийцы) и притом с достаточно чистым самодийским языком. Кастрен же и все последующие авторы с середины XIX в. уже единодушно свидетельствуют об их тюркоязычности. Такой разноречивой в этнической и языковой привязке карагасов (тофаларов) может говорить лишь о сложности их этногенеза.

В.В. Радлов, занимаясь помимо других тюркских народов и их языков также тюркскими народами и языками Южной Сибири, в том числе и карагасами (тофаларами). Используя материалы Кастрена, он пишет, что карагасы делятся на пять родов: *каш*, *сарыг каш* (желтые каш), *тйогды*, *кара тйогды* (черные тйогды) и *тентей*. При этом первый род живет по соседству с сойонами (тувинцами - В. Р.), второй - по соседству с камасинцами, пятый - по соседству с бурятами. Территория, на которой карагасы кочуют со своими оленьими стадами, расположена между реками Ока, Уда, Бирюса, Кан. Радлов поддержал Кастрена в его предположении о том, что название *карагасы* возникло от названия рода *кара каш*, а этноним *каш* в названиях карагасских родов свидетельствует об их качинском происхождении, то есть часть карагасов составляют переселившиеся качинцы (одно из племен хакасов). Проведя анализ языковых материалов по карагасскому языку, собранных Кастреном, Радлов пришел к выводу, что этот язык близок не только качинскому, сойонскому, а также якутскому, но и древнему уйгурскому [Радлов 1989, с. 87-88]. Это очень важный вывод.

Такой разноречивой в определении тофаларов то самодийцам, то тюрками, причем временная разница между трудами П.С. Палласа (1788) и И. Георги (1799), Ю.П. Штубендорфа (1854) и М.А. Кастрена (1856) невелика и составляет немногим более 50 лет, говорит о сложности этногенеза тофаларов. Историки, специалисты по народам Саяно-Алтая, как например, Л.П. Потапов [1957, с. 227], утверждают, что тюркоязычные тофалары образовались в результате тюркизации со стороны тувинцев самодийских племен и родов, обитавших на Саянах. Тюрколог-лингвист Н.А. Баскаков [1969, с. 317], опираясь на материалы Н.Ф. Катанова, отнес тофаларский язык к диалектам тувинского языка. Мнение о том, что тофалары – это отувиненные самодийцы, закрепилось в науке надолго. Однако сопоставительное исследование строя современного тофаларского языка, выполненное нами [Рассадин 1982, с. 33], показало, что тофаларский язык – самостоятельный язык, относящийся к таёжному ареалу саянских тюркских языков, и не является диалектом тувинского языка, от которого он значительно отличается, поскольку тувинский язык – представитель степного ареала саянских тюркских языков. В современном тофаларском языке сохраняется много архаичных черт, отсутствующих в тувинском языке и его диалектах. Это может лишь свидетельствовать о самостоятельном формировании тофаларского языка еще в глубокой древности.

Обращение к этнической истории тофаларов показало, что их современное самоназвание *тофа́*, названия современных тофаларских родов *хааш*, *сары хааш*, *чогды*, *ақ-чогды*, *кара-чогды*, *четтэй* ничуть не изменились со времен Штубендорфа и Кастрена, а ведь с тех пор прошло полтора столетия. Следовательно, можно предположить, этот родовой состав сложился задолго до Штубендорфа и Кастрена, поскольку он предстает им уже сложившимся, как и язык, который со времен этих исследователей не изменился. За 50 лет от Палласа и Георги до Штубендорфа и Кастрена не могли произойти столь быстрые и разительные перемены в языке и родовом составе карагасов. Значит, остается одно – родовой состав и язык карагасов (тофаларов) такими и были задолго до Палласа и Георги. В результате проведенного нами сравнительно-исторического анализа тофаларского языка мы пришли к выводу, что этот язык образовался в результате тюркизации еще в древнетюркское время, в VI-VIII вв., орхонскими тюрками и уйгурами (отсюда, кстати, огузские и уйгурские элементы в тофаларском языке) первоначально кетоязычных родов [Рассадин 1969, с. 37]. Присоединившиеся позднее к уже тюркоязычным предкам тофаларов саянские самодийские роды, вошедшие в их состав, восприняли тюркский язык у них, а не у тувинцев. Таким образом, можно смело предполагать, что основная масса карагасов (тофаларов) была тюркоязычной еще задолго до Палласа и Георги. Самодийскоязычными, видимо, оставались отдельные небольшие группы, сливавшиеся в то время с карагасами, но ещё не успевшие тюркизироваться. Поэтому Паллас и Георги застали их с самодийским языком. О том, что различные группы саянских самодийцев входили в состав тюркоязычных племён Саян, писал С.И. Вайнштейн [1976, с. 171]: "Особенности, присущие культуре самодийцев Саян, после их тюркизации и смешения с соседними народами, сохранились в конце 19 - начале 20 вв. в наибольшей степени у тофаларов, в меньшей у тувинцев-оленьеводов (тоджинцев)".

О том, что М.А. Кастрен был прав в своей догадке о происхождении части тофаларов от качинцев, свидетельствует предположение исследователя истории хакаского языка М.И. Боргояко-

ва: "По-видимому, кангаты (хааштар) есть отколовшаяся небольшая группа "красноярских" качинцев (хаас или хаастар)" [1976, с. 52]. Далее он утверждает: "Таким образом, можно полагать, что в этнический состав современных тофаларов вошла группа хакасских качинцев (хаас) и, оторвавшись от своих родичей, она постепенно ассимилировалась в среде других родовых групп, которые назывались общим именем "карагас" (ныне "тофа"). Отсюда некоторое сближение современного тофаларского языка с хакасским, шорским ... является закономерным явлением" [Боргояков 1976, с. 54]. В этой связи следует вспомнить наличие у карагасов одного из улусов под названием кангасский, или кангатский, с самоназванием *хааштар*, о чем писал Ю.П. Штубендорф [1854, с. 230], а также вышеупомянутое предположение М.А. Кастрена, поддержанное В.В. Радловым, о происхождении части карагасов с этнонимом *каш-хаши* от качинцев.

Карагасский улус с самоназванием *чептэй* в XIX в. носил название "маллерский, или манжурский" [Штубендорф 1854, с. 230]. Кастрен считал, что этот род – выходец из Тунки, о чем говорилось ранее. Иначе говоря, Кастрен связывал происхождение рода *чептэй* с бурятами. В принципе это предположение верно, однако требует уточнения. Дело в том, что старики из рода *чептэй*, который локализуется в пос. Нерха в Тофаларии, утверждали, что согласно преданиям, их предки происходят от нижеудинских бурят. Это более правдоподобно, поскольку в составе нижеудинских бурят есть род *мааньжираг-маальжираг* [Рассадин 1999, с. 5-7]. От этого бурятского этнонима и произошло, по всей вероятности, название данного карагасского улуса. По Кастрену, роды *чогды* и *кара-чогды* – выходцы из Монголии. Сам этноним *чогды* хорошо соотносится с этнонимом *чооду*, названием одного из тувинских племён (территория их обитания во времена Кастрена была в пределах Монголии), и имеет, по всей видимости, одно с ним происхождение. Это убедительно доказал С.И. Вайнштейн [1961, с. 20], отметивший при этом, что роды со схожим названием представлены и у других тюркских народов Саяно-Алтая: *чооду* – среди алтайцев (кумандинцы, тубалары), *чот* – среди шорцев, *тьода* – у сагайцев и койбалов. Сюда же мы можем добавить схожее название рода *йагток* у тюркоязычной части желтых уйгуров [Малов 1957] и название рода *чооды* (-чогды) в составе цаатанов Монголии, которое мы фиксировали у них во время экспедиции в Дархатский край в июле-августе 1989 г. совместно с монгольским ученым проф. Л. Болдом. Этноним *дзоот* (монгольская передача тюркского этнонима *чооды-чжооды* цаатанов) записан у цаатанов и С. Бадамхатаном [1962, с. 4]. Данный этноним достаточно широко распространен по Саяно-Алтаю и смежным территориям и соотносится с этносами, связанными своим происхождением с древними уйгурами. Следует отметить, что тофалары словом *чооду* (-чогды) называют вообще всех тувинцев. По предположению С.И. Вайнштейна, тофаларские, тувинские и другие роды с этим названием имеют самодийское происхождение, как и роды *хааш-хаас*, название которых происходит от самодийского этнонима *каса* [1961, с. 21]. Насколько справедливо это суждение, могут прояснить только специальные исследования этого этнонима.

Отмеченных Кастреном самодийских родов *ирге*, *тарак*, *богошы* у современных тофаларов обнаружено не было. Попытки некоторых этнографов [Вайнштейн 1970, с. 306-307, 311] выделить в родовой структуре тофаларов роды *тырык хааш*, *тенек хааш* вызывают возражения [Рассадин 1976, с. 116], поскольку доказано, что эти названия родов происходят от так называемых дразнилок, которыми члены различных родов награждали друг друга. Так, *тырык хааш* на самом деле переводится с тофаларского как "хааш, страдающий запором", а *тенек хааш* – "глупый хааш". Патронимии же Торговых и Бухтурбаевых, по отношению к которым бытуют эти прозвища, входят в состав одного и того же рода *хааш*. Кастреновское *ирге* относится к этому же типу прозвищ и означает "страдающий вертячкой (вид болезни)". Относительно этнонима *богошы* можно предположить, что он соотносится с тофаларским антропонимом *Буучай*, который представлен в тофаларской фамилии *Бучаев*.

Краткий анализ проблемы этногенеза тофаларов показал всю её сложность и неразработанность. Решить её можно, лишь комплексно исследовав данные истории, этнографии, антропологии, языка и фольклора. При этом следует изучать не тофаларский этнос вообще, а каждый род, каждую патронимию отдельно, ибо тофаларский этнос сложился в результате слияния в течение длительной эволюции осколков различных этносов, обитавших на Саянах и в Присяньи. Так, по преданиям, в состав патронимии *Туулай* рода *чептэй* вошли самодийскоязычные камасинцы, а патронимия *Арыктай*, как утверждают ее старейшины, связана своим происхождением с родом *хаазуут* окинских сойотов. Поэтому при решении проблем этнической истории тофаларов следует учитывать историю каждого конкретного рода и патронимии.

Литература

- Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1969. 383 с.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Ч. 1.
- Боргояков М. И. О кангатах и их языке // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы Всесоюзной конференции 3-5 июня 1976 года. Томск, 1976. С. 51-54.
- Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы / Историко-этнографические очерки. М.: Восточная литература, 1961. 217 с.
- Вайнштейн С. И. Социальная организация саянских оленеводов-охотников (тофалары) // Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII - начало XX в.). М., 1970. С. 300-312.
- Вайнштейн С. И. Происхождение саянских оленеводов (проблема этногенеза тувинцев-тоджинцев и тофаларов) // Этногенез народов Севера. М., 1980.
- Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... Ч. 3. О народах самоедских, маньчжурских и восточных сибирских... СПб., 1799. Гл. 8. Карагасы. С. 19-20.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Тр. ин-та этнографии. Нов. серия. Т. 55. 1960. С. 254-257.
- Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957.
- Мельникова Л. В. Тофы / Историко-этнографический очерк. Иркутск, 1994. 304 с.
- Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Т. 3. С. 524-526.
- Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.
- Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 747 с. (о карагасах с. 87-88).
- Рассадин В. И. Этапы истории тофаларов по языковым данным // Происхождение аборигенов Сибири и их языков / Материалы межвузовской конференции, 11-13 мая 1969 г. Томск, 1969. С. 34-37.
- Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971. 250 с.
- Рассадин В. И. Антропонимы у тофаларов // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976. С. 111-140.
- Рассадин В. И. История этнографического и лингвистического изучения тофаларов // Тюркологический сборник 1975. М., 1978. С. 189-208.
- Рассадин В. И. Становление говора нижеудинских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 160 с.
- Рассадин В. И. Тофаларский язык // Языки народов России. Красная книга / Энциклопедический словарь-справочник. М.: «Academia», 2002. С. 182-190.
- Штубендорф Ю. П. О карагассах // Вестник ИРГО. Ч. 12. Отд. 2. 1854. С. 229-246.
- Бадамхатан С. Хөвсгөлийн цаатан ардын аж байдлын тойм. Улаанбаатар, 1962.
- Castrén M. A. Reiseberichten und Briefe aus den Jahren 1845-1849, hrsg. von A. Schiefner. St.-Pbg., 1856. S. 383, 388-392.

(Написано в 2000 году, публикуется впервые).

О КУЛЬТЕ МЕДВЕДЯ У ТОФАЛАРОВ

В процессе занятий тофаларским языком, в частности его лексикой наше внимание привлёк очень любопытный факт, весьма редкий для тюркских языков, а именно: в тофаларском языке не оказалось общетюркского названия для медведя – *адыг*, которое мы находим у тувинцев – самых близких тофаларам тюрков: тув. *адыг* «медведь» и которое в соответствующих фонетических оформлениях имеется почти у всех тюрков, например: др.-тюрк. *adîr*, хак. (диал.) *азыг*, алт. *айу*, каз. *аю*, кирг. *аюу*, туркм. *айы*, турецк. *айы*, уйг. *ейик*, тат. *аю*, башк. *айыу*, кумык. *аюв* «медведь» [Щербак 1961, с. 130-131]. Вместо этого в тофаларском языке оказалась масса специфических и иносказательных слов для названия самца и самки медведя, например: *иресаң* – общее название медведя, букв. «зверь-предок», *ире* «прадед – о самце медведя», *энэ* «прабабка – о самке медведя», *иърһек* «самец медведя и соболя», *ээш* «самка медведя и соболя», *чер өглүз аң* «зверь с земляным домом», *чоорһанныг аң* «зверь с меховым одеялом», *неңес сыстықтыг аң* «зверь с моховой подушкой», *қузуқтаар аң* «шишкующий зверь», *қаттаар аң* «зверь, собирающий ягоды»,

кара дуктуз аң «зверь с черной шерстью» и др. Даже части тела медведя, как оказалось, тоже имеют особые, зачастую описательные названия, например: мясо медведя – *қызар* «краснеющее», внутреннее сало медведя – *қаһһярар* «белеющее», голова – *чуьтук* *уцу* «конец колоды, бревна», ухо – *буьтук дөзү* «сучок» или *шымыраш*, глаза – *элеңнааш* «мелькашки», фаланги пальцев – *мүдүргүш* «спотыкашки», ребро – *чецак* (вместо *ээгі*), нос – *чыттаа* «нюхалка», сердце медведя – *дөсүлээш* (вместо *чүрек*) и др. Имеются и другие слова, связанные с медвежьим культом. Все они нами уже приводились, а также высказывалось предположение, что это эвфемизмы, возникшее в свое время под влиянием табу как следствие особого отношения к медведю, к его почитанию [Рассадин 1971, с. 141, 143-144].

Фраза «... у тофаларов сохранились и пережитки культа медведя», оброненная Н.П. Дыренковой в её статье о тофаларском языке [1963, с. 7], а также краткий текст на тофаларском языке о том, как добывают медведя и как хоронят затем на дереве его череп [То же, с. 21-22], весьма нас заинтересовали. Поэтому, собирая среди тофаларов языковой материал, мы старались при случае записывать также всё, что касается культа медведя, не забывая, разумеется, при этом и о других фактах их материальной и духовной культуры.

Ниже приводим обряды, связанные с добыванием медведя, как их нам удалось записать у стариков. Эти обряды соблюдались в прошлом при кочевой жизни только при добывании медведя на берлоге.

Осенью, обычно во время белкования, охотники ищут берлогу. Это называется *бедіктаар* «ходить по горе». Когда найдут, что называется *сөлтөңнээр* «выжить из ума от старости», то сообщают об этом другим охотникам. Окончив белковать, где-то в конце ноября или начале декабря, собиралась артель из 5-6 человек (по утверждению тофаларских стариков, раньше на берлогу вдвоём или втроём не ходили по причине плохого оружия). Собирать эту артель называется *булут тыгьртар* «стягивать облака». Затем артель шла в то место, где была обнаружена берлога. Там пускали собаку (ее называли здесь уже словом *күдүруктуз* «волк» (букв. «хвостатый»), которая быстро находила лёжку медведя. Найдя берлогу, охотники делали особую затычку *сырмыт* из трех толстых жердей, засунутых в лаз берлоги, и концы которых, расходящиеся веером, привязывали к деревьям. Если рядом не было деревьев, то обходились и без сырмыта. Затем засовывали в берлогу жердь и шуровали ею, поднимая зверя. Когда медведь разбужен, то наиболее опытный охотник подходил ближе к лазу и стрелял в берлогу. Стрелять в медведя уже называется не *бо-олаар*, а *дагжадыр* «прогнать – о звуке выстрела». Когда медведь убит, все участники охоты должны были кричать: «Ки-ик! Ки-ик! Ки-ик!». Самый старый из артели читал молитву:

Чер өглүг, неңгес сыстыктыг.

Көһтүрүп увас, көрүп танывас

Чүмесин аэткаң блаа даг һаэрһаннар,

Чер өглүг чүмесин аэтын берген.

«Милостивые боги-горы отдали нечто,

Имеющее земляной дом и мховую подушку,

Нечто, невозможное поднять и узнать,

Отдали нечто, имеющее земляной дом».

Затем, добытого медведя вытаскивали веревками из берлоги и клали на слой кедровых веток, который называется *күьфа*. Кедровым веником били медведя по лапам, животу, груди, голове, что называлось *һоньһызын быгьттаар* «выколачивать вшей из голенища унтов». Потом на шкуре медведя, которая носит название *чоорһан* «теплое меховое одеяло», делали разрез ножом по шее, груди, животу и лапам, что называется не *шыйһырлаар* «резать чертящим», так как нож здесь называется не *пишек*, а *шыйһыр* «чертящий». Обдирать шкуру медведя говорят не *сойар*, а *шый-баштаар*. Шкуру снимали, оставляя на туше подошвы лап с когтями. Потом эту подошву с когтями сдирали и вешали на ветвях возле чума. Тушу разрубали топором, который здесь носил название *тоьһоргу туһьчуу* «нос дятла». Само разрубание туши медведя топором называли *тоьһоргу туһьчуктаар* «долбить носом дятла». Когда привозили мясо медведя в *аал* «аил», то все, кто был в аиле, кричали: «Ки-ик! Ки-ик! Ки-ик!». Мясо заносили не в дверь, а сбоку, подняв крышку, в чум охотника, нашедшего берлогу. Варили сразу же ребра, грудину, сердце, печень медведя, называвшиеся общим словом *немци*, которые обязательно съедались коллективно, всем аилом. Затем двое человек, разделявая тушу, разрубали мясо на более мелкие части, отделив вначале спинное сало, которое носит название *дон* «шуба». Сало тоже разрезали на части и потом

делили мясо и сало поровну между всеми. Охотник, нашедший медвежью берлогу, получал кроме пая мяса и сала еще шкуру медведя.

Потом наступал момент варки медвежьей головы, что называлось *чуьтук учу қаастаар* букв. «украшать конец колоды». Сваренную голову также ели сообща, не нарушая целостности мозговой коробки, разрешалось только ножом отделить нижнюю челюсть. Бульон выливали на землю в чуме, не давая собакам. Выливавший человек при этом произносил: «О-о, мудрый верди!» - «О-о, споткнулся!». Присутствовавшие не должны были смеяться. Когда мясо головы было объедено, один из охотников брал нижнюю челюсть, нарочно приставлял ее к черепу обратной стороной и спрашивал у остальных: «Так было?». Ему отвечали: «Не так!». Тогда тот человек приставлял челюсть боком и опять спрашивал: «Так было?». Ему опять отвечали: «Не так, немного по-другому!». Он снова прикладывал челюсть, но на этот раз правильно, и спрашивал: «Так было?». Теперь ему отвечали: «Как будто бы так было, пусть так останется». После этого челюсть привязывали к черепу кедровыми корешками, а если их не было, то тряпочкой, разрисовывали всё угольком из костра и затыкали глазницы и иные пустоты черепа кедровыми веточками с хвоей. Когда разрисовывали углём, то приговаривали: «Аба баабаң ошта» - «Отец и мать твои ворожите». Затем откидывали покрывку чума напротив входа и подавали в это отверстие череп медведя охотнику, специально вышедшему, чтобы принять его снаружи. Потом череп вешали на дерево, предпочтительно на молодой кедр. Считалось, что медведя с почестями похоронили. Фаланги пальцев медведя обычно пришивали на шубу детям, так как считалось, что они после этого не будут спотыкаться и падать. Отсюда и специальное название для фаланг пальцев медведя – *мүдүргүш* «спотыкашка».

Существовало также особое гадание на грудной кости медведя (она называлась не *дөш баһни*, а *һерээс* «крест»), которую собравшиеся охотники по очереди подбрасывали вверх, поднеся ее перед этим ко рту и пошептав: «Аба баабаң қайда?» - «Мать и отец твои где?». Бросали каждый по три раза до тех пор, пока конец этой кости не показывал все три раза одно и то же направление. Считалось, что в том направлении следует ехать и искать берлогу медведя.

У стариков сейчас сохранились лишь смутные воспоминания о существовавших прежде преданиях о медведе как сородиче, брате людей того или иного тофаларского рода. Но в 1890 г. Н.Ф. Катанову все же удалось записать два небольших фрагмента преданий о медведе – родственнике человека. Приведем эти отрывки полностью.

1. «Дедушка (медведь) был прежде человеком, имевшим младшего брата. Оба брата владели массами озер, происшедших от одного большого озера. Они (братья) рассорились. Младший брат стал Туба (Карагасы) кости Чогду, а старший брат стал дедушкой (медведем) [Радлов 1907, с. 650, текст № 186].

2. «Место, где нашлись и откуда вышли карагасы кости Чогду, было у р. Ёбүге, находящейся возле казарм (бывшего Удинского Форпоста). Было там три брата. Один из братьев сделался Карагасом кости Кара Чогду, другой – кости Чогду и третий – дедушкой (медведем). Живя так, дедушка плёл сеть. Осердившись, (дедушка) бросил свою сеть на дерево. Потом ставши зверем и ушедши, он расстался. Затем те братья стали жить. Теперь одни из них (потомства) - Чогду, а другие – Кара Чогду» [Радлов 1907, с. 651, текст № 188].

В настоящее время описанные выше ритуалы на медвежьей охоте тофаларами не соблюдаются, хотя все описательные названия сохранились. Пожалуй, единственное, что бытует и по сей день, это обычай отрезать подошву лап медведя с когтями и прибавать такую лапу к стене дома возле входа. Нам приходилось не раз видеть их в избах тофаларов.

Обращение к соответствующей этнографической литературе показывает, что обряды и ритуалы, связанные с добычей медведя на берлоге и аналогичные тофаларским, отмечают исследователями у многих народов Сибири. Так, например, у эвенков тоже употребляется масса подставных названий для медведя и частей его тела [Василевич 1971, с. 159-160], так же, как и тофалары, эвенки кричали после добычи медведя по вороньи: «Ки-ик! Ки-ик! Ки-ик!», также хоронили череп медведя [То же, с. 160-162]. Много общих моментов находим и в культе медведя у кетов [Алексеев 1960, с. 90-104]. Интересно, что в медвежьем культе у тофаларов особое место отводится кедру. Здесь и разделка туши на подстилке из кедровых веток, обтряхивание туши кедровым веником, перевязывание черепа медведя кедровыми корешками, затыкание пустот черепа кедровой хвоей и захоронение черепа на кедре. К тому же бубен и колотушка шамана также делались из кедра. По свидетельству Е.А. Алексеев, кедр у кетов пользовался особым почитанием. С культом кедра связаны у них и некоторые традиции медвежьего праздника, бубен и колотушка

шамана также делались из кедра [Алексеевко 1960, с. 98]. Здесь заманчиво видеть не просто случайные совпадения, а некоторые связи тофаларов с кетами в области культовых представлений.

Б.А. Васильев, специально занимавшийся изучением медвежьего праздника у сибирских народов [1948], выделяет два его пласта, различных по времени возникновения. Первый, наиболее древний, он называет евразийско-американским. Для него характерны словесные запреты, подставные речи, обряды с тушей медведя в тайге, ритуальная варка и поедание медвежьего мяса, сохранение в целостности всех костей скелета и черепа медведя и их ритуальное захоронение, идея возрождения убитых медведей и основной сюжет медвежьего мифа, согласно которому медведь является сородичем. Второй пласт более поздний, он характеризуется содержанием медведя в клетке, его жертвоприношением и захоронением, сопровождающимся многодневным праздником. Этот пласт Б.А. Васильев называет айнским. Его традиции проникли в Приамурье с юга и распространились у береговых народов татарского пролива и Охотского моря.

Как видно, для тофаларского культа медведя характерны все черты евразийско-американского пласта, наиболее древнего, который наблюдается также у хантов, манси, кетов, эвенков, негидальцев и ряде других народов, обитающих на обширной территории Сибири. Это свидетельствует не только о широком распространении охотничьей культуры, но и о возможных древних этнических и культурных связях этих народов в прошлом.

Литература

- Алексеевко Е. А. Культ медведя у кетов // Советская этнография, 1960, № 4.
Василевич Г. М. О культе медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX-начале XX века. СМАЭ, 1971, XXVII.
Васильев Б. А. Медвежий праздник // Советская этнография, 1948, № 4.
Дыренкова Н. П. Тофаларский язык // Тюркологические исследования. М.-Л., 1963.
Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. Часть IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. Перевод. СПб., 1907.
Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

(Известия СО АН СССР. Сер. общественные науки. №11. Вып. 3. Новосибирск, 1973.)

СЛЕДЫ ОГУЗСКОГО ВЛИЯНИЯ В САЯНСКИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Прежде всего хотелось бы дать некоторые пояснения к употребляемому здесь понятию «саянские тюркские языки». К ним мы относим тофаларский, сойотский и тувинский языки на территории Российской Федерации, диалекты тувинцев сомона Ценгел и тувинцев кёк-мончаков, живущих в Монголии, а также языки уйгуров цатанов и уйгуро-урянхайцев Монголии. Эти языки связаны единством своего происхождения и имеют специфические квалификационные черты на всех языковых уровнях – фонетике, морфологии, лексике, – позволяющие выделять их в особую саянскую подгруппу, наряду с якутской и хакасской подгруппами, в составе уйгуро-огузской группы восточно-хуннской ветви тюркских языков, если уточнить классификацию Н.А. Баскакова, что нами было сделано в 1982 г. [Рассадин 1982, с. 34]. Языки саянской подгруппы в свою очередь подразделяются на два ареала: таёжный и степной. В состав таёжного ареала входят языки кочевых охотников-оленьеводов, обитающих в горно-таёжной местности Саянских гор. Это тофаларский, сойотский, уйгуро-цаатанский и уйгуро-урянхайский языки. К степному ареалу относятся остальные языки этой подгруппы, носители которых обитают в степной зоне и занимаются животноводством.

Сравнение саянских тюркских языков с соседствующими тюркскими языками других подгрупп: хакасским, шорским, алтайским, а также с якутским, праязык которого был связан с языками тюрков Саяно-Алтая, показало, что тюркские языки саянской подгруппы имеют в своем строе ряд черт, резко выделяющих языки этой подгруппы из языков Саяно-Алтая.

Так, в области фонетики одним из существенных признаков этой подгруппы является наличие в анлауте звонких слабых *ð* и *g* вместо глухих *t* и *k*. Например, во всех саянских языках пред-

ставлены словоформы типа *дон* «шуба», *даш* «камень», *дши* «зуб», *доруг* «гнедой», *даг* «гора», *долдур* = «выполнять». Во всех саянских языках таёжного ареала произносят *гел* = «приходить», *гер* = «видеть», *гек* = «синий», *ган* «кровь», *гар* «снег» и т.п. Тувинцы Монголии, кроме тувинского языка РФ, все эти слова произносят тоже со звонким *г*. В тувинском же языке РФ здесь либо *х*, либо *к*: *кел* = «приходить», *кер* = «видеть», *көк* «синий», *хар* «снег», *хан* «кровь».

Другой особенностью языков саянской подгруппы является фарингализация гласных первого слога, имеющая фонематический характер, в результате чего возможно различие слов типа *ат* «имя» – *аът* «лошадь», *кап* «мешок» – *каъп* «схватить ртом», *от* «желчь» – *отът* «пролезть», *от* «огонь» – *отът* «трава». В соседних же тюркских языках (алтайском, шорском, хакасском) эти слова не различаются, т.е. здесь имеем *ат* «имя», «лошадь», *от* «огонь», «трава», *от* «желчь», «пролезть» и т.п. Попав в интервокальное положение, ауслаутные согласные таких слов в этих соседних языках озвончаются, т.е. получается *ады* «его имя» и «его лошадь», *оды* «его огонь» и «его трава» и т.п. В саянских же тюркских языках эти звуки ведут себя по-разному: во всех тувинских диалектах они озвончаются, как и в соседних несаянских языках, но лексическая филиация слов осуществляется при помощи фарингализации гласных. Получается *оды* «его огонь» – *одды* «его трава», *ады* «его имя» – *аъды* «его лошадь» и т.п. В языках таёжного ареала, т.е. тофаларском, сойотском, уйгуро-цаатанском и уйгуро-урянхайском языках эти конечные согласные ведут себя совершенно иначе. Здесь мы имеем *ады* «его имя», но *аъты* «его лошадь», *оды* «его огонь», но *отъты* «его трава», *оду* «его желчь», но *отъэр* «пролезет», *кабы-габы* «его мешок», но *къапар* «схватит ртом».

Обращение к материалу тюркских языков других классификационных групп показало, что подобное наличие звонких *д* и *г* вместо *т* и *к* характерно для современных огузских языков: турецкого, туркменского, азербайджанского и гагаузского, хотя sporadически отмечаются и в кыпчакских языках, хотя в них они и не являются классификационными признаками. В огузских языках мы тоже имеем: *дон* «платье, халат», *даг* «гора», *дши* «зуб», *даш* «камень», *долдур* = «наполнять», *гел* = «приходить», *гер* = «видеть», *гек* «голубой», *ган* «кровь», *гар* «снег» и т.п. В турецком языке, правда, иногда бывают исключения типа *taş* «камень», *kan* «кровь», *kar* «снег», хотя в турецких диалектах тоже имеется *daş*, *gan*, *gar*.

Противопоставление *т* и *д*, *п* и *б* в интервокальном положении, наблюдаемое в языках таёжного ареала, тоже находит полные аналогии в огузских языках. Это явление характерно именно для них и иногда даже закрепляется в орфографиях этих языков. Ср., например, тур. *öt* [ödü] «желчь» – *öt* [öter] «звучать»; *at* [adı] «имя» – *at* [atı] «лошадь»; *ot* [odu] «огонь» – *ot* [otu] «трава»; *kap* [kabi] «мешок» – *kap* = [kapar] «схватить»; азерб. *ad* [ады] «имя» – *am* [амы] «лошадь», *od* [оду] «желчь» – *ot* = [отер] «миновать», *od* [оду] «огонь» – *ot* [оту] «трава»; туркм. *am* [амы] «имя» – *am* [амы] «лошадь»; *ot* [өди] «желчь» – *ot* = [отер] «проходить», *ot* [оды] «огонь» – *ot* [оты] «трава» и т.п.

Здесь сходство тофаларского, сойотского, уйгуро-цаатанского и уйгуро-урянхайского языков с огузскими языками полное. Лишь фарингализация гласных, стоящих перед историческими сильными глухими, отличает эти языки от огузских в подобных примерах. Такого мы не найдем в тюркских языках других групп и подгрупп, в которых развито только озвончение конечных *к* и *п*, нет похожего и в рунике.

Не менее интересные результаты дает сравнение поведения аффрикаты *ч*, оказавшейся в позиции между гласными. Сравним это на примерах. Так, в др.-тюрк. *асъ* «кислый, горький» < *асъ* = «киснуть, горкнуть» и *асид* «открытый» < *асъ* = «открывать» зафиксирован один и тот же звук *ч*. Такая же картина, например, в киргизском и алтайском языках: *ачуу*, *ачу* «кислый» < *ачы* = «киснуть» – *ачык* «открытый» < *ач* = «открывать»; в татарском: *ачы* «кислый» < *ачы* = «киснуть» – *ачык* «открытый» < *ач* = «открывать»; в казахском: *ащы* «кислый» < *ащы* = «киснуть» – *ащык* «открытый» < *ащ* = «открывать»; в уйгурском: *аччык* «кислый» < *ачи* = «киснуть» – *аччык* «устье арыка» < *ач* = «открывать»; в хакасском: *ачыг* «кислый» < *ачы* = «киснуть» – *ачых* «открытый» < *ас* = < **ач* = «открывать»; в тувинском: *ажыг* «кислый» < *ажы* «киснуть» – *ажык* «открытый» < *ащ* = «открывать». И лишь материал огузских языков показывает здесь разные аффрикаты: слабую звонкую *ч* и сильную глухую *ч*. Ср., например, азерб. *ачы* «горький», *ачыг* «злоба, гнев» < *ачы* = «сожалеть», «бродить, киснуть», «горкнуть» – *ачыг* «открытый» < *ач* = «открывать»; туркм. *ажы* «горький, едкий», «злой» < *ажы* = «горкнуть, киснуть» – *ачык* «открытый» < *ач* = «открывать»; тур. *аси* «обида, горечь», «горький» < *аси* = «испытывать боль», «горкнуть», *асик* «открытый» < *ас* = «открывать».

Картина, похожая в принципе на ту, которая характерна для огузских языков, представлена в языках таёжного ареала и в языке тувинцев Монголии. В этих языках в подобных словах тоже различаются интервокальные аффрикаты. Например, в отличие от тувинского языка России здесь в слове «кислый» представлена звонкая аффриката *ч*, как и в огузских языках: тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-уряньх., тув. Монголии *ақыг* «кислый» < *ақы*= «киснуть». Слово же «открывать» в этих языках произносится как *аьш*=, так как все ауслаутные *ч* перешли здесь в *ш*. Если этот *ш* стоит после фарингализованного гласного, как в примере *аьш*= «открывать». Он дает в интервокальном положении *ж* в тувинском языке России и Монголии, палатализованный звонкий *h'* в тофаларском, сойотском, уйгурском цаатанском и сохраняется в виде того же *ш* в уйгуро-уряньхайском, т.е. тув. *аьжык*, тоф., сойот., уйг.-цаат. *аьһик*, уйг.-уряньх. *аьшык* «открытый». Иначе говоря, эти языки, как и огузские, дают рефлексы слабых и сильных аффрикат *ч* и *ч*.

Таким образом, различие ауслаутных исторических *t* и *d*, *p* и *b*, наличие анлаутных *d*, *g*, различие исторических аффрикат *з* (*дж*) и *с* (*ч*) сближает саянские тюркские языки, особенно языки таёжного ареала – тофаларский, сойотский, уйгуро-цаатанский и уйгуро-уряньхайский, – самые архаичные в этой подгруппе, с языками огузской группы в области фонетики.

В области морфологии саянские тюркские языки тоже имеют множество своеобразных черт, отличающих их от других тюркских языков. Некоторые из этих черт тоже имеют параллели в тюркских языках иных групп, в том числе и огузский, иногда сразу в нескольких. Так, например, в тофаларском языке весьма распространены, как в и в огузских языках, отглагольные пассивные прилагательные с показателем *-гыг* (ср. др.-тюрк. *=yli*, тур. *=ili*, азерб. *=ылы*), например: тоф. *дизиглиг*, тур. *dizili* «нанизанный» (< *diz*= «нанизывать»); тоф. *уруглуг* «налитый» < *ур*= «наливать, насыпать»; тоф. *эттэглиг* «выделанная – о шкуре» < *эттэ*= «выделять – о шкуре»; тур. *kakılı* «вбитый» < *kak*= «вбивать»; *basılı* «напечатанный» < *bas*= «печатать»; азерб. *йыгылы* «соборанный» < *йыг*= «собирать»; *санчылы* «воткнутий» < *санч*= «втыкать»; др.-тюрк. *jazıylıy* «развязанный» < *jaz*= «развязывать, распутывать», *jadıylıy* «плоский, распростертый» < *jad*= «распространять, раскладывать, разливать» и т.п.

Но более всего параллелей с огузскими языками выявилось в Саянских тюркских языках, а особенно у тофаларского, в области лексики. При этом огузские параллели достаточно четко отграничиваются от корреспонденций с тюркскими языками других групп, например, уйгурской, с которой тофаларский язык связывают такие, например, слова, как тоф. *эт*= «закрыть дверь», *чүдүр*= «выючить», *чыры*= «светить», «улыбаться», *чукуш*= «шуровать», *уьс*= «вычерпывать», *мөң*= «тянуть – о коне», *каъс*= «грызть орехи», *оор* «ступа», *сүген* «рыболовная морда», *эши* «самка медведя, соболя», *чурук* «поскут кожи», *сыгълтыс* «корень», *чода* «голень». С киргизским языком соотносятся слова типа: *аьпырган* «белка-летяга», *эримдэи* «детское седло», *олут* «место», *быр* «сажа, копоть», *келһин* «перелётные птицы», *нюмур* «сычуг», *кецир* «хрящ», *тырыш*= «морщиться», *крыы*= «обшивать край одежды», *кушкаш*= «сидеть вдвоем верхом на одну лошадь». С кыпчакской языковой группой соотносятся слова: *даг* «крупный, огромный», *оода* «очень», *ыңгай* «дальше», *ышык* «место, защищенное от дождя и ветра», *нёңмек* «темя ребенка, родничок», *тэйлиген* «коршун», *пыъс* «пороша», *кыгрһы* «чахлое редколесье на вершине горного хребта», *кыгһ*= «гореть», *тэг*= «грузить», которые свидетельствуют о древних связях предков тофаларов с тюрками этих групп, ибо территориальных соприкосновений у них с этими народами сейчас нет. Объяснить указанные корреспонденции можно лишь тем, что в древности предки тофов и родственных им других саянских тюрков входили в племенные союзы и ранние государственные объединения соответственно уйгуров, кыргызов, кыпчаков, что вполне согласуется с историческими данными.

В этой связи большой интерес для исторической тюркологии представляет саяно-тюркская лексика, корреспондирующая непосредственно с огузской. Применяв сравнительно-сопоставительный метод исследования, нам удалось выявить в саянских тюркских языках несколько десятков слов, имеющих надежные параллели лишь в огузских языках. Поскольку они отсутствуют в тюркских языках других групп, то их можно считать присущими огузскому ареалу.

Среди этих слов выделились такие, которые бытуют кроме саянских еще и в соседних с ними тюркских языках: алтайском, хакасском, шорском. Этих слов не так много. К ним можно отнести, например, тоф., тув. *эник* «щенок», алт. диал. *өнөгөш* «молодая собака» – др.-тюрк. *enik* «детеныш животного», азерб. диал. *эних*, гагауз. *еник* «детёныш», тур. *enik*, *enek*, *inik*, *encek*, тур. диал. *өнүк* «молодое животное; щенок»; тоф. *элдик*, алт. диал. *элтек*, *элте*, шор. *илте*, *илик* – др.-тюрк. *eliglik* (< др.-тюрк. *elig* «рука», ср. др.-тюрк. *el*, тур. *el*, азерб., туркм. *ал* «рука»), туркм. *элик*

«перчатка», азерб. диал. *аллих* «рукавицы», *аллик* «нарукавник», тур. *eldiven* «рукавица»; тоф., тув., алт., хак. *көс* – др.-тюрк. *köz*, туркм. *köz* «горящий уголь», тур. *küz* «горящий пепел», азерб. *köz* «пылающие угли, жар»; тоф., тув., хак. *сээк* «муха» – др.-тюрк. *sāḡāk* «комар, муха», тур. *sinek*, туркм. *синек* «муха», азерб. *синэк* «москит»; тоф. *уунак*, хак. *унах*, тув. *оондак* – туркм. *овнук* «мелкий» (< *ов* = «крошить, тереть», ср. тур. *oğ=*, *ov=*, *iv=*, азерб. *ов* = «крошить, тереть», др.-тюрк. *iv=* «измельчать, крошить»); тоф. *белиңиши*, тув. *белиңчи* «пугливый», тоф. *белиңнэ=*, тув. *белиңне=* «вздрагивать, подсакивать от испуга», алт. *белинчи* «человек, безотчетно повторяющий слова и действия другого», *белиңде=* «безотчетно повторять слова и действия другого» – др.-тюрк. *beliḡ* «страх, паника, ужас», *beliḡči* «паникёр», *beliḡlä=* «пугаться, ужасаться», тур. диал. *belin* «изумление», *belinle=* «опешить, растеряться, вытаращить глаза от изумления», азерб. *белиң ал=* «бояться, страшиться, испытывать страх»; тоф. *окиа=*, тув. *оика=*, алт. *окио=*, хак. *охсан=* «целовать» – тур. *okşa=* «ласкать, гладить», азерб. *охша=* «ласкать, нежить», туркм. *огша=* «целовать».

Гораздо больше слов, которые среди тюркских языков Саяно-Алтая представлены только в тофаларском и тувинском, а из других – в огузских. Это такие слова, как тоф., тув. *душ=* «встречаться, попадаться» – туркм. *душ=*, азерб. *туш кел=* «встречаться, сталкиваться с...»; тоф. *дэмин*, тув. *демин* – др.-тюрк. *timin*, тур. *demin*, *dimin*, гагауз. *демин* «недавно»; тоф., тув. *дүүн* – тур. *dün*, тур. диал. *dünen*, гагауз. *дүн*, туркм. *дүйн*, азерб. *дүнән* «вчера»; тоф. *шибит*, тув. *шивит* «охра» – др.-тюрк. *šivūt* «краска», *šivūt* «индиго», тур. *şivit* «индиго, ультрамарин, синька»; тоф. *түһү* «снежная буря, пурга, буран», тув. *дүвү* «снежная пыль, поднимаемая ветром» – др.-тюрк. *türü* «ветер, выюга», тур. *tipi*, азерб. *тити* «метель, снежная буря, пурга»; тоф. *каъсыргы*, тув. *казыргы* – др.-тюрк. *qasırqu*, тур. *kasırğa*, азерб. *гасырга* «вихрь, смерч, ураган»; тоф. *сүксүк*, тув. *чүскүк* – др.-тюрк. *jüksäk*, туркм. *йүвсе*, азерб. *үскүк* «наперсток».

Большой интерес вызывает наличие огузских параллелей только в тофаларском языке. Это такие слова, как тоф. *гас=* – туркм. *газа=* «бить копытом»; тоф. *дэл=* «продырявить», *дэлик* «отверстие; просвет в ветвях дерева» – др.-тюрк. *tel=*, тур. *del=*, азерб. *дал=* «сверлить, дырявить», др.-тюрк. *telik*, тур. *delik*, азерб. *далик* «дыра, отверстие»; тоф. *уһан* – др.-тюрк. *уһат* «всемогущий, бог» (< др.-тюрк. *и=* «мочь, быть в состоянии»), тур. *oğan* (уст.) «бог»; тоф. *үйеик*, *уйаик* – тур. *üveyik*, *üveyk* «дикий голубь» (< тур. *йвеу=* «ворковать» – о голубе), крымско-тат. *үгдйик* «дикий голубь».

Таким образом, наличие огузских параллелей в строе саянских тюркских языков свидетельствует, что их язык-предок испытывал огузское влияние. Хронологически это было возможно во времена орхонских тюрков-тукю, предков огузов, в VI-VIII вв., когда территория Саяно-Алтайского нагорья входила в состав Тюркского каганата. Выявленные нами в саянских тюркских языках огузские параллели позволяют сделать вывод, что отмеченные черты в фонетике, составляющие своеобразие огузских языков и сохранившиеся на Саянах, были присущи языку предков огузов еще до их ухода из Центральной Азии и достаточно древни. Это же мы можем утверждать и в отношении общей огузско-саянской лексики, которая является в этих языках тоже весьма древней.

Литература

Рассадин В.И. Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков // Автореферат докторской диссертации. М., 1982.

(<http://dilarastirmalari.com>, p. 25-30).

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РАЗРАБОТКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ САЯНСКОЙ ПОДГРУППЫ

Согласно некоторым уточнениям в классификации сибирских тюркских языков, произведенным в последнее время [1. С. 34; 2. С. 31; 3. С. 35] выделяется самостоятельная их подгруппа, названная саянской и существующая параллельно с другими подгруппами тюркских языков Сибири – хакаской, якутской и др. Принимая в целом классификацию Н.А. Баскакова, считаем, что уйгуро-тукуюскую подгруппу древних тюркских языков следует выделять все же как самостоятель-

ную и не сливать ее с саянской, поскольку классификация древних языков должна быть иной. Таким образом, уйгуро-огузская группа восточно-хуннской ветви тюркских языков состоит из уйгуро-тукуюнской подгруппы древних тюркских языков (древнеуйгурского и древнеогузского) и саянской, хакаской и якутской подгрупп современных тюркских языков.

По комплексу специфических классифицирующих признаков фонетического, грамматического и лексического характеров в Саянскую подгруппу объединяются тувинский и тофаларский языки на территории СССР, языки цаатанов и уйгуро-урянхайцев в МНР, а также языки тувинцев мончаков (көк=мончаков) в МНР и КНР.

Сравнительно-сопоставительные и сравнительно-исторические исследования этих языков, проводившиеся нами, позволили выявить строевые элементы, объединяющие эти языки на всех уровнях. Кажется реальным предположение, что выявляемая их общность восходит к их языку-предку, который распался еще в отдаленное время и современные тюркские языки саянской подгруппы представляют собой результат длительного самостоятельного развития осколков этого распавшегося языка-предка, который близок, видимо, к языку древних уйгуров восточного ареала. Во всяком случае специальное исследование Ч.М. Доржу [5] подтверждает наличие значительного количества древнеуйгурских элементов в тувинском языке. Наши исследования тофаларского языка тоже показали наличие в нем заметного количества архаичных элементов, восходящих к древнеуйгурскому языку. Кроме того, тюркологи, например Ф.Е. Корш [6. С. 123-124], А.Н. Самойлович [7. С. 8-9], С.Е. Малов [8. С. 142], занимавшиеся классификацией тюркских языков, тоже отмечали здесь следы древнеуйгурского языка. О связи языков данной подгруппы с уйгурским свидетельствует, кстати, и то, что этноним «уйгур» входит в самоназвание уйгуро-урянхайцев МНР и представлен в числе родо-племенных названий тувинцев СССР (ср. род ондар-уйгур), а также то, что буряты Окинской долины, издревле живущие бок о бок с тувинцами и тофаларами, называют их, по нашим наблюдениям, не только «урянхан», т.е. «урянхайцы», но и «уйгар хэлтэн», что означает «уйгуроязычные». Последнее говорит о том, что память соседнего народа сохранила впечатление от того периода, когда предки тувинцев и тофаларов относились к уйгуроязычным народам.

Следовательно, при разработке исторической грамматики тюркских языков саянской подгруппы становится актуальным привлекать для сравнения материал по древним тюркским языкам с упором на древнеуйгурский, чтобы оценить, насколько реально возведение языков этой подгруппы к древнеуйгурскому и насколько велик в них объем уйгурских элементов.

В процессе сравнительного исследования тюркских языков саянской подгруппы как между собой, так и с другими тюркскими языками, входящими в иные классификационные подгруппы и группы, выявилось довольно значительное количество особенностей, присущих из современных языков Саяно-Алтайского региона лишь саянским тюркским языкам. Эта специфика проходит по всем языковым уровням и во многом объясняется сохранением в языках данной подгруппы древнетюркских черт, ряд из которых квалифицируется как древнеуйгурские. Некоторые черты развились внутри самой подгруппы.

Ниже хотелось бы проиллюстрировать это положение рядом примеров.

Так, в области фонетики наиболее существенным дифференцирующим признаком тюркских языков саянской подгруппы является наличие в системе вокализма кратких фарингализованных гласных, противопоставляемых кратким чистым и долгим, например: *аъс* «повесь» – *ас* «заблудись» – *аас* «рот», *ыът* «собака» – *ыт* «отправь» – *ыыт* «звук», а также противопоставление сильных и слабых шумных согласных типа тув. *пар* «тигр» – *бар* «есть», тоф. *паш* «котелок» – *баш* «язва», тоф., тув., уйг.-ур. *ат* (*ад*) «имя» – *аът*/*аъхт* «лошадь», *от* (*од*) «огонь» – *оът*/*оъхт* «трава» и т.п. Данный признак резко отличает эти языки от соседних хакаского, шорского, алтайского, в которых нет подобного противопоставления, и сближает их с древнеуйгурским, особенно восточного ареала, а из современных с сарыг-югурским и саларским языками, в которых, судя по исследованиям, Э.Р. Тенишева [9. С. 132; 10. С. 19; 11. С. 56], тоже представлена корреляция сильных придыхательных шумных слабым непридыхательным в словах типа *от* «огонь» – *охт* «трава», *ат* «имя» – *ахт* «лошадь». Различия в области морфологии имеются буквально во всех классах слов в частях речи, почти во всех грамматических категориях.

Например, в падежной системе тофаларского языка аффикс частного падежа *-да* (типа *шейда* иш «выпей чай», *сугда* *һал* «принеси воды») и аффикс винительного падежа притяжательного склонения *-ын*, применяемый в единственном числе наряду с *-ны* (типа *аътымын*/*аътамны* *туъттум* «я поймал своего коня») совпадают с древнетюркскими, ср. др.-тюрк. *-да* со значением местно-исходного падежа [12. С. 157-158] и др.-тюрк. *-ын* – показатель аккузатива в притяжа-

тельном склонении тоже только в единственном числе (напр., др.-тюрк. *бу сабымын эдгүти эшид* «слушай хорошо эти мои слова». [13. С. 185a]).

Из глагольных форм, составлявших специфику саянских тюркских языков, можно назвать в первую очередь особое оформление условного наклонения аналитической конструкцией. Ср. тоф. *бардым эрсе*, зап.-тув. *бардым изе*, центр.-тув. *барзымза* «если я пойду» вместо вост.-тув. и общетюрк. *барсам*. В данном случае саянская форма прямо восходит к древнеуйгурской условной модальности на *=ды эрсе* [14. С. 86-88; 15. С. 95-96] типа др.-уйг. *бардым эрсе* «если я пойду». Далее. Для саянских тюркских языков характерен аффикс субъективной модальности желания, намерения совершить действие *=кса=*, присоединяемый к основе глагола, ср. напр., *ал=* «брать» – *алыкса=* «хотеть брать», *кел=* «приходить» – *келиксе=* «хотеть приходить» и т.п. Эта форма полностью восходит к древнетюркской *=qsa=*, имеющей то же содержание, напр. др.-тюрк. *barıqsa=* «хотеть пойти» [13. С. 84].

Древнеуйгурское происхождение в саянских тюркских языках имеет и особая форма прошедшего времени на *=чык//=жык* (ср. *баржык* «ушел», *келжик* «пришел», *туътчук* «поймал», *туъшчүк* «свалился»), которая представлена еще в хакасском языке, и дебатировался вопрос о родстве с ней киргизской формы прошедшего времени на *=чу*.

Тув. *=пышаан*, тоф. *=пышааңга*, показатели особого сопроводительного деепричастия (напр. *неш кыгыпышааңга туъшту* «дерево упало, горя»), вообще не имеет аналогий в тюркских языках.

Кроме того, в Саянских тюркских языках сохраняется ряд древнетюркских, в частности древнеуйгурских, словообразовательных аффиксов. Так, например, только в этих языках из современных представлен в чистом виде древний аффикс *=нчыг*, образовавший отглагольные прилагательные со значением различных эмоций, чувств и т.п., например, сравни др.-уйг. *коркынчыг* [13. С. 459] и совр. тоф., тув. *коргынчыг* «страшно; страшный» от глагола *корк=* «бояться». В саянских языках это очень активный аффикс.

В связи с тем, что все языки саянской подгруппы, за исключением тувинского, бесписьменны, при работе над их исторической грамматикой встает проблема источников, древнеуйгурский язык не может при этом в полной мере считаться их языком-предком, поскольку само их отношение к нему дискуссионно. Отсутствие письменных фиксаций ранних стадий развития строя саянских тюркских языков заставляет главных надежны при их историческом изучении возлагать на внутреннюю реконструкцию с учетом всех доступных материалов по всем языкам и их диалекты данной группы.

Анализ состояния имеющихся материалов по этим языкам показывает, что проблема неравномерной их изученности может создать неожиданные затруднения. Дело в том, что языки этой подгруппы исследованы неодинаково. Если по тувинскому и тофаларскому языкам есть опубликованные научные грамматики, то по остальным пока нет никаких за исключением диссертационного исследования Л. Болда по уйгуро-урянхайскому языку [19]. К фронтальному сбору материалов по фонетике и морфологии этих языков в МНР только приступают. Ввиду особой важности эту работу следует всячески форсировать.

Как и все языки Сибири, тюркские языки данной подгруппы издавна контактировали с монгольскими языками. Интенсивность этих контактов в разные исторические эпохи была различной. Так, языки тюрков МНР до сих пор испытывают сильное воздействие со стороны монгольского языка. Все носители тюркских языков МНР двуязычны и наряду с родным языком активно владеют монгольским. В СССР ситуация иная. Тувинский испытывал влияние монгольского языка до 20-х годов, ибо до создания ТНР Тува входила в состав Монголии. До сих пор в юго-восточной Туве сохранились районы, где тувинцы сохраняют бытовое использование монгольского языка [20. С. 150-155]. Тофалары же до недавнего времени больше всего контактировали с окинскими и нижнеудинскими бурятами и долго сохраняли тофаларско-бурятское двуязычие. Еще недавно были живы старики-тофы, активно владевшие бурятским языком [21. С. 177].

Связи саянских тюркских языков с монгольскими в какой-то мере изучались [22; 23; 24. С. 25-32], но явно недостаточно. Наши исследования и наблюдения показали, что наибольшее влияние эти языки испытали со стороны монгольских языков в области морфологии и лексики. Так, например, система образных прилагательных и глаголов построена в Саянских тюркских языках по монгольскому образцу [25. С. 103, 158-164]. При этом образные прилагательные имеют, как и в монгольских языках, характерный аффикс *=гар*. Ср. тоф., тув. *кылагар* < среднемонг. *гилагар* «блестящий» < среднемонг. *гилай=* «быть блестящим». Монгольские видовые формы образных глаголов типа *гилас хий=* «блеснуть», *гилас гилас хий=* «блеснуть несколько раз подряд», *гиланг-*

на= «поблескивать», *гилбалза*= «поблескивать быстро и ритмично» полностью адаптированы в тюркских языках саянской подгруппы и образовали здесь систему, аналогичную монгольской. Ср., например, тоф., тув. *кылас кын*= «блеснуть», *кылас кылас кын*= «блеснуть несколько раз», *кылаңна*= «поблескивать», *кылаң гайын*= «поблескивать быстро и ритмично». Прилагательные типа *гилагар* и глаголы типа *гилай*=, *гилас хий*=, *гилас гилас хий*=, *гиланга*= и т.п. являются общемонгольскими и отмечены на всех этапах исторической эволюции монгольских языков. Из тюркских же языков некоторые элементы монгольских образных прилагательных и образных глаголов отмечаются еще для якутского [26. С. 79-80, 98-99, 102-103, 104-105; 27. С. 200-201, 207-211, 231; 28. С. 143-155, 157-160] и киргизского [29. С. 325-327] языков, т.е. для языков, которые тоже претерпели заметное монгольское влияние.

Таким образом, проблемы выявления монгольского влияния на тюркские языки Саян при разработке их исторической грамматики встанет перед исследователями в первый же день работы. Без выявления и учета объема и глубины монгольского влияния на грамматический строй саянских тюркских языков создание их исторической грамматики невозможно.

Резюмируя сказанное выше, следует отметить, что работа над исторической грамматикой языков указанной подгруппы в настоящее время представляется в общем реальной с учетом указанных выше моментов.

Примечания

1. Рассадин В.И. Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Автореф. докт. дисс. – М., 1982. – С. 34.
2. Рассадин В.И. О фонетических системах тувинского и тофаларского языков // Вопросы тувинской филологии. – Кызыл, 1983. – С. 31.
3. Бичелдей К.А. Назализованные гласные в тувинском языке и их соответствия в тюркских языках // Исследования звуковых систем языков Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 35.
4. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. 2-е издание. – М.: Высшая школа, 1969. – С. 313.
5. Доржу Ч.М. Древнеуйгурские элементы в современном тувинском языке. Автореф. канд. дисс. – М., 1984.
6. Корш Ф.Е. Классификация турецких племен по языкам // Этнографическое обозрение 1910. – М., 1910. – Кн. 84-85. – № 1-2. – С. 123-124.
7. Самойлович А.Н. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. – Пг.: Издательство ЛИЖВЯ, 1992. – С. 8-9.
8. Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки // Известия АН СССР, ОЛЯ. – М., 1952. – Т. II, вып. 3. – С. 142.
9. Тенишев Э.Р. Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу // Вопросы диалектологии тюркских языков. – Баку, 1963. – Т. 3. – С. 132.
10. Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка. – М.: Наука, 1976. – С. 19.
11. Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. – М.: Наука, 1976. – С. 56.
12. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII – IX вв. – Л.: Наука, 1980. – С. 157-158.
13. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – С. 185а.
14. Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. – М.: ИВЛ, 1963. – С. 86-88.
15. Насилов В.М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI – XV вв. – М.: Наука, ГРВЛ, 1974. – С. 95-96.
16. Баскаков Н.А. Форма глагола на –чы/-чик, -чу/-чү в хакасском, тувинском и киргизском языках // Вопросы тюркологии. – Ташкент, 1965. – С. 5.
17. Монгуш Д.А. Форма прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. – Кызыл, 1963. – С. 133, 143-144.
18. Насилов Д.М. Прошедшее время на *jük/juq* в древнеуйгурском языке и его рефлекс в современных языках // Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н. Кононова. – М., 1966. – С. 104.
19. Болд Л. Особенности уйгуро-уряньхайского языка. Автореф. канд. дисс. – Улан-Батор, 1968.
20. Уланова А.Э.-Г. Языковая ситуация в юго-восточной Туве // Диалектология и ареальная лингвистика тюркских языков Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 150-155.
21. Шагдаров Л.Д., Рассадин В.И. Об употреблении тофаларами бурятского языка // Исследование бурятских говоров. – Улан-Удэ, 1968. – Вып. 2. – С. 176-186.

22. Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980.
23. Татаринцев Б.И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. – Кызыл, 1976.
24. Болд Л. Уйгар 3-р их хурал. – Улаанбаатар, 1977. – Боть 2. X. 25-32.
25. Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1978. – С. 103, 158-164.
26. Kalużyński St. Mongolische Elemente in der jakutinken Sprache. – Warszawa, 1961. – S. 79-80, 98-99? 102-103? 104-105/
27. Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. – М.; Л., 1954. – С. 200-201, 207-211, 231.
28. Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. – М.; Л., 1960. – С. 143-155, 157-160.
29. Грамматика киргизского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. – Фрунзе: Илим, 1987. – С. 325-327.

(Материалы конференции, посвященной различным вопросам тюркологии в рамках программы «Год Казахстана в России» (4-5 ноября 2003 г.). – СПб.: Наука, 2003. – С. 27-35).

ПРОБЛЕМЫ ОБЩНОСТИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ САЯНО-АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА

Как известно, языки тюрков Сибири составляют восточно-хуннскую ветвь тюркских языков и классификационно входят в две разные группы: уйгуро-огузскую и киргизско-кыпчакскую. Языки, входящие в первую группу, в свою очередь, подразделяются на три подгруппы: уйгуро-тукуюскую (современные тувинский и тофаларский языки и древнеогузский язык — язык енисейско-орхонских надписей), якутскую (якутский язык), хакаскую (хакасский, камасинский, шорский и чулымско-тюркский языки). Во вторую группу входят: алтайский язык (в основном его южные диалекты — телеутский, теленгитский и алтайский, северные же диалекты — тубаларский, кумандинский и челканский — больше тяготеют к хакаской подгруппе языков), современный киргизский и древний киргизский языки.

Классификация эта основана на четких критериях и опирается на определенные языковые факты (1), свидетельствующие о действительном различии всех этих языков.

Однако в процессе сравнительного изучения сибирских тюркских языков — как между собой, так и с другими тюркскими и нетюркскими языками — удалось выявить некоторые особенности в фонетике, морфологии и лексике, характерные лишь для сибирских тюркских языков, в какой-то мере объединяющие их и присущие только им. Больше всего таких объединяющих черт в языках тюрков Саяно-Алтая и прилегающей к нему Минусинской котловины. К этому же региону, особенно в отношении лексики, тяготеет и якутский язык.

Рассмотрим подробнее наиболее характерные специфические особенности, присущие языкам тюрков саяно-алтайского региона.

Так, в области фонетики почти все эти языки характеризуются тем, что в анлауте имеют преимущественно глухие согласные. Например: шор. *паш*, хак. *пас*, чул.-тюрк. *паш*, тоф. *паш* ~ *баш* (2) «голова» (ср. во всех других тюркских языках *баш* — id.); шор. *палыг* «ссадина», хак. *палыг* «язва, рана», чул.-тюрк. *п̄алыг* «чирей», тоф. *палыг* ~ *балыг* «рана» (ср. др.-тюрк. *balıg* «рана»); шор. *пер*, хак. *тир*, чул.-тюрк. *пер*, тоф. *пер* ~ *бер* «дай» (ср. во всех других тюркских языках *бер* — id.); шор. *чыл*, хак. *чыл*, чул.-тюрк. *чыл*, тоф. *чыл* ~ *чжыл*, тув. *чыл* «год» (ср. кирг. *жыл*, каз. *жыл*, др. -тюрк. *jıl* — id.); шор. *чок*, хак. *чох*, чул.-тюрк. *чок* ~ *йок*, тоф. *чок* ~ *чжок* ~ *йок*, тув. *чок* «нет» (ср. кирг. *жок*, каз. *жок*, др.-тюрк. *joq* — id.). В тувинском и алтайском литературных языках согласный *б* сохраняет свою звонкость (ср. алт. *баш*, тув. *баш* «голова», алт. *балу*, тув. *балыг* «рана», алт. *бер*, тув. *бер* «дай»), хотя для алтайских диалектов тоже характерно употребление глухого *п* вместо звонкого *б*. Например, у бачатских телеутов *паш* «голова» (3), у кумандинцев *паш* «голова», *пер* «дай». В тубаларском диалекте в начальной позиции не различаются, как и в тофаларском языке, глухие и звонкие согласные *п* — *б*, *т* — *д*, *к* — *г* и др. (5), поэтому здесь мы имеем *паш* ~ *баш* «голова», *пер* ~ *бер* «дай» и т.д.

Для всех тюркских языков Саяно-Алтая характерно еще произношение глухого *c* вместо звонкого *з* других тюркских языков в абсолютном исходе слова и слога. При этом исторически звонкий согласный, следовавший в начале последующего слога, тоже оглушался. Например, общетюркское *кыз* «дочь» в языках рассматриваемого региона произносится: шор. *кыс*, хак. *хыс*, алт. *кыс*, чул.-тюрк. *кыс*, тоф. *кыс*, тув. *кыс* — *id.*; др.-тюрк. *qizun*, кирг. *кузун*, тат. *козгын* «ворон» здесь произносят: шор. *кускун*, хак. *хусхун*, алт. *кускун*, тоф. *кускун*, тув. *кускун* — *id.* Глухость ауслаута сохраняется и при наращении аффиксов. Так, например, вместо *кызлар* «девушки» здесь произносят везде *кыстар*, вместо *кызга* «девушке» — *кыска*. Эта закономерность служит причиной изменения звукового облика многих тюркских слов.

Например, кирг. *тизгин* — алт., шор. *тискин* «поводья»; др.-тюрк. *ayzi* — тоф., тув. *аксы*, хак. *асхы* «его рот»; кирг. *азган* — алт., шор., тоф., тув. *аскан*, хак. *асхан* «заблудился».

Группу тюркских языков Саяно-Алтая отличает также такая своеобразная черта, как наличие в ряде слов носовых *n* или *нь* в анлауте на месте древнего **ñ* и развившихся из него *ч*, *ж* и т.д. других тюркских языков. В эту группу входят тофаларский, хакаский, шорский языки и северные диалекты алтайского языка (6). Ср., например, тоф. *няа*, хак. *наа*, шор. *наа*, куманд. *наа*, тубал. *ньанты* «новый» — тув. *чаа*, алт. *јаңы*, кирг. *жаңы*, др.-тюрк. *jaŋı* — *id.*; тоф. *няндыр*-, хак. *нандыр*-, куманд. *няндыр*-, тубал. *няндыр*- «возвратить» — тув. *чандыр*-, алт. *јандыр*-, кирг. *жандыр*-, др.-тюрк. *jandur*-, *jantur*- *id.* Развитие этого специфичного для саяно-алтайских тюркских языков ареального явления, видимо, следует связывать со среднеязычной артикуляцией смычного согласного *дъ*, бывшего когда-то в этих языках и явившегося промежуточной стадией перехода **ñ* в современные аффрикаты *ч* и *дж*. Кстати, среднеязычный характер этих аффрикат, которые могут варьировать со смычными среднеязычными *тъ* и *дъ*, сохраняется до сих пор в алтайских диалектах и в тофаларском языке. Переход же *дъ* в *нь* (а затем *нь* → *n* под влиянием утраты среднеязычной артикуляции аффрикат) происходил, вероятно, из-за существовавшего в прошлом и в этих языках сильного назализованного характера вообще всей артикуляции, каковая сохраняется еще в тофаларском языке и в некоторых тувинских говорах. Все это уже было рассмотрено нами ранее (7), поэтому здесь подробно разбирать не будем.

В грамматике наиболее ярким и характерным объединяющим эти языки моментом является наличие особой довольно развитой системы глагольных превербов (8), которые по функции и значению в какой-то мере можно сопоставить с системой глагольных приставок некоторых европейских языков (например, русского, немецкого и т.п.). Поскольку в тюркологии вопрос о превербах не изучался и даже не ставился, позволим себе здесь несколько подробнее рассмотреть его.

В языках Саяно-Алтая (шорском, хакаском, алтайском, тофаларском и тувинском), а также еще в якутском довольно употребительны составные глаголы, первым компонентом которых выступают особые слова-превербы, сообщающие глаголу, носителю основного действия, дополнительные семантические оттенки, связанные либо с направленностью действия, либо с обстоятельством, способом совершения или протекания действия. В грамматиках и словарях эти слова-превербы квалифицируются или как деепричастия, или как наречия, хотя в действительности они ни то и ни другое. В рассматриваемых же языках группа превербов и образование с их помощью составных глаголов являют собой целую систему, и именно этим средством в русско-национальных словарях осуществляется перевод русских приставочных глаголов.

Чтобы можно было получить представление о данном явлении, приведем примеры.

В алтайском языке (9): *ойо ат* = «прострелить», *ойо кес* = «прорезать отверстие» (*ойо* «насквозь» < *ой* = «выдалбливать; протыкать, пробить»); *йыга ат* = «застрелить» (*йыга* «наповал» < *йык* = «повалить, валить»); *јара сок* = «расщепить», *јара чап* = «перешибить, разрубить» (*јара* < *јар* = «раздирать, шепать; рассекать, колоть»); *чыгара сордыр* = «откачать — насосом», *чыгара суруп ий* = «выгнать» (*чыгара* < *чыгар* = «вывести наружу»); *ўзе тиште* = «откусить», *ўзе чап* = «отсечь, перерубить», *ўзе тарт* «растерзать» (*ўзе* < *ў* = «рвать, обрывать»); *тўжүре тарт* = «сдернуть» (*тўжүре* < *тўжүр* = «опустить вниз, заставить слезть вниз»); *кере тарт* = «натянуть» (*кере* < *кер* = «натягивать, распыливать»); *чдйб тарт* = «растянуть» (*чдйб* < *чдй* = «тянуть, растягивать»).

В шорском языке (10): *кезе урун* = «врезаться», *кезе шабыс* = «разрубить» (*кезе* < *кес* = «резать»); *шыгара кёр* = «выглядывать», *шыгара сүрибис* = «выгнать», *шыгара тарт* = «вытаскивать», *шыгара учук* = «вылетать» (*шыгара* < *шыгар* = «выводить наружу»); *четыре кдй* = «договаривать», *четыре учук* = «долететь» (*четыре* < *четир* = «доводить, заставить, позволить дойти»); *чара*

тарт = «раздирать» (*чара* < *чар* = «раскалывать»); *чаза тут* = «разжимать» (*чаза* < *час* = «расстилать»).

В хакасском языке (11): *ўзе кис* = «отсекать, отрубать», *ўзе сап* = «отсекать», *ўзе тарт* = «оторвать», *ўзе ызыр* = «перекусить» *ўзе кирт* = «перегрызть» (*ўзе* < *ўс* = «рвать, оторвать»); *кизе сап* = «отрубить» (*кизе* < *кис* = «резать»); *чаза таста* = «раскидать», *чаза тарт* = «разворачивать, растягивать», *чаза тут* = «разжимать» (*чаза* < *час* = «развертывать, расстилать»); *чара сап* = «расколоть, расщеплять, разрубить», *чара кис* = «разрезать», *чара тарт* = «разодрать, растерзать» (*чара* < *чар* = «колоть, раскалывать»); *сыгара тарт* = «вытаскивать», *сыгара сур* = «выпроваживать», *сыгара сегир* = «выпрыгивать, выскакивать», *сыгара учу* = «вылетать, улетать», *сыгара чыл* = «выползть» (*сыгара* < *сыгар* = «выводить наружу»); *кире чўгур* = «вбегать» (*кире* < *кир* = «заставлять войти внутрь»).

В тофаларском языке (12): *ўзе тыгьрт* = «оторвать», *ўзе туьт* = «задушить», *ўзе каяк* = «убить ударом», *ўзе кеьс* = «перерезать», *ўзе эттэ* = «отсечь, отрубить» (*ўзе* < *ўс* = «оторвать»); *ўндүрү тыгьрт* = «вытащить, выволочь», *ўндүрү сыбыр* = «выгнать» (*ўндүрү* < *ўндүр* = «вывести наружу»); *киирі тыгьрт* = «втащить, затащить», *киирі шаг* = «вбивать, вколачивать» (*киирі* < *киир* = «вводить внутрь»); *кеьсе эттэ* = «отрубить, отсечь» (*кеьсе* < *кеьс* = «резать»); *чуура эттэ* = «раздробить ударом» (*чуура* < *чуур* = «раздробить»); *ыра каяк* = «расколоть пополам», *ыра тыгьрт* = «разорвать, потянув» (*ыра* < *ыр* = «раскалывать»).

В тувинском языке (13): *ўзе шап* = «разрубить», *ўзе тырт* = «разрывать» (*ўзе* < *ўс* = «оторвать»); *чара бас* = «раздавить», *чара кес* = «разрезать» (*чара* < *чар* = «раскалывать»); *чедир кыл* = «доделать» (*чедир* < *чедир* = «доводить»); *ўндүр ит* = «выталкивать», *ўндүр шап* = «выбить», *ўндүр тырт* = «вытащить» (*ўндүр* < *ўндүр* = «выводить наружу»); *чуура шап* = «раздробить, разбить» (*чуура* < *чуур* = «раздробить»); *киир как* = «вбивать», *киир тырт* = «втаскивать», *киир бас* = «вдавливать» (*киир* < *киир* = «вводить внутрь»).

В якутском языке (14): *быһа тарт* = «перервать», *быһа сиэ* = «переесть — о ржавчине», *быһа ытыр* = «перекусить», *быһа бата* = «перерезать» (*быһа* < *быс* = «резать»); *хайа огус* = «расколоть», *хайа быс* = «разрезать», *хайа тарт* = «разорвать», *хайа хат* = «рассохнуться», *хайа ас* = «рассечь» (этимология *хайа* неизвестна); *тосту тарт* = «дернуть и сломать», *тосту огус* = «переломить ударом» (*тосту* < *тоһун* = «ломаться, переламываться»); *тобулу тус* = «провалиться», *тобулу ас* = «проткнуть», *тобулу үүн* = «прорасти» (*тобулу* < *тобул* = «прорубать, пробивать»); *халты быс* = «резать скользом» (*халты* < монг. *qaltu* «скользом»); *мулту бар* = «соскальзывать» (*мулту* < монг. *mültü* «скользом»); *үлү түһэр* = «разбить вдребезги, уронив», *үлү кырбаа* = «сильно избить» (*үлү* < монг. *ültü* «вдребезги»). В якутском языке много превербов, заимствованных из монгольского языка. Наличие сходного типологического явления в монгольских языках способствовало взаимопроникновению ряда превербов из монгольских языков в тюркские, и наоборот. Так, тофаларский преверб *үлү* (например, *үлү боола* = «разбить вдребезги выстрелом») тоже взят из монгольского языка, а, например, монгольские превербы *qayа* «раскалывая, разбивая», *julҕа* «сдирая», *соһи* «насквозь, продырявливая» можно возвести к форме деепричастия на -*a/-e* от тюркских глаголов *qaq* = «бить», *julq* = «обдирать», *soq* = «бить» (15).

В тюркских языках, как видно из примеров, превербы внешне представляют собой форму слитного деепричастия на -*a/-e* и притом зачастую от каузативных глаголов. Употребление каузативов (например, *чыгара*, *ўндүрү*, *киире*, *тўжүрө* и т.п.) там, где по смыслу высказывания (особенно при медиальных глаголах) каузативность кажется излишней (ср., например, шор. *шыгара көр* = «выглядывать», хак. *сыгара учух* = «вылетать» и т.п.), свидетельствует о полной абстракции этих лексем, отвлечении от функции и значения деепричастия, грамматикализации их и превращении в служебный элемент, привносящий в конструкцию дополнительные семантические оттенки.

Во всех остальных тюркских языках нет подобной системы превербов. В них можно найти лишь спорадические сочетания типа башк. *язат* = «промахнуться», *язабас* = «оступиться»; ног. *кыя яз* = «писать наклонно», *кесе ыт* = «пройти наперерез»; кирг. *кесе чап* = «пресечь, отрубить», *жашыра чап* = «стукнуть так, чтобы прилип», *жаза сүйлө* = «обмолвиться, ошибиться в слове» и т.п. Понятия же типа «влетел», «вылетел», «втащил», «вытащил» и т.п., передаваемые в тюркских языках Саяно-Алтая обычно при помощи составных глаголов с превербами, в других тюркских языках имеют совершенно иное выражение: здесь употребительны аналитические конструкции, в которых основной глагол стоит в форме деепричастия на -*n*, а направление или способ действия передаются вспомогательными глаголами *кел* = «прийти», *кет* = «уйти», *чык* = «выйти», *кир* =

«войти» и т.п. Ср., например, в татарском языке: *очып чыкты* «вылетел», *очып керде* «влетел», *очып китте* «улетел», *сөрөп чыгарды* «вытащил» и т. д.

В лексическом отношении тюркские языки Саяно-Алтая кроме общетюркских слов типа *ат* «лошадь», *киши* «человек», *тур* = «стоять», *бол* = «стать; быть», *бар* = «пойти», *беш* «пять», *кун* «день» и т.п. объединяет целый пласт лексем, не имеющих параллелей в других тюркских и нетюркских языках. Нам удалось путем проведения широкого сравнения выявить многие десятки слов этого типа. Наличие большого общего пласта специфической лексики объединяет рассматриваемые языки в одну группу. С точки зрения семантики этот общий лексический слой неоднороден. Однако все же можно распределить эти слова на ряд крупных лексико-семантических групп. Для более полной характеристики данного региона языков приведем ниже некоторые наиболее характерные из этих самобытных слов. При этом не всегда слова распространены абсолютно по всем языкам, для нас важно и весьма показательно уже и то, что отдельные лексемы бытуют в довольно отдаленных друг от друга языках, например тофаларском и шорском, тофаларском и алтайском и т.п. Это тоже свидетельствует об их древности и былом широком распространении в рассматриваемом регионе.

Лексика, связанная с ландшафтом

арыскан (алт., тоф., тув.) «гарь»;
меес (алт.), *меэс* (тоф.), *мээс* (тув.) «безлесный южный склон горы»;
јум в выражении *јум агаи* (алт.) «девственный лес», *ним* (тоф.) «чистый, нетронутый, девственный — о местности, пастбище и т.п.»;
каскак: *каскак јер* (алт.) «круча», *каъскак* (тоф., тув.) «труднопроходимый крутой склон горы, заросший кустарником»;
сен (тоф., тув.), *син* (хак.) «залив на реке, озере»;
учар (алт.) «водопад», *ушар* (тоф., тув.) «водопад; порог» (возможно, в основе этого слова лежит общетюркский корень *уч* = «лететь»).

Флористическая терминология

ай (алт., шор.) в сложном слове *саргай* (*сарыг ай*), *ай* (хак.) в сложном слове *саргай* (< *сарыг ай*), *ай* (тоф., тув.) «сарана»;
мдиш (алт.), *бдиш* (тоф.), *мдиш* (тув.) «кедр», *бэс* (як.) «сосна»;
тая (алт.) «кустарник», *тайа* (тоф.), *дал* (тув.) «жимолость»;
јыраа (алт.) «кустарник», *чыраа* (хак.) — название кустарника, *чыраа* (тоф.) «карликовая береза, ерник», *чыраа* (тув.) «ивняк»;
сдгүскен, *сдскөн* (алт.), *сөөскен* (тоф., тув.) «таволга»;
казылган (алт.) «вид черной смородины», *казылган* (тоф., гутаринский говор) «рододендрон», *казылган* (тув.) «кустарник с черными ягодами»;
јойгон (алт.), *чойган* (тоф., тув.) «пихта»;
чиби (алт.), *шиби* (тоф.), *шиви* (тув.) «ель», *сыбы* (хак.) «ель; пихта», *шубе* (шор.) «пихта»;
эргүш (алт.), *эргүүс* (тоф.), *эргиниш* (тув.) «рябина»;
јеңес (алт.), *неңес* (тоф.), *чиңис* (тув.), *чеңис* (хак., сагайский диалект) «мох»;
чейне (алт.), *шеңнэ* (тоф.), *шеңне* (тув.), *сиңне* (хак.), *шеңде*, *шейне* (шор.) «пион, марьян корень»;
кылбыш (алт., тоф., тув.) «бадан»;
калма (алт.), *һылба* (тоф.), *хылба* (тув.), *халба* (хак.), *калба* (шор.) «черемша»;
ухсум (хак.), *оксум* (шор.), *уксум* (чул.-тюрк.) «дикий лук»;
сарапсын (алт.), *сарапсал* (тув.), *сарапсы* (тоджинский диалект тувинского языка), *сарапсы* (тоф.) «ревень»;
сиген (тоф., хак.) «вид травы», *сиген* (тув.) «трава; сено»;
куулгы (алт. — телеутский диалект, тоф., тув.), *хуулган* (хак.) «сухостойное дерево»;
тазыл (алт., тоф., шор., бараб.), *дазыл* (тув.), *тазылга* (хак.) «торчащий корень вывернутого дерева»;
чобра, *чобыра* (алт.) «кора лиственницы», *чөһпрээ* (тоф.) «кора хвойных деревьев», *чөвүрээ* (тув.) «кора», *собыра* (хак.) «сухая кора тополя»;
шаңда (алт., тув.) «кора», *шаңда* (тоф.) «слой коры под берестой», *шаңда* (шор.) «гнилая древесина березы»;

тоорчык (алт.) «шишка — еловая и пихтовая», *тоорук* (тоф.) «шишка остальных хвойных деревьев, кроме кедра», *тоорук* (тув.) «кедровая шишка», *торым* (хак.), *тоорум* (шор.), *тоорган* (чул.-тюрк.) «шишка», *туорах* (як.) «древесная шишка».

Лексика, относящаяся к животному миру

анай (алт., тув.), *аьннай* (тоф.) «оленок»;
бабырган (алт.), *набырган* (хак.), *аьпырган* (тоф.), *авыргаң* (тув.) «белка-летяга», кирг. *бабырган* «сыч»;
көрүк (алт., шор.), *көрік* (хак.), *һөөрүк* (тоф.), *хөөрүк* (тув.), *күварік* (чул.-тюрк.) «бурундук»;
өркө (алт.), *өрке* (хак.), *өрге* (тоф., тув.), *өргүө* (як.) «суслик»;
тооргы, *табыргы* (алт.), *табырга* (хак. — сагайский диалект), *табыргы* (шор.), *тооргу* (тоф., тув.) «кабарга»;
үс (алт., хак., шор., чул.-тюрк.), *үс* (тоф., тув.), *үүс* (як.) «рысь»;
томуртка (алт.), *тобыргы* (хак.), *тоьһорго* (тоф.), *торгу* (тув.) «дятел»;
кеерген (хак., шор.), *кеэрһен* (тоф.), *кээрһен* (тув.) «кедровка»;
чилен: *кара чилен* (алт.), *ишлен* (тоф.) «аист», *ишлен* (тув.), *сүлен* (хак.), *шүлен* (шор.) «цапля»;
сымда (алт.), *сым*, *сымна* (хак.), *сымны* (чул.-тюрк.), *сымна* (шор.) «рябчик»;
таркат (алт.), *таьрһат* (тоф.) «утка-крохаль»;
тарагай (хак.), *таргый* (тоф.), *даргый* (тув.) «бекас»;
мечиртке (алт.), *беьһерген* (тоф.), *межерген* (тув.), *мэкчиргэ* (як.) «сова»;
таскачак (алт., шор.), *таскадзак* (чул.-тюрк.) «сова, сыч»;
эьсир (тоф.), *эзир* (тув.) «орел», *эсир* (як.) «птица наподобие журавля»;
маас (алт., хак., тув.), *мас* (тоф.) «паут, овод»;
бел (алт., тоф., тув.), *нил* (хак.), *пел* (шор.), *бил* (як.) «таймень»;
миит (тоф.), *мыйыт* (тув.), *бийыт* (як.) «ленок (рыба)»;
чойлошкон (алт.), *шойлашкан* (тоф.), *шыйлашкын* (тув.) «дождевой червь».

Названия утвари, частей жилища, орудий труда, одежды

кылъы (алт.), *һыльчъы* (тоф.), *хылчы* (хак. — сагайский диалект), *хылчаг*, *хылга* (хак.), *кылы* (шор.), *кылдьыы* (як.) «дужка ведра»;
илјирме (алт.), *ильчжирме* (тоф.), *илчирбе* (тув.), *ілчірбе* (хак.), *илчирбе* (шор.) «очажная цепочка»;
соо (тоф., тув., шор. (16)) «берестяной сосуд»;
барба (тоф., тув.) «переметная сума», *марба* (як.) «кожаный мешок»;
сыран (алт. — телеутский диалект (17)) «один из шести основных шестов чума», *сыран* (тоф.) «опорный шест чума, к которому привязывается очаянная цепочка и который поддерживает весь остов чума», *суран* (тув.) «основа берестяного чума»;
озун, *оозык* (алт.), *осук* (тоф.), *озук* (тув.), *усып*, *оозуп*, *озук* (хак.), *осуп* (шор.) «корнекопалка»;
орбо (алт.), *орпа* (тоф.), *орба* (тув., хак., шор.) «колотушка шаманского бубна» (происходит, вероятно, от глагола *ор* = «бить, ударять», не сохранившегося в языках Саяно-Алтая, но широко представленного в других тюркских языках);
теербек (алт.) «кольца, которые опоясывают колотушку шаманского бубна», *дээрбек* (тоф., тув.) «подвески на поясе»;
чүһнүр (тоф.), *чүвүр* (тув.) «штаны», *сүбүр* (хак. — качинский диалект) «пantalоны»;
јакы (алт.), *чагы* (тоф., тув.) «шуба, доха», *чага* (шор.) «шуба из собачьих шкур»;
ая (алт., тув., хак.), *айа* (тоф., шор., як.) «лук-самострел»;
согон (алт.), *согун* (тоф., тув., чул.-тюрк.), *соган* (хак.), *соган* (шор.), *оногос* (як., метатеза) «стрела» (возможно, слово происходит от глагола *сок* = «бить, ударять»);
эдиске (алт.), *эьтиски* (тоф.), *эдиски* (тув., шор.) «манок-пищик на косулю, кабаргу» (вероятно, в основе слова лежит глагол *эьт* = «издавать звук», сохранившийся, например, в тофаларском *эьт*- и тувинском *эт*- в значении «издавать звук, кричать — о животных», в якутском языке *эт*- «говорить — о человеке, куковать, греметь — о громе» и зафиксированный в древнетюркском языке *at* = «петь — о птицах»).

Глаголы

кажар = (алт.), *хазар* = (хак.), *каьһяр* = (тоф.), *кажарар* = (тув.) «побелеть, поседеть; виднеться

белым» (ср. кирг. *кашкай* = id., *кашка* «белая отметина на лбу животных»; возможно, во всех этих словах общий корень **каш*);

кыйбыңда = (алт. — тубаларский диалект) «двигаться, шевелиться», *хойбаңна* = (хак.) «вилять, извиваться», *кыҕыпаңна* = (тоф.) «двигаться зигзагами», *кыйпа* = (тоф.) «отклоняться в сторону при движении», *кыйбыңна* = (тув.) «ерзать, вертеться, шевелиться», *кыйба* = (тув.) «отклоняться — от цели; слоняться без цели», *куйбаңнаа* =, *куймаңнаа* = (як.) «извиваться, вилять, вихлять»;

калаңда = (алт.) «качаться, свисая, болтаться из стороны в сторону», *халбаңна* = (хак.) «болтаться — об одежде», *һалаңна* = (тоф.) «свисая, качаться из стороны в сторону, болтаться», *калбаңна* = (шор., тув.) «качаться, колебаться, болтаться — от ветра», *халбаңнаа* = (як.) «сдвигаться с места; шататься»;

мергеде = (алт.), *миргеле* = (хак.), *меърһеле* = (тоф.), *мергеле* = (тув.) «кидать, швырять»;

тул = (алт.), *дүл* = (тоф., тув.) «класть мясо в котел для варки; варить мясо в котле»;

тур = (тоф., тув.), *туур* = (як.) «выбить, вышибить»;

чымыра =, *чыбыра* =, *шымыра* = (алт.), *сыбыра* = (хак.), *сыбра* = (шор.), *сымыра* = (тоф.), *сымыран* = (тув.) «шептать»;

жыңыла = (алт.), *чуңгула* = (тоф., тув.) «скользить, кататься на чем-либо скользком».

Прочие слова

аамай (алт., тоф., тув.), *аңмай* (шор.) «ротозей», ср. *аңмай* = (хак.), *амай* = (як.) «ротозейничать»;

мерге (алт., тув.), *мирге* (хак.), *меърһе* (тоф.) «палка, бита»;

соот (алт.) «забава, развлечение, увеселение», *соот*: *чуга-соот* (тув.) «разговоры», *соот* (тоф.) «слово», ср. *сооттас* = (хак., чул.-тюрк.) «говорить, беседовать»;

коос (алт. — в телеутском диалекте) (19) «красивый; шеголь; украшение, убранство», *хоос* (хак.) «рисунки, узор; украшение, вышивка», *куас* (бараб., чул.-тюрк.) (20) «франтоватый; красивый, видный», *каас* (тоф.) «нарядный; узор, украшение», *каас* (тув.) «нарядный, пышный»;

эңир (тоф.), *эңир* (тув.), *уңур* (як.) «недавно»;

эн: *эн эт* «мышцы спины», *эн учук* «спинные жилы» (алт.), *ээн*: *ээн эт* (тув.), *эн*: *эн эът* (тоф.) «мышцы спины», *иэн* (як.) «нижняя часть спины от поясницы до крестца»;

эдир (тоф.) «жировая подушка поверх желудка», *эдир* (тув.), *итир* (як.) «сальник»;

чырымһа (тоф.) «болонь, пленка на мясе», *шырыңма* (тув.) «пленка»; *сырыңма* (шор.) «лишайник»;

саат (алт. — в теленгитском диалекте) (21) «яремная жила на шее», *саат* (тоф.) «шейная жила», *саат* (тув.) «сонная артерия»;

аай (алт., тоф., тув.) «порядок, суть, толк», *аанья* (як.) «соразмерность, суть, толк»;

адыш (тоф., тув.), *ытыс* (як.) «ладонь»;

чедирген (алт.), *шедирген* (тоф.) «искра».

Как можно видеть из приведенных здесь примеров, этот общий специфичный лексический слой состоит в основном из названий, отражающих особенности местного ландшафта и охотничьего и собирательского быта, местную флору и фауну. Дальнейшая работа над расширением этого пласта слов могла бы выявить много интересных общих деталей быта тюркских народов Саяно-Алтая, отраженных в языке.

Приведенные слова можно, с одной стороны, трактовать как остатки местного субстрата, если встать на вполне справедливую, по нашему мнению, точку зрения, согласно которой современные тюркские языки Саяно-Алтая и Хакасско-Минусинской котловины образовались в результате распространения какого-то древнего тюркского языка среди аборигенных нетюркских племен (22). По предположению Е.И. Убрятовой, таким языком мог быть какой-то древний тюркский язык кыпчакского типа. «Древний киргизский язык, по всей вероятности, относился к языкам кыпчакского типа. Распространение его в среде разноязычных племен и дало разные племенные языки с общей основой...» (23). Но поскольку субстрат в этом регионе был разный (угры, самодийцы, кеты), более вероятно другое предположение: этот общий лексический слой может быть остатком именно того древнего тюркского языка (возможно, древнекыргызского), который был воспринят местными аборигенными племенами. Кроме того, многие из этих слов бытуют и у якутов. А они могли унести их на Лену со своей старой родины, Присяянья и Прибайкалья, где были, вероятно, тесно связаны с рассматриваемым ареалом тюркских языков.

Оглушение же согласных в анлауте следует отнести к влиянию субстрата, как совершенно справедливо считал А.П. Дульзон, так как это — особенность угро-самодийских и кетских языков

(24). Данное мнение поддерживает М.И. Боргояков (25). К такому же выводу пришла и Н.З. Гаджиева, установив, что тюркские исконные глухие согласные анлаута озвончились, а затем опять оглушились в сибирских тюркских языках под влиянием субстрата (26).

Наличие глухого анлаута, согласного *-z-* в инлауте (на месте *-j-* и *-d-* других тюркских языков) и ряд иных признаков позволяют отнести к языкам Саяно-Алтая (конкретно — к хакасской подгруппе) и язык желтых уйгуров (27). По *z*-признаку и ряду других сюда же следует включить и язык кыргызов уезда Фууй (28).

Однако в лексическом составе языка желтых уйгуров и языке кыргызов уезда Фууй отсутствуют параллели к тем примерам, которые мы привели выше и которые характерны для тюркских языков Саяно-Алтая, хотя одно слово все же удалось найти: ж.-уйг. *egeŋ* (29), *igeŋ*, *jigeŋ* (30) «сука» можно сопоставить с алт. *эзи* «самка медведя», шор. *эзи аң* «самка соболя», тоф. *эзи*, тув. -тодж. *эзи* «самка соболя, медведя». Интересно также бытование параллелей к ж.-уйг. *езер* «седло» с *z*-признаком не только в языках хакасов и шорцев (ср. хак. *изер*, шор. *эзер* «седло»), но и в языках тофаларов и тувинцев (ср. тоф. *эзер*, тув. *эзер* — *id.*), хотя во всех остальных словах в тофаларском и тувинском языках в инлауте представлен согласный *-d-* (ср. хак. *pözik*, шор. *mözüк* — тоф., тув. *бедик* «высокий»).

Отсутствие достаточно полных лексических материалов по языкам желтых уйгуров и кыргызов уезда Фууй не позволяет пока провести широкие лексические сравнения их с языками тюрков Саяно-Алтая.

Приведенные в данной статье фонетические, грамматические и лексические материалы убеждают, что, хотя современные тюркские языки и входят классификационно в разные группы и подгруппы, они в то же время сохраняют в себе следы былой общности. Наличие однотипных конструкций с провербами, а также ряда глаголов, наречий и прилагательных, характерных только для них, свидетельствует, что это единство, общность их достаточно глубоки и речь не может идти, разумеется, лишь о единичных взаимных лексических заимствованиях, распространившихся в результате маргинального контактирования родственных языков внутри данного ареала.

Нам представляется, что весьма плодотворным было бы проведение более широких и углубленных исследований внутри ареала саяно-алтайских тюркских языков, чтобы полнее и рельефнее выявить те черты, которые объединяют их и могут, вероятно, принадлежать тому древнему тюркскому языку, который распространился среди аборигенных племен рассматриваемого региона.

Принятые сокращения

алт.	— алтайский язык
бараб.	— язык барабинских татар
башк.	— башкирский язык
др.-тюрк.	— древнетюркский язык
ж.-уйг.	— язык желтых уйгуров
каз.	— казахский язык
кирг.	— киргизский язык
куманд.	— кумандинский диалект алтайского языка
ног.	— ногайский язык
тоф.	— тофаларский язык
тубал.	— тубаларский диалект алтайского языка
тув.	— тувинский язык
хак.	— хакасский язык
чул.-тюрк.	— чулымско-тюркский язык
шор.	— шорский язык
як.	— якутский язык

Сноски

1. См.: Н.А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е. М., 1969, с. 313-349.

2. В тофаларском языке согласный *б* — слабая фонема, допускающая как глухое, так и звонкое произнесение, равно как и все остальные слабые согласные. См.: В.И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 46.

3. См.: К.В. Меркурьев. Инвентарь согласных фонем и их дистрибуция в языке бачатских телеутов. — Вопросы языка и литературы народов Сибири. Новосибирск, 1974, с. 50.

4. См.: И.Я. Селютина. Дентопалатограммы кумандинских согласных. — Исследования по фонетике сибирских языков. Новосибирск, 1976, с. 28.
5. См.: Н.А. Баскаков. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черневых татар (туба-кижи). Грамматический очерк и словарь. М., 1966, с. 15—17.
6. О противопоставлении североалтайского *нь* южноалтайскому *дь* см.: Н.А. Баскаков. Алтайский язык. Введение в изучение алтайского языка и его диалектов. М., 1958, с. 70.
7. См.: В.И. Рассадин. Об одном ареальном явлении фонетики тофаларского языка. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы всесоюзной конференции 3—5 июня 1976 г. Томск, 1976, с. 57—60.
8. Типологически сходное явление имеется в монгольских языках. Венгерский монголовед Лайош Беше подробно исследовал монгольские превербы, выдвинув этот термин и убедительно доказав, что лексемы, о которых идет речь, не наречия, а особый тип слов, приближающихся функционально к префиксам. Здесь мы полностью разделяем данную точку зрения и принимаем термин «преверб». Подробнее о проблеме см.: L. Bese. A Study in Buriat Preverbs. — АОН. Т. 19. Fasc. 2. 1966; он же. On Khalkha Preverbs. — АОН. Т. 21. Fasc. 2. 1968; он же. Preverbs in the Language of the Secret History of the Mongols. — АОН. Т. 22. Fasc. 1. 1969; он же. Contribution to the Problem of the Mongolian Preverbs. — АОН. Т. 23. Fasc. 2. 1970; он же. An Aspect of the Turkic-Mongolian Language Contacts. — Bilimsel bildiriler. Ankara, 1975.
9. Примеры взяты из: Н.А. Баскаков, Т.М. Тошчакова. Ойротско-русский словарь. М., 1947; Русско-алтайский словарь. Под ред. Н.А. Баскакова. М., 1964.
10. Примеры взяты из Русско-шорского словаря (Новосибирск, 1940).
11. Примеры взяты из: Н.А. Баскаков, А.И. Инкижекова—Грекул. Хакасско-русский словарь. М., 1953; Русско-хакасский словарь. Под ред. Д.И. Чанкова. М., 1961.
12. Примеры взяты из наших собственных полевых записей.
13. Примеры см.: Тувинско-русский словарь. Под ред. Э.Р. Тенишева. М., 1968; Русско-тувинский словарь. Под ред. А.А. Пальмбаха. М., 1953.
14. Примеры взяты из: Якутско-русский словарь. Под ред. П.А. Слепцова. М., 1972; Русско-якутский словарь. Под ред. П.С. Афанасьева и Л.Н. Харитоновой. М., 1968.
15. В отдельной работе нами специально рассмотрен вопрос о типологическом сходстве систем превербов в тюркских и монгольских языках и дана расшифровка на тюркском материале некоторых монгольских превербов. См.: В.И. Рассадин. Об одной монгольско-тюркской корреспонденции в морфологии (в печати).
16. См.: В.В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. СПб., 1911, стб. 512.
17. См. там же, стб. 639.
18. См.: Н.А. Баскаков. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черневых татар (туба-кижи). Грамматический очерк и словарь. М., 1966, с. 134.
19. См.: В.В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2, стб. 621.
20. Там же, стб. 887.
21. По нашим полевым записям.
22. См.: Е.И. Убрятова. Вопросы диалектологии тюркских языков. — Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 3. Баку, 1963, с. 85.
23. Там же, с. 86.
24. См.: А.П. Дульзон. Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири. — Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 203.
25. См.: М.И. Боргояков. К истории языковых отношений в Саяно-Алтайском регионе (IX—XII вв.). — ТС-1974. М., 1978, с. 61.
26. См.: Н.З. Гаджиева. К истории анлаута в тюркских языках. — Тюркологические исследования. М., 1976, с. 93; она же. О трех этапах изменений анлаутных согласных в истории тюркских языков. — ТС-1974. М., 1978, с. 71.
27. Подробнее см. об этом: М.И. Боргояков. К истории языковых отношений, с. 58—64.
28. См.: Э.Р. Тенишев. О языке кыргызов уезда Фукой (КНР). — ВЯ. 1966, № 1, с. 94; М.И. Боргояков. К истории языковых отношений, с. 57—59, 64.
29. См.: С.Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957.
30. См.: Э.Р. Тенишев. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, с. 181, 184.

(Тюркологический сборник. 1977. — М.: Наука, 1981. — С. 219-231).

КОМПЛЕКС ОХОТНИЧЬЕ-РЫБОЛОВЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В САЯНСКИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ТАЁЖНОГО АРЕАЛА

Данное исследование базируется на лексических материалах из языков тюркоязычных народов, издавна населяющих обширные таежные пространства Саянского горного массива, причем как на территории России, так и соседней Монголии. Эти народы традиционно вели кочевой образ жизни, занимаясь оленеводством и охотой, а также рыболовством и собирательством. К ним относятся тофалары и сойоты России, уйгуры-цаатаны (монгольское название народа, означающее «уйгуры-оленоводы», - В.Р.) и уйгуры-урянхайцы Монголии. В западной части Саян горно-таежные территории смыкаются с горно-степными, издавна населенными близкородственными племенами тувинцев, основным занятием которых было кочевое скотоводство монгольского типа, дополненное охотой, рыболовством и собирательством. На востоке горно-степного ареала в горно-таежной зоне обитают тувинцы-тоджинцы, единственные из всех тувинцев, занимающиеся оленеводством и охотой наряду с рыболовством и собирательством.

В этнографическом плане со стороны их хозяйственной деятельности все указанные выше народы исследованы в разной степени. Наиболее изученными из них являются тувинцы-скотоводы горно-степного ареала [Потапов 1969; Вайнштейн 1972], оленеводы тувинцы-тоджинцы [Вайнштейн 1961]. Из народов горно-таежного ареала Саян более всего внимание исследователей издавна привлекали тофалары. Наиболее известными работами по их этнографии, изданными в последнее время, являются, например, труды Б.Э. Петри [19276; 1928], В.И. Рассадина [1973], С.И. Вайнштейна [1994], Л.В. Мельниковой [1994], И.В. Рассадина [2000; 2005]. О сойотах Бурятии писала Л.Р. Павлинская [2002]. Из этнографических работ, относящихся к остальным народам горно-таежного ареала, обитающим на территории Монголии, известны лишь исследования хозяйства, быта и культуры уйгуров-цаатанов, выполненные монгольскими учеными С. Бадамхатаном [1962] и С. Дуламом [1995].

Языки этих тюркских народов Саянского региона тоже исследованы неравномерно. Наиболее известен и изучен тувинский язык – государственный язык Республики Тыва РФ, имеющий свою письменность и литературную форму с 40-х гг. XX столетия. Остальные языки менее известны. В этой связи считаем необходимым рассказать о них несколько подробнее.

Тофаларский язык, бывший почти неизвестным науке и находившийся на грани исчезновения, изучается нами с 1964 г. Опубликованы наши исследования по тофаларской фонетике и лексике [Рассадина 1965, 1966, 1971], морфологии [Рассадина 1978], изданы словари тофаларского языка [Рассадина 1995]. Тофаларский язык занесен в «Красную книгу языков народов России» [Рассадина 2002].

Языки уйгуров-цаатанов и уйгуров-урянхайцев Монголии почти неизвестны науке. О характере уйгуро-урянхайского языка можно было судить лишь по исследованию монгольского ученого Л. Болда [1978]. По языку уйгуров-цаатанов пока нет исследований. Лексический состав этих тюркских языков Монголии не изучен. Нет и словарей этих языков. Единственным источником по их лексике являются наши сборы фактических материалов по строю этих языков, проводившиеся нами в Монголии в 1989 г. в местах расселения указанных народов. С самого начала записывания материалов по лексике и грамматике уйгуро-цаатанского и уйгуро-урянхайского языков стала выявляться их большая близость не только между собой, но также и к тофаларскому и сойотскому языкам и значительные отличия от тувинского языка, хотя все они относятся к одной, саянской подгруппе сибирских тюркских языков [Жуковская, Орешкина, Рассадина 2002. С. 264-265].

Язык сойотов Бурятии, считавшийся исчезнувшим, нам удалось наблюдать в 1970-х гг. и даже слышать в начале 1990-х, во время наших поездок в Окинский район Республики Бурятия, где живет достаточно компактная группа сойотов в количестве около 2000 чел. В 70-е гг. XX в. его еще помнило значительное число стариков и даже знало некоторое количество лиц среднего возраста, утверждавшие, что они используют родной язык при общении с соседними тувинцами-тоджинцами. По своему строю сойотский язык – типичный тюркский язык, наиболее близкий к тофаларскому языку России и к языку уйгуров-цаатанов и уйгуров-урянхайцев Монголии. Соиотский язык занесен в «Красную книгу языков народов России» [Жуковская, Орешкина, Рассадина 2002].

О близости сойотского языка к тофаларскому свидетельствуют не только наши личные впечатления, полученные при наблюдении сойотского языка, близкого также и к языкам уйгуров-цаатанов и уйгуров-урянхайцев, но и ряд свидетельств ученых, которым довелось наблюдать сой-

отов. Так, по утверждению Б.С. Дугарова [1983. С. 99], изучавшего этногенез бурят и сойотов Оки, М.А. Кастрен, посетивший сойотов Тунки (современный Тункинский район Республики Бурятия – В.Р.) в XIX в., писал, что они говорили «... на том же тюркском наречии, каким говорят карагасы (т.е. тофалары – В.Р.)». Об активном использовании сойотами своего тюркского языка еще в XVIII в. говорит и Г.Д. Санжеев [1930. С. 13-14], исследовавший в конце 20-х гг. XX в. дархатов и население Дархатского края, ссылаясь на свидетельство немецкого географа XVIII в. Антона Фридриха Бюшинга, который в своей книге «Описание земли» (издана в Гамбурге в 1787 г.) утверждал, что язык у тункинских сойотов тот же, что и у карагасов (т.е. тофаларов – В.Р.) Нижнеудинского уезда. Профессор Иркутского госуниверситета Б.Э. Петри [1927а. С. 19], проводивший в 1926 г. по заданию Комитета Севера специальную этнографическую экспедицию по изучению хозяйства, быта и культуры сойотов, писал об их языке, что его еще помнят старики и что он чрезвычайно близок урянхайско-сойотскому. Сойотами, сойонами и урянхайцами, кстати, в старой русской литературе вплоть до 20-х гг. XX в. называли тувинцев и не отделяли от них цаатанов и тофаларов.

По общепринятой в отечественной тюркологии классификации тюркских языков, предложенной Н.А. Баскаковым [1969. С. 323], тувинский и тофаларский языки входят в уйгуро-тукуюскую подгруппу уйгуро-огузской группы тюркских языков. Данную подгруппу мы дополняем языками уйгуров-цаатанов и уйгуро-урянхайцев, а теперь и языком сойотов и предлагаем назвать саянской [Рассадин В. 1982. С. 33-34], что считаем более логичным, поскольку классификация древних языков будет несколько иной.

Есть мнение, причем достаточно аргументированное, И.В. Кормушина [2002. С. 600] о том, что языки тувинцев и тофаларов России, уйгуро-урянхайцев, цаатанов и Цэнгэльских тувинцев Монголии, кёк-мончаков Монголии и Китая по ряду классификационных признаков и по происхождению следует объединить в одну так называемую тобаскую группу с единым тобаским языком.

Сравнительное изучение тюркских языков Саянского региона, объединяемые нами в саянскую подгруппу современных тюркских языков Сибири, показало, что сама эта подгруппа в свою очередь делится на два четких ареала [Рассадин 2002. С. 186]: 1) степной – с языками тувинским и кёк-мончаков и 2) таёжный, куда входят тофаларский, сойотский, уйгуро-цаатанский и уйгуро-урянхайский языки. К таёжному ареалу по некоторым, главным образом лексическим, признакам примыкает и тоджинский диалект тувинского языка. Носители языков таёжного ареала являются в основном оленеводами-охотниками (кроме уйгуро-урянхайцев Монголии, которые давно уже имеют тот же хозяйственный тип, что и монголы, занимаясь животноводством), которых объединяет, кроме общего языка, также сходный тип традиционного охотничье-оленьеводческого кочевого хозяйства и своеобразной материальной культуры, позволивших им хорошо приспособиться к кочевой жизни в условиях горной тайги.

Следует отметить, что в силу различных объективных причин, обусловленных географическим положением и климатическими условиями среды обитания указанных народов таежного ареала – особенностями Саянской горной тайги, – у них сложился свой хозяйственно-культурный тип, в котором основу традиционной хозяйственной деятельности помимо оленеводства или скотоводства составили также охота с рыболовством и собирательство. При этом все таежные народы являются оленеводами и лишь уйгуро-урянхайцы скотоводы, хотя в их языке до сих пор сохраняется оленеводческая терминология, что говорит об их недавнем оленеводстве. Оленеводство у этих народов носит транспортное направление. Ежедневную же пищу им давала и продолжает давать охота с рыболовством. Причем охота при кочевом образе жизни велась круглогодично в условиях разных времен года и различной погоды. Непременным условием удачной охоты является отличное знание местности и поведения животных. В языках этих народов представлено множество разнообразных терминов и просто слов, отражающих их глубокие и обширные знания об окружающем мире, способствующие удачному и результативному охотпромыслу и рыболовству. Рассмотрим ниже весь комплекс лексики, относящейся к охоте и рыболовству, подробнее.

При этом сравнительный лексический материал по рассматриваемой здесь теме взят нами из следующих источников. По тофаларскому языку использован «Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь» [Рассадин 1995], а также наши полевые записи тофаларского языка. По языку окинских сойотов – «Сойотско-бурятско-русский словарь» [Рассадин 2003], «Словарь сойотско-русский» [Рассадин 2006], а также наши полевые записи сойотского языка. По уйгуро-урянхайскому языку использована публикация Л. Болда [1978], а также наши полевые записи. По языку уйгуров-цаатанов мы опирались на лингвистический материал, включенный в работы С.

Бадамхатана [1962] и С. Дулама [1995], но в основном использованы наши полевые записи. Лексические параллели, зафиксированные в древнем тюркском языке, взяты из «Древнетюркского словаря» [1969]. Восстановленные пратюркские лексемы взяты нами из «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Лексика» [2001]. Сопоставительный лексический материал из соседствующих бурятского и монгольского языков взят из «Бурятско-русского словаря» К.М. Черемисова [1973], «Монгольско-русского словаря» [1957], а также из «Большого академического монгольско-русского словаря. В четырех томах» [2001]. В качестве источника по старомонгольскому языку был использован «Монголо-английский словарь» Фердинанда Д. Лессинга [1960]. Ввиду точной и постоянной соотносительности указанных источников с исследуемыми здесь языками ссылок на эти источники в тексте статьи приводиться не будет.

Поскольку при проведении охоты и рыбной ловли весьма важно знание характера местности, ее различных особенностей, то в саянских языках таежного ареала широко представлена достаточно подробно и детально разработанная ландшафтная лексика. Так, во всех источниках по этим языкам зафиксированы единые термины, называющие основные крупные объекты ландшафта типа *чер* 'земля; местность' (тув. *чер*, пратюрк. **jer* id.), *даг* 'гора' (тув. *даг*, пратюрк. **ta:γ* id.), *сын* 'низкий горный хребет со сглаженной вершиной, весь покрытый лесом' (тув. *сын* id., ср. др.-тюрк. *sīn* 'туловище, тело, стан; составная часть, член'), *кыр* 'высокий горный хребет с гольцовой зоной и с острыми скалистыми вершинами' (тув. *кыр* 'горный хребет', др.-тюрк. *qir*, пратюрк. **qur* 'плоскогорье'), *сээр* 'отрог горного хребта' (тув. *сээр* id., др.-тюрк. *señir* 'мыс горы'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *һаһа*, уйг.-урях. *қайа-ғайа* 'скала' (тув. *хая*, др.-тюрк. *qaja*, пратюрк. **qaja* // бур., монг. *хада*, стп.-м. *qada* id.), тоф. *һорум*, уйг.-урях. *қорум-горум* 'нагромождение крупных камней, скатившихся с горы' (тув. *хорум*, др.-тюрк. *qorut* 'каменные осыпи, обломки скал, валуны'), *чазы* 'большая поляна, луг, покос' (тув. *чазы*, др.-тюрк. *jazi* 'степь, равнина'), *шөл* 'степь' (ср. тув. *шөл* 'поле; площадь; площадка', др.-тюрк. *ölgi* 'живущий в степи, степной'), *сай* 'галька; галечная коса, отмель; высохшее русло реки, покрытое галькой' (ср. тув. *сай* 'галька; мель', *сайыр* 'галька; высохшее русло реки, покрытое галькой', *сайырам* 'покрытый галькой', др.-тюрк. *saj* 'каменистое место вулканического происхождения; пустынная равнина', *saj jazi* 'каменистая равнина'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *һөл*, уйг.-урях. *көл-гөл* 'озеро' (тув. *хөл*, пратюрк. **köl* id.), тоф., сойот., уйг.-цаат. *һем*, уйг.-урях. *көм-гөм* 'река' (тув. *хем* id., др.-тюрк. *kem* – название реки), *белтир* 'место слияния рек, соединения дорог' (тув. *белдир*, др.-тюрк. *beltir* id.).

К ландшафтной лексике принято относить и такие слова, как тоф., сойот., уйг.-цаат. *таш-даш* 'камень' (тув. *даш*, др.-тюрк. *taš* id.), тоф., сойот., уйг.-цаат. *һум* 'песок' (тув. *кум*, др.-тюрк. *qum* id.), тоф. *тоһпрақ* 'почва, земля, пыль', сойот., уйг.-цаат. *тоһһырақ* 'почва, грунт, земля' (ср. тув. *довурак* 'земля; пыль; грязь', др.-тюрк. *topraq* 'земля, прах, пыль' // монг. *товрог* 'прах, пыль'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *баһлаһш* 'жидкая грязь', тоф. *бор* 'естественные солонцы; глина; сероводородный источник', сойот., уйг.-цаат. *бор* 'естественные солонцы; глина' (ср. тув. *пор* 'глина', пратюрк. **bo:r* 'мел; глина; неплодородная земля, целина'), тоф. *моотқа* 'глина', тоф. *шивит*, сойот., уйг.-цаат. *шивит* 'охра' (тув. *шивит* id., др.-тюрк. *šivit* 'краска индиго', *šivūt* 'краска (вообще)'), тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урях. *суз* 'вода; небольшая река' (тув. *суз*, пратюрк. **su:w~*su:b* 'вода; река'), тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урях. *тоһш* 'лед' (тув. *дош* id., др.-тюрк. *toš* 'ледник в горах'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *қар* 'снег' (тув. *хар*, пратюрк. **qa:r* id.), тоф., сойот., уйг.-цаат. *һаг қар* 'рыхлый снег' (ср. тув. *хаг* 'трут'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *бораан* 'пушистый рыхлый снег, выпавший большими хлопьями в тихую погоду' (ср. тув. *бораан* 'ненастье, пасмурная погода'), тоф. *сай қар* 'фирновый снег' (ср. *сай* 'галька'), тоф. *оһһюк*, сойот., уйг.-цаат. *оһһюк* 'кухта, слой снега на ветвях хвойных деревьев', тоф. *пыһс* 'пороша' (ср. пратюрк. **bäs*, **bes* 'иней'), тоф. *һөртүк* 'сугроб' (тув. *хөртүк*, пратюрк. **körüt*, др.-тюрк. *körtük* в составе *оһ көртүк* 'снежная лавина, сугроб (?)'), тоф. *чаһрың* 'наст' (ср. монг. *цар-царга*, стп.-м. *čar* 'наст').

Не только само обитание, но и необходимость добывания охотой своего ежедневного пропитания в условиях гор и горной тайги способствовали тому, что в саянских языках таежного ареала выработано множество специальных слов, называющих характерные детали и особенности горного ландшафта. К таким словам относятся, например, следующие: тоф. *сойақ* 'сопка, небольшая гора', тоф., сойот., уйг.-цаат. *бедік* 'возвышенность, гора' (< *бедік* 'высокий', ср. тув. *бедик* 'высокий; возвышенность, гора', др.-тюрк. *bedük* 'большой; очень', *bedük* 'высокий'), тоф. *һыр* 'вершина горы; гребень горного хребта', общесаянское *аһрт* 'горный перевал' (тув. *арт* 'перевал', др.-тюрк. *art* 'нагорье, гора; горный перевал'), тоф., сойот., уйг.-цаат., тув. *таскыл* 'голая скалистая вершина горы, голец' (возможно, происходит от *тас* 'лысый, плешивый'), тоф. *һой*

‘подножие’, *даг һойну* ‘подножие горы’ (< *һой* ‘пазуха’, ср. тув. *хой*, др.-тюрк. *qoj*, *qojun* ‘пазуха’, др.-тюрк. *qoj* ‘дно долины’, ср. тув. *эдек* ‘подножие’, *даг эдээ* ‘подножие горы’), тоф. *көшике*, сойот., уйг.-цаат. *көшикә* ‘осыпь из мелких камней; снежная лавина’ (ср. тув. *көшке* ‘обвал, оползень’, в основе словоформы лежит, по всей видимости, общесаянский глагольный корень *көш* = ‘кочевать, переселяться, перемещаться’, восходящий к др.-тюрк. *kōš* = ‘переходить, передвигаться, кочевать’), тоф. *түһүм*, сойот., уйг.-цаат. *түһүм* ‘осыпь из крупных камней’ (< *түш* = ‘спускаться сверху, слезать, свалиться сверху’, ср. тув. *дүжүм* ‘топь, болотистое место’ < *дүш* = ‘спускаться, слезать, падать’, др.-тюрк. *tüş* = id.), тоф., сойот. *қыгьсыл* ‘узкое ущелье, теснина’ (< *қыгьс* = ‘сжимать с боков’, ср. др.-тюрк. *qisil* ‘теснина, ущелье’ < *qis* = ‘сжимать, сдавливать, стискивать’), тоф. *алын* ‘склон горы’ (< *алын* ‘лицо’, ср. тув. *алын-арын* ‘лицо’, др.-тюрк. *alın* ‘лицо, чело; бугор, выступ на горе’), тоф. *ий* ‘южный склон горы, хребта’ (ср. тув. *ий* ‘склон горы’), тоф. *мээс* ‘большая поляна на южном склоне горы; южный безлесный склон горы’, сойот., уйг.-цаат. *мээс*, уйг.-урянк. *мээс* ‘южный (обычно безлесный) склон горы’ (ср. тув. *мээс* ‘солнечная сторона горы’; данный термин, вне всякого сомнения, происходит от др.-тюрк. *menğiz* ‘лицо, облик’ или *teñiz* ‘облик, внешний вид; наружность, внешность; лицо, цвет лица; лик’ в результате лексикализации переносного значения по образцу переноса значения у слова *алын* ‘лицо’; образование долгого гласного произошло по той же модели, что и у термина *сээр* ‘отрог горного хребта’ < *señir*), тоф. *һүнэрик* ‘солнцепек’ (< тоф. *һүн* ‘солнце’ < пратюрк. **kün* id.; ср. тув. *хүннээрэк* ‘солнечный, солнцепечный; солнцепек’), тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянк. *аьрһа* ‘северный склон горы или хребта (обычно густо заросший лесом и кустарником)’ (ср. тув. *арга* (*аьрга*) ‘горный лес, бор’), общесаянское *чарык* ‘большой глубокий распадок на склоне горы’ (ср. *чарык* ‘расщелина, ущелье’, др.-тюрк. *jarıq* ‘место разъединения’ < *jar* = ‘рассекать, расщеплять’), тоф. *өзен*, сойот., уйг.-цаат. *өзән* ‘небольшой распадок, ложбина на склоне горы’ (ср. тув. *өзен* ‘таежная ложбина’, др.-тюрк. *özäk* ‘узкий проход в горах, ущелье’), тоф. *ооруг* ‘ложбина на гольцах, откуда берет начало горный ручей или река’ (ср. тув. *ооруг* ‘таежное пастбище в верхнем течении реки, где она выходит на открытую равнину’, др.-тюрк. *oɣraq* ‘изгиб, перекат, седловина’, *oɣıu* ‘изгиб, перекат, седловина; место соединения спинных позвонков с позвонками шеи’), тоф. *өлең* ‘всегда влажная и поросшая густой высокой травой ложбина на пологом склоне горы, откуда берет начало ручей’, сойот., уйг.-цаат. *өлең* ‘осока’ (ср. тув. *өлең* ‘осока’, др.-тюрк. *ölän* ‘лужайка (~травы?)’; возможно, что в генезисе этого термина лежит слово *öl* ‘влажный, мокрый’), тоф., сойот., уйг.-цаат. *қара-суғ* ‘родник’ (словосочетание дословно означает ‘черная вода’, здесь произошла лексикализация переносного значения метафорического характера), тоф. *һабақ*, сойот., уйг.-цаат. *һавақ* ‘небольшой косогор’ (ср. тоф. *һабақ* ‘бровь’, тув. *хавак* ‘лоб; пригорок’, др.-тюрк. *qaraq* ‘веко’), тоф. *һаш* ‘косогор’ (ср. др.-тюрк. *qaš* ‘бровь, бровка’), тоф. *арғыт* ‘горная терраса с редколесьем’ (ср. др.-тюрк. *arɣu* ‘долина в горах’, *arɣu*, *arɣılıu* ‘изрезанный ущельями - о горах’), тоф. *қатъ оьрһу*, сойот., уйг.-цаат. *қатъ оьрһы* ‘большая терраса на склоне горы’ (ср. тув. *оргу* ‘ровный’, *оргу чер*, *оргулаши* ‘ровное место, равнина’), тоф. *туруғ*, сойот., уйг.-цаат. *турығ*, уйг.-урянк. *дурьығ* ‘отстой, небольшой уступ на скале, на котором дикие копытные животные спасаются от преследующих их хищников’ (ср. тув. *туруғ* ‘отвесная скала, утес’, др.-тюрк. *turıɣ* ‘1. жилище, стоянка, местопребывание; пастбище; 2. убежище, прибежище; логовище (в горах)’ < *tur* = ‘вставать, подниматься; стоять; находиться, быть, пребывать; жить, обитать; останавливаться’), тоф. *боом* ‘отвесные скалы, образующие берега реки’ (ср. тув. *боом* ‘обрыв горного хребта над рекой’ < монг. *боом* ‘мыс, выдающаяся скала’ < монг. *боо* = ‘заграждать, преграждать, препятствовать’, ср. бур. *боомо газар* ‘труднопроходимое место’).

В рассматриваемых языках имеется немало слов и словосочетаний, характеризующих скалы по их непроходимости, труднодоступности, невозможности на них охотиться. Например: тоф. *қадыр һайа* сойот., уйг.-цаат. *һадыр һайа* ‘отвесная скала’ (тув. *кадыр* ‘крутой, отвесный’, ср. др.-тюрк. *qadir* ‘суровый, жестокий, лютый, свирепый’, *qadir jer* ‘труднопроходимое горное место’), тоф., сойот., уйг.-цаат. *шарым һайа* ‘крутая непроходимая скала’ (тув. *чалым* ‘неприступная скала’, др.-тюрк. *jalım* ‘крутой, отвесный’, *jalım qaja* ‘крутая скала’), тоф., сойот., уйг.-цаат. *қатъсырық* ‘небольшая труднопроходимая скала’, тоф., сойот., уйг.-цаат. *қатъсақ* ‘крутой скалистый склон горы, заросший густым кустарником или мелким деревцами’ (тув. *каскак* ‘крутой склон, поросший лесом и кустарником’), тоф., сойот., уйг.-цаат. *эңгі*, *эңгім* ‘круча, крутяк, крутизна, обрыв’ (ср. тув. *эңгиве* ‘крутизна; отвесная стена’), тоф. *аэтқақ-ээтқақ* сойот., уйг.-цаат. *айытқақ* ‘пологий (склон горы), отлогий (берег)’ (ср. тув. *иемдик*, *ийленчек* ‘пологий’).

В этих языках выработаны также слова, характеризующие равнинный ландшафт, например: тоф. *дүс* ‘равнина, ровное место’, сойот., уйг.-цаат. *дүс чер* ‘равнина, ровное место’ (др.-тюрк.

tüz jer 'ровное место'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *иъити* 'долина между горами' (ср. тув. *ижин*, др.-тюрк. *іс* 'внутренность'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *эъсім* 'займище' (ср. тув. *эзим* 'лес, тайга'), тоф. *онуш*, сойот., уйг.-цаат. *оныш* 'болото' (ср. тув. *малгаиш* 'болото'), тоф. *аъһиқ* 'широкое открытое место в лесу, большая поляна в лесу' (< тоф. *аъһиқ* 'открытый' < тоф. *аъш* = 'открывать', ср. др.-тюрк. *ас* = 'открывать', сойот., уйг.-цаат. *аъһиқ-аъһиқ*, тув. *ажык* 'открытый'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *оймақ* 'поляна, лужайка, прогалина' (тув. *оймақ* 'прогалина, поляна в лесу'), тоф. *оймалық* 'маленькая полянка в лесу', тоф., сойот., уйг.-цаат. *оораиш* 'ложбина, выемка' (тув. *оораиш* 'небольшая седловина в отрогах гор', может быть здесь древнетюркский глагольный корень *оуиг* = 'расшепять'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *алаңгы* 'проталина' (ср. тув. *аланды* 'проталина', *алаак* 'лесная поляна в пойме реки и на островах', др.-тюрк. *алаң* 'плоский, ровный – о местности').

Особо следует упомянуть, что слово *ötikän*, известное в древнетюркских письменных памятниках как географическое название какой-то местности на Алтае и в Саянах, сохранилось в саянских тюркских языках таежного ареала в разных значениях как обычное знаменательное назывное слово. Так, в тофаларском языке словом *өтүген* называется место в белогорье, удобное для выпаса домашних северных оленей, поскольку представляет собой заросший ягелем кратер древнего потухшего вулкана, окаймленный грядой из низких гор с проходом в одной стороне. В сойотском и уйгуро-цаатанском языках слово *өтүгән-өтүгән* употребляется в составе словосочетания *өтүгән(–өтүгән) дайга*, которое имеет значение 'низина в верховьях горной реки'.

Не менее развита и широко представлена в языках рассматриваемого ареала также лексика, отражающая особенности и характерные черты растительной части местного горно-таежного ландшафта. Здесь мы находим такие слова, как тоф., сойот., уйг.-цаат. *арыг* 'пойменный лес, лес на ровном месте возле реки' (тув. *арыг* 'пойменный лес', др.-тюрк. *arġu* 'лес'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *тайга*, уйг.-урянь. *дайга* 'тайга, горный лес; гора, покрытая лесом' (ср. тув. *тайга* 'тайга; высокогорье', бур., монг. *тайга*, стп.-м. *taiyūa* 'тайга, горный лес'), тоф. *қырһы* 'чахлае мелколесье в высокогорье', сойот., уйг.-цаат. *қырһы* 'предгорьцовая зона в высокогорье, где растет чахлае мелколесье', тоф. *қатық неш* 'смешанный лес', ср. сойот., уйг.-цаат. *қатық* 'смешанный' (др.-тюрк. *qatıq* 'добавка, добавление'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *шыргай* 'чаща, густые заросли тонких и низкорослых деревьев и кустарников' (ср. тув. *шыргай* 'дебри, лесная чаща', монг. *чаргай*, стп.-м. *čirγai* 'кондовый лес, растущий густо высокоствольный лес'), тоф. *шабага*, сойот., уйг.-цаат. *шавага* 'молодой березняк' (ср. тув. *шавага* 'молодое хвойное дерево'), тоф. *сараң* 'роща, бор, колок', тоф. *һораал* 'роща', тоф., сойот., уйг.-цаат. *арысқан* 'лесная гарь, горелый лес' (ср. тув. *арысқан* 'сухостой, бурелом'), тоф. *чуътук*, сойот., уйг.-цаат. *чуътық* 'поваленное ветром дерево в лесу; колода' (ср. тув. *чудук* 'бревно; лесина'), тоф. *дазыл* 'пень-выворотень', сойот., уйг.-цаат. *дазыл* 'ветровал' (ср. тув. *дазыл* 'корень'), тоф. *һос* 'завал валежника на горе; затор из упавших деревьев на реке' (ср. тув. *хос* 'пустота; пустой; свободный; дуплистый').

Имеется также много лексики, характеризующей особенности различных объектов водной части ландшафта. Сюда можно отнести такие слова, как тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянь. *баъш* 'верховье реки, ручья' (< *баъш* 'голова; макушка, вершина', ср. тув. *баъш*, др.-тюрк. *baš* 'голова; верховье, истоки'), тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянь. *адақ* 'устье реки, ручья' (ср. тув. *адак* 'низ, нижняя часть; низовье реки', др.-тюрк. *adaq* 'устье реки'), тоф. *сеп* 'речной залив' (ср. тув. *сеп* 'проток, боковой рукав реки'), тоф. *адыр*, сойот., уйг.-цаат. *һем адыры*, уйг.-урянь. *кем адыры* 'речная протока' (< *адыр* 'развилка; развилина', ср. тув. *адыр* 'развилка; ответвление; приток реки; отрог горы', др.-тюрк. *adır* 'ответвление, развилина'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *суг* 'небольшая речка, речушка' (< *суг* 'вода', ср. тув. *суг*, др.-тюрк. *sub, civ, suw* 'вода; река'), тоф. *ой* 'ручей в горном распадке', сойот., уйг.-цаат. *ой* 'ручей в распадке; небольшой распадок в горах', уйг.-урянь. *ой* 'горный ручей в распадке' (ср. тув. *ой* 'низина, лощина', др.-тюрк. *oj* 'яма, углубление'), тоф. *ойуқ*, сойот., уйг.-цаат. *ойық* 'ручей в гольцах' (ср. тув. *оюк* 'пробоина; дыра, отверстие', др.-тюрк. *oj* = 'долбить, делать углубление'), тоф. *өзен* 'небольшой ручеек на склоне горы' (ср. тув. *өзен* 'таежная ложбина'), сойот., уйг.-цаат. *судақ* 'ручей' (ср. тув. *судақ* 'ручей, ручеек; приток; слиток' // х.-монг. *судаг* 'лог, ложбина, балка'), тоф. *арықшаан*, сойот., уйг.-цаат. *аршаан* 'минеральный источник' (ср. тув. *аржаан* 'целебный минеральный источник, целебная вода' // бур. *аршаан*, монг. *аршаан, рашаан*, стп.-м. *rasijan, arasijan* id. < санскрит. *rasāyana* 'целебная вода'), тоф. *чээнды*, сойот., уйг.-цаат. *чайынды* 'наледь (вода, выходящая зимой из-под льда и разливающаяся поверх него)' (ср. тув. *чайынды* 'наледь, вода на льду', *чайыл* = 'начинать течь по другому руслу или каналу', др.-тюрк. *jajıl* = 'разливаться - о жидкости'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *һел* 'пологий берег' (ср. тув. *эл* 'обрыв, яр'), тоф., сойот., уйг.-цаат.

һерик 'высокий крутой берег, крутояр, яр' (< монг. *эрэг* 'берег, обрыв, яр' > тув. *эрик* 'берег; край', ср. бур. *эрье*, стп.-м. *ergi* 'берег'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *ээт* 'излучина реки' (< **эгит* < *эг* = 'гнуть, сгибать; поворачивать во время пути', ср. тув. *ээт* 'речной залив, затон', тув. *эг* =, др.-тюрк. *ег* = 'сгибать, наклонять', *ег* = 'гнуть, сгибать'), тоф. *оорһа* 'глубокая сторона излучины реки' (< тоф. *оорһа* 'спина; позвоночник, хребет', ср. сойот., уйг.-урянх. *оорһа* id., тув. *оорһа* 'спина; небольшой горный хребет, горная гряда; конек крыши', др.-тюрк. *оуурһа* 'спинной позвонок' < др.-тюрк. *оуур* = 'расщеплять'), тоф. *ээрилчек* 'воронка на реке' (< тоф. *ээрил* = 'крутиться, вращаться, вертеться', ср. тув. *ээрил* = 'обвиваться, гнуться, околачиваться, вертеться около кого-л. или чего-л.; привыкать, приучаться', др.-тюрк. *егрил* = 'попадать в окружение; ссучиваться, скручиваться' < др.-тюрк. *егир* = 'окружать, обходить; прясть, сучить; вращать, кружить'), тоф. *ээрэм*, сойот., уйг.-цаат. *ээрэм* 'водоворот; омут, яма в реке' (ср. тув. *ээрэм* 'глубокое место в реке, омут, пучина', др.-тюрк. *егрим* 'место, где собирается вода, водоворот' < *егир* =), тоф., сойот., уйг.-цаат. *саарыг* 'неглубокий пережат, быстрина на реке, не замерзающая зимой' (тув. *саарыг* 'пережат на горной реке'), тоф. *ушар*, сойот., уйг.-цаат. *ушар* 'водопад' (здесь, возможно, сокращение древнетюркского словосочетания *ишар сув* 'летающая или падающая вода' < *иш* = 'летать, парить; падать', ср. тув. *ужар* 'порог, водопад' < *ужар* 'падающий; летящий' < *уш* = 'падать; лететь'), тоф. *няар* 'полынья на льду реки или озера' (ср. тув. *хараалча* 'полынья'), тоф. *таһниг*, сойот., уйг.-цаат. *таһниг-таһниг* 'разлив (реки, ручья)' (< *таһ* = 'разливаться, выходить из берегов', ср. др.-тюрк. *таһ* = 'переливаться через край; выходить из берегов, разливаться', тув. *дажыг* 'половодье, разлив' < *дажы* = 'разливаться, выходить из берегов'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *чадык* = 'широко разливаться (о реке, ручье)' (ср. тув. *чадык* = 'срастаться – о костях; закаляться, здороветь', др.-тюрк. *jadil* = 'распространяться; рассеиваться'), тоф. *кеһниг*, сойот., уйг.-цаат. *кеһниг-кеһниг*, уйг.-урянх. *кеһниг-геһниг* 'место перехода реки вброд, брод, переправа' (< общесаянск. *кеһ* = 'переходить реку вброд, переправляться', ср. тув. *кежиг* 'брод, переправа', др.-тюрк. *кейг* 'брод, мост', *кейг* 'брод, переправа' < др.-тюрк. *кей* = 'переходить, переправляться').

Есть слова, передающие особый характер водоемов. Так, тоф. *дэрең-тэрең*, сойот., уйг.-цаат. *тэрең* означают 'глубокий - о водоеме' (ср. тув. *терең*, др.-тюрк. *teräŋ-terin* 'глубокий'), тоф. *сыгыаш*, сойот., уйг.-цаат. *сыык* 'мелкий, неглубокий - о водоемах'. Особо следует сказать о сохранении в языках указанного ареала древнетюркских слов для называния крупных водоемов типа моря или океана. Так, в «Древнетюркском словаре» зафиксированы слова *teŋgiz* 'море', *talaj* 'море, океан; большая река', *taluj* 'море, океан', ср. сойот., уйг.-цаат. *дэңгис* 'море', *далай* 'море, океан'. В тофаларском языке слово *далай*, как и в древнем тюркском языке, означает не только 'море, океан', но и 'большая река'. Единственную крупную в Тофаларии реку Уду в песнях называют иногда *Уду-далай*. В тофаларском языке, как и в тувинском, древнее *teŋiz* не сохранилось, только *talaj* в форме *далай*.

Не менее многочисленны и разнообразны здесь и слова, называющие разные природные явления, включая погоду, состояние атмосферы, осадки и т.п. Знания об этих явлениях жизненно важны для людей, ведущих охотничий образ жизни, поскольку от учета особенностей природных и погодных условий напрямую зависит успех или неуспех конкретной охоты или рыбалки. Так, здесь находим такие слова, как тоф., сойот., уйг.-цаат. *айас* 'ясная погода, ведро; ясный, погожий' (ср. тув. *аяс*, пратюрк. **ajaz* 'ясная погода'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *айдың* 'лунный свет; светлый, лунный - о ночи' (ср. тув. *айдың* id., др.-тюрк. *ajdın* 'лунный свет'), тоф. *һөлеге* 'тень' (ср. тув. *хөлеге*, др.-тюрк. *kölägä, köligä, kölik* 'тень', др.-тюрк. *kölit* = 'затемнять, затенять', *kölü* = 'затенять'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *няңгы* 'эхо, отголосок, отзвук' (< *нян* = 'возвращаться, идти домой', ср. тув. *чаңгы* 'эхо', др.-тюрк. *jaŋŋu* 'шум, шорох, эхо', *jaŋqu* 'эхо, отголосок' < *jan* =, тув. *чан* = 'возвращаться'), тоф. *менэн* 'полная тишина, штиль', тоф., сойот., уйг.-цаат. *қаан* 'длительный период ясной теплой погоды осенью в октябре' (ср. тув. *қааң* 'ведро; засуха' < монг. *ган* 'засуха', ср. бур. *ган* 'засуха; зной, жара'), тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянх. *иьсиг* 'жара; жарко; жаркий' (ср. тув. *изиг*, пратюрк. **isiy* id.), тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянх. *соок* 'холод, мороз; холодно, морозно; холодный, морозный' (ср. тув. *соок*, пратюрк. **soyug* id.), тоф. *сершин* 'прохлада; прохладно; прохладный' (< монг. *сэрүү, сэрүүн* 'прохлада, свежесть' > тув. *сершин* 'прохлада'). С холодом связаны также такие слова, как тоф., сойот., уйг.-цаат. *шалын* 'роса' (ср. тув. *шалын* id.; это слово в разных фонетических вариантах – *чалын, цалын, салым* и т.п. – хорошо представлено в тюркских языках и их диалектах Южной Сибири, о чем подробнее см.: «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков ... 2001. С. 19), тоф. *һыраа* 'иней'

(тув. *хыраа*, пратюрк. **quraγu* 'иней, изморозь'), тоф. *һыймыг* 'заморозки', тоф., сойот., уйг.-цаат. *доот* 'похолодание, заморозки' (< общесаянск. *доң* = 'мерзнуть, застывать, замерзать', ср. др.-тюрк. *тоң* 'мерзлый, замороженный; холод, мороз', *тоң* = 'замерзать', тув. *доңат*, в говорах *доот* 'заморозки'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *сөң* 'шуга, сало на замерзающей реке в начале зимы'.

Основная лексика, связанная с огнем, костром, здесь следующая: общесаянск. *от* 'огонь, костер' (ср. др.-тюрк. *от*, *от* 'огонь'), общесаянск. *өрт* 'лесной пожар, пожар' (ср. др.-тюрк. *ört* 'огонь'), тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урях. *һул* 'зола' (ср. тув. *хул*, др.-тюрк. *kül* id.), тоф. *шедирген*, сойот., уйг.-цаат. *шедирһән* 'искра', общесаянск. *ыш* 'дым' (ср. др.-тюрк. *ış* 'копоть, сажа; дымка, мгла').

Достаточно разнообразны названия различного вида атмосферных осадков и сопутствующих явлений, например: тоф., сойот., уйг.-цаат. *чаашкын* 'атмосферные осадки' (< общесаянск. *чаг* = < пратюрк. **jaγ* = 'выпадать, идти - об атмосферных осадках', ср. тув. *чаашкын* 'ненастье, дождь; атмосферные осадки'), тоф. *чаъс* 'ненастье; затяжной дождь', сойот., уйг.-цаат. *чаъс* 'дождь' (ср. тув. *чаъс* 'дождь'), тоф. *өъскен* 'дождь', тоф. *кеъсек дээрi*, сойот., уйг.-цаат. *кеъсак чаъс* 'быстрый дождь, гроза' (ср. бур. *хэһэг бороо* 'редкий дождь'), тоф. *упқан* 'ливень, сильный дождь', тоф., сойот., уйг.-цаат. *қар* 'снег', тоф. *тосқанақ* 'мелкий град, снежная крупа' (ср. тув. *долу*, в говорах *достаанак* 'град'), тоф. *мөндүр* 'крупный град', сойот., уйг.-цаат. *мөндір* 'град' (< ср.-монг., ср. стп.-м. *möndür*, монг. *мөндөр*, бур. *мүндэр* 'град'), тоф. *булут*, сойот., уйг.-цаат. *булым* 'облако, туча' (ср. тув. *булут*, пратюрк. **bulut* id.), тоф. *шырымақ булут*, эдир *булут*, сойот., уйг.-цаат. *шырымақ булым*, эдир *булым* 'перистые облака' (ср. тув. *шырым булут*, эдир *булуттар* id.), тоф., сойот., уйг.-цаат. *бус* 'пар, испарения, легкий туман' (ср. тув. *бус* 'пар; испарение', пратюрк. **bus* 'туман'), тоф. *түдүскек*, сойот., уйг.-цаат. *түдіскек* 'дымка над горами' (ср. тув. *дүдүскек* 'синева; дымка, марево'), тоф. *туман*, сойот., уйг.-цаат. *думан* 'туман' (ср. тув. *туман*, пратюрк. **tuman* id.), тоф. *челээш*, сойот., уйг.-цаат. *челэгәш* 'радуга' (ср. тув. *челээш* id.).

Вызывает интерес наличие множества слов, называющих разновидности ветра, как и в пратюркском языке, из которого многое сохранилось в языке саянских таежных оленеводов-охотников. Ср., например, тоф., сойот., уйг.-цаат. *қат* 'ветер' (ср. тув. *хат* 'ветер', др.-тюрк. *qad* 'буран, вьюга, метель, пурга', *qad* = 'замерзать, погибать в буран, пургу', пратюрк. **qad* 'бурия, ненастье, непогода'), тоф. *салһын* 'легкий прохладный ветерок' (ср. тув. *салгын* 'слабый ветер, легкий ветерок', др.-тюрк. *salqim* 'прохлада, холод', пратюрк. **salqun* 'ветер', многие исследователи склонны считать данное слово монгольским по происхождению, восходящим к древнемонгольской форме **salqun* > монг. *салхи(н)*, бур. *һалхин* 'ветер; воздух'), тоф. *эъс* 'веяние жара от костра', сойот., уйг.-цаат. *эъс* 'веяние - о движении воздуха' (ср. тув. *эзин* 'воздушная волна; струя воздуха; дуновение, веяние', др.-тюрк. *esin* 'ветер', *es* = 'дуть; рассеивать, провеивать', пратюрк. **esin* 'ветер'), тоф. *чыбар*, сойот., уйг.-цаат. *чывар* 'студеный утренний ветер, дующий в холодное время года' (< ср.-монг. **jibar*, ср. стп.-м. *jibar*, монг. *жавар*, бур. *жабар* 'ветер-верховик; стужа, холод'), тоф. *һөмнүк* 'ветер со снегом' (ср. бур. *хүбэнэг* 'пороша, рыхлый снег', *хүмэнэг* 'снежная пороша', в языке нижеудинских бурят, непосредственных соседей тофаларов, слово *көмнөк* означает 'кухта, снег на ветвях деревьев'); тоф. *шапқан* 'сильный ветер с мокрым снегом, снег с дождем и ветром', сойот., уйг.-цаат. *шапқан* 'мокрый снег' (эту лексему следует сравнить с чагатайским словом *сарқип*, означающем 'буран со снегом и дождем, ветер со снегом и дождем', которому соответствуют словоформы *чапкын*, *чапгын*, *чапкун*, *човгун* и т.п. в современных киргизском, уйгурском, азербайджанском, туркменском и турецком языках со значениями 'вьюга, метель, буран, внезапная снежная буря', о чем подробнее см. в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков...» [2001. С. 48], ср. тув. *шапкын* 'бурный, стремительный, быстрый'), тоф. *төһпө* 'метель, пурга, снежный буран', сойот., уйг.-цаат. *төһһи-төһһү* 'метель, пурга' (ср. тув. *дүвү* 'снежная пыль, подымаемая ветром', др.-тюрк. *türpi* 'ветер; вьюга', пратюрк. **türpi* 'метель, вьюга, буран'), тоф. *қаъсырғы*, сойот., уйг.-цаат. *қаъсырһы-қаъсырһы* 'вихрь, смерч' (ср. тув. *казырғы* 'вихрь', др.-тюрк. *qasırqu* 'смерч, вихрь', пратюрк. **qasırqu* 'вихрь'), тоф. *шуур* 'песчаная буря', сойот., уйг.-цаат. *шуурған* 'пурга, вьюга, метель' (ср. тув. *шуурған* 'буран, ураган, буря'; слово заимствовано из монгольских языков, ср. стп.-м. *šiyurγan* ~ *šiyurγan*, монг. *шуурга* 'метель, пурга, буран; буря', бур. *шуурган* 'буря').

Имеется множество слов, называющих такие, например, природные явления, как времена и сезоны года. К ним относятся следующие слова: общесаянск. *чыл* 'год' (ср. др.-тюрк. *jil* id.), общесаянск. *қығыш* 'зима' (ср. др.-тюрк. *qış* id.), общесаянск. *час* 'весна' (ср. др.-тюрк. *jaz* id.), общесаянск. *чай* 'лето' (ср. др.-тюрк. *jaj* id.), общесаянск. *күс* 'осень' (ср. др.-тюрк. *küz* id.).

В тофаларском языке осень как время самой продуктивной охоты и рыбалки имеет еще и особое описательное название *қызыл бұр huresi*, дословно означающее 'время красной листвы', возникшее, видимо, в результате табуирования, избегания прямого названия осени словом *күс*. При необходимости назвать точный сезон охоты или рыбалки саянские тюркские языки таежного ареала используют специальные наречия, сохранившиеся здесь с древнетюркского времени: тоф. *қыһин*, сойот., уйг.-цаат. *қыһин-қыһын* 'зимой' (ср. тув. *кыжын*, др.-тюрк. *qışın id.* – форма древнего инструментального падежа от слова *qış* 'зима'), общесаянск. *чазын* 'весной' (ср. др.-тюрк. *jazın id.* – инструментальный падеж от *jaz* 'весна'), тоф. *чаэн-чээн*, сойот., уйг.-цаат. *чайын* 'летом' (ср. тув. *чайын*, др.-тюрк. *jajın id.* – инструментальный падеж от *jaj* 'лето'), тоф. *күзүн*, *қызыл бұрдэ*, *қызыл бұр huresindэ*, сойот., уйг.-цаат. *күзин-гүзин* 'осенью' (ср. тув. *күзүн*, др.-тюрк. *küzün id.* – инструментальный падеж от *küz* 'осень').

Спецификой саянских тюркских языков, причем как степного, так и таежного ареалов, является наличие в них особых наречий, называющих более точное время того или иного сезона. Образованы они, видимо, еще в древности, поскольку представляют собой застывшие формы древнего направительного падежа на *-γaru/-gäri*, *-qaru/-käri*. Наречия эти следующие: тоф., сойот., уйг.-цаат. *қыһықары* 'к зиме, поздней осенью или ранней весной' (ср. тув. *кыһыкаар id.*, др.-тюрк. *qışqaru* 'к зиме'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *часқаары* 'к весне, в конце зимы, в самом начале лета' (ср. тув. *часкаар* 'к весне, в конце зимы', др.-тюрк. *jazyaru* 'к весне'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *чайғаары* 'к лету, поздней весной, в самом конце весны, ранней осенью, в самом начале осени' (ср. тув. *чайгаар id.*, др.-тюрк. *jajyaru* 'к лету'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *күскээри* 'ближе к осени, под осень' (ср. тув. *күскээр* 'к осени, в конце лета, в начале зимы', др.-тюрк. *küzgäri* 'к осени').

Не менее многообразны здесь названия частей суток, отрезков дня, например: тоф. *қонақ*, сойот., уйг.-цаат. *қонақ* 'сутки' (ср. тув. *хонук id.*; слово по всей вероятности имеет монгольское происхождение, о чем свидетельствует его семантика: стп.-м. *qonuq*, монг., бур. *хоног* 'сутки; ночевка, ночлег' < общемонг. *хон* = 'ночевать, проводить ночь', ср. др.-тюрк. *qonay* 'место отдыха, остановки', *qonıq* 'гость; гостеприимство; угощение для гостя' < *qon* = 'опускаться, садиться – о птицах; оседать, поселиться, избирать местом жительства'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *һүн* 'день' (ср. тув. *хүн*, пратюрк. **kün id.* < пратюрк. **kün* 'солнце'), тоф. *тура* 'утро' (< *тур* = 'вставать; стоять'), сойот., уйг.-цаат. *эртэн* 'утро' (< *эртэ* 'рано', ср. тоф. *эртэн* 'рано утром'), общесаянск. *даң* 'утренняя заря' (ср. др.-тюрк. *tañ* 'рассвет; заря'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *дүш* 'полдень' (ср. тув. *дүш* 'полдень; обеденное время', др.-тюрк. *tüş* 'полдень; место остановки, отдыха в полуденную жару'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *кече* 'вечер' (ср. тув. *кежээ* 'вечер', др.-тюрк. *keča* 'ночь; поздний вечер'), тоф. *имир*, сойот., уйг.-цаат. *имиртэн* 'сумерки' (ср. тув. *имиртин id.*, др.-тюрк. *imir-inir* 'рассвет, предрассветные сумерки'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *түн* 'ночь' (ср. тув. *дүн*, др.-тюрк. *tün id.*).

Передвигаясь по горной тайге в процессе охоты или ловли рыбы, саянские тюрки таежного ареала используют для ориентировки на местности положение стран света, а для ориентирования не только по странам света, но и по времени в течение суток наблюдают положение планет, созвездий и отдельных звезд. При этом в их языках выработана для этого достаточно разветвленная терминология. Так, названиями сторон света в тофаларском языке являются следующие: *қараңғаары* 'север; на север' (< *қараңғы* 'тьма, темнота' + *-ғаары* – древний направительный падеж, что означает 'в сторону тьмы', т.е. на север; ср. сойот., уйг.-цаат. *қараңһы*, тув. *қараңғы*, др.-тюрк. *qarañu* 'темнота, тьма, мрак', *qarañqu* 'темный, лишенный света, черный; темнота, тьма, мрак'), *соңғаары* 'запад, на запад; назад' (< *соң* 'пространство позади' + *-ғаары* – древний направительный падеж, что означает 'назад, в обратную сторону', т.е. на запад, если у народа принята ориентация на восток, в сторону восходящего солнца, эта ориентация, зафиксированная, кстати, у древних тюрков, до сих пор сохраняется у тофаларов, чем они отличаются от тувинцев, а также сойотов, уйгуров-цаатанов и уйгуров-урянхайцев, ориентирующихся, как и монголы, на юг, на полуденное солнце, о чем нам уже доводилось писать [Рассадин 1999. С. 10]; ср. сойот., уйг.-цаат. *соңғаары* 'назад', тув. *соңгаар* 'назад; на север', др.-тюрк. *soñ* 'после, затем; последующий, последний, поздний'), *һуңғаары* 'юг; на юг' (< *һүн* 'солнце' + *-ғаары* – древний направительный падеж, что означает 'в сторону солнца', т.е. на юг, в сторону жаркого полуденного солнца, ср. др.-тюрк. *kün ortu* 'полдень; юг; южный', *kün ortusiñaru* (букв. 'в сторону середины солнца', 'на юг'), *буруңғаары* 'восток; на восток; вперед' (< *бурун* 'пространство впереди' + *-ғаары* – древний направительный падеж, что означает 'вперед', т.е. на восток, в сторону восхо-

дящего солнца; ср. сойот., уйг.-цаат. *бурыңгаары* 'вперед'; ср. др.-тюрк. *ilgärü* 'вперед; на восток').

В языках сойотов и уйгуров-цаатанов названия сторон света совпадают с тувинскими названиями и являются монгольскими заимствованиями. Они суть следующие: *аьртуу чүк* (// *тала*) 'север' (букв. 'задняя, северная сторона' – полукалька с монгольского *хойт зүг* 'север' – букв. 'северная, задняя сторона'; ср. тув. *соңгу чүк* 'север' – букв. 'задняя сторона'), *баруун чүк* (// *тала*) 'запад' (заимствование монгольского *баруун зүг* 'запад' – букв. 'правая сторона'; ср. тув. *барыын чүк* 'запад'), *мурнуу чүк* (// *тала*) 'юг' (букв. 'передняя сторона' – полукалька с монгольского *өмнө зүг* – *урд зүг* 'юг' – букв. 'передняя сторона'), *чөөн чүк* (// *тала*) 'восток' (заимствование монгольского *зүүн зүг* 'восток' – букв. 'левая сторона'; ср. тув. *чөөн чүк* 'восток').

Небесная сфера представлена в саянских тюркских языках таежного ареала в следующем виде: тоф. *дээрi*, сойот., уйг.-цаат. *дээрi*, *дүндүк*, *оқтарһый* 'небо' (ср. тув. *дээр*, пратюрк. **teñir id.*; термин *дүндүк* является, по всей видимости, метафорическим переосмыслением др.-тюрк. *tüñlük* 'отверстие, проем для освещения или выхода дыма', ср. тоф. *дүңнүк* 'дымовое отверстие чума или юрты; потолок в избе', тув. *дүндүк* 'дымовое отверстие в юрте; зенит', *дүндүк шаар*, *дүндүүштелдир* 'прямо вверх'; *оқтарһый* является заимствованием монгольского *огторгуй* 'небосвод, небо' > тув. *октаргай* 'вселенная; космос'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *сылтыс* 'звезда; планета' (ср. тув. *сылдыс* 'звезда', пратюрк. **jyldyz id.*), тоф., сойот., уйг.-цаат. *өөр сылтыс* 'созвездие' (< *өөр* 'товарищи, друзья, группа' + *сылтыс* 'звезда', т.е. группа звезд; ср. тув. *өөр сылдыс* 'созвездие'), общесаянск. *ай* 'луна' (пратюрк. **aj id.*), тоф. *долу ай*, сойот., уйг.-цаат. *долы ай* 'полная луна, полнолуние' (здесь словоформы *долу*, *долы* означают 'полный, наполненный' < *дол* = 'наполняться', ср. др.-тюрк. *tolu* 'полный, наполненный; полная луна' < *tol* = 'наполняться'; ср. тув. *он бештиң айы* 'полная луна'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *няя ай* 'новолуние' (здесь использовано в качестве определения прилагательное *няя* 'новый', ср. др.-тюрк. *jañi* 'новый; день новолуния'; ср. тув. *ай чаазы* 'новолуние'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *һүн* 'солнце' (ср. тув. *хүн*, пратюрк. **kün id.*), тоф. *Дээрi өзгә* 'Полярная звезда' (букв. 'центр неба'; ср. тув. *Поляр сылдызы*, пратюрк. **temir qazuq* (букв. 'железный кол') 'Полярная звезда'), тоф. *Чеди-қан~Чеди-ган* (букв. 'семь кровей', т.е. семь национальностей), сойот., уйг.-цаат. *чедигән* 'Большая Медведица' (ср. тув. *Чеди-Сылдыс~Чеди-Хаан*, пратюрк. **jetegen id.*), тоф. *Ақсақ-энэй* 'Малая Медведица' (букв. 'хромая старуха', ср. тув. *Биче Чеди-Хаан* 'Малая Медведица'), тоф. *Шолбан*, сойот., уйг.-цаат. *Шолван* 'Венера' (ср. тув. *шолбан* 'яркая звезда; Венера', пратюрк. **şolpan* 'Венера'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *Үш-мыйзақ* 'Орион' (букв. 'три маралухи', ср. пратюрк. **üç arqar* 'Орион' – букв. 'три архара'), тоф. *Үһер*, сойот., уйг.-цаат. *Үһәр* 'Плеяды' (ср. тув. *Үгер*, пратюрк. **ürker id.*), тоф. *Қар оорһасы* (букв. 'хребет снега'), сойот. *Қар оруу~Дээрi оруу* (букв. 'дорога снега' ~ 'небесная дорога') 'Млечный Путь' (ср. тув. *Дээр Тиш~Сылдыс Оруу id.* – букв. 'небесный шов' ~ 'звездная дорога', пратюрк. **quş jolu* 'Млечный Путь' – букв. 'дорога птиц').

В саянских тюркских языках таежного ареала пласт охотничьей лексики содержит немало слов, связанных с передвижением по тайге во время промысла. В горно-таежной местности охотникам и рыболовам приходится двигаться в различных ландшафтных условиях, причем как пешком, так и с помощью различных транспортных средств. Поэтому группа лексики, относящаяся к передвижению, достаточно объемна и разнообразна. Характеризовать эту группу можно следующими примерами. Так, общие понятия отражают такие слова, как тоф., сойот., уйг.-цаат. *уз* 'направление движения' (тув. *уз* 'направление'), тоф. *орук*, сойот., уйг.-цаат. *орық* 'путь, дорога, тропа' (тув. *орук* 'дорога, путь'), тоф. *оьтуруг* 'тропа, идущая вдоль по склону горы' (ср. тув. *оду-руг* 'тропа, тропинка в горах'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *белгі* 'условный знак на таежной тропе или стоянке, указывающий направление движения' (ср. тув. *белги* 'гадание, ворожба', др.-тюрк. *belgü* 'знак, признак, примета'), тоф. *кезті* 'зарубка, засечка на стволе дерева возле таежной тропы как условный знак' (< *кез* = 'резать, рубить'). Есть немало слов, называющих различные способы передвижения, например: тоф. *чору* =, сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянх. *чоры* = 'идти, ехать, передвигаться вообще' (ср. тув. *чору* =, др.-тюрк. *jori* =, *jori* = *id.*), тоф. *қылашта* =, сойот., уйг.-цаат. *қулашта* = 'идти пешком, шагать' (< *қылаш*, *қулаш* 'шаг', ср. тув. *кылаш* 'шаг, ходьба; походка' > *қылашта* = 'шагать, ходить пешком', др.-тюрк. *qilaç* 'сажень' > *qilaçla* = 'мерять саженьями'), тоф. *сун* =, сойот., уйг.-цаат. *чүгір* = 'бежать' (ср. тув. *чүгүр* = *id.*, *сун* = 'протягивать, простирать'), тоф. *мун* =, сойот., уйг.-цаат. *мын* = 'ехать верхом; садиться верхом' (ср. тув. *мун* = *id.*, др.-тюрк. *min* = 'подниматься, восходить; садиться верхом'), тоф. *һаақ бле чору* =, сойот., уйг.-цаат. *һаақ бла чоры* = 'идти на охотничьих камусных лыжах' (< *һаақ* 'охотничьи лыжи, подбитые снизу каму-

сом', ср. тув. *хаакта* = 'кататься на лыжах'), уйг.-урянх. *лиизэ бле чоры* = 'идти на лыжах' (< *лиизэ* < русск. *лыжи*).

В саянских тюркских языках таежного ареала имеются специальные глаголы, называющие движение по конкретной местности, а также точное направление движения. Например: тоф., сойот., уйг.-цаат. *арыгла* = 'ехать или идти пойменным лесом возле реки' (ср. тув. *арыгла* = 'идти или ехать по лесу, через лес'), тоф. *сайла* = 'идти или ехать по галечнику, по галечной косе, по сухому руслу реки' (ср. тув. *сайла* = 'засыпать галькой'), тоф. *онушта* =, сойот., уйг.-цаат. *онышта* = 'идти или ехать по болоту' (ср. тув. *тулаала* = 'ехать или идти по болоту, через болото'), тоф. *хабақта* =, сойот., уйг.-цаат. *хавақта* = 'ехать или идти по косогору', тоф. *оьтур* = 'идти или ехать вдоль по склону горы' (ср. тув. *одурт* = 'идти по склону горы'), тоф. *ойукта* = 'подниматься вверх на гору по гольцовому ручью', тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянх. *чоькта* = 'идти или ехать вверх по реке, идти или ехать против течения' (ср. тув. *чокта* = id., др.-тюрк. *jogla* = 'подниматься, взбираться' < *jog* 'высокое место'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *эн* = 'спускаться с гор в долину' (ср. др.-тюрк. *en* = id.), тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянх. *баьт* = 'двигаться вниз по реке или под гору; спускаться, снижаться' (ср. тув. *бат* = 'спускаться, снижаться, течь, стекать', др.-тюрк. *bat* = 'погружаться, нырять; заходить – о светилах), тоф. *ой* = 'обходить или объезжать стороной' (ср. тув. *ой* = id.), тоф., сойот., уйг.-цаат. *долган* = 'делать круг, обходить, объезжать вокруг' (ср. тув. *долган* = id.).

В группе исследуемых языков представлены также слова, относящиеся к передвижению по реке или озеру. Так, общим для всех таежных саянских тюркских языков является глагол *кеьш* = 'переправляться через реку' (ср. тув. *кеш* =, др.-тюрк. *keş* = 'переходить; переправляться'), тоф. *кеьшиз*, сойот., уйг.-цаат. *кеьшиз-кеьшиз*, уйг.-урянх. *кеьшиз* 'брод; переправа' (ср. тув. *кежиг*, др.-тюрк. *keşig* 'брод; переправа', *keşig* 'проход; переход; брод; мост; обход; прохождение мимо; избежание'). Вызывает интерес тоф. *сус* = 'идти по воде, брести по воде, переходить реку или ручей вброд' (ср. тув. *сус* = 'ходить по воде', др.-тюрк. *jüz* = 'плавать'), в котором в анлауте выступает щелевой глухой согласный *s*- вместо древнетюркского инициального *j*-. Интересно также изменение семантики слова.

К названиям средств передвижения по воде относятся тоф., уйг.-урянх. *оңгоча* 'лодка', сойот., уйг.-цаат. *һемә, лоотка* 'лодка' (ср. тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянх. *оңгоча* 'колода для поения скота', тув. *оңгача* 'колода для кормления скота' < ср.-монг., ср. стп.-м. *onguica*, монг. *онгоц*, бур. *онгосо* 'колода для поения скота', 'лодка'; ср. др.-тюрк. *ketā, keti* 'лодка, судно'), тоф. *сал* 'плот' (ср. тув. *сал* = id., др.-тюрк. *sal* 'плот из бурдюков'). Для названия самого передвижения по воде на этих плавсредствах используются следующие слова и обороты речи: тоф. *оңгочала* =, уйг.-урянх. *оңгоча бле чоры* =, сойот., уйг.-цаат. *һемә бле чору* = 'плыть на лодке' (ср. тув. *хеме-биле чору* = id.), тоф. *салда* = 'плыть на плоту' (ср. тув. *салда* =, др.-тюрк. *salla* = id.). При плавании на лодке или плоту используется либо шест, либо весла. Здесь зафиксированы следующие названия: тоф. *сөйгү*, сойот. *сөйгі* 'лодочный шест – используется и при плавании на плоту' (ср. тув. *иткиши* = id.), тоф. *һельбэ*, уйг.-урянх. *селүүр*, сойот., уйг.-цаат. *һалбага* 'весло' (все три указанные здесь словоформы заимствованы из разных монгольских языков; тофаларская форма является адаптацией бурятского слова *һэльбэ*, ср. стп.-м. *selbi* 'весло', уйгуро-урянхайцы взяли монгольское слово *селүүр* 'весло', образованное от монг. *сэлэ* = 'плыть; грести веслами', сойоты и уйгуры-цаатаны пользуются окино-тункинским диалектным бурятским словом *халбага* 'весло', которое является словом с переносным значением от бур. *халбага* 'ложка'; в тувинском языке 'весло' – *эшкиши* < *эш* = 'грести'). От этих слов образованы глаголы: тоф. *һельбэле* =, сойот., уйг.-цаат. *һалбагала* = 'грести веслами'. Уйг.-урянх. *сели* = 'грести веслами' – адаптация монг. *сэлэ* = id. В тофаларском языке имеется также глагол *сөйгүле* = 'толкать лодку или плот шестом'. В то же время во всех этих языках представлено слово *эьш* = 'разгребать; грести – также и веслом, руками, лапами и т.п.' (ср. тув. *эш* =, др.-тюрк. *eş* = 'грести, разгребать').

Саянские охотники-оленоводы таежного ареала еще до недавнего времени вели традиционный кочевой образ жизни. Поскольку оленей у них всегда было относительно немного и использовали они главным образом в качестве верховых и выюнных животных, то на мясо их забивали крайне редко, а в пищу в основном употребляли оленьё молоко, выдоенное у важенок. Ежедневной же пищей у этих народов служило мясо диких копытных животных и птиц, а также рыб. В связи с тем, что на территории их кочевания в Саянских горах было относительно мало крупных водоемов – озер и рек, – пригодных для серьезного рыболовства, то ловля рыбы носила скорее спорадический подсобный характер. Основой же каждодневного жизнеобеспечения у тофаларов,

сойотов, уйгуров-цаатанов и уйгуро-уряныхайцев служила, таким образом охота, которая разделялась на мясную и пушную. Охотились также и на крупных хищников, представлявших реальную угрозу их оленьим стадам и конским табунам, так как эти народы издавна разводили помимо домашних северных оленей также и табунных лошадей монгольской породы [Рассадин И.В. 2005, с. 34-37, 37-50].

Мясная охота, дававшая помимо мяса, – основного источника белковой пищи, – также необходимые в кочевом хозяйстве шкуры и сухожилия, производилась круглогодично с применением различных и разнообразных приемов и орудий охоты в зависимости от вида животного или птицы и времени года. Пушная охота была строго сезонной, проводилась главным образом в осенне-зимний период и служила источником ценного меха, необходимого в основном для уплаты подати и для меновой торговли вместо денег. Для добычи пушных зверьков были выработаны свои приемы и способы охоты, и различные специфические орудия лова.

Объектами охотничьего промысла, как и прежде, являются различные животные и птицы. Для их названия в исследуемых языках сложилась достаточно разветвленная система терминов. При этом оказалось, что чем важнее роль животного или птицы в хозяйственном отношении, тем больше разных терминов представлено для их названия.

Поскольку из этих языков наиболее изученным является тофаларский язык, то именно в нем удалось выявить наиболее полную и последовательную систему данных терминов. Попробуем за пример взять тофаларскую систему и представить ее здесь максимально подробно и полно. Так, общим названием любого дикого животного является слово *аң* ‘зверь’ (ср. тув. *аң* id., пратюрк. **аң* ‘дичь, зверь, дикое животное как предмет охоты’, др.-тюрк. *аң* ‘птица, жир которой используется как лечебное средство’), от которого образовано слово *аңшы* ‘охотник’ (ср. тув. *аңчы* id., др.-тюрк. *аңчі* ‘охотник на дичь’). Для названия телят, детенышей копытных животных употребляется слово *аһһай* ‘теленка, олененка’ (ср. тув. *анай* ‘козленок до года; олененок’). Детенышей других животных, а также птенцов называют словом *оол* (досл. ‘сын; мальчик детеныш, птенец’, ср. тув. *оол*, др.-тюрк. *оул* id.), *оол-гыс*, *оол-гыстар* (досл. ‘мальчики и девочки’, т.е. ‘дети, детвора’; ср. др.-тюрк. *оул қіз* id.). Для названия детенышей псовых животных, а также бельчат используют слово *эник* ‘щенка’ (ср. тув. *эник* ‘щенка’, др.-тюрк. *енік* ‘детеныш животных и зверей’). Для названия самок зверей и птиц, как и домашних животных, ставят в препозицию к общему названию слово *эһи* ‘самка’, ‘женщина’ (ср. др.-тюрк. *еһі*, *евһі* ‘жена, женщина’ < *eb*, *ev* ‘жилище, дом’, *tiši* ‘самка’; в тувинском языке самку называют *кыс*, *дижи*), для самцов – слово *эр* ‘муж; мужчина; самец’ (ср. тув. *эр* id., др.-тюрк. *er* ‘муж; мужчина’). Стаю зверей и птиц называют словом *өөр* (ср. тув. *өөр* ‘друзья, группа, стая’, др.-тюрк. *ügür* ‘стадо, табун, стая’).

В тофаларском языке широко представлены термины, называющие следующих копытных зверей, объектов мясной охоты:

лося: *улу-аң* (досл. ‘большой зверь’ – общее нейтральное название; ср. тув. *улу-аң* ‘марал’), *буур, дас* ‘взрослый самец лося, сохатый’ (ср. тув. *буур, дас* ‘лось-самец, сохатый’, др.-тюрк. *buura* ‘верблюд-самец’), *иниг* ‘взрослая самка лося’ (ср. тув. –тодж. *иниг* ‘самка лося, лосиха’, др.-тюрк. *inäk, inäk* ‘корова’, *inät* ‘верблюдица’), *айбыца иниг* ‘трехлетняя самка лося, еще ходящая со своей матерью’ (в основе компонента *айбыца* несомненно лежит слово *айбы* ‘приказ, разрешение, позволение’, ср. тув. *айбычы* ‘посыльный, слуга’), *тош* ‘годовалый теленок лося’ (ср. тув. *тош* ‘годовалый самец марала; лось’);

изюбря: *сарыг-аң* (досл. ‘желтый зверь’ – общее нейтральное название), *сыын* ‘взрослый бык, самец изюбря, марал’ (ср. тув. *сыын* ‘самец марала’, пратюрк. **syun* ‘олень’, др.-тюрк. *siyin* ‘марал-самец’), *чөлеге-чөлөгө* ‘матерый бык изюбря – обычно старше четырех лет’, *мыйгак* ‘взрослая самка изюбря, маралуха’ (ср. тув. *мыйгак*, др.-тюрк. *tiyyaq*, пратюрк. **biñgak* ‘самка марала’), *маймай* ‘взрослая самка изюбря, маралуха’ (в гутаринском говоре тофаларского языка, ср. уйг.-урянх. *маймай* id.), *сараадак* ‘годовалый изюбрь’ (ср. тув. *сарадак* ‘годовалый марал’); кроме того, тофалары изюбря часто называют словом *аң* ‘зверь’; с изюбром в тофаларском языке связан также ряд других специфических терминов: *сойаа миис* ‘молодые рога изюбря’ (< *сойаа* ‘прочищалка для курительной трубки, изготавливаемая в виде изогнутой проволоочки’), *сүрт* = ‘о быке изюбря – чесать отросшими рогами ствол молодого деревца, сдирая с рогов шкуру’, *саһһыт* ‘клык изюбря’, *һом* ‘жир на спине у осеннего изюбря’ (ср. тув. *ком* ‘подстилка под вьючное седло’, др.-тюрк. *qom* ‘верблюжье вьючное седло’), *сүрү* ‘жир на груди и животе осеннего изюбря’;

дикого северного оленя: *ақ-аң* (произносится как *аг-аң*, досл. 'белый зверь' – общее нейтральное название), *аг-аң қоонай* 'годовалый бычок дикого северного оленя' (компонент *қоонай* является более древней формой современного термина *һоонай-һоонһай* 'годовалый бычок домашнего северного оленя' < *қуу ағыһай* 'серый олененок'), *даспан, даспан аң* 'двухгодовалый дикий северный олень' (от *даспан* 'двухгодовалый домашний северный олень'; ср. тув. *даспан* 'годовалый олененок'), *тоңқур-дөңһур* 'взрослый бык дикого северного оленя' (ср. тув. *дөңгүр* 'олень-самец в возрасте свыше четырех лет');

кабарги: общим названием которой является *тооргу* (ср. тув. *тооргу* id.), при табуировании этого термина во время охоты, находясь в тайге, охотники используют описательный иносказательный термин *шубараш* (досл. 'пестренькая' < тоф. *шубар* 'пестрый, пятнистый', ср. тув. *шокар* 'пестрый, пятнистый'), названиями взрослого самца кабарги являются описательные по своей сути термины *асқыр* (досл. 'жеребец', ср. тув. *асқыр* 'жеребец, самец', др.-тюрк. *adyir, adyir, ajiir* 'жеребец') и *азыглыг* (досл. 'клыкастый', ср. тув. *азыглыг* 'клыкастый, имеющий клыки', др.-тюрк. *azıylıg* 'клыкастый, отважный, дерзкий'), *эшикі* – 'взрослая самка кабарги' (ср. др.-тюрк. *eşki-eşki* 'домашняя коза', ср. также тоф. *өшкү*, тув. *өшкү* 'домашняя коза'), *шубар-оол* – 'кабарженок до года' (досл. 'пестрый сын'), *һин* – 'мускусная железа самца кабарги, кабарожья струя' (досл. 'пуп, пупок'; ср. тув. *хин* 'пупок; кабарговая струя', др.-тюрк. *kin* 'мускус').

Хотя и не часто, но объектами мясной охоты тофаларов иногда служили **косуля** и **кабан**, поскольку эти животные обитают на равнине и в горах попадают весьма редко. Тем не менее, в тофаларском языке есть названия и для них. Так, для называния **косули** используется термин *ағыһай-аң* (досл. 'оленок-зверь' – общее нейтральное название), *һулбус* – 'самец косули' (ср. тув. *хулбус* id., др.-тюрк. *külmüz* 'самец серны, дикой козы'), *элік* – 'самка косули' (ср. тув. *элик* id., др.-тюрк. *elik* 'самка серны, дикой козы'). Для называния **кабана**, или дикой свиньи, в качестве общего термина принято слово *һабан* (ср. тув. *хаван*, пратюрк. **ka:ran* 'свинья; кабан'), *эһиһи һабан* 'самка кабана', *эр һабан* 'секач, самец кабана', *һабан оглу* 'поросенок кабана'. Хотя и редко, но охотились также и на **сибирского козерога** – горного козла. При этом для называния самца используют термин *тэһе* (ср. тув. *те*, др.-тюрк. *tekä* 'самец дикого горного козла'), для называния самки горного козла существует термин *чуңма* (ср. тув. *чуңма*, др.-тюрк. *itıa-jitıa* 'самка горного козла').

Ради мяса тофалары охотились также и на различных птиц – главным образом на боровую и водоплавающую дичь, для называния которой в тофаларском языке сформировалась система специальных терминов. Так, для называния любой птицы вообще используется слово *қуықаш* (ср. тув. *қуықаш* 'птичка, пташка, пичужка' – форма диминутива от тув. *қуш* 'птица', ср. др.-тюрк. *quşqaş, quşqaş* 'птичка, пташка' < *quş* 'птица; сокол для охоты', ср. пратюрк. **kiş* 'птица'), гнездо называют словом *уйа* (ср. тув. *уя*, др.-тюрк. *ıja* id.), яйцо – *нюмурһа* (ср. тув. *чуурға*, др.-тюрк. *jımturqa, jımturıa* id.), птенец – *оол*, выводить птенцов, а также приносить детенышей – *оолла* = (ср. тув. *оолда* = 'приносить детенышей').

Боровая дичь называется термином *уһяр цуме* (досл. 'нечто летающее'). Прежде всего к ней относят **глухаря**, общим названием для которого являются два слова: *боришқа* (происхождение неизвестно) и *қуыш* (ср. тув. и общетюрк. *қуш* 'птица', як. *кус* 'утка', тув. *кара-қуш* 'глухарь', др.-тюрк. *qara quş* 'беркут'). При этом словосочетания *кара-боришқа*, *кара қуыш* (здесь *кара* – 'черный') означают 'глухарь-самец', а *сарыг-боришқа*, *сарыг-қуыш* (здесь *сарыг* – 'желтый') – 'глухарка, копалуха' (ср. тув. *дижилик* id.), *боришқа оглу*, *қуыш оглу* 'птенец глухаря', *һейбық* – 'годовалый глухарь', *сарыг-һейбық* 'годовалая глухарка', *тағқыр* = 'токовать – о глухаре' (ср. тув. *таккыла* =, *токкула* = 'раздаваться – о стуке; постукивать', *таккылат* = 'шелкать языком'), *ойын* 'глухариный и тетеревиный ток' (досл. 'игра'), *ойнаар боришқа* 'токующий глухарь'. За боровую дичь считают также **тетерева** – *һүртү* (ср. тув. *күртү* id.), **рябчика** – *уһиһул* (ср. тув. *қушқул* id.), тундровую **белую куропатку**, которая обитает в высокогорной тундре, – *һаан* (ср. тув. *аганак*, *агынак* id.). В Саянской тайге водится также **дикий голубь** – *уйаик* (к нему есть параллель только в турецком языке – *ıveuik* 'дикий голубь, горлинка'), которого тофалары избегали убивать, ибо считалось, что это принесет несчастье.

Для водоплавающей дичи применяется обобщенный термин *қас- өдүрек* (досл. 'гусь-утка'). К этой дичи тофалары относят в основном **гусей** – *қас* (ср. тув. *қас*, др.-тюрк. *qaz*, пратюрк. **ga:z* id.) и **уток** – *өдүрек* (ср. тув. *өдүрек*, др.-тюрк. *ödiräk, ördäk* id.). Из уток известны **турпан** – *һараалық* (ср. тув. *аңгыр* id.), **кряква** – *бос* (ср. тув. *бос* 'селезень', др.-тюрк. *boz* 'серый'), **кροхаль** – *тағһат*, **нырок** – *өңгүк*, **чирок** – *сіғһей* (ср. тув. *сиргей* 'чирок-трескунок'). На болотах

добывали различных куликов, в основном бекасов – *даргый* (ср. тув. *даргый* ‘один из видов уток’).

Не охотились на лебедей – *куу*, *ақ-куу* (ср. тув. *куу*, *куу куш*, др.-тюрк. *quui*, *quui quš*), журавлей – *дуруня* (ср. тув. *дуруя*, др.-тюрк. *tigra*, *tigraja quš*, пратюрк. **durgja id.*), *анстов* – *қызыл-қарақ* (досл. ‘красные глаза’, ср. тув. *кызыл-карак* ‘волк’ – *детское слово*), *цапель* – *шилен* (ср. тув. *шилен id.*).

Объектами пушной охоты для тофаларов служили зверьки (*аңчық*) с ценным мехом: прежде всего *соболь* и *белка*, затем *колонок* и *горностай*. Для этих зверьков в тофаларском языке зафиксированы следующие названия:

для *соболя*: *чарацаң* (< *чараш аң* ‘маленький зверь’ – выступает как общее нейтральное название; в тувинском языке соболя тоже называют *чараш-аң*, что означает дословно ‘красивый зверь’, по-тофаларски же *чараш* – это ‘маленький’), в качестве общих названий, тоже описательных по своему происхождению, используются также *алды* (букв. ‘добыча’, ср. тув. *алды* ‘соболь’) и *улуз-диң* (досл. ‘большая белка’), *иърhek* – ‘взрослый самец соболя’ (этим же словом тофалары называют и взрослого самца медведя, ср. тув. *иргек*, *даг-иргек* ‘самый большой медведь-самец’, др.-тюрк. *erkäk* ‘муж, мужчина; самец’), *эши* ‘взрослая самка соболя’ (так же тофалары называют и самку медведя, ср. тув. *эши* ‘медведица’), слово *киш* ‘соболь’, отмеченное в середине XIX в. М.А. Кастреном и которое в 1960-х гг. едва помнили глубокие старики, современные тофалары не знают;

для *белки*: *диң* (ср. тув. *диң*, др.-тюрк. *tejiñ*, *tijiñ*, пратюрк. **degiñ* ‘белка’), *чараш-диң* (досл. ‘маленькая белка’), *сыққырар* (букв. ‘цокающая’ < *сыққыр* = ‘цокать – о белке’); *белку-летягу* (*аһтырган*, ср. тув. *авырған id.*) тофалары ради меха не добывали;

для *колонок*: *күзен* (общее название; ср. тув. *күзен* ‘куница; колонок’, пратюрк. **küzen* ‘хорек’);

для *горностая*: *ас* (общее название; ср. тув. *ас*, др.-тюрк. *as*, *ās*, *āz*, пратюрк. **iars* ‘горностай’).

Кроме того, объектом охоты спорадически, ввиду их малочисленности в горных условиях, являлись и другие дикие животные: *заяц* – *ходан* (ср. тув. *кодан*, пратюрк. **kodan* ‘заяц’), которого добывали как ради его мяса, так и шкурки; *барсук* – *борсуқ* (ср. тув. *морзук*, др.-тюрк. *borsuq*, *borsuq*, *borsmaq*, пратюрк. **borsuik* ‘барсук’), которого добывали не только ради его красивой прочной шкуры, но и целебного жира; *лиса* – *диги* (ср. тув. *диги*, др.-тюрк. *tilki*, *tilkü*, *tilki*, пратюрк. **tilkü* ‘лисица’) и *выдра* – *хундус* (ср. тув. *кундус* ‘выдра’, др.-тюрк. *qunduz*, *quntuz*, пратюрк. **qunduz* ‘бобр’), которых добывали ради их красивой шкуры.

Как и прежде при кочевой жизни, тофалары охотятся также и на крупных хищников, обитающих в Саянской горной тайге. Прежде всего объектом их охоты являются *медведь* и *волк*. Эти хищники достаточно многочисленны в Саянах и представляют реальную угрозу охотничье-оленоводческому хозяйству тофаларов. На домашних оленей нападают также *рыси* и *росомахи*, хотя по численности их не так уж и много. Хотя и редко, в Саянах встречается *красный волк*. Поскольку все эти хищные звери являются объектом охоты, то в тофаларском языке для их названия используется множество различных терминов.

Особенно много всевозможных названий выработано в отношении *медведя*: *аһняқ-аң* (досл. ‘мужик-зверь’), *чер өгүз аң* (досл. ‘зверь с земляным домом’), *чоорһанныг* (досл. ‘имеющий меховое одеяло’), *чоорһанныг-аң* (досл. ‘зверь, имеющий меховое одеяло’), *ире* (досл. ‘прадед’ – для называния самца), *ире-аң* (досл. ‘зверь-прадед’), *иърhek* (слово употребляется для названия взрослого самца медведя, восходит к др.-тюрк. *erkäk-irkäk* ‘муж, мужчина; самец’, сохранившемуся в этом значении во многих современных тюркских языках), *даг-иърhek* ‘самый крупный медведь-самец’ (ср. тув. *даг-иргек id.*), *энэ* (досл. ‘прабабка’ – для называния самки), *энэ-аң* (досл. ‘зверь-прабабка’), *эши* ‘медведица’ (ср. тув. *эши id.*), *иресаң* (< *иреси аң* досл. ‘зверь, его прадед’ – употребляется в качестве общего нейтрального названия медведя, поскольку древнее название *адйр*, сохранившееся в тувинском *адыг*, тофаларами ныне забыто), *кузуктаар* (досл. ‘шишкующий, добывающий кедровые шишки’ – субстантивированное причастие от глагола *кузукта* = ‘добывать кедровые шишки’), *кузуктаар-аң* (досл. ‘шишкующий зверь’), *шыйдыңгалаар-аң* (досл. ‘зверь, запутывающий свой след перед тем, как ему лечь в берлогу’ < *шыйдыңга* ‘след медведя’), *қара-аң* (досл. ‘черный зверь’), *қара дүктүз аң* (досл. ‘зверь с черной шерстью’), *қаһһярар* (досл. ‘белеющее’ – субстантивированное причастие от глагола *қаһһяр* = ‘белеть’, так иносказательно называют медвежье нутряное сало), *қаһһярарлыг-аң* (досл.

‘зверь, имеющий белеющее’, т.е. ‘зверь, имеющий нутряное сало’), *hүpeг* ‘медведь’ (редкоупотребительное слово), *торай* ‘медвежонок до года’ (< ср.-монг. *torai* ‘поросенок кабана до года’, ср. монг., бур. *торой* ‘поросенок’), *иресаң оглу* ‘медвежонок до года’, *чарынды* ‘двухгодовалый медведь, отделившийся от матери’ (< *чар* = ‘отделять, разлучать’), *тыранды иърһек* ‘двухгодовалый медведь, медведь-пестун, ходящий с медведицей’, *оол-иърһек* ‘медведь-третьяк’, *қоошина* ‘группа гонимых медведей-самцов’.

Кроме того, употребляются многочисленные и тоже описательные названия различных частей тела и туши медведя, вместо табуированных обычных слов: *чоорһан* ‘шкура’ (досл. ‘меховое одеяло’, вм. *кеһи*), *чуьтук учу* ‘голова’ (досл. ‘конец колоды, конец бревна’, вм. *баһи*), *буьтук дөзү* ‘ухо’ (досл. ‘корень сучка’, вм. *қулақ*), *шымыраши* ‘ухо’ (от *шымыр* = ‘слушать – о медведе’), *элеңнәш* ‘глаз’ (досл. ‘мелькающий’ < *элеңнә* = ‘мелькать’ или ‘смотреть – о медведе’, вм. *қарақ*), *чыттағ* ‘нос’ (досл. ‘нюхалка’ < *чытта* = ‘нюхать’, вм. *һаай*), *шойутқу* ‘зуб’ (< *шойут* = ‘кусать – о медведе’, вм. *дйи*), *өьрһу* ‘холка’ (досл. ‘меховой потничок под вьючным седлом’ < ср.-монг. *örki* ‘квадратный кусок войлока, закрывающий дымовое отверстие юрты’, монг. *өрх*, бур. *үрхэ* id.; вм. *һендирме*), *олут* ‘зад медведя, круп’ (досл. ‘сиденье; место’ < **ол* = ‘сидеть’, вм. *уша*), *қол* ‘передняя лапа’ (досл. ‘рука’, вм. *бут*), *салбар* ‘когти’ (досл. ‘кожаная бахрома’, вм. *дырбақ, арбақ*), *мүдүргүш* ‘фаланга лапы медведя’ (досл. ‘спотыкашка’ < *мүдүр* = ~*мүдүрү* = ‘спотыкаться’, поскольку раньше был обычай пришивать на одежду детей фаланги лап медведя, чтобы дети не спотыкались и не падали), *һераәсэ* ‘конец грудной кости’ (досл. ‘крест’ < рус. *крест*, вм. *дөш баһи*), *дйіләәш* ‘сердце’ (< *дйілә* = ‘биться – о сердце’, вм. *чүрек*), *чецақ(-чачақ)* ‘ребро’ (досл. ‘лучок, маленький лук’ от *ча* ‘лук для стрельбы’ – так называли по круто изогнутой наподобие лука форме медвежьего ребра, вм. *эзгі*), *қызар* ‘мясо медведя’ (досл. ‘краснеющее’ – субстантивированное причастие от глагола *қыс* = ‘краснеть’, вм. *эйт*), *қаһһарар* ‘нутряное сало медведя’ (досл. ‘белеющее’, подробнее о нем см. выше), *дон* ‘слой сала на спине медведя’ (досл. ‘шуба’), *дон чаа* ‘слой сала на спине медведя’ (досл. ‘шубное сало’), *өьрһу чаа* ‘слой сала на холке медведя’, *олут чаа* ‘сало на крупе медведя’.

В отношении других крупных хищных зверей тофаларами употребляются следующие названия:

для волка: *бөрү* (бытует как неодобрительное, скорее ругательное название волка; ср. тув. *бөрү*, др.-тюрк. *böri*, пратюрк. **bö:ri* ‘волк’), *қудуруктуғ* (досл. ‘хвостатый’ – употребляется как общее нейтральное название волка; ср. як. *кутуруктаах*, эвенк. *иргичи* ‘хвостатый’ для названия волка), *челер-аң* (досл. ‘рысящий зверь’ < *чел* = ‘бежать рысью, рысить’), *дағ ығыты* (досл. ‘горный пес’), *дағ чыдыы* (досл. ‘горная охотничья собака’), *дағ ээсінің ығыты* (досл. ‘охотничья собака горного хозяина’), *дағ чүмесі* (досл. ‘горное нечто’);

для росомахи: *чеьпкэ-чеькпэ* (ср. тув. *чекпе* id.);

для красного волка (иногда местные жители его ошибочно называют шакалом): *шөө* (ср. тув. *шөө-бөрү* ‘шакал, гиена’);

для рыси: *үс* (ср. тув. *үс*, як. *үсэ*, пратюрк. **ü:š-ek* id.), *иубар-аң* (досл. ‘пестрый зверь, пятнистый зверь’).

Вызывает интерес наличие в тофаларском языке ряда иносказательных описательных названий и для змей, хотя она и не относилась никоим образом к промысловым животным. Обычное ее название *чулан* (ср. тув. *чылан*, др.-тюрк. *jilan* ‘змея’) относится к разряду неодобрительных, скорее ругательных, не рекомендуемых к произнесению в тайге, где змеем обычно велит называть *дағ балыы* ‘горная рыба’, *чер балыы* ‘земляная рыба’ или *узун-қуьрт* ‘длинный червь’. Последнее название является ныне обычным нейтральным словом.

Поскольку охотничий промысел издавна и поныне является одним из основных источников существования тофаларов, различные промысловые животные играли и до сих пор играют важную роль в их жизни. В тофаларском языке это проявляется в том, что в нем появилось большое количество иносказательных и описательных названий этих промысловых животных. Кроме того, представлен ряд описательных названий и для змей, хотя в охотничьем промысле она и не играла никакой роли. Это, по-видимому, связано с культовыми представлениями в прошлом по отношению к змее (ср. культ змей у тунгусских народов). Возникновение иносказательных и описательных названий для промысловых животных можно объяснить явлением табу [Зеленин 1928] слов, называвших предметы действительности, играющие важную роль в жизни человека. Это явление связано и с особыми религиозными представлениями, обожествлявшими окружающую

природу. Видимо, на какой-то стадии общественного развития предки тофаларов подвергли табуированию номинативные названия животных, игравших важную роль в охотничьем промысле и культовых представлениях. Вместо запрещенных слов появились разрешенные – эвфемизмы, дошедшие до наших дней в виде этих иносказательных и описательных названий. В настоящее время явление табу у тофаларов не существует, о нем можно говорить только в историческом плане как о явлении, послужившем причиной появления в их языке эвфемистических названий промысловых животных и птиц.

Приведенные выше эвфемизмы представляют собой в основном описательные названия, причем в основу положен какой-либо характерный признак животного, присущий только ему одному. Иногда названия даются по ряду характерных признаков. Обилие эвфемистических названий, например, для медведя является следствием особого отношения к нему: у тофаларов. До недавнего времени у них существовал культ медведя [подробнее см.: Рассадин В.И. 1971, с. 143; 1973] и все связанные с ним ритуалы. Медведь играл большую роль в культовых представлениях, поэтому в тофаларском языке утрачено общетюркское его название, а вместо него в качестве номинативного до сих пор употребляется слово *иресаң* ‘зверь-предок’. Видимо, в древности тофалары, как и ряд других сибирских народов, считали медведя своим предком. Недаром медведя-самца тофалары продолжают называть *ире* ‘прадед, предок’, а самку – *энэ* ‘прабабка’.

Действия, совершаемые охотниками на медвежьей охоте, особенно на берлоге, также табуированы и носят эвфемистические названия. Например: *дагжам* = ‘стрелять в медведя’ (досл. ‘заставить прозвучать’ в м. *боола* = ‘стрелять’), *булут тыгьрт* = ‘собирать артель, чтобы идти совместно добывать медведя на берлоге’ (досл. ‘тянуть облака’), *бедиктэ* = ‘искать берлогу’ (досл. ‘ходить по горе’), *сөлтөңнэ* = ‘найти медвежью берлогу’ (досл. ‘выжить из ума от старости’), *шыйдыңгала* = ‘искать медведя по следу’ в м. *истэ* = ‘выслеживать, искать по следу’, *чуьтук учун кааста* = ‘варить и есть голову медведя’ (досл. ‘украсить конец бревна’ в м. *иресаң баһин паштааш чи* =), *шыйбаашта* = ‘обдирать шкуру медведя’ в м. *сой* = ‘обдирать убитого зверя, снимать шкуру’. Некоторые предметы, используемые на медвежьей охоте, также носят во время охоты иные названия. Например, нож на медвежьей охоте уже не *пишек*, а *шыйныр* (досл. ‘чертящий, пишущий’), топор – не *суге*, а *тоьһоргу дуньчуу* (досл. ‘нос дятла’), охотничья собака – не *чыдыг* (досл. ‘вонючая’), а *кудуруктуз* (досл. ‘хвостатая’, то есть ‘волк’), лаять (о собаке) – не *ээр*, а *дimgir* = (досл. ‘шуметь, тарыхтеть’). Когда охотники убивали медведя, они троекратно кричали слово *киик*, когда мясо медведя вместе с его головой привозили в аал, население аала тоже должно было троекратно прокричать это же слово. (Ср. аналогичное слово *кук* в подобной ситуации у эвенков и *ках* – у якутов).

Раньше у тофаларов существовал обряд коллективного съедания вареной медвежьей головы и захоронения на дереве разрисованного углем черепа медведя. При кочевом быте, вплоть до 30-х годов, все эти обряды соблюдались. До сих пор многие обряды медвежьего культа, особенно во время охоты на медведя, лежащего в берлоге, продолжают соблюдаться. Так, охотники, убившие медведя в берлоге, кричат: «Киик! Киик! Киик!», продолжают употребляться все эвфемистические термины по отношению к медведю.

Все приведенные выше эвфемизмы употребляются в повседневной речи тофаларов как нейтральные номинативные названия животных. С позиций современного тофаларского языка все эти названия только по происхождению, так сказать, исторически являются эвфемизмами. Подвергнутые табуированию и замене эвфемизмами прежние их номинативные названия (в основном общетюркские) в современном языке отошли в разряд эмоционально-экспрессивной лексики и употребляются теперь в качестве грубых, неодобрительных названий.

Хотя по остальным саянским тюркским языкам таежного ареала собрано значительно меньше фактического лексического материала, чем по тофаларскому языку, все же и в них удалось выявить различные названия промысловых животных. Так, здесь представлены названия следующих копытных животных, объектов мясной охоты:

лося: сойот. *улыг-аң*, уйг.-цаат. *тош*, уйг.-урях. *булан* (все эти названия выступают как общие, ср. тув. *булан* ‘лось; лосиха’, др.-тюрк. *bulan* ‘лось’), сойот. *тош*, уйг.-урях. *буур* ‘лось-самец, сохатый’, сойот. *иниг*, уйг.-урях. *иңген булан* ‘самка лося, лосиха’ (ср. тоф., тув.-тодж. *иңген* ‘важенка, самка домашнего оленя’), сойот., уйг.-цаат. *тош бузаасы*, уйг.-урях. *булан тугулу*, *булан зорголы*, *зоргол* ‘лосенок до 1 года’ (из монг. *тугал* ‘теленка’, монг. *зоргол* ‘однолетний олень; лосенок’), уйг.-урях. *тош* ‘лосенок по второму году’;

изюбря, марала: сойот., уйг.-цаат. *сарыз-аң*, уйг.-уряньх. *сыын* (все эти названия носят характер общей нейтральной номинации), сойот., уйг.-цаат., уйг.-уряньх. *сыын* 'изюбрь самец', сойот., уйг.-цаат. *чөлеге* 'взрослый матерый бык изюбря', сойот., уйг.-цаат. *мыйгақ*, уйг.-уряньх. *май-май* 'изюбриха, маралуха', сойот., уйг.-цаат. *сыын бузаасы*, уйг.-уряньх. *сыын зорголы* 'изюбренок до 1 года', сойот., уйг.-цаат. *сойаандай*, уйг.-уряньх. *тош* 'двухгодовалый бычок изюбря', сойот., уйг.-цаат. *сараадақ*, уйг.-уряньх. *сыраадақ, сырызлыг* 'двухгодовалая маралуха';

дикого северного оленя: сойот. *ақ-аң, аң-иви, даспан-аң* (выступают как варианты общего названия), сойот. *аһһай* 'оленинок';

кабарги: сойот. *тоорһы*, уйг.-цаат. *тоорхы*, уйг.-уряньх. *доорға* (общие названия), сойот. *шыбар-шывар*, уйг.-цаат. *шыбар* 'кабарга' (досл. 'пестрая, пятнистая'), сойот. *асқыр* 'самец кабарги', сойот., уйг.-цаат. *азыглыг* 'самец кабарги', сойот., уйг.-цаат. *эһикі* 'самка кабарги', сойот. *шыбар-оол-шывар-оол*, сойот., уйг.-цаат. *һин* 'кабарговый мускус, кабарговая струя';

косули: сойот., уйг.-цаат. *қуран* (общее название, из ср.-монг. *уиган* 'самец косули', монг. *гур*, бур. *гуран id.*), уйг.-уряньх. *аһнай-аһнай* 'косуля' (досл. 'оленинок, козленок'), сойот. *һулбис*, уйг.-цаат. *хулбис-һулбис* 'самец косули', сойот. *элик-илек*, уйг.-цаат. *элик* 'самка косули', сойот., уйг.-цаат. *аһһай*, уйг.-уряньх. *һинзага* 'детеныш косули, косуленок' (из монг. *янзга* 'козленок антилопы');

кабана: сойот. *һаван*, уйг.-цаат. *хаван-һаван* (общие названия), сойот., уйг.-цаат. *эр һаван* 'самец кабана, вепрь', сойот., уйг.-цаат. *эһиһ һаван* 'самка кабана', сойот., уйг.-цаат. *һаван оглы* 'поросенок, детеныш кабана'; поскольку для уйгуро-уряньхайцев добыча кабана была делом более обычным, а охота на кабана была, видимо, существенной частью мясной охоты, в их языке представлено большее количество более разнообразных терминов по кабану: *тоос* (общее название свиньи, кабана, ср. др.-тюрк. *тоғыз* 'дикая свинья, кабан; свинья'), *һаван-һаваң* 'самец кабана, вепрь', *мегеци* 'самка кабана, свиноматка' (из монг. *мэгж id.*), *торой* 'поросенок до 1 года' (из монг. *торой id.*), *һогос* 'двухгодовалый кабан' (из монг. *ховс id.*);

сибирского козерога – горного козла: сойот., уйг.-цаат. *тэ* 'самец сибирского козерога, горный козел', сойот., уйг.-цаат. *чуңма-чуңма* 'самка сибирского козерога, горная коза', *аһһай* 'дикий козленок';

архара: сойот. *арқал*, уйг.-цаат. *арғыл* (общее название; из монг. *аргаль* 'самка архара, снежного барана').

Помимо отмеченных выше копытных животных эти народы охотились ради мяса и на птиц (*қуыш* – общее название птицы в языках сойотов, уйгуров-цаатанов и уйгуро-уряньхайцев, *қуыш оглы* 'птенец'). При этом из боровой дичи зафиксированы названия следующих птиц:

глухаря: уйг.-уряньх. *сойыр* (общее название; из монг. *сойр* 'глухарь'), сойот., уйг.-цаат., уйг.-уряньх. *қара-қуыш* 'глухарь-самец', сойот., уйг.-цаат. *туғышилиқ-туғышилик* (ср. тув. *дигилик*), уйг.-уряньх. *сарыз-қуыш* 'самка глухаря', сойот., уйг.-цаат. *оол-қуыш* 'годовалый самец глухаря', сойот., уйг.-цаат., уйг.-уряньх. *ойын* 'ток, токование глухаря или тетерева';

тетерева: сойот., уйг.-цаат. *һуърті* (общее название);

рябчика: сойот., уйг.-цаат., уйг.-уряньх. *уғышил* (общее название);

белой куропатки: сойот., уйг.-цаат. *ақ-қуыш*, уйг.-уряньх. *һоон* (общее название);

серой степной куропатки: сойот. *сорхируу*, уйг.-цаат. *сорхируул*, уйг.-уряньх. *чорхоруул* (общее название; из монг. *цорхируу* 'рябчик, степной рябок').

Сойоты, цаатаны и уйгуро-уряньхайцы охотятся и на водоплавающую дичь, которую называют *суғ қуыһи* (сойот., уйг.-цаат.) или *суғ қуцы* (уйг.-уряньх.). К этой дичи они относят следующих птиц:

гусей: сойот., уйг.-цаат. *қас*, уйг.-уряньх. *қас-ғас* (общее название);

уток: сойот. *өдірәк*, уйг.-цаат. *өдірек-өдірәк-өдүрәк* (общее название), сойот., уйг.-цаат., уйг.-уряньх. *аңғыр* 'турпан' (из монг. *ангир id.*), сойот., уйг.-цаат. *бос* 'кряква, кряковая утка', сойот. *арысқық*, уйг.-цаат. *ала* (букв. 'пегая') 'гагара', сойот. *һараал* 'болотный кулик', уйг.-цаат. *һараал* 'гоголь', сойот., уйг.-цаат. *дағһат-ала*, уйг.-уряньх. *дағһат-қашқа* 'крохаль', сойот., уйг.-цаат. *оңғық* 'нырок, нырковая утка', сойот., уйг.-цаат. *сіғһәй* 'чирок, чирковая утка', сойот. *дарғый* 'бекас'.

Во время пушной охоты сойоты, цаатаны и уйгуро-уряньхайцы промышляют следующих зверей:

соболя: сойот., уйг.-цаат. *алды, һыырытқы, чарацаң*, уйг.-уряньх. *булған* (общие названия, уйг.-уряньх. < ср.-монг. *буһан*, ср. монг. *булга*, бур. *булган* 'соболь'), сойот., уйг.-цаат. *иғһәк* 'самец соболя', сойот., уйг.-цаат. *эһи* 'самка соболя';

белку: сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянк. *дiнц* (общее название)

колонка: сойот. *кузан*, уйг.-цаат. *кузан-гүзан*, уйг.-урянк. *солоңго* (общие названия; уйг.-урянк. < монг. *солонго* 'колонок');

горностая: сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянк. *ас* (общее название);

степную кошку, манула: сойот. *мануул-маныл*, уйг.-цаат. *маныл* (общее название < монг. *мануул* id., ср. бур. *мануул*, тув. *маны, маныыла*, др.-тюрк. *тапи* id.);

барсука: сойот. *борсык*, уйг.-цаат. *борсоқ*, уйг.-урянк. *доргын* (общее название; уйг.-урянк. < монг. *дорго* id.);

лисицу: сойот., уйг.-цаат. *дiлги*, уйг.-урянк. *дүлхи-түлхи* (общее название);

степную лису, корсака: сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянк. *қырса* (общее название; ср. тув. *кырза* 'хорек, хорь' < ср.-монг. *kirsa* 'корсак', ср. монг. *хярс*, др.-тюрк. *qarsaq* 'степная лиса, корсак');

выдру: сойот., уйг.-цаат. *хундус-хундыс* 'выдра, бобр' (общее название);

зайца: сойот., уйг.-цаат. *ходан* (общее название), *шымдага* 'заяц-русак' (из ср.-монг. *šindaγan* 'заяц', ср. монг. *чандага* 'заяц-беляк', бур. *шандаган* 'заяц-русак'), уйг.-урянк. *ходан-қойһын* 'заяц-русак, лесной заяц' (ср. тув. *койгун* 'заяц'), *туулай* 'степной заяц' (ср. тув. *тоолай-бора-тоолай* 'заяц-русак' < монг. *туулай* 'заяц');

сурка, тарбагана: сойот. *тарбаган*, уйг.-цаат. *тарбаган-тарваган, тарпақ* (общее название; ср. тув. *тарбаган* < ср.-монг. *tarbaγan* 'сурок, тарбаган', ср. монг. *тарвага*, бур. *тарбаган* id.).

Объектом особой охоты являются крупные хищники, представляющие опасность для домашнего скота, пасущегося на пастбищах круглый год:

волк: сойот., уйг.-цаат. *бери*, уйг.-урянк. *бери-бөрү* (общее название); иносказательные названия; сойот., уйг.-цаат. *көкқай, челар* (ср. тув. *кокай, коккаарак* 'волк'), уйг.-урянк. *бөөөөк-бери-бөөөөк-бөг-чино* (здесь компонент *чино* можно возвести к ср.-монг. *čino* 'волк' < стп.-м. *čini-a*, ср. монг. *чоно*, бур. *шоно* id., компонент же *бөг* тоже является монгольским по происхождению изобразительным словом, передающим образ бега трусцой, что как раз характерно для волка);

красный волк: сойот. *шөөөөри* (общее название);

росомаха: сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянк. *чеькиэ* (общее название);

рысь: сойот. *ус* (общее название), сойот., уйг.-цаат. *дырбақтыг-дыр-вақтыг*, уйг.-урянк. *алды* (ср. тув. *алды* наряду с *дырбақтыг* 'рысь').

Особое отношение к медведю наблюдается и у других саянских тюрков таежного ареала, не только у тофаларов. Это выражается в том, что в языках этих тюрков тоже представлено немало слов описательного иносказательного характера по отношению к медведю, эвфемизмов по своей сути, возникших в данных языках некогда под влиянием явления табу. Здесь нами выявлены следующие термины по медведю: сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянк. *адыг* (общее название; ср. тув. *адыг* < др.-тюрк. *adïγ* 'медведь'), сойот. *хайрақан*, уйг.-цаат. *хайраққан-хайрақан* 'медведь' (ср. тув. *хайыракан* id. < общемонг. *хайрхан* 'милостивый, священный' – почтительное название гор, особенно почитаемых опасных животных и т.п.), сойот., уйг.-цаат. *чааш-чааш* 'медведь' (досл. 'смирный, спокойный, тихий', ср. в этом же значении тув. *чааш*, др.-тюрк. *javaš* 'мягкий, кроткий, смиренный; прирученный, домашний'), сойот. *куьсықтаар*, уйг.-цаат. *куьсуқтаар* 'медведь' (досл. 'шишкующий, добывающий кедровые шишки'), сойот., уйг.-цаат. *хаттаар* 'медведь' (досл. 'собирающий ягоды'), сойот. *даһналыг-аң* (досл. 'зверь в дохе, зверь, имеющий доху' – калька с окинского бурятского *дахата* 'медведь', означающего дословно 'имеющий доху'), сойот., уйг.-цаат. *ирэ-ирэй* 'медведь' (досл. 'прадед, дедушка'; ср. тув. *ире* 'прадед', *ирей* 'дед, дедушка, старец; дедушка - о медведе'), сойот., уйг.-цаат. *адыг-ирэй* 'медведь' (досл. 'дедушка-медведь'), сойот., уйг.-цаат. *иьрһэк* 'медведь-самец', *даг-иьрһэк* 'самый крупный, матерый медведь-самец', *ээш* 'медведица, самка медведя', *хайрақан оглы-ирэй оглы* 'медвежонок до года', *чарынды* 'двухгодовалый медведь, ставший жить самостоятельно', *өргээ* 'медвежья берлога' (досл. 'юрта князя, хана, ставка' < монг. *өргөө* id., ср. тув. *өргээ* 'богатая юрта; резиденция хана, князя; дворец'), *чолла* = 'добыть медведя'. В уйгуро-урянкайском языке: *өөөөккөй-өөөөккэй* 'медведь; медведь-самец' (от монг. *өвөө* 'дедушка'), *қаһлақдай-қаһлақшың* 'медведь; медведь-самец' (возможно, здесь в основе уйг.-урянк. *қаһлақ* 'плоский, уплощенный'), *эһиш өөөккөй, энэйһэн* 'медведица', *өөөөккөй оглы* 'медвежонок', *өргөө* 'медвежья берлога'.

В языках сойотов и цаатанов тоже зафиксированы названия некоторых частей тела и туши медведя: сойот., уйг.-цаат. *дон* 'слой сала на спине медведя', *дон цаа* 'сало, жир на спине медве-

дя́, *уша цаа* ‘сало, жир на крупе медведя’, сойот. *даһа* ‘шкура медведя’ (< бур. *дах* ‘доха, длинная овчинная шуба’, окинские буряты так называют шкуру медведя).

В комплекс охотничьей лексики входят слова, называющие различные виды охот, способы и приемы охоты на указанных выше зверей и птиц и т. п. Так, общее название для охотника во всех саянских тюркских языках таежного ареала является одним и тем же – *аңшы-аңшы киши* – и происходит от слова *аң* ‘дикий зверь; добыча’, о чем уже говорилось выше. От этого же слова образованы и другие термины, относящиеся к охоте: тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянь. *аңна=, агна=* ‘охотиться’ (ср. тув. *аңна=*, монг. *агна= id.*), *аң қыл=* ‘охотиться’ (калька с монгольского *ан хий=* – досл. ‘делать охоту’), тоф. *аңнық*, сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянь. *аңнаашиқын* ‘охота, охотпромысел’ (ср. тув. *аңнаашиқын id.*). Зафиксированы термины, связанные с охотничьей добычей, например: тоф., сойот., уйг.-цаат. *ольча* ‘добыча, трофей’ (ср. тув. *олча* ‘находка, добыча; выгода, удача’ < ср.-монг. *olja* ‘находка; добыча; доход, прибыль; выгода, польза; трофей’, ср. монг. *олз*, бур. *олзо id.* < общемонг. *ol=* ‘находить; доставать, добывать, получать; приобретать; завоевывать’), тоф. *туһуғ*, сойот., уйг.-цаат. *тыһығ* ‘охотничья добыча; пушнина’, тоф. *чөөше* ‘пушнина’ (ср. в аларском говоре бурятского языка *зөөшэ* ‘имущество’), тоф., сойот., уйг.-цаат. *чолла=* ‘добыть, убить крупного зверя или соболя’ (досл. ‘посчастливиться’), уйг.-урянь. *қадыр=* ‘добыть или убить зверя’, напр. *тоос қадырар* – добыть кабана (от *қадыр=* ‘выворачивать суставы – обычно при разделке туши’).

В тофаларском языке есть термины, характеризующие охотника, например: *исші* ‘хороший следопыт, охотник, хорошо ищущий по следу’ (от *ис* ‘след’), *дінші* ‘охотник, хорошо добывающий белок, специалист по добыче белок’, *мерген аңшы*, *часпас аңшы* ‘меткий охотник’, *ольчалығ аңшы*, *туһуғлуг аңшы*, *туһуғгуру аңшы* ‘удачливый, добычливый охотник’.

В исследуемых языках выработаны специальные глаголы, называющие охоту на различных зверей и птиц. Нам удалось выявить следующие виды этих охот, относящиеся к самым актуальным и распространенным среди указанных народов: тоф., сойот., уйг.-цаат. *алдыла=, чарацаңна=*, уйг.-урянь. *булгала=* ‘промышлять соболей, соболевать’, тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянь. *дінңнэ=* ‘охотиться на белок, белковать’, тоф., сойот., уйг.-цаат. *күзеннэ=* ‘охотиться на колонков’, тоф., сойот., уйг.-цаат. *аста=* ‘охотиться на горностаев’, тоф. *дйгиле=*, сойот., уйг.-цаат. *дйгилэ=* ‘охотиться на лисиц’, тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянь. *сыынна=* ‘охотиться на изюбря’, тоф. *аһһай-аңна=, эликтэ=*, сойот., уйг.-цаат. *қуранна=*, уйг.-урянь. *аһһайла=* ‘охотиться на косуль’, тоф. *тооргула=, шубараһта=* ‘охотиться на кабаргу’, тоф., *һабанна=*, сойот., уйг.-цаат. *һаванна=* ‘охотиться на кабанов’, тоф. *қудуруқтуғлар=* ‘охотиться на волков, волчатничать’, тоф. *чоорһаннығла=, иресанна=* ‘охотиться на медведя’, уйг.-урянь. *тарбаған мана=* ‘охотиться на тарбаганов’ (досл. ‘караулить тарбаганов’), уйг.-урянь. *қуһшта=* ‘охота на птиц’, тоф., сойот., уйг.-цаат. уйг.-урянь. *қаста=* ‘охотиться на гусей’, тоф. *өдүректэ=*, сойот., уйг.-цаат. *өдйректэ=*, уйг.-урянь. *өдйректэ=* ‘охотиться на уток’, тоф. *бориқала=* ‘охотиться на глухарей’, тоф. *уһшүлле=*, сойот., уйг.-цаат. *уһшйллэ=* ‘охотиться на рябчиков’, тоф. *һаанна=* ‘охотиться в высокогорье зимой на белых куропаток’, тоф. *күзе=* ‘вести осенний охотпромысел’.

При проведении различных видов охот охотники устраивают на месте охоты различного типа стоянки, охотничьи станы. Они бывают как кратковременные, так и длительные, что зависит от вида охоты и времени года. Охотничий стан устраивается обязательно с костром – *от* (ср. общетюрк. *ot* ‘огонь, костер’). Такой открытый стан с костром, обычно кратковременный, во всех саянских тюркских языках называется одинаково – *одаг* < *ода=* ‘разводить костер’ (ср. др.-тюрк. *отау* ‘шатер, жилище’ < *ота=* ‘зажигать огонь’). Устраивать такой стан – *одагла=*. При длительном пребывании на охоте ее участники оборудуют более основательную стоянку, устанавливая при этом либо полный чум – *алаңы-өг*, который покрывали в зависимости от сезона или шкурами, или полотнами из бересты, сейчас же брезентом, либо легкие жилища типа шалашей, палаток и т. п. Нам удалось выявить следующие названия таких жилищ: тоф. *қақпақ* ‘получум’ (ср. тув. *какпак* ‘крышка, покрывало’), тоф. *майһян*, сойот., уйг.-цаат. *майһын* ‘палатка’ (ср. тув. *майгын id.*, монг. *майхан id.*), тоф., сойот., уйг.-цаат. *чағыр* ‘двускатный шалаш’ (ср. тув. *чадыр* ‘чум; шалаш, шатер’, др.-тюрк. *čatır, čacır, čašır* ‘шатер, палатка’). В настоящее время тофалары и сойоты строят в тайге на своих охотничьих участках бревенчатые избушки (напр. тоф. *избуушкэ*). Возле охотничьих станов обычно устраивают лабазы для хранения различных вещей и добычи. Это либо своеобразные полки (тоф. *тақ*), настилаемые или из жердей или колотых плах на нижних толстых ветвях деревьев, либо небольшие амбарчики (тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянь. *сэрі*) на столбах. Забираются на такие лабазы по лестнице (напр. тоф. *агды* < др.-тюрк. *ау=* ‘подниматься

вверх, восходить; подниматься на возвышение; вздыматься, подниматься') в виде бревна с зарубками.

Отправляясь на кратковременную охоту за конкретной мясной дичью или на длительный пушной охотпромысел, а также на охоту на хищников, в том числе и на добычу медведя, лежащего в берлоге, охотники брали с собой соответствующее оружие, боеприпасы, петли, ловушки, капканы и прочее снаряжение. Часть такого снаряжения хранилась обычно в амбарчиках на промысловом участке. Охотник возил с собой в основном личное оружие и боезапас к нему. Часть боеприпасов, особенно свинец для пуль, картечи и дроби он мог тоже хранить в амбарчике. Поскольку сама охота подразделялась на активную и пассивную, то и снаряжение охотника делилось на три группы, это: 1) личное оружие для активной охоты; 2) ловчие приспособления и другое снаряжение для пассивной охоты; 3) приспособления для первичной обработки добычи.

Активная охота проводилась и проводится самим охотником, добывающим дичь своими руками при помощи личного оружия. Помощником на такой охоте у таежных охотников всегда была охотничья собака *ыт* (ср. тув. *ыт*, др.-тюрк. *it* id.). Тофалары, табуировав это слово, применяют к своим охотничьим собакам уважительное в их понимании иносказательное название *чыдыг* (досл. 'вонючая' от *чыды* = 'испускать запах, вонять', ср. др.-тюрк. *jidi* = 'пахнуть, испускать запах' < *jid* 'запах, аромат'). Существуют слова, называющие разные качества охотничьих собак. Здесь удалось выявить следующие: тоф., сойот., уйг.-цаат. *чытшы* 'чутьистая' (от *чыт* 'запах', ср. тув. *чытчы* id.), тоф., сойот., уйг.-цаат. *чыттаңгыры* 'с очень чутким обонянием' (ср. тув. *чыткыр* id.), тоф. *ээрһе*, сойот., уйг.-цаат. *ээрһаэччи ыт* 'пустолайка' (ср. тув. *ээрги* 'часто лающий', *ээрги ыт* 'лайка – порода собак' < общесаянск. *ээр* = 'лаять', можно сравнить с др.-тюрк. *eḡā* = 'реветь, стонать').

В старину в качестве оружия при активной охоте использовался лук со стрелами. Нам удалось выявить в изучаемых языках ряд терминов, относящихся к данному виду оружия. Они следующие: тоф., уйг.-урянк. *ча-ца*, сойот., уйг.-цаат. *чацақ* 'лук' (ср. тув. *ча*, др.-тюрк. *ja* id.), тоф. *согун*, сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянк. *согын* 'стрела' (ср. тув. *согун* < *соьқ* = 'бить, ударять, убить ударом', др.-тюрк. *soq* = 'бить, ударять; измельчать, толочь'), тоф. *һанаттыг согун* 'оперенная стрела' (досл. 'крылатая'), тоф. *кес* 'зарубка для тетивы на хвостовой части стрелы' (ср. тув. *кес* 'прорезь у прицела и у стрелы', др.-тюрк. *kez* 'хвостовая часть стрелы'), тоф. *кириш* 'тетива лука' (ср. тув. *кириш*, др.-тюрк. *kiriš* id.), тоф., сойот. *һеиш* 'колчан для стрел' (ср. др.-тюрк. *keš* id.), уйг.-урянк. *саадақ* 'колчан' (< монг. *саадаг* id.), общесаянск. *аьт* = 'стрелять из лука' (ср. др.-тюрк. *at* = 'бросать; стрелять'). В качестве личного оружия у охотника в прошлом были также охотничий нож (тоф. *пишек*, сойот., уйг.-цаат. *пишэк*, уйг.-урянк. *пишек-бишек*, ср. тув. *бижек*, др.-тюрк. *bičäk-bičaq* 'нож' < *bič* = *bič* = 'срезать, резать') в ножнах (ср. тув. *хын*, др.-тюрк. *qin* id.) и короткое копьё или рогатина (общесаянск. *чыда* < ср.-монг. *jida*, ср. монг. *жад*, бур. *жада* 'копьё, рогатина, штык'). Из этого прошлого оружия у современных охотников остался только нож. Лук и стрелы давно сменили ружья.

Название ружья у всех саянских тюрков одинаково – *боо*, которое восходит к монгольскому слову *буу* 'ружье'. О монгольском происхождении этого термина в тюркских языках нам уже приходилось говорить [Рассадин В.И. 1971, с.164]. Дополнительным свидетельством того, что огнестрельное оружие к саянским тюркам пришло от монголов, являются и названия ружейных боеприпасов, тоже имеющие монгольское происхождение. Например: общесаянск. *дары* 'порох' < ср.-монг. *dari* id., ср. монг. *дарь*, бур. *дари* id.; тоф. *қорғольцын*, уйг.-урянк. *хоргольцын*, сойот. *һорғальцын*, уйг.-цаат. *хорғальцын* 'свинец для пуль' (ср. тув. *коргулчун* id. < монг. *хорголж* 'свинец', *хорголжин* 'свинцовый'), тоф. *сэзэк* 'отмеренный порох на один заряд кремневого или шомпольного ружья' (< монг. *цэнэг* 'заряд'), сойот., уйг.-цаат. *сэзэглэ* = 'заряжать ружье' (< монг. *цэнэглэ* = 'заряжать'), тоф. *һем* 'калибр ружья' (< монг. *хэм* 'мера, размер'), тоф., сойот. *һемчүүр*, уйг.-цаат. *һемчүүшкэ* 'мерка для пороха' (< монг. *хэмжүүр* 'мерка, измеритель, измерительный прибор' < монг. *хэмжи* = 'измерять, мерить, отмерять'). Интересно, что пулю все саянские тюрки называют одним и тем же словом *оьқ*, представляющим собой переосмысленное древнее общетюркское слово *оq* 'стрела' (см. др.-тюрк. *оq* 'стрела'), понятие 'стрелять из ружья' – *боола* = – образовалось в самих тюркских языках по собственной словообразовательной модели при помощи глаголообразующего аффикса =ла=.

При активной охоте охотники применяли различные манки и пищики. Самые общеупотребительные из них – это *дудка-манок* для подзывания осенью гонного изюбря-самца, подражая его реву (тоф. *мургу*, сойот., уйг.-цаат. *мургы*, уйг.-урянк. *мургый*, ср. тув. *мургу* 'борщевик, дягиль;

дудка, сделанная из борщевика', др.-тюрк. *borıuj* 'духовой музыкальный инструмент'), и **пишик-манок** на кабаргу, подражающий крику голодного детеныша, для охоты в весенне-летнее время (тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-уриях. *э́тиски* < *э́тис* = 'издавать звук манком', ср. тув. *эдиски* 'свисток; дудка; свирель; манок, вабик, пишик для приманивания птицы, зверя'; здесь прослеживается древний тюркский корень *et* =, ср. др.-тюрк. *et* = 'петь – напр. о птице').

При пассивной охоте используют различные приспособления, которые, будучи настороженными, срабатывают автоматически без участия охотника, который приходит и забирает добычу. Саянские таежные охотники издавна широко использовали такие приспособления. В исследуемых языках для их названия выявились следующие термины: общесаянск. *дузақ* 'силок, ловчая петля' (ср. др.-тюрк. *tızaq* 'силок', возможно, образовано от др.-тюрк. *tu* = 'закрывать, преграждать'), тоф., уйг.-уриях. *баъсытқы* 'ловушка, плашка' (< *баъсыт* = 'быть придавленным сверху', ср. др.-тюрк. *basıt* = 'быть побежденным, разбитым' – побудит. от *bas* = 'давить; подавлять'), сойот., уйг.-цаат. *соъқна* 'ловушка, плашка' (< *соъқ* = 'бить, ударять'), уйг.-уриях. *дзаңга* 'ловушка' (< монг. *дзаңга* 'западня, ловушка', ср. др.-тюрк. *ḡaṅga* 'вид ловушки'), тоф. *капкаан* (< русск. *капкан*), сойот., уйг.-цаат. *қаьқна* 'капкан' (< *қаьқ* = 'бить, ударять, стучать', ср. тув. *какна* 'капкан', др.-тюрк. *qaq* = 'стучать, ударять, бить'). Особо следует сказать о **самостреле** (общесаянск. *айа*), которым до 20-х гг. прошлого века широко пользовались все таежные охотники. С этого времени власти запретили его установку. В словарях и лексических сборниках по саянским тюркским языкам, кроме термина *айа* 'самострел' зафиксированы еще *сээн* 'сторожевая нить самострела' и *оьқ* как название стрелы самострела, но только в языках сойотов и уйгуров-цаатанов. В других же языках таежного ареала стрела и для самострела называется *согун-согын*. Более подробно терминология по самострелу представлена в тофаларском языке. Здесь выявились следующие названия: *адыргыш* 'колышки с развилкой, применяемые при установке самострела' (от *адыр* 'развилка', *адыр* = 'отделять, разделять'), *беьктэз* 'крепление спуска у самострела' (от *беьктэ* = 'укреплять'), *чалыг айа* 'самострел типа арбалета, в котором стрелу посылает лук', *дэбискиліг айа* 'самострел, в котором стрелу пускает оттянутый и настороженный срезанный сверху ствол растущей тоненькой лиственницы', *сыра дэбискиліг айа* 'самострел, у которого ударным механизмом служит укрепленная лежа упругая лиственничная жердь, один конец которой оттянут и закреплен спусковым механизмом, а другой конец закреплен намертво, при натяжении сторожевой нити оттянутый конец жерди освобождается и бьет по нацеленной стреле' (от *дэбиски* 'лучинка или гибкая веточка, конец которой оттянут для удара').

К снаряжению для первичной обработки добытых шкурок пушных зверей относится специальная палочка для растягивания и сушки снятых шкурок, носящая общесаянское название *керги* (от *кер* = 'растягивать, растягивать', ср. др.-тюрк. *ker* = 'растягивать, натягивать').

Саянские таежные охотники, промышляя зверя и птицу, применяли при этом разнообразные способы и приемы охоты в зависимости от сезона и объекта охоты. В исследуемых языках это нашло непосредственное отражение в соответствующих терминах, причем по языкам выявлено их неодинаковое количество, что обусловлено исключительно неодинаковой степенью изученности этих языков. Наиболее изученными здесь оказались тофаларский и сойотский языки, поэтому основной материал по данному разделу взят из этих языков.

Из терминов, называющих способы и приемы охоты, в указанных языках выявлены следующие: *истэ* = 'выслеживать по следам' (< общесаянск. *ис* 'след', ср. тув. *исте* = 'следить, идти по следу', др.-тюрк. *iz* 'след', *izlä* = 'идти по следу, следовать'), *эригле* = 'определять в зимнее время свежесть следа, разрезая его посохом' (от *эриг* 'талый, незамерзший', ср. тув. *эриг id.*), *оң* = 'подкрадываться, скрадывать зверя или птицу' (может быть др.-тюрк. *оң* = 'покушаться?'), *чытқарт* = 'пускать собаку по следу' (ср. тув. *чытқар* = 'давать нюхать'), *қаьһир* = 'гнать, преследовать зверя' (побудит. залог от *қаьш* = 'убегать, спасаться бегством', ср. тув. *кажыр* = 'прогонять', др.-тюрк. *qacır* = 'обращать в бегство, гнать, прогонять, отгонять, изгонять; удалять, отвращать, отклонять' < *qac* = 'убегать, бежать; избегать, сторониться; удаляться, уходить'), *ытала* = 'гонять копытных зверей собаками по твердому весеннему насту' (от *ыта* 'охота на копытных зверей с собаками по весеннему насту'; ср. тув. *ыдала* = 'пускать собаку по следу, натравливать собаку; заставлять, принуждать, насильно отправлять' < общесаянск. *ыт* = 'отправлять, посылать', ср. др.-тюрк. *id* = 'посылать', *id* = 'посылать; пускать; разносить, распространять', *idala* = 'отказываться, отвергать'), *муңгашта* = 'делать петлю вокруг лежки зверя, обрезая входной след, в поисках выходного следа' (от *муңгаш* 'петля'; ср. тув. *муңгаш* 'закрытый, загражденный, глухой, непроходимый; тупик, преграда', *муңгашта* = 'закрывать, заградить, преградить; шить кое-как'), *мээс һара* = 'караулить зверя на поляне на южном склоне горы, где весной появляется первая трава', тоф.

урумна=, сойот. урымна= 'высматривать зверя в бинокль' (от урум, урым 'бинокль', ср. тув. дуран 'бинокль' < монг. дуран id.), бор һара= 'подстерегать ночью зверя на естественных солонцах' (бор 'естественный солонец', ср. тув. пор 'глина'), тус һара= 'подстерегать ночью зверя на искусственных солонцах' (от общесаянск. тус 'соль', ср. др.-тюрк. tuz id.), тоф. кетэ=, сойот. кетэ= 'подкарауливать зверя в засаде' (< монг. гэтэ= 'подкрадываться; подсматривать', ср. тув. кеьдэ= 'подстерегать, выслеживать; быть в засаде; красться, подкрадываться'), тоф. оңгула=, сойот. оңгыла= 'подкарауливать зверя или птицу, сидя в скрадке, в засидке' (от оңгу-оңгы 'охотничий скрадок, засидка', ср. тув. оңгу 'окоп'), дузакта= 'ловить силками, петлями (напр. птиц, зайцев, кабарожек)', эьтискіле= 'подманивать кабаргу пикулькой', тоф. мургула=, сойот. мургыла= 'подманивать осенью гонного изюбря дудкой-манком, подражая реву самца-изюбря, как бы вызывая на поединок', айалап аңна= 'охотиться при помощи самострела', тоф. баьсытқылап аңна=, сойот. соькпалап аңна= 'охотиться ловушками', тоф. капкаанна=, сойот. қаькпала= 'ставить капканы', бөөдэй 'специальный конусообразный шалашик, который устанавливается зимой над капканом на соболя, внутри шалашика подвешена приманка', аг 'облава, загон' (ср. тув. сегит. сегир-тилге id., др.-тюрк. ау-ав 'сило, ловушка', аб 'охота на зверей'), агла= 'устраивать облаву, загон' (тув. агла=, др.-тюрк. аб абла= id.), агыр= 'загонять зверя во время облавы'. Об эвфемизмах, употребляемых во время охоты на медведя, лежащего в берлоге, сказано выше. Здесь лишь следует упомянуть некоторые термины: тоф. чуқиу=, сойот. чуқишы= 'будить спящего в берлоге медведя, шуруя специальной жердью', тоф. туршууш 'жердь, которой будят медведя в берлоге', тоф. сырмыт 'связка тонких бревен, которой закупоривают вход в берлогу медведя, концы бревен этой связки расходятся веером и привязываются к деревьям'.

В Саянской горной тайге, как уже говорилось, мало водоемов, подходящих для масштабного рыболовства как основной отрасли хозяйственной деятельности. Рыболовство, как и собирательство, всегда играло в жизни кочевых оленеводов-охотников вспомогательную, подсобную роль. Основное значение в деле жизнеобеспечения, конечно, имела охота, о чем свидетельствует и достаточно детально разработанная охотничья лексика. Но в то же время, видимо, и рыболовство имело какое-то важное значение, особенно когда в тайге неурожайные годы и звери уходят в другие места. Тогда охотники вспоминают о рыбе, которая не в состоянии мигрировать, особенно если водоем закрытый. При таких обстоятельствах начинается активный лов рыбы различными способами. Рыболовство – занятие у тюрков-олленеводов в Саянах, по всей вероятности, достаточно древнее, о чем тоже говорит достаточно детально разработанная терминология по рыболовству. Нам удалось выявить в исследуемых языках заметное количество этих терминов.

В первую очередь здесь следует упомянуть ряд терминов общего характера. Прежде всего это термины балык 'рыба', балықишы 'рыбак' и балықта= 'рыбачить, ловить рыбу', повсеместно представленные во всех саянских тюркских языках. При этом все данные термины имеют древнее тюркское происхождение. Приведем для сравнения их древнетюркские соответствия: др.-тюрк. balaq~baliq 'рыба' (пратюрк. *ba:lyk id.), baliqçī 'рыбак'. В исследуемых языках нами выявлены следующие названия рыб, объектов рыболовства таежных саянских тюрков: тоф. қадырғы, сойот., уйг.-цаат. қадырғы, уйг.-урянх. қадырға~қадырха, хадірә 'хариус' (ср. тув. кадырғы, монг. хадар 'хариус', хадран 'ёрш'), тоф. ақ-қадырғы 'молодь хариуса' (досл. 'белый хариус'), уйг.-урянх. балюусын 'мелкий хариус' (< ср.-монг. baliusun, ср. монг. балиус, окин.-бур. балюуһан id.), тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянх. ақ-балык 'сиг, белорыбца' (ср. тув. ак-балык 'елец; сиг'), тоф. миит, сойот., уйг.-цаат. мыйыт, уйг.-урянх. мээт~мәәт 'ленок' (ср. тув. мыйыт, пратюрк. *bunūt id.), тоф., сойот., уйг.-цаат. қызыл-балық 'ленок' (эвфемизм, досл. 'красная рыба', ср. тув. қызыл-балык 'севрюга'), уйг.-урянх. дзэвэгэ 'мелкий ленок' (< монг. дзэвэг, дзэвээ 'ленок'), тоф., сойот., уйг.-цаат. бел 'таймень' (общее название; ср. тув. бел 'таймень', пратюрк. *bel 'лосось'), тоф. улуг-балық, сойот., уйг.-цаат. улығ-балық 'таймень' (эвфемизм, досл. 'большая рыба'), уйг.-урянх. улығ-балық 'крупный таймень', тоф. чарты-балық 'крупный таймень' (досл. 'полено-рыба'), тоф. үкесэ 'трехгодовалый таймень', уйг.-урянх. тулбыга 'мелкий таймень' (в составе этого слова возможно монг. тул 'таймень'), тоф. шуруш, сойот., уйг.-цаат. шурыш 'щука' (ср. тув. шортан, тув.-тодж. шуруш id.), уйг.-урянх. шурхай 'щука' (< ср.-монг. šurqai, ср. монг. цурхай, бур. сурхай id.), тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянх. беьсіл 'налим' (ср. тув. мезил id.), сойот., уйг.-цаат. алааһа 'окунь' (возможно, здесь корень ала 'полосатый, пегий'; ср. тув. ала-буга 'окунь' – досл. 'полосатый бык'), сойот., уйг.-цаат. сал-балыраң 'сом' (досл. 'усатая рыбешка'), тоф. балыраң, сойот.,

уйг.-цаат. *барылаң-барлаң* 'мальки рыб' (ср. тув. *байлаң* id.), уйг.-урянх. *қырлааһай-қарааһай* 'мальки рыб' (< монг. *джараахай*, ср. бур. *жараахай*, стп.-м. *jirᡔaqai* id.).

Вызывает интерес наличие в исследуемых языках специальных слов, называющих различные части тела и внутренние органы рыб, например: тоф. *балыраа*, сойот., уйг.-цаат. *таңмақ* 'жабры' (ср. тув. *таңак* id.), тоф., сойот., уйг.-цаат. *қазырық* 'рыбья чешуя' (ср. тув. *казырык* id.), тоф. *һанат* 'плавники у рыб' (досл. 'крылья', ср. тув. *чакпа* id.), уйг.-урянх. *сэрвээ* 'плавники у рыб' (< монг. *сэрвээ* id.), сойот., уйг.-цаат. *шүгдә* 'спинной плавник у рыбы', *қаһлыныңық* 'брюшной плавник у рыбы', тоф. *һей* (< монг. *хий* 'воздух, газ'), сойот., уйг.-цаат. *һавыдаа* 'плавательный пузырь у рыбы', тоф. *үңгүрһен*, сойот., уйг.-цаат. *үңгүрһән-үүрһән* 'рыбья икра' (ср. тув. *үүргене* id.), уйг.-урянх. *үүргинэ, түрсэ* 'рыбья икра' (ср. монг. *түрс* id.).

На примере тофаларского языка можно видеть, что и в области рыболовства образованы глаголы, называющие лов рыбы конкретного вида, например: тоф. *қадыргыла* = 'ловить хариусов', *миитта* = 'ловить ленков', *белле* = 'ловить тайменей', *беһсилле* = 'ловить налимов'. Есть глаголы, называющие поведение рыб, например: тоф. *ойна* = 'нереститься', *үңгүрһеннэ* = 'метать икру', *қаһп* = 'клевать', *меңнэ* = 'кормиться'.

Рыбу таежные охотники ловили и продолжают ловить рыбу разными способами при помощи разнообразных снастей. Выявлены названия следующих снастей и приспособлений: тоф., сойот., уйг.-цаат. *дуг* 'плотина, запруда, устанавливаемая поперек реки' (< др.-тюрк. *туу* 'преграда, завал; запруда' < *ту* = 'запруживать, закрывать', ср. тув. *дугла* = 'перегораживать'), тоф. *сүген*, сойот., уйг.-цаат. *сүгән* 'рыболовная верша, морда, сплетенная из ивовых прутьев и устанавливаемая обычно в специальном отверстии плотины' (ср. тув. *бара*, тув.-тодж. *сүген* id., др.-тюрк. *sūkān* 'корзина, находящаяся на одной стороне вьюка осла'), тоф., сойот., уйг.-цаат. *һалюур* 'специальное корыто из жердей, устанавливаемое в плотине для лова рыбы', общесаянск. *четки* 'рыболовная сеть', общесаянск. *серээ* 'острога' (< монг. *сэрээ* id.), тоф. *һөтпө*, сойот. *һөтпә*, уйг.-цаат. *хөтпә-һөтпә*, уйг.-урянх. *илбек* 'рыболовный крючок; удочка', тоф. *тискен һөтпө* 'перемет', тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянх. *тығыртқы* 'рыболовная снасть в виде трехзубого багорчика, на длинном древке, при помощи которого рыбу выдергивают из середины переката, когда она идет на нерест' (< *тығырт* = 'тянуть, тащить', ср. тув. *тыртпа* 'рыболовный крюк; багор', др.-тюрк. *tart* = 'тянуть, тащить').

В саянских тюркских языках таежного ареала выработан целый ряд глаголов, называющих способы ловли рыбы. Нами выявлены следующие: тоф. *һөтпеле* =, сойот., уйг.-цаат. *һөтпәлә* = 'удить рыбу', тоф. *четкиле* =, сойот., уйг.-цаат. *четкилә* = 'ловить рыбу сетью', тоф. *өһксе* = 'неводить, вести невод или бредень', тоф., сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянх. *тығыртқыла* = 'ловить на перекате идущую на нерест рыбу, выдергивая ее специальным багорчиком', тоф. *чырыққыла* = 'лучить рыбу в ночное время' (от *чырыққы* 'факел', ср. тув. *чырытқыла* = 'освещать', др.-тюрк. *jarut* = - побуд. от *jaru* = 'светиться, сиять'), тоф. *серээ бле шеньчар*, сойот., уйг.-цаат., уйг.-урянх. *серээ блә шаньчар* 'колоть острогой' (ср. тув. *серээ-биле шанчар* id., др.-тюрк. *sañč* = 'колоть, втыкать, вонзать').

Проведенный выше сравнительный анализ комплекса охотничье-рыболовческой лексики в саянских тюркских языках таежного ареала показал заметную самобытность этих языков в рамках исследованного лексического пласта. Подавляющее большинство слов восходит к древнетюркскому языку и имеет зачастую иное значение, нежели в тувинском языке. Это говорит о самостоятельном развитии исследованных языков и независимом сложении данного лексического пласта, о самостоятельном заимствовании ряда слов из средневекового и современного монгольского языков.

Литература

- Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
Болд Л. Особенности уйгуро-урянхайского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Батор, 1978.
Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. М.: «Academia», 2001.
Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961.

- Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972.
- Вайнштейн С.И. Тофалары // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 335-337.
- Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Дугаров Б.С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983.
- Жуковская Н.Л., Орешкина М. В., Рассадин В. И. Сойотский язык // Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2002. С. 164-170.
- Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. I. Запреты на охоте и иных промыслах. Л., 1928.
- Кормушин И.В. Тобаская группа // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М., 2002. С. 600-660.
- Мельникова Л.В. Тофы: Историко-этнографический очерк. Иркутск, 1994.
- Монгольско-русский словарь. Под общей редакцией А. Лувсандэндэва. М., 1957.
- Павлинская Л.Р. Кочевники голубых гор (Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью). СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2002.
- Петри Б.Э. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (Предварительные данные). Иркутск, 1927а.
- Петри Б.Э. Охотничьи угоды и расселение карагас. Иркутск, 1927б.
- Петри Б.Э. Промыслы карагас. Иркутск, 1928.
- Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.
- Рассадин В.И. О тофаларской лексике // Исследования по языку и фольклору. Новосибирск, 1965. Вып. 1.
- Рассадин В.И. Лексика современного тофаларского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1966.
- Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
- Рассадин В.И. О культе медведя у тофаларов // Изв. Сиб. отд. АН СССР. Серия общественных наук. Новосибирск, 1973. Вып. 3. № 11. С. 122-125.
- Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. Новосибирск: Наука, 1978.
- Рассадин В.И. Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1982.
- Рассадин В.И. Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь. Иркутск, 1995.
- Рассадин В. И. Становление говора нижеудинских бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра, 1999.
- Рассадин В.И. Тофаларский язык // Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2002. С. 182-190.
- Рассадин В.И. Сойотско-бурятско-русский словарь. Улан-Удэ, 2003.
- Рассадин В. И. Сойотско-русский словарь. СПб., 2006.
- Рассадин И.В. Традиционная хозяйственная деятельность у тофаларов // Культурное наследие народов Сибири и Севера. СПб., 2000. С. 122-127.
- Рассадин И.В. Хозяйство, быт и культура тофаларов. Улан-Удэ, 2005.
- Санжеев Г.Д. Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927г. Л., 1930.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001.
- Тувинско-русский словарь. Под ред. Э.Р. Тенишева. М., 1968.
- Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. М., 1973.
- Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Том I. А-Н. Улан-Удэ, 2006.
- Бадамхатан С. Хөвсгөлийн цаатан ардын аж байдлын тойм. Улаанбаатар, 1962.
- Дулам С. Уйгар-цаатан ардын бөө мөргөл, угсааны зүйн талаарх ажиглалт // Эрдэм шинжилгээний бичиг. Улаанбаатар, 1995. № 5 (113).
- Lessing F. Mongolian-English Dictionary. Berkeley and Los Angeles, 1960.

Сокращения языков

бур.	- бурятский язык
вост.-бур.	- восточнобурятские говоры

др.-тюрк.	- древнетюркский язык
зап.-бур.	- западнобурятские говоры
монг.	- современный монгольский язык
общемонг.	- общемонгольский язык
общесаянск.	- все языки саянской подгруппы, включая тувинский с его говорами
окин.-бур.	- окинский говор бурятского языка
пратюрк.	- пратюркский язык
сойот.	- сойотский язык
ср.-монг.	- средневековый монгольский язык
стп.-м.	- старомонгольский письменный язык
тоф.	- тофаларский язык
тув.	- тувинский язык
тув.-тодж.	- язык тувинцев-тоджинцев
уйг.-урянх.	- уйгуро-урянхайский язык
уйг.-цаат.	- язык уйгуров-цаатанов
эвенк.	- эвенкийский язык
як.	- якутский язык.

(Природное окружение и материальная культура. – М., 2008. – С. 155-195).

ОХОТНИЧЬЕ-РЫБОЛОВЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ

Шорцы относятся к одному из тюркоязычных народов Саяно-Алтайского региона. Они являются жителями таежных пространств отрогов Кузнецкого Алатау, долин среднего течения р. Томь и её притоков Кондомы и Мрассу. Из этнографической литературы (1) мы знаем, что охота и рыболовство искони были у них одним из главных занятий наряду с кузнечеством и собирательством. Язык шорцев мало изучен. Наименее же изученной областью до сих пор остается лексика шорского языка. Отсутствие шорско-русского словаря усугубляет сложившееся положение. Поэтому при изучении различных аспектов шорской лексики весь необходимый фактический материал исследователю приходится выбирать из различной опубликованной литературы по шорскому языку (2), но главным же образом из работ Н.П. Дыренковой, словаря В.В. Радлова и Вербицкого, что намного затрудняет работу. Наш материал по шорскому языку тоже почерпнут из этих источников.

В данной статье нам хотелось бы поделиться некоторыми результатами проводившегося нами сравнительно-сопоставительного исследования тюркских языков саяно-алтайского региона (3), затронув здесь лишь лексику, а в ней один из древнейших её пластов – термины, связанные с охотой и рыболовством, исконными занятиями жителей таежной зоны. При этом охоту и рыболовство шорцев в данном случае мы берем не в их современном виде, а как традиционную, исторически сложившуюся в соответствии с местными условиями отрасль.

Как известно, для охотника, как и для рыболова, главными сторонами данного занятия были в основном две: объект охоты, дававший охотнику мясо и шкуры, а в случае с пушным зверем еще и ценный мех; и орудия, приспособления, способы охоты, дававшие охотнику возможность как можно быстрее, надежнее добыть этот объект. Поэтому здесь мы пока рассмотрим основные термины, связанные с объектом охоты и рыболовства, и термины, называющие основные орудия труда охотника и рыболова. При сравнении в первую очередь привлекались данные из других тюркских языков Саяно-Алтая: хакасского, алтайского, тувинского, тофаларского.

Охотничья лексика

Рассмотрим сначала некоторые общие термины, относящиеся к охоте. Сама охота, промысел называется словом *ачык*, которое имеет еще также значения «место охоты», «простор», а также «дикий». От этого слова образованы термины *ачыкчы* «охотник», «промысловик» и *ачыкта* = «охотиться», «промышлять». Охота, промысел называются кроме того термином *аңнаш*, производным от глагола *аңна* = «охотиться», «промышлять», «ловить рыбу». Глагол этот образован от слова *аң* «зверь», которое лежит также в основе *аңчы* «охотник», «промысловик», «зверолов».

Есть и обобщенные термины *аң-куш* «дичь», «добыча», составленной из *аң* «зверь» и *куш* «птица», а также *түк-небе* «пушнина», в основе которого лежат слова *түк* «шерсть» и *небе* «вещь», «нечто». В шорском языке распространены также глаголы, указывающие, на какого зверя или птицу конкретно производится охота. Например: *тииңне* = «белковать» (< *тииң* «белка»), *көрүкте* = «охотиться на бурундуков» (< *көрүк* «бурундук»), *кушта* = «охотиться на птиц» (< *куш* «птица»).

Термин *аң* и его производные *аңчы* и *аңна* = (кондомское *аңда*-) являются общими для всех тюркских языков Саяно-Алтая. Ср. например, алт., хак., тув., тоф. *аң* «зверь»; алт. *аңда* =, хак., тув., тоф. *аңна* = «охотиться»; алт., тув. *аңчы*, хак. *аңчы*, тоф. *аңшы* «охотник». В то же время *аң* и его производные широко представлены и в других тюркских языках (4). Термины же *ачык* «охота», «промысел», *ачыкчы* «охотник», *ачыкта* = «охотиться» уникальны и бытуют в этих значениях только в шорском языке, составляя его специфику, хотя само по себе слово *ачык* представляет общетюркское производное от глагола *ач* = «открывать» и имеет основное значение «открытый» (ср. шор. *ажык* «открытый», *аш* = «открывать») (5). В некоторых тюркских языках у *ачык* развились дополнительные значения, близкие к шор. *ачык* «простор». Ср. хак. *ачых чир*, алт. *ачык јер* «открытое место», тув. *ажык*, тоф. *аһик* «поляна в лесу». Глаголы, указывающие на конкретный объект охоты распространены и в остальных тюркских языках Саяно-Алтая, ср. например, алт. *тийинде* =, хак. *тиинне* =, тув., тоф. *диңне* = «белковать», «охотиться на белку»; хак. *хуста* =, тув. *кушта* = «охотиться на птицу», тоф. *куышта* = «охотиться на глухаря». Далее, термин, аналогичный шорскому *аң-куш* зафиксирован также в хакасском языке, ср. хак. *аң-хус* «дичь». Общетюркскими являются в то же время шорские слова *ат* = «стрелять» (6), *көсте* = «целиться» (ср. хак. *көсте* =, алт. *көстө* = «целиться», кирг. *көздө* = «стремиться куда-либо», «иметь целью» и т.д. (*көс*, *көз* «глаз»)).

Судя по имеющимся в шорском языке названиям диких животных, объектом охоты шорцев традиционно являлись следующие животные. Из диких копытных животных: лось – *пулан*, *пылан*, *план*; олень – *ак-кийик*, *ак-киик*; косуля – *кийик*, *киик*, *кызыл-киик*; кабарга – *табыргы*. При этом косуля имеет отдельные термины для самца и самки: *күлбүс* «самец косули», *элик* «самка косули». Остальные образуют составные термины с использованием слов *тижи* «самка», *эргек* «самец», *пала* «детеныш». Для называния детеныша используется термин *аңчак* (уменьшительная форма от *аң* «зверь»).

Все приведенные названия копытных в основном представлены в соседних тюркских языках Саяно-Алтая. Ср. алт. *булан*, хак. *пулан* «лось», «сохатый», тув. *булан* «лось», «сохатый», «самка лось»; алт. *кийик* «дикий зверь», хак. *киик* «косуля», «дикая коза»; алт. *ак-киик*, хак. *ахкиик* «олень»; алт. *күлмүс* (женское слово), хак. *күлбүс*, тув. *хүлбүс*, тоф. *һүлбүс* «самец косули»; алт., тув., тоф. *элик*, хак. *илик*, *элік* «самка косули»; алт. *табыргы*, *тооргы*, хак. *табырга* (сагайск.), тув. *тооргу* «кабарга». В то же время эти термины достаточно древни в тюркских языках, поскольку были зафиксированы еще в памятниках древнетюркского письма. Ср., например, др.-тюрк. *bulan* «лось», *kejik*, *kebik* «олень, лань»; «зверь вообще», *külmüz* «самец косули», *elik* «самка косули». Относительно шор. *табыргы* «кабарга» можно предположить, что оно образовано от исконно тюркской корневой основы *тап* = «находить».

В других тюркских языках Саяно-Алтая названия диких копытных представлены богаче и разнообразнее. Ср. алт. *сыгын*, хак., тув., тоф. *сыын*, др.-тюрк. *sıyın* «марал-самец»; алт., тув., тоф. *мыйгак*, хак. *муйгах*, др.-тюрк. *tiğuaq* «самка марала». Ср. также алт. *керекиин* «самка косули», *кураң* «самец косули», *телкин* «косуля-самка», *сарадак* «однолетний марал», *балаут* «трехлетний марал», *теке* «каменный козел», *жуңма*, *јумга* «самка каменного козла» и т.п., *пуга* «самец марала», *сырах* «дикий козел, двухлетка», *хыбых* «косуля по второму году»; тув. *буур* «лось», «сохатый», *тош* «годовалый», *сарадак* «годовалый марал», *чуңма* «козерог».

Из крупных хищников шорцам были известны следующие: медведь – *азыг* (мрасск.), *айыг* (кондомск.), волк – *пөрү*, лиса – *түлгү*, россомаха – *куну*, *кунучак* (мрасск.), *чекен* (кондомск.), рысь – *үс*. При этом лишь медведь имеет ряд эвфемистических описательных названий, это: *аба* (букв. «отец»), *атишак* (букв. «старик»), медведица – *тижи атишак*, медвежонок – *атишагаш* (кондомск., букв. «старичок»), *атишийак* (мрасск.).

Термин *азыг/айыг*, *пөрү*, *түлгү* являются общетюркскими. Ср. др.-тюрк. *adıy*, *adıy*, *abıy*, *ajıy*, хак. *азыг*, тув. *адыг*, алт. *аю*, кирг. *аюу*, каз. *аю*, уйг. *ейиқ* «медведь». О распространенности этого слова см. у Э.В. Севортяна (7). Ср. также др.-тюрк. *böri*, алт. *бөрү*, хак. *пүр*, тув., тоф. *бөрү*, як. *бөрө*, кирг. *бөрү*, уйг. *бөрэ* «волк»; др.-тюрк. *tilki*, алт. *түлкү*, хак. *түлгү*, тув., тоф. *дилги*, кирг. *түлкү*, каз. *түлкі*, уйг. *түлкэ* «лиса». Название же для рыси *үс* представлено только в тюркских

языках Сибири, что несколько шире Саяно-Алтайского региона, ср. алт., хак., чул.-тюрк. *үс*, тув., тоф. *үс*, як. *үүс* «рысь». Этимология этого слова неясна. Термин *куну* «росомаха» в пределах рассматриваемого региона имеет параллель в хак. *хуну* «росомаха», а за его пределами в каз. *қуны*, кирг. *қуну* «росомаха». Это слово можно возвести к древнетюркскому глаголу *qyt* = «грабить, похищать», поскольку определение как граблящая, похищающая точно характеризует её воровские повадки, т.к. она единственный зверь, который опустошает капканы, ловушки и лабазы охотников. Подробнее об этой этимологии см. у А. Йоки (8). Это же объяснение находим и у Рясенена (9).

Лексема *чекен* «росомаха» соответствует алт. *jeeken*, як. *сиэгэн id*, которые являются вероятнее всего заимствованиями из монгольских языков, ср. стп.-м. *jedeken*, х.-монг. *зээх*, калм. *зээн*, бур. *зээгэн* «росомаха». В тувинском и тофаларском языках этого зверя называют *чекне*, *чепке*. А.М. Щербак восстанавливает тюркскую праформу наименования росомахи в виде **d'эгэн* (**d'эгбээн*) (10). По нашему мнению, лишь вариант праформы **d'эгбэн* мог дать тув., тоф. *чекне*, *чепке*. Шорская, алтайская и якутская словоформы – монголизмы. Другое дело, что в монгольском варианте термина, более древнем его варианте *jegeken*, можно видеть развитие варианта праформы **d'...эгэн*. К.А. Новикова же возводит этот термин к общеалтайскому глаголу **zīgbe* «есть», «кушать» и восстанавливает первоначальную форму **zīgbeken* «со значением

Наличие особых эвфемистических названий для медведя вместо табуированных *азыг/айыг* характерно и для других тюркских языков Саяно-Алтая, ср. например, алт. *абагай* «медведь» (букв. «старший брат»), *апиыяк* «медведь» (букв. «старик»); хак. *аба* «медведь» (букв. «отец»); тув. *ирей* «медведь» (букв. «дедушка»), *даг-иргек* «крупный медведь-самец» (букв. «гора-самец»); тоф. *иресан* «медведь» (букв. «зверь-прадед его»), *апиык-аң* «медведь» (букв. «мужик-зверь»), *кузуктаар-аң* «медведь» (букв. «зверь, добывающий кедровые орехи») и т.п. Связано это с особым, видимо, культовым почитанием медведя. Наибольшее развитие явление табу названий промысловых животных получило в пределах рассматриваемого региона у тофаларов, о чем мы уже писали (12). Эвфемизмы полностью вытеснили в тофаларском языке названия ряда общетюркских названий зверей, в результате чего он утратил такие слова, как *адыг* «медведь», *киш* «соболь», *булан* «лось», сохраняющиеся еще в соседнем тувинском языке. О наличии подобных эвфемизмов в других тюркских языках см. у А.М. Щербака (13).

Из других, более мелких промысловых животных шорцам известны: соболь – *алды*, *албага/албыга/албуга*, хорёк – *шаргылак*, выдра – *кундус* (мрасск.), *камна* (кондомск.), барсук – *порсук/морсук*, заяц – *козан* (мрасск.), *койон* (кондомск.), колонок – *колнак*, *сарас*, *сарыгас*, горноста́й – *ас*, *аас*, *агас*, *кара куйрук*, белка – *тийиң*, *тииң*, *сакыл*, бурундук – *көрүк*, белка-летяга – *набырган*, *кам-гуш/кам-куш*. Интересно, что только у соболя представлено отдельное название для самки – *эши аң*.

Все эти термины имеют следующие параллели в соседних тюркских языках Саяно-Алтая: алт. *албуга*, хак. *албыга* «соболь», тув., тоф. *алды* «соболь»; алт. *эши*, *эш*, тоф., тув. (диал.) *эши* «самка медведя»; алт. *агас*, тув., тоф. *ас* «горноста́й», хак. *ас* «ласка»; хак. *хара хузурух* «горноста́й»; алт. *чарлак*, хак. *сарлак* «хорек», хак. (сагайск.) *саргалах* «сурок»; алт. *камду*, хак. (кызыльск.) *хамно*, хак. *хамнос*, тув. *кундус*, тоф. *хундус* «выдра»; алт., тоф. *борсук*, тув. *морзук*, хак. *порсых/морсых* «барсук»; алт. *койон*, хак. *хозан*, тув. *кодан*, тоф. *ходан* «заяц»; алт. *сарас* «колонок»; алт. *тийиң*, хак. *тииң*, тув., тоф. *дииң* «белка»; алт. *көрүк*, хак. *көрік*, тув. *хөөрүл*, тоф. *һөөрук* «бурундук»; алт. *набырган*, хак. *набырган*, тув. *авырган*, тоф. *апырган* «белка-летяга».

При этом за пределами данного ареала распространены лишь термины *ас* «горноста́й», *борсук* «барсук», *кундус* «выдра», *койон* «заяц», *тииң* «белка», о которых подробнее см. у А.М. Щербака (14). Остальные составляют специфику региона.

В шорском языке представлены также следующие названия промысловых птиц. Боровая дичь: глухарь – *селей* (*кара селей* «глухарь-самец», *негем* «глухарь-самка»), тетерев – *күртүк/күртүг*, рябчик – *сыңма/сынма/сымна*, куропатка – *чалаң сыңмазы* (букв. «степной рябчик»).

Параллели к этим терминам встречаются в основном лишь в пределах Саяно-Алтая, ср. например: алт. *күртүк*, хак. *күркү*, *күрткү*, тув. *курту*, тоф. *һү́ртү* «тетерев», алт. *сымда*, хак. *сым*, *сымна* «рябчик», хак. *силей* «самка глухаря». Следует отметить, что ареал для названия тетерева расширяется за счет як. *куртуйах* и чул.-тюрк. *күртү* «тетерев», «косач», а для названия рябчика за счет чул.-тюрк. *сымны* «рябчик». Вне этих пределов данные термины не встречались. Уникален для шорского языка термин *негем* «глухарь-самка», этимология которого неясна.

Водоплавающая дичь: утка – *өртек* (мрасск.), *уртек* (кондомск.), гусь – *кас*, лебедь – *куу*, бекас – *торлаган*, кулик – *тилбис*.

При этом термин *өртек*, *кас*, *куу* известны не только в пределах региона, но распространены во всех тюркских языках. Ср., напр., алт., тув., тоф. *кас*, хак. *хас*, др.-тюрк. *qaz*, кирг., каз., уйг. *қаз* «гусь»; алт. *өртөк*, хак. *өртек*, тув. *өдүрек*, тоф. *өдрек*, др.-тюрк. *ödräk*, кирг. *өрдэк*, каз. *уйрек*, уйг. *өрдэк* «утка», алт., тоф., тув., кирг. *куу*, хак. *хуу*, др.-тюрк. *quyu*, уйг. *қуу*, каз. *акқу* «лебедь». Остальные термины имеют параллели: алт. *торло* «рябчик», «куропатка», хак. (сагайск.) *торлагын*, хак. *торлаңа*, тув. *торлаа* «куропатка»; хак. (сагайск.) *тилбізек* «кулик».

Кроме этих основных терминов в шорском языке имеются названия видов уток *шоңма* «утка-гоголь», *сус* «крохаль», *агаскыр*, *сузак-аскыр* «селезень-крохаль», *сиргейек* – «селезень какой-то утки». В алтайском языке отсутствуют параллели к этим названиям, равно как и в тувинском за исключением слова *сиргей* «чирок-трескунок», которое есть ещё и в тофаларском языке (ср. тоф. *сиърһей* id.). Зато все они находят полную аналогию в хакасском языке. Ср. хак. *сомгы*, *соңма* «гоголь», *сус* *өртек* «крохаль», *сиргей* *өртек* – *сиргейек* «чирок», *ах ахсыр* «крохаль». При этом термины шор. *шоңма*, хак. *соңмал/сомгы* образованы от глаголов *шом* =, хак. *сом* = «нырять» (ср. др.-тюрк. *šom* = «окуняться», «нырять» > *šotun* «чомга»). Шор. *агаскыр*, хак. *ахахсыр* означают букв. «белый самец» и являются описательными. Остальные бытуют в пределах региона и их происхождение пока не ясно.

Шорский языковой материал показывает, что шорские охотники использовали для добычи зверей и птиц следующие приспособления: *шапкы* «капкан» (< *шап* = «ударять/хлестать»), *капкы* «капкан» (< *кап* = «схватывать»), *капкыш* «ловушка» (< *кап* = «схватывать»), *паспак* «ловушка-пасть» (< *пас* = «придавливать»), *аг* «сеть для ловли птиц», *аңнык* «сеть для ловли соболей» (< *аң* «зверь»), *кыл* «силок, петля» (< *кыл* «конский волос»), *шергей* «ловушка на мелких зверей», «черкан» (< ?), *пара*, *сайып* «сеть в виде рукава для ловли выдры (<?)». Из других предметов охотничьего снаряжения можно отметить следующие: *айа* «самострел», *ча*, *чачак* «лук», *соган* (< *сок* = «ударять»), *окча* «стрела», *садак* «колчан», *мултук* (мрасск.), *мылтык* (кондомск.) «ружье», *ок* «пуля», *тар*, *таар* «порох», *калып* «пулелейка», *пыргы*, *пыргычак* «дудка-манок на марала», *керги*, *кергиш* «пьялы для правки и сушки шкурок» (< *кер* = «растягивать», «распяливать»).

Шорские названия охотничьих приспособлений имеют следом параллели в тюркских языках Саяно-Алтая: алт. *абыргы*, тув. *авырга*, хак. *пыргы*, тоф. *мургу* «дудка для приманивания маралов»; алт., хак., тув. *ая*, тоф. *айа* «самострел», алт. *согон*, хак. *соган*, тув., тоф. *согун* «стрела», алт. *кыл* «силок», алт. *уу* «сеть», хак. *агных* «сеть для ловли соболя», хак. *пара*, тув. *бара* «сеть в виде рукава», алт. *баспак*, хак. *паспах*, тув. *маспак* «ловушка», «пасть», алт. *чергей*, хак. (сагайск.) *сергей*, тув. *чергий* «ловушка на мелких зверьков», «черкан». Все эти термины бытуют в пределах региона. Лишь як. *айа* «самострел», оногос «стрела» и чул.-тюрк. *согун* «стрела» тяготеют к нему. Почти все термины образованы от собственных знаменательных слов. Необъяснимы слова *ая* «самострел», *бара* «сеть в виде рукава». Термин *аг* «сеть» носит общетюркский характер (15). Шор. *сайып* «сеть-рукав для ловли выдры» специфичен для шорского языка. Название *шергей/чергей* «черкан» можно считать производным от глагола *шерт* = *черт* = «дать щелчок», который достаточно распространен в тюркских языках, ср. например: др.-тюрк. *šert* = «упускать», «дать выскользнуть из рук»; «выщерблять», «отламывать», кирг., алт. *черт* =, каз. *шерт* = «дать щелчок», т.е. первоначальная основа его восстанавливается в виде **черткей*.

Названия *ча* «лук», *ок* «стрела»; «пуля» являются общетюркскими, ср. др.-тюрк. *ja*, алт. *jaa*, тув., тоф. *ча*, хак. *чаацах*, кирг. *жаа*, туркм. *яа*, тур. *уау*, башк. *йәйә* «лук»; др.-тюрк. *oq* «стрела», тув., тоф. *оък* «пуля», алт., туркм., кирг. *ок*, хак. *ух*, як. *ох*, каз. *ок*, башк. *ук* «пуля; стрела». Тюркские параллели к шор. *пыргы* «дудка-манок» представлены за пределами региона во многих тюркских языках, как древних, так и современных, о чем убедительно свидетельствует В.М. Надеяев (16), ср., например, др.-тюрк. *borı* (~ *borıu*) «труба», «горн», узб. *бургу* «труба», «рог», тат. *быргы* «труба», «горн», «рожок», «дудка» и т.п. О распространении этого термина в тюркских языках и его этимологии см. у Э.В. Севортыана (17) и А. Йоки (18). Название ружья *мылтык/мултук* тоже распространено не только в указанном регионе (ср. алт. *мылтык*, хак. *мылтых*, тув. *мылдык*), но и за его пределами, например: кирг., каз., тат. *мылтык* «ружье». Образовано это слово, видимо, от тюркского *билтал/милта* «фитиль», происходящего от иранского *fitilā* «фитиль» (ср. кирг. *милтекеч* «фитильное ружье»), как об этом пишут А. Йоки (19) и М. Рясанен (20). У этих же авторов находим обоснование иранского происхождения слова *таар* «порох», широко бытующего в тюркских языках. Распространено в тюркских языках региона и название для кол-

чана, ср.: алт., тув. *саадак*, хак. *саадах*. Причем слово это не только общетюркское, но и обще-монгольское. Рясянен считает его заимствованием из монгольского (21), ср. монг. *саадаг*, бур. *һаадаг* «колчан». Фактически общетюркским стало название пулелейки, ср., например: алт. *ка-лын*, хак. *халын*, тоф. *һалип*, каз., кирг., тат. *калып* «литейная форма». Через тюркские языки это арабское по происхождению слово (ср. арабск. *qalib*, *qālif* «форма», «модель», «матрица») попало и в бурятский язык, ср. бур. *халип* «форма для отливки пуля», о чем мы уже писали (22).

Рыболовческая лексика

Прежде всего отметим, что название *палык* «рыба» в шорском языке является общетюркским, ср. др.-тюрк. *balıq*, алт., тув., тоф., як., туркм., кирг., тат. *балык*, хак. *палых* «рыба» (23). Судя по имеющимся материалам, шорцам были известны следующие рыбы как объект рыболовного промысла: *алабуга* «окунь» (букв. «полосатый бык»), *тог* «окунь», *шортан* «щука», *чазы-палык* (букв. «степь-рыба»), *такнай-балык* (букв. «щепка-рыба»), *карась*, *кара-балык* (букв. «черная рыба»), *линь*, *корту* (мрасск.), *корты* (кондомск.) «налим», *камнык* «елец», *кускуш* «рыба кускуч», *саргалак* «урюп», «рыба из породы угрей», *пел* «таймень», *чылба* «молодой таймень», *коора* (мрасск.), *кооры* (кондомск.) «хариус», *чараган*, *чаран*, *шаран* (кондомск.) «хариус».

Из всех этих названий рыб лишь два: *алабуга* и *шортан* являются фактически общетюркскими, т.к. представлены почти в большинстве тюркских языков. Ср., например: алт., кирг. *алабуга*, тув. *ала-буга*, хак. *алануга*, каз. *алабуга*, к.-калп., башк. *ала-буга* «окунь». В команском языке тоже зафиксировано слово *alaboŋa* «крупное морское животное» (24). Ср. также алт., кирг. *чортон*, тув., каз., к.-калп. *шортан*, хак. *сортан*, як. *сордон*, башк. *суртан*, тат. *чуртан* «щука». При этом *алабуга* считается описательным названием, сложенным из тюркских слов *ала* «пегий» + *буга* «бык», а *шортан* сопоставляется с монг. *цурхай* «щука» и тунгусо-маньчжурским *чирукай* «щука».

Другие названия имеют следующие параллели: алт., тув., тоф. *бел*, хак. *тил*, як. *бил* «таймень»; алт. *корту*, хак. *хорты* «налим»; алт. *кара балык*, хак. *хара палых* «линь»; хак. *сазлах* «сусак» (рыба из породы угрей); алт. *чараган*, *чараан* «хариус»; хак. *күскүс*, *чылба* «ленок»; хак. *хоора* «хариус», хак. *хамдых*, *хамнах* «сорога». Как можно видеть из сравнительного материала, общесибирским является лишь название тайменя. Другие же узколокальны. Причем часть рыб имеет названия, общие лишь для шорского и алтайского языков, часть же – для шорского и хакаского.

В шорском языке известны следующие названия рыболовных снастей: *карбак* «рыболовный крючок», «удочка» (< *карба* = «зацеплять», «ловить»), *илгеш*, *илеш*, *леш* (кондомск.), *үлгеш* (мрасск.) «удочка» (< *ил* = «цеплять», «зацеплять», «прикалывать»), *мерше* «верша», «морда» (русс. *верша*), *пара* «рыболовный рукав», «сеть в виде рукава»; «мотня у невода», *сүген* «верша», «морда», *агысна* «сплавная рыболовная сеть» (< *агыс* = «сплавлять», «пускать по течению» < *ак* = «течь»; «плыть по течению»), *сөзүрбе* «сеть», «невод» (< *сөзүр* = «тащить», «волочить»), *шүүн* «невод ячеистый» (< *шуу* = «процеживать»), *сүске* «невод из холста» (< *сүс* = «процеживать»), *шашкы* «острога» (< *шаш* = «колоть», «вонзать»).

Как видно из материала, почти все эти названия хорошо этимологизируются на базе самого шорского языка. При этом термин *карбак* является практически общим для тюркских языков, т.к. предоставлен почти во всех из них, ср. например: др.-тюрк. *qartak* «крюк, крючок», тув., алт., кирг., каз., к.-калп., тат., башк. *кармак*, хак. *хармах* «рыболовный крючок», «удочка». О термине *пара* говорилось выше. Он имеет параллели лишь в хакаском и тувинском языках. Термин *сүген* представлен во всех тюркских языках региона, ср.: алт., хак. *сүген*, тув., тоф. *сүген* «рыболовная морда из прутьев». Есть это слово и в чулымско-тюркском языке – чул.-тюрк. *сүган* id. С ним можно сопоставить современные уйгурские слова *сүган* «закром», «устройство над мельничным жерновом для ссыпки зерна» и *сүкэн* «корзины для перевозки груза вьюком», а также древнеуйгурское *sūkān* «корзина, находящаяся на одной стороне вьюка осла».

Остальные термины имеют следующие параллели: алт. *шүүн* «невод», «сеть», *агысна* «невод», «сеть», хак. *сөзүрбе* «невод», «сеть», хак. *илес* «удочка», хак. *сасхыс* «острога». Эти термины тоже узколокальны.

Таким образом, сравнительно-сопоставительное исследование шорских терминов, связанных с охотой и рыболовством, показало, что некоторые имеют общетюркское распространение и известны в тюркских языках с древних времен, отдельные характерны для всего сибирского ареала. Большой интерес представляет наличие терминов, общих лишь для языков саяно-алтайского региона, что свидетельствует о былой общности саяно-алтайских тюркских языков, о том, что разные по происхождению аборигенные племена подвергались влиянию какого-то одного тюркского

языка, как об атом справедливо предположила Е.И. Убрятова (25). Наличие узколокальных (шорско-хакасских, шорско-алтайских) терминов указывает на более тесную связь шорского языка с хакасским и алтайским. Зачастую больше с хакасским.

Литература

1. См.: Потапов Д.П. Шорцы. - В кн.: Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири. М.-Л., 1956, с. 492-529; он же. Очерки по истории Шории. М.-Л., 1936.
2. См.: Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. М.-Л., 1940; она же. Грамматика шорского языка. М.-Л., 1941; Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. I-IV. - СПб., 1893-1911; Вербицкий В. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884; Русско-шорский словарь. - Новосибирск, 1940.
3. Одной из работ на данную тему является: Рассадин В.И. Проблемы общности в тюркских языках Саяно-Алтайского региона. В кн.: Тюркологический сборник 1977. - М.: Наука, 1981, с. 219-231.
4. См.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. - М.: Наука, 1974, с. 152-153.
5. См.: Севортян Э.В. Указ. соч., с. 209-210.
6. См.: Севортян Э.В. Указ. соч., с. 199-200.
7. См.: Севортян Э.В. Указ. соч., с. 112-113.
8. См.: Joki J. Aulis. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen. Helsinki, 1952, s. 192.
9. См.: Räsänen Martti. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkischen. Helsinki, 1969, s. 300.
10. См.: Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. - В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 40.
11. См.: Новикова К.А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру. - В кн.: Очерки по сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 130.
12. См.: Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 140-145.
13. См.: Щербак А.М. Указ. соч., с. 130-131.
14. См.: Щербак А.М. Указ. соч., с. 136, 139, 142.
15. См.: Севортян Э.В. Указ. соч., с. 117-118.
16. См.: Надеяев В.М. Древнетюркская надпись из Ховд-сомона МНР. - В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. - Новосибирск, Наука, 1974, с. 164.
17. См.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». - М.: Наука, 1978, с. 194-196.
18. См.: Joki J. Aulis. Указ. соч., с. 83-84.
19. См.: Joki J. Aulis. Указ. соч., с. 232-233.
20. См.: Räsänen Martti. Указ. соч., с. 337.
21. См.: Joki J. Aulis. Указ. соч., с. 312; -Указ. соч., с. 132-133.
22. См.: Räsänen Martti. Указ. соч., с. 393.
23. См.: Рассадин В.И. О тюркизмах в бурятском языке. - В кн.: К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969, с. 134.
24. Подробнее см.: Севортян Э.В. Указ. соч., с. 59-60.
25. Grönbech K. Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen. 1942, s. 34.
26. См.: Räsänen Martti. Указ. соч., с. 15; Joki J. Aulis. Указ. соч., с. 61-62.
27. См.: Räsänen Martti. Указ. соч., с. 116; Joki J. Aulis. Указ. соч., с. 296.
28. См.: Убрятова Е.И. Вопросы диалектологии тюркских языков. - В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 3. Баку, 1963, с. 85-86.

(Диалектная лексика тюркских языков Сибири. Сб. науч. тр. - Новосибирск, 1987. С. 64-75).

О ПРОБЛЕМАХ ВОЗРОЖДЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ НЕКОТОРЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ ТОФАЛАРСКОГО И СОЙОТСКОГО ЯЗЫКОВ)

Территория Южной Сибири и прилегающая к ней Северная Монголия издавна были населены различными этническими группами, среди которых рано выделились тюркские племена. Их потомки образовали разные современные тюркские народы, продолжающие здесь обитать, это: на российской стороне – тувинцы, хакасы, шорцы, северные и южные алтайцы, тофалары, окинские сойоты, чулымские тюрки, на монгольской – цэнгельские тувинцы, кёк-мончаки, уйгуры-цаатаны, уйгуро-урянхайцы. При этом все перечисленные народы, кроме довольно крупных народов: тувинцев, хакасов, шорцев и алтайцев, давно имеющих свои литературные языки, являются достаточно малочисленными народами, не имевшими и не имеющими письменности для своих родных языков. В последние годы, правда, ситуация изменилась, но лишь в отношении тофаларского и сойотского языков, для которых была создана письменность – для тофаларского в 1986 г., для сойотского – в 2001 г., и эти языки фактически перестали быть бесписьменными. Тофаларский язык вот уже 15 лет преподается в тофаларских школах, сойотский готовится к преподаванию. Оставшиеся же без письменности и без преподавания в школе, а соответственно и без государственной поддержки, языки остальных малочисленных тюркских народов Южной Сибири и Монголии находятся в критическом положении – на грани исчезновения. Находясь лишь в узкой семейной сфере устного общения, они не могут конкурировать с государственными языками: в России с русским, в Монголии с монгольским. И если не принять со стороны государства немедленных мер по их спасению, то в ближайшем будущем эти языки могут быть безвозвратно утрачены по мере ухода из жизни лиц старшего поколения, как это чуть не произошло с языком окинских сойотов.

В данном докладе попытаемся кратко изложить историю того, как обстояло и обстоит дело по возрождению и сохранению тофаларского и сойотского языков. Это очень близкие языки генетически родственных тюркских народов, издревле населявших регион Восточного Саяна и ведших до недавнего времени сходный образ жизни кочевых охотничье-оленоводческих народов. Они постоянно находились в контакте между собой, поскольку обитали на смежной территории. При этом тофалары находились с середины XVII в. под русским влиянием, хотя и продолжали контактировать с соседними бурятами. Сойоты же находились в постоянном контакте с монголами и бурятами и даже почти обурятились к концу XX столетия. Языковая же ситуация у тофаларов и сойотов сложилась разная. Если к моменту перевода в 1930-х гг. кочевых оленеводов тофаларов и сойотов на оседлость владение родными языками было, можно сказать, поголовным, то в период оседлой жизни ситуация стала меняться. Тофалары в своих поселках оказались расселенными среди русскоязычного населения, а в школе из-за отсутствия письменности на тофаларском языке до 10 класса учились на русском языке. Это привело к тому, что русский язык стал вытеснять тофаларский даже из среды семейного общения в связи с появлением множества смешанных браков. У сойотов оказалась аналогичная ситуация, но только у них место русского языка занял бурятский язык, и они стали быстро обурячиваться. Поскольку тофалары обрусевали не столь интенсивно, в отличие от темпов обурячивания сойотов, то тофаларский язык дольше сохранялся в быту, нежели сойотский. Это обстоятельство позволило в 1980-е гг. остановить забвение тофаларского языка и добиться его возрождения путем его научного изучения, создания для него письменности, школьных учебников и введения его преподавания с 1989 г. в начальных классах тофаларских школ. В связи с тем, что за всем этим стоял правительственный заказ со стороны Госкомсевера и Минпроса, а значит и государственная поддержка, то положительные результаты не замедлили сказаться. Сейчас тофаларский язык, можно сказать, выведен из кризисного состояния. Однако из-за ликвидации Госкомсевера и того, что тофалары брошены на произвол судьбы в условиях рыночной экономики и всеобщей коммерциализации, то дело сохранения совсем недавно возрожденного их языка может из-за недостаточного финансирования со стороны государства остановиться, а язык опять оказаться под угрозой исчезновения.

Современные тофалары являются самым малочисленным тюркоязычным народом России. По переписи 1989 г. их насчитывалось 731 чел. В настоящее время они живут оседло в трех поселках – Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара на территории трех сельских администраций: Тофаларской, Нерхинской и Верхнегутаринской, входящих в состав Нижнеудинского р-на Иркутской обл. Российской Федерации. Тофаларский язык, по классификации Н.А. Баскакова, вместе с тувинским

языком входит в уйгуро-тукуюскую подгруппу уйгуро-огузской группы тюркских языков [Баскаков 1969: 323; Жуковская и др. 2002: 182].

Самоназвание тофаларов – *тофа́*, до революции их называли *карагасами*. В прошлом они жили родовым строем, делясь на пять экзогамных родов – *хааши*, *сары-хааши*, *чогды*, *кара-чогды*, *четтэй*. Все кочевья и охотничьи угодья были распределены между родами. Хотя тофалары довольно рано, еще в XVII в. были обращены в христианство, они продолжали придерживаться шаманизма. Будучи аборигенами края, тофалары до конца 1920-х гг. вели кочевой охотничье-оленоводческий образ жизни. Основным жилищем у них был конический чум из лиственничных жердей, крытый в теплое время года берестой, а в холодное – покрывками из шкур лосей или изюбрей.

Расселившись после перехода на оседлость в стационарных поселках, тофалары освоили новые для них виды хозяйственной деятельности: стойловое содержание крупного рогатого скота и свиней, стойловое содержание крестьянских пород лошадей и езду на них в телегах и санях, промышленную заготовку сена и дров, выращивание картофеля и других овощей на приусадебных участках. Научились изготавливать из коровьего молока различные молочные продукты, освоили дрожжевое хлебопечение. В то же время сохранились и некоторые их традиционные занятия: оленеводство, превратившееся в отгонное со сменными пастухами, сезонная пушная охота, осуществляемая, как и прежде, с помощью оленей, охота на весенних изюбрей на солонцах с целью добычи пантов, осенняя охота на гонных изюбрей со специальной дудкой-манком, добыча медведей осенью на берлогах, охота на борову и водоплавающую дичь, лов рыбы осенью запрудами во время нереста. От собирательства осталась лишь заготовка осенью кедровых орехов. Все эти виды хозяйственной деятельности, как новые, так и традиционные, составляли основу экономики тофаларских колхозов до 1962 г. и коопзверопромхоза после 1963 г. Многие из этих видов практикуются и в индивидуальном хозяйстве современных тофаларов, приняты и местным русским населением, живущим в тофаларских поселках.

В настоящее время происходит вхождение тофаларов в постсоветское общество с развивающимися рыночными отношениями, формируется новое тофаларское общество, в котором возрождается интерес к традиционным, более рациональным приемам природопользования, к традиционной индивидуальной хозяйственной деятельности, возрождается интерес к национальной духовной культуре, к своему языку, который стал преподаваться в тофаларских школах.

Поскольку о сойотском языке и самих сойотах до недавнего времени почти ничего не было известно в науке, позвольте сказать здесь о них несколько подробнее.

Как отмечено в «Красной книге языков народов России» (Жуковская и др. 2002: 164), современный сойотский язык – это тюркский язык, входящий в уйгуро-тукуюскую подгруппу уйгуро-огузской группы тюркских языков, как и тувинский и тофаларский языки. Современные сойоты – один из малочисленных народов России, представители которого компактно проживают на территории Окинского района и немного в Тункинском районе Республики Бурятия Российской Федерации. До 1993 г. они официально не выделялись из числа бурятского населения района, хотя еще в 1920-е гг., по данным Б.Э. Петри, сойотов насчитывалось свыше 500 человек и они осознавали себя самостоятельным народом, отличным от бурят. Во время этнографической экспедиции к сойотам в 1926 г. Б.Э. Петри застал их занимающимися разнообразными видами хозяйственной деятельности, ведущими разный образ жизни. Сойоты, осевшие в Тунке и оставившие оленеводство ввиду отсутствия географических условий для его ведения, стали перенимать у тункинских бурят их хозяйственно-культурный тип и быстро слились этнически с ними. Сойоты-оленоводы переселились в Оку в местность Ильчир на водораздельный горный хребет в верховьях реки Иркут, где были хорошие пастбища с оленьим мхом-ягелем и подходящие условия для охоты. Здесь они продолжали вести свой традиционный охотничье-оленоводческий образ жизни, какой вели и другие соседние с ними саянские охотники-оленоводы – тофалары России, уйгуры цаатаны Монголии и тувинцы-тоджинцы, с которыми сойоты традиционно поддерживали связь и у которых всегда при необходимости приобретали оленей. Б.Э. Петри (1927) отмечал в своем отчете об экспедиции, что сойоты-оленоводы еще продолжают осуществлять сезонные перекочевки по тайге со своими оленями, на которых ездят верхом, кормятся охотой, добывая пушных и копытных зверей, сохраняют свои традиционные жилища – чумы, свою культуру и свой язык, близкий к урянхайско-сойонскому.

По нашему мнению, поскольку ильчирские сойоты-оленоводы кочевали в отрыве от других групп сойотов на значительном территориальном удалении от них, а последние давно стали сливаться с бурятами и переняли у них животноводство и их образ жизни с особенностями бытового

уклада и бурятским языком, то у властей сложилось впечатление, что все сойоты давно обурятились и слились с бурятами, поэтому их нет необходимости выделять из среды бурят.

В 1930-е гг. оленеводство у сойотов стало приходить в упадок из-за большого падежа поголовья оленей. Пополнять свои стада покупкой оленей у тувинцев-тоджинцев и у цаатанов, как всегда они это делали, новые власти им не разрешали, поскольку Тува была в то время иностранным государством, и пригон оттуда оленей приравнялся к контрабанде, купленных сойотами в Туве оленей власти попросту конфисковывали. Кроме того, в 1930-е гг. в СССР активно проходил процесс образования колхозов и перевод кочевых малочисленных народов Сибири на оседлость. Это привело к обобществлению оленей и перевод сойотов на оседлый образ жизни в поселках Сорок, Хурга, Боксон, а также в Орлике и на многочисленных мелких животноводческих фермах. Сойоты вынужденно стали заниматься животноводством местного бурятского типа, разводя яков (сарлыков), хайныков, коров, лошадей и немного овец, перенимая у бурят и их образ жизни. Стадо оленей в колхозах сохранялось для транспортных нужд и для обеспечения охотников во время зимнего охотпромысла в горной тайге. Однако в 1963 г. по решению Правительства Бурятской АССР оленеводство в Оке было ликвидировано как якобы нерентабельная отрасль животноводства. Кроме того, чуть позже на территории бывших родовых земель сойотов был создан Госпромхоз, к которому отошли лучшие охотничьи угодья. Сойотам стало негде охотиться да и не на чем. С утратой оленеводства ушел в прошлое и традиционный сойотский образ жизни. Со стариками ушел сойотский тюркский язык и национальная культура. Стало забываться и название народа.

История сойотов изучена слабо. В научной литературе встречаются лишь отдельные замечания об их происхождении. Санкт-Петербургским этнографом Л.Р. Павлинской (202: 41-51), подробно изучавшей современных сойотов, высказывалось предположение о том, что в их этногенезе принимали участие саянские самодийские племена, явившиеся той основой, на которую впоследствии наложился древний тюркский этнос, тюркизирувавший в отношении языка этот самодийский субстрат. Иначе говоря, по своему происхождению сойоты – саянские самодийцы, подвергшиеся тюркизации еще в древнетюркское время, где-то в VII-VIII вв. н.э., а возможно и ранее.

По сведениям старожилов Окинского края, как сойотов, так и бурят, сойоты в составе родов *иркит*, *хаасуут* и *онхот* относительно недавно, порядка 350-400 лет тому назад, перекочевали из Монголии из окрестностей оз. Хубсугул, где они тогда кочевали на территории дархатских сомонов Ханха и Уури, а также в районе горы Ринчинлхумбэ, считавшейся их священной горой-покровителем. Выйдя из пределов Монголии, сойоты сначала расселились в Тунке и частично в Закамне. Но поскольку там почти нет мест, благоприятных для оленеводства, то часть сойотов, перейдя на животноводство, осела в Тунке и Закамне, сливаясь с местными бурятами. Оленеводы же перекочевали в Оку, на водораздельный хребет рек Оки и Иркуты возле озера Ильчир, где было достаточно ягеля для прокорма оленей. Так сойоты оказались в Оке.

В Дархатском крае Монголии, к западу от оз. Хубсугул, до сих пор продолжают обитать тюркоязычные оленеводы, которых монголы называют *цаатан* (букв. «олeneвод»), а также *уйгар*, т.е. уйгур, а иногда и *уйгар цаатан*, *цаатан уйгар* (букв. «олeneводы-уйгуры»). Сами же себя цаатаны-уйгуры именуют словом *туьһа*, которое очень близко к самоназванию тофаларов – *тофа*, ср. название тувинцев – *тыва-дыва*. Кстати, окинские буряты используют для именования тувинцев и тофаларов помимо этнонима *урианхад* (букв. «урианхайцы») также выражение *уйгар хэлтэн*, т.е. «уйгуроязычные». Это говорит о том, что память бурятского народа связывает данные тюркские этносы с древними уйгурами. В составе цаатанов, а также оленеводческих групп дархатов, произошедших от саянских тюрков-олeneводо-в, тоже имеются роды *иркит*, *хаасуут*, *онхот*. Видимо, от них, от этих саянских тюрков-олeneводо-в, ведут свое происхождение современные окинские сойоты.

Начавшееся в 1990-е гг. в России национально-культурное возрождение малочисленных народов затронуло и сойотов. Исследования, проведенные в те годы среди сойотов разными учеными, показали, что еще многие сойоты помнили не только вообще о своей принадлежности к самостоятельному народу сойотов, но и сохраняли в памяти свою принадлежность к одному из трех сойотских родов – *хаасуут*, *онхот*, *иркит*. Сохраняли многие черты своей бытовой и духовной культуры, причем не только предания, сказки, песни, но и шаманские призывания, хотя все это и на бурятском языке. Так, например, совершая шаманское моление горе-покровителю местности Бурин-хану, которую старики называли по-сойотски *Улуг-даг* (т.е. «Великая гора»), они обращались к нему с такими словами: «*Уйгар хэлтэн, урса гэртэн, үйһэн забитан, сагаа унаатан, сана хулэгтэн бидэ һойоодууд*» (досл. «Мы сойоты, имеющие уйгурский язык, имеющие чумы в качестве жилищ, имеющие берестяные челноки, оленей в качестве транспорта, а лыжи в качестве ска-

кунов»). Здесь сосредоточено все представление сойотов о своем прошлом традиционном образе жизни тюркоязычного кочевого таежного охотничье-оленьеводческого народа. Движение за восстановление прав сойотов как самостоятельного малочисленного северного народа, начавшись в Республике Бурятия в 1992 г., продолжавшееся на разных уровнях все 1990-е гг., завершилось тем, что 24 марта 2000 г. Правительство России Постановлением № 255 включило сойотов Бурятии в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. В этом документе численность сойотов на 1999 г. указана в 1973 человека. По данным на 2001 г. численность сойотов составляла 2002 человека.

На уровне Правительства Республики Бурятия разработаны и принимаются меры по возрождению у сойотов традиционного охотничье-оленьеводческого хозяйства и национальной культуры, в том числе и языка.

В 1993 г. был создан Сойотский национальный сельский совет, ныне администрация, с центром в с. Сорок, в том же году была создана и официально зарегистрирована в Минюсте РБ Ассоциация сойотов Окинского района РБ. Во исполнение решения о возрождении оленеводства в 1994 г. в Оку из соседней Тофаларии были пригнаны 60 оленей и тофаларские пастухи стали помогать окинцам вспоминать навыки ведения оленеводческого хозяйства. В настоящее время олени прижились и их стадо стало расти.

Принимаются меры по возрождению духовной культуры и языка. Регулярно в с. Сорок стал проводиться национальный сойотский праздник *Жогтаар* («Встреча»), который в 2004 г. был переименован в *Улуг-Даг* («Великая гора» в честь горы-покровителя Бурин-хан).

Современный язык сойотов, который еще недавно помнило несколько стариков и который нам удалось наблюдать в 1970-х гг. и даже слышать в начале 1990-х, во время наших поездок в Оку, по своему строю типичный тюркский язык, наиболее близкий к тофаларскому языку России и к языку цаатанов-уйгуров и уйгуров-урянхайцев Монголии. Тофаларский язык мы изучаем с 1964 г., а два последних – с 1989 г., когда произвели их первые записи в местах расселения этих народов. С самого начала записи цаатанского и уйгуро-урянхайского языков стала выявляться их большая близость как между собой, так и к тофаларскому и сойотскому языкам и значительные отличия от тувинского языка, хотя все они относятся к одной, саянской подгруппе сибирских тюркских языков. По общепринятой в отечественной тюркологии классификации тюркских языков, предложенной Н.А. Баскаковым [Баскаков 1969: 323], тувинский и тофаларский языки входят в уйгуро-тукуюскую подгруппу уйгуро-огузской группы тюркских языков. Данную подгруппу мы дополняем языками уйгуров-цаатанов и уйгуро-урянхайцев, а также и языком сойотов.

Сравнительное изучение тюркских языков Саянского региона, включая и сойотский, показало, что все они: тувинский России и Монголии, тофаларский и сойотский России, цаатанский и уйгуро-урянхайский Монголии, кёк-мончаков Монголии и Китая объединяются в одну саянскую подгруппу сибирских тюркских языков, которая по Н.А. Баскакову называется уйгуро-тукуюской. Сама эта подгруппа делится на два четких ареала: 1) степной – с языками тувинским и кёк-мончаков и 2) таежный, куда входят тофаларский, сойотский, цаатанский и уйгуро-урянхайский языки. К таежному ареалу по многим признакам примыкает и тодзинский диалект тувинского языка. Носители языков таежного ареала являются в основном оленеводами-охотниками (кроме уйгуро-урянхайцев Монголии, которые давно уже имеют тот же хозяйственный тип, что и монголы, занимаясь животноводством), которых объединяет, кроме общего языка, также сходный тип охотничье-оленьеводческого кочевого хозяйства и своеобразной материальной культуры, позволивших им хорошо приспособиться к кочевой жизни в условиях горной тайги.

О близости сойотского языка к тофаларскому свидетельствуют не только наши личные впечатления, полученные при наблюдении сойотского языка, языков цаатанов и уйгуро-урянхайского, но и ряд свидетельств ученых, которым довелось наблюдать сойотов. Так, по утверждению Б.С. Дугарова, изучавшего этногенез бурят и сойотов Оки, М.А. Кастрен, посетивший сойотов Тунки в XIX в., писал, что они говорили «... на том же тюркском наречии, каким говорят карагасы (т.е. тофалары – В.Р.)» [Дугаров 1983: 99]. Об активном использовании сойотами своего тюркского языка еще в XVIII в. говорил и Г.Д. Санжеев, исследовавший в конце 20-х гг. XX в. дархатов и население Дархатского края, ссылаясь на свидетельство немецкого географа XVIII в. Антона Фридриха Бюшинга, который в своей книге «Описание земли» (издана в Гамбурге в 1787 г.) утверждал, что язык у тункинских сойотов тот же, что и у карагасов (т.е. тофаларов - В.Р.) Нижнеудинского уезда [Санжеев 1930: 13-14]. Профессор Иркутского госуниверситета Б.Э. Петри, проводивший в 1926 г. по заданию Комитета Севера специальную этнографическую экспедицию по изучению хозяйства, быта и культуры сойотов, писал об их языке, что его еще помнят

старики и что он чрезвычайно близок урянхайско-сойотскому [Петри 1927: 19]. Сойотами, сойонами и урянхайцами, кстати, в старой русской литературе вплоть до 20-х гг. XX в. называли тувинцев и не отделяли от них цаатанов и тофаларов.

В настоящее время вновь во весь рост встал вопрос о праве народов на национальную культуру и язык. Проблема возрождения и сохранения культур и языков малых народов России, особенно малочисленных народов Сибири и Севера, сделалась весьма актуальной и животрепещущей. Если в первые годы советской власти национальные культуры и языки у этих народов были еще живы и активно использовались, а проблема состояла лишь в том, чтобы этим языкам дать письменность, то сейчас ситуация изменилась настолько, что следует спасать и возрождать не только языки, но и народы. В Республике Бурятия такая проблема стоит в отношении не только эвенков, но и сойотов – совсем недавно официально признанной малой народности, которая ставит своей целью возродить родной язык и национальные культуру и хозяйство. Целиком разделяя их чувства и поддерживая их стремление к этому возрождению, мы считаем, что в этом деле нельзя пренебрегать никакой возможностью помочь им. Скептики уверяют, что, мол, уже поздно, что все сойоты уже окончательно «обурячены». Однако мы уверены, что это не совсем так. Ведь те же скептики совсем недавно уверяли, что не стоило ставить вопрос о возрождении такой народности, как сойоты, поскольку их сейчас просто нет, все они стали бурятами. Но жизнь показала, что стремление народа к возрождению не знает преград. Сойоты добились признания их самостоятельным народом и включения в перечень малых народов России. Делаются реальные шаги в деле возрождения их традиционного хозяйства, связанного с оленеводством, которое было у них до 1960-х гг. Поэтому следует надеяться, что воля и стремление народа к возрождению также и языка окажутся сильнее скепсиса отдельных деятелей науки и политики.

Мы считаем, что для возрождения сойотского языка сейчас есть все условия. Прежде всего, имеется желание народа возродить свой язык. Поскольку же сойотский язык – это тюркский язык, наиболее близкий языку тофаларов и цаатанов, то для его возрождения следует учесть опыт создания письменности для тофаларского языка и сам материал тофаларского и цаатанского языков. Язык цаатанов бесписьменный, есть только опыт фиксации на цаатанском языке некоторых научных материалов монгольскими коллегами и наши попытки применить для его записи в 1989 г. буквы тофаларского алфавита. Кстати говоря, попытка эта оказалась весьма успешной, поскольку в звуковом отношении язык цаатанов имеет ту же систему, что и тофаларский язык. Эта же система представлена и в языке сойотов. Поэтому мы считаем возможным использовать для сойотского языка алфавит, разработанный нами для тофаларского языка, и те же принципы орфографии.

Язык сойотов хорошо развит и адекватно отражает тип их традиционной хозяйственной деятельности, быта, культуры. В 1970-е гг. во время диалектологической экспедиции в Окинский район нами от сойотских стариков было записано около 5 тысяч сойотских слов и основные сведения по грамматике сойотского языка, был установлен звуковой строй этого языка. В 2001 г. по просьбе Правительства Республики Бурятия, администрации Окинського района и Ассоциации сойотского народа нами была разработана письменность для сойотского языка, выработаны правила орфографии и составлен «Сойотско-бурятско-русский словарь», изданный в 2003 г. [Рассадин 2003]. Он включил всю собранную нами сойотскую лексику, переведенную нами не только на русский язык, но и на бурятский с использованием окинской бурятской диалектной лексики. В настоящее время мы работаем над составлением сойотского букваря и иных школьных учебников. В период с января по май 2005 г. на 4-хмесячных специальных курсах нами подготовлен учитель сойотского языка для начальных классов, поскольку администрацией Окинського района и правительственными органами Республики Бурятия принято решение о введении преподавания сойотского языка в начальных классах сойотских школ.

Таким образом, в отношении почти забытого и почти вышедшего из практического употребления, оказавшегося на грани исчезновения сойотского языка следует констатировать, что совместными усилиями представителей науки, сойотской общественности, Ассоциации сойотского народа, соответствующими органами Правительства Республики Бурятия удалось не только остановить процесс забвения и исчезновения сойотского языка, но и возродить его, создать для него письменность, разработать орфографию, подготовить учителя и приступить к составлению школьных учебников и пособий, ряд из которых, кстати, уже находится в издательской фирме «Дрофа», как и новый вариант тофаларского букваря и другие пособия по тофаларскому языку, уже изданные этой фирмой. Мы считаем, что, как и для тофаларского языка, для сойотского удалось миновать опасный период исчезновения и забвения языка, удалось возродить язык и создать

все предпосылки для его сохранения и дальнейшего развития. В этом деле наука сказала свое слово. Теперь очередь за сойотской общественностью и правительственными органами Республики Бурятия и Российской Федерации в деле оказания государственной поддержки для сохранения и развития этого языка.

Литература

- Басаков 1969 – Басаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
- Дугаров 1983 – Дугаров Б.С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983. С. 90-101.
- Жуковская и др. 2002 – Жуковская Н.Л., Орешкина М.В., Рассадин В.И. Сойотский язык // Языки народов России. Красная книга. (Энциклопедический словарь-справочник). М.: Academia, 2002. С. 164-170.
- Павлинская 2002 – Павлинская Л.Р. Кочевники голубых гор. (Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью). СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2002.
- Петри 1927 – Петри Б.Э. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (Предварительные данные). Иркутск, 1927.
- Рассадин 2003 – Рассадин В.И. Сойотско-бурятско-русский словарь. Улан-Удэ, 2003.
- Санжеев 1930 – Санжеев Г.Д. Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 г. Л., 1930.

(Статья не опубликована).

ОЧЕРК ГРАММАТИКИ СОЙОТСКОГО ЯЗЫКА

Современные сойоты – один из малочисленных народов России, представители которого компактно проживают на территории Окинского района Республики Бурятия. До 1993 г. сойотами считали себя лишь около 500 человек. Официально они не выделялись из числа бурятского населения данного района. Их долгая борьба за признание их самостоятельным этносом завершилась тем, что Указом Президиума Верховного Совета Республики Бурятия от 13 апреля 1993 г. на территории Окинского района был образован Сойотский национальный сельский совет. В настоящее время в связи с ростом национального самосознания сойотами признали себя около 2 тыс. человек, или почти 42% всех жителей Окинского района. Сойоты обратились в парламент России с просьбой о признании их самостоятельным народом. Эта просьба была рассмотрена и удовлетворена, их признали самостоятельным народом и отнесли к малочисленным народам России. Далее, Постановлением Народного Хурала Республики Бурятия № 540-1 от 21 ноября 2001 г. было одобрено предложение Окинского районного совета о переименовании Окинского района в Окинский сойотский национальный район в составе Республики Бурятия. Разработаны и принимаются меры по возрождению традиционного охотничье-оленьеводческого хозяйства и национальной культуры, в том числе и языка.

История сойотов изучена слабо. В научной литературе встречаются лишь отдельные замечания об их происхождении. Санкт-Петербургским этнографом Л.Р. Павлинской [2002, с. 41-51], подробно изучавшей современных сойотов, высказывалось предположение о том, что в их этногенезе принимали участие саянские самодийские племена, явившиеся той основой, на которую впоследствии наложился древний тюркский этнос, тюркизовавший в отношении языка этот самодийский субстрат. Иначе говоря, по своему происхождению сойоты – саянские самодийцы, подвергшиеся тюркизации еще в древнетюркское время, где-то в VII-VIII вв. н.э., а возможно и ранее.

По сведениям старожилов Окинского края как сойотов, так и бурят, сойоты в составе родов *иркит*, *хаасуут* и *онхот* относительно недавно, порядка 400-450 лет тому назад, переселились в Бурятию из Монголии из окрестностей озера Хубсугул, где они тогда кочевали на территории дархатских сомонов Ханха и Уури, а также в районе горы Ринчинлхумбэ, считавшейся их священной горой-покровителем. Выйдя из пределов Монголии, сойоты сначала расселились в Тунке и частично в Закамне. Но поскольку там почти нет мест, благоприятных для оленеводства, то часть сойотов, перейдя на животноводство, осела в Тунке и Закамне, сливаясь с местными буря-

тами. Оленеводы же перекочевали в Оку, где ещё до 1930-х гг. они жили в местности Ильчир на водораздельном горном хребте между верховьями рек Иркутка и Оки, где было достаточно ягеля для прокорма оленей. Там они занимались разведением домашних северных оленей, которых использовали под седло и вьюк, и промысловой охотой на таёжных зверей и птиц, практикуя также и рыболовство на местных реках и озёрах. Основным их жилищем был чум, крытый летом берестой, а в зимнее время шкурами изюбрей и лосей. Вместе со своими оленями они осуществляли сезонные перекочевки по горной тайге, находясь зимой в долинах рек у подножия гор, летом – в высокогорье, где растёт ягель – олений мох, – дует ветер, и нет таёжной мошки, губительной для оленей. Сойоты всегда осознавали себя особым народом, имеющем специфическое хозяйство, материальную и духовную культуру. Об этом свидетельствует сохранившиеся до сих пор у них шаманские призывания, хотя и на бурятском языке, в которых они характеризуют себя так: «Уйгар хэлэтэн, урса гэртэн, үйһэн забитан, сагаан унаатан, сана хүлэгтэн бидэ ноёдууд», что буквально означает: «Мы, сойоты, имеющие уйгурский язык, имеющие чумы в качестве жилищ, имеющие берестяные челноки, имеющие в качестве транспорта северных оленей, а в качестве скакунов – лыжи». Таков в общих чертах был их традиционный образ жизни. Так сойоты оказались в Оке.

Оленеводство и традиционный кочевой образ жизни сохраняла лишь Окинская группа сойотов. Бурятский язык тоже проникал и к ним, но через браки с бурятками, поскольку женщин сойотов не хватало, а в связи с обычаем экзогамии браки внутри рода запрещались. Есть предположение, что сойоты уже были двуязычны и владели дархатским диалектом монгольского языка до перекочевки в Бурятию, поэтому их сближение с бурятами произошло достаточно быстро.

В 1930-е гг. в СССР началась кампания перевода кочевых племен на оседлость, и создания колхозов. Сойотов расселили в поселках Сорок, Хурга, Боксон, районном центре Орлик, а также на многочисленных животноводческих фермах, где они стали заниматься животноводством бурятского типа, разводя коров, яков и хайныков (помесь яка и коровы), а также лошадей. Сохранялось и оленеводство отгонного типа, ликвидированное в 1960-х гг. как якобы нерентабельное. В эти годы началось усиленное сближение сойотов с бурятами.

В Дархатском крае Монголии, к западу от озера Хубсугул, до сих пор продолжают обитать тюркоязычные оленеводы, которых монголы называют *цаатан* (букв. «олeneводы»), а также *уйгар*, т.е. «уйгур», а иногда и *цаатан уйгар* (букв. «олeneводы-уйгуры»). Сами же себя цаатаны-уйгуры именуют словом *туьһа*, которое очень близко к самоназванию тофаларов – *тофа*, ср. название тувинцев – *тыва* (*дыва*). Кстати, окинские буряты используют для именования тувинцев и тофаларов помимо этнонима *урианхад* (букв. «уряныхайцы») также выражение *уйгар хэлтэн*, т.е. «уйгуроязычные». Это говорит о том, что память бурятского народа связывает данные тюркские этносы с древними уйгурами. В составе цаатанов, а также оленеводческих групп дархатов, произошедших от саянских тюрков-олeneводов, тоже имеются роды *иркит*, *хаасуут*, *онхот*. Видимо, от них, от этих саянских тюрков-олeneводов, ведут свое происхождение современные окинские сойоты.

Современный язык сойотов, который еще недавно помнило несколько стариков и который нам удалось наблюдать в 1970-х гг. и даже слышать в начале 1990-х, во время наших поездок в Оку, по своему строю типичный тюркский язык, наиболее близкий к тофаларскому языку России и к языку цаатанов-уйгуров и уйгуров-уряныхайцев Монголии. Тофаларский язык мы изучаем с 1964 г., а два последних – с 1989 г., когда произвели их первые записи в местах расселения этих народов. С самого начала записей цаатанского и уйгуро-уряныхайского языков стала выявляться их большая близость как между собой, так и по отношению к тофаларскому и сойотскому языкам, а также их значительные отличия от тувинского языка, хотя все они относятся к одной, саянской, подгруппе сибирских тюркских языков. По общепринятой в отечественной тюркологии классификации тюркских языков, предложенной Н.А. Баскаковым [1969, с. 323], тувинский и тофаларский языки входят в уйгуро-тукуюскую подгруппу уйгуро-огузской группы тюркских языков. Данную подгруппу мы дополняем языками уйгуров-цаатанов и уйгуро-уряныхайцев, а теперь и языком сойотов.

Сравнительное изучение тюркских языков Саянского региона, включая и сойотский, показало, что сама эта подгруппа, по нашему мнению, делится на два чётких ареала: 1) степной – с языками тувинским (Россия, Монголия) и кёк-мончаков (Монголия, Китай) и 2) таёжный, куда входят тофаларский и сойотский (Россия), цаатанский и уйгуро-уряныхайский (Монголия) языки. К таёжному ареалу по многим признакам примыкает и тоджинский диалект тувинского языка (Россия). Носители языков таёжного ареала являются в основном оленеводами-охотниками (кроме уйгуро-уряныхайцев Монголии, которые давно уже имеют тот же хозяйственный тип, что и монголы, за-

нимаясь животноводством), которых объединяет, кроме общего языка, также сходный тип охотничье-оленоводческого кочевого хозяйства и своеобразной материальной культуры, позволивших им хорошо приспособиться к кочевой жизни в условиях горной тайги.

О близости сойотского языка к тофаларскому свидетельствуют не только наши личные впечатления, полученные при наблюдении сойотского языка, а также языков цаатанов и уйгуро-урянхайского, но и ряд свидетельств ученых, которым довелось наблюдать сойотов. Так, по утверждению Б.С. Дугарова [1983, с. 99], изучавшего этногенез бурят и сойотов Оки, М.А. Кастрен, посетивший сойотов Тунки в XIX в., писал, что они говорили «... на том же тюркском наречии, каким говорят карагасы (т.е. тофалары – В.Р.)». Об активном использовании сойотами своего тюркского языка еще в XVIII в. говорит и Г.Д. Санжеев [1930, с. 13-14], исследовавший в конце 20-х гг. XX в. дархатов и население Дархатского края, ссылаясь на свидетельство немецкого географа XVIII в. Антона Фридриха Бюшинга, который в своей книге «Описание земли» (издана в Гамбурге в 1787 г.) утверждал, что язык у тункинских сойотов тот же, что и у карагасов (т.е. тофаларов – В.Р.) Нижнеудинского уезда. Профессор Иркутского госуниверситета Б.Э. Петри [1927, с. 19], проводивший в 1926 г. по заданию Комитета Севера специальную этнографическую экспедицию по изучению хозяйства, быта и культуры сойотов, писал об их языке, что его еще помнят старики и что он чрезвычайно близок урянхайско-сойотскому. Сойотами, сойонами и урянхайцами, кстати, в старой русской литературе вплоть до 20-х гг. XX в. называли тувинцев и не отделяли от них цаатанов и тофаларов.

Мы считаем, что для возрождения сойотского языка сейчас есть все условия. Прежде всего имеется желание народа возродить свой язык. Поскольку же сойотский язык – это тюркский язык, наиболее близкий языку тофаларов, то для его возрождения следует учесть опыт создания письменности для тофаларского языка. Эта же звуковая система представлена и в языке сойотов. Поэтому мы считаем возможным использовать для сойотского языка алфавит, разработанный нами для тофаларского языка, и те же принципы орфографии. При этом сойотский язык представлен здесь в том виде, как он звучал в устах немногих стариков в 1970-х. годах прошлого века, и был нами в те годы зафиксирован. Записанный нами сойотский лингвистический материал так и остался бы лишь строго научным материалом, относящимся к истории одного из саянских тюркских языков, ныне практически почти исчезнувшего из общения, если бы не желание самих сойотов возродить его, что мы и сделали, выполняя волю народа. Следуя пожеланиям сойотов по возрождению их языка, нами была создана письменность для сойотского языка и составлен изданный в 2003 г. «Сойотско-бурятско-русский словарь», представивший всю зафиксированную на то время сойотскую лексику (свыше 4,5 тысяч слов), которую тогда ещё вспомнили сойотские старики. Справедливости ради следует отметить, что уже в 1970-е гг. речь не шла об активном использовании сойотского языка в повседневной речи, эту функцию выполнял окинский говор бурятского языка, а сойотский язык оставался только в памяти отдельных стариков, при этом лишь отдельные из них смогли рассказать фрагменты связного текста, а вспоминали только фразы и различные словосочетания. Опираясь на данный материал, всё же мы смогли восстановить язык и создать для него практическую письменность, максимально учтя его специфику, и составить букварь, опубликованный в 2009 г. в издательстве «Дрофа. Санкт-Петербург». С 2005 г. в начальном классе сойотской школы стали изучать родной язык.

Звуковой строй сойотского языка

Письменность для сойотского языка основана на кириллице, как и письменность языков других тюркских народов бывшего СССР. Для специфических сойотских фонем приняты буквы с диакритикой. К русскому алфавиту добавлены буквы *қ, ғ, җ, һ, ң, ө, ү, а, і*. Йотированные гласные буквы *е, ё, ю, я*, а также *и* используются, как и в русском алфавите для обозначения мягкости предыдущего согласного, других функций они не несут. Латинской буквой *i* обозначен мягкорядный сингармонический антипод гласного *ы*, перед которым согласные никогда не смягчаются (ср. *Дима, но келдiм*, произносится почти *кельдым* «я пришёл»).

Сойотский язык довольно монолитный язык, в котором нет ни диалектов, ни говоров. Лишь иногда в речи представителей разных родов слышались перебои в произношении отдельных слов, например: *багышы//багыһи* «его голова», *қагышан//қагыһян* «когда», *магышына//магыһина* «машина» и т.п., что свидетельствует о разном и независимом происхождении сойотских родов. Так, как удалось установить, представители рода *хаасуут* проносят *багыһи* «его голова», а рода *иркит* – *багышы* и т. п.

Вокализм сойотского языка имеет в своём составе помимо 4 твердоядных кардинальных гласных *a, o, y, ы* еще 6 мягкорядных: *э, ә, ө, ү, и, і*, произносимых одинаково с тофаларскими и цаатанскими и представленных в одних и тех же словах. Эти гласные бытуют в виде 3 типов фонем - краткие чистые, краткие фарингализованные и долгие чистые. При этом долгота обозначается двойным написанием соответствующей гласной буквы, а фарингализация - твердым знаком после этой буквы. Таким образом, в составе вокализма сойотского языка представлено 30 гласных фонем, а именно:

- 1) краткие - *a, o, y, ы, э, ә, ө, ү, и, і*;
- 2) фарингализованные - *аь, оь, уь, ыь, эь, әь, өь, үь, иь, іь*;
- 3) долгие - *aa, oo, uu, ыы, ээ, әә, өө, үү, ии, ii*.

Взаимозамена этих фонем меняет смысл слов. Так, например, *кээр* «придет» - *каэр* «будет крошить», *ас* «заблудись» - *аьс* «повесь» - *аас* «рот; пасть», *от* «огонь» - *оть* «травя», *ыт* «отправь» - *ыьт* «собака» - *ыыт* «голос; звук», *эи* «друг» - *эьи* «гребни веслом» - *ээи* «медведица, самка медведя; самка соболя» и т.п.

В составе вокализма представлены также дифтонги со всеми краткими гласными - *ай, ой, уй, ый, эй, әй, өй, үй, ий, ii*, которые могут находиться в слове в любой позиции, например: *ай* «луна», *ой* «ручей», *уйгут* «осина», *ыйдыга* «ямка от следа», *тэйлиган кийштэй дуры* «коршун кричит (досл. ржёт)», *өй* «как раз, впору», *түйсi* «его туюс», *һий* «грех», *эьт һеңгйй дуры* «ест мясо без ножа».

Фарингализация гласных решительным образом влияет на характер чередований последующих согласных. При этом, например, после чистых кратких и долгих гласных согласный *n* переходит в *b* или *v*: *қап* «мешок» - *қабы/қавы* «его мешок», после фарингализованных - в *n*. *ф*, *h*: *қап* «поймай ртом» - *қаьпар/қаьфар/қаьһар* «поймает ртом»; при первом условии *ш* переходит в *ч* (*баи* «язва» - *баьы* «его язва», *эи* «друг» - *эчи* «его друг», *ээи* «медведица» - *ээчи* «его медведица»), при втором - в *һ* или остается в виде глухого сильного *ш* (*баьи* «голова» - *баьһи/баьшы* «его голова», *қаьи* «сколько» - *қаьһан/қаьһян* «когда»), согласный *к* или *к* после чистых кратких и долгих гласных озвончается в *г* или *г*, а после фарингализованных гласных переходит в *h*, например, *ақ* «степь» - *аьы* «его степь», *аақ* «отравись» - *аагар* «отравится», *һаақ* «лыжи» - *һааьы* «его лыжи», *һек* «кукушка» - *һегі* «его кукушка», но *аьқ* «теки» - *аьһар* «потечёт», *оьқ* «пу-ля» - *оьһы* «его пуля».

На стыке морфем, при присоединении некоторых суффиксов, обычно личной принадлежности, причастия будущего времени на *=ар* и некоторых залогов, образуется вторичный долгий гласный за счёт выпадения в основе значимых слов конечных согласных *з, г, қ, к, л, р*, иногда *й*, или выпадения начальных согласных *з, г, қ, к* в суффиксе причастия прошедшего времени на *=ган*, деепричастия на *=гаш* и ряда других, попавших в положение между гласными, например: *даг* «гора» - *даа* «его гора», *суз* «вода» - *суу* «его вода», *бег* «начальник» - *баэ* «его начальник», *қарақ* «глаза» - *қараа* «его глаза», *балық* «рыба» - *балыы* «его рыба», *һерик* «яр, обрывистый берег» - *һериин* «его яр, его обрывистый берег», *һерәк* «дело» - *һераа* «его дело», *һий* «грех» - *һии* «его грех», *бол* «будь» - *боор* «будет», *сал* «положи» - *салыр/саар* «положит», *саг* «подой (корову)» - *саар* «подойт», *кір* «войди» - *киир* «впусти», *аңна* «охотиться» - *аңнаан* «охотившийся; охотился», *аңнава* «не охотиться» - *аңнаваан* «не охотившийся; не охотился», *келгән* «пришедший; пришёл», но *келбаған* «не пришедший; не пришёл», *аңнааш* «охотившись», *аңнавааш* «не охотившись», *келбааш* «не придя».

Следует иметь в виду, что в случае односложных слов образование вторичных долгих гласных происходит только за счёт выпадения конечного согласного *з*, оказавшегося на стыке морфем в положении между гласными, например, *аг* «облава» - *аа* «его облава», *баг* «ремень» - *баа* «его ремень», *чаг* «сало» - *чаа* «его сало», *өг* «дом» - *өө* «его дом», *эг* «согни» - *ээр* «согнёт», *кег* «кроши» - *каэр* «покрошит», *қаг* «брось» - *каар* «бросит».

В составе консонантизма сойотского языка представлены помимо согласных *б, п, в, ф, т, д, с, з, ш, ж, ч, л, р, й, к, х, г, ц, ш*, произносимых как и соответствующие русские буквы, еще 5 специфических согласных, для обозначения которых взяты соответствующие буквы из алфавитов языков народов бывшего СССР: *қ, з, ң, ч, һ*, например: *қарақ* «глаза», *қараган* «багульник, рододендрон», *һем* «река», *һам* «шаман», *шаг чоқ* «нет ни звука», *чарацаң* «соболя», *аң* «зверь», *доңган* «замёрз».

Для системы консонантизма сойотского языка характерно особое явление переассимиляции согласных вторых слогов, если в них стоит узкий гласный, который в определённых позициях

выпадает, а эти согласные оказываются по соседству, после чего начинаются процессы ассимиляции и диссимиляции, изменяющие качество согласных. Так, например, в глаголах типа *сагын* «вспомни», *уһил* «сними одежду», *көзил* «виднейся», у существительных типа *тағын* «внешняя часть», *иһин* «внутренняя часть», *аас* (< др.-тюрк. *ayiz*) «рот», *боос* (< др.-тюрк. *boviz*) «горло», *оол* (< др.-тюрк. *oyul*) «сын» произошли следующие преобразования: *сақтыр* «вспомнит», *уһытыр* «снимет одежду», *көстір* «будет виднеться», *тағыты* «его внешняя часть», *иһити* «его внутренняя часть», *ақсы* «его рот», *боқсы* «его горло», *оглы* «его сын».

Сингармонизм сойотского языка представлен в виде двух типов, а именно:

1) **палатальный сингармонизм**, суть которого заключается в том, что в словах и словоформах употребляются гласные одного вида – либо мягкорядные *э (е), а, ө, ү, и, і* и соответственно фарингализованные и долгие, либо твёрдорядные *а, о, у, ы* и тоже соответственно фарингализованные и долгие, что различает смысл слов, например, *кеъс* «режь» – *қаъс* «грызи орехи», *кел* «приходи» – *қал* «оставайся», *кеъи* «шкура» – *қаъи* «сколько», *иът* «толкай» – *ыът* «собака», *ээр* «крути» – *аар* «тяжёлый»;

2) **губной, или лабиальный сингармонизм**, суть которого заключается в том, что в первом слоге слов могут быть все типы гласных, в то время как во втором и последующих слогах употребление огубленных гласных весьма ограничено, здесь используются главным образом неогубленные гласные. Закономерность прослеживается следующая:

<u>1-й слог</u>	<u>2-й слог</u>	<u>Примеры</u>
<i>а</i>	<i>а, ы</i>	<i>алақ</i> «пегий», <i>чарацаң</i> , <i>алды</i> «соболь», <i>балық</i> «рыба», <i>алыр</i> «возьмёт»;
<i>о</i>	<i>а, ы</i>	<i>одағ</i> «бивак», <i>оран</i> «страна», <i>орын</i> «место», <i>оры</i> «кладовая грызуна», <i>олыр</i> «сядь»;
<i>у</i>	<i>а, ы</i>	<i>улағ</i> «транспорт», <i>уйа</i> «гнездо», <i>утасын</i> «нитка», <i>улығ</i> «большой», <i>урығ</i> «ребёнок»;
<i>ы</i>	<i>а, ы</i>	<i>ыглаған</i> «плаксивый», <i>ыйдыға</i> «ямка от следа», <i>ыра</i> «обычай», <i>ындыртын</i> «оттуда», <i>ын дығ</i> «так, такой», <i>ышығыр</i> «слегка опухший»;
<i>э</i>	<i>э, е, а, и, і</i>	<i>эришкәк</i> «неразлучный», <i>эзер</i> «седло», <i>егләргә</i> «начальникам», <i>ләргә</i> «начальникам», <i>эккі</i> «хороший», <i>элик</i> «косуля», <i>эмиш</i> «наверное»;
<i>ө</i>	<i>э, е, а, и, і</i>	<i>өбигә</i> «прадед», <i>өгләргә</i> «в дома», <i>һөрәмә</i> «слой сливок на молоке», <i>һөшигә</i> «занавес», <i>чөдірик</i> «кашель», <i>чөлөгө</i> «бык изюбря»;
<i>ү</i>	<i>э, е, а, и, і</i>	<i>үйә</i> «время, пора», <i>үлегер</i> «сказка», <i>үзинді</i> «обрывок», <i>үлиғ</i> «доля, часть», <i>үләғ</i> «делёж», <i>үттіг</i> «дырявый», <i>үстіртін</i> «сверху»;
<i>и, і</i>	<i>э, е, а, и, і</i>	<i>кірер</i> «войдёт», <i>итәгәл</i> «доверие», <i>иһә</i> «мать», <i>иһи</i> «два», <i>иһитиндә</i> «внутри».

Есть, правда, и исключения из этого строгого правила, но их единицы. Обычно они встречаются в словах, заимствованных из других языков, но есть и свои по происхождению. Примеров относительно немного: *бөгүньцүг* «слишком жирная – о пище», *чөдүс* «осока», *огороот* «огород», *йапоошхо* «лепёшка», *айоол* «опасность», *буруута* «виноватый», *һөвөн* «вата», *һөдүгүр* «горбатый», *һөлүмдірік* «нагрудная шлея у седла», *төһүнүк* «отлогий, пологий», *һурупчы* «напёрсток», *һундус* «выдра; бобр», *үңгүрһән* «рыбья икра». Встречаются случаи перебоев, когда могут быть оба варианта – с губным и негубным гласным, например: *құрыт~құрут* «высуши», *құьсық~құьсуқ* «кедровая шишка», *чөлөгө~чөлөгө* «бык изюбря», *оды~оду* «его огонь», *оты~оту* «его трава», *төһи~төһү* «метель, вьюга». При этом чаще всего слышится вариант с негубным гласным.

Грамматика частей речи сойотского языка

Сойотский язык по типу своего грамматического строя относится к агглютинативно-аналитическим языкам. Морфологическая структура сойотского слова носит общетюркский характер: слово состоит из корневой морфемы, словообразовательного, формообразовательного и словоизменительного аффиксов, присоединяемых к корню именно в этой последовательности, например, *балыкчыларымда* (*балык-чы-лар-ым-да*) «у моих рыбаков». Образование новых слов осуществляется как аффиксальным, так и неаффиксальным способами.

Состав классов слов и частей речи тот же, что и в других тюркских языках – выделяется класс знаменательных слов с группами назывных и указательных слов, классы служебных, модальных, аффектных и изобразительных слов.

Класс знаменательных слов

Назывные слова

Имена существительные называют предметы в широком смысле этого слова и имеют следующие грамматические категории – категории числа, принадлежности, падежа, определенности/неопределенности, категории грамматического рода нет.

Основы имён существительных выражают обычно единственное число называемых ими предметов. Их множественное число выражает аффикс *-лар/-лэр, -нар/-нэр, -тар/-тэр*, присоединяемый к основам имён в зависимости от их конечных звуков. Примеры: *даглар* «горы», *өглэр* «дома», *барвалар* «перемётные сумы», *ивилэр* «домашние олени», *байырлар* «праздники», *черлэр* «земли, страны», *һаайлар* «носы», *һийлэр* «грехи», *маллар* «скотины», *һеллэр* «берега», *һамнар* «шаманы», *һемнэр* «реки», *ойыннар* «игры», *диңнэр* «белки», *аңнар* «звери», *балыктар* «рыбы», *чечәктәр* «цветы», *баһитар* «головы», *эштәр* «друзья», *таастар* «тазы», *үстәр* «рыси».

Личная принадлежность выражается присоединением к основам имён существительных специальных аффиксов, которые суть следующие:

а) после основ, оканчивающихся на гласные:

	<u>Единственное число</u>	<u>Множественное число</u>
1-е лицо	-м	-выс/-вис
2-е лицо	-ң	-ңар/-ңэр
3-е лицо	-сы/-сі	-сы/-сі

б) после основ, оканчивающихся на согласные:

	<u>Единственное число</u>	<u>Множественное число</u>
1-е лицо	-ым/-и(i)м	-ывыс/-и(i)вис
2-е лицо	-ың/-и(i)ң	-ыңар/-и(i)ңэр
3-е лицо	-ы/-и(i)	-ы/-и(i)

Примером изменения по лицам личной принадлежности у именных основ первого варианта может послужить слово *ава* «мама»:

1-е лицо	<i>авам</i> «моя мама»	<i>ававыс</i> «наша мама»
2-е лицо	<i>аваң</i> «твоя мама»	<i>аваңар</i> «ваша мама»
3-е лицо	<i>авасы</i> «его мама»	<i>авасы</i> «их мама».

Примером изменения по лицам личной принадлежности у именных основ второго варианта может послужить слово *няш* «дерево»:

1-е лицо	<i>нячым</i> «моё дерево»	<i>нячывыс</i> «наше дерево»
2-е лицо	<i>нячың</i> «твое дерево»	<i>нячыңар</i> «ваше дерево»
3-е лицо	<i>нячы</i> «его дерево»	<i>нячы</i> «их дерево».

При этом на стыке морфем происходят указанные выше преобразования и чередования звуков, особенно с окончаниями слов на согласные, а именно: любые основы с краткими гласными, оканчивающиеся на *г*, теряют его, а гласный, стоящий перед этим *-г*, становится долгим, например, *аг* «облава» – *аа* «его облава», *даг* «гора» – *даам* «моя гора», *суг* «вода» – *суум* «моя вода», *өг* «дом» – *өөм* «мой дом», *балыг* «рана» – *балыым* «моя рана», *аарыг* «болезнь» – *аарыы* «его болезнь»; любые двух и более сложные основы, оканчивающиеся на *-к(-к)*, теряют его, а гласный, стоящий перед ним, удваивается, например, *балык* «рыба» – *балы* «его рыба», *кеъсик* «половина» – *кеъсиним* «моя половина», *кеъсак* «кусок» – *кеъсаам* «мой кусок»; в односложных словах с чистыми краткими и долгими гласными, имеющими согласный *-к(-к)* на конце, а также любой другой согласный, эти согласные озвончаются, например, *ақ* «белок» – *агы* «его белок», *сөөк*

«кость» – *сөөгү* «его кость», *паш* «котёл» – *пачы* «его котёл», *һарыш* «пядь» – *һарыцы* «его пядь», *аң* «зверь» – *аңы* «его зверь», *эши* «медведица» – *эңи* «его медведица», *ат* «имя» – *ады* «его имя», *ас* «горноста́й» – *азы* «его горноста́й», *ай* «луна» – *айы* «его луна», *қап* «мешок» – *қавы* «его мешок». После фарингализованных гласных происходят иные по качеству чередования согласных: звук *-т* сохраняет глухость, например, *аът* «лошадь» – *аъты* «его лошадь», *оът* «трава» – *оъты* «его трава», звук *-қ (-к)* переходит в *һ*, звук *-ш* даёт мягкий *һь* или сохраняется в виде того же *ш*, например, *оъқ* «пуля» – *оъһы* «его пуля», *қыш* «зима» – *қыһи*~*қығышы* «его зима».

Склонение имён существительных сойотского языка представляет два типа – простое и притяжательное. Простое склонение имеет специальные падежные аффиксы, употребление которых регулируется качеством конечных звуков именных основ. Притяжательное склонение базируется на показателях личной принадлежности, к которым присоединяются аффиксы падежей простого склонения.

Простое склонение имеет семь падежей со следующими вариантами падежных аффиксов:

Падежи	Аффиксы
Именительный	- (основа)
Винительный	-ны/-ні, -ты/-ті
Родительный	-ның/-нің, -тың/-тің
Дательный	-ға/-гә, -қа/-кә
Местный	-да/-дә, -та/-тә
Исходный	-дан/-дән, -тан/-тән
Направительный	-ғыды/-гиді, -қыды/-кіді.

Особенностью сойотского языка в области склонения является то, что при присоединении аффикса дательного падежа к имени существительному, имеющему в конце согласный *-м*, аффикс дательного падежа *-ға/-гә* может заменяться вариантом *-ба/-бә*, например, сосуществуют варианты *қымға*~*қымба* «кому», *һемға*~*һемба* «на реку», то же и в притяжательном склонении, например, *өәмбә* «ко мне домой», *аътымба* «моему коню».

Кроме того, при присоединении аффикса дательного падежа к многосложной основе, имеющей в конце краткий гласный, начальный *-ә/-г* аффикса, оказавшийся на стыке морфем в интервокальном положении, исчезает, появившийся вторичный долгий гласный образуется по гласному аффикса, например, *аңшы* «охотник» – *аңшаа* «охотнику», *иви* «олень» – *ивәә* «оленю», *ава* «мама» – *аваа* «маме», *чазы* «поляна» – *чазаа* «на поляну».

Примерами простого склонения могут послужить следующие слова:

Им. пад.	<i>киши</i> «человек»	<i>ары</i> «пчела»	<i>даш</i> «камень»	<i>һем</i> «река»
Вин. пад.	<i>кишині</i>	<i>арыны</i>	<i>дашты</i>	<i>һемні</i>
Род. пад.	<i>кишинің</i>	<i>арының</i>	<i>даштың</i>	<i>һемнің</i>
Дат. пад.	<i>кишигә</i>	<i>араа</i>	<i>дашиқа</i>	<i>һембә</i>
Мест. пад.	<i>кишидә</i>	<i>арыда</i>	<i>дашта</i>	<i>һемдә</i>
Исх. пад.	<i>кишидән</i>	<i>арыда</i>	<i>дашта</i>	<i>һемдә</i>
Напр. пад.	<i>кишигиді</i>	<i>арыгыды</i>	<i>дашиқыды</i>	<i>һемгиді.</i>

Притяжательное склонение в сойотском языке имеет те же семь падежей, аффиксы которых взаимодействуют с окончаниями личной принадлежности следующим образом:

Единственное число

Им. пад.	-м, -ым/-и(i)м	-ң, -ың/-и(i)ң	-ы/-и(i), -сы/-сі
Вин. пад.	-мны, -ымны -мні, -и(i)мні	-ңны, -ыңны -ңні, -и(i)ңні	-ын/-и(i)н, -сын/-сін
Род. пад.	-мның, -ымның -мнің, -и(i)мнің	-ңның, -ыңның -ңнің, -и(i)ңнің	-ының, -сының -и(i)нің, -синің
Дат. пад.	-мба, -ымба -мбә, -и(i)мбә	-ңға, -ыңға -ңгә, -и(i)ңгә	-ыңа, -сыңа -и(i)ңә, -сиңә
Мест. пад.	-мда, -ымда -мдә, -и(i)мдә	-ңда, -ыңда -ңдә, -и(i)ңдә	-ында, -сында -и(i)ндә, -синдә
Исх. пад.	-мдан, -ымдан -мдән, -и(i)мдән	-ңдан, -ыңдан -ңдән, -и(i)ңдән	-ындан, -сындан -и(i)ндән, -синдән
Напр. пад.	-мгыды, -ымгыды -мгиді, -и(i)мгиді	-ңгыды, -ыңгыды -ңгиді, -и(i)ңгиді	-ынгыды, -сынгыды -и(i)нгиді, -сингиді

В качестве примеров притяжательного склонения с формами единственного числа можно привести те же слова, что были даны выше для иллюстрации простого склонения:

кишим «мой человек» – *кишимні, кишимнің, кишимба, кишимда, кишимдән, кишимгиді*
арым «моя пчела» – *арымны, арымның, арымба, арымда, арымдан, арымгыды*
дацым «мой камень» – *дацымны, дацымның, дацымба, дацымда, дацымдан, дацымгыды*
һемим «моя река» – *һемимні, һемимнің, һемимба, һемимда, һемимдән, һемимгиді*
кишиң «твой человек» – *кишиңні, кишиңнің, кишиңга, кишиңда, кишиңдән, кишиңгиді*
арың «твоя пчела» – *арыңны, арыңның, арыңга, арыңда, арыңдан, арыңгыды*
дацың «твой камень» – *дацыңны, дацыңның, дацыңга, дацыңда, дацыңдан, дацыңгыды*
һемиң «твоя река» – *һемиңні, һемиңнің, һемиңга, һемиңда, һемиңдән, һемиңгиді*
кишисі «его человек» – *кишисін, кишисінің, кишисіңга, кишисінда, кишисіндән, кишисінгиді*
арысы «его пчела» – *арысын, арысының, арысыңга, арысында, арысындан, арысыңгыды*
дацы «его камень» – *дацын, дацының, дацыңга, дацында, дацындан, дацыңгыды*
һеми «его река» – *һемин, һеминің, һемиңга, һеминда, һеминдән, һемингиді.*

Множественное число

Им. пад.	–(ы)выс/–(и)вис	–(ы)ңар/–(и)ңәр	–ы/-и, –сы/-си
Вин. пад.	–(ы)высты/–(и)висті	–(ы)ңарны/–(и)ңәрні	–ын/-ин, –сын/-сін
Род. пад.	–(ы)выстың/–(и)вистің	–(ы)выстың/–(и)вистің	–ының/-инің –сының/-сінің
Дат. пад.	–(ы)высқа/–(и)вискә	–(ы)ңарга/–(и)ңәргә	–ыңа/-иңә, –сыңа/-сіңә
Мест. пад.	–(ы)выста/–(и)вистә	–(ы)ңарда/–(и)ңәрдә	–ында/-индә, –сында/-сіндә
Исх. пад.	–(ы)выстан/–(и)вистән	–(ы)ңардан/–(и)ңәрдән	–ындан/-индән –сындан/-сіндән
Напр. пад.	–(ы)высқыды –(и)вискіді	–(ы)ңаргыды –(и)ңәргиді	–ыңгыды/-иңгиді –сынгыды/-сінгиді.

В качестве примера просклоняем в притяжательном склонении множественного числа слова *ары* «пчела» и *даш* «камень»:

арывыс «наша пчела» – *арывысты, арывыстың, арывысқа, арывыста, арывыстан, арывысқыды*
арыңар «ваша пчела» – *арыңарны, арыңарның, арыңарга, арыңарда, арыңардан, арыңаргыды*
арысы «их пчела» – *арысын, арысының, арысыңга, арысында, арысындан, арысыңгыды*
дацывыс «наш камень» – *дацывысты, дацывыстың, дацывысқа, дацывыста, дацывыстан, дацывысқыды*
дацыңар «ваш камень» – *дацыңарны, дацыңарның, дацыңарга, дацыңарда, дацыңардан, дацыңаргыды*
дацы «их камень» – *дацын, дацының, дацыңга, дацында, дацындан, дацыңгыды.*

Категория определённости/неопределённости у существительных сойотского языка, как и вообще в тюркских языках, выражается прежде всего категорией личной принадлежности, как самой по себе, так и при склонении. Если взять любое имя существительное вне категории личной принадлежности, то оно имеет значение предмета вообще, например, *киши* – это человек вообще, неконкретный человек, а если возьмём это слово в форме личной принадлежности, например, *кишивис*, то это уже конкретный человек, это наш человек. Этот принцип распространяется на все имена. Кроме того, сойотский язык использует историческое общетюркское имя числительное *бір* скорее не как количественное числительное «один», а в качестве неопределённого артикля со значением «некий, какой-то». Так, фраза *Бір киши келгән* означает «Пришёл какой-то человек». Если нужно сказать, что пришёл один человек (а не два и не три), то скажут: *Бірәә киши келгән*.

Имена прилагательные сойотского языка называют различные качества, свойства, признаки предметов, лиц и явлений и не имеют степеней сравнения, в них представлены только формы усиления и ослабления степени качества. Особенно употребительны эти формы с прилагательными цвета. Для указания на интенсивность окраски используется повтор начального слога с со-

гласным *-п* в конце, например, *ап-ақ* «белый-пребелый», *қап-қара* «чёрный-пречёрный», *қып-қызыл* «красный-прекрасный», *сап-сарығ* «жёлтый-прежёлтый» и т.п. Для других прилагательных используется усилительное наречие *туң* «очень», например, *туң узын* «очень длинный», *туң улығ* «очень большой». Иногда применяются синтаксические конструкции типа *улығдан улығ* или *улығның улығы* «очень большой». Для выражения ослабления степени качества прилагательных цвета используются аффиксы *-сым /-сім*, *-сығ/-сіг*, *-сыңғы/-сінгі*, например, *ақсым*, *ақсығ*, *ақсыңғы* «беловатый», *қызылсым*, *қызылсығ*, *қызылсыңғы* «красноватый» и т.п. С обычными прилагательными употребляется аналитическая конструкция со словом *шалаа* или *шалыы* «немного, чуть-чуть», например, *шала узын* «длинноватый», *шала улығ* «великоватый». Всё сказанное выше относится к качественным прилагательным.

Относительные прилагательные образуются от имён существительных и глаголов при помощи различных словообразовательных аффиксов. При этом наиболее активным аффиксом, образующим прилагательные от существительных со значением обладания является *-лығ/-ліг*, *-нығ/-ніг*, *-тығ/-тіг*, выражающий обычную, нейтральную степень обладания. Так, например, словоформа *даштығ* означает просто «каменистый, имеющий камень или камни». Если же нужно выразить обладание очень большим количеством предметов, то применяется аффикс *-гыры/-гірі*, *-қыры/-кірі*, например, *дашқыры* «чересчур каменистый, изобилующий камнями», *сугыры* *цер* «местность, изобилующая водными источниками».

Прилагательные, употребляемые в качестве определений к существительным, не согласуются с ними, а просто примыкают, не изменяя своей формы.

В составе числительных сойотского языка, называющих как различные количественные признаки предметов, так и числа как таковые, выделяются разряды количественных, порядковых, разделительных, собирательных, дробных, неопределённых.

Количественные числительные представляют собой названия единиц, десятков, а также составных числительных.

Названия единиц первого десятка:

<i>бірәә</i>	«один»	<i>аълты</i>	«шесть»
<i>иъһи</i>	«два»	<i>чеді</i>	«семь»
<i>үш</i>	«три»	<i>сес</i>	«восемь»
<i>дөрт</i>	«четыре»	<i>тос</i>	«девять»
<i>беш</i>	«пять»	<i>он</i>	«десять».

Названия десятков:

<i>чээрби-чээрви</i>	«двадцать»	<i>чедон</i>	«семьдесят»
<i>үчөн</i>	«тридцать»	<i>сес он</i>	«восемьдесят»
<i>дөртөн</i>	«сорок»	<i>тос он</i>	«девяносто»
<i>бечөн</i>	«пятьдесят»	<i>чүс</i>	«сто»
<i>аълтон</i>	«шестьдесят»	<i>мың</i>	«тысяча».

Составные числительные образуются по модели: *он бірәә* – 11, *он иъһи* – 12, *он үш* – 13, *чээрби иъһи* – 22, *чээрби беш* – 25, *дөртөн аълты* – 46, *сес он сес* – 88, *иъһи чүс чээрби беш* – 225, *беш чүс аълтон чеді* – 567, *үш мың тос чүс тос он тос* – 3999 и т.д.

Порядковые числительные образуются путём присоединения к количественным числительным слова *дугаар*, которое как лексема имеет значение «номер»: *бірәә дугаар* «первый» (оно иногда заменяется словом *баъшқы* «первый, начальный»), *иъһи дугаар* «второй», *үш дугаар* «третий», *он бірәә дугаар* «одиннадцатый», *чээрби дугаар* «двадцатый», *бечөн дугаар* «пятидесятый», *дөрт чүс сес он дугаар* «четыреста восьмидесятый», *иъһи мың он дугаар* *чыл* «две тысячи десятый год» и т.п.

Разделительные числительные в сойотском языке образуются путём присоединения к основе количественного числительного аффиксов *-ар/ -эр*, *-лар/-лэр(-лөр)*:

<i>бірәр</i>	«по одному»	<i>аълтылар</i>	«по шесть»
<i>иъһиләр</i>	«по два»	<i>чедиләр</i>	«по семь»
<i>үчәр</i>	«по три»	<i>сезәр</i>	«по восемь»
<i>дөртәр</i>	«по четыре»	<i>тозар</i>	«по девять»
<i>бечәр</i>	«по пять»	<i>онар</i>	«по десять».

Собирательные числительные в сойотском языке образуются при помощи аффикса *-аан/-ээн*, который присоединяется к основам количественных числительных:

<i>чаңгысқа(ан)</i>	«в одиночку»	<i>аълтаан</i>	«вшестером»
<i>иһаэн</i>	«вдвоём»	<i>чедаэн</i>	«всемером»
<i>үцаэн</i>	«втроём»	<i>сезаэн</i>	«ввосьмером»
<i>дөртээн</i>	«вчетвером»	<i>тозаан</i>	«вдевятером»
<i>бецаэн</i>	«впятером»	<i>онаан</i>	«вдесятером».

Для образования дробных числительных знаменатель ставится в форму родительного падежа, числитель – в форму принадлежности 3-го лица, то есть используется форма полного изафета типа *үштің иһисі* «две трети», *дөрттің үчү* «три четвёртых», *онның дөрті* «четыре десятых». «Половина» называется словами *кеъсик* или *чартык*. Так, *бірәә бір кеъсик*, *бірәә чартык* означает «полтора», *иһи кеъсик*, *иһи чартык* – «два с половиной», *үш кеъсик*, *үш чартык* – «три с половиной» и т.д.

К неопределённым числительным следует отнести слова *бір қаъи*, *бір чеһа* «несколько», *көһп*, *көһһай-көһфай* «много», *эвеш-эвәш* «мало, немного».

Наречия в сойотском языке, называющие различные обстоятельства, при которых действуют предметы, могут быть непроизводные или, иначе говоря, первообразные и производные, образованные различными способами от разных частей речи. Первообразные наречия зачастую совпадают с прилагательными, но не всегда, например, *ам* «сейчас, теперь», *үр* «долго», *эккі* «хороший; хорошо», *элек-эләк* «недозрелый; ещё рано», *һей* «пустой, напрасный; зря, напрасно». Наречия от прилагательных часто образуются при помощи присоединения аффикса дательного падежа, например, *элекке-аләккә* «преждевременно, раньше срока», *байга* «богато», *пәккә* «плохо», *һерәктиге* «по делу», *чаңгысқа* «в одиночку, в одиночестве». Иногда для придания наречию более убедительного обстоятельственного значения оно сопровождается словом *қылы* «как, в качестве», например, *қуды* «вниз» – *қуды қылы* «вниз», *шаары* «вверх» – *шаары қылы* «вверх». В некоторых случаях на то, что это наречие, указывает аффикс *-ды/-ді*, присоединяемый к наречиям, прилагательным, глаголам, например, *амды* «сейчас, теперь», *узады* «протяжно; вдоль», *қысқалады* «коротко, кратко», *чугалады* «тонко, тонким слоем». К глаголам подчас присоединяется наречный аффикс *-тыры/-тірі*, *-дыры/-дірі*, например, *эдәрттірі* «без задержки, тут же», *улаштыры* «беспрерывно; цепочкой», *үндірі* «наружу», *няндыры* «назад, обратно», *уьтыры* «навстречу», *уьтырылаштыры* «навстречу друг другу», *тәьтірі* «обратно».

В сойотском языке наблюдается также сохранение древнетюркских аффиксов некоторых обстоятельственных падежей, ставших впоследствии в некоторых тюркских языках наречиями, например, древнетюркский направительный падеж в сойотском *-гаары/-гәәрі*, *-қаары/-кәәрі*, древнетюркский инструментальный падеж в сойотском *-ын/-ин*, древнеуйгурский исходный падеж в сойотском *-тын/-тін*. Примеры: *оңгаары* «направо» от *оң* «правый», *бурыңгаары* «вперёд» от *бурын* «пространство впереди», *соңгаары* «назад» от *соң* «задняя часть», *иыккәәрі* «внутри» от *иышин* «внутренняя часть», *тағысқаары* «наружу» от *тағышын* «внешняя часть», *часқаары* «поздней зимой, ближе к весне» от *час* «весна», *қығысқаары* «поздней осенью» от *қығыш* «зима», *чайгаары* «поздней весной, ближе к лету» от *чай* «лето», *қускәәрі* «поздним летом, ближе к осени» от *қус* «осень»; *тағыштын* «двором, улицей» от *тағышын* «внешняя часть», *иыштын* «внутренней стороной» от *иышин* «внутренняя часть», *қығыһин* «зимой», *қузин* «осенью», *тағыштыртын* «извне, снаружи, с улицы», *уьстіртін* «сверху» и т.д.

Наречия от некоторых существительных образуются также формой местного и исходного падежей, например, *тағыштында* «вне, снаружи», *тағыштындан* «извне, снаружи», а также аффиксом *-лап/-ләп*, *-тап/-тәп*, *-нап/-нәп*, например, *орыстап* «по-русски» от *орыс* «русский», *бырааттап* «по-бурятски» от *быраат* «бурят», *иыннап* «правильно, верно» от *иын* «правда, истина».

Обстоятельственное значение некоторым существительным придаёт особое слово *иылыһы* «как, подобно», например, *өдірәк иылыһы эьштіп чооры* «плывёт как утка».

Как и во всех языках, наречия и в сойотском языке подразделяются на наречия места, времени, образа действия, меры и степени.

Глаголы называют различные действия и состояния, совершаемые предметами и лицами, и имеют в сойотском языке всевозможные формы – формы вида и залога, формы причастные и деепричастные, формы наклонений и времени, выражаемые специальными показателями.

Прежде всего все глагольные формы делятся на два типа – на личные и неличные, иначе гово-

ря на окончательные и неокончательные. При этом окончательные, или личные формы образуют главное сказуемое и связаны с лицом действия/состояния, а неокончательные, или неличные формы выражают второстепенное сказуемое и не получают личного оформления. Личные формы соотносятся с формами наклонений, а неличные – с причастиями и деепричастиями, лежащими в основе некоторых форм вида и изъявительного наклонения. Именно поэтому обзор глагольных форм начнём с них.

Как уже сказано, неличные формы в сойотском языке представлены формами причастий и деепричастий.

Причастия – это особые формы глагола, представляющие действие/состояние как признак, определяющий предмет или лицо, иначе говоря, выражат процессное определение. В сойотском языке отмечены следующие причастия:

а) причастие прошедшего времени с аффиксами $=\text{ган}/=\text{гэн}$, $=\text{қан}/=\text{кэн}$ и в отрицательном аспекте $=\text{баан}/=\text{бээн}$, $=\text{ваан}/=\text{вээн}$, $=\text{паан}/=\text{пээн}$, $=\text{маан}/=\text{мээн}$, например, *алган* «взявший» – *албаан* «не взявший», *келгэн* «пришедший» – *келбээн* «не пришедший», *аңнаан* «охотившийся» – *аңнаваан* «не охотившийся», *ээлгэн* «хозяйничавший» – *ээлевээн* «не хозяйничавший», *туътқан* «схвативший» – *туътпаан* «не схвативший», *тэьпкэн* «пнувший» – *тэьппээн* «не пнувший», *нянган* «вернувшийся домой» – *нянмаан* «не вернувшийся домой», *кеттингэн* «одевшийся» – *кеттинмээн* «не одевшийся»;

б) причастие настоящее-будущего времени с аффиксом $=\text{ар}/=\text{эр}$, $=\text{ыр}/=\text{и(і)р}$ в положительном и $=\text{бас}/=\text{бэс}$, $=\text{вас}/=\text{вэс}$, $=\text{пас}/=\text{пэс}$, $=\text{масс}/=\text{мэс}$ в отрицательном аспекте, например, *алыр* ($\sim\text{аар}$) «берущий» – *албас* «не берущий», *келір* ($\sim\text{кээр}$) «приходящий» – *келбэс* «не приходящий», *болыр* ($\sim\text{боор}$) «будущий» – *болбас* «невозможный», *аңнаар* «охотящийся» – *аңнавас* «не охотящийся», *ээлээр* «хозяйничающий» – *ээлевэс* «не хозяйничающий», *туътар* «ловящий» – *туътпас* «не ловящий», *тэьһар* «пинающий» – *тэьһпэс* «не пинающий», *нянар* «возвращающийся домой» – *нянмас* «не возвращающийся домой», *кеттинэр* «одевающийся» – *кеттинмэс* «не одевающийся».

Деепричастия – это особые формы глагола, представляющие вторичные действие/состояния как признаки основного действия, которые не изменяются по лицам и числам и не могут выступать в роли сказуемого законченного предложения. В сойотском языке отмечены следующие деепричастия:

а) деепричастие с аффиксом $=\text{ы}/=\text{и(і)}$, $=\text{а}/=\text{э}$, $=\text{й}$, например, *алы* «беря», *бери* «давая», *бары* «идя», *кели* «приходя», *туътта* «держая», *көһһа* «кочуя», *аңнай* «охотясь», *дэй* «говоря»;

б) деепричастие с аффиксом $=\text{п}$, $=\text{ып}/=\text{и(і)п}$, например, *алып* «взяв», *берип* «дав», *келип* «придя», *болып* «будучи», *аңнап* «охотясь», *туътып* «держая», *нянып* «вернувшись домой», *көһһип* «кочуя», *дэп* «говоря»;

в) отрицательное деепричастие с аффиксом $=\text{бийн}$, $=\text{вийн}$, $=\text{пийн}$, $=\text{мийн}$, которое в отрицательном аспекте употребляется вместо двух вышеприведённых, например, *албийн* «не беря», *бербийн* «не давая», *келбийн* «не приходя», *болбийн* «не будучи», *аңнавийн* «не охотясь», *дэвийн* «не говоря», *туътпийн* «не держа», *тэьппийн* «не пиная», *нянмийн* «не идя домой», *кеттинмийн* «не одеваясь», *орык билбийн асқан мен* «я заблудился, не зная дороги»;

г) деепричастие прошедшего времени с аффиксом $=\text{гаиш}/=\text{гэиш}$, $=\text{қаиш}/=\text{кэиш}$ и в отрицательном аспекте с аффиксом $=\text{бааиш}/=\text{бэиш}$, $=\text{вааиш}/=\text{вэиш}$, $=\text{пааиш}/=\text{пэиш}$, $=\text{мааиш}/=\text{мэиш}$, например, *алгаиш* «взяв», *албааиш* «не взяв», *келгэиш* «придя», *келбэиш* «не придя», *туътқаиш* «схватив», *туътпааиш* «не схватив», *аңнааиш* «охотившись», *аңнавааиш* «не охотившись», *дэгаиш* «сказав», *дэвэиш* «не сказав», *нянгаиш* «вернувшись домой», *нянмааиш* «не вернувшись домой», *кеттингэиш* «одевшись», *кеттинмэиш* «не одевшись»;

д) деепричастие предела с аффиксом $=\text{гышиа}/=\text{гышиэ}$, $=\text{қышиа}/=\text{кышиэ}$ обозначает действие/состояние, со времени совершения которого начинается действие, выраженное другим глаголом, например, *қығыш болгышиа* «пока не наступит зима», *алгышиа* «до тех пор, пока не возьмёт», *келгышиэ* «до тех пор, пока не придёт», *туътқышиа* «до тех пор, пока не поймает», *тэькышиэ* «до тех пор, пока не пнёт»; может оформляться аффиксами личной принадлежности: *нянгышам* «до тех пор, пока я не вернусь домой»;

е) сопроводительное деепричастие с аффиксом $=\text{бышаан}/=\text{бишээн}$, $=\text{вышаан}/=\text{вишээн}$, $=\text{пышаан}/=\text{пишээн}$, $=\text{мышаан}/=\text{мишээн}$ оформляет действие, сопутствующее основному, например, *няш қығытпышаан туғышті* «дерево упало, горя», *албышаан* «беря», *келбишээн* «приходя», *аңнавышаан* «охотясь», *туътпышаан* «хватая, ловя», *нянмышаан* «возвращаясь домой», *кеттинмишээн* «одеваясь».

Видовые формы и формы акционсарта выражают особенности характера протекания действия/состояния и имеют следующие показатели:

1) на завершенность действия/состояния в плане прошедшего и будущего времён указывает завершенный вид с аффиксом $=\text{(ы)выт}/=\text{(у)віт}=\text{}$, этот вид имеет универсальный характер, например, *барывытқан* «ушёл», *келивітқан* «пришёл», *алывытқан* «взял», *беривітқан* «отдал», *қаавытқан* «бросил», *қаавыдар* «бросит», *алывыдар* «возьмёт», *келивідар* «придёт» и т.п.;

2) на завершенность действия/состояния в плане прошедшего и будущего времён указывает аналитическая форма акционсарта, состоящая из деепричастия на $=\text{н}$ значимого глагола и вспомогательного глагола *қағ*= или *қаавыт*= с лексическим значением «бросить, кинуть», например, *уттуп қаавытқан* «позабыл», *аът туътыт қағды* «поймал коня», *няш кеъсин қаар* или *няш кеъсин қаавыдар* «срубил дерево» и т.п.;

3) на законченность действия/состояния, вернее на интенсивный приступ к действию, на исчерпанность начального этапа действия указывает аналитическая форма $=\text{а(ы) бер}=\text{}$ в плане прошлого и будущего времён, например, *суғ һайны берді* «вода закипела», *аът киъштэй бергән* «конь заржал», *аһам чорый вээрдә* «когда мой старший брат уедет», *иштэні бээр* «начнёт работать, заработает»;

4) на незавершенность действия/состояния в плане настоящего времени указывает аналитическая форма, состоящая из деепричастия на $=\text{н}$ значимого глагола и одного из служебных глаголов бытия в форме настоящего времени – *туры*, *чыгтыры*, *чооры*, *олыры-ооры*, например, *сен қайнаары чорып чооры сен?* «ты куда идёшь?», *ол һемні баътыры салдап туры* «он плывёт на плоту вниз по реке», *мен талақып олыры (~ооры) мен* «я тороплюсь», *ол эът чип чыгтыры* «он ест мясо» и т.п.;

5) в плане же прошедшего и будущего времён эта аналитическая форма выражает длительность действия/состояния и одновременно его незавершенность, например, *бо цылын аһам ол тайгада аңнап турған* «в этом году мой старший брат охотился в той тайге», *мен талақып олырган мен* «я торопился», *сен дүүн қайнаары чорып чораан сен?* «ты куда вчера шёл?», *ол дартта эът чип чыгтар* «он завтра будет есть мясо» и т.п.

Залоговые формы выражают различные отношения между субъектом и объектом действия. В сойотском языке отмечены следующие залог:

1) основной, или действительный, залог, по оформлению совпадает с основой глагола, который по содержанию может быть переходным либо непереходным, например, *урыз қыс ойнаашқын алды* «девочка взяла куклу», *ыт дйіңні ээргән* «собака облаивала белку», *мен аалгыды чорыдым* «я шёл в деревню», *оолчық өге чүгіріп кіргән* «мальчик забежал в дом»;

2) возвратный залог, при котором субъект одновременно является и объектом своего действия, образуется в основном от переходных глаголов при помощи аффиксов $=\text{н}$, $=\text{ын}/=\text{и(і)н}$, $=\text{тын}/=\text{тін}$, $=\text{дын}/=\text{дін}$, $=\text{ттын}/=\text{ттін}$, например, *эһин*= «плавать, купаться» от *эһи*= «грести», *чун*= «мыться» от *чу*= «мыть», *мақтан*= «хвалиться» от *мақта*= «хвалить», *көрин*= ($\sim$ көрүн=) «надеяться», *алдын*= «братся» от *ал*= «братъ», *көрдін*= ($\sim$ көрдүн=) «осматриваться», *туъттын*= «держаться» от *туът*= «держать», *кеттін*= «одеваться» от *кет*= «надевать», *адаттын*= «называть» от *ада*= «называть»; иногда данный залог выражает обычность действия, например, *дааран*= «заниматься шитьём» от *дара*= «шить что-л. конкретное», *ыныңан*= «всегда так делать» от *ыныңа*= «так делать»;

3) страдательный залог выражает действие, которому подвергается грамматический субъект со стороны объекта, причём слово, называющее объект, становится грамматическим подлежащим, а называющее реального исполнителя действия – дополнением. По значению страдательный залог в сойотском языке близок к возвратному. Данный залог образуется при помощи аффикса $=\text{л}$, $=\text{ыл}/=\text{и(і)л}$, например, *арыл*= «очищаться, становиться чистым» от *ары*= «быть чистым», *үзіл*= «обрываться» от *үс*= «отрывать», *ырыл*= «раскалываться» от *ыр*= «раскалывать», *адырыл*= «разъединяться» от *адыр*= «разъединять»;

4) совместно-взаимный залог выражает действие, совершаемое взаимно или совместно несколькими действующими лицами, и образуется аффиксом $=\text{ш}$, $=\text{ыш}/=\text{и(і)ш}$, например, *алыш*= «брать вместе; брать друг у друга» от *ал*= «братъ», *дэш*= «говорить (о многих)» от *дэ*= «говорить, сказать», *таныш*= «знакомиться» от *таны*= «быть знакомым», *үзіш*= «помогать рвать; рвать друг друга» от *үс*= «отрывать»;

5) побудительный (как вариант используется термин понудительный) залог выражает каузативные отношения, то есть выражает действие, которое одно лицо или предмет навязывает (за-

ставляет или позволяет совершить) другому лицу или предмету и образуется в сойотском языке при помощи аффиксов =*t*, =*тыр*/=*тір*, =*дыр*/=*дір*, =*ыр*/=*у(і)р*, =*ыс*/=*у(і)с*, =*гыс*/=*гіс*, =*қыс*/=*кіс*, =*қыр*/=*кір*, причём выбор аффикса зависит главным образом от конечного звука глагольной основы, например, *аалдат* = «оставить в гостях» от *аалда* = «гостить», *қоърһыт* = «пугать» от *қоърт* = «бояться», *туъттыр* = «позволить себя поймать» от *туът* = «ловить», *алдыр* = «заставить взять» от *ал* = «брать», *билдір* = «доводить до сведения» от *бил* = «знать», *баътыр* = «опускаться» от *баът* = «опускаться», *кеъһир* = «переправлять через реку» от *кеъи* = «переправляться через реку», *аъһыс* = «проливать» от *аъқ* = «течь», *челіс* = «пускать рысью» от *чел* = «бежать рысью», *эргис* = «плавить, растаивать» от *эри* = «плавиться, таять», *отқыр* = «будить» от *одын* = (= *оттын*) = «просыпаться, пробуждаться», *асқыр* = «сбивать с дороги» от *ас* = «заблудиться», *өъскір* = «размножать» от *өъс* = «размножаться».

В ряде случаев отмечается сочетание двух разных залоговых аффиксов, например, *иширт* = «давать пить, поить» от *иш* = «пить», *чидірт* = «дать поесть, накормить» от *чи* = «есть, кушать», *өлирт* = «заставить убить» от *өлир* = «убить» от *өл* = «умирать».

Категория лица в сойотском языке представлена личными предикативными частицами, полностью повторяющими личные местоимения. Они используются при спряжении в сочетании с именной частью сказуемого. Частицы эти следующие:

Ед. число	Мн. число
1-е лицо <i>мен</i>	<i>бис</i>
2-е лицо <i>сен</i>	<i>сіләр</i>
3-е лицо <i>-</i>	<i>=лар/=ләр.</i>

Примеры: *мен аңшы мен* (*мен аңшы киши мен*) «я охотник», *мен аңшы оглы мен* (*мен аңшы кишинің оглы мен*) «я сын охотника», *сен келгән сен* «ты пришёл», *ол бақыш* «он учитель», *бис аңшылар бис* «мы охотники», *сіләр(ләр) келгән сіләр* «вы пришли», *олар бақышлар* «они учителя», *мен ном номчып туры мен* «я читаю книгу», *сен ном номчып туры сен* «ты читаешь книгу», *ол ном номчып туры* «он читает книгу», *бис ном номчып туры бис* «мы читаем книгу», *сіләр(ләр) ном номчып туры сіләр* «вы читаете книгу», *олар ном номчып турылар* «они читают книгу».

Следует отметить, что для 3-го лица единственного числа в прошлой истории сойотского языка существовала предикативная частица, повторяющая местоимение *ол* «он; тот», которая сохранилась в виде *-ыл*, *-л*, присоединяемая к вопросительным словам при вопросе, например, *бо чима қандыгыл?* «какая это вещь?», *шақ қашыыл?* «который час?», *сиң адың қымыл?* «как тебя зовут?», *бо чұл?* «что это?», *ол қымыл?* «кто он?», *сіләр қаш қарлыгыл?* «сколько Вам лет?», *ам чүні қырыл?* «что сейчас делать?», *қаньчан турыл?* «что происходит?», *бо боо гымныңыл?* «это чьё ружьё?».

Личные формы глагола, как уже сказано выше, соотносятся с формами наклонений, выражающими отношение действия к действительности. При этом действительность может быть связана с личным отношением к ней субъекта этого действия, с отношением ко времени действия и с различными обстоятельственными отношениями действия. Всё это разнообразные формы действительности, получившие отражение в глагольных формах. В сойотском языке отмечается 7 наклонений: повелительное, желательное, опасительное, изъявительное, условное, уступительное и сослагательное, иначе говоря, 3 модальных наклонения, 1 темпоральное и 3 адвербиальных.

1. Группа модальных наклонений представлена повелительным, желательным и опасительным наклонениями, выражающими отношение говорящего к действию.

а) Повелительное наклонение связано с субъективным побуждением к действию. Парадигма личных окончаний этого наклонения в сойотском языке имеет следующий вид:

Ед. число	Мн. число
1-е лицо = <i>ыйм</i> /= <i>ийм</i>	= <i>аалы</i> /= <i>әәлі</i>
2-е лицо основа глагола, <i>наан</i>	=(<i>ы</i>) <i>ңар</i> /= <i>(у~і)ңәр</i>
3-е лицо = <i>сын</i> /= <i>сін</i>	= <i>сыннар</i> /= <i>сіннар.</i>

В отрицательном аспекте аффикс =*ба*/=*бә* (с вариантами) присоединяется к основе глагола, при этом происходит фонетическое сращение данного аффикса с показателем лица. Парадигма выглядит следующим образом:

Ед. число	Мн. число
1-е лицо = <i>бийм</i> /= <i>вийм</i> = <i>пийм</i> /= <i>мийм</i>	= <i>баалы</i> /= <i>бәәлі</i> , = <i>наалы</i> /= <i>нәәлі</i> = <i>ваалы</i> /= <i>вәәлі</i> , = <i>маалы</i> /= <i>мәәлі</i>

2-е лицо	=ба/= бэ , =ва/= вэ , =на/= нэ , =ма/= мэ	=баңар/= бэңэр , =паңар/= пэңэр =ваңар/= вэңэр , =маңар/= мэңэр
3-е лицо	=басын/= бэсін , /=вэсін, пасын/= пэсін , /=пэсіннар, =васыннар/= вэсіннар , =масын/= мэсін , =масыннар/= мэсіннар .	=басын/= басыннар /= бэсіннар , =пасыннар/ /=пэсіннар, =васыннар/= вэсіннар , =масыннар/= мэсіннар .

Примеры: чорыйм «поеду-ка я», барыйм «уйду-ка я», олырыйм «сяду-ка я», келийм «приду-ка я», чоры «поезжай», бар «уходи», кел «приходи», кел наан «приходи-ка», бар наан «уходи-ка», чорысын «пусть едет», барсын «пусть уходит», келсін «пусть приходит», чораалы «поедем-ка мы», бараалы «уйдём-ка мы», келээлі «придём-ка мы», чорыңар «поезжайте», чорыңар наан «поезжайте-ка», келиңар «приходите», барсыннар «пусть уходят», чорывыйм «да не поеду я», келбийм «да не приду я», чорыва «не уезжай», келба «не приходи», чорываңар «не уезжайте», келбэңар «не приходите», чорывасыннар «пусть не уезжают», нямасыннар «пусть не возвращаются домой».

б) Желательное наклонение выражает желание, намерение совершить действие самим говорящим или его желание, чтобы действие совершил кто-либо другой. В сойотском языке это значение передаётся несколькими формами. Прежде всего для этой цели используется аффикс =гай/=**гэй**, =кай/=**кэй** в положительном аспекте и =баай/=**бээй**, =ваай/=**вээй**, =паай/=**пээй**, =маай/=**мээй** в отрицательном, например, баргай «ушёл бы ты», чораай «поехал бы ты», келгэй «пришёл бы ты», чорываай «не уезжал бы ты», келбээй «не приходил бы ты». В то же время данный аффикс образует будущее предположительное время, хотя и с оттенком желательности, чтобы действие произошло, например, бір-эмэс мен гелсэм, туиқай бис «если я приду, то увидимся». Желание, намерение совершить действие можно выразит также присоединением к основе глагола специального аффикса =қса/=**кэсэ**, =ықса/=**иксэ**, например, алықса= «хотеть взять, собираться взять», келиксэ= «хотеть придти, собираться придти», аңнақса= «хотеть охотиться, собираться охотиться». Кроме того, желание или нежелание, чтобы кто-либо совершил или не совершил действие, передается формой на =са ла/=**сэ ла**, =баса ла/=**бэсэ ла** (с вариантами), например, ол киши көрсэ ла «хоть бы тот человек увидел, только бы тот человек увидел», ол киши барса ла «только бы тот человек ушёл», ол киши көрвэсэ ла «лишь бы тот человек не увидел».

в) Опасительное наклонение выражает предостережение, опасение, как бы не случилось, не произошло нежелательное действие. В сойотском языке передается формой прошедшего категорического времени на =ды/=**дй**, =ты/=**тй** с соответствующим личным окончанием, например, алырың уттың! «смотри, не забудь взять!», как бы ты не забыл взять!», билип чи, сөөккэ қардың! «осторожно ешь, смотри, не подавись костью!», стуул қырындан чуулдым, һөй! «ой, как бы мне не упасть со стула!». В какой-то мере опасение передает и отрицательная форма желательного наклонения, например, бо-һун Сыдынҷап келвэсэ ла! «только бы Сыдынжап сегодня не пришёл!».

2. Темпоральное наклонение соотносится с категорией времени и служит для локализации во времени того действия/состояния, которое обозначено глаголом. Формы этого наклонения выражают различные типы отношений между временем действия и временем высказывания о нём, т.е. моментом речи. В сойотском языке выделяются следующие временные формы:

а) Настоящее обычное время образуется сочетанием деепричастия на =ы/=**и(й)**, =а/=**э**, =й значимого глагола с неизменяемой предикативной связкой дуры и выражает действие обычное, очевидцем которого говорящий не является, но знает о том, что оно сейчас происходит, например, урыг ыглай дуры «ребёнок плачет (о чём я знаю, но не вижу)», киши қышқыра дуры «человек кричит», аът ында тура дуры «конь там стоит», қыс ойнаашқын алы дуры «девочка берёт куклу». В отрицательном аспекте употребляется отрицательное деепричастие с аффиксом =бийн (с вариантами) и та же предикативная связка дуры, например, урыг ыглавийн дуры «ребёно не плачет», киши келбийн дуры «человек не идёт сюда». Иногда эту форму называют настоящим заглазным временем. Парадигма спряжения глагола в данной форме выглядит следующим образом.

Положительный аспект		
	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	=а дуры мен	=а дуры бис
2-е лицо	=а дуры сен	=а дуры сілэр
3-е лицо	=а дуры	=а дуры(лар).
Отрицательный аспект		
	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	=бийн дуры мен	=бийн дуры бис

2-е лицо	=бийн дуры сен	=бийн дуры сіләр
3-е лицо	=бийн дуры	=бийн дуры(лар).

б) Настоящее конкретное время выражает действие, очевидцем которого является говорящий, либо оно происходит в момент речи. Образуется, как и предыдущая, аналитическим путём на базе деепричастия на =и значимого глагола, к которому присоединяется один из служебных глаголов *тур*= «стоять», *олыр*= «сидеть», *чоры*= «идти; ехать», *чыгът*= «лежать», получивших в данном употреблении синтетическую форму настоящего конкретного времени с показателем =ы. Парадигма спряжения этих глаголов в данной форме выглядит следующим образом:

Ед. число			
1-е лицо	<i>туры мен</i>	<i>олыры (ооры) мен</i>	<i>чоры (чооры) мен</i> <i>чыгътыры мен</i>
2-е лицо	<i>туры сен</i>	<i>олыры (ооры) сен</i>	<i>чоры (чооры) сен</i> <i>чыгътыры сен</i>
3-е лицо	<i>туры</i>	<i>олыры (ооры)</i>	<i>чоры (чооры)</i> <i>чыгътыры</i>
Мн. число			
1-е лицо	<i>туры бис</i>	<i>олыры (ооры) бис</i>	<i>чоры (чооры) бис</i> <i>чыгътыры бис</i>
2-е лицо	<i>туры сіләр</i>	<i>олыры (ооры) сіләр</i>	<i>чоры (чооры) сіләр</i> <i>чыгътыры сіләр</i>
3-е лицо	<i>турылар</i>	<i>олыры (ооры)лар</i>	<i>чоры (чооры)лар</i> <i>чыгътырылар.</i>

Только эти 4 глагола бытия образуют данную форму синтетическим путём, все остальные глаголы используют аналитическую форму, в которой наиболее часто используется глагол *туры*. Примеры: *урыг ыглап туры* «ребёнок плачет (и я это вижу)», *бут дооп туры* «ноги мёрзнут», *мен талацпын туры мен* «я тороплюсь», *киши кышқырып туры* «человек кричит», *аът турып туры* «конь стоит», *киши чорып чооры* «человек идёт», *ол ном қыгырып олыры* «он читает книгу», *урыг улып чыгътыры* «ребёнок спит».

Отрицательный аспект образуется при помощи отрицательного деепричастия =бийн (с вариантами), который сочетается с одним из указанных вспомогательных глаголов, например, *сен қаньцангаш аътыңны қамनावийн туры сен?* «ты почему не жалеешь своего коня?», *мен ном қыгырбийн туры мен* «я не читаю книгу», *мен талащипийн туры мен* «я не тороплюсь», *бис бо чылын ол тайгада аңनावийн ооры бис* «мы в этом году в той гайге не охотимся», *сен қаньцангаш ыыттывийн олыры сен?* «ты почему молчишь?».

Два глагола движения *бар*= «уходить» и *кел*= «приходить» образуют настоящее конкретное время не от деепричастия на =и, а при помощи деепричастия на =ы/-і и вспомогательного глагола *чыгътыры*.

Положительный аспект

Ед. число			
1-е лицо	<i>бары чыгътыры мен</i>		<i>келі чыгътыры мен</i>
2-е лицо	<i>бары чыгътыры сен</i>		<i>келі чыгътыры сен</i>
3-е лицо	<i>бары чыгътыры</i>		<i>келі чыгътыры</i>
Мн. число			
1-е лицо	<i>бары чыгътыры бис</i>		<i>келі чыгътыры бис</i>
2-е лицо	<i>бары чыгътыры сіләр</i>		<i>келі чыгътыры сіләр</i>
3-е лицо	<i>бары чыгътыры(лар)</i>		<i>келі чыгътыры(лар)</i>

Отрицательный аспект

Ед. число			
1-е лицо	<i>барбийн чыгътыры мен</i>		<i>келбийн чыгътыры мен</i>
2-е лицо	<i>барбийн чыгътыры сен</i>		<i>келбийн чыгътыры сен</i>
3-е лицо	<i>барбийн чыгътыры</i>		<i>келбийн чыгътыры</i>
Мн. число			
1-е лицо	<i>барбийн чыгътыры бис</i>		<i>келбийн чыгътыры бис</i>
2-е лицо	<i>барбийн чыгътыры сіләр</i>		<i>келбийн чыгътыры сіләр</i>
3-е лицо	<i>барбийн чыгътыры(лар)</i>		<i>келбийн чыгътыры(лар).</i>

в) Настоящее продолженное время указывает на то, что действие/состояние когда-то началось и всё ещё продолжается, срок завершения его неизвестен. Данное время образуется на базе продолжительного деепричастия с аффиксом *=бышаан* (с вариантами) и одного из вспомогательных глаголов в настоящем времени, но главным образом *туры*. При спряжении по лицам присоединяются личные предикативные частицы, например, *мен аңнавышаан туры мен* «я всё ещё охочусь», *сен аңнавышаан туры сен* «ты всё ещё охотишься», *ол аңнавышаан туры* «он всё ещё охотится», *бис аңнавышаан туры бис* «мы всё ещё охотимся», *сілар аңнавышаан туры сілар* «вы всё ещё охотитесь», *олар аңнавышаан туры(лар)* «они всё ещё охотятся», *ол ном умиывышаан олыры* «он всё ещё читает книгу».

г) Прошедшее категорическое время или очевидное время указывает на действие/состояние, которое произошло в ближайшем прошлом и очевидцем которого был говорящий, причём действие/состояние может мыслиться и как начавшееся в ближайшем будущем. Образуется оно с помощью аффикса *=ды/=ді*, *=ты/=ті*, к которому присоединяются окончания личной принадлежности. В отрицательном аспекте используется отрицательный глагольный аффикс *=ба/=ба* (с вариантами), который вставляется между основой глагола и аффиксом времени *=ды/=ді*. Парадигма спряжения этой формы времени выглядит следующим образом:

		Положительный аспект	
	Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>=дым/=дім, =тым/=тім</i>	<i>=дывыс/=дівис, =тывыс/=тівис</i>	
2-е лицо	<i>=дың/=дің, =тың/=тің</i>	<i>=дыңар/=діңар, =тыңар/=тіңар</i>	
3-е лицо	<i>=ды/=ді, =ты/=ті</i>	<i>=дылар/=ділар, =тылар/=тілар</i>	
		Отрицательный аспект	
	Ед. число		Мн. число
1- лицо	<i>=бадым/=бадім,</i>	<i>=бадывыс/=бадівис,</i>	
	<i>=падым/=падім,</i>	<i>=падывыс/=падівис,</i>	
	<i>=вадым/=вадім,</i>	<i>=вадывыс/=вадівис,</i>	
	<i>=мадым/=мадім</i>	<i>=мадывыс/=мадівис</i>	
2- лицо	<i>=бадың/=бадің,</i>	<i>=бадыңар/=бадіңар,</i>	
	<i>=падың/=падің,</i>	<i>=падыңар/=падіңар,</i>	
	<i>=вадың/=вадің,</i>	<i>=вадыңар/=вадіңар,</i>	
	<i>=мадың/=мадің</i>	<i>=мадыңар/=мадіңар</i>	
3-е лицо	<i>=бады/=баді,</i>	<i>=бадылар/=баділар,</i>	
	<i>=пады/=паді,</i>	<i>=падылар/=паділар,</i>	
	<i>=вады/=ваді,</i>	<i>=вадылар/=ваділар,</i>	
	<i>=мады/=маді</i>	<i>=мадылар/=маділар.</i>	

Примеры: *мен өөмба нянып келдім* «я вернулся домой», *мен ном номчыдым* «я прочитал книгу», *це, мен бардым!* «ну, я пошёл!», *көр наан, ходан бо маңдап чүгірді!* «гляди-ка, вон заяц поскакал!», *бис һейгә манан олырдывыс, қым та келбәді* «мы напрасно ждали, никто не пришёл», *сен һиләп сағытын алдың ба?* «ты купил хлеб?».

д) Прошедшее перфективное (или результативное) время указывает на то, что действие/состояние началось в прошлом и закончилось в прошлом. Образуется оно на базе причастия прошедшего времени на *=ган/=гән* (с вариантами) в положительном аспекте и отрицательной формы этого причастия с аффиксом *=баан/=баән* (с вариантами), к которым присоединяются лично-предикативные частицы. Примеры: *мен дүүн келгән мен* «я пришёл вчера», *сен һиләп сағытын алган сен* «ты купил хлеб», *ағытың ында турган* «твой конь там стоял», *бис дүүн орай нянып келгән бис* «мы вчера поздно вернулись домой», *сілар дүүн һүнзәді улып чыгытқан сілар, чүні та дыңнаваан сілар* «вы вчера всю ночь спали, ничего не слышали», *олар моны чүні та билбәәннәр* «они об этом ничего не знали».

Отмечаются случаи употребления данной формы с показателями личной принадлежности, что выражает усиление результативности, например, *мен қорааным – сыын турган шик* «я шёл – изюбрь стоял», *дыңнааным – һек эътәп туры* «слышу – кукушка кукует».

е) Прошедшее время на *=чык/=чик, =чық/=чик* в положительном аспекте и на *=бачык/=бәчик* (с вариантами) в отрицательном указывает на категоричность, очевидность и достоверность для говорящего субъекта факта совершения действия в прошлом с коннотацией некоторой экспрессии. Употребляется эта форма в основном в рассказе, диалоге, когда нужно особо подчеркнуть категоричность и результативность совершившегося действия, известного говорящему. Приме-

ры: *мен алчык мен* «я взял», *мен барчык мен* «я ушёл», *мен келчик мен* «я пришёл», *мен тыгъчык мен* «я нашёл», *сен алчык сен* «ты взял», *сен келчик сен* «ты пришёл», *ол алчык* «он взял», *ол келчик* «он пришёл», *бис алчык бис* «мы взяли», *бис келчик бис* «мы пришли», *сіләр алчык сіләр* «вы взяли», *сіләр келчик сіләр* «вы пришли», *олар алчык(тар)* «они взяли», *олар келчик(тәр)* «они пришли», *мен албачык мен* «я не взял», *мен келбәчик мен* «я не пришёл», *сен албачык сен* «ты не пришёл» и т.п.

ж) Будущее категорическое время указывает на действие/состояние, которое определённо совершится в будущем после момента речи, в чём говорящий уверен. Образуется на базе аффикса причастия настоящего-будущего времени $=ar/=ar$, $=ыр/=ыр$ в положительном аспекте и $=бас/=бас$ (с вариантами) в отрицательном с употреблением лично-предикативных частиц, например, *мен алыр мен* «я возьму», *сен алыр сен* «ты возьмёшь», *ол алыр* «он возьмёт», *бис алыр бис* «мы возьмём», *сіләр алыр сіләр* «вы возьмёте», *олар алырлар* «они возьмут», *мен албас мен* «я не возьму», *сен албас сен* «ты не возьмёшь», и т.д. Этим аффиксом образуется и настоящее обычное время, например, *ақсым білә мен чиір мен* «ртом я ем», *құлаам білә мен дыңнаар мен* «ушами я слушаю», *киши мыммас* (< мын = + =мас), *ытқан аът – ыдық аът* «человек не садится верхом, (это) отпущенный конь – священный конь», *иһи, үш қоыштыг иви білә аңнаар мен* «я охочусь (обычно) с двумя-тремя выючными оленями», *эккі аът мүдрүүр, эккі эр эндәэр* «и добрый конь спотыкается, и добрый молодец ошибается» и т.п.

з) Будущее предположительное время в сойотском языке выражает действие/состояние, которое предположительно совершится в будущем, говорящий обычно точно этого не знает, но в то же время он хотел бы, чтобы оно произошло. Образуется на базе аффикса желательного наклонения $=гай/=гай$, $=қай/=қай$ в положительном и $=баай/=баай$ (с вариантами) аспекте с употреблением лично-предикативных частиц, например, *мен алгай мен* «я, возможно, возьму», *сен алгай сен* «ты, возможно, возьмёшь», *ол алгай* «он, возможно, возьмёт», *бис алгай бис* «мы возможно возьмём», *сіләр алгай сіләр* «вы, возможно, возьмёте», *олар алгайлар* «они, возможно, возьмут», *мен албаай мен* «я, возможно, не возьму», *сен албаай сен* «ты, возможно, не возьмёшь» и т.п.

и) Релятивное употребление времён обусловлено соотношением временных форм с фоном прошедшего времени, в результате чего образуется давно прошедшее время различного характера.

Довольно часто с фоном прошедшего времени соотносятся формы настоящего времени $=a$ дуры, $=n$ туры, $=ы$ (от вспомогательных глаголов), для чего эти формы сочетаются со служебным словом *иик* (< *er = + =jük), например, *мен дүүн чорааным – ында аът туры иик* «я вчера шёл – там конь стоял», *дыңнааным – һек эттә дуры иик* «я слышу – кукушка кукует», *мен та ында олыры иик мен* «и я там сидел», *аһам бо айда ол тайгада аңнап туры иик* «мой старший брат в этом месяце в той тайге промышлял (возможно, и сейчас ещё там)», *ол ынаары бары чыгтыры иик, мен көргән мен* «он туда шёл, я видел», *ол киши ында олыры иик* «тот человек там сидел».

Достаточно частотно также употребление со служебным словом *иик* и формы прошедшего времени на $=ган/=ган$, $=қан/=қан$ в положительном и $=баан/=баан$ (с вариантами) отрицательном аспектах, например, *мен өгні чөһиһрәә білә шып турган иик мен* «я покрывал чум корой лиственницы», *ол аага чораан иик* «он туда ходил», *ол чүгә та чорываан иик* «он никуда не ходил», *күргәнмдә, олар ында олырганнар иик* «когда я вошёл, они там сидели».

к) В сойотском языке довольно активно используются особые описательные, или перифрастические, формы, уточняющие временную характеристику действия, образуемые путём сочетания причастия с глаголом *бол* = «быть; сделаться». Здесь выделяются две формы: 1) одна представляет собой соединение причастия настоящего-будущего времени на $=ar/=ar$, $=ыр/=ыр$ в положительном аспекте и на $=бас/бас$ (с вариантами) в отрицательном с глаголом *болган* «был», например, *эһи шақта балык серәә блә шаньчар болган* «в старину рыбу кололи острогой», *қатырған айны қығыһин чиір болган* «сушёную сарану ели зимой», *орық чорыттынмас болган* «дорога была непроходимой»; 2) другая состоит из вышеприведённого причастия настоящего-будущего времени и глагола *бол* = в форме завершённого вида (*болы бер* =), например, *чаһс чағбас болы бергән* «дождь прекратился», *орық чорыттынмас болы бергән* «дорога стала непроходимой», *қайнаары та талашнас киши болы бергән* «он перестал куда-либо торопиться», *мен дыңнаар болы бердәм* «я стал слышать»; 3) третья состоит из формы на *-а берген* значимого глагола и одного из вспомогательных глаголов бытия *туры*, *олыры* (*ооры*), *чооры*, *чыгтыры* (*чыгтқан*), а также из

причастия прошедшего времени на =ган/=гэн, =қан/=кэн в положительном и =баан/=бээн (с вариантами) отрицательном аспектах в сочетании глаголом болган «был», например, келін көөрдө, урыг удый бергэн чыгтқан «когда подошёл и посмотрел, ребёнок уже спал», мен өөмбө нянарымда, төдө киши чыылган болган «когда я вернулся домой, все уже собрались».

л) В рамках темпорального наклонения в сойотском языке употребляются также сочетания деепричастия на =и значимого глагола и модальные глаголы, причём глагол бол= здесь означает разрешённость или неразрешённость действия/состояния, например, кіріп болыр (боор) «войти можно», но кіріп болбас «войти нельзя», глагол шыда= означает физическую возможность действия/состояния, например, бо хүндүс бис дуцып шыдавас бис «сегодня мы не сможем встретиться». Глагол көр= «видеть» с деепричастием на =и значимого глагола означает попытку что-либо сделать, например, мен ол біла дуцып көргөн мен «я попытался с ним встретиться».

3. Адвербиальные, или обстоятельственные, наклонения содержат указания на различные обстоятельства, при которых осуществляется действие/состояние. Здесь выделяются 3 формы.

а) Условное наклонение указывает на наличие или отсутствие условий для осуществления действия/состояния и образуется аффиксом =са/=сэ в положительном аспекте и =баса/=бэсэ (с вариантами) в отрицательном с добавлением показателей личной принадлежности, это настоящее-будущее время данного наклонения:

Положительный аспект		
	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	=сам/=сэм	=савыс/=сэвис
2-е лицо	=саң/=сэң	=саңар/=сэңэр
3-е лицо	=са/=сэ	=салар/=сэлэр
Отрицательный аспект		
	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	=басам/=бэсам (с вариантами)	=басавыс/=бэсэвис (с вариантами)
2-е лицо	=басаң/=бэсэң (с вариантами)	=басаңар/=бэсэңэр (с вариантами)
3-е лицо	=баса/=бэсэ	=басалар/=бэсэлэр.

Примеры: мен даарта келірімдө душсавыс, чугаалачыр бис «завтра, когда я приду, если уви-
дятся, то поговорим», бір-эмэс мен келсэм, тушқай ыс «если я приду, мы увидимся», бір-эмэс
мен даарта келбэсам, бис туцып шыдавас бис «если я завтра не приду, мы не сможем встретиться».

Сойотский язык использует также в условном наклонении связку болса с окончаниями личной принадлежности в сочетании с именами, например, сендө бо ном бар болса, мен оны көөр мен «если у тебя будет эта книга, то я её посмотрю», а также с причастием на =ган/=гэн..., =баан/=бээн..., за счёт чего образуется прошедшее время условного наклонения, например: мен алган болсам «если (бы) я взял», сен алган болсаң «если (бы) ты взял», ол алган болса «если (бы) он взял», бис алган болсавыс «если (бы) мы взяли», сілэр алган болсаңар «если (бы) вы взяли», олар алган болсалар «если (бы) они взяли», бис албаан болсавыс «если (бы) мы не взяли» и т.п.

б) Уступительное наклонение указывает на то, что действие/состояние осуществляется вопреки сложившимся обстоятельствам, и образуется с использованием того же аффикса =са/=сэ в тех же формах, что и условное наклонение, но в сочетании с уступительной частицей та, например, мен келсэм та, сен біла дуцып шыдавас мен «хотя я и приду, не смогу с тобой встретиться», сен келсэң та, бис туцып шыдавас бис «хотя ты и придёшь, мы не сможем встретиться», ол келсэ та, бис туцып шыдавас бис «хотя он и придёт, мы не сможем встретиться», бис келсэвис та, сен біла дуцып шыдавас бис «хотя мы и придём, с тобой не сможем встретиться», сілэр келсэңар та, бис сілэр біла дуцып шыдавас бис «хотя вы и придёте, мы с вами не сможем встретиться», олар(лар) келсэ та, бис олар біла дуцып шыдавас бис «хотя они и не придут, мы с ними не сможем встретиться», мен келвэсам та... «хотя я и не приду...» и т.п.

в) Сослагательное наклонение служит для обозначения гипотетического суждения, обусловленного фактором реальной или ирреальной возможности выполнить действие, и образуется в сойотском языке двумя способами. Во-первых, путём сочетания причастия настоящего-будущего времени на =ар/эр, =ыр/=ир в положительном аспекте и =бас/=бэс (с вариантами) в отрицательном с предикативной глагольной связкой шик, что даёт, например, формы типа сен өөңдө

олырган болсаң, мен сизгэ кээр иик мен «я бы к тебе пришёл, если бы ты был дома», сен кээр иик сен «ты бы пришёл», сен келсэң, бис туцар иик бис «если бы ты пришёл, мы бы встретились», бис ацыл қылбасавыс, ақша албас иик бис «если бы мы не работали, не получили бы денег». Во-вторых, сочетанием тех же причастных форм с предикативной связкой *эргэн* (< *er= + -gen), что даёт форму =ар эргэн... =бас эргэн..., например, мен кээр эргэн мен «я бы пришёл», сен кээр эргэн сен «ты бы пришёл», ол киши кээр эргэн «он бы пришёл», бис кээр эргэн бис «мы бы пришли», сілар кээр эргэн сілар «вы бы пришли», олар кээр эргэн «они бы пришли».

Указательные слова

Указательные слова сойотского языка образуют самостоятельную систему лексико-грамматических групп слов, соотносящуюся с соответствующими лексико-грамматическими группами назывных слов. Иначе говоря, это самостоятельная система местоимений, соотносящаяся с соответствующими частями речи назывных слов. Если у назывных слов языковая функция – это называть предметы, их качество, количество, их действия и состояния, обстоятельства, при которых они совершают эти действия, а речевой их функцией является выражение субъектов и объектов, их определений, предикатов и обстоятельств, то языковой функцией указательных слов является лишь указание на эти предметы, их качества и количества, на действия и состояния, на обстоятельства. Речевой же их функцией является замещение в речи назывных слов, выражающих соответствующие члены предложения, взятие на себя их функций и значений. Поэтому местоимения – это указательные слова с заместительной функцией. Значения у них окказиональные. Замещают они буквально все части речи, даже наречия и глаголы. В этом состоит особенность сойотского языка и его местоимений.

В нём выделяются следующие лексико-грамматические группы указательных слов:

1) предметно-указательные: предметно-вопросительные – *қым* «кто», *қымнар* «кто (о многих)», *чү-чү* «что», *чүлэр-чүлэр* «что (о многих)»; неопределённые – *қым та* «кто-то», *бір қым* «кто-нибудь», *чү тэ* «что-то»; личные – *мен* «я», *сен* «ты», *ол* «он, она, оно», *бис* «мы», *бистэр* «мы (больше двух)», *сілар* «Вы, вы», *сіларлар* «вы (о многих)», *олар* «они»; возвратные – *бодым* «я сам», *бодың* «ты сам», *боды* «он сам, она сама», *бодывыс* «мы сами», *боттарывыс* «мы сами (о многих)», *бодыңар* «Вы сами», *боттарыңар* «вы сами (о многих)», *боттары* «они сами»; указательные – *бо* «это», *ол* «тот, та, то», *тээ* «тот, та, то (находящийся далеко)», *мууһа* «вот это (находящееся совсем рядом)», *ууһа* «вон то (находящееся совсем рядом)»;

2) качественно-указательные: определительные – *қандыг* «какой», *қандыг та* «какой-то», *бір қандыг* «какой-нибудь», *қайсы*, *қайы* «который», *ындыг* «такой», *мындыг* «этакый»;

3) количественно-указательные: *қаһи*, *чеһһа* «сколько», *бір қаһи*, *бір чеһһа* «несколько, сколько-нибудь», *ыньча*, *мыньча* «столько»;

4) глагольно-указательные: *қаньча=*, *қаньчан=* «как делать, как поступить, что делать», *чоон=* «что делать», *ыньча=*, *ыньчан=* «так делать, так поступать», *мыньча=* «этак делать, этак поступать», *мыньчан=* «обычно этак делать»;

5) обстоятельственно-указательные: указывающие на обстоятельство места – *қайда* «где», *қайы-қаз*, *қайнаары* «куда», *қайдан*, *қайнуун*, *қайыын* «откуда», *чүдэ-чүдэ-чүдэ-чүдэ* «где», *чүгэ* «куда», *чүгиді* «куда, в какую сторону», *чүдэн-чүдэн-чүдэн-чүдэн* «откуда», *қайда та*, *чүдэ та* «где-то», *қайы та-қаз та*, *чүгэ та*, *қайнаары та* «куда-то», *қайдан та*, *қайнуун та*, *қайыын та*, *чүдэн та* «откуда-то», *ында* «там», *мында* «здесь», *тээдэ* «там (далеко)», *ууһада* «вот там (совсем близко)», *мууһада* «вот здесь (совсем рядом)», *аа*, *аага*, *ынаары* «туда», *маа*, *маага*, *мынаары* «сюда», *ынаары-мынаары* «в разные стороны», *бээрі* «сюда», *ынаарыдан*, *ынартын*, *ындыртын*, *онуун-унуун* «оттуда», *монуун-мунуун* «отсюда»; указывающие на обстоятельство времени – *қаһһан-қаһһан-қаһһан* «когда»; указывающие на обстоятельство образа действия – *қаньча*, *қаньчап* «как, каким образом», *ыньча*, *ыньчап*, *ындыг* «так, таким образом», *мыньча*, *мыньчап*, *мындыг* «этак, этаким образом».

При этом изменяться по падежам и принимать показатели личной принадлежности могут главным образом предметно-указательные местоимения, замещающие имена существительные:

Падежи

Им. пад.	<i>қым</i> «кто»	<i>чү</i> «что»	<i>бо</i> «это»	<i>ол</i> «то»	<i>тээ</i> «то»
Вин. пад.	<i>қымны</i>	<i>чүні</i>	<i>моны</i>	<i>оны</i>	<i>тээні</i>
Род. пад.	<i>қымның</i>	<i>чүнің</i>	<i>моның</i>	<i>оның</i>	<i>тээнің</i>
Дат. пад.	<i>қымба-қымга</i>	<i>чүгэ</i>	<i>маага</i>	<i>аага</i>	<i>тээгэ</i>

Мест. пад. <i>қымда</i>	<i>чудә</i>	<i>мында</i>	<i>ында</i>	<i>тээдә</i>
Мсх. пад. <i>қымдан</i>	<i>чүдән</i>	<i>монуун</i>	<i>онуун</i>	<i>тээдән</i>
Напр. пад. <i>қымғыды</i>	<i>чүгіді</i>	<i>мынаары</i>	<i>ынаары</i>	<i>тээгіді</i>
Творит. пад. <i>қым білә</i>	<i>чү білә</i>	<i>бо білә</i>	<i>ол білә</i>	<i>тээ білә</i>

Падежи

Им. пад. <i>мен «я»</i>	<i>сен «ты»</i>	<i>бис «мы»</i>	<i>сілар «Вы; вы»</i>
Вин. пад. <i>мені</i>	<i>сені</i>	<i>бисті</i>	<i>сіларні</i>
Род. пад. <i>миң</i>	<i>сиң</i>	<i>бистің</i>	<i>сіларнің</i>
Дат. пад. <i>миңгә</i>	<i>сиңгә</i>	<i>бискә</i>	<i>сіларгә</i>
Мест. пад. <i>мендә</i>	<i>сендә</i>	<i>бистә</i>	<i>сілардә</i>
Исх. пад. <i>мендән</i>	<i>сендән</i>	<i>бистән</i>	<i>сілардән</i>
Напр. пад. <i>менгіді</i>	<i>сенгіді</i>	<i>бискіді</i>	<i>сіларгіді</i>
Творит. пад. <i>мен білә</i>	<i>сен білә</i>	<i>бис білә</i>	<i>сілар білә</i>

Глагольно-указательные местоимения изменяются по лицам и наклонениям так же, как и обычные глаголы при их замещении, например, *қаньцаар сен?* «как будешь делать?», *чооныр сен?* «что будешь делать?», *қаньцанган сен?* «что ты делал?», *ыньцанба* «так не делай», *мыньцааш* «этак сделал», *ыньцавийн туры* «так не делает» и т.д.

Класс служебных слов

В сойотском языке имеется также особый класс служебных слов с грамматической функцией, являющихся лексическим средством выражения грамматических отношений между знаменательными словами, они не могут быть членами предложения. Это послелог, служебные имена, союзы, предикативные частицы.

Послелог выполняют чисто служебные функции, дополняя значение пространственных падежей. В зависимости от истории своего происхождения послелог могут присоединяться либо непосредственно к основе слова, либо требуют постановки его в каком-либо падеже. Имеется несколько послелогов, управляющих непосредственно основой слова. К ним относятся:

ацыры «над, поверх, через; за, позади», например: *уһяр һемә даг ацыры уһя дуры* «самолёт летит над горой»;

білә «с» выражает комитативные и инструментальные отношения, например: *мен сен білә душқан мен* «я встретился с тобой», *мен бо дытты суга білә кеьскән мен* «я срубил эту лиственницу топором»;

дэг «подобно, как» выражает уподобительные отношения адъективного плана, например: *согын дэг һөні* «прямой, как стрела»;

қаьтында «между, среди»: *няш қаьтында* «среди деревьев»;

қылы «как, в качестве» образует аналитическую конструкцию с обстоятельственным значением, например: *эцим қылы чорыды* «он поехал в качестве моего друга», *қыьсқа қылы һирәәдәйткән* «отпилил коротко»;

туьһайы-туьһайында «о, об, про, по поводу, относительно», например: *мен оның туьһайы көһһөй дыңнаан мен* «я об этом много слышал»;

шылыы «как, подобно» выражает уподобительные отношения адвербиального плана, например: *өдірәк шылыы эьшитп чооры* «гребёт лапами как утка».

Дательного падежа требует послелог *чеьтірі* «до, вплоть до», указывающий на доведение до какого-либо рубежа, например: *ол аалга чеьтірі чорыңар* «езжайте до той деревни».

Исходным падежом управляют послелог:

алы «от, начиная с...; с тех пор как...» употребляется для более точного указания на то, с какого времени или от какого предмета начинается действие или отсчёт, например: *частан алы күс болгыша* «начиная с весны и до осени», *Дамдын келгәндән алы...* «с тех пор как приехал Дамдин...»;

баьшқа «кроме, сверх», например: *сендән баьшқа қым та келбәән иик* «кроме тебя никто не приходил»;

баэрі «после того, с тех пор» по значению подобен предыдущему послелогу, например: *онуун баэрі қаьш чыл эьрткән?* «сколько лет прошло с тех пор?».

Служебные имена представляют собой имена существительные с особым статусом, имеющие двойственную природу – с одной стороны это самые обычные существительные, обозначающие пространственную ориентацию, а с другой – близкие по значениям и употреблению к пространственным послелогам. По форме они представляют собой существительные в трёх про-

странственных падежах притяжательного склонения, главным образом в 3-м лице личного притяжания. Слова эти следующие:

ара «пространство между» используется в качестве послелогов *арасында* «между, среди», *арасындан* «между, из среды», *арасыңа* «между, среди»;

аьлты «низ, нижняя часть, пространство внизу, под чем-либо» используется в качестве послелогов *аьлтында* «под чем-л.», *аьлтындан* «из-под чего-л.», *аьлтыңа* «подо что-л.»;

аьрты «зад, задняя, тыльная часть чего-л.» используется в качестве послелогов *аьртында* «позади чего-л.», *аьртындан* «из-за чего-л., сзади чего-л.», *аьртыңа* «за что-л., позад чего-л.»;

беьтіндэ «перед тем, как», употребляется как послелог, например: *удуурың беьтіндэ эм ишар сен* «перед сном выпьешь лекарство»;

иьшиті (< *иьшин*) «внутренняя часть чего-л.» используется в качестве послелогов *иьшитіндэ* «в чём-л.», *иьшитіндэн* «изнутри чего-л.», *иьшитіңа* «внутри чего-л.»;

қыр «поверхность, верхняя часть чего-л.» употребляется в качестве послелогов *қырында* «на чём-л.», *қырындан* «с чего-л.», *қырыңа* «на что-л.»;

орты «середина» используется в виде послелогов *оьртысында* «среди чего-л.», *оьртысындан* «из середины чего-л.», *оьртысыңа* «в середину чего-л.»;

соң «пространство позади, сзади» используется в качестве послелогов *соонда* «после, позади чего-л.», *соондан* «сзади чего-л.», *сооңа* «назад к чему-л.»;

таьшиты (< *таьшын*) «внешняя сторона, наружная сторона, наружность» используется в качестве послелогов *таьшитында* «вне, снаружи», *таьшитындан* «извне, снаружи», *таьшитыңа* «вне, наружу»;

тули «место напротив, пространство напротив» используется в качестве послелогов *туцында* «напротив чего-л.», *туцындан* «из пространства напротив», *туцыңа* «в пространство напротив»;

уьсті «верх, верхняя часть» используется в качестве послелогов *уьстіндэ* «над, поверх, наверху», *уьстіндэн* «сверху», *уьстіңа* «над, наверх»;

чооқ «пространство возле, рядом, вблизи» образует послелог *чоогында* «вблизи, возле», *чоогындан* «из пространства возле», *чоогыңа* «в пространство возле»;

ынды «пространство позади чего-л.» используется в качестве послелогов *ындында* «на той стороне, за, позади», *ындындан* «из-за, оттуда, с той стороны», *ындыңа* «за, на ту сторону».

Союзы в сойотском языке не столь многочисленны, как в других тюркских языках. Некоторые нам всё же удалось зафиксировать. Так, употребительны союзы *азы* «или», *аан* «поэтому», *һарын* «но, однако», *бір-эмэс* «если», *дэги* «для, чтобы», *эмээндэ-ол эмээндэ* «иначе, в противном случае», *эрип* «хотя, несмотря на», а также некоторые формы глагоов *ыньча* = *ыньчан* = «так делать», *ыньчал* = «так делаться» - *ыньчалса* «в таком случае, если так, то», *ыньчалса та* «хотя и так, однако, но, всё-таки, всё же», *ыньчанса* «в таком случае, если так, то», *ыньчаңаши* «потом, позже, после, спустя некоторое время». Примеры: *қым баарыл, мен бе азы сен бе?* «кто пойдёт – я или ты?», *Сыдынчап өөвисті тығыппаан, аан бисқа келбәән* «Цыдынжап не нашёл наш дом, поэтому к нам не пришёл», *бір-эмэс мен келсәм, туиқай бис* «если я приду, мы увидимся», *сен албасаң, ол эмээндэ мен алыйм!* «если ты не возьмёшь, я возьму!», *ақыры сооқ болған эрип, бұдым доңмаан иик* «хотя было чересчур холодно, ноги у меня не замёрзли», *мен қоршааға кірдім, һиләп сағып алып дэги* «я зашёл в магазин купить хлеба», *урыг индікәсін дэги* «чтобы ребёнок не запинался», *бір-эмэс мен келбәсәм, ыньчалса аьтыңны багда аьрттырар сен* «если я не приду, то оставишь своего коня на привязи» и т.п.

Предикативные частицы *туры*, *дуры*, *иик*, *эрген* и др. используются при оформлении простых и составных сказуемых, о чём сказано выше.

Класс модальных слов

В класс модальных слов, выражающих отношение говорящего к высказыванию, входят как полнзначные слова с соответствующим значением, так и особые частицы с модально-усилительным, модально-волевым и эмоционально-экспрессивным оттенком.

В качестве модальных слов в сойотском языке выступают:

һептіг «вероятно, кажется, видимо» выражает предположение, неуверенность, например: *ам чаьс чаар һептіг туры* «кажется, сейчас пойдёт дождь», *ол киши келгән һептіг* «видимо, тот человек пришёл»;

һерәктіг «нужно» выражает необходимость совершения действия, например: *синга ава дылын өөрөнір һерәктіг* «тебе нужно учить родной язык»;

йостыг~йосыдыг~йослыг «должен, следует» выражает настоятельную необходимость совершения действия, например: *мен һүн болган удуурым беътіндә эм ишәр йостыг мен* «я каждый день перед сном должен пить лекарство».

Модальными частицами в сойотском языке являются:

ба/бе вопросительная частица «ли», например: *ол барды ба?* «ушёл ли он?», *эңиң келгән бе?* «пришёл ли твой друг?»;

баан выражает удивление и сомнение «разве», например: *уыйһышыны эңим дәр баан?* «разве назовут соню моим другом?»;

қыня постпозитивная частица, придающая слову уменьшительно-ласкательное значение, например: *қызым қыня* «моя доченька», *оглым қыня* «мой сыночек», *ындыг бича қыня урыг* «такой маленький ребёночек»;

та уступительно-усилительная частица «хоть, хотя; и, даже», например: *чорыса та* «хотя и поедет», *сен та, мен та* «и я и ты», *мен та келдім* «даже я пришёл»;

таң выражает усиление при отрицании «нет, не знаю», например: *таң, мен чүні та билбәс мен* «нет, я ничего не знаю»;

чоң выражает усиление просьбы «хорошо? ладно?», например: *мен сиң атыңны алыым, чоң? – че, ал!* «я возьму твоего коня, хорошо? – ладно, бери!»;

шэң выражает, во-первых, подтверждение высказывания, например, *ындыг шэң!* «именно так!», во-вторых, содержит некоторый оттенок сомнения вместе с удивлением и означает здесь «разве, неужели», например, *сен моны билбийн дуры сен шэң?* «разве ты этого не знаешь?»;

эмиш выражает неуверенность в предположении «наверное, пожалуй, может быть», например: *бистән қым бурын чүгіріп кээр эмиш?* «кто из нас прибежит раньше?»;

эмәс выражает постпозитивное отрицание высказывания, например: *аал ырақта эмәс, чоогашта туры* «деревня не далеко, близко».

Выделяется несколько эмоциональных модальных частиц, усиливающих значение, – *ла/лә, ий-нэ, ийен, аан, ыйнаан, ийнаан, лаан, ләән, лайнаан, ләйнаан*, например: *няңгыс ла қада* «только один раз», *қаньчааш ындыг һаақтаны берд ләән!* «почему так тальником заросло?».

Класс аффективных слов

Класс данных слов по содержанию представляет собой группу междометий – особую группу слов, служащих для выражения языковыми средствами различных чувств и различных побуждений. Они полностью лишены номинативной функции, поэтому не имеют форм словообразования и словоизменения, присущих знаменательным словам. По сути дела это лишь своеобразные субъективные речевые знаки для выражения эмоций и волеизъявлений. В речи междометия не выполняют никакой синтаксической функции и не входят в состав предложений в качестве их членов. Междометия сами могут образовывать целое самостоятельное предложение или входят на правах обязательного элемента в некоторые их типы. По своему значению все междометия делятся на две группы: эмоциональные и волевые.

К эмоциональным междометиям, например, относятся возгласы типа *айоо-айуу!* – при сильной боли (отсюда глагол *айуула* = «ойкать, охать – при боли»), *эһэм!* – при покашливании, *барақсан!*, *һөөрһий!* – бедняжка!, бедненький! (когда жалеют кого-л.), *амыр-менді!*, *экиш!~экөө!* – «здравствуй(те)!» (возглас при встрече), *байырлыг!* – «до свидания, прощай(те)!» (возглас при расставании).

К волевым междометиям относятся, например, возгласы типа *баа-баа!* – баю-бай!, *һа!, һа-һа!* – стой! (окрик на корову или оленуху при дойке), *һаадыр!* – стой(те)! (окрик человеку), *һаать-һаать!* – окрик на отгоняемых оленей, *оог-оог!* – крик призыва оленей, пасущихся вдалеке, *туус-туус!* – крик призыва оленей, пасущихся невдалеке, *ма!* – на!, *маңар!* – нате! (возглас, побуждающий к взятию), *че! ~ че!* – возглас либо побуждающий к действию, либо означающий согласие действовать (здесь играет роль интонация), *чаша! чаша ам!* – возглас при прямом отказе действовать («нет! не хочу!»).

Класс изобразительных слов

В сойотском языке имеется особый класс изобразительных слов, передающих языковыми средствами слуховые, зрительные и иные образы. К подобным словам относятся в первую очередь звукоподражательные слова типа *бақ-бақ* – передающие кваканью лягушки «ква-ква», *қаары-қаары* – подражание карканью вороны «кар-кар», *қоэқ-қоэқ* – подражание криканью утки «кря-кря», *май* – подражание бляению овцы «бья», *қаңғыр* – подражание бряканью железного ботала, *чыңғыр* – подражание звяканью, *чыңғырт* – подражание резкому однократному звяканью,

звону, *таа* – подражание треску, трещанию, *таарр-таарр*, *таарт-таарт* – подражание храпу спящего человека, *туьқ-таьқ* – подражание звуку выстрелов, *шарт*, *шарты* – подражание стрёкоту кузнечиков и т.п. Глаголы от этих и подобных слов образуются за счёт сочетания их со словами *дэ* = «говорить» или *гайын* =, например: *қаары гайын* = «каркать», *май гайын* = «блеять», *шарты гайын* = «стрекотать (о многих кузнечиках)», *шарт дэ* = «стрекотать», *цыңғырт дэ* = «звякнуть (однократно)» и т.п.

Сюда же относятся и образные глаголы, например, *арбай* = «быть растопыренным; быть косматым, лохматым», *киләй* = «быть гладким и скользким (как лёд)», *қылай* = «блестеть, сверкать» и т.п., а также образованные от них прилагательные, признаком которых является аффикс *=гар/=гэр*, например, *арбагар* «растопыренный; косматый, лохматый», *киләгэр* «гладкий и скользкий (как лёд)», *қылагар* «блестящий, сверкающий» и т.п.

Синтаксис

Синтаксический строй сохранил древнетюркский тип, в котором почти нет союзов, а вместо придаточных предложений используются деепричастные и причастные обороты.

Состав лексики сойотского языка

Лексический состав в своей основе общетюркский. Наблюдается заметное количество архаичных словоформ, восходящих к древнему уйгурскому языку.

Язык сойотов хорошо развит и адекватно отражает тип их традиционной хозяйственной деятельности – оленеводство и промысловую охоту, традиционные быт и культуру.

Саянские тюрки, включая и предков сойотов, с XIII в. попали под власть монголов, с тех пор как сын Чингисхана Джучи в 1207 г. совершил свой «лесной поход» и покорил различные племена, живущие в Саянском регионе. С тех пор и поныне тюрки живут бок о бок с монгольскими народами, испытывая их влияние.

Есть предположение, как уже нами отмечалось, что сойоты уже были двуязычны и владели дархатским диалектом монгольского языка до перекочевки в Бурятию, поэтому их сближение с бурятами произошло достаточно быстро.

Таким образом, о длительном влиянии монгольского языка с его дархатским диалектом, а также бурятского языка на язык сойотов свидетельствуют исторические и иные факты.

В соответствии с историей сойотов в их языке достаточно четко различаются три слоя монгольских лексических элементов: во-первых, заимствования из средневекового монгольского языка, во-вторых, монгольская лексика, характерная для современного монгольского языка, его дархатского диалекта, и, в-третьих, слова, пришедшие явно из бурятского языка, характеризующиеся признаками бурятского языка, отличающие их от современных монгольских. При этом заимствования из монгольских языков имеют ряд особенностей звукового оформления, характерных для сойотского языка и возникших под его влиянием. Прежде всего, это касается особого типа гармонии гласных. По закону сингармонизма сойотского языка после гласного *о*, *ы* первого слога следуют широкие гласные *а*, *аа*, но не *о*, *оо*, в мягкорядных словах соответственно за *ө*, *и* следуют *е*, *э*, *ээ*, но не *ө*, *өө*, как в монгольском и бурятском языках. Этот тип сингармонизма скорее похож на калмыцкий. В нем характер долгих гласных, развившихся из древних монгольских долготных комплексов ГСГ (гласный+согласный+гласный), определился по второму гласному и сохранился в том же виде. Выравнивания по огублению в нем не произошло. Огубление после губных гласных развились лишь в современных халха-монгольском и бурятском языках, и напоминает киргизский и якутский языки. Поясним это на примерах. Так, сойотское *оваа* «куча ритуальных камней на горном перевале или ином святом месте» явно старое монгольское заимствование, но не современное халхаское *овоо* или бурятское *обоон* id. Это развитие средневекового монгольского **obu'ā* (< стп.-м. *obuγa* id.), что и дало *оваа*, как в калмыцком, где тоже *ова* (произносится *оваа*) id. Аналогичным образом *ораа* = «обматывать, обёртывать» развилось при заимствовании из средневекового монгольского **ori'ā* = id. (ср. стп.-м. *oriγa* =, х.-монг. *ороо* =, бур. *орёо* =, калм. *ора* =). Монголизм *чыраа-чыраа* «иноходец» сохраняет в виде *ы* в первом слоге еще не переломленный гласный **i*, зафиксированный в старописьменном монгольском языке и сохранявшийся еще в средние века, произносившийся в твёрдорядных словах по всей вероятности еще в виде **i* (*ы*). Долгий же гласный развился из средневекового монгольского **jiru'ā* (возможно, ***jiru'ā*) id. по вышеозначенной модели. Зафиксирована старописьменная монгольская форма *jiruγa* и современные х.-монг., бур. *жороо*, калм. *жора* id., от которых не могло образоваться сойотское *чыраа*.

В мягкорядных словах мы наблюдаем в принципе аналогичную картину. Так, монголизм *өргээ*

«медвежья берлога» (эвфемизм, первоначальное значение «ставка знатного лица») является адаптацией средневекового монголизма **örgü'e* «ставка знатного лица», ср. стп.-м. *örgüge*, х.-монг. *өргөө*, бур. *үргөө*, калм. *өргэ* id. Сойотское слово *чөлээ* «свободное время» взято из средневекового монгольского языка, в котором оно представлено как **čölü'e* id., ср. стп.-м. *čölüge*, х.-монг. *чөлөө*, бур. *сүлөө*, калм. *чөлэ* id. В сойотском слове *хирээ* «пила (инструмент)» угадывается средневековое монгольское **kirü'e* id., о чём дополнительно свидетельствует сохранение непереломленного **i*, ср. стп.-м. *kirüge*, х.-монг. *хөрөө*, бур. *хюрөө*, калм. *көрэ* id.

Кроме того, следует отметить, что в монголизмах сойотского языка монгольский долгий гласный *уу*, развившийся в монгольских языках из древнего долготного комплекса *-ауи-* (типа *уула* «гора» из *аула*), при заимствовании монгольских слов даёт разную картину. Он может либо сохраняться в виде того же долгого *уу*, как в монголизме *аруун* «чистый» из ср.-монг. **arī'ün* id., ср. стп.-м. *arīun*, х.-монг. *ариун*, бур. *арюун*, калм. *арун* id., либо передаваться долгим *ыы*, например, сойот. *һаңныыр* «паяльник» из ср.-монг. **yaŋna'ūr* id. от *yaŋna* = «паять, сваривать металл», ср. х.-монг., бур. *гагнуур*, калм. *һаңнур* id., что как раз и соответствует типичной для сойотского языка гармонии гласных в собственных тюркских словах, когда после гласных *а, о, у* первого слога далее следует обычно краткий или долгий *ы, ыы*, например, *алыр* «возмёт», *болыр* «будет», *улыз* «большой». Ср. также сойот. *тармыыр* «грабли» – х.-монг., бур. *тармуур*; сойот. *лаңгыы* «прилавок в магазине» – х.-монг. *лангуу* id.; сойот. *байгыы шай* «байховый чай» – х.-монг. *байхуу чай* id. Иногда нет устойчивого произношения, и можно слышать в одном и том же слове то *уу*, то *ыы*, например, сойот. *һаруу-һарыы* «ответ» из ср.-монг. **qarī'ū* id., ср. х.-монг. *хариу*, бур. *харюу*, калм. *хэру* id.; сойот. *һадуур-һадыыр* «коса для сенокосения» из ср.-монг. **qada'ūr* «серп» от *qada* = «жатыть серпом», ср. х.-монг., бур. *хадуур* id.

Влиянием дархатского диалекта следует считать появление долгого *оо*, как нам пришло в голову слышать, на месте долгого гласного *уу* в монгольских заимствованиях сойотского языка. Примерами могут послужить сойотские монголизмы типа *айоол* «опасность» из дархат. *айоол*, ср. х.-монг. *аюул* id.; *боо* «ружьё» из дархат. *боо*, ср. х.-монг., бур. *буу* id.; *хоор* = «обманывать» из дархат. *хоор* =, ср. х.-монг., бур. *хуур* = id.; *қоғһиноор* «колокольчик» из дархат. *хонгиноор*, ср. х.-монг. *хонгинуур*, бур. *хонхинуур* id. Для дархатского диалекта типично произнесение долгого *оо* на месте долгого *уу* монгольских языков в собственно монгольских словах, например, дархат. *оол* «гора» – х.-монг. *уул*, бур. *уула*, калм. *уулă* id.; дархат. *ноор* «озеро» – х.-монг., бур., калм. *нуур* id. и т.п.

Среди многих сотен монгольских лексических заимствований сойотского языка многие десятки слов не имеют характерных признаков, позволяющих отнести их к тому или иному монгольскому языку. О них нельзя конкретно ничего сказать, кроме того, что они монгольского происхождения. Примерами могут послужить такие слова, как

айан «путешествие, дальний путь» из монг., ср. стп.-м. *ayan*, х.-монг., бур. *аян* id.;

айылга «мотив, мелодия» из монг., ср. стп.-м. *ayaŋga*, х.-монг., бур. *аялга* id.;

белен «готовый» из монг., ср. стп.-м. *belen*, х.-монг., бур. *бэлэн* id.;

дарга «начальник» из монг., ср. стп.-м. *darya*, х.-монг., бур. *дарга* id.;

йада = «не мочь» из монг., ср. стп.-м. *yada* =, х.-монг., бур. *яда* = id.;

майһын «палатка» из монг., ср. стп.-м. *mayıqan*, х.-монг., бур. *майхан* id.;

оқтарһый «небо, небеса» из монг., ср. стп.-м. *oqturğui*, х.-монг. *огторгуй*, бур. *огторгой* id.;

түрген-түргэн «быстрый, скорый» из монг., ср. стп.-м. *türgeŋ*, х.-монг., бур. *түргэн* id.;

тэмдэг «знак, метка; клеймо» из монг., ср. стп.-м. *temdeg*, х.-монг., бур. *тэмдэг* id.;

эндэ = *эндэ* = «ошибаться» из монг., ср. стп.-м. *ende* =, х.-монг., бур. *эндэ* = id.

По некоторым признакам все же можно конкретизировать, что слова заимствованы из монгольского языка ранних периодов развития. Прежде всего, об этом сигнализирует наличие в первом слоге непереломленного *i* (*и*) в мягкорядных словах и *i* (*ы*) в твёрдорядных, хотя в старомонгольском языке здесь везде фиксируется *i* (*и*). Это можно объяснить тем, что-либо в самом монгольском языке в словах твёрдого ряда в средние века ещё произносилась в первом слоге гласная *i* (*ы*), либо она ещё в древности появилась в сойотском языке под влиянием выравнивания по закону палатальной гармонии гласных. В современных монгольских языках на месте *i* ~ *i* развились *ö* (*ө*) или *y* (*ү*), *a*, *o*, *u* (*у*). Так, по этому признаку к ранним заимствованиям можно отнести сойотские монголизмы типа

қылар «косой, косоглазый» из ср.-монг. **qilar*, ср. стп.-м. *kilar*, х.-монг. *хялар*, бур. *хилар* id.;

қырса «корсак, степная лисица» из ср.-монг. *qirsa, ср. стп.-м. kirsa, х.-монг. хярс id.;
қытат «китаец; китайский» из ср.-монг. *qitad, ср. стп.-м. kitad, х.-монг. хятад, бур. хитад id.;

чыда~чыда «пика, копьё, рогатина; штык» из ср.-монг. *jida, ср. стп.-м. jida, х.-монг. джад, бур. жада id.;

шывай «отстоявшаяся конская кровь; колбаса из отстоявшейся конской крови» из ср.-монг. *šibai, ср. стп.-м. šibai, х.-монг. шавай, бур. шабай id.;

шыла= «неметь, деревенеть; уставать» из ср.-монг. *šila=, ср. стп.-м. šila=, х.-монг., бур. шала= id.;

ыла= «различать» из ср.-монг. *ilya=, ср. стп.-м. ilya=, х.-монг. ялга=, бур. илга= id.

В некоторых случаях свидетельством раннего заимствования именно из монгольского языка является наличие начального *s* (*c*) наряду с полногласием слогов, например:

суга «топор» из ср.-монг. *sūke, ср. стп.-м. sūke, х.-монг. сүх, бур. һүхэ id.;

сүлдэ «духовная мощь, дух; символ, эмблема, герб» из ср.-монг. *sülde id., ср. стп.-м. sülde, х.-монг. сүлд, бур. һүлдэ id.;

селама «сабля» из ср.-монг. *seleme, ср. стп.-м. seleme, х.-монг. сэлэм, бур. һэлмэ «сабля, меч, шашка, клинок».

Наиболее заметным признаком, свидетельствующим о средневековом характере монголизма являются наличие в нём шипящих аффрикат *ч* и *ж* (дз), представленных в современном монгольском языке в виде свистящих аффрикат *ц* и *дз*, в бурятском языке в виде согласных *с* и *з*. Шипящий характер этих аффрикат зафиксирован в старописьменном монгольском языке, на который и будем ориентироваться. Например:

больча= «уславливаться о встрече, договариваться о встрече» из монг., ср. стп.-м. bolja=, х.-монг. болдзо=, бур. болзо= id.;

бооча «пари, заклад» из монг., ср. стп.-м. boiqa, х.-монг. бооцоо, бур. боосоо id.;

хальчан «лысый, плешивый» из монг., ср. стп.-м. qalqa, х.-монг. халдзан, бур. халзан id

хецигэ «старинная мужская коса» из монг., ср. стп.-м. geŋige, х.-монг. гэдзэг, бур. гээгэ «коса вообще и женская, и мужская»;

чамча «рубашка, платье» из монг., ср. стп.-м. čatča, х.-монг. цамц, бур. самса id.

В основном же слова, взятые из современного монгольского языка хорошо узнаются по характерным для них признакам, среди которых можно назвать наличие *s* (*c*) вместо бурятского *h*, *ө* вместо бурятского *у*, *дз* вместо бурятского *з* и *дз* средневекового монгольского языка, наличие *c*, как и в бурятском, вместо монгольского *ц* и *ч* средневекового, но на монгольское происхождение указывают другие признаки, такие как редукция конечных слогов, просто наличие слова в монгольском и отсутствие в бурятском.

Примерами заимствований из современного монгольского языка могут послужить следующие:

бөмбүк «мяч» из монг. бөмбөг id., ср. бур. бүмбэгэ, стп.-м. bömbüge id.;

гамбир «лепешка, жаренная без масла» из монг. гамбир id.;

дэлгүүр «магазин» из монг. дэлгүүр id. < дэлгэ= «раскладывать»;

дээвир «крыша юрты» из монг. дээвир id.;

йос «обычай» из монг. ёс id., ср. бур. ёһон, стп.-м. yosun id.;

хайрхан~хайрақан «медведь» из монг. хайрхан «название чего-либо почитаемого, святого или очень страшного»;

муһыр-сөөм «короткая пядь» из монг. мухар сөөм id., ср. бур. мухар һөөм id.;

саадақ «колчан; патронташ» из монг. саадаг «колчан», ср. бур. хаадаг, стп.-м. saɣaday id.;

саасын~саарсын «бумага» из монг., ср. х.-монг. цаас(ан), дархат. цаарс(ан), бур. саархан, стп.-м. čaɣalsun id.;

тоос «пыль» из монг. тоос id., ср. бур. тооһон, стп.-м. toɣosun id.

Достаточно большую группу монголизмов представляют собой лексические заимствования из бурятского языка, точнее из его окинского говора, с носителями которого оленная группа сойотов довольно рано, около 400-450 лет тому назад, вступила в тесный контакт после переселения туда из Дархатского края Монголии, как уже упоминалось выше. Окинский бурятский говор вместе с тункинским и закаменским говорами близок к говору аларских бурят и образует с ними одну группу – язык так называемых хонгодоров. Этот язык, образующий самостоятельный диалект, называемый переходным, обладает чертами как западных, так и восточных бурятских говоров.

Сойотские бурятизмы обладают всеми признаками, присущими переходному диалекту бурятского языка. Общебурятскими чертами в фонетике являются наличие *h* вместо *s* (*c*) монгольского языка, вместо монгольских аффрикат *č* (*ч*), *ǰ* (*дж*), *c* (*ц*), *z* (*з*) здесь произносятся щелевые *š* (*ш*), *ž* (*ж*), *s* (*с*), *z* (*з*), в мягкорядных словах для этого диалекта характерны гласные фонемы *ü* (*ү*) вместо монгольской *ö* (*ө*), *e* (*э*), вместо *i* (*и*). Ряд диалектных слов имеет совершенно иную семантику, чем внешне похожие общемонгольские слова. Некоторые слова вообще бытуют только в языке западных бурят и характерны для них. В некоторых же случаях достаточно трудно определить, из какого монгольского языка взято слово, поскольку из средневекового монгольского или из бурятского, так как и там и тут характерной чертой является полногласие слогов, наличие интервокального *b* (*б*) вместо современного монгольского *v* (*в*), сохранение конечного согласного *n* (*н*) в конце основы. Только косвенные признаки в таких случаях позволяют предположить, что источником слова является бурятский язык, поскольку с оседлым бытом сойоты познакомились, общаясь с бурятами, равно как и с животноводством бурятского типа. Поэтому лексика, относящаяся к оседлому быту, к животноводству могла быть бурятской.

Опираясь на все эти признаки, приведенные для бурятского языка выше, мы можем предположить бурятское происхождение таких слов, как

аагыһын «мука из поджаренных ячменных зерен» из бур. окин. *aagahan* id, ср. тунк., закам. *aagahan* id.;

абырга «тиски» из бур. *абарга* id, ср. х.-монг. *аварга*, стп.-м. *abarya* «исполин, исполинский»;

бооса «поливные луга» из бур. окин. *боосо* id.;

былмыр «жбан-маслобойка» из бур. окин. *бэлмэр* id.;

герел-керел «стекло; стеклянный» из бур. окин. *гэрэл* id., ср. х.-монг. *гэрэл*, стп.-м. *gerel* «свет»;

даң «земляная засыпка крыши дома, земляной потолок избы» из бур. окин. *дан(э)* id.;

дыгныһын «дерновое покрытие крыши деревянной юрты» из бур. окин. *дэгнэһэн* id.;

йаваниаа соол «деревянная юрта или дом с четырехскатной крышей» из бур. окин. *йаваниаа соол* id., ср. тунк. *йаваниаа соол* id.;

йандаң «железная печь-буржуйка» из окин. бур. *яндан* id.;

куйылга «подарок» из бур. окин. *гуйлга* id., это слово во всех западных бурятских говорах означает «подарок», в вост.-бур., х.-монг. *гуйлга*, стп.-м. *гуйлыа* «просьба» < монг. *гуй* = «просить»;

хайбы «легкий долбленный чёлн, лодка-долблёнка» из бур. окин. *хайба* id., данное слово вообще характерно для западного диалекта бурятского языка;

хайрһа = «хвалиться, хвастать; зазнаваться» из бур. *хайрһа* = < бур. *хайн* «хороший», стп.-м. *sayirqa* = id. < *sayin* «хороший»;

хайрһак «хвастун; зазнайка» из бур. *хайрһак* < бур. *хайрһа* = «хвалиться, зазнаваться»;

халбага «весло» из бур. окин. *халбага* «весло», ср. вост.-бур. *халбага* «ложка», х.-монг. *халбага*, стп.-м. *qalbaya* id.;

намталай «зимняя обувь из камусов» из бур. окин. *намталай* id.;

саазуур «сковородник, чашельник» из бур. окин. *заазуур* id., ср. х.-монг. *дзаадзуур* «большой поварской нож»;

соол «изба, деревянный деревенский дом» из бур. окин. *соол* id.;

сөөкэй «саламат, мучная каша на сметане» из бур. *зөөхэй* id., ср. х.-монг. *дзөөхий* «сметана»;

суьтураан шай «чай, забелённый молоком и заправленный поджаренной на масле мукой» из бур. окин. *зутараан сай* id.;

сэргэ «коновязь» из бур. *сэргэ* id.;

таһалга «комната, перегородка» из бур. окин. *таһалга* id., ср. х.-монг., стп.-м. *tasalya* «перегородка»;

туураһы «охотничьи унты» из бур. окин. *туураһыа* id.;

түйүүр «дощечка с отверстиями, предназначенная для выделки кожаных веревок» из бур. окин. *түюур* id.;

үрүнтүүр «рашпиль» из бур. *үрэбтэр* id., ср. х.-монг. *өрөвтөр*, стп.-м. *örübtür* id.;

үтэк «зимняя стоянка скота, летом – огороженный покос» из бур. *үтэг* id., ср. х.-монг. *өтөг*, стп.-м. *ötüg* «зимняя стоянка скота»;

шүдэр «конские пути» из бур. *шүдэр* id., ср. х.-монг. *чөдөр*, стп.-м. *čidür* id.;

эрэнгэ «веселый, жизнерадостный» из бур. окин. *эрэнгэ* id.

В морфологическом отношении монгольские заимствования сойотского языка представляют собой те же части речи, что и в языке оригинале.

Таким образом, проведённое исследование лексических заимствований, проникших из монгольских языков в сойотский язык, показало их неоднородный характер, обусловленный тем, что это один из немногих тюркских языков, вовлечённый в орбиту влияния монгольских языков вследствие различных обстоятельств и до сих пор не вышедший из-под их влияния. Свыше 400 лет союоты после перекочёвки в пределы Бурятии находятся в условиях непосредственных контактов с окинскими и тункинскими бурятами, испытывая языковое влияние с их стороны. Выявилось около тысячи слов, заимствованных из средневекового и современного монгольского языков, а также из бурятского, точнее из окинского его говора. Монгольские слова не представляют какой-либо одной или нескольких лексико-семантических групп. Они глубоко проникли в словарный состав сойотского языка и широко там представлены, являя собой главным образом имена существительные и глаголы, есть немного прилагательных и наречий, а также единичные слова из других частей речи.

Литература

1. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
2. Дугаров Б.С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983.
3. Павлинская Л.Р. Кочевники голубых гор. (Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью). СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2002.
4. Петри Б.Э. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (Предварительные данные). Иркутск, 1927.
5. Санжеев Г.Д. Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927г. Л., 1930.

Сокращения языков и говоров

бур.	- бурятский язык
вост.-бур.	- говоры восточных бурят
дархат.	- дархатский говор монгольского языка
зап.-бур.	- говоры западных бурят
закам	- закаменский говор бурятского языка
калм.	- калмыцкий язык
монг.	- монгольский язык
окин.	- окинский говор бурятского языка
сойот.	- сойотский язык
ср.-монг.	- средневековый монгольский язык
стп.-м.	- старописьменный монгольский язык
тунк.	- тункинский говор бурятского языка
х.-монг.	- халха-монгольский язык.

(Язык сойотов Бурятии. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. С. 4-30).

ЗВУКОВОЙ СТРОЙ ЯЗЫКА ТУРОК-МЕСХЕТИНЦЕВ

В настоящей статье мы делаем попытку осуществить описание звукового строя языка турок-месхетинцев, называемых также *ахыска*. В основу исследования положен лингвистический материал, собранный нами в 2009-2010 гг. среди турок-месхетинцев в селе Ульяновка Яшалтинского района Республики Калмыкия, переселившихся сюда в 90-е гг. из Средней Азии. Поскольку их язык не имеет письменной формы (выпускаемая в Казахстане Центром культуры турок-месхетинцев газета «Ахыска» применяет турецкий литературный язык), мы использовали здесь при его фиксации знаки кириллического алфавита, принятые для тюркских языков России.

Для выяснения преобладания звукового строя современного турецко-месхетинского языка по отношению к звуковому строю древнетюркского языка материал по нему был взят из «Древнетюркского словаря - ДТС» [1969], использовалась также «Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв.» А.Н. Кононова [1980: 61-68]. Они в дальнейшем идут без ссылок.

Исследование в области вокализма показало, что современная система гласных языка тюрк-месхетинцев включает две группы фонем: группу кратких гласных и группу дифтонгов.

По своим характерным признакам краткие гласные турецкого языка месхетинцев чётко делятся на краткие гласные, употребляющиеся только в первом слоге, и на гласные, используемые в последующих слогах согласно правилам сингармонизма.

Современные краткие гласные как первого слога, так и последующих слогов являются гласными полного образования и имеют чётко выраженные акустические классификационные признаки: постоянную длительность, устойчивую тембровую окраску, и определяются как передне- и заднеязычные по месту образования. Турецко-месхетинские гласные в этих позициях произносятся одинаково чётко и с полной артикуляцией. Гласный последнего слога обычно бывает ударным. Ударение носит экспираторный характер. Турецко-месхетинский язык имеет слоговую структуру, при которой корневую основу составляет первый слог, несущий семантику слова и определяющий его сингармоническую принадлежность либо к твёрдому ряду, либо к мягкому ряду, что придаёт последующим слогам соответствующий облик, поскольку они в основном относятся к аффиксальным элементам. Ср. например, тур.-месх. *су* «вода» – *суд* «молоко», при наращении аффиксов получаем *сулу* «имеющий воду» – *судлу* «имеющий молоко»; тур.-месх. *ат* «лошадь» – *эт* «мясо», при наращении аффиксов получаем *атын* «своего коня» – *этин* «своё мясо» и т.п.

Турецкий язык месхетинцев имеет в первом слоге четыре гласных твёрдого ряда – «а», «о», «у», «ы» и пять гласных мягкого ряда – «э(е)», «а», «ө», «ү», «и». При этом следует отметить, что гласный «э(е)» довольно часто чередуется с более широким гласным «а», например, *эт-ат* «мясо», *эл-ал* «рука», *дэве-дэва* «верблюд». Многие слова произносятся только с гласным «а», например, *тэкэ* «козёл», *гал* «приходи», *сэку* «нары, помост», *гами* «удила», *бэн* «я», *сэн* «ты», *эвда* «в доме, дома».

В турецком языке месхетинцев краткий гласный «а» продолжает оставаться в первом слоге с древнетюркских времён, например, тур.-месх. *ал* «бери» < др.-тюрк. *al id.*; *ат* «лошадь» < др.-тюрк. *at id.*; *аз* «мало» < др.-тюрк. *az id.*; *каз* «гусь» < др.-тюрк. *qaz id.*; *даг* «гора» < др.-тюрк. *taγ id.* Этот звук встречается в первом слоге многих слов современного турецко-месхетинского языка, например, *вар* «есть, имеется», *дам* «крыша», *эсан* «душа», *агач* «дерево», *гага* «клоп», *чакырмах* «звать, позвать», *чалырмах* «работать». Такого явления, как образование гласного «а» на месте «ы» или «и» типа калмыцкого, монгольского и иных монгольских языков в результате переломов этих гласных в истории тюркских языков не наблюдается. Исключение составляют лишь несколько слов с начальным «ы» типа др.-тюрк. *ıraq* > тур.-месх. *агач* «дерево». В единичных случаях уже в самом древнетюркском языке происходило чередование анлаутных гласных «ы» и «а», например, др.-тюрк. *inča-anča* «так, таким образом», *inčir-ančir* «так, таким образом».

Турецкий язык месхетинцев в виде «о» в данном случае наследует древнетюркское состояние, например, тур.-месх. *от* «трава» < др.-тюрк. *ot id.*; *от* «костёр» < др.-тюрк. *ot* «огонь»; *он* «десять» < др.-тюрк. *on id.*; *кол* «рука» < др.-тюрк. *qol id.*; *отуз* «тридцать» < др.-тюрк. *otuz id.*; *огул* «сын; мальчик» < др.-тюрк. *oγul id.*; *ол* «тот, та, то» < др.-тюрк. *ol id.* Этот гласный употребителен в первом слоге многих турецко-месхетинских слов, например, *омуз* «плечо», *огуз* «бычок», *ода* «комната», *топрах* «земля, почва», *тохум* «семя, зерно», *доли* «град», *олду* «был», *отур* «садись», *оглан* «парень», *чождук* «ребёнок».

Турецкий язык месхетинцев в виде «у» первого слога наследует тот же гласный в той же позиции, что был представлен в древнетюркском языке, например, тур.-месх. *узун* «длинный» < др.-тюрк. *uzun id.*; *уч* «лети» < др.-тюрк. *uč id.*; *йут* «глотай» < др.-тюрк. *jut id.*; *кудун* «жеребёнок» < др.-тюрк. *quɭun id.*; *кузгун* «ворон» < др.-тюрк. *quɣun id.*; *су* «вода» < др.-тюрк. *suγ id.* Данный гласный употребляется во многих турецко-месхетинских словах, например, *курт* «волк», «червяк», *кузи* «козлёнок», *куру* «сухой», *куйу* «колодец», *узах* «далеко», *ужсуз* «дешёвый», *йурт* «родина».

В турецком языке месхетинцев краткий гласный «ы» твёрдого ряда хорошо сохраняется в первом слоге с древнетюркского состояния, например, тур.-месх. *кыш* «зима» < др.-тюрк. *qış id.*; *кыса* «короткий» < др.-тюрк. *qışqa id.*; *ысыр* «кусай» < др.-тюрк. *isir id.*; *ырла* «пой» < др.-тюрк. *irla id.*; *кырк* «сорок» < др.-тюрк. *qırq id.*; *кыз* «дочь; девочка; девушка» < др.-тюрк. *qız id.* Этот звук широко представлен в первом слоге турецко-месхетинских слов, например, *сырт* «спина», *йылдырым* «молния», *ырмах* «река», *ыслах* «мокрый», *кыскач* «щипцы, клещи»,

сыгыр «крупный рогатый скот», *сыкмах* «жать, давить», *кырмызы* «красный», *сыйлах* «чёрный», *сыжах* «горячий».

В турецком языке месхетинцев в первом слоге слов мягкого ряда продолжает употребляться тот же гласный звук «е», что и в древнетюркском языке, например, тур.-месх. *беш* «пять» < др.-тюрк. *beş* id.; *секиз* «восемь» < др.-тюрк. *sekiz* id.; *семиз* «жирный» < др.-тюрк. *semiz* id.; *гечи* «домашняя коза» < др.-тюрк. *keçi* id.; *эркак* «самец» < др.-тюрк. *erkäk* «муж, мужчина; самец»; *вер* «дай» < др.-тюрк. *ber* id. Этот звук в данной позиции в турецко-месхетинском языке встречается достаточно часто, например, *этмек* «хлеб», *эи* «ровесник», *дэмей* «не говорят», *эшак* «осёл», *йемах* «есть, кушать», *йени* «новый», *йешил* «зелёный», *бейаз* «белый», *тэмиз* «чистый», *гениш* «широкий», *ренк* «цвет», *келиме* «слово», *серик* «цыплёнок».

Поскольку в системе вокализма древнетюркского языка фонемы [ə] не было, то её появление в турецком языке месхетинцев следует считать новообразованием. Появилась она вначале как произносительный вариант фонемы [e], а затем закрепились в ряде случаев как обязательный вариант произношения, например, тур.-месх. *бэн* «я» < др.-тюрк. *ben* id., *бэним* «мой, моя, моё» < др.-тюрк. *beni* id., *бэни* «меня» < др.-тюрк. *beni* id., *сэн* «ты» < др.-тюрк. *sen* id., *дагүл* «не (применное отрицание)» < др.-тюрк. *tegül* id., *тэкэ* «козёл» < др.-тюрк. *tekä* id., *гэл* «приходи» < др.-тюрк. *kel* id., *галүрум* «я приду» < др.-тюрк. *kelür men* id., *сакү* «нары, помост» < др.-тюрк. *sekü* «возвышение, устраиваемое для сидения или лежания». Иногда до сих пор этот звук «э» чередуется с «э(е)», особенно по говорам и диалектам турецко-месхетинского языка, что даёт варианты типа *эл-эл* «рука», *эт-эт* «мясо», *эвдэ-эвдэ* «дома, в доме».

В первом слоге мягкорядных слов звук «ө» в турецком языке месхетинцев обычно сохраняет от древнетюркского состояния, например, тур.-месх. *дөрт* «четыре» < др.-тюрк. *tört* id.; *өкөүз* «сирота» < др.-тюрк. *ögsüz* «без матери, сирота» (< др.-тюрк. *ög* «мать»); *өгрөн* «учись» < др.-тюрк. *ögrän* id.; *өгөй* «неродной» < др.-тюрк. *ögaj* id.; *сөз* «слово» < др.-тюрк. *söz* id.; *гөз* «глаз» < др.-тюрк. *köz* id.; *гөр* «увидь» < др.-тюрк. *kör* id. Этот звук употребляется в первом слоге многих турецко-месхетинских слов, например, *бөгүн* «сегодня», *өбүр* «другой, иной», *өгүз* «вол», *өлу* «мёртвый», *төрпү* «напильник», *көпек* «собака».

В истории турецко-месхетинского языка не было процессов перелома гласного *i, поэтому в первом слоге турецких слов месхетинцев гласный «ү» продолжает употребляться со времён древнетюркского языка, например, тур.-месх. *үч* «три; тройка» < др.-тюрк. *üç* id.; *йүз* «сто» < др.-тюрк. *jüz* id.; *дүш* «сон, сновидение» < др.-тюрк. *tüş* id.; *мүтүн* «табак» < др.-тюрк. *tütün* «дым»; *йүз* «лицо» < др.-тюрк. *jüz* id.; *сүд* «молоко» < др.-тюрк. *süt* id. Этот гласный встречается в первом слоге многих турецких слов месхетинцев, например, *үмит* «надежда», *үндү* «известный», *йүрек* «сердце», *бүтүн* «весь, целый», *күл* «зола», *күн* «кувшин», *түркче* «турецкий язык», *чүрүк* «гнилой», *йүзгөр* «сильный ветер».

В турецко-месхетинском языке, как правило, первослоговой древнетюркский *i хорошо сохраняется в виде того же «и», например, тур.-месх. *ики* «два» < др.-тюрк. *iki* id.; *бир* «один» < др.-тюрк. *bir* id.; *бил* «знай» < др.-тюрк. *bil* id.; *биз* «мы» < др.-тюрк. *biz* id.; *сиз* «вы; Вы» < др.-тюрк. *siz* id. Этот гласный широко представлен в первом слоге слов турецкого языка месхетинцев, например, *гит* «иди, уходи», *илк* «первый», *инсан* «человек», *индже* «тонкий», *жигер* «печень», *жиһаз* «прибор, аппарат», *гиби* «как, подобно», *титиш* «метель», *тилап* «плов», *диши* «самка», *инэк* «корова», *дил* «язык», *диш* «зуб».

Все турецкие месхетинские гласные произносятся ясно, чётко, с полной артикуляцией согласной действующей в турецком языке губной гармонии гласных. Здесь наблюдается следующая последовательность гласных:

после гласного «а» первого слога во втором слоге следуют «а», «у», «ы», «и», например, *адам* «взрослый мужчина», *ана* «мать», *архадан* «товарищ», *алдох* «мы взяли», *йагмур* «дождь», *чабух* «быстрый», *аналух* «мачеха», *йахын* «близкий», *атым* «мой конь», *лазым* «нужно», *йагди* «пошёл дождь (снег)»;

после гласного «о» первого слога во втором слоге следуют «а», «у», «и», например, *оглан* «парень», *колай* «нетрудный, лёгкий», *корхах* «трусливый», *огул* «сын», *колум* «моя рука», *тосун* «бык», *чоужук* «ребёнок», *йогурт* «йогурт», *доли* «град»;

после гласного «у» первого слога во втором слоге следуют «а», «у», «и», например, *узах* «далёкий», *уфак* «мелкий, не крупный», *узун* «длинный», *куру* «сухой», *йутум* «плоток», *йумурта* «яйцо», *кузи* «ягнёнок»;

после гласного «ы» первого слога во втором слоге следуют «а», «ы», например, *кыса* «короткий», *сыжах* «горячий», *кызым* «моя дочь», *йылдырым* «молния», *кырмызы* «красный»;

после гласного «э(е)» первого слога во втором слоге следуют «э(е)», «а», «и», например, *э-мек* «хлеб», *дэмей* «не говорят», *эшак* «осёл», *эркак* «самец», *гедажам* «я уйду», *дэри* «кожа», *серик* «цыплёнок», *гечи* «коза», *гетдим* «я ушёл»;

после гласного «а» первого слога во втором слоге следуют «а», «у», «и», например, *дэва* «верблюд», *такэ* «козёл», *эвдэ* «дома, в доме», *галүрүм* «я приду», *сакү* «нары, помост (возвышение в доме для сидения или лежания)», *галдим* «я пришёл», *гами* «удила»;

после гласного «ө» первого слога во втором слоге следуют «е», «у», например, *өгей* «неродная (например, мать)», *көпек* «собака», *өбүр* «другой, иной», *көпү* «мост», *бөгүн* «сегодня», *гөлү* «его озеро»;

после гласного «ү» первого слога во втором слоге следуют «а», «у», например, *йүзгэр* «ветер», *үзэңи* «стремя», *бүйүк* «большой», *үчүнжү* «третий», *сүдлү* «молочный, с молоком»;

после гласного «и» первого слога во втором слоге следуют «а», «и», «а», например, *инэк* «корова», *ийи* «хороший», *ики* «два», *диши* «самка», *тити* «метель», *тикан* «козлёнок», *инсан* «человек», *хисап* «счёт».

В турецком языке месхетинцев отсутствуют долгие гласные. В отличие от литературного турецкого языка интервокальный -ğ- здесь произносится, а не выпадает, и долгота гласного не образуется. Так, например, месхетинцы произносят *агач* вместо *аач* (орфографически *ağaç*) «дерево»; *оглу* вместо *оолу* (орфографически *oğlu*) «его сын».

В турецком языке месхетинцев представлены разные дифтонги, например, *айгыр* «жеребец», *пейнир* «сыр, брынза», *доуз* «свинья», *таух* «курица», *өгей* «неродной», *тай* «жеребёнок до года» и т.п.

Ради объективности мы провели попутно небольшой сравнительный анализ систем вокализма калмыцкого и турецкого (месхетинского) языков, принадлежащих к одной алтайской языковой семье, поскольку турки-месхетинцы вот уже более 20 лет живут в Калмыкии среди калмыков, и их языки начали взаимодействовать, их дети изучают в школе калмыцкий язык. Данные по фонетике калмыцкого языка взяты из «Грамматики калмыцкого языка» [1983: 14-41]. Сравнение показало, что системы гласных фонем, представленные в данных языках, имеют как общие черты, так и разностные. К общим чертам следует отнести сходный в целом состав гласных первого слога, состоящий в калмыцком языке из трёх гласных твёрдого ряда – «а», «о», «у», в турецком из четырёх – «а», «о», «у», «ы» и из одинаковых пяти гласных мягкого ряда – «э(е)», «а», «ө», «ү», «и». Различие заключается лишь в том, что в калмыцком языке гласный твёрдого ряда «ы» применяется только в показателях родительного и винительного падежей, а в турецком фонема [ы] широко употребляется не только в первом слоге наряду с другими фонемами, но и обычно по закону губного сингармонизма во всех последующих слогах. В турецком языке нет долгих гласных. Калмыцкий же язык различает слова по долготе и краткости гласных в первом слоге. Кроме того, в калмыцком языке гласные второго и последующих слогов основы слова имеют статус особых неясных гласных неполной артикуляции, могущих в произношении редуцироваться полностью. Турецкие же гласные во всех слогах имеют полную артикуляцию и не редуцируются. Турецкий язык, кроме того, отличается наличием дифтонгов, каковых вообще нет в калмыцком языке. Оба языка имеют в основном сходный тип губного сингармонизма, при котором не допускается произнесение во втором слоге широких огубленных «о» и «ө». В турецком языке не наблюдается явление исторического опереднения твёрдоязычных гласных первого слога при наличии гласного *i во втором слоге, при котором гласный *i исчезает, а всё слово переходит в мягкий ряд.

Поскольку классификацию согласных фонем принято осуществлять по месту их образования в полости рта и по участию в артикуляции активного речевого органа – языка, губ и маленького язычка (*uvula*), – мы и будем их рассматривать, сгруппировав по этому принципу – губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные.

Губные согласные, у которых активным артикулирующим органом являются губы, фактически подразделяются на два вида: губно-губные и губно-зубные. У первых в образовании звуков принимают участие обе губы – верхняя и нижняя, в образовании вторых участвует нижняя губа и верхние зубы. По участию в артикуляции звуков голосовых связок согласные могут быть глухими, если голосовые связки не работают, и звонкими, если они работают. При множестве вариантов произнесения губных согласных с разными характеристиками практически в турецко-месхетинском языке используются лишь некоторые. Здесь мы находим из ротовых губно-губных звуков звонкий согласный «б» и глухой «п», из губно-зубных звуков звонкий согласный «в» и

глухой «ф». Из носовых сонантов в этой группе согласных используется губно-губной «м». При этом данные согласные ведут себя по-разному в зависимости от позиции в слове, причём различают позиции анлаута – начала слова, инлаута – середины слова с интервокальной, постконсонантной и предконсонантной позициями и ауслаута – конца слова. Рассмотрим ниже эти согласные в зависимости от места артикуляции по активному органу и от позиции в слове.

Звонкий ртовый губно-губной смычный согласный «б» (ср. др.-тюрк. *b* – *baş* «голова», *beş* «пять», *sub~suv* «вода», *sabım* «моя речь») встречается главным образом в начале турецко-мехетинских слов, здесь он представлен достаточно широко, например: тур.-мех. *бала* «ребёнок; детёныш», *баши* «голова», *бахар* «весна», *билмах* [*бильмах*] «знать, ведать», *бир* «один», *буга* «бык», *булмах* «находить», *бутун* «весь, целиком, всё». В середине слов «б» обычен в любой позиции, например: тур.-мех. *аба* «мама», *баба* «отец», *абай* «бабушка», *бабай* «дедушка», *биби* «тётя по отцу», *бибер* «перец», *араба* «телега», *гэбэ* «стельная (напр. корова)», *дибинэ* «на дно (его)», *йабани* «дикий», *чорба* «суп, бульон», *бөбрек//бөгрек* «почки», *кабланмах* «покрываться», *абла* «жена брата», *кабурга* «ребро», *кабух* «корка», *каби* «его мешок», *налбанд* «кузнец», *өбүр* «другой, иной», *сэбэбли* «причинный», *себзи* «морковь», *табах* «тарелка», *тэбси* «столик на трёх ножках», *тамбал* «ленивый, медлительный», *чобан* «чабан, пастух на отгонных пастбищах», *чубу* «шерстобитная палочка», *тобди* «клубок ниток», *каббези* «тряпка для посуды».

В турецко-мехетинском языке согласный «б» в основах слов встречается и в позиции ауслаута, хотя и произносится в оглушенном варианте. Во всяком случае, носители языка этот звук в данной позиции представляют себе как глухой слабый «б», произносимый без придыхания. Попав в соседство с гласным звуком или звонким согласным, этот «б» восстанавливает свою звонкость, например, *каб* «посуда; мешок» – *каби* «его посуда; его мешок», *сэбэб* «причина» – *сэбэби* «его причина», *сэбэбли* «причинный», *касаб* «мясник, торговец мясом», *киتاب* «книга», *калиб* «форма, колодка», *мектеб* [*мэхтэб*] «школа». Кроме того, он очень частотен в конце слова как показатель деепричастия, то есть =*ыб*/=*иб*, например, *алыб* «взяв», *сатыб алды* «купил», *айахта туруб* «стоя на ногах», *кахыб* «привставая на ногах», *өсүб* «вырастая». В других тюркских языках ему соответствует деепричастие на =*ын*/=*ин*, например, тат. *алын*, *сатын алды*, *аякта торын*, *үсеп* с теми же значениями.

Глухой ртовый губно-губной смычный согласный «п» (этот согласный в анлауте древнетюркских слов не встречается, он отмечен только в анлауте заимствованных слов [Кононов 1980: 63]; он обычен в середине и конце древнетюркских слов, например, др.-тюрк. *qarǵu* «дверь», *qar* = «хватать, захватывать») в языке турок-мехетинцев представлен неплохо, особенно в положении анлаута, где встретилось заметное количество слов, например: тур.-мех. *парча* «ткань», *пейнир* «сыр», *тилав* «плов», *писик* «кошка», *пөрчүкли* «морковь», *петек* «пчела», *пада* «стадо», *титик*, *пито* «щенок», *пытбылды* «перепёлка», *пуар* «родник», *тин* «курятник», *пеишун* «низенький столик», *пелтек* «заика», *пешене* «лоб», *пармах* «палец», *пуш* «пузо», *пеишкур* «полотенце», *пеиш-тамал* «фартук». Немало слов, в которых согласный «п» стоит и в позиции инлаута, например, *карпуз* «арбуз», *топуз* «зубр», *кептер* «голубь», *кирти-иткен* «ёж», *чапа/чапта* «стяпка», *цыпард* «искра», *ахлун* «навоз», *киприк* «ресницы», *топрах* «земля, грунт», *капи* «дверь», *копчи* «пуговица», *кырпах* «моргнуть», *пепела* «бабочка», *сипа* «ослёнок», *калпэт* «кусачки, плоскогубцы», *кэпэк* «отруби». В этой позиции глухой звук «п» чётко противопоставлен звонкому «б», например: *капи* «дверь» – *каби* «его посуда; его мешок» – *кави* «твёрдый, жёсткий». Гораздо реже этот согласный встречается в позиции ауслаута, например, *тап* «найди», *топ* «мяч», *шарап* «вино», *мектуп* «школа», *чорап* «носки», *картоп* «картофель».

Звонкий ртовый губно-зубной щелевой согласный «в» (по нашим наблюдениям этот звук не используется в анлауте древнетюркских слов, зафиксировано лишь слово *ver* = «дать» как вариант глагола *ber* = *id.*, встречается он в этой позиции лишь в заимствованных словах, зато не редок в инлауте и ауслауте, например, др.-тюрк. *av* «охота», *avla* = «охотиться», *авиш* «горсть», *sub, suw*, *sub, suw* «вода», *ev, ew, eb* «дом, юрта») в языке турок-мехетинцев в позиции анлаута употребляется достаточно редко, можно назвать десяток-другой слов, где он представлен, например, *вар* «есть, имеется», *вахыт* «время, пора», *ве // вэ* «и», *вермах* «давать», *вурмах* «бить». Гораздо чаще этот согласный встречается в середине слова, например, *дэве // дэвэ* «верблюд», *йаван* «постный», *кави* «твёрдый, жёсткий», *сивирмах* «сдирать, соскабливать», *тавар* «овца, овцы», *тавли* «жирный, упитанный», *хайван хавлыси* «скотный двор», *чувал* «мешок», *эв // эв* «дом», *эвдэ // эвдэ* «в доме; дома», *айва* «айва», *шевтэли* «персик», *жесүз* «орех», *савүзи* «морковь», *жсанавар* «волк», *тавиан* «заяц», *тава* «сковорода», *шарвал* «штаны». Этот согласный довольно редок в конце слов, встретились буквально единицы, например: *ав* «охота», *эв // эв* «дом».

В ряде случаев согласный «в», оказавшись в интервокальной позиции между гласными, вторая из которых узкая, как бы растворяется в ней, исчезая, а на месте комплекса *-аву-, -эву-, -авы-* произносятся дифтонги *-ау-, -эу-* или *-аы-,* которые чередуются, образуя производные варианты, например, *ауч* – *авуч* «ладонь», *каун* – *кавун* «дыня», *каурмах* – *кавурмах* «жарить», *таух* – *тавух* «журица», *чәурмах* – *чәвурмах* «поворачивать (с дороги)», *авы* – *аы* «медведь».

Глухой ротовый губно-зубной щелевой согласный «ф» (данный согласный в анлаутной позиции древнетюркского языка встречается лишь в заимствованных словах, в тюркских же словах только изредка в инлауте и ауслауте как вариант *у*, например, др.-тюрк. *sufsa* = «нашёптывать», «лечить заговором», *ef* «дом» как вариант *ev id.*) в языке турок-месхетинцев довольно редкий звук, представленный в незначительном количестве заимствованных слов в разных позициях – в анлауте, инлауте и ауслауте, например: *фасил* «пора, сезон» (*кыш фасли* «зимняя пора»), *фишина* «вишня», *кафа* «голова», *түфек* «ружьё», *ишфа* «исцеление», *сыфат* «морда», *таифа* «поколение», *түфрук* «слюна», *уфак* «мелкий», *чифталмах* «лягаться», *зайифланмах* «худеть, тошнить», *алаф* «сено, корм», *зайишф* «худой, тощий», *тәрәф* «сторона», *күф* «плесень».

Звонкий носовой губно-губной смычный сонант «м» (достаточно частотный звук в любой позиции древнетюркского языка, например, *тайт* «шаг», *сайт* «удой», *сabit* «моя речь», *барта* «не уходи», *бартиш* «ушедший») достаточно хорошо представлен в языке турок-месхетинцев в разных позициях – в анлауте, инлауте и ауслауте, например, *мал* «скот», *миш* «мозг», *мух* «гвоздь», *махсус* «особый», *мәльзамә* «продукт», *мемә/мама* «сосок вымени», *омуз* «предплечье», *билмах* «знать, ведать», *алмамиш* «не взял, не брал», *эм/ам* «соси», *эм/эв* «дом», *сагым* «удой». Этот звук часто встречается в речевом употреблении турок-месхетинцев, поскольку он обычен в составе показателей многих грамматических форм. Так, например, звук «м» выступает как показатель принадлежности 1-го лица ед. числа существительных, например, *атым* «мой конь», *атымын* «моего коня (род. пад.)»; участвует в спряжении глаголов, указывая на 1 л. ед. числа, например, *гедәжәм* «я уйду», *галүрүм* «я приду», *галдим* «я пришёл», образует отглагольные имена существительные, например, *йутум* «глоток» (от *йут* = «глотать»), *сагым* «удой» (от *саг* = «доить»); входит в состав глагольного аффикса отрицания =*ма//ма*, например, *галмадим* «я не пришёл», *отурмади* «он не сел», находится в составе причастия прошедшего времени =*миш*, например, *галмамиш* «не пришедший», *алмиш* «взявший», и показателя инфинитива =*мах*, например, *галмах* «приходить», *вермах* «давать», *отурмах* «сидеть», «садиться».

У переднеязычных согласных активным артикулирующим органом является передняя часть спинки языка, которая образует с верхними зубами смычку, щель, а также совмещение смычки со щелью, в результате чего образуются аффрикаты. Рассмотрим их по порядку.

Переднеязычными смычными согласными являются «т», «д», «н». Особая артикуляция у согласного «л», который относится к смычным, но с боковой щелью, через которую проходит воздушная струя. Это по сути дела ротовый переднеязычный смычный плавный боковой сонант. Как бы там ни было, но он произносится с кончиком языка, плотно прижатым к передним зубам, что позволяет отнести его к смычным согласным.

Глухой ротовый переднеязычный смычный согласный «т» (довольно активный звук в любой позиции древнетюркских слов, например, *таш* «камень», *тиш* «зуб», *тирәт* = «заставить дрожать») достаточно распространённый в языке турок-месхетинцев обычный согласный, часто встречающийся в разных позициях слова: анлауте, инлауте и ауслауте, например: *тамар* «жила, кровеносный сосуд», *тавланмиш* «упитанный», *тити* «метель», *тивтик* «пух», *тут* «лови; держи», *тут* «шелковица», *йатмах* «лежать; ложиться», *йутум* «глоток», *йумурта* «яйцо», *балта* «топор», *ат* «лошадь», *от* «трава», *эт/ат* «мясо», *ит* «собака», *йогурт* «йогурт, кефир», *кат* «слой», *дост* «друг», *нухут* «горох; соя». Этот звук представляет собой показатель понудительного залога, например, *кайна* «кипи» – *кайнат* «кипяти», *корх* «бойся» – *корхут* «пугай», *ах* «теки» – *ахыт* «заставь течь», он стоит также в начале аффикса прошедшего времени глаголов, оканчивающихся на глухой согласный, например: *корхти* «испугался», *ахти* «тёк», *батти* «погрузился», *басти* «наступил (ногой)», *битти* «покрыл», *гетти* «ушёл».

Звонкий ротовый переднеязычный смычный согласный «д» (по утверждению А.Н. Кононова [1980: 63] и по нашим наблюдениям звонкий «д» почти не употребляется в анлауте собственных древнетюркских слов, его можно встретить лишь в единичных словах, например, *дау* «клеимо, тавро», *devä* «верблюд», *didäk* «покрывало невесты», в основном он встречается в анлауте заимствованных слов, в тюркских словах он обычен в позиции инлаута и ауслаута, например, *tid* = «задерживать», *tidü* «препятствие, помеха») в турецко-месхетинском языке очень употребительный звук, встречающийся во многих словах в любой позиции, например: *даг* «гора», *диш* «зуб», *доли*

«град», *домуз* «свинья», *дуге* «тёлка», *дэве* «верблюд», *дари* «кожа», *дөрдүнчи* «четвёртый», *дәдә* «дедушка», *адам* «мужчина», *дагда* «на горе», *дагдан* «с горы, от горы», *гейдурмах* «одевать», *йедурмах* «кормить», *йылдыз//йулдыз* «звезда», *калдик* «остаток», *кендир* «бечёвка», *кидик* «козлёнок», *сүдлү* «молочный», *өгдә* «впереди», *өрдәк* «утка», *өзгәдилмах* «быть обученным», *эридилмах* «быть растопленным, расплавленным», *зердәли* «абрикос», *бугдай* «пшеница», *пада* «стадо», *кудүх* «колодец», *архадаш* «друг», *кардаш* «брат», *кәмәнд* «аркан, лассо», *налбанд* «кузнец, коваль», *сүд* «молоко», *буд* «бедро, ляжка».

Звонкий носовой переднеязычный смычный сонант «н» (этот звук довольно редок в анлауте собственных древнетюркских слов, зафиксировано всего несколько, это – *нең* «вещь, нечто», *не-нй* «что» и его производные, зато в арабских, персидских и согдийских заимствованиях в анлауте он употребляется часто; он обычен в инлауте и ауслауте древнетюркских слов, например, *тоңшиқ* «бусы, ожерелье», *сен* «ты») неплохо представлен в языке турок-месхетинцев. В позиции анлаута он несколько ограничен. В середине же и в конце слова используется активнее, употребляется во многих аффиксах, таких как показатель родительного падежа –*ын*//–*ин*, показатель возвратного залога глагола =*н*, употребляется в качестве вставного согласного (–*н*) в притяжательном склонении 3-го лица, в конце показателя исходного падежа –*дан* и др. Примеры: *нал* «подкова», *нахыр* «стадо», *нахыш* «орнамент», *не* «что», *нарса* «нечто», *нерә* «куда», *нем* «солончак», *нохта* «недоуздок», *нишан* «печать», *ана* «мать», *алынмыш* «взятый», *алтындан* «из-под», *багинан багланмыш* «привязанный ремнём», *ичинда* «внутри чего-либо», *атын* «коня», *малын* «скотский», *бән* «я», *сон* «конец», *тосун* «бычок», *туран* «стоящий», *узун* «длинный», *үчүн* «для, за».

Звонкий ротовый переднеязычный смычный боковой сонант «л» (в древнетюркском языке встречается в анлауте заимствованных слов [Кононов 1980: 63], в ДТС зафиксированы буквально единицы лексем с анлаутным «l» типа *la* – модальная частица, *laçın* «кречет; сокол», *layzın* «свинья»; этот звук характерен для инлаута и ауслаута слов древнетюркского языка, например, *atlar* «лошади», *al* «зми» и т.п.) в языке турок-месхетинцев в начале слова встречается не столь часто, зафиксировано всего несколько слов – *лазым* «нужно», *ляйляк* // *лягяк* «аист», *лобья* «фасоль», *лазут* «кукуруза», *лахана* «капуста», *лаззәт* «вкус». В середине слов и в конце он достаточно активен, поскольку звук *л* представляет собой аффикс страдательного залога у глаголов, а также стоит в начале показателя множественного числа –*лар*//–*ләр* у существительных и глаголов и начинает отыменной глагольный словообразовательный аффикс =*ла*//=*лә*, стоит в начале аффикса обладания –*ли* у прилагательных. Примеры: *ала* «пёстрый», *алты* «шесть», *алт* «нижний», *алынмах* «быть взятым», *атылмах* «прыгать, подпрыгивать», *багламах* «связывать, привязывать» (от *баг* «ремень»), *алмалар* «яблоки», *алмали* «яблочный», *чигелек* «клубника», *чархала* «свёкла», *кинкилә* «комар», *матлы* «червь», *тилки* «лиса», *бала* «ребёнок; детёныш», *балали* «имеющий детей», *таллалар* «поля», *атлар* «лошади», *атли* «имеющий лошадь», *цынтал* «котёнок», *мал* «скот», *ал* «возьми», *бил* «знай», *кыл* «волосы на теле», *чучул* «цыплёнок», *гузал* «красивый». В середине слова встречается палатализованный согласный «ль», например, *мәльзәмә* «продукт», *кальпәт* «кусачки, плоскогубцы».

К переднеязычным щелевым согласным относятся «с», «з», «ш», «р». Если первые три звука являются обычными щелевыми звуками, то у «р» щель сопровождается дрожанием кончика языка, и он представляет собой дрожащий щелевой звук.

Глухой ротовый переднеязычный щелевой свистящий согласный «с» (весьма распространённый согласный звук, встречающийся во всех позициях древнетюркских слов, например, *say* «донить», *saç* «волосы», *küsä* «желать», *qışıl* «ущелье, теснина», *qas* «кора; кожа», *kes* «режь») в языке турок-месхетинцев присутствует в любой позиции слова, но особенно активно в анлауте и в инлауте, например: *сагмах* «донить», *сагым* «удой», *сатылмах* «быть проданным», *сол* «левый», *су* «вода», *саман* «солома», *соган* «лук (овоц)», *сармусах* «чеснок», *сач* «волосы на голове», *сахал* «борода», *синәк* «муха», *сычан* «мышь», *нисик* «кошка», *тосун* «бычок», *тәбси* «столик на трёх ножках», *хаста* «болезнь», *инсан* «человек», *эски* «старый, прежний», *баласи* «её ребёнок», *касаб* «мясник», *кыса* «короткий», *бас* «наступи (ногой)», *кес* // *кәс* «режь», *кумыс* «кумыс», *мәхсус* «особый», *өс* «расти», *урус* «русский». Некоторые аффиксы содержат согласный *с*, например, аффикс допустительной формы глагола в 3-м лице =*сын*//=*син* (*гәлсин* «пусть приходит», *алсын* «пусть возьмёт»), аффикс личной принадлежности 3-го лица –*си*, использующийся после гласного в конце существительных (*анаси* «его мать», *бабаси* «его отец»), поэтому данный звук довольно частотен в середине слова.

Звонкий ротовый переднеязычный щелевой согласный «з» (в анлауте древнетюркских слов встречается главным образом в заимствованиях, в собственных тюркских словах в ДТС отмечен лишь в единичных случаях – *zārānzā bot*. «сафлор красильный», *zar zar bar* = «быстро идти»; обычен в других позициях, например, *izun* «длинный», *qizil* «красный», *qiz* «девушка; дочь», *sekiz* «восемь») в турецко-мехетинском языке весьма активно употребляется в разных позициях слова, как в начале и середине, так и в конце его, например: *zayıflanmaх* «худеть, тошнить», *zaman* «время», *zera* «копчик», *zerdalı* «абрикос», *lazun* «кукуруза», *üzüm* «виноград», *savun* // *sebzi* «морковь», *kuzu* // *kuzi* «ягненок», *tezek* «кизяк», *gyze* «десна», *kazan* «котёл», *ash-kazan* «желудок», *gözü* «зеркало», *az* «мало», *karpuз* «арбуз», *kiraz* «черешня», *jeşevüz* «орех», *topuz* «зубр», *kaz* «гусь», *iz* «след», *üz* «лицо», *göz* «глаза», *boğuz* «глотка», *diz* «колено», *doğuz* «девять», *tuз* «соль».

Глухой ротовый переднеязычный щелевой шипящий согласный «ш» (по утверждению А.Н. Кононова [1980: 63], этот согласный встречается в анлауте только заимствованных древнетюркских слов, хотя в ДТС зафиксированы несколько собственных тюркских слов с анлаутным «ш», например, *ša* – название пёстрой птицы, похожей на цаплю, *šatışa* – название съедобной травы, *šar šar jedi* «ел, чавкая», *šaš* = «сбиваться с пути», *šış* «вертел; палочка, которой едят лапшу» и т.п.; обычен в позиции инлаута и ауслаута, например, *işaq* «мелкий», *baş* «голова» и т.п.) в языке турок-мехетинцев не часто встречается в начале слова, где нами было зафиксировано менее десятка слов: *işrat* «сыворотка», *işimmaх* «опухать, распухать», *işinäk* «двухлетняя овца-ярка», *işevteli* «персик», *ışarın* «вино», *işuша* «стекло», *ışarval* «штаны». Гораздо чаще он представлен в середине и в конце слов, поскольку =ш является аффиксом совместно-взаимного залога у глаголов, а также стоит в конце аффикса причастия прошедшего времени =иш у глаголов, например, *bağlamaх* «связывать» – *bağlamaх* «вместе связывать; помогать связывать» – *bağlaи* «помогай связывать», *otur* «сядь» – *oturмиш* «сел». Кроме того, ш стоит в середине и конце основ слов различной частеречной отнесённости, например, *ашух* // *ашук* «лодыжка», *аш-казан* «желудок», *баишух* «рулевой, кормчий», *бешинчи* «пятый», *бишмиш* «сваренный», *бишурмах* «варить», *боишатмах* «освободить», *гулашмах* «бодаться», *диши* «самка», *йаишамах* «жить», *кишмиш* «сушеный виноград, изюм», *архадаи* «товарищ», *карындаи* «брат», *йолдаи* «путник, спутник», *атаиш* «огонь», *баиш* «голова», *беш* «пять», *диш* «зуб, зубы», *доиш* «грудина», *котоиш* «початок кукурузы».

Звонкий ротовый переднеязычный дрожащий щелевой согласный «р» (по утверждению Кононова [1980: 63] этот согласный в анлауте собственных древнетюркских слов не используется, употребляется лишь в середине и конце слов, например, *ara* «промежуток», *bar* «есть, имеется») в языке турок-мехетинцев в анлауте употребляется в немногих словах иностранного происхождения, например, *рахатланмах* «выдерживаться (о коне перед скачками)», «отдыхать», *рахатлух* «выдерживание (коня перед скачками)», «отдых», *рәнк* «цвет, масть», *рәнкли* «какого-либо цвета или масти». В собственно тюркских словах он в начале слов не употребляется. Активен этот согласный в середине и в конце слов, особенно если учесть, что на -р оканчивается показатель множественного числа –лар/-ләр у существительных и глаголов, например, *атлар* «кони», *алдылар* «они взяли», кроме того, звук р представляет собой аффикс будущего времени глаголов и причастия настоящее-будущего времени, например, *галурлар* «они придут», *галур* «он придёт», «который обычно приходит». В инлауте и ауслауте данный согласный употребляется без ограничений в различных комбинаторно-позиционных условиях, например, *картон* «картофель», *карпуз* «арбуз», *армут* «груша», *эрук* «урюк», *кираз* «черешня», *хурма* «хурма», *кара-бибер* «чёрный перец», *кара-курт* «паук», *туришы* «малосольный», *ары* «оса», *куйрух* «хвост», *өрдәк* «утка», *карга* «ворона», *орах* «серп», *дәре* «река», *тырнах* «ноготь», *йүрәк* «сердце», *дирген* «вилы», *гөрүм* «золотка», *арын* «лоб», *бурун* «нос», *ахор* «сарай (для скота)», *хыйар* «огурец», *нар* «гранат», *шекер* «сахар», *тавар* «овца», *катыр* «мул», *котур* «чесотка», *кептер* «голубь».

К переднеязычным смычно-щелевым согласным в турецко-мехетинском языке относятся аффрикаты «ц», «ч», «ж».

Глухой ротовой переднеязычный свистящий смычно-щелевой согласный «ц» (в древнетюркском языке не отмечен) в языке турок-мехетинцев sporadически встречается только в начале и середине слов, например, *цепламах* «теревить (например, шерсть)», *цынтал* «котёнок», *цытард* «искра», *куцы-куйрух* «короткохвостый», *куцы* «занога», *пуцуланмах* «быть растрёпанным, взъерошенным».

Звонкий ротовой переднеязычный шипящий смычно-щелевой согласный «ч» (в древнетюркском языке достаточно распространённый звук в любой позиции, например, *čečäk* «цветок», *küç*

«сила») в языке турок-месхетинцев употребляется достаточно активно, особенно в начале и середине слов, но встречается и в конечной позиции. Примеры: *чаг* «вертел, шампур», *чайыр* «луг», *чамуш* «буйвол», *чечланмах* «расплетаться», *чох* «очень», *чөкалук* «творог», *чырых* «рванный», *чәвурмах* «поворачивать (с дороги)», *чигелек* «клубника», *чийан* «скорпион», *чанчур* «дикая слива», *чучул* «цыплёнок», *ачылмах* «открываться», *ачух//арых* «открытый», *башичи* «рулевой, кормчий», *бичах* «нож», *бичилмиш* «отрезанный», *гөгәрчин* «горлица», *гечурмах* «перегонять (на другое место)», *гечи//кечи* «домашняя коза», *качмиш* «убежал», *кәчә* «войлок», *бочеча* «паутина», *кач-кач* «сорока», *ач* «открой», *бич* «отрежь; коси (сено)», *гуч* «сила», *гөч* «кочуй», *ич* «внутренности», *ич* «пей», *уч* «три», *коч* «баран-производитель», *авуч* «ладонь».

Звонкий ртовый переднеязычный шипящий смычно-щелевой согласный *жэ* (звук не характерный для тюркских рунических памятников; в ДТС встречается главным образом в анлауте заимствованных слов) весьма активен в языке турок-месхетинцев, употребляясь в позиции анлаута и инлаута без ограничения, причём в начале не столь активно, например: В конце слов не зафиксирован. Исторически турецкий язык относится к йот-языкам, как и язык древних огузов, это их характерный классификационный признак анлаута, например, *йер* «земля» вместо *жер* у кыпчаков или *сир* у чувашей или якутов, *чер* у тувинцев, поэтому аффриката *жэ* используется главным образом в иностранных (арабских или персидских) словах, но есть и исключения. Примеры: *жәан* «душа», *жәанавар* «волк», *жәантамур* «артерия», *жәмуш* «буйвол», *жәйран* «джейран», *жәинжар* «крапива», *жәевүз* «орех», *жигер* «печень», *ажырых от* «сорняк», *ажика* «аджика», *әнжүр // инжир* «инжир», *карынжа* «муравей», *бажи* «сестра», *сахдужи* «дружка» (на свадьбе), *бажанах* «свояки (мужья сестёр)», *ачажах* «ключи», *бажа* «чердак», *зенжир* «цепь», *жүжүк* «цыплёнок», *галәжәх* «он обязательно придёт».

Среднеязычные согласные образуются в результате подъёма средней части спинки языка к твёрдому нёбу, где образуется либо щель, либо смычка.

Самым распространённым в турецко-месхетинском языке среднеязычным согласным является ртовый щелевой сонант *й*, встречающийся в любой позиции, причём он неплохо представлен особенно в начале слова, поскольку этот язык, как уже говорилось выше, по классификации относится к йот-языкам, например, *йабанжи* «иноходец», *йаван* «постный», *йаз* «лето», *йаг* «сало, твёрдый жир», *йагмур* «дождь», *йайла* «отгонное пастбище», *йахын* «близкий», *йем* «еда, корм», *йешил* «зелёный», *йил* «год», *йох* «нет», *йумурта* «яйцо», *йылдыз // йулдуз* «звезда». Звук *й* без ограничений употребляется также в середине и в конце слов, например, *айна* «зеркало», *айах* «нога, ноги», *хыйар* «огурец», *кайнамах* «кипеть», *йайлачи* «кочевник», *каймах* «сметана», *койун* «овца», *су койулан чайыр* «заливной луг», *мида* «мозг», *сейрак* «редкий; жидкий», *суйух* «жидкость», *ай* «луна, месяц», *бугдай* «пшеница», *тай* «жеребёнок». Частотность употребления *й* в середине слов объясняется ещё и тем, что этот звук стоит в показателе винительного падежа простого склонения, употребляемого с основами имён существительных, оканчивающимися на гласную, например, *ингә танайи коймах* «подпускать телёнка к корове» (от *тана* «телёнок»), *балайи йедурмах* «кормить ребёнка» (от *бала* «ребёнок»), *чорбайи бишурмах* «варить суп» (от *чорба* «суп»). Этот согласный звук тоже очень часто встречается в древнетюркском языке, причём в любой позиции слова, например, *jel* «ветер», *jer* «земля», *ajdin* «лунный свет», *ajur* «жеребец», *ajaq* «чаша», *aj* «месяц, луна», *bağ* «богатый» и т.п.

Заднеязычные согласные образуются смычкой или щелью, создаваемыми задней частью спинки языка и мягким нёбом или границей твёрдого и мягкого нёба. В эту группу согласных турецко-месхетинского языка входят «к», «г», «з», «х».

Глухой ртовый заднеязычный смычный согласный «к» (очень активный согласный, встречающийся во всех позициях мягкорядных слов, причём как собственно тюркских, так и заимствованных, например, *kök* «небо», *kökürkün* «голубь», *kertik* «зарубка») встречается в турецко-месхетинском языке как в собственно тюркских, так и в заимствованных мягкорядных и твёрдорядных словах в любой позиции, например, *кавун* «дыня», *карпуз* «арбуз», *кабах* «тыква», *кара* «чёрный», *каш* «брови», *кол* «рука», *кишмиш* «изюм», *кинкидә* «комар», *көпүк* «пена», *кули // гули* «индюк», *тикен* «колючка», *чочка // чочха* «свинья, чушка», *тилки* «лиса», *экмах* «сажать (овощи)», *сәку* «топчан», *коко* «булочка», *чәкүч* «молоток», *икки // ики* «два», *эрүк // әрүк* «урюк; слива», *хедик* «кукурузный початок», *чигелек* «клубника», *петек* «пчела», *синәк* «муха», *инәк // инәк* «корова», *писик* «кошка», *өрдәк* «утка», *хотик* «ослёнок», *кемелек* «лук для стрельбы», *ок // ох* «стрела», *жүжүк* «цыплёнок», *корхах // коркак* «пугливый». Причём в твёрдорядных словах этот звук реализуется в отодвинутых назад оттенках, но это не настоящий *q* (қ), ибо в истории турецко-месхетинского языка звук *q* (қ) трансформировался в вулгарный *x*, как это видно из сравнения

с древнетюркским языком, например: тур.-месх. *йох* «нет» < др.-тюрк. *joq id.*, тур.-месх. *йахын* «близкий» < др.-тюрк. *jaqin id.*, тур.-месх. *ох* «пуля», «стрела» < др.-тюрк. *oq* «стрела».

Звонкий ротовый заднеязычный смычный согласный «г» (данный согласный в языке тюркских рунических памятников в анлаутной позиции, по утверждению А.Н. Кононова [1980: 63], не встречается, хотя в ДТС приводится слово *gü* - утвердительная частица, зафиксированная в малой надписи Кюль-Тегина; обычен в инлауте и ауслауте мягкорядных слов, например, *kögär* = «становиться синим», *beg* «правитель, вождь, бек, князь2) в языке турок-месхетинцев употребляется главным образом в позиции анлаута, инлаута, реже в ауслауте мягкорядных слов, например, *гей* «надень», *гейим* «одежда», *генди* «сам», *герида* «позади», *гет* «уходи», *гечи* // *кечи* «домашняя коза», *гөгәрчин* «голубь», *гөз* «глаз, глаза», *гүзүн* «осенью», *гүн* «солнце», «день», *гөрүм* «золотка», *гүч* «сила», *гал* «приходи», *гамук* «кость», *дизгин* «поводья», *чигелек* «клубника», *игна* «игла, иглолка», *дүге* «тёлка», *дирген* «вилы», *йенге* «невестка», *йенги* «новый», *өгә* «вперёд», *өгдә* «впереди», *сингир* «сухожилие», *чәнгә* «челюсть», *әгирмах* «прясть», *билги* «знак», *бөгүн* «сегодня», *дөгүш* «битьё», *дәгүл* «не (применное отрицание)», *йүзгәр* «ветер», *йеген* «племянник», *леген* «тазик», *гүгүм* «ковш», *ленгер* «поднос», *өг* «передний», *иг* «веретено», *гөг* «нёбо», *гөзг* «грудь», *гөбег* «пупок».

Звонкий носовой заднеязычный смычный согласный «ң» в языке турок-месхетинцев вообще не употребляется, не использовался он в анлауте и древнетюркского языка [Кононов 1980: 63]. В тех случаях, где исторически в позиции инлаута и ауслаута был в тюркских словах «ң», здесь используется обычный «н», например, др.-тюрк. *atın* – тур.-месх. *атын* «твой конь», др.-тюрк. *jaŋaq* – тур.-месх. *йапах* «щека», др.-тюрк. *jaŋı* – тур.-месх. *йенги* «новый», др.-тюрк. *jıŋ* // *jün* «перо птицы; шерсть, пух; хлопок» – тур.-месх. *йүнк* «шерсть».

Увулярные согласные образуются смычкой или щелью, образуемой задней частью спинки языка и маленьким язычком, находящимся в гортани, называемым *увуля* (*uvula*). В турецко-месхетинском языке имеется два увулярных согласных: «х» (глухой звук) и «г» (звонкий звук).

Глухой ротовый увулярный щелевой согласный «х» употребляется в турецко-месхетинском языке в основном в твёрдорядных словах в позиции анлаута, например, *хайван хавлыси* «скотный двор», *хазыр* «готовый», *хазырламах* «приготовить», *хара* «запретный», *хаста* «болезнь», *хасылламах* «выделывать кожу», *хала* «тётя (сестра матери)», *хожа* «хозяин», *хотик* «ослёнок», *хыйар* «огурец». В языке тюркских рунических памятников этот звук вообще не встречается, в ДТС он фиксируется в анлауте заимствованных слов в более поздних памятниках главным образом на арабской графике и там же в некоторых тюркских словах вместо начального «q», например, *χiz* у Махмуда Кашгарского вместо *qiz* «девушка; дочь», *χisqa* вместо *qisqa* «короткий» [ДТС: 6376] и т.п. В начале и середине мягкорядных слов в языке турок-месхетинцев он встречается весьма редко, например, *хедик* «приготовленный початок кукурузы», *хечә* «затылок», *махал* «пора, сезон». Обычен в середине твёрдорядных слов, например, *ахор* «сарай», *ахыл* «ум», *ахыр* «конец», *йахын* «близкий», *лахана* «капуста», *нахыр* «стадо», *нухут* // *нохат* «горох; соя», *чархала* «свёкла», *отхана* «сеновал», *танахана* «телятник», *сахал* «борода», *чухур* «яма», *пейхун* «столик на трёх ножках», *ахпун* «навоз», *ихтийар* «пожилой», *сахдужу* «дружка (на свадьбе)», *арха* «спина», *архадаш* «друг», *дастархан* «скатерть», *дохуз* // *доххуз* «девять», *бахарын* «весной», *вахыт* «время», *йахлах* «жечь, сжигать». Часто встречается в ауслауте твёрдорядных слов, например, *айах* «нога», *куйрух* «хвост», *кабах* «тыква», *ох* // *ок* «пуля; стрела», *тавух* «курица», *саманлух* «сеновал», *хожаалух* «хозяйство», *артух* «отходы», *корхах* «пугливый», *мух* «гвоздь», *бах* «смотри». Стабильно употребляется в конце показателя инфинитива глагола на =мах, который всегда имеет твёрдорядный вариант, используемый и с мягкорядными глагольными основами, например, *ахлах* «течь; вытекать», *бахлах* «смотреть», *йахлах* «жечь, сжигать», *вермах* «давать», *кесмах* «резать», *гөрмах* «видеть». Как уже отмечалось выше, в середине и конце слов обычен на месте древнего увулярного смычного звука «q».

Звонкий ротовый увулярный согласный, обозначенный в языке турок-месхетинцев как звук «г» (ғ), представлен только в щелевом варианте, причём встречается в начале (как вариант твёрдорядного «к»), произносимого ближе к увулярному «қ»), в середине и конце слов. При этом в мягкорядных словах во всех позициях имеет заднеязычный вариант, а в твёрдорядных – увулярный вариант в начале и середине слов. В конце же твёрдорядных слов произносится как заднеязычный вариант. Примеры: *гули* // *кули* «индюк», *газ* // *каз* «гусь», *гызе* «десна», *ага* «уважаемый старик», *агач* «дерево», *бага* «кормушка для скота», *богуз* «глотка», *буга* «бык», *соган* «лук (овощ)», *карга* «ворона», *оглан* «парень», *огул* «сын», *эшагин* – родительный падеж от слова *эшак* «осёл»,

багырмах «кричать», *узага* «вдаль», *бугдай* «пшеница», *кабурга* «рёбра, ребро», *айах билеги* «голень», *кумган* «кувшин», *йорган* «одеяло», *каргыш* «проклятье», *өгран* «учись», *баг* «ремень», «сад», *даг* «гора», *йаг* «сало, жир; масло», *саг* «дои, подои», *чаг* «вертел, шампур». Он не исчезает в середине слов, оказавшись между гласными, в отличие от турецкого литературного и разговорного языков.

Как показал анализ звукового строя языка турок-месхетинцев, он во многом сохранил черты звукового строя языка древнетюркского языка, особенно в области вокализма, не выявил здесь никакого иноязычного влияния, никакой интерференции грузинского языка, вопреки ожиданиям некоторых специалистов. Система консонантизма тоже сохраняет в общем черты древнего тюркского языка, особенно начальный *ʃ* (*й*), характерный признак языка огузского типа, о чём уже было сказано выше. Хотя в инлауте тюркских слов древних рунических памятников, относимых обычно к языку древних огузов и уйгуров, употреблялся *d* (*д*), например, *adaq* «нога» вместо *ajaq*, *abaq*, *azaq* «нога» других тюркских языков, а в языках современных огузов, а также уйгуров произносится *ajaq* «нога», о наличии в древности в этой позиции звука *d* (*д*) свидетельствует сохранение его в слове тур.-месх. *өрдәк*, тур. *ördek*, туркм. *ördek*, азерб. *ördək* «утка» < др.-тюрк. *ördäk* id., ср. древнетюркский вариант *ödiräk*, тув. *өдүрек*, хак. *өзірек*, тат. *үйрәк* «утка». Это слово сохранило в положении метатезы древний звук *d*. Кроме того, современные огузские языки как классификационный признак имеют в большом количестве слов инициальные звонкие согласные *d* (*д*) и *g* (*г*), чего не было в памятниках древнетюркской письменности. Как и турецкий язык, месхетинско-турецкий утратил согласный *ç*, заменив его обычным *н*. В заметном количестве слов появилась аффриката *жс*, а также несвойственная древнему тюркскому языку свистящая аффриката *ç*.

Таким образом, по своим основным классификационным признакам данный язык относится к огузским языкам сельджукской подгруппы и близок к восточноанатолийским говорам турецкого языка [Грунина 2010: 397-406], во всяком случае имеют сходные черты. Месхетинцы так же говорят *айах* вместо тур. *ayak* «нога», *йох* вместо *yok* «нет», *кузи* вместо *kuzu* «ягнёнок», *кар йағди* вместо *kar yağdı* «снег пошёл» и т.п. Наличием согласных *х* и *г*, гласного *а* язык месхетинских турок несколько напоминает азербайджанский язык.

Литература

- Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. - Элиста, 1983.
ДТС - Древнетюркский словарь. - Л., 1969.
Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-XIX вв. - Л., 1980.
Грунина Э. А. Диалекты турецкого языка // Диалекты тюркских языков: очерки / Ин-т языкознания РАН. - М.: Вост. лит., 2010.

(Российская тюркология. 2011. №2 (5). С. 29-40).

КРАТКИЙ ТУРЕЦКО-МЕСХЕТИНСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ

В основу настоящего словаря положены сборы лексического материала по языку турок-месхетинцев в период 2009-2011 гг. среди носителей языка, живущих в пос. Ульяновка Яшалтинского района Калмыцкой Республики, куда они переселились в начале 90-х гг. из Средней Азии. По традиции занимаются земледелием животноводством и ведут преимущественно сельский образ жизни. Их численность в пос. Ульяновка составляет немногим более 2000 человек. По вероисповеданию они являются мусульманами.

Язык турок-месхетинцев до сих пор остаётся почти неизученным и мало известным тюркологической науке. До сих пор для него нет своей письменности. Турки-месхетинцы, живущие в Казахстане, издают свою газету «Ахызка», используя турецкий литературный язык, что не совсем корректно, поскольку их язык имеет много отличий от литературного языка, сближается с восточным диалектом турецкого языка и с азербайджанским языком, сохраняя в то же время ряд древнетюркских черт.

Для фиксации лексического материала мы использовали кириллическую письменность, приспособленную к другим тюркским языкам России. При этом мы отказались от йотированных

букв, поскольку они не позволяют различать сочетания **й** с различными гласными звуками, относящимися к твёрдым и мягким сингармоническим рядам, как это обычно для тюркских языков. Так, вместо **я** мы используем сочетания **йа** и **йэ**, вместо **ё** - **йо** и **йө**, вместо **е** соответственно **йе**, вместо **ю** - **йу** и **йү**, что позволило точнее отразить произношение слов. Йотированные буквы, а также буквы **ж** и **щ** используются при написании слов, заимствованных из русского языка, если они сохраняют произношение оригинала.

При подаче лексики реестровые слова зачастую обильно снабжаются иллюстративным материалом, позволяющим точнее определить как значения слов, так и их способность морфологически изменяться, образовывать различные словосочетания и синтаксические формы.

Словарь включает свыше полутора тысяч слов, расположенных в порядке алфавита, и включает главным образом бытовую лексику: термины животноводства, земледелия, материальной культуры, отражающие отношения родства и свойства, приведены основные глаголы, прилагательные, числительные, наречия и местоимения. Синонимы отмечены взаимными отсылками.

Принятый алфавит

А а Б б В в Г г Ғ ғ Д д Е е Ё ё Ж ж Җ җ З з И и Й й К к
Л л М м Н н О о Ө ө П п Р р С с Т т У у Ү ү Ф ф Х х Ц ц
Ч ч Ш ш Щ щ Ъ ъ Ы ы Ь ь Э э Ә ә Ю ю Я я

А

аба мама; *ср.* ана
абай бабушка; *ср.* нене
абла жена брата
авуч 1) ладонь; 2) пучок, горсть; **бир авуч (ауч)** горсть, пучок (*напр. шерсти*)
авы медведь; *см.* аы
аға уважаемый пожилой человек
ағарт= забеливать; **чай сүдинән ағартмах** забеливать чай молоком; *ср.* байазлат=
ағач дерево // деревянный
ағла= слышать; **ағламадым** я не слышал
ағыр 1. медленный; 2. медленно
адам 1) взрослый мужчина; 2) человек; **дәвәйә йүк йүклиән адам** человек, выючивший верблюда; *ср.* инсан
адлат= перегонять (*на другое место*); **мали адлатмах** перегонять скот
адым шаг; **адым-адым гәзмах** идти шагом (*лошадь*); **атын адыми чох эйн** шаг у лошади очень хороший
ажика аджика
ажи горький
ажырых-от сорняк
аз мало; **аз ахсамах** слегка хромать
аза= : **алафсызлухдан азаб чәкмах** страдать от бескормицы
азал= уменьшаться; **сағым азалийер** удой уменьшается
анр= *см.* айыр
ай 1) луна, месяц; 2) месяц (*отрезок времени*)
айар седло; **айар ачмах** расседлать; **атын айари** конское седло; **дәвәнин айари** верблюжье седло
айарла= седлать, заседлывать; **ати айарламах** заседлать лошадь
айарлан= быть осёдланным; **айарланмиш** осёдланный;
айарланмамиш ати бинмах ехать на неосёдланном коне
айарсыз без седла; **айарсыз бинмах** ехать верхом без седла
айах нога; **айаға** на ноги; **қойунун айахларыни тәмүзләб** опалив ноги овцы; **айағын ал-ти** низ копыта; **айағдан тутуб** держа за ногу; **дәвәнин айағи** лапа (нога) верблюда; **маллар арха айағиннән чифта атмах** скот лягает задней ногой; **дәвә арха айахлариннән вурди** верблюд ударил задними ногами; ♦ **үч-айах** конские путы-треног
айах-йол туалет, уборная; *ср.* уборна
айва айва; *ср.* бехи
айғыр табунный жеребец; *ср.* эркек ат

айлух месячный; алты айлух шестимесячный
 аймах : гэнди аймагындан айрылан мал отбившийся от своего стада скот
 айна зеркало; *ср. гөзгү*
 айран айран (*кисломолочный напиток*); айран йапмах приготовить айран
 айри отдельный; айри-айри нахырлар отдельными стадами (стаями)
 айрыл= = айырыл=; нахырдан айрылан маллар отделившийся от стада скот; йанлара айрылмиш буйнузлар рога, раздвинутые в стороны
 айыр= 1) отделять; койунлардан қочлари айырмах отделять баранов от овец; кабурғайи арха этиндэн айырмах отделять рёбра от мяса на спине; 2) раздвигать, разъединять; *см. аир=, шилопла=*
 айырыл= отделяться, обособляться; нахырдан айырылан тәкә козёл, отделяющийся от стада; *см. айрыл=*
 аксакал старик
 ал= брать, взять; алмах лазым нужно взять; алыб взяв
 ала пёстрый, крапчатый
 ала-була пёстрый, разноцветный; бир парча кәчәйн ала-була йамалугинән тикмах, йа-матмах латать кусок войлока пёстрыми обрезками
 алави огонь, пламя; алавидә тәмүзләб опалив на огне; *ср. аташ*
 алаф сено, корм; фураж; мал үчүн алаф корм для скота; *ср. йем*
 алафли сенной; кормовой
 алафсыз без корма, безкормный; алафсыз кыш зима с бескормицей
 алафсызлух бескормица; алафсызлухдан азаб чәкмах страдать от бескормицы
 алача пёстро-рябой (*скот*); алача мал инәк пёстро-рябая корова
 алдур= покрывать (*о самце*); кочуни алдурмах покрывать – о баране
 алма яблоко
 алт низ // нижний; алт чәнгә нижняя челюсть; айагынын алти основание копыта (*лошади*)
 алтмиш шестьдесят
 алты шесть; алты айлух шестимесячный
 алтына под себя; алтына кәчә сармах подложить под себя кошму; бойун түйи алтына йағ йығылмах накапливаться – жир под гриву
 алтында под (*чем.-л.*)
 алтындаки находящийся под чем-л.; зук алтындаки йағ жир под горбом верблюда; бойун түйи алтындаки йағ подгривный жир
 алтындан *послелог* из-под (*чего-л.*); аяғ алтындан из-под копыт (*лошади*)
 алчах низкий
 алын= браться; быть взятым; каймағи алынмиш сүд сепариро-ванное молоко; чалынан йаки үлдүрүлән хайваның йеринә алынан хайван животное, полученное взамен украденного или убитого
 ами дядя (*по мужской линии*); *ср. эми*
 ана мать; өгей ана мачеха, неродная мать; ана койун овцематка; ана дэвә верблюдница;
ср. аба
 аналух мачеха
 анахтар ключ (*от замка*); *ср. ачажах*
 анач матка (*у животных*); анач маллар тахыми маточное поголовье; анач хайван маточное животное
 анкыр= ржать; ат анкырийер лошадь ржёт
 аныкла= определять; аныкламах
 ара промежуток; ♦ бир арайа йығ= собирать вместе; койунлари бир арайа йығмах собирать овец в кучу; бир арайа йығылмах собирать-ся в кучу
 араба телега, таратайка, двуколка; арабадан ачылмиш распряженный; ати арабайа кошмах запрячь лошадь в телегу; үсти өртүлмиш араба телега с крытым верхом; арабаның ичиндә в телеге; иккилух араба двуколка
 арабачи кучер, ямщик
 арасында между
 арасындаки находящийся между, в промежутке

арах водка; сүд арағи молочная водка; биринчи чыхан гүчли арах первач; сүддән йапылан арах водка, сделанная из молока; сүддән йапыл-миш калмык арағи калмыцка водка, сделанная из молока; арах йаппах гнать водку

армут груша

арт= размножаться, плодиться (о скоте); ср. тоғ=

артур= 1) улучшать; 2) увеличивать; сағылышһини артурмах улучшать удо́йность; вази артурмах рост, прирост (численности)

артух отходы

артыл= расти, увеличиваться (о численности)

артылма рост, увеличение (численности); мал баш сейени артыл-масы рост поголовья скота

арха спина; арха эти мясо на спине; ат архаси спина лошади; атын архасына айар коймах накладывать седло на спину лошади; ♦ арха айағи задняя нога; маллар арха айағинән чифта атмах скот лягает задней ногой; дэвэ арха айахларинән вурди верблюд ударил задними ногами

архадаш товарищ; кыз архадаши подруга

ары оса

арын лоб; арни йылдызли со звёздочкой на лбу; арни байаз хайван звёздочка на лбу животного ср. пешене

асыл= быть подвешенным; асылыб турийер торчащий; куйруғи асылмиш гечи коза с торчащим хвостом

ат конь, лошадь; атым моя лошадь; диши ат кобыла; бичилмиш ат мерин; ати тмар этмах править конём; ата кэмэнд атмах набросить аркан на лошадь; атдан айар эндүрмах снять седло с коня; атын сүди кобылье молоко; атын бойун сачи грива лошади; атларын тавла ханаси стойло для лошадей

ат= 1) набросить (аркан); хайванлара кэмэнд атмах набросить лассо (аркан) на животных; атыб набросив; 2) скилывать, сбрасывать;

диши атын өли тай атмах скинуть мёртвого жеребёнка; 3) дать пинка, лягать; чифтэ атмах пинать (ногой – о верблюде); тана чифтэ атти телёнок лягнул

аташ огонь; аташда тәмузламах опаливать на огне

ат-бахар коневод, конюх, табунщик; ат-бахар иппинән табунщик с арканом

атли 1. имеющий лошадь, конный; 2. всадник; атлийн йыхмах сбрасывать всадника

атма выкидыш; диши атын өли тай атмасы выкидыш мёртвого жеребёнка

атыл= прыгать; атылыб дүшмах подпрыгивать (напр. в седле); икки дэ бир кахыб отурмах, атылмах то и дело приподниматься и опускаться, подпрыгивать (в седле); хайванларын атылаб дүшмәси прыгать, играя, резвиться (оживотных);

ауч пучок; см. авуч

ах бельмо; гөзүнэ ағ дүшмиш ат лошадь с бельмом на глазу

ах= течь, протекать

ахлат навоз; ср. эхлэт, ахпун

ахор 1) сарай; 2) хлев; малын ахори, малларин ахори хлев для скота; кышын маллари ахорда бахмах содержать скот зимой в хлеву

ахпун навоз; таллалара ахпун төкмах удобрять поля навозом; ахпун йығынтыш навозная куча; атын ахпуни конский навоз; ср. ахлат, эхлэт

ахса= хромать, прихрамывать; ахсийан ат прихрамывающая лошадь

ахсах хромо́й

ахыл ум

ахылли умный

ахыр конец (верёвки); иппин ахыри конец верёвки; ахырында в конце (чего-л.); ср. сон ахыска название местности, где жили турки-месхетинцы; ахыска түрклерин турки-месхетинцы (так их называют в Турции)

ахыт= заставить течь, пускать (кровь); кани ахытмах пускать кровь-

ач= 1) открывать; 2) снимать (седло); атын айарыни ачмах рассёдлывать лошадь; 3) отвязывать; развязывать; бағланмиш ати ачмах отвязать привязанную лошадь; дүгүми ачмах развязывать узел; 4) распутывать; үч-айағи ачмах распутать треногу; иппдән ачмах распутать из верёвки

ачажах ключ (от замка); ср. анахтар

ач-сари светло-рыжий; **ач-сари мал** светло-рыжий скот
ачух открытый; *см. ачых*; **ачух рянг** светлый
ачух-сари светло-жёлтый; светло-рыжий; **ачух-сари инэк** светло-рыжая корова
ачыл= 1) открываться, быть открытым; **ачылмамиш тэзэ йерлэр** необжитые места, степи;
 2) выпутываться, распутываться (*от веревки*); **иптэн ачылмах** выпутаться из веревки; 3) рас-
 прыгаться, быть распряженным; **арабадан ачылмиш өкүзлэр** быки распряжены из телеги
ачых открытый; *см. ачух*
аш-қазан желудок (*напр. скота*); **қанинэн аш-қазан** желудок с кровью (*кушанье*)
ашук лодыжка; альчик; **койун ашуги** овечья лодыжка, альчик
аы = **авы**

Б

баба отец
бабай бабушка; *ср. дэдэ*
бабачо паук; *ср. каракурт*
баг I 1) ремень; 2) путы; **айағ бағи, ат айағынын бағи** конские путы; **бир тэрэфли бағ**
 путы на одну сторону; 3) привязь; **атын бағи** привязь для лошадей; **атлари бир багинэн**
бағламах привязывать лошадей одной привязью
баг II сад
баға ясли, кормушка (*для скота*); **малын бағаси** кормушка для скота
бағарсух кишка; **калын бағарсух** толстая кишка; **инжэ бағарсух** тонкая кишка; **кор**
бағарсух слепая кишка; **бағарсухлар** ливер
бағла= 1) связывать, спутывать (*коня*); **атын аяқларыни бағламах** спутать лошадь; **атын**
өг айақларыни бағлийан ип путы на передние ноги лошади; 2) привязать; **ати казуға бағлаб**
тутмах держать лошадь на приколе; **айари бағлийан кэмэр** петля у седла; ♦ **йүрэгэ йағ**
бағламах ожирение сердца
бағлама ремень, перевязь; **мэхсус кэмэринэн атын башыни бағла-ма** ремень для перевя-
 зывания особым способом головы лошади
бағлан= 1) быть спутанным; **бир тэрэфли айағ багинэн бағланмиш ат** конь, спутанный
 односторонними путями; 2) быть привязанным; **бағ-ланмиш ат** лошадь на привязи; **айақла-**
рындан бағланмиш атлар кони, привязанные за ноги; **дэвэ бурнуна бағланан ип** повод, при-
 вязанный к носу верблюда; 3) быть связанным
бағли 1) имеющий ремень, снабженный ремнем; 2) находящийся на привязи, на приколе;
бағли ати тутмах держать лошадь на приколе
бағыр= 1) кричать (*напр. верблюд*); 2) мычать; **инэк бағырийер** корова мычит
бажа чердак; ♦ **капи бажа** двор
бажанах свояки, мужья сестёр
бажи сестра
баз-жигэр *анат.* лёгкие; **койун баз-жигэри** лёгкие овцы
базлама пресная лепёшка (*приготовленная на раскалённой сковороде или металлической*
плите)
байаз белый; **арни байаз хайван** звёздочка на лбу животного
байазла= побелеть
байазлат= забеливать; **чай сүдинэн байазлатмах** забеливать чай молоком; *ср. агарт*=
байрам праздник
бала ребёнок; детёныш; **дэвэ баласи** верблюжонок; **жанавар баласи** волчонок; **карнын-**
даки баласи плод в утробе
балала= приносить детёнышей (*о верблюдице*)
балали имеющий детей, детный
баласыз бездетный; **баласыз сағылан хайван** животное, доящееся без детёныша
балта топор
барабар I вместе; **барабар бағламах** связывать вместе; 2) одинаково; **айарын икки**
тэрэфинден барабар чыхан йүк выюк, притороченный к седлу одинаково с обеих сторон
бармах палец; *ср. пармах*
бас= ступать, наступать (*ногой*); **үзэнгилэрэ басыб** ступив в стремя
бастур= позволить наступить
бастурма разновидность мясного блюда

бат= погружаться
 батаслух заболоченный
 батах солончак; *ср. нем*
 батахли болотистый; батахли йер болотистая местность
 батқах топь, болото
 бах= I смотреть; ат бахар ипинэн табунщик с арканом; шеннагин малыни бахан нахыр-
 чи пастух общественного стада
 бах= II кормить (*скот*); содержать (*скот*); маллари отинэн бахмах кормить скот сеном;
 мал бахмах содержать скот; кышын маллари ахорда бахмах содержать скот зимой в хлеву;
 хайванлари бахыб тавлатмах держать скот на откорме
 бахали дорогой
 бахар весна; бахари бахар утлақларында гөчүрмах проводить вес-ну на весенних выпасах
 бахарда весной; бахарда төкүлән түй шерсть весенней линьки
 бахарын *нареч.* весной (*здесь м. б. орудный падеж типа гүзүн ?*)
 бахыл= 1) кормиться (*о скоте*); отинэн бахылан хайванлар травоядные животные; 2)
 быть откормленным; кәсилмә үчүн бахылмиш мал скот, откормленный на убой
 бахыш содержание, кормление; ули йерләрдә мал бахыш содержание (кормление) скота в
 степи
 баш 1) *анат.* голова; мал башни скотская голова; дөвәнин өг аяхларыни башына
 бағламах привязать передние ноги верблюда к его голове; 2) головка; гәмүгүн башни головка
 кости; *ср. кафа I*
 баш-баша голова к голове; баш-баша гәлән атлар кони пришли голова к голове
 башкар= управлять, руководить; ати башкармах править лошадей
 башли имеющий голову
 башлух рулевой, кормчий; *ср. башчи*
 баш-сайи поголовье; мал баш-сайыси чоғалтмах увеличивать по-головье скота; койун
 баш-сайыси поголовье овец
 башсыз безголовый
 башха другой, иной; маллари башха йерә сүрмах перегонять скотину на другое место
 башчи рулевой, кормчий; *ср. башлух*
 бежах : каб-бежах посуда
 без тряпка; каб бези тряпка для посуды
 безавта : коркудан безавта олуш шарашаться от испуга
 бел поясница; ат белиндә отурмах сидеть верхом на коне
 бел-бағи пояс; дәрн бел-бағи, кәмәр бел-бағи кожаный пояс, пояс-ной ремень
 белги (бельги) клеймо, знак (*на коже*); хайванларын архасында кызмиш дәмүринән
 белги йапмах делать на спине животных клеймо раскалённым железом
 бехи айва; *ср. айва*
 беш пять; беш йиллух ат пятилетний конь
 бешинчи пятый
 бибер перец
 биби тетя (*по мужской линии*); *ср. хала*
 биз мы
 бил= знать, ведать; билмах иштиерух хотим знать
 билги знак; нишан билгиси тавровый знак
 билек кисть (*руки*); аях билегн голень
 билин= быть известным; билинмиш йерләрә гетмах уходить неизвестно куда (*о быке-
 производителе*)
 бин= садиться верхом; ата бинмах сесть верхом на лошадь; ата биниб качуртмах скакать
 на коне галопом; биниб гетмах ехать верхом; ата биниб гәзмах ездить верхом на коне; айар-
 сыз бинмах ехать без седла; арабайа биниб гетмах ехать на телеге
 биндүр= посадить верхом; айагдан тутуб ата биндүрмах посадить на лошадь, поддерживая
 за ногу
 бинилмә верховая езда; бинилмәйә өгрәдилмиш ат лошадь, приученная к верховой езде
 бинилән : бинилән ат выносливая верховая лошадь
 бинмә верховая езда; ат бинмәйи хазедан конь, любящий верховую езду; бинмәйә лайнг
 олан ат конь, пригодный для верховой езды

бир один; **бир нечэ дэфэ** несколько раз, неоднократно; **бир ипинэн багламах** привязывать одной верёвкой

бирах= бросать (*детёныша*); **баласын бирахмиш дэвэ** верблюдица, бросившая своего детёныша

бир-биринэ друг к другу; **икки ипи бир-биринэ багламах** связывать вместе два аркана

биринчи первый; **биринчи сағым** первый удой

бирлэш= соединяться, объединяться

бирлэштүр= 1) соединять, присоединять; **иннэклэринэн таналари бирлэштүрмах** соединять телят с коровами; 2) спаривать; **икки өкүзи кошмағ үчүн бирлэштүрмах** спаривать в упряжку двух быков

бит= 1) закрывать, покрывать; **түй битмэмиш дэри** кожа, не покрытая шерстью; 2) появляться (*о рогах*)

бич= 1) резать, вырезать; 2) кастрировать; **эркэк қузийи бичмах** кастрировать ягнёнка самца; **буғайи бичмах** холостить быка-производителя; 3) косить (*сено*); **от бичмах** косить сено

бичах нож; **бичах изи этмах** делать надрез

бичил= быть отрезанным, кастрированным; **бичилмиш айғыр**, **бичилмиш ат** мерин; **бичилмиш қоч** валух; **бичилмиш эркэк** кастрированный самец; **бичилмиш дэвэ** кастрированный верблюд

бичтүр= кастрировать; **айғыри бичтүрмах** кастрировать жеребца

биш= варить(ся); **бишмемиш эт** недоваренное мясо, **этинэн бишмиш чорбанын суйи** бульон из свежего мяса; **бишмиш эт** вареное мясо; **лазымли кэдэр бишмэмиш эт** недоваренное мясо

бишир= варить

бишүр= варить; **бишүрмах**; *см. бүшүр*=

бишей = **бишэ(й)**; **чэил диши койун бишейинэн дэгишиш** ярочка, полученная взамен чего-л.

бишэ(й) (< **бир шэй**) что-нибудь, что-либо; **отурмах йеринэ бишэ сармах** положить что-л. под сиденье

боғуз глотка

боз серый; сивый; **боз рэнги ат** конь серой масти; **боз ат** гнедой конь

бозо бозо (*остаток после перегонки молочной водки. используется при выделке шкур*); **эшки бозо** кислое бозо

бойун шея; **бойун сачи** грива; **атын бойун сачиннэн куйруғи** грива и хвост лошади; **бойун бағи** ошейник; **ипинэн бойунундан багламах** привязать верёвкой за шею; **ип халғасыни бойнуна гейдүрмах** надевать петлю на шею (*молодого животного*); **дэвэнин бойнун узун сачыни кырхмах** стричь длинную гриву на шее верблюда

бойунда беременная; *ср. икижанлы*

бойундурух япмо; **өкүз үчүн бойундурух** ярмо для быка (вола); **бойундуруғи кошмах** запрячь в ярмо

ботик сапоги

бочеча паутина

бош I свободный; пустой

бош II ленивый, вялый (*о скоте*); *ср. тэмбэл*

бошат= 1) освободить, распутать; **ипдэн бошатмах** выпутать из верёвки; 2) **ати айардан**

бошатмах рассёдлывать лошадь

бошлук степь; **бошлук йер** степь; **бошлук йердэ мал отармах** пасти скот в степи; **энни калмык бошлуги** широкая калмыцкая степь

бөбрек почки; *ср. бөгрэк*

бөгр бок, бедро

бөгрэк почки; *ср. бөбрек*

бөгүн сегодня

бөйү= увеличиваться, стать большим; **чох бөйүйэн от йери** место, где обильно растёт трава; **бөйүмиш** отросшие (*волосы*); **бөйүмах** при-растать, увеличиваться (*напр. о численности скота*); **чэил танфаси бөйийер** растёт молодое поколение; **бөйүб чанланмах** развиваться, крепнуть (*о молодняке*)

бөйүдүл= быть выращенным; **бөйүдүлмиш мал** выращенный скот

бөйүк крупный, большой; **бөйүк буйнузли мал** крупный рогатый скот; **бөйүк сачли ат** конь с большой гривой; *ср. бүйүк, каба*

бөйүт= растить, выращивать; увеличивать; **тавар бөйүтмах** вырастить овец; **уфах мали бөйүтмах** выращивать молодняк скота

бөйүш развитие, взросление; **мал бөйүши** развитие скотины

бөлүк стадо; стая; *ср. нахыр, пада*

бөлүм клетка; **кузиларин бөлүмү** клетка для ягнят

бөрү волк; *ср. жанавар, курт*

брах= : **сагылан ати сэрбэст брахмах** пускать на волю доившихся кобылиц; **үстүндөн брахмах** сбрасывать (*всадника*)

буга бык; бык-производитель; **буйнузли буга** рогатый бык; **дөрт йиллүх буга** четырёх-летний бык-производитель

бугдай пшеница

буд ляжка, бедро

бузли мерзлый

буйнуз рог, рога; **гечи буйнузи** козий рог, козы рога; **қойун буй-нузи** бараний рог; **инәк**

буйнузлари коровьи рога

буйнузли рогатый

буйнузсуз безрогий, комолый; *ср. коло*

буйру= приказывать; **дэвэйә йат буйрумах** приказ верблюду: ложись

буйрум приказ

буйух усы

букул= скручиваться, быть, скреченным; **букулмиш ип** крученный аркан; **букулийер** скручивает

бул= находить; **гендинә йер булабийер** не находить себе места; **кумысдан шифа булмах** кумысолечение

булама молозиво (*еда*)

буланух мутный; **буланух байаз** мутно-белый, белёсый

булуп копна (*сена*); **от булупи** копна сена

бурты мяч, мячик; *ср. топ*

бурумсағ телячий намордник (*чтобы не сосал*)

бурун I нос; **дэвә бурнуна тахылан сач халғаси** волосяное кольцо, продаваемое в нос верблюда; **дэвә бурнуна бағланан ип** повод, привязанный к носу верблюда

бурун II холм; холмик

бурунли холмистый; **бурунли йер** холмистая местность

бушур= см. **бүшүр**=

бүйүк 1) большой; 2) взрослый; **бүйүк коч** взрослый баран; *см. бөйүк*

бүйүк-аға дед

бүклә= вить (*верёвку*); **ипи бүкләб йайан инсан** тот, кто вьёт аркан

бүкүр бугристый

бүтүн весь, целый; всё

бүтүн= обрастать (*напр. волосами*); **түйә бүтүнмиш** оброс шерстью

бүшүр= варить; **чорба бүшүрмах** варить суп; **эт бүшүрмах** варить мясо

бүшүрмә варение; **пейнир бүшүрмәси** сыроварение

бәзәк украшение; **дөш бәзәкләри** нагрудные украшения (*у лошади*)

бәклә= дежурить; **гечәси мал тоғушуни бәкләмах** дежурить ночью во время отёла скота

бән я

бәнд : **дэвә чоғалтманнән бәнд олмах** заниматься разведением верблюдов

бәни меня

бәним мой, моё, мря

бәслә= 1) выдерживать (*напр. коня в стойле*); **ати тавлаханада бәслә-мах** выдерживать коня в стойле; 2) выкармливать, откармливать; **мали бәсләмах** откармливать скотину

В

вази : **вази артурмах** рост, прирост (*численности*)

вар есть, имеется; **не вар?** что нового?; **тәкири вар** есть колесо

варлүх наличие; **ат нахырынын ичиндә айғыр варлүғи** в табуне есть жеребец

вахыт время, период; пора; **қойунларын қоча галмах вахти** время случки баранов; **тоғачах вахты** время отёла (окота); **вахтындан әвэл** прежде времени
ве соз и; **қойунун башыни ве айахларыни тәмүзләб** опалив голову и ноги овцы; см. **вэ**
ведра ведро; **дәри ведраси** кожаное ведро
вер= давать; **сүд вермах** давать молоко; **маллара от вериб, отинән бахмах** давать сено скоту, кормить скот сеном; **инәк гәнзини верийер** корова доится; **гәзмәйә имкан вермийән хайваның бойнуна бағланан дэгәнәк палка**, привязываемая к шее животного и мешающая ему передвигаться; **мала алаф вермах** давать корм скоту
вур= бить, ударять; **қәмчийнән вурмах** бить кнутом; **ат аяғинән йерә вурийер** конь бьёт копытом о землю; **атлара нал вуран налбанд** кузнец, подковывающий лошадей; **дәвә арха айахларинән вурди** верблюды ударили задними ногами
вэ = ве; **малын өг вэ герики айақлари** передние и задние ноги скотины
вэзн : **толи вэзн** целый, цельный, весь, полный

Г

гез= ходить, бродить; **отлийан атларын пешинә гезмах** ходить за пасущимся табуном; см. **гәз=**
гездүр= заставить ходить, заставить бродить.
гей= надевать
гейдүр= надевать; **чаға эти гейдүрмах** насаживать (надевать) мясо на вертел; **дизгини гейдүрмах** взнуздывать; **үзәнгийә айағи (айағ) гейдүрмах** вдеть ногу в стремя
гейим одежда
гелин невеста
гемүк = гәмүк
гемүкли = гәмүкли
генди = гәнди
гендинә = гәндинә
гениш широкий
гери обратный (*о стороне*); обратно; позади; **гери калмах** отставать; **гери калан** маллар отставший скот
геридә позади; **геридә калмах** отставать
герики задний; **герики айахларинән чифтәлийән инәк** корова, ля-гающая задними ногами; **малын өг вэ герики айақлари** передние и задние ноги скотины
гет= уехать, уйти; идти; **гетмах** уходить; **гетдим** я уехал, я ушёл; **гедәжәм** я пойду; **дөрдүнчи йилә гедән қойун** овца по четвёртому году; **ата биниб гетмах** ехать верхом на лошади; **арабайа биниб гетмах** ехать на телеге; **йүзгәринән гетмах** идти (брести) по ветру; **талланың кәнәриндән гетмах** обходить степь (поле); ♦ **дорт-нал гетмах** скакать галопом
геч поздно; **геч тоғулан қузи** поздно родившийся ягнёнок
геч= переходить; **бахар мал отлақларына гечмах** переходить на весенний выпас скота; **өгә гечмах** вырываться вперёд (*о коне на скачках*)
гечи домашняя коза; **эркәк гечи** козёл; **икки йашындаки гечи** двухлетняя коза; см. **ке-чи**
гечир= см. **гечүр**
гечүр= 1) перегонять; 2) проводить (*напр. зиму*); **қыши гечүрмах** проводить зиму
гечүрмә перегонка; **арах гечүрмәйинән булмах** добывать водку перегонкой
гечә нареч. ночью; **гечә караулламах** охранять ночью
гечәси нареч. ночью; **атлари гечәси отармах** пасти коней ночью; **гечәси мал тоғушунн**
бәкләмах дежурить ночью во время отёла
гилаз черешня; ср. **кираз**
гир= заходить (*внутрь*); **гирмах**
гирдүр= загонять, запускать (*внутрь*); **кузилари гирдүрмах** загонять ягнят
глапо топкое место
гөбег пупок
гөг небо; **кави гөг** твёрдое небо; **гөгүн өртүги** небная занавеска
гөгәрчин = гөгәрчин
гөгәрчин голубь
гөз глаз, глаза; **гөзләр** глаза; **гөзүнә** в его глаз

гөзги грудь *см. гөски*
гөзгү зеркало; *ср. айна*
гөй голубой, синий
гөмлек рубашка
гөр= смотреть; видеть; *см. көр=*
гөрүм = гүрүм

гөрүнүш вид (*внешний*); *эв* малларынын дөрт түр гөрүнүшү четири вида домашнего скота

гөски грудь (*напр. лошади*); *см. гөзги*
гөскүлүк нагрудник
гөт ягодица

гөтүр= : үзэнги гөтүрэн ат лошадь, плохо слушающаяся повода; *дизгин* гөтүрэн ат не-
удержимый, рвущийся вперёд (*о лошади*); *ати* иппинэн гөтүрмах вести лошадь в поводу; *дэвэйи*
иппинэн чэкиб гөтүрмах вести верблюда за повод

гөч= переезжать, перебираться, кочевать; *гөчмах*

гөчүр= 1) переселять; перегонять; *мали башха йерэ гөчүрмах* перегонять скот на другое
место; 2) проводить (*напр. весну*); *бахари бахар отлакларында гөчүрмах* проводить весну на
весенних выпасах

гүгүм ковш, ковшик

гүз осень; *гүз кузуси* осенний ягнёнок

гүзги зеркало (=гөзгү); *ср. айна*

гүздэ осенью; *гүздэ тогулмиш тана* телёнок, родившийся осенью

гүзүн осенью; *гүзүн кырхылан йунк* шерсть осенней стрижки

гүзэл красивый // красиво

гүлэш= бодаться между собой; *буғалар гүлэшмах* бодаться – о быках

гүлэшмэ бой (*быков*), бодание (*быков*)

гүн I солнце; *эти гүнэ вермах* вялить мясо на солнце

гүн II день

гүнли дневной; ...дневный; *үч гүнли* трёхдневный

гүрүм золовка (*по женской линии*); *см. гөрүм*

гүч сила; *чэкиш гүчи* тягловая сила

гүчли сильный, крепкий; *гүчли арах* крепкая водка

гыртлах гортань

гэбэ стельная (*напр. корова*); *гэбэ мал* стельная корова; *гэбэ ат* жеребая кобылица; *гэбэ*
койун суягная рвца

гэбэлэн= беременеть (*о животных*); *гэбэлэнмах*

гэз= ходить, передвигаться; *биниб гэзмах* ездить (*верхом*); *см. гез=*

гэздүр= побуд. от гэз=; *гэздүрмах*

гэзмэ 1) ход, походка, поступь, аллюр; *атын гэзмэси* ход лошади; 2) передвижение;
гэзмэйэ имкан вермийэн хайванын бойнуна бағланан дэгэнэк палка, привязываемая к шее
животного и мешающая ему передвигаться

гэзмэмэзлүх неподвижение; *гэзмэмэзлүг үчүн хайванын бойнуна бағланан ағач* палка,
привязываемая к шее животного, чтобы мешать ему передвигаться

гэзэн ходкий; бродячий; *гэзэн ат* ходкий конь; *саабсыз гэзэн мал* бродячий скот

гэл= приходить; приезжать; *гэлдим* я пришёл; *гэлүр* придёт; *гэлүрүм* я приду, я приеду;
гэлийер идёт сюда; *гэлийерим* я прихожу, я иду (*сюда*); *гэлэжэғым* я приду; *гэлэжэх* он
придёт ?; *инэгин сүди гэлди* у коровы появилось молоко (*досл. пришло молоко коровы*); *хогу-*
ра гэлэн вахти время случки; *баш-баша гэлэн атлар* кони пришли голова к голове (*во время*
скачек)

гэлмэ приход; появление; *сүдүн гэлмэси* появление молока (*у коровы*)

гэлмэмэзлүх неприход; *вахтындан эвэл коча гэлмэмэзлүх үчүн кочун өгүни тутмах*
надевать передник на барана для предупреждения преждевременной случки

гэлүрли плодовитый; *гэлүрли мал* плодовитый скот

гэми удила; *ср. йурал*

гэмүк (гэмүг) кость; *диз гэмүги* коленная кость; *менч гэмүги* тазовые кости, таз; *биш-*
миш таз гэмүгүни вермах преподнести вареную тазовую кость; *күрэк гэмүги* лопаточная

кость; **тотaх йапыли гэмүк** губчатая кость; **дөшүн гэмүгн** грудная кость, грудина; **гэмүгүн баши** головка кости; **гэмүгн вар** кость есть; *см. гэмүк*

гэмүкли костлявый; **гэмүкли ат** костлявая лошадь; **гэмүкли эт** мясо с костями; *см. гэмүкли*

гэмүр= **грызть удила** (*о лошади*); **ат дизгини дишлэринэн гэмүрийер** лошадь грызёт удила

гэнди 1) сам; 2) свой; **гэнди аймагындан айрылан мал** отбившийся от своего стада скот; *см. гэнди*

гэндинэ себе; *см. гэндинэ*

гэнзин : **инэк гэнзини верийер** корова доится

Г

гажиже [Чунтали] ящерица; *ср. хулики*

газ = **каз**

гало *бот.* конский щавель

гули [Чунтали] индюк; *ср. күли*

гызе десна

Д

даг гора

дастархан скатерть

де= говорить; **демей** не говорят; **демиш** сказал; *см. дэ*=

деве верблюд; *см. дэвэ*

дере 1) лошина, котловина, низкое место; **дере йашамах** жить в низине; 2) река, речка; *см. дэрэ*

дери = **дэри**; **койун дериси** овчина; **тавшан дериси** заячья шкурка;

атын дериси конская шкура

диз колено

дизгин поводья; **узун ат дизгинлэри** поводья, вожжи; **дизгинлэри кулланмах** управлять вожжами; **дизгинлэри тутмах** держать поводья (вожжи); **ипдэн йапылмиш үзэнги дизгини** верёвочный недоуздок; **ати дизгининэн чэкиб гөтүрмах** вести лошадь за верёвочный недоуздок; **икки йашар дэвэнин дизгини** недоуздок-намордник двухгодовалого верблюда

дизгиннэ= взнуздывать; **ати дизгиннэмах** взнуздывать коня

дизгинни взнузданный; **дизгинни ат** взнузданный конь

дил язык

дильсек локоть

дип дно; **дибинэ отурмаси** осадки на дне

диргенн вилы

диш зуб; **хайванларын диши** клыки животных

диши самка; **диши дэвэ** верблюдица; **диши ат** кобыла, кобылица; **дөрт йиллух диши** четырёхлетняя самка

дишлаған кусающийся, кусачий; **дишлаған ат** кусачий конь

дишлэ= кусать, укусить; **дишламах**

дишлэмэ укус

дишэрки внешний, наружный; **дишэрки тэрэфи** внешняя, наружная сторона

доли град; **доли йағыйер** идёт град

домуз свинья; *см. донуз, чочха*

дон трусы; *ср. тон, туман*

донуз = **домуз**; **эркэк донуз** кабан, хряк

дост друг

доха доха; **тай дэрисиндэн доха** доха из жеребьячьей шкуры

дохсан девяносто; ♦ **дохсан доххуз** *вульг.* обезбашенный, не все дома

доххуз девять

дөгүл= : **атын архаси дөгүлмиш** спина лошади потёрта (*от езды верхом*)

дөгүш битьё; **йунги дөгүш** битьё шерсти

дөрдүнчи четвёртый

дөрт (дөрд) четыре

дөрт-нал галоп; дөрт-нал качмах скакать галопом
 дөш грудь; грудинка; койун дөши баранья грудинка; дөши йара-ли ат лошадь с большой грудью; дөшүн гэмүги грудная кость, грудина; дэвэнин дөш дэриси кожа на груди верблюда
 дөшли имеющий грудь; байаз дөшли ат белогрудый конь
 дөшә= постелить (постель)
 дөшәмә подстилка; малын дөшәмәси подстилка для скота
 дудах губы (тотах)
 дузулмиш арабалар обоз; см. дүзүлмиш арабалар
 дүгла= завязывать узел; калмыкча дүгүм дүгламах завязывать калмыцким узлом
 дүгүм узел; ипин дүгүми узел верёвки; дүгүмә багламах связывать в узел; ипи дүгүмли багламах завязывать верёвку узлом; дүгүми ачмах развязывать узел; калмык дүгүми калмыцкий узел; калмык дүгүмүни ачмах развязывать калмыцкий узел
 дүгүмли имеющий узел, узловатый; эгри дүгүмли ип аркан с неровными узлами
 дүгә двухгодовалая телка; икки йашачан олан дүгә телка двух лет
 дүз ровный; дүз кәсиш нишани метка в виде прямого подреза; дүз зуклар прямые горбы; гладкий
 дүз= 1) раскладывать (напр. шерсть для валяния войлока); дүзмах; 2) сортировать; рәнк-рәнк дүзмах сортировать по цвету
 дүзлүх равнина, степь; дүзлүх йабани оти степная трава; ачух чиплах дүзлүх открытая и голая равнина
 дузулмиш арабалар обоз; см. дүзүлмиш арабалар
 дүзүлмиш арабалар обоз
 дүзәл= 1) разравнивать, выравнивать, растягивать; дүзәлмиш растянутый; 2) поправляться
 дүн вчера
 дүш= падать; гөзүнә ағ дүшмиш ат лошадь с бельмом на глазу
 дүш= : атылыб дүшмах подпрыгивать (напр. в седле)
 дүшкүн кляча
 дүшмә : хайванларын атылыб дүшмәси прыгать играя, резвиться (о животных)
 дэвә верблюд; эркәк дэвә верблюд-производитель; дэвәйә на верблюда, верблюду; дэвәйә биниб гәзмах ездить верхом на верблюде; дэвэнин өг аяхларыни башына багламах привязать передние ноги верблюда к его голове; дэвэнин бойун сачи грива у верблюда; бир зукли дэвә одnogорбый верблюд; икки зукли дэвә двугорбый верблюд; см. дэвә
 дәгишиш : чәил диши койун бишейинән дәгишиш ярочка, полученная взамен чего-л.
 дәгүл не (пришменное отрицание); инәк дәгүл, ат не корова, лошадь
 дәгәнәк палка; гәзмәйә имкан вермийән хайваның бойнуна багла-нан дәгәнәк палка, привязываемая к шее животного и мешающая ему передвигаться
 дәдә дедушка
 дәмүр железо // железный; хайванларын архасында кызмиш дәмүринән белги йапмах делать на спине животных клеймо раскалённым железом; дәмүр ипи трос (букв. железный аркан)
 дәри кожа; шкура; дәрийи хасылламах выделять кожу; өкүз дәриси шкура вола; дәри чували, дәридән чувал кожаный мешок; койун дәриси овчина; дәри бел бағи кожаный пояс; тай дәрисиндән доха доха из жеребьячей шкуры; гечи дәриси козлина, козья шкура; дәридән каб кожаный сосуд; см. дерн
 дәрили кожаный
 дәрмән раствор; бозо дәрмәнинән ишлатмах обрабатывать раствором бозо (шкуры при выделке)
 дәрә = дере
 дәфә раз, крат; икки дәфә тоғмиш ат дважды жеребившаяся лошадь
 дәш= бодать; дәшмах
 дәшәгән бодливый; дәшәгән инәк бодливая корова

Ж

жамуш буйвол; см. чамуш
 жан душа
 жанавар волк; жанавар баласи волчонок; ср. бөрү, курт
 жанивар животное; әв жанивари домашнее животное; ср. хайван
 жанлы имеющий душу

жансыз 1) бездушный, 2) мёртвый
 жантамур артерия
 жевүз орех
 жейран джейран
 жигер = жигэр
 жигэр печень; эт йемэги жигэринэн йағ илэ йапылмиш мясное блюдо из печени и бараньего жира
 жинжар крапива
 жужук цыплёнок; *ср.* чучул
 жэндэк : койун жэндэгиндэн сиврилмиш дэри шкура, содранная с убитой овцы; *см.* чэндэк

З

зайиф 1) худой, тощий, истощённый; зайиф ат кляча; 2) тяжёлый (*труд*); зайиф ишэ йа-
 рамаз хайван животное, негодное к тяжёлой работе; *ср.* курада
 зайифлан= худеть, тощать; зайифланмах
 зайифлух истощение; зайифлухтан кахамийан мал скот, падающий от истощения
 заман время, срок; сахла самани, гелүр замани береги солону, придёт и её срок (*посл.*)
 зенжир = зинжир
 зера (какая-то хищная птица) коршун ? , сокол ?
 зера копчик; зеранин гэмүги копчиковая кость
 зердэли абрикос
 зинжир цепь
 зорла : зорла герн тэрэф в обратную сторону
 зөфли громко; сильно
 зук горб верблюда; зук алтындаки йағ жир под горбом верблюда; дэвэ зукн горб верблюда;
 зукли имеющий горб (*о верблюде*); бир зукли бичилмиш дэвэ каст-рированный одnogор-
 бый верблюд
 зэвзэк цапля; *ср.* лэглэк

И

иг веретено
 игнэ игла, иголка
 иди был, было
 идиз вы были
 идэрэ : мал идэрэ этмах разводить скот
 из *в разн. знач.* след; ат аях(ғ) изи следы конских копыт; қэмчинин изи след от удара
 кнутом; бичах изи этмах делать надрез ножом
 ики = икки
 икижанлы беременная; *ср.* бойунда
 икки два; икки йашындаки койун двухлетняя овца; *см.* ики
 иккинчи второй
 иккилух : иккилух араба двуколка
 иллажи йох не в состоянии; айаға қахмайа иллажи йох не в состо-янии встать на ноги
 илэ *последлог с, соответствует русскому творительному падежу*; чох сағылмаси илэ с
 большой удойностью; сүд көпүк илэ кабланды молоко покрылось пенкой
 имкан возможность; гэмэйэ имкан вермийэн хайванын бой-нуна багланан дэгэнэк
 палка, привязываемая к шее животного и мешающая ему передвигаться
 инжа тонкий; инжа кағыт тонкая бумага; инжа ип тонкая нитка
 инжир [Занавли – Адигүн] инжир; *см.* энжүр
 инжэ тонкий; инжэ йункли койун тонкорунная овца; инжэ бағар-сух (лар) тонкая кишка
 (кишки); *см.* инчэ
 инсан человек; ипи бүклэб йайан инсан тот, кто вьёт аркан; *ср.* киши
 инчэ = инжэ; инчэ кэмэр тонкий ремень, поддерживающий чёлку коня

инэк взрослая корова; **инэгин** эхлэтиндэн **йапылан тээк** кизяк из коровьего навоза; **сағылан инэк** дойная корова; **инэги (инэк) сағмах** до-ить корову; **инэгэ** к корове; **инэкләри** отармах пасти коров

ип нить; аркан; верёвка, бечёвка; **иптэн ачылмах** выпутаться из веревки; **ипдэн йапыл-миш үзэнги дизгини** верёвочный недоуздок; **ати ипинэн тутмах** ловить лошадь арканом; **бир ипинэн багламах** привязывать одной верёвкой; **мал, хайван тутмах ипи** аркан, лассо для ловли скота, животных; **ати ипинэн багламах** привязать коня верёвкой; **ипин ахыри** конец верёвки; **ипэ бағли ат** лошадь, ривязанная арканом; **ипэ багламах** привязать к верёвке; **дәмүр ипи трос** (бука. железный аркан); **танайи багламах үчүн ип** верёвка для привязывания телёнка; **то-сун ипи** бычьего подвода; ср. **кендир**; **кәмэнд**

ипэк шёлк // шёлковый; **ипэк курди** шелковичный червь

ирэли : **ат качуртмадан ирэли рахатлух вермах** выдерживать коня перед скачками

ит собака

итэклэ= тыкать, толкать (*мордочкой во время сосания матки – о де-тёнышах*); **тана сыфатийинэн итэклийер** телёнок тычет мордочкой

ихтийар пожилой

ич внутренности, нутро; **ич йағи** внутренний жир; **ичи йох чэндэк** туша без внутренностей

ич= пить; **чорбанын суйини ичмах** пить бульон; **чай ичмах** пить чай; **малын су ичэн йе-ри** волопой для скота

ичад : **мал ичад этмах** разводить скот, обзаводиться скотом

ичимлик напиток

ичиндэ *последог* внутри (*чего-л.*); **арабанын ичиндэ** в телеге

ичиндэки находящийся внутри (*чего-л.*); **дэринин ичиндэки йағ кати** слой жира, находящийся внутри шкуры; **бағарсух ичиндэки нэрсэ** содержимое кишок

ичүр= поить, выпаживать; ср. **үчүр=**

иш работа; **эл иши** ручная работа; **зайиф ишэ йарамаз хайван** животное, непригодное к тяжёлой работе

иша= мочиться; **ишамах**

ишах моча

ишлат= обрабатывать

иштэ= хотеть; **йемах иштийерим** я хочу есть; **иштийерух** мы хотим

ишфа лечение; исцеление; **ишфа тапмах** исцелиться

ишчи рабочий; **ишчи өкүз** рабочий вол; **ишчи хайван** рабочий скот; **тэээ тоғулан кузи-лара хизмэт эдэн ишчи** сакманщик

Й

йабанжи иноходец

йабани дикий; **йабани дэвэси** дикий верблюд; **йабани ат** дикий конь; **дүзлух йабани** оти степная трава

йабанилэш= дичать

йаван постный; **йаван эт** постное мясо; **лэззэтсиз йаван эт** безвкусное постное мясо

йаваш 1. медленный; 2. медленно

йағ сало, твёрдый жир; масло; **тэрэ йағи** сливочное масло; **ич йағи** внутренний жир; **зүк алтындаки йағ** жир под горбом верблюда; **мал йағи** говяжий жир; **койун йағи** бараний жир; **йағлар** жиры

йағ= идти – об осадках; **йағмур йағыйер** дождь идёт; **қар йағмиш** выпал снег

йағли жирный; **йағли чорба** жирный суп; **йағли эт** жирное мясо; **йағли койун** жирная овца

йағмур дождь

йаз лето; **йаз хағыли** летняя стоянка калмыков, летнее стойбище

йазын летом

йай= 1) растягивать, расправлять; **дэрийи йаймах** расправлять шкуру; 2) раскладывать (*напр. шерсть для валяния войлока*); **ипи бүклэб йайан инсан** тот, кто вьёт аркан; **йаймах**

йайла 1) отгонное пастбище; 2) временная стоянка, стан, кош; **йаз йайласи** летний стан, становище; 3) кочевье; **йайла хожалуғи** кочевое хозяйство; **йайладан йайлайа көчмах** кочевать с пастбища на пастбище

йайланжи валяльщик (*войлока*); **йайланжилар** валяльщики
йайлачи кочевник; **йайлачилэрин** йайласи стоянка кочевников
йайыл= разбредаться; **отлага йайылмах** разбредаться по пастбищу
йаки или; **чалынан йаки үлдүрүлэн хайваның йеринэ алынан хайван** животное, полученное взамен украденного или убитого
йама= латать, ставить заплату
йамалух заплата; **бир парча кэчэйи ала-була йамалуғинэн тикмах, йаматмах** латать кусок войлока пёстрыми обрезками
йамат= *побуд. от йама=*; латать, чинить
йан бок; сторона; **йанлара айырылмиш** раздвинутые в стороны (*о рогах*)
йана да, конечно; **йана, гэлэжағым да, конечно, я приду**
йанах щека
йанында (*послелог*) возле, рядом, вблизи; **диши ати юртаның йанында тутмах** держать кобылиц вблизи юрты (*во время доения*)
йап= делать, изготавливать; **кумыс йапмах** делать кумыс; **кэчэ йапмах** изготавливать войлок
йапалах овальный; **элдэ йапылмиш йапалах тэзэк** кизяк овальной формы, приготовленный вручную
йапмайичун : **кэчэ йапмайичун йунги сармах** раскладывать шерсть на кошму (*для валяния войлока*)
йапуш= прилипать; **қайнийан сүдүн қазан дибинэ йапушан қабух** корка кипячёного молока, прилипшая к дну казана
йапуш=мах ловить, хватать
йапушма налёт, накипь; **бөйүк қазанда сүдүн қайнамақ халында йанларына йапушмаси** накипь на краях большого котла в результате кипения молока
йапыл= быть сделанным, быть изготовленным; **инэгин эхлэтиндэн йапылан тэзэк** кизяк из коровьего навоза; **сүддэн йапылан арах** водка, сделанная из молока; **эт йемэги жигэринэн йағ илэ йапылмиш** мясное блюдо, приготовленное из печени и бараньего жира; **элдэ йапылмиш йапалах тэзэк** кизяк овальной формы, приготовленный вручную
йапыли : **тотых йапыли гэмүк** губчатая кость
йар= 1) колоть, раскалывать; 2) выламывать (*кость*)
йара рана; **архаси йара ат** лошадь с потёртой спиной
йара= быть годным, годиться; **зайиф ишэ йарамаз хайван** животное, непригодное к тяжёлой работе
йарали имеющий рану, с раной
йарахсыз бракованный, негодный; **йарахсыз мал** бракованный скот
йардым помощь; **йардым этмах** помогать; **ата бинмах үчүн йар-дым этмах** помогать сесть на лошадь
йарибучух : **йарибучух бишмиш эт** недоваренное мясо
йарма крупа, сечка
йастух подушка
йат= лежать; ложиться; **дэвэйэ йат буйруми** приказ верблюду: ложись
йатхун лежачий; **йатхун зуклар** лежачие горбы
йах= жечь, сжигать; **эски оти йахмах** выжигать старую траву
йахала= схватывать на ходу, сидя на коне; **атан үстүндэн йахаламах** схватывать с коня (*на ходу*)
йахын близкий
йаш I возраст; **үч йашында олан инэк** корова трёх лет
йаш II молодой; **йаш тайлар** молодые жеребята
йаша= жить; **дере йашамах** жить в низких местах; **үч йашар айгыр** трёхлетний жеребец; **үч йашар диши ат** трёхлетняя кобылица
йашачан : **икки йашачан олан дүгэ** телка двух лет
йашындаки в *таком-то* возрасте; **бир йашындаки тана** годовалый телёнок; **икки йашындаки тай** двухгодовалый жеребёнок
йе= есть, кушать; **йемах иштийерим** я хочу есть; **бишмиш қани йемах** есть вареную кровь; **мал йемэмиш оти** корм, не съеденный скотом
йеген племянник

йедүр= кормить; заставить (позволить) есть; йедүрмах
 йеил= (йейил= ?) быть съеденным
 йейлэн съедобный; йейлэн көк съедобный корень
 йел грива
 йела : ати йела салмах править конём
 йелли гривастый, с гривой; сари йелли ат конь с жёлтой гривой; кара йелли сари ат
 тёмно-рыжая лошадь
 йем корм; еда; фураж; карышмиш йем комбикорм; *ср.* алаф
 йемел туфли; *ср.* йемен
 йемен = йемел
 йемэк пища, еда; эт йемәги мясная пища; эт йемәги жигәринән йағ илэ йапылмиш мяс-
 ное блюдо, приготовленное из печени и бараньего жира
 йенге невестка
 йенги новый; йенги тоғуланлар новорожденные, только что родив-шиеся; йенги тоғулан
 тана только что родившийся теленок; йенги тоғулмиш таналар только что родившиеся телчта;
 йенги сағылан сүд парное молоко
 йер край, местность, земля; место; узах йерэ в далёкие края; бир йердән иккинчи йерэ с
 одного места на другое; казуги йерэ чахлах забивать кол в землю; койунлари бир йерэ топ
 этмах собирать овец в одно место в кучу; ули йер талла степь; ули йерләрде в степи; ули
 йерләрэ узахлашмах удалиться в степь; сәрин йердә турмах стоять в прохладном месте
 йеринэ взамен; чалынан йаки үлдүрүлән хайваның йеринэ алынан хайван животное,
 полученное взамен украденного или убитого
 йешил зелёный; йешил чайырда отламах пастись на зелёном лугу; йешил от зелёная
 трава (*на берегу реки*); // зелень; мал йешили йемиш скот ел зелень; йешилэ өртүлмиш йер
 местность, покрытая зеленью
 йил год; дөрдүнчи йилэ гедән койун овца по четвёртому году; *см.* йыл
 йилан (йылан) змея
 йиллух имеющий года, годовалый; үч йиллух диши ат трёхгодо-валая кобылица; үч йил-
 лух өкуз трёхлетний вол; дөрт йиллух инәк четырёхлетняя корова; беш йиллух ат пятилет-
 ний конь; *см.* йыллух
 йоғидиз (< йох идиз) вас нет (дома); вас не было (дома)
 йоғурт йогурт, кефир
 йол дорога, путь; ати йола салмах править конём
 йолдаш путник, спутник
 йоллан= валяться (*о животных*); йолланмах
 йох нет, отсутствует; не вар, не йох? что есть, чего нет?; ичи йох чәндәк туша без внут-
 ренностей
 йорға 1) рысак; йорға ат конь-рысак; 2) медленная рысь, рысь; ати йорға качурмах
 пускать коня рысью
 йорған одеяло
 йулдуз = йылдыз
 йулдузли со звездочкой; арни йулдузли койун овца с белой звездочкой на лбу
 йулдыз = йулдуз
 йумах клубок; йунг йумах клубок шерсти; йумах йаппмах делать клубок
 йумрух кулак
 йумурта яйцо
 йумушах мягкий; хрупкий
 йунк шерсть; йунги әгирмах прясть шкрсть; дәвә йунги верблюжья шерсть; йунктан
 парча шерстяная ткань; йағли йунк шерсть с жиропотом; *см.* йүнк
 йункли шерстяной; имеющий шерсть; чох йункли койун шерстистая овца; *см.* йүнкли
 йурал удила; узун йурали чәкмах натягивать вожжи; *ср.* гәми
 йут= глотать; йутмах глотать
 йутум глоток; йутум су глоток воды
 йүз I лицо; морда; малың (хайванларын) йүзи морда скота (живот-ных); *ср.* сыфат
 йүз II сто, сотня
 йүзгәр ветер; йүзгәринән гетмах идти (брести) по ветру

йүк вьюк; воз, груз, поклажа, багаж; йүк үчүн (йүкичүн) энли араба грузовая широкая телега; от йүки воз сена

йүкла= нагружать, грузить, навьючивать; йүки йүкламах нагружать вьюк; см. йүклә=

йүклан= навьючиваться, быть навьюченным; дэвэйә йүкланмиш йүк вьюк, нагруженный на верблюда

йүкландур= нагружать, навьючивать; дэвэйн йүкландурмах навью-чивать верблюда

йүкли 1) нагруженный, с грузом, с вьюком; йүк йүкли дэвә навьюченный верблюд; 2) эвф. стельная (самка)

йүклә= вьючить; нагружать; дэвэйә йүк йүклийән киши человек, вьючивший верблюда; йүкләмах

йүксәклүх : ули йүксәклүх возвышенность (без растительности)

йүнк шерсть; йунктан парча шерстяная ткань; йүнк эгирмах прясть шерсть

йүкли шерстяной

йүрек = йүрәк

йүрәк сердце; йүрәгә йағ багламах ожирение сердца

йығ= 1) собирать (в кучу, вместе); койунлари бир арайа йығмах собирать овец в кучу; бир топа йығмах собирать в кучу; 2) накапливать; ат бойун сач алтына йағ йығийер лошадь накапливает жир под гриву; 3) заготавливать; эт йығмах заготавливать мясо, мясозаготовка

йығыл= 1) собираться; бир арайа йығылмах собираться в кучу, скапливаться, группироваться; 2) быть собранным (в одном месте); йы-ғылмиш маллар собранный скот

йығын= собираться

йығынтыш куча; ахпун йығынтыш навозная куча

йыл= сдирать; йылмах (елмах); ср. сивир=

йылдыз 1) звезда; 2) звёздочка (на лбу лошади); ср. йулдуз

йылдызли со звёздочкой; арни йылдызли со звёздочкой на лбу

йыл = йил

йыллух = йиллух

йырт= рвать (на части)

йырткыч хищный; йырткыч хайван хищный зверь

йых= сбрасывать; атлийи йыхмах сбрасывать всадника

йәш мокрый

К

каб 1) мешок; 2) посуда, сосуд; каб бези тряпка для посуды; 3) кожаный чехол; кобура; туйанк каби кожаный чехол для ружья; ре-вольвер каби кобура для револьвера

каба крупный, большой; каба буйнузли мал крупный рогатый скот; ср. бөйүк; толстый

каба-ары шмель

кабалаш= толстеть, жиреть; кабалашмах

кабах тыква

каблан= покрываться; йунгә кабланмах покрываться шерстью; тивтикә кабланмах покрываться пухом; сүд көпүк илә кабланды молоко покрылось пенкой

қабурға ребро; қабурғайи арха этиндән айырмах отделять рёбра от мяса на спине; инчә бағарсуғи атын қабурғаларинән толдурмах напол-нить тонкие кишки конскими рёбрами

қабух корка

кави твёрдый, жёсткий; кави дәри твёрдая (жёсткая) кожа; кави гөг твёрдое небо; плотный

кавун дыня; см. каун

кавур= каур=

кағыт бумага

каз гусь; см. ғаз

қазан котёл, казан; әти қазанда бұшұрмах варить мясо в казане; қазан тутағи прихватка для котла

қазух кол, колышек; ағачдан қазух деревянный кол; қазуғи йерә чахмах забивать кол в землю

казыл : казыл әлдиванлари войлочные рукавицы для снятия горячего котла с тагана; ка-зыл или шерстяная верёвка

каймах сметана; сливки; **каймағи алынмиш сүд** сепарированное молоко; **сүддән каймак алмах** снять сливки с молока
кайна= кипеть; **кайнийан сүд** вскипевшее молоко
кайнадыл= быть кипячёным; **икки дэфэ кайнадылмиш сүддән йапылмиш калмык арағи** дважды перегнанная калмыцкая молочная водка
кайнана свекровь
кайнат= кипятить; **чай кайнатмах** кипятить чай; **сүд кайнатмах** кипятить молоко
кайната свёкор
кайтан шнурки
кайыр= откармливать, вскармливать; **мали кайырмах** откармливать скот; **инәги кайырмах** откармливать корову; **кайриб өстүрмах** вскармливать, выращивать
кал= оставаться; **геридэ қалмиш** отстал, остался позади; **нахырдан гери калан маллар** отставший от стада скот; **кысыр калмах** оставаться яловой
қалдиқ остаток
калмык калмык // калмыцкий; **энни калмык бошлуғи** широкая калмыцкая степь; **сүддән йапылмиш калмык арағи** калмыцкая водка, сделанная из молока; **калмык дүгүми** калмыцкий узел
калмыкча по-калмыцки; на калмыцкий манер; **калмыкча дүгүм дүгламах** завязывать калмыцким узлом; **калмыкча ипи дүгүм йапмах** завязывать аркан калмыцким узлом
калын 1) толстый; **калын бағарсух** толстые кишка (*напр. у лошади*); 2) густой (*о волосах, шерсти*); **калын түйли койун** овца с густой шерстью
калынлан= густеть, сгущаться
калынланма сгущение; **сүд калынланмаси** сгущенное молоко
камчи = **кәмчи**; **камчиннән вурмах** бить кнутом, камчой; **камчи салламах** стегать кнутом, камчой
қан кровь; **бишмиш қан** вареная кровь; **қан тамарлари** кровенос-ные сосуды
кандали кандалы; **аяғларын ағачдан кандали**
қанли кровяной; **қанли сужух** кровяная колбаса; **тәмүз қанли хасыл** чистокровная порода; **тәмүз қанли ат** чистокровная лошадь
қап(б) мешок; **қумыс үчүн қап(б)** посуда для кумыса; **су қаби** бурдюк для воды; **дәри қаби** кожаная фляга
қапах : **гөз қапағи** веки
қапи дверь; ♦ **қапи бажа** двор
қар (қар) снег; **қар йағди** выпал снег
қара чёрный; **қара йелли сари ат** тёмно-рыжая лошадь; **қара пива** чёрное пиво
қара-бибер чёрный перец
караван караван
каракурт паук; *см. бабачо*
караул караул, охрана
караулла= охранять, караулить; **мали гечэ караулламах** охранять скот ночью
караулла= охраняться; **караулламан мал** охраняемый скот
қарға ворона
қарғыш проклятье
қардаш брат
қариләр женщины
қарныдаки находящийся в животе
карпуз арбуз
картоп картофель; **қаурулмиш картопи** жареная картошка
қарын живот; **өкүзүн қарни шишди** у вола вздулся живот; **қарны-нын тэрэф дәриси** мех с брюшной части шкуры;
қарын бағи подпруга; **қарын бағыни сыхмах** подтянуть подпругу; **арха қарын бағи** задняя подпруга
қарынжа муравей
қарыш= смешивать; **қарышмиш йем** комбикорм
қарышма смесь; **қарышмасини хазырламах** приготовить смесь; **айранинән сүд қарышмаси** смесь молока с айраном
қарышмиш смешанный

карыштур= смешивать, перемешивать; **айранинэн сүди карыштур-мах** разбавлять молоко айраном; **сүди суйинэн карыштурмах** разбавлять молоко водой
касаб мясник, торговец мясом
кат слой; **йаг кати** слой жира; **кат-кат сармах** раскладывать слоями
қат= смешивать; **қузи алмах үчүн қочи қойунлара қатмах** смешивать баранов с овцами для получения ягнят
катыр мул (*помесь лошади и осла*)
катыш= смешивать; **катышмиш мал** помесный скот
каун = **кавун**
қаур= жарить, поджаривать; **эт қаурмах** поджаривать мясо, жарить мясо (*кавур*=)
қаурул= поджариваться, быть поджаренным; **қаурулмиш қартопи** поджаренная картошка;
қаурулмиш қойун эти жареная баранина
қафа I голова; *ср. баш*
қафа II клетка; **дөш қафаси** грудная клетка
ках= вставать на ноги, подниматься на ноги; **икки дә бир кахыб отурмах, атылмах** то и дело приподниматься и опускаться, подпрыгивать (*в седле*)
кахамийан : **заифлухтан кахамийан мал** скот, падающий от истощения
кахма : **айаға кахмайа иллажи йох** не в состоянии встать на ноги
қач= 1) убежать; **қачан** убегающий; **үркән қойлар качмишлар** испуганные овцы разбежались; 2) скакать (*о коне*); **дөрт нал качмах** скакать галопом; **качан ат рысак, скакун, тез качан ат рысак** (*букв. быстро скачущий конь*); **йорға качмах** бежать рысью (*напр. верблюд*)
кач-кач сорока
качтур= скакать (*на коне*);
качур= пускать (*коня рысью, галопом*); **ати йорға качурмах** пускать коня рысью; **ат качурмах** состязаться в беге – о лошади
качурт= пускать коня вскачь; **ата биниб качуртмах** ехать на коне галопом; **тэрлийэ начан качуртмах** загонять (коня) до пота
качуртма скачки (*лошадей*); **ат качуртмадан ирәли рахатлух вермах** выдерживать коня перед скачками
каш брови
кеlemiш крыса
кемелек лук (*для стрелы*)
кендир верёвка, бечёвка; *ср. нп*
кес= резать; **кесмах** ; *см. кәс*=
кесил= быть зарезанным; **кесилмиш малын қоли** передняя нога забитого скота
кетмен кетмень; *ср. чапа*
кечи = **гечи**
кидик козлёнок
килит замок
кинкилә комар
киприк ресницы
кир грязь, пот
кираз = **гилаз**
кирва крёстный, -ая
кирк= стричь; **түйи киркмах** стричь шерсть; *ср. кырх*=
кирли 1. грязный; 2. грязно
кирпи-иткен ёж, ёжик
кирпич кирпич; **кирпич түри чай** кирпичный чай
китаб книга
киши человек; *ср. инсан*
кишмиш изюм
кобал посох пастуха
кожал= прославиться, быть прославленным (*о прославленном коне, кот. уже не участвует в скачках*); **кожалмиш ат**
кой = **койун**; **үркән қойлар качмишлар** испуганные овцы разбежались

кой= I класть, положить; **атын архасына тэрлүгн коймах** положить потник на спину коня; **атын архасына айар коймах** накладывать седло на спину лошади; **арабайа коймах** класть на телегу, нагружать

кой= II подпускать (*напр. телёнка*); **икки мала – инэгэ бир танайи коймах** одного телёнка подпускать к двум коровам

койырт= подпускать; допускать; **анна койунлари коча койыртмах** допускать овцематок к случке

койу колодец; *ср. кудух*

койул= быть залитым, налитым; **су койулан чайыр** заливной луг

койун овца; **койунлари овец**; **койунун овечий**; **койун буйнузлари** бараньи рога

кокля= нюхать, обнюхивать (*о животных*)

коко булочка

кол 1) рука (*человека*); **сол колум** моя левая рука; *ср. эл*; **2)** перед-няя нога (лапа) животного; **кесилмиш малын қоли** передняя нога забитого скота

коло комолый; *ср. буйнузсуз*

кон= жить; **узах муздэт бир йердэ конмах** долго жить на одном месте;

конопля конопля; **конопля ипи** конопляная верёвка; **коноплядан ип тохумах** вить верёвку из конопли

копчи пуговица

кор I тупой; **кор бағарсух** слепая кишка

кор II слепой

қорх= бояться, пугаться; **қорхийер** боится

корху (корку) боязнь, страх; **коркудан безавта олуш** шарахаться от испуга

қорхах (коркак) пугливый; **қорхах ат** пугливый конь

корхул= (коркул=) быть испуганным, напуганным; **коркулмиш** испуганный

котош початок кукурузы

котур чесотка; **котур хасталанмах** заболеть чесоткой

котурли чесоточный

кох= разлагаться; **кохмиш чэндэк** разложившийся труп

коч баран-производитель; **коча** барану; к барану; **кочун өгүн** фартук барана-производителя

коча : коча ат

қош= запрягать; **өкүзлэри қошмах** запрягать волов; **икки өкүзи қошмағ үчүн бирләштүрмах** спаривать в упряжку двух быков; **ати арабайа қошмах** запрячь лошадь в телегу

қошул= быть запряжённым; **ата қошулан тырмых** конные грабли; **арабайа қошулмиш ат** лошадь, запряжённая в телегу; **дэвэ қошулмиш араба** телега, запряжённая верблюдом

қошулма упряжка; **қошулмайа өгрәдилмәмиш ат** конь, не приучен-ный к упряжке; **қошулмайа хазыр ат** лошадь, готовая к запряжке

көк корень; **йейлән көк** съедобный корень

көпүк 1) пена; **2)** пенка (*на молоке*); **сүд көпүги** пенка на молоке; **сүд көпүк илэ кабан-ды** молоко покрылось пенкой

көч= кочевать, перекочёвывать; **йайладан йайлайа көчмах** коче-вать с пастбища на пастбище

кудух колодец

кузи ягнёнок; *см. кузу*

кузи кулағи шавель; **ат кузи кулағи** конский шавель

кузу = кузи; **гүз кузуси** осенний ягнёнок

куй колодец; **су куй** колодец; *ср. койу, кудух*

куй : куй рянгн темный

куйрух 1) хвост; **атын куйруғи** конский хвост; **2)** курдюк; **куйрух йағи** курдючное сало

куйрухли 1) хвостатый, имеющий хвост, с хвостом; **куйрухлилар** хвостатые (*звери, птицы*); **2)** курдючный; **куйрухли койун** курдючная овца

кулах ухо; **орта кулах** среднее ухо; **кулағини кәсмах** отрезать ухо

кулахли имеющий уши, с ушами; **тик кулахли ат** лошадь с торчащими ушами

куллан= управлять; **дизгинлэри кулланмах** управлять вожжами

кумған кувшин

кумыс кумыс; **кумыс йапмах** делать кумыс; **кумысдан ишфа тап-мах** кумысолечение

курада худой, тощий, истощённый; курада ат кляча, тощая лошадь; курада гечи тощая коза; *ср.* зайиф

кури 1) сушеный; кури чекелек сушеный творог; 2) сухой, вы-сушенный, высохший; кури от сухая трава; кури ат ахпуни сухой конский навоз

курилух засушливый; засуха; курилух олан йер засушливая местность; курилуга тайанан засухоустойчивый

курк шуба, тулуп

курт I волк; *ср.* бөрү, жанавар

курт II червь, червяк; ипэк курди шелковичный червь

куру= высохнуть, высыхать, засыхать; затвердеть; саралыб курумах пожелтев высохнуть (*о траве*); чох курумиш дэри засохшая шкура; курумамиш не высохший; курумиш гэмүг высохшая кость

курудул= быть высушенным; курудулмиш чөкэлүк этмэги высу-шенный творог; кэсилмиш, курудулмиш тээк нарезанный высушенный кизяк; уфах кэсилмиш вэ курудул-миш эт мелко нарезанное и высушенное мясо

курул= высыхать; курулмах; курулмиш от высохшая трава

курут= сушить, высушить; курутмах

кути коробка

куцы заноза

куцы-куйрух короткохвостый

күли [Азгурли] индюк; *ср.* гули

күрэк I лопата, скребок для чистки (*напр. снега, навоза и т.п.*)

күрэк II *анат.* лопатка; күрэк гэмүги лопаточная кость

күф плесень

күчүк маленький; кумыс үчүн күчүк дэри тулуги маленький кожаный бурдюк для кумы-са; анна дэвэ күчүк дэвэсинэн верблюдица с маленьким верблюжонком

кыддэ : бир кыддэ, айахлари атыб гүзэл качтурмах скакать ровно, красиво закидывая но-ги (*о коне*)

кыз дочь; девочка; девушка

кыз= раскаляться; хайванларын архасында кызмиш дэмүринэн белги йапмах делать на спине животных клеймо раскалённым железом

кызыл красный (*масть животных*); красивый (*масть*); кызыл рэнк красивой масти

кыл волос на теле

кыр= выламывать (*кость*); *ср.* йар=, уфат=

кыр= стричь; тавар кырмах стричь овец

кырах край; койун дэрисинин кырағи край овчины; койун дэриси-нин кырағыни кэсмах обрезать края овчины

кырмызы(и) красный; кырмызы шараб красное вино; кырмызы рэнгли инэк корова красной масти

кырмызы-сари красно-рыжий; кырмызы-сари ат красно-рыжий конь

кыrp= моргать; кыrpмах

кырх= стричь; койунлари кырхмах, тавар кырхмах стричь овец; дэвэнин бойнун узун сачыни кырхмах стричь длинную гриву на шее верблюда; *ср.* кирк=

кырхыл= быть стриженным; бахарын кырхылмиш йунк шерсть весенней стрижки; гүзүн кырхылан йунк шерсть осенней стрижки; кырхылмиш койун стриженная овца

кырыл= быть обломанным (*о рогах*), быть комолым; кырылмиш буйнузли инэк комолая корова

кыса короткий; кыса түй короткая шерсть

кысалт= укорачивать; атын дизгинини кысалтмах укорачивать повод лошади

кысыр яловый, бесплодный (*скот*); кысыр ат бесплодная лошадь; кысыр инэк яловая корова; кысыр олмах быть яловой; кысыр калмах оставаться яловой

кысырлан= яловеть, быть (стать) яловой

кыш зима; соух кыш холодная зима; кыши гечүрмах проводить зиму

кышла= зимовать

кышын зимой; кышын маллари ахорда бахмах содержать скот зимой в хлеву

кэвлэнмах быстрый, резвый (*о лошади*)

кэдэр *последок* до; лазымли кэдэр бишмэмиш недоваренный

кэлиб форма, колодка, правилка для растягивания и сушки шкуры; йабани хайванларин дэрисин хасыл этмэ үчүн қэлиб распялка для шкурки пушного зверя
 кэлпэнти кусачки, плоскогубцы; ср. кэлпэт
 кэлпэт = кэлпэнти
 кэлэм-кушн ласточка
 кэмчи кнут, камча, нагайка; кэмчийинэн вурмах бить кнутом; см. камчи
 кэмчилэ= хлестать, бить (кнутом); ати кэмчилэмах хлестать ло-шадь кнутом; ср. сэслэндур=
 кэмэнд аркан, лассо; хайванлара кэмэнд атмах набросить лассо на животных; кэмэндинэн тутмах поймать арканом; ср. ип
 кэмэр способ
 кэмэр ремень; подпруга; арха кэмэри задняя подпруга; инчэ кэмэр тонкий ремень на узде, придерживающий чёлку коня; кэмэр бел бағи поясной ремень; кэмэрлэр хазырламах изготавливать ремни; айари бағ-лийан кэмэр петля у седла; үзэнгинин кэмэри стремённой ремень; атын өг айахларыни бағлийан ип кэмэрдэн йапылмиш путы на передние ноги лошади сделаны из ремня
 кэмэрли ременной; кэмэрли үч-айах ременная тренога
 кэнэр край, края (напр. шкуры); койун дэрисинин кэнэрини кэсмах обрезать края овчины; талланын кэнэриндэн гетмах обходить степь (поле)
 кэпэк отруби
 кэс= сечь; разрубить; обрезать, отрезать, разрезать; кулағини кэсмах отрезать ухо; инэги эт үчүн кэсмах забить корову на мясо; эт кэсмах резать мясо; мали эт үчүн кэсмах бить скотину на мясо; см. кес=
 кэсил= 1) быть разрубленным; разрезанным; кэсилмиш эт разре-занное мясо; кэсилмиш надрезанный; 2) быть зарезанным, забитым; кыш үчүн кэсилэн мал скот, забитый на зиму
 кэсилмэ убой (скота); кэсилмэ үчүн бахылмиш мал скот, откормленный на убой
 кэсиш подрез, надрез; кулах кэсиш нишани метка в виде подреза уха
 кэсүк надрезанный; кулағындан кэсүк койун овца с надрезанным ухом
 кэчэ войлок // войлочный; кэчэ йапмах изготавливать войлок
 кэшэви скребница (для чистки лошади)

Л

лазут кукуруза (как растение)
 лазым нужно, надо; лазым гетмах нужно уходить
 лазымли : лазымли кэдэр бишмэмиш недоваренный
 лайлак : куй лайлак колодезный журавль; ср. лэглэк
 лайих пригодный; бинмэйэ лайиғ(х) олан ат конь, пригодный для верховой езды
 лахана капуста
 леген тазик
 ленгер поднос
 лобьйа фасоль
 лэглэк аист; ср. ляйляк, зэвзэк
 лэззэт вкус; бишмиш койун башыинин лэззэти вкус вареной ба-раньей головы
 лэззэтли вкусный
 лэззэтсиз невкусный
 ляйляк аист; ср. лэглэк

М

мазы ось; арабанын мазыси ось телеги
 мал I скот; скотина (обычно это коровы); мал ич йағи говяжий внутренний жир; мал йағи говяжий жир; мал отармах пасти скот; мал отламах пастись – о скоте; мал бахмах смотреть за скотом; кесилмиш малын коли передняя нога забитого скота; мала скоту; малдан тана алмах получать приплод от скота; мал олмах становиться скотиной (о выросшем молодняке); башха мали эммах сосать чужую матку; малларын рэнги масть скота; мала алаф вермах давать корм скоту
 мал II товар; дэриден тикилэн мал кожевенные товары
 мал-бахан скотовод, животновод

мал-бахар скотник
 малли имеющий скот
 мал-сағар доярка
 малсыз не имеющий скота
 малхана помещение для скота
 матлы червяк, червь
 мейва : палут мейваси желудь
 мейлим учитель
 меймун обезьяна
 мектеб школа; см. мәхтәб
 мектуп = мектеб
 меме = мэмә; мемелер сүди толмиш вымя наполнилось молоком
 менч *анат.* таз; менч(ин) гәмүги тазовые кости, таз
 мийә (мийа) мозг; арха мийәси спинной мозг
 миндер матрас
 момин спокойный (*конь*)
 мохкәм туго (*связанный*); мохкәм бағланмиш туго связанный
 мохкәмлә= укреплять
 мохкәмлән= крепнуть; өсүб мохкәмләнмах развиваться, крепнуть
 мүддәт : узах мүддәт бир йердә конмах продолжительно находиться на одном кочевье
 мум свеча, свечка
 мух гвоздь; нал мухи гвозди для подковы
 мәльзәмә продукт; сүд мәльзәмәләри молочные продукты
 мэмә грудь (*матери*); см. меме, чижики
 мәхсүс особый (специальный)
 мәхтәб = мектеб
 мәхәл пора, сезон

Н

нал подкова; ат үчүн нал подкова для лошади
 налбанд коваль; атлара нал вуран налбанд кузнец, подковывающий лошадь
 налла= подковать; ати налламах подковать коня
 наллан= быть подкованным; налланмамиш ат неподкованный конь; налланмиш ат подкованный конь
 нар гранат
 насил(ь) порода (*скота*); насили эйиләштүрмах улучшать породу (*скота*)
 насилли имеющий (*какую-л.*) породу; Калмыкия насилли хайванлар скот калмыцкой породы
 нахыр стадо; табун; нахырдан айырылан тәкә козёл, отделившийся от стада; ат нахыри табун лошадей; ср. бөлүк, пада
 нахырчи пастух
 нахыш орнамент
 нахышли украшенный орнаментом; нахышли кәчә ширдык
 начан : тәрлийә начан качуртмах загонять (лошадь) до пота
 не что; не вар? что нового?
 нем солончак; ср. батах
 нене бабушка; ср. абай
 нерә? куда?
 нерәдә? где?
 нерәдән? откуда?
 нечә сколько; бир нечә несколько; бир нечә дэфә тоган дэвә вер-блюдица, родившая несколько раз
 нишан 1) печать; нишан коймах ставить печать; 2) тавро (*напр. у овец*); атын нишани конское тавро; мала нишан вурмах клеймить скот; 3) метка у скота в виде надрезанного уха; дүз кәсиш нишани метка в виде прямого подреза
 нишанла= ставить тавро, ставить клеймо, клеймить, метить; маллари нишанламах метить скот

нишанлан= быть клеймённым; **нишанланмиш** мал клеймённый скот
нишанли имеющий клеймо, тавро, метку
нишанлийан клеймовщик
нохат = **нухут**
нохта намордник; недоуздок
нухут горох; соя; см. **нохат**
нэрсэ нечто; **багарсух ичиндэки нэрсэ** содержимое кишок

О

оғз (**оғыз** ?) рот; пасть, зев; **хайванларын оғзи** пасть животных; **оғз ачмах** раскрывать пасть

оғлан парень

оғул сын; **оғлум** мой сын; **оғулларым** мои сыновья

ойна= играть

ойнат= прядать ушами (*о лошади*); **кулахлари ойнатмах** прядать ушами (*о лошади*)

оқ = **ох**

ол= быть; **талаш олмах** беспокоиться **калын түйли койун** овца с густой шерстью; (*о скоте*); **гэнди тадында олан эт** мясо в своём соку; **отлахда олуб отламах** находиться на пастбище; **койунлар бир топ олуб отлийерлар** овцы пасутся кучей

оли : **харам оли** падаль (*труп животного*)

олма : **бир топ олнайа топланмах** собираться в кучу, сгрудиться

олун= сделаться, стать; **тмар олунмамиш ат** необъезженный конь

омуз предплечье; см. **умуз**

он десять; **он бир** одиннадцать

онунчи десятый

оппала= подсаживать, помогать садиться (*на лошадь*); **ата бинмах үчүн йардым этмах** – **оппаламах** помогать садиться на лошадь

ор= косить (*траву*); жать (*посев*); **ормах**

орах серп

орта средний; **орта кулах** среднее ухо // середина; **атын бурнунун ортасыни кэсмах** надрезать ноздри лошади (*как отличительный знак*)

от трава; **чайыр оти** луговая трава; **чох отинэн** обильный травой; **ота тамахкэр олмах** быть жадным до травы; **калын от** густая трава

отар= пасти (*скот*); **гечилэри отармах** пасти коз; **кузилари отармах** пасти ягнят; **мал отармах** пасти скот (коров); **атлари отармах** пасти коней; **инэклэри отармах** пасти коров

отаран пасущий, пастух; **тана отаран** телячий пастух; **дэвэ отаран** верблюдовод

отла= пастись; **мал отламах** пастись – о скоте; **койунлар йешил чайырда отлийерлар** овцы пасутся на зелёном лугу; **бир топ отлийан койундар** овцы, пасущиеся кучей; **мал отлийер** скот пасётся

отлах выпас; пастбище; **бахар мал отлаклари** весенние выпасы скота; **отлах чайырлари** пастбищные угодья; **отлахда олуб отламах** находиться на пастбище; **отлаға йайылмах** разбредаться по пастбищу; см. **утлах**

отли травяной, травянистый

отуз тридцать

отур= сидеть; садиться; **ат белиндэ отурмах** сидеть верхом на коне

отурма 1) сиденье; **өгдэ отурмайа йер** переднее сиденье; 2) осадок; **чай дибинэ отурмаси** чайный осадок

отурмах : **отурмах йеринэ бишэ сармах** положить что-л. под сиденье

отурт= посадить, заставить сесть

отуруш осадок; **эридилмиш йағын дибинэ отуруши** осадок топлёного масла

отхана сенник, место, где хранят заготовленную траву

ох пуля; стрела; см. **ок**

Ө

өбүр другой, иной

өг передний; **койунун этсиз өг айағи** овечья передняя нога без мяса; **дэвэнин өг айахла-рыни башына багламах** привязать передние ноги верблюда к его голове

өгдэ впереди, спереди; **өгдэ отурмайа йер** переднее сиденье, козлы
өгей неродной; **өгей ана** мачеха
өгрэдил= быть приученным; **кошулмайа өгрэдилмэиш ат** лошадь, не приученная к упряжке; **бинилмэйэ өгрэдилмиш ат** лошадь, приученная к верховой езде
өгрэт= обучать, приучать
өгэ вперёд; **өгэ гечмах** вырываться вперёд
өкүз бык, вол; **бичилмиш өкүз** вол
өкүн фартук барана-производителя; **вахтындан эвал коча гэлмэмэзлүх үчүн кочун өгүни тутмах** надевать передник на барана для предупреждения преждевременной случки
өл= умирать; **өлмах**; **өлмиш** умерший; **харам өлмиш** павший (*напр. скот*)
өлдүр= убивать, убить, умертвить; **өлдүрмах**
өлдүрүл= быть убитым; *см.* **үлдүрүл**=
өли мёртвый; **диши атын өли тай атмаси** выкидыш мёртвого жеребёнка
өлүм смерть, гибель
өлүш гибель, падёж (*скота*); **малын харам өлүшү** падёж скота
өрдэк = **өрдэк**
өрдэк утка; *см.* **өрдэк**
өрти покрывало; попона
өртмө = **өртмэ**
өртмэ навес; хлев; **мал үчүн өртмэ** навес для скота
өртүк 1) занавеска; **гөгүн өртүги**нёбная занавеска; 2) покрытый // покрытие; **үсти өртүк араба** крытый возок, телега с крытым верхом
өртүл= быть покрытым; **йешилэ өртүлмиш йер** местность, покрытая зеленью; **үсти өртүлмиш араба** повозка с крытым верхом
өртүн= покрываться; **түй өртүнмэиш** не покрывшийся шерстью
өрэ= заплетать; **ат сачыни өрэмах** заплетать волосы (*на лбу*) лошади
өрэл= быть заплетённым, быть сплетённым; **өрэлмиш ипдэн йапылмиш** сделан из плетёной верёвки
өс= расти; **өсмах**; **өсүб**
өстүр= выращивать (*напр. скот*); **кайриб өстүрмах** выращивать

П

павишлар внутренность
пада стадо; *ср.* **нахыр**, **бөлүк**
пак 1. чистый; 2. чисто
палут : **палут мейваси** жёлудь
пальтэ пальто; **койун узун йункли гейими – пальтэ** длинно-шерстная овчинная шуба
парлах блестящий
парлахсыз матовый
пармах палец; *см.* **бармах**
парча I 1) кусок; **чырых кэчэ парчаси** кусок рваного войлока; **бир парча кэчэйи ала-була йамалуғинэн тикмах, йаматмах** латать кусок войлока пёстрыми обрезками; 2) косяк, табун (лошадей); **атларын бир парчаси** косяк (табун) лошадей
парча II ткань; **йунктан парча** ткань из шерсти
парчала= расчленять; **чэндэги парчаламах** разделявать, расчленять тушу
пейнир сыр; брынза
пелтек занка
пепела бабочка
петек пчела
пешене лоб; *ср.* **арын**
пешинэ : **отлийан атларын пешинэ гезмах** ходить за пасущимся табуном
пешкир полотенце
пештамал фартук
пешхун столик на трёх ножках; *ср.* **тэбси**
пива пиво; **кара пива** чёрное пиво
пилав плов
пин курятник

писик кошка
 питик щенок; ср. пито
 пито = питик
 потлика бутылка
 пөрчүкли морковь; ср. савүзи, себзи
 пуар ? пуйар ? родник
 пузанка овод
 пуцкулан= быть растрёпанным, взъерошенным; пуцкуланмиш взъерошенный, растрёпанный (о волосах, шерсти); пуцкуланмиш ит мохнатая собака
 пуцкули мохнатый, лохматый; пуцкули ит мохнатая собака; пуцкули койун овца с лохматой шерстью
 пуш пузо
 пытбылдых перепёлка

Р

рахат отдых, спокойствие
 рахатлан= 1) отдыхать; 2) выдерживаться (перед скачками); рахат-ланмиш ат конь, выдержанный перед скачками
 рахатлук 1) отдых; 2) выдержка, выдерживание (перед скачками); рахатлук вермах выдерживать (лошадь перед скачками)
 рахатсыз беспокойный (напр. лошадь); рахатсыз ат беспокойная лошадь
 револьвер револьвер; револьвер каби кобура для револьвера
 рэнгли = рэнкли; кырмызи рэнгли инэк корова красной масти
 рэнк цвет; масть; боз рэнги ат конь серой масти; рэнг түри масть; мали рэнги илэ танымах определять скот по масти
 рэнкли какого-л. цвета, имеющий какой-л. цвет; боз рэнкли диши хайван серая, сивая самка животного; см. рэнгли
 рэнк-рэнк по цвету (напр. сортировать); рэнк-рэнк дүзмах сортировать по цвету

С

сааб : чох мал сааби хотон, имеющий много скота
 саабсыз : саабсыз гэзэн мал бродячий скот
 савүзи морковь; ср. себзи, пөрчүкли
 сағ I 1) здоровый; 2) живой
 сағ II сағ чэндэк цельная (неразделанная) туша мяса
 сағ= доить; инэк (инэги) сағмах доить корову; тавар сағмах доить овец; ати сағмах доить кобылиц; сағар доящий, будет доить; мал сағмах замани время доения коров
 сағдур= позволить доить, давать доиться; сүдүни сағдурмийан чифтали ат кобылица, которая не дает доиться
 сағлам здоровый
 сағыл= доиться; танасыз сағылан мал корова, доящаяся без телёнка; сағылан инэк дойная корова; инэк сағылийер корова доится; сағылан ати сэрбэст брахмах пускать на волю доившихся кобылиц
 сағылма удоиность; чох сағылмаси илэ с большой удоиностью
 сағылыш удой; удоиность; сағылышыни артурмах улучшать удои-ность; инэгин биринчи сағылыши первый удой молока коровы
 сағым надой, удой; сағым азалийер надой уменьшается; биринчи сағым первый удой
 сағыр глухой
 сайи число; баш сайиси поголовье; мал сайиси поголовье скота
 сайила= считать; койунун ич элэти хас йемэк сайилийер внутренности овцы считаются изысканным блюдом
 саккыз = сакыз; саккызи түпүрмах плевать жвачкой (о верблюде)
 сакыз жвачка (верблюда, коровы и т.п.); сакызи түпүрмах выплю-нуть жвачку (о верблюде); мал сакыз чейнийер корова жуёт жвачку
 сал= : ати йола салмах править конём
 салғам см. сағлам

саман 1) солома (*как корм*); сахла самани, гэлүр замани береги солому, придёт и её время (*посл.*); 2) сено

саманлух сеновал

сар= положить, класть; отурмах йеринэ бишэ сармах положить что-л. под сиденье; сарыб положив; кат-кат сармах раскладывать слоями

сарал= пожелтеть; саралыб курумах пожелтев высохнуть (*о траве*); саралмах; саралмиш от пожелтевшая трава

сари 1) жёлтый; 2) рыжий; сари ат жёлтый конь, рыжий конь

сармусах чеснок; *см.* сармысах

сармысах = сармусах

сарыш ; кэчэ йапмах үчүн йунги дүз сарыш ровно стелить шерсть для кошмы

сат= торговать, продавать; сатыб алмах купить, покупать

сатлух предназначенный для продажи, на продажу; сатлух эт мясо на продажу

сатыл= быть проданным; сатылмиш мал проданный скот

саух холодный

сахал борода

сахдужи дружка на свадьбе

сахла= 1) беречь, хранить; сахла самани, гэлүр замани береги солому, придёт и её время; сахламах үчүн для хранения; 2) держать, содержать (*скот*); мал сахламах держать скот

сахлан= сохраняться, храниться; кыш үчүн сахланан эт мясо, хранящееся на зиму

сач волосы (*на голове*); атын бойун сачи грива лошади; ат сачыни өрөмах заплетать волосы (*на лбу*) лошади; дэвэнин бойнун узун сачыни кырхмах стричь длинную гриву на шее у верблюда; сачи чёлка (*у лошади*); куйрух сачи хвостовой волос;

сачли волосатый; гривастый, имеющий гриву; бөйүк сачли ат конь, имеющий большую гриву

сачах бахрома

сачахли 1) имеющий бахрому; 2) развесистый; атын сачахли куйруги развесистый хвост у лошади

себзи морковь; *ср.* савүзи, пөрчүкли

сейен число; мал баш сейени артылмасы рост поголовья скота

сейрэк 1) редкий // редко; сейрэк сач редкие волосы; сейрэк түйли койун овца с редкой шерстью; дэвэйэ сейрэк бинмах редко ездить на верблюде; 2) жидкий; сейрэк сүт жидкое молоко; сейрэк чай жидкий чай

секкиз восемь

серик цыплёнок; *ср.* чучул

сивир= сдирать, соскабливать, соскребать; дэри(йи) сивирмах сдирать кожу; *ср.* йыл= сивирил= сдираться, быть содраным; сивирилмиш дэри содранная шкура

сиврил=; *см.* сивирил=

сижах горячий

силкин= встряхиваться, отряхиваться (*о животных*); силкинмах

сингир жила, сухожилие

сингирли жилистый; сингирли эт жилистое мясо

синэк муха

сипа ослёнок; (*иногда так обращаются к маленьким проказникам*)

соған лук (*репчатый*)

сой= снимать, обдирать (*шкуру*); дэрийн соймах снять шкуру

сойул= сдираться

сол левый; сол тэрэфтэн багланмиш ат конь, спутанный с левой стороны; сол колум моя левая рука

сон конец; иппин сони конец верёвки; *ср.* ахыр

сора потом, позже

соух холодный; соух кыш холодная зима

сох= ткнуть, толкнуть

сөз слово

су вода // водный; суйу его вода; чорба суйундаки эт мясо в бульоне; куй суйу колодезная вода; суйиннэн карышмиш сүд смесь молока с водой; сүди суйиннэн карыштурмах разбавлять молоко водой

сувраланан заливной (луг); **сувраланан чайыр** заливные луга
сужух колбаса; **қанли сужух** кровяная колбаса
сузузлан= (м. б. **сусузлан=** ?) испытывать жажду (*о скоте*)
суйух жидкость
сула= поливать
сулан= поливаться; **суланан чайыр** поливной луг, заливной луг
сули жидкий; **сули чорба** жидкий суп
сусузлух безводие, отсутствие воды; **маллар сусузлухдан эзэб чакмах** страдать – о скоте из-за отсутствия воды
сүд молоко // молочный; **мал сүди** коровье молоко; **койун сүди** овечьё молоко; **ат сүди** кобылье молоко; **сүддэн каймак алмах** снять сливки с молока; **каймаги алынмиш сүд** сепарированное молоко; **сүд азалийер** удой уменьшается
сүдли молочный, содержащий молоко; **сүдли чай** чай с молоком; **сүдли инэк** молочная корова
сүкүт смирный, тихий; **сүкүт олмах** становиться смирным, тихим
сүр= гнать, угонять (*напр. скот*); **мали сүрмах** угонять скот; **башқа йерэ сүрмах** перегонять на друго место
сүрү стадо, отара; **койун сүрүси** отара овец
сүрүл= быть угнанным; **сүрүлэн мал**, **сүрүлмиш мал** угнанный скот
сүрэн угонщик; **мали (маллари) сүрэн** угонщик скота; **чалынмиш мали сүрэн** скотокрад
сыфат морда; **ат сыфати** морда лошади; **сыфатыни тутмах** хва-тать за морду; **тана сыфатийинэн итэклийер** телёнок тычет мордочкой; *ср.* йүз
сых= 1) прижать (*уши*); **кулах сыхмах** прижать уши; 2) подтянуть (*подпругу*); **карын-багыни сыхмах** подтянуть подпругу
сычанмышь
сэбэп(б) причина
сэбэбли имеющий причиной
сэкү топчан
сэн ты
сэни тебя
сэптуруш отбрасывать?
сэрбэст : **сагылан ати сэрбэст брамах** пускать на волю доившихся кобылиц
сэрин прохладный; **сэрин йердэ турмах** стоять в прохладном месте
сэс звук; **дишлэрдэн сэс чыгармах** скрипеть зубами (*о верблюде*); **атларын айах сэси** топот коней, топот табуна
сэсли громкий, звучный
сэслэндүр= хлестать (*кнутом*); **кэмчини сэслэндүрмах** хлестать кну-том; *ср.* кэмчилэ=

Т

табан пятка
табах тарелка
тава сковорода, сковородка
тавар овца; овцы, бараны
тавлан= 1) стать упитанным; **койунлар тавландилар** овцы стали упитанными; **койунлар тавланийер** овцы становятся упитанными; **тавланмах** жиреть (*о скоте*); **тавланмиш** упитанный; **тавланмиш хайванлар** упитанный скот; 2) поправляться
тавланма упитанность; **мал тавланмаси** упитанность скота; *ср.* тавлилух
тавлат= делать упитанным; откармливать; **хайванлари бахыб тавлатмах** держать скот на откорме; **тосун тавлатмах** откормить быка; **мали тавлатмах** откорм скота
тавлахана конюшня; стойло (*для лошадей*); **ати тавлаханада бэслэмах** выдерживать коня в стойле; **атларын тавлаханаси** стойло для лошадей
тавли жирный, упитанный; **тавли койун** упитанная овца
тавлилух упитанность; **хайванлар тавлилуғи** упитанность живот-ных; *ср.* тавланма
тавух курица; *см.* таух
тавшан заяц
тад : **гэнди тадында олан эт** мясо в своём соку
тада-ака старший

таз : бишмиш таз гэмүгүни вермах преподнести вареную тазовую кость
таифа поколение; **чәил таифаси бөйийер** растёт молодое поколение
тай жеребёнок; **икки йашындаки тайи тмар этмах** объезжать двухгодовалого жеребёнка;
йаш тайлар молодые жеребята
тайан= быть устойчивым, выносливым
тайанан устойчивый; **курулуға тайанан** засухоустойчивый
тайанух устойчивость
тайанухли выносливый
тайла= жеребиться; **тайлийер** жеребится
тайы дядя (по женской линии); ср. ами, эми
тал плечи
талах селезёнка; **талаға игнә вурмах** уколоть селезёнку; **талағын үшүрмәси** воспаление селезёнки
талаш : **талаш олмах** беспокоиться (о скоте)
талла (тала) поле; **таллалара ахпун төкмах** удобрять поля навозом; **талланын кәнәриндән гетмах** обходить степь (поле); ср. тарла
тамар жила (кровеносный сосуд), вена; **кан тамарлари** кровеносные сосуды
тамат помидор
тамах еда
тамахкәр жадный до еды; **ота тамахкәр олмах** быть жадным до травы
тана телёнок до года; **диши тана** тёлка до года; **эркәк тана** бычок до года; **йенги тоғулан тана** только что родившийся телёнок; **танайи бағламах үчүн ип** верёвка для привязывания телёнка; **тананнән инәк** корова с телёнком; **тана дәриси** телячья шкура; **тана эти** телятина
танасыз без телёнка; **танасыз сағылмах** доиться без телёнка
танахана телятник
таны= узнавать; определять; **мали рәнги илә таныхмах** определять скот по масти
тап= находить; **ишфа тапмах** исцелиться
таптала= топтать; **хайванлар тапталамыш йер** вытопанное скотом место, тырло (обл.)
тар узкий
тара= чесать; **йүнк тарамах** чесать шкурку
тарал= съёживаться, коробиться (о шкуре); **таралмиш дәри** покوروبившаяся шкура
тарла = талла
тарыл= погонять, подгонять; **ати қәмчийинән тарылмах** подгонять коня кнутом
татли сладкий
татсыз пресный, безвкусный, невкусный
таух = тавух
тахыл= ? (тахыла= ?) : **дәвә бурнуна тахылан сач халғаси** волосное кольцо, продаваемое в нос верблюда
тез 1. быстрый, скорый, резвый; 2. быстро, скоро; резво; **тез качар ат** скакун; **тез чоғолан (чоғалан?)** мал быстро размножающийся скот; **тез-тез** быстро
тезек = тәзәк
тел нитка; проволока
тели нитки; **сингир тели** нитки из жил
тивтик пух; **тивтикә кабанмах** покрываться пухом
тивтикли пуховый
тик : **тик туран** стоячий; **тик кулахли ат** лошадь с торчащими ушами
тик= шить; прокалывать иглой; **бир парча кәчәйн ала-була йамалуғинән тикмах, йаматмах** латать кусок войлока пёстрыми обрезками
тикан козлёнок (до года); **эркәк тикан** козлёнок-самец до года
тикен = тикән
тикил= быть пошитым; **дәридән тикилән мал** кожевенные товары
тиктир= отдавать пошить
тикә целый кусок; **бишмиш тикә эт** сваренное куском мясо; **эт тикәсини бушурмах** варить мясо целым куском
тикән колючка; **дәвә тикәни** верблюжья колючка; см. тикен
тилки лиса, лисица

тимал слива

типи метель

тмар : тмар олмамиш ат строптивый конь; тмар олунмамиш ат необъезженный конь; ати тмар этмах править конём; икки йашындаки тайи тмар этмах объезжать двухгодовалогожеребёнка

тобди клубок ниток

тоғ= 1) родить; койун тоғийер овца ягнится; икки дэфэ тоғмиш ат дважды жеребившаяся лошадь; бир нечэ дэфэ тоған дэвэ верблюдица, неоднократно приносившая верблюжат; мал тоғийер корова телится; 2) плодиться, размножаться; ср. арт=

тоғачах отёл, окот; тоғачах вахты время отёла (окота); тоғачах инэк стельная корова

тогра= 1) рубить; эт тограмах рубить мясо; разделять тушу по конечностям; 2) крошить

тогран= быть разрубленным; тогранмиш эт разрубленное мясо

тогул= родиться, рождаться; геч тогулан кузилар ягнята, родив-шиеся поздно; тогулан малын чоғалмаси приплод скота увеличился; йенги тогулан кузилэрэ хизмэт этмах сакманить; гүздэ тогулан тана телёнок, родившийся осенью; йенги тогулмиш таналар только что родившиеся телята

тоғум приплод; тоғум алмах получать приплод

тоғуш отёл; гечэси мал тоғушуни бэклэмах дежурить ночью во время отёла скота

той свадьба; веселье

тол= 1) наполняться; мемелер сүди толмиш вымя наполнилось молоком; 2) полнеть, толстеть, жиреть; толмах

толаш кручение

толаш= крутить, закручивать; толашмиш ип крученный аркан

толдур= наполнять; инчэ (инжэ) бағарсуги атын кабурғаларинэн сахламах үчүн толдурмах наполнить тонкую кишку конскими рёбрами для хранения

толи полный, наполненный; толи вэзн полный, целый, цельный, весь; дэри чували унинэн толи кожаный мешок, полный муки

тон = дон

тон-гөмлек нижнее бельё

топ I куча; бир топ отлийан койунлар овцы, пасущиеся кучей; бир топа йығмах собирать в кучу; койунлари бир йерэ топ этмах собирать овец в кучу; бир топ олмайа топланмах собираться в кучу, сгрудиться; ♦ ипи топ этмах вить верёвку; ср. бир арайа йығ= собирать в кучу

топ II мяч, мячик; ср. бурты

топла= 1) собирать (в одно место); мал йемэмиш оти топламах собирать (в одно место) корм, не съеденный скотом; 2) заготовливать; эт топламах мясозаготовка

топлан= сгрудиться, собраться (в одном месте); бир топ олмайа топланмах собираться в кучу, сгрудиться

топрах земля, грунт

топуз зубр

тосун бык, бычок

тотах губы; см. дудак

тотах : тотах йапыли гэмүк губчатая кость

тоха : кэмэр тохаси ременная застежка (под уздой)

тоху= 1) вить, свивать (напр. верёвку); коноплядан ип тохумах вить верёвку из конопли; 2) вязать (напр. спицами)

тохуз девять; см. доххуз

тохума вязаный, связанный; тохума элдиванлари вязаные варежки (перчатки)

тохун= вязать; тохунмиш элдиван вязаные рукавицы

төк= 1) разливать, проливать; 2) рассыпать; талалара ахпун төкмах удобрять поля навозом; 3) линять; мал түй төкийер скот линяет; түй төкмах линять

төкмэ : малын түй төкмэси линька крупного рогатого скота

төкүл= 1) литься, проливаться; 2) рассыпаться, быть рассыпанным; 3) линять; бахарда төкүлэн түй шерсть весенней линьки

төрэдэн ; хасылли төрэдэн маллар племенной скот

туз соль

тузли см. **тузлу**

тузлу солёный, с солью; **тузлу нем** солончак с выступившей солью; **тузли йер** засоленные земли, солончаковая местность

туйанк ружьё; **туйанк каби** кожаный чехол для ружья; ср. **түфек**

туйах копыто; **атын туйағи** конское копыто

тулух 1. бурдюк (из цельной шкуры); **кумыс үчүн тулух** бурдюк для кумыса; 2. целиком (напр. снять шкуру); **дэрийи тулух чығартмах** снить-мать шкуру целиком; **койунун дэрисини тулух чығармах** сдирать шкуру овцы целиком

туман трусы; ср. **дон, тон**

тур= стоять; **сэрин йердэ турмах** стоять в прохладном месте; **айахта туруб** стоя на ногах; **турийер** стоит; торчит

туран стоячий, торчащий

туршы малосольный

туссуз пресный (без соли)

тут тутовое дерево, тутовник, шелковица

тут= 1) в разн. знач. держать; **айагдан тутуб биндүрмах** посадить на лошадь, поддерживая за ногу; **диши ати юртанын йанында тутмах** держать кобылиц вблизи юрты (во время доения); 2) хватать, ловить, поймать; **кэмэндинэн хайванлари тутмах** ловить животных арканом; **атлари тутмах кэмэнди** аркан для ловли лошадей; **атын сачындан тутмах** поймать коня за гриву; **ати тутмах** поймать лошадь

тутах прихватка; **казан тутағи** прихватка для котла

тутхалла= склеивать (селезёнкой); **тутхалламах**

түй шерсть, волосы на теле; **түй өртүнмәмиш** не покрытый шерстью; **хайван түйи** шерсть животного; **түйә бүтүнмиш** оброс шерстью; **бойун түйи** грива

түйли 1) волосатый, шерстистый; 2) имеющий шерсть; **түйли ип** волосная верёвка; **цецланмиш түйли койун** овца с лохматой шерстью; 3) связанный из шерсти; **түйли әлдиванлар** варежки

түпүр= плевать, выплёвывать; **сакьзи түпүрмах** выплёвывать жвач-ку (о верблюде)

түр вид, разновидность; **кирпич түри чай** кирпичный чай; **рәнг түри** масть; **беш түр хайванлар**: **койун, гечи, ат, инәк, дэвә** пять видов скота: овцы, козы, лошади, коровы, верблюды; **әв малларынын дөрт түр гөрүнүши** четыре вида домашнего скота; **хәр түр инәкләрин сүди** молоко от разных коров

түтүн табак; **түтүн чәкмах** курить

түфек ружьё; ср. **туйанг**

түфрүк слюна

тырмых грабли; **ата кошулан тырмых** конные грабли

тырнах ноготь, ногти

тэбси столик на трёх ножках; ср. **пешхун**

тэзә : **ачылмамыш тэзә йерләр** необжитые места, степи; **тэзә тогулан кузилара хизмәт эдән ишчи** сакманщик

тэзәк кизяк; **инәгин әхләтиндән йапылан тэзәк** кизяк из коровьего навоза; см. **тезек**

тәк только, лишь; **тәк чорба суйи** лишь один бульон

тәкир 1) колесо; **тәкирин халғаси** обод колеса; **араба(нын) тәкири** колесо телеги; **тәкирин чағлари** спицы колеса; 2) кольцо; **күчүк дәмүр тәкири** железное кольцо

тәкирли имеющий колесо, колёсный; **дэвә икки тәкирли арабайа кошулмиш** верблюд, запряжённый в двухколёсную арбу

тәкнә корыто, колода; **йем тәкнәси** кормушка, корыто для корма; **су тәкнәси** колода для поения скота

тәкә козёл-производитель

тәмбәл ленивый, вялый, медлительный; **тәмбәл ат** ленивый конь

тәмүз чистый; **тәмүз канли ат** чистокровная лошадь

тәмүзлә= палить, опаливать; **койунун башыни ве аяхларыни алавидә тәмүзләб** опалив голову и ноги овцы на огне

тәр пот

тәрли потный; **тәрлийә начан качуртмах** загонять (лошадь) до пота

тәрлүк потник; **атын архасына тәрлүги коймах** положить потник на спину коня

тәрә : **тәрә йағи** сливочное масло

тэрэф сторона; гери тэрэф обратная сторона, сол тэрэфтэн баглан-миш ат конь, спутанный с левой стороны; арха тэрэфин эти мясо спинной части; айарын иски тэрэфиндэн барабар чыхан йүк вьюк, притороченный к седлу одинаково с обеих сторон тэрэфли сторонний; бир тэрэфли баг односторонние пути

У

уборна = айах-йол
ужли имеющий конец; ужли кулахли с остроконечными ушами
узага далеко
узал= быть распыленной (*о икуре*); узалмиш дэри растянутая шкура
узалт= растягивать, распыливать; узалтмах;
узанк : узанги гөтүрэн ат лошадь, плохо слушающаяся повода
узанкла= взнуздывать; ати узанкламах взнуздывать коня
узат= протягивать; ипи узатмах протянуть верёвку
узах дальний, далёкий; узах йерэ в дальние края
узахлаш= удаляться; мал ули йерлэрэ узахлашди скот удалился в степь
узахта далеко; бэн узахтайым я далеко
узахтан издалика
узун длинный; узун бойун сачи длинная грива (*лошади*); узун ип длинная верёвка, аркан
ули большой, великий; ули йерлэрдэ мал бахыш пастьба скота в степи
умуз плечо; см. омуз
ун мука; дэри чували унинэн толи кожаный мешок, полный муки
урус русский
уста мастер; араба устаси мастер-тележник
усул I тихий, медленный; усул сөйлэ говори медленно
усул II : халга усулунда багламах привязь с петлёй (*для молодняка животных*); калмык усулунда багланмиш дүгүм завязанный калмыцким узлом
утлах = отлах
уфат= выламывать (*кость*); ср. кыр=, йар=
уфах мелкий; уфах мал мелкий скот; молодняк; уфах мали бөйүтмах выращивать молодняк скота; уфах кәсилмиш эт мелко нарезанное мясо
уч 1) конец, кончик; кәмчи ужи кончик бича; 2) конечность; учлари конечности
учур= 1) вскармливать; сүд учурмах вскармливать молоком; 2) поить; хайванлари су учурмах поить водой животных; см. үчүр=

Ү

үгрәдил= быть обученным, наученным; үгрәдилмәмиш ат необъезженный конь; ср. өгрәдил=
үжүз дешевый
үзүм виноград
үзэнги 1) стремя, стремяна; үзэнгилэрэ басыб встав на стремяна; үзэнгийә айаги гөйдүрмах вдеть ногу в стремя; үзэнгинин кәмәри стремянной ремень; 2) : ипдән йапылмиш үзэнги дизгини верёвочный недоуздок
үлдүрүл= быть убитым; чалынан йаки үлдүрүлән хайваның йеринә алынан хайван животное, полученное взамен украденного или убитого; см. өлдүрүл=
үрк= пугаться (*о животном*), отпрянуть (*от испуга*); үркән койлар качмишлар испуганные овцы разбежались
үркәк пугливый (*о животных*); үркәк ат пугливая лошадь
үскәк высокий
үскүнә выделка, выделявание; дэрийн әл үскүнәси илә хассыл-ламах кожемялка для ручной выделки кожи
үст 1. верхний; үст чәнгә верхняя челюсть; 2. верх; үсти өртүл-миш араба телега с крытым верхом
үстүндә наверху (*чегә-л.*)
үстүндән сверху (*чегә-л.*); атын үстүндән йахаламах схватывать с коня; үстүндән брахмах сбрасывать (*всадника*)
үч три (*числ.*); үч гүн три дня

үч-аях конские путы-треног

үчүн *послелог* для, за; кумыс үчүн каб бурдюк для кумыса; кузи алмах үчүн для получения ягнят; сахламах үчүн для хранения

үчүр= поить, выпаживать; см. учур=, ичүр=

үшүрмә воспаление; талафын үшүрмәси воспаление селезенки

Ф

фишна вишня

фәсил пора, сезон; кыш фәсли зимняя пора

Х

хавлы двор; хайван хавлыси скотный двор

хағыл 1) стоянка; йаз хағыли летняя стоянка калмыков; 2) загон, укрытие для скота; мал хағыли загон для скота, скотный двор

хазедан : ат бинмәйн хазедан конь, любящий верховую езду

хазыр готовый

хазырла= 1) приготовить; шират хазырламах приготовить просто-квашу; кәмәрләр хазырламах изготавливать ремни; 2) заготавливать; мал үчүн алаф хазырламах заготавливать корм для скота

хазырлан= заготавливаться, приготовляться; кыша хазырланан эт мясо, заготовленное на зиму

хайван 1) животное, скотина; әв хайвани скотина, домашнее животное; хайван хавлыси скотный двор; хайванлари чоғалтмах разводить скот; хайваның аяхларыни бағламах спутывать ноги животного; 2) зверь; йырткыч хайван хищный зверь; ср. жанивар

хал : хазыр олан хали находящийся в готовности; бөйүк казанда сүдүн кайнамак халында йанлара йапушмаси накипь на стенках большого котла, образующаяся при кипении молока тәтя (по женской линии); ср. биби

халға 1) кольцо для привязывания (напр. лошадей); ип халғасыни бойнуна гөйдүрмах надеть петлю на шею (молодых животных); таналари ипи халға эдиб бағламах привязать телят петлей на шее; сач халғаси волосяное кольцо; 2) обод колеса; тәкирин халғаси обод колеса; 3) крючок; халғайа гөйдүрмах зацеплять за крючок

хана стойло; атларың тавла ханаси стойло для лошадей

харам запретный; нехороший; малың харам өлүшү падёж скота

хас : хас йемәк изысканное блюдо

хасил : хасил этмах обрабатывать, выделять; дәрийи хасил этмах выделять шкуру; см. хасыл

хассылла= мять, разминать (кожу при выделке); дәрийи хассыл-ламах мять кожу; см. хасылла=

хассылли = хасылли; хассылли ат породистая лошадь

хассыллийиан скорняк

хаста больной, болен

хасталан= заболеть; котур хасталанмах заболеть чесоткой

хасталух болезнь, заболевание; хорьейел хасталуғинан хасталанмах заболеть чумой (о КРС)

хасыл : хасыл олмах 1) быть обьезженной (о лошади); хасыл олмиш ат обьезженная лошадь; 2) быть выделанной (напр. шкура); хасыл олмамиш койун дәрисиндән гейим шуба из невыделанной овчины; см. хасил

хасылла= выделять кожу; см. хассылла=

хасылли породистый; хасылли қоч породистый баран-производитель; хасылли буға племенной бык; хасылли төрәдән маллар племенной скот; см. хассылли

хедик сваренный початок кукурузы

хенек шутка

хенеклеш= шутить

хенеклешме

хечо затылок ? позвоночник ?

хизмәт труд, работа; хизмәт этмах трудиться, работать; тәзә тоғулан кузилара хизмәт әдән ишчи сакманщик

хинкали пельмени; эт хинкали мясные пельмени
 хогур случка; диши ат хогура гелмиш кобыла просится к жеребцу; хогура гэлэн вахти
 время случки
 хожа хозяин
 хожалух хозяйство; йайла хожалуғи кочевое хозяйство; мал хожа-луғи животноводческое
 хозяйство
 хорел (хорьйел) чума (о крупном рогатом скоте); хорьйел хасталуғинан хасталанмах
 заболеть чумой (о КРС)
 хороз петух
 хотик ослёнок
 хочор чёлка (у лошади); атын хочори чёлка лошади; ср. атын сачи
 хөтөрли шершавый
 хулики [Азгурли, Занавли] ящерица; ср. ғажиже
 хурма хурма
 хыйар огурец
 хәгбә перекинутое что-л. позади поперёк седла
 хәр всякий, разный; хәр түр инәкләрин сүди молоко от разных коров

Ц

цецла= 1) теревить; йунги цецламах теревить шерсть; 2) взъерошивать
 цецлан= взъерошиваться, пушиться; лохматиться; цецланмиш түйли койун овца с
 лохматой шерстью
 цепли : цеплиннан вурмах бить плетью
 цынтал котёнок
 цыпард искра

Ч

чавдар бот. ржанец (трава)
 чағ 1) спица (колеса); тәкирин чағлари спицы колеса; 2) вертел, шомпур
 чай чай; калын чай густой чай; сүдлi чай чай с молоком
 чайыр луг; йешил чайыр зелёный луг; су қойулан чайыр заливной луг; отлах
 чайырлари пастбищные угодья
 чалын= быть украденным; чалынан йаки үлдүрүлән хайваның йеринә алынан хайван
 животное, полученное взамен украденного или убитого; чалынмиш мал украденный скот
 чамур грязь
 чамуш = жамуш; чамуш эти буйволятина
 чанлан= : бөйүб чанланмах развивается, крепнет (о молодняке)
 чанчүр дикая слива
 чапа тляпка; ср. чаппа, кетмен
 чаппа = чапа
 чапух резвый, быстрый
 чархала свекла
 чатышмиш : чатышмиш мал полукровка, смесь, метис
 чах= забивать, вбивать; казуги йерә чахмах забивать кол в землю
 чебан чирик
 чеврил= быть витым, быть крученым; чеврилмиш витой, крученный
 чейнә= жевать, пережёвывать; мал сакыз чейнийер корова жуёт жвачку
 чейнән жвачный; чейнән хайван жвачное животное
 чейнән= пережёвывать жвачку (о скотине), жевать жвачку; чейнән-мах
 чекелек творог; ср. чөкәлүк
 чекүч молоток; см. чөкүч
 ченге = чәнгә
 чечлан= 1) расплетаться; иппин учн чечланмиш конец веревки расплетён; 2) быть
 косматым; чечланмиш косматый
 чигелек клубника
 чижиқ грудь (женская); ср. меме, мэмә
 чийан скорпион

чим= купаться; **чиммах**
чиплах голый, без шерсти; без мяса; **этсиз чиплак** голый, без мяса
чифтэ : **чифтэ атмах** лягать; **пинать** (*ногой – о верблюде*); **маллар арха айагиннэн чифтэ**
атмах скот лягает задней ногой; **тана чифтэ атти** телёнок лягнул
чифтэх лягающийся
чифтэли брыкливый; **чифтэли ат (дэвэ)** брыкливый конь (верблюд); **сүдүн сагдурмийан**
чифтэли ат кобылица, которая не даёт доиться
чифтэлэ= лягаться; **чифтэлийэн инэк** лягающаяся корова
чобан пастух на отгонных пастбищах, **чабан**; **атларын чобани** пастух лошадей, табунщик
чоғал= умножаться, увеличиваться; **тез чоғалан мал** быстро размножающийся скот; *ср.*
чохлан=
чоғалма увеличение, увеличивание; **мал чоғалмаси** прирост поголовья скота
чоғалт= размножать, разводить (*напр. скот*); **хайванлари чоғалтмах** разводить скот
чоғалтма разведение; **дэвэ чоғалтманнэн бэнд олмах** заниматься разведением верблюдов
чоғлан= прирастать, увеличиваться (*напр. поголовье скота*)
чолах хромо́й
чолахла= хромать
чожук(х) ребёнок; *ср.* **жужук**
чорап носки; (*түй*) **чораплари йунк** шерстяные носки
чорба суп, бульон; **йағли чорба** жирный суп
чох I много; **чох мал** много скота
чох II очень; **чох эшки** очень кислый
чохлан= умножаться, увеличиваться; *ср.* **чоғал**=
чочка = **чочха**
чочха свинья; *ср.* **донуз**
чөкәлүк творог; **курудулмиш чөкәлүк** высушенный творог; **чөкәлүк хинкали** вареники;
ср. **чекелек**
чубух палочка (*шерстобитная*), палка
чубухла= бить шерсть (*палочками*); **йунги чубухламах**
чувал мешок; **дәри чували** кожаный мешок
чухур яма
чучул цыплёнок; *ср.* **серик, жужук**
чыгар= выводить (*наружу*); **дишләрден сәс чыгармах** скрипеть зу-бами (*о верблюде*)
чыгарт= 1) сбивать (*масло*); **йағ чыгартмах** сбивать масло; 2) снимать (*напр. шкуру*);
дәрийн тулук чыгартмах снимать шкуру целиком
чырых рваный; **чырых кәчә парчаси** кусок рваного войлока
чых= 1) выходить (*наружу*); **биринчи чыхан гүчли арах** первач; **түй төкмәси геч**
чыхыйер линька задерживается; 2) восходить, подниматься (*на гору*); **даға чыхмах**
подниматься на гору; **буруна чыхмах** подниматься на холмик
чыхар= снить, сдирать (*напр. шкуру*); **койунун дәрисини тулук чыхармах** сдирать шкуру
овцы целиком
чәил 1) молодой (*о скоте*); **чәил мал (маллар)** молодняк (*о скоте*); **чәил мали бөйүтмах**
выращивать приплод; **чәил тосун** молодой бычок (*в возрасте от года до двух*); **чәил диши**
койун ярка, ярочка; **чәил таналар** телята, молодняк; 2) норовистый, необъезженный; неук,
необученный; **чәйил ат** норовистый конь; *см.* **чәйил**
чәйил = **чәил**
чәк= : **түтүн чәкмах** курить (*табак*); натягивать, подтягивать, стягивать; **ипинән чәкмах**
стягивать арканом; **маллар сусузлухдан әзәб (азаб) чәкмах** страдать из-за отсутствия воды – о
скоте; **алафсызлухдан азаб чәкмах** страдать от бескормицы; **дәвәйи ипинән чәкиб гөтүрмах**
вести верблюда за повод; **ати дизгининән чәкиб гөтүрмах** вести лошадь за верёвочный
недоуздок
чәкил= быть растянутым; **чәкилмиш дәри** растянутая шкура
чәкиш тягло; **чәкиш гүчи** тяговая сила
чәкүч = **чәкүч**
чәнгә челюсть; **чәнгә гәмүги** челюстная кость; **алт чәнгә** нижняя челюсть; **үст чәнгә**
верхняя челюсть; **чәнгәйи аирмах** разъединять челюсть; *см.* **чәнгә**

чэндэк 1) туша; **сағ чэндэк** цельная (неразделанная) туша мяса; **ичи йох чэндэк** туша без внутренностей; **койун чэндэгийн арха тэрэфи** задняя часть бараньей туши; 2) труп; **кохмиш чэндэк** разложившийся труп; *см. жэндэк*

чээр= 1) поворачивать (*с дороги*); крутить, вить; **ипи чээрмах** вить верёвку; 2) : **кат-кат сарыб йунги о йана бу йана чээрмах** раскладывать слоём шерсть для валяния

Ш

шаматам норовистый (конь)

шараб вино; **кырмызы шараб** красное вино

шарвал штаны, шаровары

шатали резвый (конь); *ср. тез*

шевтэли персик

шекер сахар

шива лечение; **кумыс шиваси** кумысолечение

шивалан= лечиться; **кумысдан шиваланмах** лечиться кумысом

шилопла= разделять (*тушу*); *ср. айыр*=

шират 1) простокваша; **шират хазырламах** готовить простоквашу; 2) творожная сыворожка; **койун дерисини ширатинан хасыл этмах** обрабатывать овчину творожной сыворожкой опухать, распухать, вздуться; **өкүзүн карни шишди** у вола вздулся живот; **шишмах** опухать

шишэк двухгодовалая ярка

шүша стекло // стеклянный

Э

эв дом; ♦ **карынжа эви** муравейник; *см. эв*

эвдэ *нареч.* дома; в доме; *см. эвдэ*

эй гөрэн зрячий

эйи = **эйн**; **чох эйн йорға ат** конь с очень хорошей рысью; **атын адыми чох эйн** шаг у лошади очень хороший

эйилэштүр= улучшать; **насилини эйилэштүрмах** улучшать породу (*скота*)

эк= сажать (*овоци*); **экмах**

экиз двойня, двойняшки; **экиз тоғмах** рожать двойню

элек сеялка? решето, сито?

эм= сосать; *см. эм*=

эми = **ами**

эн ширина

эн= слезать, спускаться (*с коня, с машины и т.п.*); **атдан энмах** слезать с коня

эндүр= 1) заставить слезть; 2) опустить, снять; **атдан айар эндүр-мах** снять седло с коня

энжүр [Чүнтэли - Ахыска] инжир; *см. инжир*

энли = **энни**; **йүк үчүн (йүкичүн)энли араба** грузовая широкая телега

энни широкий; **энни калмык бошлуғи** широкая калмыцка степь

эридил= быть растопленным, расплавленным; *см. эридил*=

эримнш талый

эрит= топить, растапливать (*лёд, сало*); **ич йағыни эритмах** топить внутренний жир

эркек = **эркэк**; **эркек ат** жеребец; *ср. айғыр*

эркэк самец; **бичилмиш эркэк ат** кастрированный жеребец; **эркэк дэвэ** верблюдо-производитель

эрүк урюк; *ср. эрүк*

эски старый, прежний; **эски от** старая трава

эт мясо; **койун эти** баранина; **кабурғайи арха этиндэн айырмах** отделять рёбра от мяса на спине; *см. эт*

эт= делать; **ати тмар эдиб өгрэтмах** готовить коня к скачкам; **ати тмар этмах** править конём; **мал идэрэ этмах** разводить скот; **мал нчад этмах** разводить скот; **йенги тоғлан (тоғулан)** кузилэрэ хизмэт этмах сакманить; **тэзэ тоғулан кузилара хизмэт эдэн ишчи** сакманщик; **ипи топ этмах** вить верёвку; **койунлари бир йерэ топ этмах** собирать овец в кучу

этмек хлеб; *ср. этмэк*

этэнэ каша как корм для скота, мешанка ?
 эш ровесник
 эшек = эшэк; эшегин баласы ослёнок
 эши= рыть; куй эшимах рыть колодец
 эшки кислый; см. эшки
 эшки= скисать, кваситься; эшкимиш сүд скисшее молоко; см. эшки=
 эшэк осёл, ишак

Ө

эв дом; эв хайванлари домашние животные; ср. эм
 эвэл (эввэл) раньше времени; вахтындан эвэл коча гэлмэмэлүх үчүн кочун өгүни
 тутмах надевать передник на барана для предупреждения преждевременной случки
 эвдэ нареч. дома; в доме; см. эвдэ, эмдэ
 эвинки домашний
 эгир= прясть; йунги эгирмах прясть шерсть; иг эгирмах крутить веретено
 эгри неровный (об узлах); кривой
 эгрил= быть спряденным; эгрилмиш йүнк пряденая шерсть
 эзэб : маллар сусузлүхдан эзэб чэкмах страдать из-за отсутствия воды – о скоте
 эйи хороший; см. эйи
 эл рука; элдэ йапылмиш йапалах тээк кизяк овальной формы, приготовленный вручную;
 ср. кол
 элдиван рукавицы, перчатки; варежки; йунг элдиван рукавицы из овчины; түйли
 элдиванлар варежки; дэриден элдиванлар кожаные перчатки; тохунмиш элдиван вязаные
 перчатки
 элэк: ич элэги внутренние органы
 элээт : койунун ич элээти хас йемэк сайилийер внутренности овцы считаются изысканным
 блюдом
 эм = эв
 эм= сосать; ана мэмэснин эммах сосать грудь матери; эммиш сосал; икки койун эман
 кузи ягнёнок, сосущий двух маток; башха мали эммах сосать чужую матку
 эмдэ дома, в доме
 эман сосущий; чэнл сүд эмэнлэр молодые сосунки; сүд эман кузи ягнёнок-сосунок; сүд
 эман тай жеребёнок-сосунок (до года)
 энүк щенок; күчүк энүк детёныш, щенок; ит энүги щенок собаки
 энүклэ= щениться; энүклэмах
 эридил= быть растопленным, быть топлёным (напр. масло); эридил-миш йагын дибинэ
 отуруши осадок топлёного масла; эридилмиш ич йаги топлёный внутренний жир; см.
 эридил=
 эрит= = эрит=
 эрүк слива; ср. эрүк
 эт = эт; гечи эти козлятина; қойун эти баранина; мал эти говя́ди-на; ат эти конина;
 тана эти телятина
 этли мясистый; мясной; этли мал мясной скот
 этлүх предназначенный на мясо (о скоте); этлүх үчүн кэсилэн мал скот, забиваемый на
 мясо
 этмэк 1) хлеб; 2) калмыцкий ээдмг (бозо с молоком); чөкэлүк этмэги сушеный творог
 этрэф стороны; вокруг; куйрух этрэфиндэ вэ карнында чыхан түй шерсть, выросшая
 вокруг хвоста на животе
 этсиз без мяса
 эхлэт коровий навоз; инэгин эхлэтиндэн йапылан тээк кизяк из коровьего навоза; см.
 ахлат
 эшки кислый; см. эшки
 эшки= скисать; см. эшки=
 эшкит= заквашивать, сквашивать; кумыс эшкитмах квасить кумыс; айрани эшкитмах
 заквашивать айран

(Публикуется в первые)

ОБРАЗЦЫ ТОФАЛАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА

1. Сказки о животных.

Тооргу биле улуг-аң

Шаанда шағ шаанда үрдэ барша аннар кудуруктуғ болуп чорааннар. Тооргунуң пыьсаак кудурук бар болған. Чымчақ түктүғ, эптиғ узун кудуруктуғ болған тооргу ол үлегер шаанда.

Бір қада чолукшу бергеннэр тооргу биле улуг-аң. Улуг-аң шубараштан эйттырадыры:

– Сен чү аң сен? Қандығ сөөктіғ сен? – дэп.

– Мен тооргу мен! Сыын сөөктіғ мен! – дээн тооргу. – А сен чү аң сен? Қандығ сөөктіғ сен?

– Мен улуг-аң мен, буур мен! Мен пыьсаак сыын сөөктіғ мен! – дэйдірі улуг-аң. – Мен сен бле бірээ қан-төрелліғ мен дэп паан?! Мен улуг мен, а сен ындығ чараш сен! Қаньчааш?

Ыньчаарда тооргу дэйдірі:

– Сен улуг сен эрип, миим кёһимдэ түк кёһфей! Че! Санаалы! Қазбыстың бистің түгүбүс кёһфей?!

– Миим түгүм кёһфей! Сен биче сен, а мен улуг мен! – дээн улуг-аң.

Ыньчаарда санэйі бергеннэр. Санап-санап көөрдэ, тооргунуң беш түк аьртық эрген.

– Миим түгүм аьртык! Миим түгүм аьртык! – дэп өөре бергеш, тооргу чырыйи берген.

Ыньчаарда улуг-аң бёьртке ачынған. Он улуг болған, аан туьтуш буруңгуу болуп өөренген болған. Ачынғаш, улуг-аң тооргуну бодының аар туйуу бле қаьққан. Ыньчалса та ээлгірі тооргу няна шураэ берген. Ыньчаарда улуг-аң тооргунуң кудуруун чире баьсывытқан. Тооргу ыңғай қылы суна бёөрдэ, улуг-аң тэьшкілеп чёьткеш, ону баьса қаьққан. Ыньчалса та тооргу биче эрип, ээлгірі аң. Улуг-аң туйуу бле тооргунуң оорһасын куду һайзы қаьһарда, һендірмесін куду қаьққан. Унуун бёөрі тооргунуң кудуруу чок, а һендірмесі адыр болу берген. Ыньча дічир улус.

Кабарга и лось

Давно, давным-давно все звери ходили с хвостами. Был хвост и у кабарги. В то сказочное время кабарга носила длинный красивый пушистый хвост.

Однажды кабарга повстречалась с лосем. Лось спрашивает у кабарожки:

– Ты что за зверь? Какого рода-племени?

– Я кабарга! Из рода оленей! – отвечает кабарга. – А ты что за зверь? Какого рода-племени?

– Я лось, сохатый! Тоже из рода оленей! – отвечает лось. – Неужели мы с тобой родсьвенники?! Но я большой, а ты такая маленькая! Почему?

Тогда кабарга и говорит:

– Хоть ты и большой, а на моей шкуре шерстинок больше! Ну! Давай сосчитаем! У кого из нас шерстинок больше?!

– У меня больше! – не сдаётся лось. – Ты маленькая, а я большой!

Тогда они принялись считать. Считали-считали, и оказалось, что у кабарги на пять шерстинок больше.

– У меня больше! У меня больше! – засмеялась кабарга от радости.

Услыхав это, лось сильно рассердился. Он был большим и поэтому привык всегда бить первым. Рассердившись, он ударил кабаргу своим тяжёлым копытом. Но вёртка кабарга отскочила в сторону, и лось лишь отдал ей хвост. Тогда кабаога бросилась бежать. Но лось настиг её и снова ударил. Кабарга же хоть и маленький, но проворный зверь. Копыто лоса только скользнуло по её спине и зацепило холку. И вот с тех пор у кабарги нет хвоста, а холка раздвоена. Так рассказывают люди.

Иресаң биле һөөрүк

Бір қада шаанда бірээ иресаң аштэйі бергеш, чиир чүме тілеп чораан. Ол чылын қат қусук чок болған. Ол иресаң төдү тағларны кезип чорийидыры. Иләэ қылаштаары та чок – киши көрүбідэр. Киши көрсе ле ча-

–соғуну бле аьтар. Бірээ бөчүктүғ қаьлпакта чоруп чоруда, куруғ чёьлпиктэр кёһфей. Ында көөрдэ, һөөрүк сунуп чору. Иресаңны гөргеш, орулаан үдүн куду кіре берді. Иресаң көрүвіткен. Иресаң барып, соодачэйн һөөрүк биле дэрдэ, һөөрүк сооданып билбес. Сыйт-пурт ла дэп туру. Ам иресаң қазып кіре верді орусун. һөөрүктүн орусуна чёьтэрдэ, һөөрүк ында олурған.

– Ам кузукта чи! – дэйдірі.

Ам иресаң чип кіре верді. Иресаң тотқаш:

– Ам мен тода вердім! Оода чараш сен эрген! – дэйдірі һөөрүктү. – Ыньчап төдү чүмені тодуруп қыня черлеп чыгыт! – дэйдірі.

Ыньча дээш, иресаң һөөрүктүң оорһасын узун туърһусуна чаа туътасыды чатсыдып. Ыньчаарда иресаңның беш тыргаа чаа туътқан чериндэ беш шыйыг туътпу берген. Аан һөөрүктүң оорһасы беш шубарлыг болу берген дэп үлегерләэр чүме қырған улус. Унуун бээрі иресаң ору ла көрсе, қазып чиир.

Медведь и бурундук

Однажды, давным-давно, один медведь, проголодавшись, ходил и искал что-нибудь поесть. В тот год ягод и кедровых орехов не было. Тот медведь все горы обошёл. Но в открытую и ходить-то нельзя – человек увидит. А увидит, выстрелит из лука. Когда так шёл он по одной плоской вершине горы, поросшей молодым кедром, то увидел много пустых шишек. Присмотрелся, там бурундук бежит. Увидев медведя, забежал в свою норку. Медведь увидел это. Увидев, пошёл, чтобы поговорить с бурундуком. Но бурундук не умеет разговаривать, только свистит. Тогда медведь принялся раскапывать кладовку бурундука. Когда он добрался до неё, бурундук сидел там. Поешь орехов! – говорит бурундук.

Медведь принялся есть орехи. Наелся и говорит бурундуку:

– Ну, теперь я наелся! А ты, оказывается, славный! Живи так и давай всем наедаться!

Потом медведь ласково погладил бурундука вдоль спины. На том месте, где медведь погладил пятью когтями образовалось пять полос. Поэтому спина бурундука стала полосатой. Так рассказывают старые люди в своих сказках. С тех пор медведь, увидев норку бурундука, раскапывает её и ест орехи.

2. Песни.

Аьһһай таьрһыш малый шаамда,
Аьһһай мөнгүйін суьһар ла мен.
Иби мунуп чоруур шаамда,
Иьһи нюнғус һоққаштыг мен.

Когда я ухаживаю за оленятами,
Я надеваю им намордники.
Когда я еду верхом на олене,
Со мной всегда один-два оленёнка.

Чорин бээрим белен дуру.
Чонум көөрүм белен дуру.
Челе бээрим белен дуру.
Черим көөрүм белен дуру.

Я готов отправиться в путь.
Я готов увидеть своих родных.
Я готов поехать рысью.
Я готов увидеть свою землю.

Қызыл һайдың чарағлыын та!
Қыстар эштэр чоктаньчыын та!
Оораң оймақ чарағлыын та!
Ооллар эштэр чоктаньчыын та!
Как красив красный мох!
Как я скучаю без девушек подруг!
Как красива поляна в низине!
Как я скучаю без друзей парней!

3. Пословицы и поговорки.

Баӊк киши иштi дылы бле кылыр.
Беӊрт киши иштi қолы бле кылыр.

Ленивый человек работу делает своим языком.
Работающий человек работу делает свими руками.

Қаӊпақ чарты – от чуду.
Баӊк қорһыняк - өг чуду.

Плоское полено – беда для костра.
Ленивая жена – беда для дома.

Ақ қарда изи аӊртар..
Ақ саазында ады аӊртар.

На белом снегу след останется.
На белой бумаге имя останется.

Элдік чокқа қолум донар.
Эчим чокқа һөңнүм донар.

Без рукавиц мёрзнут руки.
Без друга стынет моя душа.

Боду бле барып тұышкен уруғ ығлавас.
Не плачат ребёнок упавший сам.

Соңғуу ибинің чүӊһү аар.
У последнего оленя вьюк тяжёл.

Арығны буӊртақ бле қаӊтышса, буӊртақ болыр.
Если чистое смешать с грязным, то будет грязное

4. Загадки.

Ырғартты шээшқаш, аӊлтын қуду одааш, паш баа аӊсқаш,
Шәйлавыдар. Ол чү ник? (Чаӊйян)

Вверху упёрся рогаткой, внизу развёл костёр, повесил котелок
и стал пить чай. Что это было? (Опорный шест чума)

Атасы оглун сүрүп чоруса-чоруса, чөӊтпейн чору. Чүл бо?
(Тәргә һольсоолары)
Отец гонится-гонится, не может догнать своего сына. Что это?
(Колёса телеги)

Аӊһам аӊрт ачыры та, көршүп болбас. Чүл бо? (Карақ)

Хотя мой брат и за перевалом, но нельзя увидаться. Что это? (Глаза)

Тэьпкенім – тэмир, олырганым – ыйык. Чүл бо? (Эзер)

Пнул ногой – железо, сел – ямка. Что это? (Верховое седло)

(Легенды, сказки и песни седого Саяна. Иркутск, 1996, с. 53-55, 111, 118, 142-143, 187, 188, 191, 192, 193, 199, 200, 201, 202)

ОБРАЗЕЦ СОЙОТСКОГО ТЕКСТА

В связи с тем, что до сих пор не было какой-либо фиксации на письме сойотского тюркского языка, который считался исчезнувшим и поэтому был неизвестен науке, считаем необходимым привести в качестве образца сойотского языка связный текст, представляющий собой бурятскую сказку, которую нам удалось перевести на сойотский язык в 2005 г. при подготовке школьного учителя сойотского языка в гор. Улан-Удэ. Поскольку тюркский язык сойотов похож на тофаларский язык и принадлежит той же Саянской подгруппе таёжного ареала, для записи сойотского языка нами был использован тофаларский алфавит, основанный на кириллице.

Қар блэ һодан

Шаанда шағ шаанда, үлегэр шағда, қар блэ һодан эчигип, узын қығш ээрттіріп турғаннар. Ыньчап турарда, бірерде қар һоданға ыньча соодавытқан:

– Эчим, тыңна, минң баһним аарый бергән, – дэп.

Ыньчаарда һодан:

– Сен эрий бергән сен, һептг. Бо туш куду баһниң аарый бергән шээн! —дээш, сағычы чобай бергән.

Ыньчаан соң һодан төчэк қырына олыргаш:

– һөөрһий, бараксан қар эчим! Сииң қырында чүгіріп изеп чораан мен. Бөри, ділги, аңшы кишидэн сииң иһштіндэ чаыштынып чығтқан мен. Амды сен чоққа каньчаар мен? Кускын, һүгі, тушқан эътсээн аң мені туғытқасай дуры., – дэп соодавытқан. – Тайға ээсінгиді барып, сииң туғһайында сөгләэр һерэк, сиигэ болышсын дээш, – дэп уйуда бергәш, сағышқа түышкән.

Ыньчап турғаш, һодан тайға шыргайғыды маңдап чорый бергән. Келгәш, ыглап кіре бергән, тайға ээсін қығырып кіре бергән. Күн ол тушта бедіктэ чоры, дыққа иһсидіп туры. Қар эрип ойлар болы бергәш, дағларны баытыры аһып чоры. һодан дам уйыдып, дам дыққа ыглай бергән. Тайға ээсі һоданның ыглаанын, тіләэнін тыңнап алғаш, ыньча соодавытты:

– Сен чүні тіләп туры сен, һоданым? Мен та қарны қаһһалап шыдавас мен. Часқы күн блэ мен та һирээчип шыдавас мен. Дәләһәйдэ ындығ йос бар. Сооқ қығш ээрткән соң чылығ час болы бээр. Ыньчаарда қар эрээш, чоқ болы бээр, бір када баъса нянар дээш. Сағышқа түышпә! Няа қығш болы бээрде, қар эчин қаыттай келір. Ам мен сиигэ больчыр мен. Амғы қығшқы ақ донынны бора чүсінниг қылыр мен. Қар чоқ шағда сен қурғағ бүр, сігән иһштіндэ, һаак қаытында ниинешкә чаыштынып шыдаар сен. Ыньчаарда қым та, һодан, сені көрбес, тығыппас, – дэп.

Моны тыңнап алғаш, һодан тыштанывытты. Қар эчинің нянарын манап кіре бергән. Ол шағдан алы амдыға чөытірі һодан қығһин ақ доннығ, чайын бора доннығ болып чоры, – дэп қырған кишилер ыньча үлегәрләп чығта дурылар.

Снег и заяц

Однажды давным-давно, в сказочное время дружили снег с зайцем и вместе проводили длинную зиму. Как-то раз снег сказал зайцу:

– Послушай, друг мой, что-то у меня голова заболела.

– Ты, вероятно, начал таять, – сказал тогда заяц. – Должно быть поэтому у тебя заболела голова! Сказав так, он опечалился, сел на пенёк и загрузтил.

– Бедный, бедный мой друг снег! Я бегал по тебе. Внутри тебя я прятался от волка, лисы и охотника. Как же теперь я без тебя буду? Ворон, сова, каждый зверь, который хочет меня съесть, схватит меня. Нужно идти к хозяину тайги и рассказать о тебе, чтобы он помог.

Решив так, заяц поскакал в сторону таёжной чащи. Придя, стал плакать, стал звать хозяина тайги. Солнце тем временем было высоко, сильно гредо. Снег, растаяв и превратившись в ручьи, потёк вниз под гору. Заяц ещё пуше загрустил, ещё пуше заплакал. Хозяин тайги, увидев, что заяц плачет, услышав его просьбу, так сказал:

– О чём ты просишь, мой заяц? Даже я не смогу защитить снег. Даже я не смогу спорить с весенним солнцем. На свете есть такой закон. После того как пройдёт холодная зима, наступает тёплая весна. Тогда снег тает и исчезает, чтобы однажды снова вернуться. Не горюй! Когда будет новая зима, твой друг снег опять придёт. А теперь я тебе помогу. Твою нынешнюю зимнюю белую шубу я сделаю серой. Когда не будет снега, ты сможешь легко спрятаться в сухих листьях и траве, среди кустов. Тогда никто тебя, зайца, не увидит и не найдёт.

Услышав это, заяц успокоился и стал ждать возвращения своего друга снега. С того времени и до сих пор зимой заяц ходит в белой шубе, а летом в серой, – так рассказывают в своих сказках старики.

(Язык сойотов Бурятии. Элиста, 2012. С. 36-37)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
История этнографического и лингвистического изучения тофаларов	5
Состояние изученности тофаларского языка и фольклора	16
История создания тофаларской письменности	19
Об одном ареальном явлении фонетики тофаларского языка	25
О фонетических системах тофаларского и тувинского языков	26
К сопоставлению тофаларского и тувинского языков	30
Некоторые особенности морфологии тофаларского языка	31
Система словоизменения и формообразования современного тофаларского языка	37
Об организации полипредикативных предложений с подчинительной связью в тофаларском языке	40
О месте тофаларского языка в системе тюркских языков	45
О тофаларской лексике (предварительные данные поездки к тофаларам)	53
Антропонимы у тофаларов	59
О развитии тофаларско-русского двуязычия	70
Этапы истории тофаларов по языковым данным	71
О связи тофаларского языка с другими языками в исторической ретроспективе	73
Об этническом составе тофаларов	79
О культе медведя у тофаларов	84
Следы огузского влияния в саянских тюркских языках	87
О некоторых проблемах разработки исторической грамматики тюркских языков саянской подгруппы	90
Проблемы общности в тюркских языках саяно-алтайского региона	94
Комплекс охотничье-рыболовческой лексики в саянских тюркских языках таёжного ареала	102
Охотничье-рыболовческая лексика в шорском языке	125
О проблемах возрождения и сохранения языков некоторых малочисленных тюркских народов Южной Сибири (на примере тофаларского и сойотского языков)	131
Очерк грамматики сойотского языка	136
Звуковой строй языка турок-месхетинцев	162
Краткий турецко-месхетинско-русский словарь	172
Образцы тофаларского фольклора	209
Образец сойотского текста	212

Рассадин Валентин Иванович

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ИЗБРАННОЕ

Научное издание

Подписано в печать 16.07.13. Формат 60х84/8.
Печать офсетная. Бумага тип. № 1. Усл. п. л. 25.11.
Тираж 500 экз. Заказ 2205.

Издательство Калмыцкого университета.
358000 Элиста, ул. Пушкина, 11